РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

Том 82 № 4

Октябрь–Ноябрь–Декабрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1937 г.

МОСКВА
2022

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом всеобщей истории РАН в сотрудничестве с Государственным Эрмитажем и Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова

Международный редакционный совет

Председатель акад. РАН *М.Б. Пиотровский* (Санкт-Петербург)

проф. *Э. Андерсен* (Осло), проф. *К. Антонетти* (Венеция),
проф. *Г. Бауэрсок* (Принстон), проф. *Д. Браунд* (Эксетер),
проф. *А. Брессон* (Чикаго), проф. *Г.-И. Герке* (Фрайбург),
акад. РАН *Н.Н. Казанский* (Санкт-Петербург), проф. *Ф. де Каллатай* (Брюссель),
проф. *П. Калльери* (Болонья), акад. РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск),
акад. РАН *В.С. Мясников* (Москва), проф. *Г. Парцингер* (Берлин),
проф. *Х. Ремесаль Родригес* (Барселона), проф. *С. Розен* (Стокгольм),
проф. *Ч.Б. Роуз* (Филадельфия), проф. *Н. Симс-Вильямс* (Лондон),
проф. *П. Функе* (Мюнстер), проф. *М. Хадзопулос* (Афины),
проф. *А. Ханиотис* (Принстон), проф. *Ш. Шакед* (Иерусалим),
проф. *Д. Шарпен* (Париж)

Редакционная коллегия

Главный редактор член-корр. РАН *А.И. Иванчик* (Москва)

д.и.н. *А.Ю. Алексеев* (Санкт-Петербург),
к.и.н. *И.С. Архипов* (ответственный секретарь, Москва),
д. филол. н. *Л.С. Баюн* (Москва), д.и.н. *А.О. Большаков* (Санкт-Петербург),
д.и.н. *А.А. Вигасин* (Москва), к.и.н. *В.А. Головина* (зам. главного редактора, Москва),
член-корр. РАН *Н.П. Гринцер* (Москва), к.и.н. *М.М. Дандамаева* (Санкт-Петербург),
к.и.н. *А.А. Ильин-Томич* (Майнц), д-р *Г.М. Кантор* (Оксфорд),
д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (Москва), к. филол. н. *П.Б. Лурье* (Санкт-Петербург),
к.и.н. *Е.В. Ляпустина* (Москва), к.и.н. *И.А. Макаров* (Москва),
к.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Москва), к.и.н. *А.В. Муравьев* (Москва),
к.и.н. *А.А. Немировский* (Москва), д.и.н. *А.В. Подосинов* (Москва),
д.и.н. *С.Ю. Сапрыкин* (Москва), д.и.н. *А.В. Седов* (Москва),
к. филол. н. *И.С. Смирнов* (Москва), к.и.н. *С.В. Смирнов* (Москва),
д.и.н. *А.М. Сморчков* (Москва), к. филол. н. *С.А. Степанцов* (Москва),
д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), член-корр. РАН *И.В. Тункина* (Санкт-Петербург)

Заведующая редакцией *А.В. Иванова*

E-mail: vdi-red@yandex.ru

© Российская академия наук, 2022
© Редколлегия журнала «Вестник древней истории» (составитель), 2022

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY
INSTITUTE OF WORLD HISTORY

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

Volume 82 Issue 4

October–November–December

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED IN 1937

MOSCOW
2022

The content is prepared in the Institute of World History (Russian Academy of Sciences)
in cooperation with the State Hermitage and the Lomonosov Moscow State University

International Council

Prof. *Mikhail Piotrovsky* (Chairman, Saint Petersburg)

Prof. *Øivind Andersen* (Oslo), Prof. *Claudia Antonetti* (Venice),
Prof. *Glen Bowersock* (Princeton), Prof. *David Braund* (Exeter), Prof. *Alain Bresson* (Chicago),
Prof. *François de Callataÿ* (Brussels), Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna),
Prof. *Angelos Chaniotis* (Princeton), Prof. *Dominique Charpin* (Paris),
Prof. *Peter Funke* (Münster), Prof. *Hans-Joachim Gehrke* (Freiburg),
Prof. *Miltiades Hatzopoulos* (Athens), Prof. *Nikolai Kazansky* (Saint Petersburg),
Prof. *Vyacheslav Molodin* (Novosibirsk), Prof. *Vladimir Myasnikov* (Moscow),
Prof. *Hermann Parzinger* (Berlin), Prof. *José Remesal Rodríguez* (Barcelona),
Prof. *C. Brian Rose* (Philadelphia), Prof. *Staffan Rosén* (Stockholm),
Prof. *Nicholas Sims-Williams* (London), Prof. *Shaul Shaked* (Jerusalem)

Editorial Board

Prof. *Askold Ivantchik* (Editor-in-Chief, Moscow)

Prof. *Andrey Alekseev* (Saint Petersburg), Dr. *Ilya Arkhipov* (Moscow),
Prof. *Liliia Bayun* (Moscow), Prof. *Andrey Bolshakov* (Saint Petersburg),
Dr. *Maryam Dandamayeva* (Saint Petersburg), Dr. *Vera Golovina* (Moscow),
Prof. *Nikolay Grintser* (Moscow), Dr. *Alexander Ilin-Tomich* (Mainz),
Ph.D. *Georgy Kantor* (Oxford), Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow),
Dr. *Pavel Lurje* (Saint Petersburg), Dr. *Elena Lyapustina* (Moscow),
Dr. *Igor Makarov* (Moscow), Dr. *Valentina Mordvintseva* (Moscow),
Dr. *Alexey Muraviev* (Moscow), Dr. *Alexander Nemirovsky* (Moscow),
Prof. *Alexander Podossinov* (Moscow), Prof. *Sergey Saprykin* (Moscow),
Prof. *Alexander Sedov* (Moscow), Dr. *Ilya Smirnov* (Moscow),
Dr. *Svyatoslav Smirnov* (Moscow), Prof. *Andrey Smorchkov* (Moscow),
Dr. *Sergey Stepantsov* (Moscow), Prof. *Igor Surikov* (Moscow),
Prof. *Irina Tunkina* (Saint Petersburg), Prof. *Alexey Vigasin* (Moscow)

Head of the Editorial Office *Anna Ivanova*

E-mail: vdi-red@yandex.ru

© Russian Academy of Sciences, 2022
© Editorial Board of "Vestnik drevney istorii", 2022

Vestnik drevney istorii
82/4 (2022), 793–822
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/4 (2022), 793–822
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910018385-6

«АСТРОЛЯБИИ» – ЗВЕЗДНЫЕ КАЛЕНДАРИ В ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

Г.Е. Куртик

Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Москва, Россия

E-mail: kurtik@bk.ru

ORCID: 0000-0003-0389-9376

В статье рассматриваются так называемые «астролябии» – звездные календари, получившие распространение в древней Месопотамии с конца II до конца I тыс. до н.э. В основе «астролябий» лежали подразделение неба на три «пути» (звезды Энлиля, Ану и Эа) и ежегодные наблюдения гелиакических восходов звезд. Их история разбирается в настоящей статье на основе клинописных источников. Последовательно анализируются основные типы «астролябий» – круглые и прямоугольные (в форме списков). Подробно рассматриваются структура и содержание самой ранней и наиболее обширной «Астролябии Б», датируемой XII в. до н.э., приводятся тексты, отражающие содержание четырех разделов этой «астролябии», а именно менологии, звездного каталога 12 × 3, списка звезд 3 × 12 и других списков звезд. Проводится сравнительное изучение содержания этих списков звезд, а также детально исследуется вопрос о назначении «астролябий».

Ключевые слова: астрономия древней Месопотамии, звездные календари, «астролябии»

ASTROLABES, THE STAR CALENDARS OF ANCIENT MESOPOTAMIA

Gennady E. Kurtik

Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: kurtik@bk.ru

Данные об авторе. Геннадий Евсеевич Куртик – кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории физико-математических наук Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН.

The article deals with the so-called 'Astrolabes' – stellar calendars, which were widespread in ancient Mesopotamia from the late 2nd millennium to the late 1st millennium BC. The Astrolabes used the division of the sky into three 'paths' (the stars of Enlil, Anu and Ea) and were based on annual observations of heliacal risings of stars. The article provides a detailed insight into their history on the basis of cuneiform sources and systematically analyzes the main types of the Astrolabes, circular and rectangular (in the form of lists). In particular, the structure and content of the earliest and most extensive *Astrolabe B* dated to the 12th century BC is studied in detail. The texts reflecting the content of the four sections of this Astrolabe, namely the menology, the star catalogue 12 × 3, the list of stars 3 × 12, and the other star lists are discussed as well. We also provide a comparative study of the star lists in *Astrolabe B* and look into the purpose of Astrolabes.

Keywords: ancient Mesopotamian astronomy, stellar calendars, Astrolabes

Во второй половине II тыс. до н.э. в древней Месопотамии возрос интерес к изучению звездного неба. Об этом свидетельствует целый ряд источников, из которых важнейшие – звездные календари, так называемые «астролябии» и тексты астрологической серии *Enūma Anu Enlil* «Когда боги Ану и Энлиль» (сокр. *EAE*). В настоящей статье мы рассмотрим историю, основные структурные особенности, а также астрономическое и календарное значения «астролябий», опираясь на данные клинописных источников и результаты современных исследований.

Месопотамские «астролябии» представляли собой списки 36 звезд, особым образом организованные. Каждому из 12 месяцев вавилонского календаря в них ставилось в соответствие по три звезды/созвездия, гелиакически восходящих в этот месяц и принадлежащих соответственно «путям» Энлиля, Ану и Эа. Таким образом, каждый месяц в них был связан с восходами определенных звезд, что предполагает их (месяцев) неподвижность относительно сезонов.

«Астролябии» – это современное название, предложенное во второй половине XIX в. английскими археологами. Оно относилось к особого рода клинописным текстам (имевшим форму диска), обнаруженным во время раскопок в Ниневии[1]. В дальнейшем оно получило распространение также среди ассириологов и историков астрономии[2]. Отмечалось, однако, что это название не вполне удачно, поскольку совпадает с названием астрономического инструмента, применявшегося для измерения высот светил и решения ряда других задач в Средние века и в Новое время. Мы заключаем этот термин в кавычки, чтобы подчеркнуть его отличие от названия инструмента, с которым месопотамские «астролябии» не имели ничего общего.

Для обозначения «астролябий» вавилоняне использовали выражение mul.meš 3.ta.am$_3$, что означало букв. «три звезды в каждый (месяц)». Месопотамское название, как видим, точно фиксировало основную астрономическую идею календаря. В клинописной литературе оно употреблялось нечасто. Известно всего два примера. В космологической поэме «Энума элиш» (V. 4) утверждалось: 12 iti.meš mul.

---

[1] Впервые этот термин встречается в работах археологов А. Сайса и Дж. Смита, датируемых 1874–1875 гг., см. Sayce 1874, 460–461; Smith 1875, 407–498. Подробнее о его использовании в ранних ассириологических исследованиях см. Horowitz 2014, 9.

[2] В работах Т. Пинчеса, Э. Вайднера и А. Шотта, посвященных «астролябиям», это название используется как общеизвестное, см. Pinches 1900; Weidner 1915; Schott 1934, Abb. 2.

meš 3.ta.am$_3$ *uš-zi-iz* «Он (Мардук) установил три звезды в каждый из 12 месяцев»[3]. Создание «астролябий» приписывается здесь верховному вавилонскому богу Мардуку. Можно заключить, что мифологический статус «астролябий» как особого вида календаря в глазах самих вавилонян представлялся очень высоким.

Второе упоминание содержится в одном из новоассирийских «рапортов», адресованных царю: *u*$_3$ ^{giš}*le-'u ak-ka-du-u / ša* lugal *lid-di-nu-na-ši* / mul.meš 3.ta.am$_3$ *ina pu-u-ti / ina* ša$_3$*-bi le-ṣi-ru* «И пусть они (= другие эксперты) предоставят нам аккадскую табличку царя[4]; (и текст) "Три звезды в каждый (месяц)" пусть они впишут в нее в соответствии (с его оригиналом)»[5]. В этом «рапорте», если мы правильно понимаем его содержание, «астролябия» упоминается как необходимое дополнительное пособие при проведении астрологических предсказаний на основе серии *EAE*.

Немногочисленность упоминаний названия mul.meš 3.ta.am$_3$ в клинописных источниках компенсируется разнообразием источников, относящихся непосредственно к самим «астролябиям». Рассмотрим их подробнее.

Дошедшие до нас месопотамские «астролябии» формально подразделяются на две основные группы – круглые и прямоугольные (или «астролябии» в форме списков). По содержанию они могли совпадать полностью или частично, однако форма носителя информации была разной.

КРУГЛЫЕ «АСТРОЛЯБИИ»

До нас дошли фрагменты двух круглых «астролябий» из библиотеки Ашшурбанапала в Ниневии – *1)* Sm. 162 и *2)* K. 14943+81-7-27,94+83-1-18,608, датируемые новоассирийским периодом[6].

Они позволяют установить основные структурные особенности круглых «астролябий», а именно: *1)* три концентрических кольца от края к центру диска (внешнее, среднее и внутреннее); *2)* сектора, образованные лучами из центра, каждый связан с одним месяцем и тремя звездами/созвездиями; *3)* названия месяцев и звезд/созвездий, записанные в секторах с использованием детерминативов iti и mul[7]; *4)* цифры, подчиняющиеся простым закономерностям. Астральное значение «астролябий» подчеркивают изображения звездочек или кружочков рядом с названиями звезд/созвездий (рис. 1, 2).

---

[3] Цит. по Landsberger, Kinnier Wilson 1961, 156–157.

[4] Речь идет, по-видимому, об одной из версий серии *EAE*.

[5] Hunger 1992, no. 19, r. 4–7; см. также Horowitz 2014, 9.

[6] Автографии текстов см. *CT* 33, 11–12; новое комментированное издание текстов см. Horowitz 2014, 122–124, ch. 7.1, там же см. фотографии сохранившихся фрагментов (ibid., pl. XX, fig. 21; pl. XXIII, fig. 25); воспроизведение автографий круглых «астролябий» в русскоязычных изданиях см. также van der Waerden 1991, 75; Kurtik 2007, 724–725, рис. 4–5.

[7] На сохранившемся фрагменте круглой «астролябии» Sm. 162 прочитываются следующие названия: ^{mul}ur.idim, ^{mul}*Ṣal-bat-a-nu* (на внешнем кольце) и ^{mul}gir$_2$.tab, ^{mul}ud.ka.d[u$_8$.a] (на среднем кольце), а также названия месяцев: ^{iti}apin.du$_8$.a, ^{iti}gan.gan.e$_3$. На «астролябии» K. 14943+ прочитываются: ^{mul}ur.gu.la, ^{mul}nu.muš.da (на внешнем кольце) и ^{mul}al.lul (на среднем) и названия месяцев: ^{iti}ab.ba.e$_3$, ^{iti}ziz$_2$.a.an и $^{[iti]}$še.kin.k[u$_5$]; на фрагменте 83-1-18,608: ^{mul}gir$_2$.[tab] (на среднем кольце), [^{mul}en.te.na.]bar.ḫum, ^{mul}lugal (на внутреннем кольце).

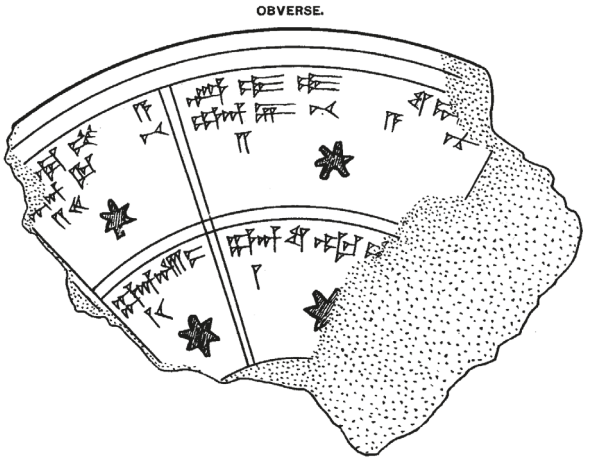


Рис. 1. Фрагмент «круглой» астролябии Sm. 162 из Ниневии (*CT* 33, 11)

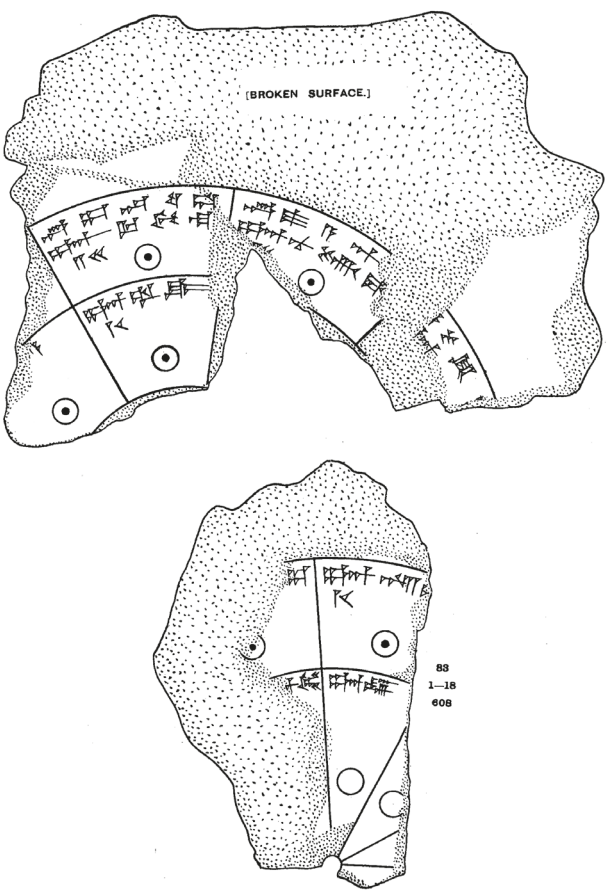


Рис. 2. Фрагмент «круглой» астролябии K. 14943+ из Ниневии (*CT* 33, 12)

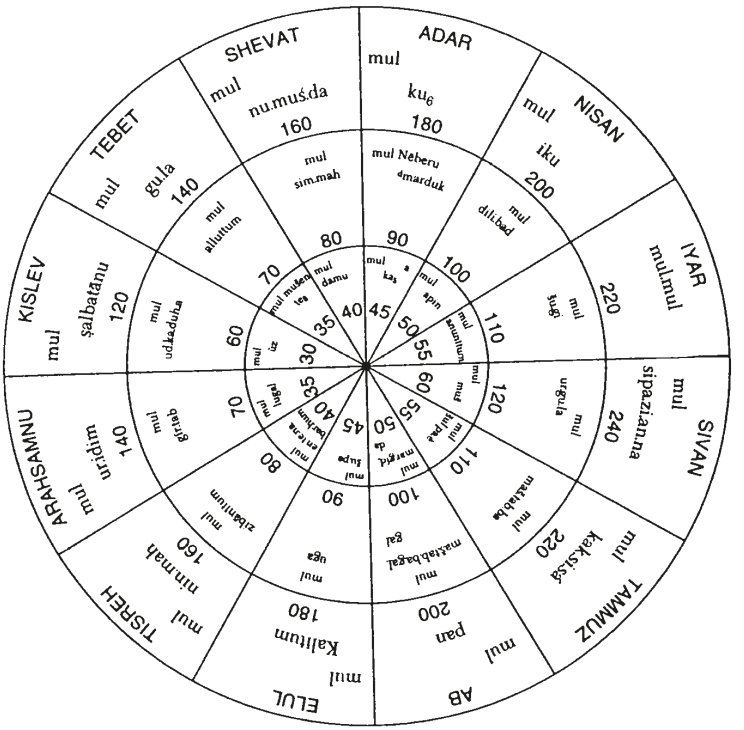


Рис. 3. Реконструкция «круглой» астролябии (Horowitz 2014, 1, fig. 1)

На основе этих фрагментов (и с использованием текстов других «астролябий») круглые «астролябии» могут быть реконструированы в полном виде. Самая ранняя подобная реконструкция, известная нам, принадлежит Э. Вайднеру и датируется 1915 г.[8] Следующая по времени реконструкция принадлежит А. Шотту[9]; Б.Л. ван дер Варден использовал ее в своих работах по истории месопотамской астрономии[10]. Последняя по времени реконструкция (1998 г.) принадлежит В. Горовицу[11], мы приводим ее в настоящей статье (рис. 3).

Круглая «астролябия», как мы видим, представляла собой три круговых пояса, разделенных лучами из центра на 12 равных секторов. В ячейках, образованных при их пересечении, размещались названия 12 месяцев, 36 звезд/созвездий и особые цифры.

Использование совокупности источников, относящихся к «астролябиям», позволяет установить:

1) три пояса звезд различались по своему положению на небе, это так называемые звезды на «путях» Энлиля, Ану и Эа, если считать от центра к краю;

---

[8] Weidner 1915, 76.

[9] Schott 1934, Abb. 2.

[10] Van der Waerden 1949, 9; 1974, 66.

[11] *MCG* 156; Horowitz 2014, 1, fig. 1. Воспроизведение реконструкции круглой «астролябии» в русскоязычных изданиях см. van der Waerden 1991, 76; Kurtik 2007, 726, рис. 6.

2) 12 секторов в круглой «астролябии» соответствовали 12 месяцам вавилонского календаря, названия которых записывались по часовой стрелке по краю диска от нисану к аддару;

3) звезды, названия которых фиксировались в каждом секторе, восходили гелиакически в соответствующие месяцы;

4) числа в ячейках характеризовали длину стражи (полустражи и четверти стражи) на протяжении года из месяца в месяц.

Важной особенностью следует считать круговую форму «астролябий». Впервые в истории астрономии круг использовался при описании небесных явлений. Границы областей, принадлежащих Энлилю, Ану и Эа, обозначены здесь при помощи концентрических кругов.

«АСТРОЛЯБИИ» В ФОРМЕ СПИСКОВ

«Астролябии» в форме списков дошли до нас в большем числе экземпляров. Астрономически они тождественны круглым «астролябиям», однако помимо названий месяцев, звезд и чисел, характеризующих длину дневной и ночной стражи (числа присутствуют не во всех «астролябиях» этого типа), они могли содержать и некоторую дополнительную информацию, касающуюся взаимного расположения звезд, их связи с божествами, а также менологии – списки праздников и имен богов, распределенных по месяцам года, и предсказания.

Известны следующие «астролябии» в форме списков.

1. Так называемая «Астролябия Б» (Astrolabe B), наиболее ранняя и обширная, происходит из Ашшура и датируется среднеассирийским периодом (XII в. до н.э.). Основной источник – хорошо сохранившаяся двусторонняя таблица VAT 9416 с текстом в виде трех колонок[12]. Включает четыре раздела: I – двуязычную (шумеро-аккадскую) менологию для 12 месяцев вавилонского календаря, содержащую также месячные звезды, II – звездный каталог, содержащий всего 36 звезд/созвездий в виде 12×3 (соответственно 12 звезд Ану, 12 звезд Энлиля и 12 звезд Эа) с краткими описаниями, III – список звезд в виде 3×12 (три звезды, восходящие в каждый из 12 месяцев – собственно «астролябия»), IV – список звезд, которые восходят в то время, как другие заходят, для 12 месяцев года[13].

Структура и астрономическое содержание «Астролябии Б» будут рассмотрены нами в дальнейшем подробно.

---

[12] Размер таблички: ок. 18 см × 13 см.

[13] Впервые опубликована Э. Вайднером, транслитерация и комментарии на немецком: Weidner 1915, 64–102; автография текста опубликована в *KAV* 218, в ней принята буквенная нумерация разделов: A (=I), B (=II) и C (=III, IV), нередко используемая в современной литературе; транслитерация только текста менологии: Reiner, Pingree 1981, 81–82; издание менологии с переводом на английский язык, основанное на трех ранее неизвестных текстах: Çağırgan 1984; полное филологическое издание (транслитерация, перевод на итальянский и комментарии), основанное на всех известных ко времени издания источниках: Casaburi 2003; новейшее издание текстов, относящихся к «Астролябии Б» (фотографии, автографии, транскрипции, перевод на английский язык с комментариями): Horowitz 2014, ch. 4–8, pl. I–IV, fig. 1a–b, 2a–b.

2. «Астролябия» в составе большой таблички BM 34713 из Вавилона, датируемой Селевкидским периодом (возможно, концом персидского периода)[14]. Текст состоит из шести разделов, первые четыре относятся к «астролябиям». Раздел 1 включает 12 строк, соответствующих 12 месяцам. Помимо названий месяцев, каждая строка содержит также числа, фиксирующие длину стражи, половины стражи и четверти стражи в указанный месяц и названия звезд/созвездий, записанные с помощью детерминатива múl (=TE)[15], – соответственно это звезды Эа, Ану и Энлиля; т.е. это классическая «астролябия». В разделах 2–4 приводятся предсказания, по 12 в каждом разделе, по одному для каждой из звезд Эа, Ану и Энлиля. Предполагается, что разделы 1–4 восходят самое позднее к новоассирийскому периоду (начало VII в. до н.э.)[16]. Текст содержит ряд писцовых ошибок.

3. «Астролябия» BM 82923, определяемая как *mukallimtu*, букв. «ученый комментарий», датируется второй половиной I тыс. до н.э.; происхождение точно не установлено. Текст содержит три колонки: *1)* список месячных звезд, разбитых на тройки (соответственно звезды Эа, Ану и Энлиля), *2)* числа, характеризующие длину стражи, полустражи, четверти стражи на протяжении года, и *3)* имена и характеристики богов, соотнесенные со звездами[17].

Три указанных текста в сочетании с фрагментами круглых «астролябий» фактически исчерпывают известные нам источники, в которых «астролябии» представлены в чистом виде как списки звезд 3 × 12.

Известно также несколько других текстов, которые связаны с «астролябиями» в том или ином отношении. Перечислим наиболее значительные из них.

4. Одноязычная шумерская сокращенная версия менологии VAT 17081 = *VS* 24 120 из Вавилона, датируемая касситским периодом, вероятная дата создания – XIII в. до н.э. Сохранился текст только для первых шести месяцев, представленных в разделе 1 «Астролябии Б», однако без месячных звезд[18].

5. Средневавилонский «Каталог 30 звезд» HS 1897 из Ниппура; дошедшая до нас табличка содержит списки 10 звезд Эа, 10 звезд Ану и 10 звезд Энлиля (фрагментарно). Описания звезд в каталоге весьма близки тому, что мы находим в разделе II «Астролябии Б». Предполагается, что «Каталог 30 звезд» предшествовал созданию «Астролябии Б»[19].

---

[14] Автография текста: *LBAT*, 1499; современное издание и исследование текста: Horowitz 2014, ch. 7.2, pl. VI–VII.

[15] Детерминатив múl для обозначения названий светил использовался в основном в поздневавилонских текстах (Kurtik 2007, m37).

[16] Анализируя эту табличку, В. Горовиц приходит к выводу, что она представляет собой позднюю антологию, восходящую частично к текстам конца новоассирийского периода (Horowitz 2014, 139). М. Казабури датирует ее нововавилонским временем (Casaburi 2003, 26).

[17] Важнейшая публикация (автография, транслитерация и перевод на немецкий язык): Walker, Hunger 1977; новое издание: Horowitz, 2014, ch. 7.3.

[18] Издание и исследование текста: Horowitz 2010; 2014, 47–48 и др., pl. V, fig. 3 a–b.

[19] Основная публикация (автография, транслитерация и перевод на английский с комментариями): Oelsner, Horowitz 1997–1998; новое издание и исследование текста: Horowitz 2014, 101–107 и др., pl. XIV, fig. 11.

6. Текст BM 55502 из Вавилона, датируемый эллинистическим временем. Это сборник материалов, относящихся к «астролябиям»; исходная таблица содержала, согласно реконструкции В. Горовица: *1)* менологию, подобную той, что мы находим в разделе I «Астролябии Б»; *2)* список 36 звезд, которые восходят в то время, как другие заходят (раздел IV); *3)* каталог 30 звезд, близкая параллель к HS 1897; *4)* колофон[20].

7. Даты гелиакических восходов звезд/созвездий, зафиксированные в «астролябиях», использовались в текстах серии *EAE* для предсказаний. Такого рода предсказания входили в состав «таблицы 51» серии *EAE*[21]. Большинство текстов, на которых основана реконструкция, датируется новоассирийским временем и происходит из библиотеки Ашшурбанапала. Помимо предсказаний, в состав «таблицы 51» (text X) входили также две версии двуязычной менологии, подобные менологии в разделе I «Астролябии Б», – сокращенная без месячных звезд для 12 месяцев (X 24–36) и более длинная с месячными звездами для 13 месяцев, где 13-й месяц – вставной аддару (X 37–50)[22].

8. Поздняя селевкидская астрологическая табличка *TCL* 6, 13 из Урука. Помимо астрологических предсказаний, содержит также списки 12 звезд Ану, 12 звезд Энлиля и последнюю строку списка 12 звезд Эа, соответствующие аналогичным спискам в разделе III «Астролябии Б»[23].

9. В так называемом «Большом списке звезд» («The Great Star List»), датируемом новоассирийским временем (ок. VII в. до н.э.), содержатся списки 36 звезд, разделенных на три группы – 12 звезд Элама, 12 звезд Аккада и 12 звезд Амурру[24]. Зафиксированные в них названия соответствуют названиям звезд в разделе III «Астролябии Б», а порядок их следования – порядку месячных звезд в том же разделе.

Таким образом, можно констатировать: дошедшие до нас тексты, связанные с «астролябиями», охватывают промежуток более 1000 лет – от второй половины II тыс. до н.э. до конца I тыс. до н.э. Дошедшие до нас копии происходят из Вавилона, Ашшура, Урука, Ниппура, Сиппара и других мест, т.е. можно сделать вывод, что они были широко распространены. Самые ранние тексты относятся к касситскому периоду, это *1)* «Каталог 30 звезд» HS 1897 и *2)* текст *VS* 24 120, содержащий шумерскую сокращенную версию менологии. Оба текста предшествовали, по-видимому, «Астролябии Б». В. Горовиц подразделяет историю «астролябий» на два периода – до и после создания «Астролябии Б», что представляется нам вполне обоснованным[25].

Астрономическое, календарное, мифологическое и религиозное значение «астролябий» исследуется в целом ряде современных публикаций[26]. Полученные

---

[20] Об этом тексте см. Oelsner, Horowitz 1997–1998; новое более полное издание: Horowitz 2014, 101–107, pl. VIII–IX, fig. 6a–b, 6c–d.

[21] Эта таблица реконструирована Д. Пингри и Э. Райнер и опубликована в Reiner, Pingree 1981, 52–69, texts IX–XIV.

[22] Новое издание и исследование текстов: Horowitz 2014, 169–183, ch. 9.

[23] Rochberg-Halton 1987; Horowitz 2014, 157–158, pl. XXVIII–XXIX.

[24] *CT* 26, pl. 41, 44, 49; Koch-Westenholz 1995, 187–205, App. B: 201–221; Horowitz 2014, 199–205.

[25] Horowitz 2010, 107.

[26] Особое значение в связи с этим имеют следующие публикации: van der Waerden 1949, 9–12; 1974, 64–67; Koch 1989; *MCG* 154–166; Hunger, Pingree 1999, 50–57; Horowitz 2007, а также новейшее исследование Horowitz 2014.

в них результаты будут цитироваться в дальнейшем. Популярное описание месопотамских «астролябий» на русском языке, не потерявшее своего значения до настоящего времени, доступно в книге Б.Л. ван дер Вардена «Пробуждающаяся наука. II. Рождение астрономии»[27]. Подробный анализ менологии в «Астролябии Б», ее календарного, ритуального и мифологического смысла содержится в книге В.В. Емельянова «Ниппурский календарь и ранняя история зодиака»[28]. Тексты «астролябий» (транскрипции и переводы) последовательно цитируются в связи с каждым созвездием в монографии Г.Е. Куртика «Звездное небо древней Месопотамии»[29].

Рассмотрим далее астрономические основы «астролябий». Можно выделить две характерные астрономические особенности, лежащие в их основе – подразделение неба на три «пути» и использование гелиакических восходов звезд.

ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ НЕБА НА ТРИ «ПУТИ»

Подразделение неба на три «пути» – Энлиля, Ану и Эа – важнейшая концепция звездной астрономии древней Месопотамии. «Путь» (kaskal = *harrānu* «путь, дорога») мыслился как широкая полоса на небе, простирающаяся от восточного к западному горизонту. «Путь» Энлиля располагался к северу, «путь» Ану – в середине, «путь» Эа – к югу. В совокупности они покрывали все небо. Границы «путей», по оценкам современных исследователей, были более или менее параллельны небесному экватору.

Три верховных божества – Энлиль, Ану и Эа – в этой концепции выступали в роли астральных богов как представители разных участков звездного неба. Непонятно, каким образом традиционная мифология, связанная с верховными божествами, согласно которой Энлиль – это бог воздуха, Ану – бог неба, Эа – бог подземного океана вод, могла быть согласована с такого рода подразделением. В мифологии древней Месопотамии имелись сюжеты, из которых следовало, что бог Ану – это божество всего неба, а не одной только его центральной части[30]. Авторы этой концепции, очевидно, были не слишком озабочены вопросом ее согласования с тем, что утверждалось о верховных божествах в других текстах.

Ничего не известно о том, когда именно и в связи с какой конкретно проблемой впервые появилась эта концепция, какова ее мифологическая основа. Нет оснований предполагать, что она была известна ранее старовавилонского периода. Впервые она встречается в аккадоязычной молитве ночным богам в составе хеттского ритуала против тревог, устрашающих снов и бессонницы из Богазкёя, датируемой XIII в. до н.э. и восходящей, по-видимому, к старовавилонскому

---

[27] Van der Waerden 1991, 73–77.

[28] Emelianov 1999.

[29] Kurtik 2007.

[30] Например, в так называемой «космологии трех небес» структура неба представлена состоящей из трех слоев драгоценного камня, каждый из которых покрывал все небо. В тексте сказано: «Верхнее небо из лулуданиту-камня, (принадлежит) Ану. Среднее небо из саггильмун-камня, (принадлежит) Игигам. Нижнее небо из яшмы, (принадлежит) звездам» (Kurtik 2007, 61).

периоду[31]. Однако, согласно В. Горовицу, эта молитва не древнее XIV в. до н.э., т.е. она средневавилонская[32]. Молитва содержит имена 17 астральных богов – 12 созвездий и пяти планет (?), каждому названию предшествует детерминатив mul. В заключение утверждается, что указанные светила принадлежат «пути Эа»: *šu-u*$_2$*-ut* ^{d}*E*$_2$*-a iz-zi-za-ni-*[*ma*] «те, что (на пути) Эа стоят», далее следует молитва к звездам Эа, Энлиля и Ану как к божествам[33].

Подразделение на три «пути» представлено также в средневавилонском «Каталоге 30 звезд» HS 1897 из Ниппура. Сохранившаяся часть таблички содержит списки «10 звезд, относящихся к Эа» (10 mul.meš *šu-ut* ^{d}*E*$_2$*-a*) и «10 звезд, относящихся к Ану» (10 mul.meš *šu-ut* ^{d}*A-nu*) и заключительную строку списка звезд Энлиля – «10 звезд, относящихся к Энлилю» ([10 mu]l.meš *šu-ut* ^{d}*En-lil*$_2$)[34].

«Астролябия Б» появилась позднее текста HS 1897. В ней осуществлен переход от списков 10 звезд к спискам из 12 звезд, восходящих гелиакически каждая в свой месяц. В каталоге звезд 12 × 3 мы находим те же обозначения трех «путей» на небе, что и в каталоге 30 звезд, а именно: 12 mul.meš *šu-ut* ^{d}*E*$_2$*-a* «12 звезд, относящихся к Эа», 12 mul.meš *šu-ut* ^{d}*A-nim* «12 звезд, относящихся к Ану», 12 mul.meš *šu-ut* ^{d}*En-lil*$_2$ «12 звезд, относящихся к Энлилю»[35].

Подразделение неба на три «пути» встречается также в протасисах предсказаний по звездам и планетам из серии *EAE*. Часть из этих предсказаний восходит, по-видимому, к концу II тыс. до н.э. Относительно Юпитера, например, в протасисах рассматриваются следующие ситуации: diš ^{d}sag.me.gar *ina* kaskal *šu-ut* ^{d}*A-nim* igi... «Если Юпитер становится виден на пути (звезд) Ану...» (речь идет о гелиакическом восходе); diš ^{mul}sag.me.gar *ina* kaskal *šu-ut* ^{d}*En-lil*$_2$ kur-*ḫa*... «Если Юпитер восходит на пути (звезд) Энлиля...»[36]. Положение Венеры относительно трех путей при восходе и заходе также имело астрологическое значение, как это следует из следующих предсказаний: diš ^{mul}*Dil-bat ina* kaskal *šu-ut* ^{d}*A-nu* igi-*ir*... «Если Венера становится видна на пути Ану...»; diš ^{mul}*Dil-bat ina* kaskal *šu-ut* ^{d}*En-lil*$_2$ igi-*ir*... «Если Венера становится видна на пути Энлиля...»; diš ^{mul}*Dil-bat ina* kaskal *šu-ut* ^{d}*E*$_2$*-a* igi-*ir*... «Если Венера становится видна на пути Эа...»[37]. И о комете: diš mul *ṣal-lum-mu-u*$_2$ *ina* (kaskal) *šu-ut* ^{d}*A-nu* igi... «Если комета становится видна на (пути) звезд Ану...»[38]. Каждому событию, зафиксированному в протасисе, соответствовало особое предсказание.

В трактате MUL.APIN (Табл. I, i 1 – ii 35) содержится каталог звезд, включающий 33 звезды Энлиля, 23 звезды Ану и 15 звезд Эа. На месопотамском небе,

---

[31] Reiner, Pingree 1981, 2. Автография текста: *KUB* IV, 47; транскрипция: van der Toorn 1985, 129–130.

[32] О проблеме его датирования см. *MCG* 158, n. 14; Horowitz 2014, 30.

[33] Van der Toorn 1985, 130; Reiner, Pingree 1981, 2–3; *MCG* 158; Kurtik 2017, 829–831.

[34] Oelsner, Horowitz 1997–1998, 177–178.

[35] *KAV* 218, B i 28; B ii 33; B iii 27; Horowitz 2014, 37–40.

[36] Kurtik 2007, 423. Другие примеры предсказаний из *EAE*, основанные на определении положений Юпитера относительно трех путей, см. Reiner, Pingree 2005, 32–33.

[37] Reiner, Pingree 1998, 228, text 81–2–4, 229: 1–3. Дополнительные примеры предсказаний из *EAE*, в которых рассматриваются положения Венеры относительно трех путей на небе, см. Reiner, Pingree 1998, 15–16, а также *MCG* 253, n. 12.

[38] Hunger 1992, no. 456, 1.

очевидно, не было ни одной звезды, которая не принадлежала бы какому-либо из трех «путей». Даже планеты в этом каталоге приводятся не сами по себе, как отдельная категория звезд, а в списке звезд Энлиля[39].

Концепция трех «путей» была известна не только в астрономической и астрологической литературе. Она упоминается в космологической поэме «Энума элиш». В таблице V 8 поэмы при описании деяний верховного божества Мардука по обустройству небесной области сказано: *man-za-az* ^{d}*En-lil*$_2$ *u* ^{d}*E*$_2$*-a u*$_2$*-kin* «Он установил стоянку Энлиля и Эа»[40]. В новоассирийской молитве к ночным богам встречаем молитвенное обращение к звездам Ану, Энлиля и Эа: *šu-ut* ^{d}*A-nu al-si-ku-nu-<ši> šu-ut* ^{d}*Enlil*(50) *na-as-ḫu-ra-ni / šu-ut* ^{d}*E*$_2$*-a gi-mir-ku-un pu-uḫ-ra-ni* «(Звезды) относящиеся к Ану, я вопию к вам; (звезды) относящиеся к Энлилю, обратитесь ко мне; (звезды) относящиеся к Эа, вы все, соберитесь вокруг меня»[41]. Подразделение неба на три пути встречается также в заклинаниях из Султантепе и в новоассирийском гимне, посвященном Мардуку и Зарпаниту[42]. Все эти примеры свидетельствуют о широком распространении концепции трех «путей» на небе в разных областях месопотамской культуры.

В таблице 50 серии *EAE* подразделение неба на три «пути» связывается с наблюдениями движения точки восхода Солнца вдоль линии восточного горизонта на протяжении года. Текст гласит: kaskal ^{d}utu *še-pi-it* tur$_3$ *šu-ut* ^{d}diš kaskal ^{d}utu *m*[*i-šil* t]ur$_3$ *šu-ut* ^{d}*A-nu* kaskal ^{d}utu sag e$_2$.tur$_3$ *šu-u*[*t* ^{d}*En-lil* ...] «Дорога Солнца в ногах загона для скота – это (путь) Эа; дорога Солнца в середине загона для скота – это (путь) Ану; дорога Солнца в голове загона для скота – это (путь) Энлиля»[43]. Здесь восточный горизонт, откуда восходит Солнце на протяжении года, определяется мифопоэтически как «загон для скота» (tur$_3$). «Загон» простирается с юга на север и подразделяется на три части – нижнюю, среднюю и верхнюю, которые связаны с тремя верховными божествами как «пути» Энлиля, Ану и Эа[44].

На основании этого текста Д. Пингри и Э. Райнер приходят к выводу: «Три пути понимались не как воображаемые ленты на небе, параллельные небесному экватору, но как сегменты вдоль восточного горизонта; центральный сегмент принадлежал Ану, северный – Энлилю, южный – Эа»[45].

Этот вывод, однако, представляется нам недостаточно обоснованным. Например, каталог звезд MUL.APIN включал в список звезд Энлиля не только те звезды, которые восходят над линией восточного горизонта, но и незаходящие звезды из созвездий Большой и Малой Медведиц, Лебедя, Цефея и др. Это возможно

---

[39] Hunger, Pingree 1989, 18–39.

[40] Цит. по *MCG* 114–115, см. также Kurtik 2007, 124.

[41] Oppenheim 1959, 283–284.

[42] *MCG* 254.

[43] Reiner, Pingree 1981, text III, 24b.

[44] В данном тексте «загон для скота» (tur$_3$) это дуга линии восточного горизонта. Однако в месопотамской астрономии существовали идеи, согласно которым все звездное небо трактовалось мифопоэтически как загон для скота, подробнее см. *MCG* 255, n. 14; Horowitz 2014, 14–15.

[45] Reiner, Pingree 1981, 17, см. также Reiner, Pingree 1998, 15.

лишь в том случае, если предположить, что астрономы наблюдали в связи с тремя «путями» не только восточный горизонт, но все звездное небо.

Таким образом, подразделение неба на три «пути» рассматривалось как координатная сетка, позволяющая фиксировать движения светил на небе относительно звезд. Производить такого рода наблюдения можно было лишь в том случае, если умеешь визуально определять на небе границы каждого пояса. Очевидно, месопотамские астрономы вполне владели этим искусством. Сказанное не отменяет идеи о том, что связь между положением точки восхода Солнца на линии восточного горизонта и его положением относительно трех путей на небе также вполне осознавалась в Месопотамии в I тыс. до н.э.

ГЕЛИАКИЧЕСКИЕ ВОСХОДЫ ЗВЕЗД

Вторая важная астрономическая особенность «астролябий» – это использование гелиакических восходов звезд в качестве реперов, позволяющих фиксировать во времени положение месяцев вавилонского календаря. Гелиакический восход – это первое наблюдаемое появление звезды или планеты на востоке утром перед восходом Солнца после периода невидимости, вызванного их близостью к Солнцу. Гелиакический заход – последний видимый заход вечером на западе после захода солнца (на следующий день заход наблюдаться не будет, поскольку Солнце, сместившееся за сутки на один градус к востоку, находится слишком близко к светилу). Наблюдения гелиакических восходов – фундаментальная особенность месопотамской звездной астрономии.

Неизвестно, когда в Месопотамии впервые стали наблюдать гелиакические восходы. Старовавилонский период – наиболее вероятная эпоха. Этим периодом датируются самые ранние известные наблюдения синодических явлений Венеры, производившиеся в эпоху царя Амми-цадуки (1646–1626 гг. до н.э.). В них на протяжении ряда лет фиксировались даты четырех характеристических точек в синодическом движении Венеры – первое и последнее появление Венеры на востоке в качестве утренней звезды и первое и последнее появление на западе в качестве вечерней звезды. Соответствующие положения определялись в тексте как *tāmurātu*, т.е. «видимости»[46]. Вполне вероятно, что наблюдения гелиакических восходов неподвижных звезд производились уже в этот период, хотя конкретные примеры отсутствуют.

Данные о наблюдениях гелиакических восходов и заходов звезд на протяжении года встречаются впервые в «Астролябии Б» и в астрологической серии *EAE*. В «астролябиях», как уже говорилось, каждому из 12 месяцев вавилонского календаря поставлено в соответствие по три звезды, гелиакически восходящих в этот месяц. В «Астролябии Б», кроме того, приводится список, в котором на каждый месяц помимо трех восходящих звезд указаны также три заходящие звезды. Зафиксированные в «астролябиях» месячные даты гелиакических восходов цитировались в серии *EAE*, где они служили основой для астрологических предсказаний[47].

Для обозначения гелиакических восходов и заходов в текстах применялись следующие термины:

---

[46] Reiner, Pingree 1975; van der Waerden 1991, 57–65; Kurtik 2015, 461–465.
[47] Reiner, Pingree 1981, texts III, IX–XII.

igi = *amāru* (*nanmuru*) «быть видимым, появляться», нередко с фонетическим комплементом igi-*mar* = *innammar*, *ittanmar* и igi-*ir* = *innamir*. Встречается также отглагольное существительное igi.la$_2$ = *tāmartu* (*tāmurtu*) «появление, видимость» (в предсказаниях, связанных с созвездиями и Венерой) как *ina* igi.la$_2$-*ša*$_2$ (*ina* igi-*ša*$_2$) «при ее (Венеры) появлении»[48].

kur = *napāḫu* «восходить», нередко с фонетическим комплементом kur-*ḫa* = *ippuḫa* или *ittapḫa*. Связь этого термина с гелиакическими восходами несомненна, однако он имел, по-видимому, более широкий спектр значений и употреблялся также для обозначения суточных восходов светил.

sar = *napāḫu* «восходить» и связанная с ним именная конструкция *ina* sar-*su* = *ina nipḫišu* «при своем восходе». В комментариях содержится лексическое тождество sar = *šur-ru-u ša*$_2$ *la-pa-ti*, букв. «начало касания»[49], поясняющее его астрономический смысл. Возможно, здесь речь идет о появлении (sar) первых звезд созвездия, в отличие от ситуации, когда созвездие становится видно полностью (kur).

e$_3$ (ud.du) = (*w*)*aṣû* «выходить вперед, появляться, восходить»; форма *ina* e$_3$-*šu*$_2$/*ša*$_2$ = *ina aṣêšu*/*ša* «при его/ее появлении» употреблялась для фиксации момента, когда созвездие или планета становились видны впервые после периода невидимости, связанного не только с гелиакическими восходами.

šu$_2$ = *rabû* «заходить»; упоминания о гелиакических заходах крайне редки в текстах *EAE*, однако в «Астролябии Б» (раздел IV), как мы уже говорили, приводился список заходов 36 звезд; в MUL.APIN слово šu$_2$ использовалось также для обозначения суточных заходов светил.

Если по каким-то причинам восход созвездия не наблюдался, например, из-за погодных условий или во время восхода не была видна какая-либо его часть, то эта ситуация отмечалась в текстах сочетанием nu igi (nu igi.du$_8$), букв. «не было видно, не взошло». В предсказаниях каждая такая ситуация получала особое астрологическое истолкование[50].

Есть основания предполагать, что месопотамские астрономы различали три характерных положения, связанных с гелиакическими восходами созвездий, а именно: *1)* появление первых звезд в созвездии; *2)* появление звезд, обладающих наибольшим блеском в созвездии; *3)* полный видимый восход созвездия,— и пытались различать их терминологически. Если судить по частоте встречаемости терминов, гелиакические восходы звезд и планет интересовали их намного больше, чем их заходы.

В *EAE* при описании гелиакических восходов созвездий фиксировали также некоторые сопутствующие обстоятельства, связанные с ними,— такие, например, как общий вид созвездия и его отдельных частей (светлое оно или темное, цветовые характеристики, сцинтилляции, особые свечения и т.д.), различного рода необычные явления (прохождения комет, метеоров и т.д.), присутствие планет

---

[48] Этот термин употреблялся не только в связи с гелиакическими восходами, но также при появлении светил после периода невидимости, вызванного другими причинами (суточный восход, погодные условия и т.д.).

[49] Reiner, Pingree 1981, text III 2a.

[50] Существовали и другие термины и выражения, относящиеся к гелиакическим восходам. Более подробный анализ с текстовыми примерами: Kurtik 2005, 107—109.

поблизости и т.д. Каждое такое явление трактовалось как особый астрологический знак. В состав *EAE* входили особые списки предсказаний по созвездиям, связанных с гелиакическими восходами[51].

Трактат MUL.APIN – последний по времени источник, в котором гелиакические восходы играют значительную роль. Он содержит два списка гелиакических восходов звезд. В Tabl. I ii 36–iii 12 приводится список дат (месяц и число) гелиакических восходов 35 созвездий и звезд в идеальном календаре (год содержал 12 месяцев по 30 дней каждый)[52].

В MUL.APIN (Tabl. I iii 34–48) приводится также список интервалов между последовательными датами гелиакических восходов звезд, основанный на первом списке, который начинается с ^{mul}kak.si.sa$_2$ «Стрела» (= Сириус, Бетельгейзе и близлежащие звезды)[53]. Сириус – самая яркая звезда на небе, неудивительно, что она избрана в качестве открывающей список. Для обозначения гелиакических восходов в нем используется термин kur.

Гелиакические заходы звезд в MUL.APIN не упоминаются.

Сообщения о наблюдениях гелиакических восходов и заходов звезд нечасто встречаются в письмах и рапортах астрологов ассирийским царям (VIII–VII вв. до н.э.). В сообщениях используется хорошо знакомая нам по астрологическим предсказаниям терминология: kur-*šu*$_2$, e$_3$-*šu*$_2$, igi-*ir*, igi.lal-*šu*$_2$[54]. Гелиакические восходы звезд не упоминаются в «дневниках наблюдений» и в текстах, относящихся к так называемой «математической астрономии», которая получила развитие во второй половине I тыс. до н.э.[55] Исключением служит Сириус, чей гелиакический восход, гелиакический заход и акронический восход[56] регулярно фиксировались в «дневниках»[57].

«АСТРОЛЯБИЯ Б» (ASTROLABE B)

Это, как уже было упомянуто, самый ранний и наиболее подробный известный экземпляр «астролябии». Двусторонняя табличка VAT 9416 с текстом «Астролябии Б» хорошо сохранилась[58]. Установлено, что она происходит из

---

[51] Например, для созвездий ^{mul}iku «Поле» (Четырехугольник Пегаса), ^{mul}sipa.zi.an.na «Праведный Пастух Ану» (Орион), Reiner, Pingree 1981, texts XII, XVIII и ^{mul}šudun «Ярмо» (Волопас) (MUL.APIN II GAP B 7–8, II iv 1–8), Hunger, Pingree 1989, 118–121; не исключено, что такого рода списки имелись у большинства месопотамских созвездий.

[52] Hunger, Pingree 1989, 40–47.

[53] Hunger, Pingree 1989, 53–57.

[54] Parpola 1993; Hunger 1992. Обзор источников и цитирование текстов см. Kurtik 2005, 113, прим. 40.

[55] Речь в данном случае идет именно о созвездиях и неподвижных звездах; гелиакические восходы и заходы планет регулярно наблюдались и вычислялись до конца I тыс. до н.э.

[56] Акронический восход – последний видимый восход звезды, наблюдаемый вечером после захода Солнца. На следующий день Солнце, продвинувшееся за сутки на восток приблизительно на 1 градус, оказывается чересчур близко от звезды, которая будет теперь не видна.

[57] Sachs, Hunger 1988, 27.

[58] Качественные фотографии обеих сторон таблички опубликованы в изданиях Casaburi 2003; Horowitz 2014, pl. II, IV.

среднеассирийского собрания табличек времен Тиглатпаласара I (1115–1077 гг. до н.э.) и его отца Ашшур-реша-иши (1133–1116 гг. до н.э.) из Ашшура[59]. В колофоне таблички указано, что она переписана писцом Мардук-балассу-эриш (*Marduk-balāssu-ēriš*), сыном Нинурта-буллиссу (*Ninurta-bullissu*), царского писца, в год эпонима Иккару (*Ikkaru*), что соответствует приблизительно середине XII в. до н.э.[60] Колофон свидетельствует также о том, что сам текст имеет вавилонское происхождение и только скопирован на среднеассирийскую табличку вавилонским писцом, находящимся на службе у ассирийского царя в Ашшуре[61].

«Астролябия Б» имеет сложную структуру и состоит, как мы уже говорили, из четырех разделов: I – менология для 12 месяцев вавилонского календаря, II – каталог звезд типа 12 × 3 (12 звезд Ану, 12 звезд Энлиля и 12 звезд Эа), III – каталог звезд типа 3 × 12 (3 звезды, восходящие в каждый из 12 месяцев), IV – список звезд, которые восходят в то время, когда другие заходят[62]. В ней отсутствуют числа, о которых уже говорилось выше, что позволяет предположить ее более раннее происхождение относительно других известных нам экземпляров «астролябий», когда числа, характеризующие длину стражи на протяжении года, еще не соединялись с «астролябиями».

Рассмотрим структуру и содержание «Астролябии Б» подробнее.

I. Менология

В менологии для каждого из 12 месяцев вавилонского календаря последовательно приводятся: *1)* созвездие, восходящее гелиакически в данный месяц; *2)* божество, с которым это созвездие связано; *3)* религиозные праздники, отмечаемые в данный месяц, *4)* сельскохозяйственная активность и другие материалы. Текст, как мы уже говорили, двуязычный, шумеро-аккадский. Шумерский и аккадский варианты совпадают не всегда, однако в том, что касается их астрономического смысла, который наиболее важен для нас, различия несущественны.

Приведем в качестве примера текст для месяца дуузу (IV), следуя в основном транслитерации и транскрипции Э. Райнер[63] и принятым переводам.

---

[59] Э. Вайднер называет это собрание «библиотекой Тиглатпаласара I» (Weidner 1952–1953). Датировка таблички определяется находками в Ашшуре. Во время раскопок храма в Ашшуре была обнаружена комната, содержащая ок. 650 рассыпанных табличек и фрагментов табличек. Вместе с ними в той же комнате находилось несколько кувшинов. Три кувшина имели надписи, содержащие имя Тиглатпаласара I. Было сделано предположение, что эти кувшины использовались как хранилища для табличек. В двух табличках, найденных в этой комнате, упомянут эпоним Иккару, относящийся, как было доказано, к эпохе правления Тиглатпаласара I (Çağırgan 1984, 400).

[60] Casaburi 2003, 62, § 242; Horowitz 2014, 30, 42. Х. Хунгер и Д. Пингри датируют ее более ранней эпохой – временем ассирийского царя Нинурта-апиль-Экура (1192 (?)–1180 гг. до н.э.), см. Hunger, Pingree 1999, 51.

[61] *MCG* 159, n. 17; Horowitz 2014, 29–30.

[62] В автографии «Астролябии Б» (*KAV* 218) выделено только три раздела, которые обозначены латинскими буквами A, B и C. Однако В. Горовиц в *MCG* 156 выделяет четыре раздела, обозначив их соответственно латинскими буквами A, B, C, D. В новом издании Horowitz 2014 и в статье Horowitz 2007 он обозначил указанные разделы латинскими цифрами I, II, III и IV, что представляется нам наиболее рациональным.

[63] Reiner, Pingree 1981, 81–82.

diš ^{iti}šu ^{mul}sipa.zi.an.na	^{iti}šu *Ši-ta-ad-da-lu* ^{d}*Pap-sukkal*
^{d}nin.šubur sukkal.maḫ	sukkal *ṣi-i-ru ša* ^{d}*A-nim*
an.na ^{d}innin.bi.id.da.ke$_4$	*u* ^{d}*Eš$_4$-dar* iti numun *ša$_2$-pa-ku*
iti numun.dub.bu NI numun	numun NI *ḫar-pi šu-ṣi-i*
nim.ta e$_3$.de$_3$	
kad$_2$.kad$_2$ <<iti>> ^{d}nin.ru.ru.gu$_2$	*ši-si-it* ^{d}*Nin-ru-ru-gu$_2$*
<iti> sipa ^{d}dumu.zi ba.dib.dib.ba	iti sipa ^{d}*Dumu-zi ik-ka-mu-u$_2$*

Перевод: Месяц дуузу, созвездие Праведный Пастух Ану (восходит), / Ниншубур (акк. Папсуккаль), великий визирь / Ана и Инанны (акк. Иштар). / Месяц насыпания семян, / (когда) ранние семена достают (из хранилища и проверяют). / Оплакивание Нинруругу. / Месяц, (когда) пастух Думузи был схвачен[64].

Приведем список названий созвездий, упомянутых в менологии, и их божественные характеристики. Мы приводим сначала шумерское, затем аккадское названия созвездия и имя связанного с ним божества (божеств), затем перевод (табл. 1).

Таблица 1. Созвездия в менологии «Астролябии Б»

Месяцы	Текст
I	шум. ^{mul}iku bara$_2$.an.na, акк. *I-ku-u$_2$ šu-bat* ^{d}*A-nim* «(Созвездие) Поле, престол Ана»
II	шум. mul.mul ^{d}imin.bi dingir.gal.gal.e.ne, акк. *Za-ap-pu* ^{d}imin.bi dingir.meš gal.meš «(Созвездие) Звезды (акк. Щетина), Семеро богов, великие божества»
III	шум. ^{mul}gu$_3$.an.na aga$^{!}$ an.na.ke$_4$ / mul.bi KA×NE ba.an.sa$_2$, акк. *Is le-e a-gi* ^{d}*A-nim* / [mu]l.bi ^{d}BIL.GI *ša-nin* «(Созвездие) Небесный Бык (акк. Челюсть Быка), корона Ана. Звезда эта подобна Гирре»
IV	шум. ^{mul}sipa.zi.an.na ^{d}nin.šubur sukkal.maḫ an.na ^{d}inanna.bi.id.da.ke$_4$, акк. *Ši-ta-ad-da-lu* ^{d}*Pap-sukkal* sukkal *ṣi-i-ru ša* ^{d}*A-nim u* ^{d}*Eš$_4$-dar* «(Созвездие) Праведный Пастух Ану (акк. Шитаддалу), Ниншубур (акк. Папсуккаль), / Великий визирь Ана и Инанны (акк. Иштар)»
V	шум. ^{mul}kak.si.sa$_2$ ^{d}nin.ur.ta, акк. *Šu-ku-du* ^{d}*Nin-urta* «(Созвездие) Стрела, Нинурта»
VI	шум. ^{mul}pan ^{d}inanna nim.ma^{ki}.ke$_4$, акк. *ši-pir* ^{d}*Eš$_4$-dar e-la-ma-ti* «(Созвездие) Лук, Инанна Эламская (акк. служба Иштар Эламской)»
VII	шум. ^{mul}MU.BU.keš$_2$.da ^{d}en.lil$_2$.le, акк. *Ni-i-ru* ^{d}*En-lil$_2$* «(Созвездие) Ярмо, Энлиль»
IX	шум. [...] mul.[bi...] «... звезда [эта...]»
XI	шум. ^{mul}ti$_8^{mušen}$ ^{d}za.b[a$_4$.ba$_4$] ... «(Созвездие) Орел, Забаба»
XII	шум. [...], акк. ^{m}[^{ul}ku$_6$ ...] «(Созвездие) Рыба»

Всего в менологии, как видим, упомянуто 10 созвездий, из которых только 9 прочитываются надежно. Причины отсутствия созвездий в месяцы VIII и X, а также названия созвездия в аккадской версии для месяца IX неясны. В более ранней шумерской версии менологии названия созвездий вообще не приводятся[65]. Также неясно, почему упоминаются именно эти созвездия, а другие из числа включенных в «астролябии» отсутствуют. Возможно, дело в том, что это список созвездий на пути Эа (все, кроме ^{mul}ti$_8^{mušen}$ «Орел» на пути Энлиля), т.е. это именно те звезды, восходы которых отмечали начала месяцев (см. ниже). Связь

[64] *KAV* 218, Section A i 38–50; Horowitz 2014, 34, col. i 38–50.
[65] Horowitz 2010.

созвездий с месяцами вавилонского календаря, принятыми в менологии, во многом расходятся с данными в каталоге 3×12, который мы рассмотрим ниже.

II. Каталог звезд 12 × 3

Этот каталог состоит из трех колонок, включающих соответственно 12 звезд Эа, 12 звезд Ану и 12 звезд Энлиля. В каждой колонке названия созвездий/звезд перечислены в соответствии с порядком их гелиакических восходов на протяжении года. Приведенные в них названия созвездий/звезд и описания их положений относительно друг друга наиболее подробны в сравнении с данными других «астролябий»[66].

Приведем транскрипции и переводы соответствующих текстов.

Звезды Эа

1. ^{mul}iku *ša*$_2$ *ina* zi im.kur.ra gub-*zu* / *ana* im.ulu$_3$.lu gib mul.bi / mul sag.mu *a-lik* igi mul.meš / *šu-ut* ^{d}*E*$_2$-*a*

(Созвездие) Поле, которое стоит на востоке[67] и простирается к югу[68], это созвездие – созвездие Нового года, идет впереди звезд Эа (B i 1–4);

2. mul *ša* egir.bi gub-*zu* / mul.mul ^{d}imin.bi dingir.meš gal.meš

Созвездие, которое позади него стоит / Звезды, Семеро богов, божества великие (B i 5–6);

3. mul *ša* egir.bi gub-*zu* / ^{mul}*Is le-e a-gi* ^{d}*A-nim*

Созвездие, которое позади него стоит, Челюсть Быка, Корона Ану (B i 7–8);

4. mul *ša* egir.bi gub-*zu* / ^{mul}sipa.zi.an.na ^{d}nin.šubur / sukkal ^{d}*A-nim u*$_3$ ^{d}*Iš*$_8$-*tar*$_2$

Созвездие, которое позади него стоит, Праведный Пастух Ану, Ниншубур, посланник Ану и Иштар (B i 9–11);

5. mul *ša* egir.bi gub-*zu* / ^{mul}kak.si.sa$_2$ ^{d}*Nin-urta*;

Созвездие, которое позади него стоит, Стрела, Нинурта (B i 12–13);

6. mul *ša* egir.bi gub-*zu* / ^{mul}pan ^{d}inanna *e-la-ma-tum* / [du]mu.munus ^{d}*A-nim*

Созвездие, которое позади него стоит, Лук, Иштар Эламская, дочь Ану (B i 14–16);

7. mul sa$_5$ *ša ina* zi im.ulu$_3$.lu *ana* igi-*it* ^{mul}šudun gub-*zu* ^{mul}bir ^{d}*E*$_2$-*a*

«Красная звезда», которая на юге перед Ярмом стоит, Почка, Эа (B i 17–18)[69];

8. [mul *ša*] *i-na* zag ^{d}*E*$_2$-*a* gub / [^{d}nin].maḫ

[Созвездие, которое] справа от Эа стоит, [Нин]мах (B i 19–20);

9. [mu]l *ša i-na* gub$_3$ ^{d}*E*$_2$-*a* gub / [^{mu}]^{l}ur.idim

[Созвез]дие, которое слева от Эа стоит, Бешеный Пес (B i 21–22);

10. mul *ša ina* igi ^{d}*E*$_2$-*a* gub / ^{mul}*Ṣal-bat-a-nu kal* mu / [*man*]-*za-za ut-ta-na-kar*

Звезда, которая перед Эа стоит, (это) Марс, (который) весь год положение (свое) изменяет (B i 23–25);

---

[66] Ранняя публикация каталога: Weidner 1915, 76–79; краткое описание, не свободное от ошибок: Reiner, Pingree 1981, 5; современное издание: Horowitz 2014, 37–39.

[67] Букв. «при восходе восточного ветра».

[68] Букв. «в направлении южного ветра».

[69] Строка повреждена, реконструкция согласно Casaburi 2003, 48, § 159; Horowitz 2014, 37, col. i 17–18; Kurtik 2007, 97–98.

11. [mul]en.te.na.bar.ḫum ^{d}nin.gir$_3$.su

(Созвездие) Энтенабархум, Нингирсу (B i 26);

12. ^{mul}ku$_6$ ^{d}*E$_2$-a*

(Созвездие) Рыба, Эа (B i 27);

[12] mul.meš *šu-ut* ^{d}*E$_2$-a*

[12] созвездий (на пути) Эа (B i 28).

Звезды Ану

1. mul gal *ša* ugu mul.meš gal.meš / *ša ina* zi im.ulu$_3$.lu gub-*zu* / ki.gub kur$_2$.kur$_2$ ½(sa$_9$) mu *ina* ^{d}utu.e$_3$ / ½(sa$_9$) mu *ina* ^{d}utu.šu$_2$.a mul.bi ^{mul}*Dil-bat* / *a-lik pa-ni* mul.meš *šu-ut* ^{d}*A-nim*

Великая звезда, которая выше великих звезд на юге стоит, место (свое) изменяет: половину года (она) на востоке (стоит), половину года – на западе. (Это) Венера, (которая) первой из звезд Ану идет» (B ii 1–5);

2. mul *ša* egir-*šu* gub-*zu* / ^{mul}gir$_2$.tab ^{d}*Iš-ḫa-ra*

Созвездие, которое после нее стоит, (это) Скорпион, Ишхара (B ii 6–7);

3. mul sa$_5$ *ša i-na* zi im.ulu$_3$.lu / *ana* igi ^{mul}gir$_2$.tab gub-*zu* / ^{mul}udu.idim ^{d}*Zi-ba-ni-tum*

«Красная звезда», которая на юге перед Скорпионом стоит, планета, Весы (B ii 8–10)[70];

4. mul *ša* igi-*šu* gub *kap-pi u rit-te* gar-*nu* / ^{mul}ud.ka.du$_8$.a ^{d}*Nergal*(u.gur)

Созвездие, которое впереди нее стоит, имеющее крылья и руки, (это) Демон с Разинутой Пастью, Нергал (B ii 12–13);

5. mul *ša* egir.bi gub ^{mul}šu.gi / ^{d}*En-me-šar$_2$-ra* ^{d}mar.tu

Созвездие, которое позади него стоит, (это) Старик, Энмешарра, (божество) Марту (B ii 13–14);

6. mul *ša* dal.ba.an ^{mul}šu.gi / *u$_3$* ^{d}*A-nim* gub-*zu* / ^{mul}sim.maḫ ^{mul}[...][71]

Созвездие, которое между Стариком и Ану стоит, (это) Ласточка, [...] (B ii 15–17);

7. ˹mul *ša ina* igi˺-*it* ^{mul}s[im.maḫ gu]b-*zu* / [^{mul}ur.gu.la ^{d}*La-ta-rak*]

Созвездие, которое впереди Ла[сточки сто]ит, [Лев, Латарак] (B ii 18–19)[72];

8. ^{mul}[maš.tab.ba *ša ina* igi-*it*] ^{d}*A-nim* gub[73] / ^{d}*Lugal-ir$_9$-˹ra u˺* ^{d}*Mes-lam-ta-e$_3$*

(Созвездие) [Близнецы, которое перед] Ану стоит, Лугальирра и Месламтаэа (B ii 20–21)[74];

9. ^{mul}maš.tab.ba.gal.gal *ša$_2$ ina* igi-*it* ^{d}*A-nim* gub / ^{d}*Šullat*(pa) *u$_3$* ^{d}*Ḫaniš*(lugal)

(Созвездие) Большие Близнецы, которые стоят впереди (созвездия) Ану, Шуллат и Ханиш (B ii 22–23)[75];

---

[70] «Созвездие *Zibanītum* (Весы) перед ^{mul}gir$_2$.tab», согласно Reiner, Pingree 1981, 5.

[71] ^{mul}sim.maḫ $^{mul˹}$*Na*ʔ*-a*ʔ*-ar˺* «Ласточка, Речная ʔ звезда», согласно Horowitz 2014, 38, col. ii 17.

[72] Согласно Casaburi 2003, 53, § 188; Horowitz 2014, 38, col. ii 18–19, см. также Reiner, Pingree 1981, 5.

[73] ^{mul}[maš.tab.ba *ša$_2$ ina* ...] ^{d}*A-nim* ..., согласно Horowitz 2014, 38, col. ii 1.

[74] Восстановлено согласно Oelsner, Horowitz 1997–1998, *Anu* 8–9.

[75] Здесь, несомненно, ошибка, Лугальирра и Месламтаэа соотносились, как правило, с Большими Близнецами (Кастор и Поллукс), тогда как Шуллат и Ханиш – это созвездие в Центавре (м.б., α и β Центавра), упоминаемое также в списке «7 близнецов», см. Kurtik 2007, m17, h03.

10. mul sa_5 *ša ina* zi im.kur.ra egir / ^{d}maš.tab.ba da ^{d}*Gu-la* gub-*zu* / aga *ap-ru* ^{mul}*al-lu-ut-tum* / $^{mul\ d}$*A-nim* lugal

«Красная звезда», которая стоит на востоке после Близнецов рядом с Гулой, несущая корону, (это) Краб, звезда Ану, Царь (B ii 24–27);

11. mul *ša* egir.bi gub ^{mul}uga

Созвездие, которое после него стоит, Ворон (B ii 28);

12. mul sa_5 *ša ina* zi im.ulu_3.lu / egir dingir.meš gi_6-*ti ug-da-me*$_2$-*ru-nim-ma* / an-*e* bar-*ma* gub-*ma* mul.bi / ^{d}*Ne*$_2$-*be*$_2$-*ru* ^{d}amar.utu

«Красная звезда», которая на юге после того, как ночные боги завершили (свои движения), стоит (и) делит небо (пополам), эта звезда Неберу, Мардук» (B ii 29–32);

12 mul.meš *šu-ut* ^{d}*A-nim*

12 созвездий (на пути) Ану (B ii 33).

Звезды Энлиля

1. $^{mul\ giš}$apin *ša ina* zi im.kur.ra igi-*it* / ^{mul}mar.gid_2.da gub-*zu* mul.˹bi˺ / ^{d}*En-lil*$_2$ *ša*$_2$ *ši-mat* kur *i-šim*-[*mu*]

(Созвездие) Плуг, которое на востоке впереди Повозки стоит, звезда эта – Энлиль, который судьбы страны определяет» (B iii 1–3);

2. mul *ša*$_2$ igi-*it* ^{d}*En-lil*$_2$ *ina* zi im.[kur.ra gub] / mul.bi ^{d}*A-nu-ni*-[*tum*]

Созвездие, которое впереди Энлиля на востоке (стоит), звезда эта Аннуниту (B iii 4–5);

3. mul *ša* egir.bi gub-[*zu*] / ^{d}muš <<*u*>> ^{d}*Nin-giš-z*[*i-da*]

Созвездие, которое после него стоит, Змей, Нингишзида (B iii 6–7);

4. mul *ša ina* dal.ba.an im.[si.sa_2] / *u* im.kur.ra gib mul.b[i] / ^{mul}mar.gid_2.da ^{d}*Nin*-[*lil*$_2$]

Созвездие, которое между севе[ром] и востоком поперек лежит, созвездие это – Повозка, Нинлиль (B iii 8–10);

5. mul š*a i-na ṭu-ri-ša* gub-[*zu*] / sa_5 *i-na pu-ut ni-ru* ^{d}*E*[*n-lil*$_2$]

Созвездие, которое на ее узле(?) стоит, красная (звезда) на передней стороне Ярма, Эн[-лиль] (B iii 11–12);

6. mul *ša* egir-*šu* gub-*z*[*u*] / ^{mul}uz_3 ^{d}*Gu-l*[*a*]

Созвездие, которое после него стоит, Коза, Гула (B iii 13–14);

7. mul *ša* egir-*šu* gub-*zu* / ^{mul}ur.bar.ra

Созвездие, которое после него стоит, Волк (B iii 15–16);

8. mul *ša ina* igi-*it* ˹^{mul}uz_3˺ / [gu]b-˹*zu*˺ ^{mul}ti_8^{m}[$^{ušen\ d}$*Za-b*]a_4-ba_4

Созвездие, которое впереди Козы [сто]ит, Оре[л, Заба]ба (B iii 17–18);

9. mul sa_5 *ša ina* z[i].im.[x.x gub] / mul.bi ^{d}*Da*-[*mu*]

«Красная звезда», которая [стоит] при вос[ходе...] ветра, звезда эта (богиня) Даму (B iii 19–20);

10. mul gal *nam-ru ša ina* zi im.[x.x] / gub ^{mul}šu.pa uš.uš ki.gub ku[r_2.kur_2] / ^{mul}šul.pa.e_3 sukkal ^{d}a[mar.utu]

Большая блестящая звезда, которая стоит при восходе [...] ветра, (это) Шупа, (который) место (свое) постоянно изменяет: Шульпаэ, визирь М[ардука] (B iii 21–23);

11. mul *ša* egir-*šu* ^{mul}ka_5.[a]

Звезда, которая позади него (стоит, это) Лиса (B iii 24);

12. mul sa_5 *ša ina* zi im.kur.[ra] / igi-*it* šudun gub šudun.im.˹u_{18}˺.[lu]

«Красная звезда», которая на востоке перед Ярмом стоит: Южное Ярмо (B iii 25–26);

12 mul.meš *šu-ut* ^{d}*En-lil*$_2$

12 созвездий (на пути) Энлиля (B iii 27).

Каталог 12 × 3 содержит, как видим, названия созвездий, звезд и планет. То, что здесь речь идет о созвездиях, следует непосредственно из описаний, в которых упоминаются элементы фигур созвездий, такие, например, как *kappu* «крыло», *rittu* «рука», *nīru* «ярмо», *ṭurru* «узел (веревки)», aga «корона». О двух созвездиях сказано, что они «простираются», букв. «лежат поперек» (gib = *parāku*) в указанном направлении. В списке звезд Эа приводится также созвездие «Звезды, Семеро богов» (B i 5–6) (= Плеяды). Однако в других местах речь, по-видимому, идет об отдельных звездах. При этом употребляется выражение mul sa$_5$, букв. «красная звезда», что представляется странным, поскольку цветовые характеристики светил, о которых идет речь, не соответствуют определению «красная».

Относительные положения созвездий определяются в каталоге словами «позади» (egir = *(w)arki*) и «впереди» (*ina* igi-*it* = *ina meḫret*). Их нужно понимать следующим образом: созвездие, стоящее «позади», восходит позже, а стоящее «впереди» – раньше при суточном обращении небесной сферы, т.е. они располагаются соответственно восточнее и западнее относительно того созвездия, с которым их положение сравнивается. В двух случаях место созвездия определяется расстоянием между двумя ориентирами, при этом употребляется слово «между» (dal.ba.an). В двух других случаях используются слова «справа» (zag) и «слева» (gub$_3$). Иногда фиксируется также положение созвездия относительно сторон света, в связи с этим только восток (im.kur.ra) и юг (im.ulu$_3$.lu) упоминаются как выделенные направления в сохранившейся части таблички[76].

Помимо звездного каталога, в котором фиксируются положения созвездий и звезд на небесной сфере и относительно друг друга, текст содержит также обширный материал, касающийся отождествлений созвездий с божествами месопотамского пантеона. «Астролябия Б» – самый ранний известный текст, содержащий такого рода отождествления. Большое число отождествлений можно найти также в текстах серии *EAE* и в каталоге трактата MUL.APIN.

III. Каталог звезд 3×12

Это компактная таблица, включающая три столбца по 12 строк в каждом. Правый и левый края частично повреждены[77]. Первый столбец содержит названия месяцев в виде логограмм и 12 звезд Эа, второй – 12 звезд Ану, третий – 12 звезд Энлиля. Принадлежность звезд к определенному пути фиксируется в связи с каждым названием формулами: *šu-ut* ^{d}*E*$_2$*-a* «относящаяся к Эа» (букв. «та, что Эа»), *šu-ut* ^{d}*A-nim* «относящаяся к Ану», *šu-ut* ^{d}*En-lil*$_2$ «относящаяся к Энлилю». В таблице, таким образом, каждому из 12 месяцев поставлено в соответствие три

[76] Не исключено, что при определении места Большой Медведицы (^{mul}mar.gid$_2$.da) использовалось также направление на север (im.si.sa$_2$) в разрушенной части строки (B iii 8).

[77] *KAV* 218, Section C 1–12; Horowitz 2014, pl. III.

созвездия/звезды, гелиакически восходящие в этот месяц. Очевидно, мы имеем дело с классической «астролябией»[78].

Приведем в качестве примера две начальные строки:

^{iti}bara$_2$ ^{mul}iku *šu-ut* ^{d}*E$_2$-a* // ^{mul}*Dil-bat šu-ut* ^{d}*A-nim* // ^{mul}apin *šu-ut* ^{d}*En-lil$_2$*
Нисану, Поле (на пути) Эа, Дилбат (на пути) Ану, Плуг (на пути) Энлиля (С 1);

^{iti}gu$_4$ mul.mul *šu-ut* ^{d}*E$_2$-a* // ^{mul}šu.gi *šu-ut* ^{d}*A-nim* // ^{mul}*A-nu-ni-tum šu-ut* ^{d}*En-lil$_2$*
Айяру, Звезды (на пути) Эа; Шуги (на пути) Ану; Аннунитум (на пути) Энлиля (С 2).

Далее мы представим каталог в упрощенном табличном виде, дополнив его данными о путях звезд из менологии и каталога 12×3. В первой колонке приведены номера месяцев, во второй – названия и их переводы, в третьей – номера месяцев, к которым данное созвездие относится в менологии; в четвертой – номера месяцев и пути, зафиксированные в каталоге 12×3 (табл. 2).

Таблица 2. Каталог звезд 3×12 в «Астролябии Б»

Месяцы	Названия	Менология	Кат. 12×3
I	^{mul}iku (Поле)	I	I (Эа)
	^{mul}*Dil-bat* (Дилбат)	I (Ану)	
	^{mul}apin (Плуг)	I (Энлиль)	
II	mul.mul (Звезды)	II	II (Эа)
	^{mul}šu.gi (Старик)	V (Ану)	
	^{mul}*A-nu-ni-tum* (Аннунитум)	II (Энлиль)	
III	^{mul}sipa.zi.an.na (Праведный Пастух Ану)	IV	IV (Эа)
	^{mul}ur.gu.la (Лев)	VII (Ану)	
	^{mul}muš (Змей)	III (Энлиль)	
IV	^{mul}kak.si.sa$_2$ (Стрела)	V	V (Эа)
	^{mul}maš.tab.ba (Близнецы)	VIII (Ану)	
	^{mul}šul.pa.e$_3$ (Шульпаэ)	X (Энлиль)	
V	^{mul}pan (Лук)	VI	VI (Эа)
	^{mul}maš.tab.ba.gal.gal (Великие Близнецы)	IX (Ану)	
	^{mul}mar.gid$_2$.da (Повозка)	IV (Энлиль)	
VI	^{mul}*Ka-li-tum* (Почка)	VII (Эа)	
	^{mul}uga (Ворон)	XI (Ану)	
	^{mul}šu.pa (Шупа)		
VII	^{mul}nin.maḫ (Великая Госпожа)	VIII (Эа)	
	^{mul}*Zi-ba-ni-tum* (Весы)	III (Ану) (?)	
	^{mul}en.te.na.bar.ḫum (Энтенабархум)	XI (Эа)	

[78] Впервые ее текст был опубликован Э. Вайднером (Weidner 1915, 66–67); краткое содержание, представленное в табличном виде: Reiner, Pingree 1981, 4, table II; полный текст с переводом на итальянский: Casaburi 2003, 59–61; отдельные строки из этой таблицы цитируются в связи с каждым созвездием/звездой в Kurtik 2007; новейшее издание: Horowitz 2014, 40–41.

Месяцы	Названия	Менология	Кат. 12×3
VIII	^{mul}ur.idim (Бешеный Пес)	IX (Эа)	
	^{mul}gir$_2$.tab (Скорпион)	II (Ану)	
	^{mul}lugal (Царь)		
IX	^{mul}*Ṣal-bat-a-nu* (Цалбатану)	IX(?)	X (Эа)
	^{mul}ud.ka.du$_8$.a (Демон с Отверстой Пастью)	IV (Ану)	
	^{mul}uz$_3$ (Коза)	VI (Энлиль)	
X	^{mul}gu.la (Великий)		
	^{mul}*Al-lu-ut-tum* (Краб)	X (Ану)	
	^{mul}ti$_8^{mušen}$ (Орел)	XI	VIII (Энлиль)
XI	^{mul}<nu.>muš.da (Нумушда)		
	^{mul}sim.maḫ (Ласточка)	VI (Ану)	
	^{mul}*Da-mu* (Даму)	IX (Энлиль)	
XII	^{mul}ku$_6$ (Рыба)	XII	XII (Эа)
	$^{mul\ d}$amar.utu (Мардук)	XII (Ану),	
	^{mul}ka$_5$.a (Лиса)	XI (Энлиль)	

Приведенный список весьма лаконичен по своему содержанию. Он не содержит ничего лишнего относительно реализованной в нем астрономической идеи. Зафиксированные в нем названия созвездий и звезд в целом соответствуют, хотя и не всегда, названиям в каталоге 12 × 3. Однако месячные даты созвездий и звезд далеко не всегда совпадают с данными каталога 12 × 3, а также MUL.APIN.

Ни одна «астролябия» не содержит указаний на то, когда именно должны наблюдаться восходы звезд/созвездий на протяжении месяца. Однако по целому ряду косвенных признаков можно заключить, что звезды Эа восходили в самом начале месяцев. Об этом свидетельствует, в частности то, что созвездие ^{mul}iku «Поле» (четырехугольник Пегаса), стоящее в начале звезд Эа в «Астролябии Б», характеризуется как mul sag.mu «созвездие Нового года». Позднее в I тыс. до н.э. ту же роль начинает играть mul.mul «Звезды» (Плеяды)[79]. Плеяды возглавляют список «звезд на пути Луны» в трактате MUL.APIN (I iv 31–39)[80]. Соединения Луны с Плеядами в начале первого месяца нисана используются как критерий для интеркаляций в так называемом «первом интеркаляционном правиле» в MUL.APIN (II Gap A 8–9)[81]. Можно полагать, что в первый день каждого месяца утром на востоке перед восходом Солнца в идеале наблюдался гелиакический восход соответствующей звезды/созвездия из числа звезд Эа, в то время как на западе в тот же день вечером наблюдалось появление лунного месяца после периода невидимости. В этом заключалась основная идея «астролябии» как модели, фиксирующей соответствие лунного и солнечного календарей[82].

[79] О созвездиях, которые в разные периоды исполняли функцию «начала года» в звездной астрономии древней Месопотамии см. Kurtik 2013b, 156–158.

[80] Hunger, Pingree 1989, 67–69.

[81] Hunger, Pingree 1989, 89–90.

[82] *MCG* 163–164.

IV. Звезды, которые восходят в то время, как другие заходят

Это последняя таблица в «Астролябии Б». Она состоит из трех столбцов и 12 строк, причем каждая строка двойная. Правый и левый края таблички немного повреждены[83]. Первый столбец содержит названия месяцев и звезд на пути Эа, второй – звезды на пути Ану, третий – звезды на пути Энлиля. Каждая двойная строка соответствует определенному месяцу вавилонского календаря. В них приводятся данные о трех звездах, которые гелиакически восходят, и трех звездах, которые гелиакически заходят в данный месяц. При этом употребляются термины: e_3 = *aṣû*, букв. «появляться, выходить», $šu_2$ = *rabû*, букв. «заходить».

В основе таблицы лежит предположение о том, что дата гелиакического восхода звезды отстоит от даты гелиакического захода на шесть месяцев. Это правило в таблице выполняется для всех звезд, кроме ^{mul}apin (Плуг) и ^{mul}*Dil-bat* (Венера). Приведем два примера:

[diš ^{iti}izi] ^{mul}pan // ^{mul}maš.tab.ba.gal.gal.la // ^{mul}mar.gid$_2$.da ⌜e$_3$⌝
[diš ^{mul}]nu.muš.da // ^{mul}sim.maḫ // ^{mul}*Da-mu* ⌜šu$_2$⌝

Абу, Лук, Большие близнецы, Повозка восходят.
Нумушда, Ласточка, Даму заходят (C 21–22).

diš ^{iti}ziz$_2$ ^{mul}nu.muš.da // ^{mul}sim.maḫ // ^{mul}*Da-mu* ⌜e$_3$⌝ .[...]
diš ^{mul}pan // ^{mul}maš.tab.ba.gal.gal.la // ^{mul}mar.gid$_2$.da šu$_2$.[...]

Шабату, Нумушда, Ласточка, Лиса восходят.
Лук, Большие Близнецы, Повозка заходят» (C 33–34).

В упрощенном виде таблица выглядит следующим образом (табл. 3):

Таблица 3. Звезды, которые восходят в то время, как другие заходят, в «Астролябии Б»

Месяцы	Звезды Эа	Звезды Ану	Звезды Энлиля
I	^{mul}iku	^{mul}*Dil-bat*	$^{mul\ giš}$apin
	^{mul}nin.maḫ	^{mul}*Zi-ba-ni-tum*	^{mul}en.te.na.bar.ḫum
II	mul.mul	^{mul}šu.gi	^{mul}*A-nu-ni-tum*
	^{mul}ur.idim	^{mul}gir$_2$.tab	^{mul}lugal
III	^{mul}sipa.zi.an.na	^{mul}ur.gu.la	^{mul}muš
	^{mul}*Ṣal-bat-a-nu*	^{mul}ud.ka.du$_8$.a	^{mul}uz$_3$
IV	^{mul}kak.si.sa$_2$	^{mul}maš.tab.ba	^{mul}šul.pa.e$_3$
	^{mul}gu.la	^{mul}*Al-lu-ut-tum*	^{mul}ti$_8^{mušen}$
V	^{mul}pan	^{mul}maš.tab.ba.gal.gal	^{mul}mar.gid$_2$.da
	^{mul}nu.muš.da	^{mul}sim.maḫ	^{mul}*Da-mu*
VI	^{mul}*Ka-li-tum*	^{mul}uga	^{mul}šu.pa
	^{mul}ku$_6$	$^{mul\ d}$amar.utu	^{mul}ka$_5$.a
VII	^{mul}nin.maḫ	^{mul}*Zi-ba-ni-tum*	^{mul}en.te.na.bar.ḫum
	^{mul}iku	^{mul}*Dil-bat*	^{mul}apin
VIII	^{mul}ur.idim	^{mul}gir$_2$.tab	^{mul}lugal
	mul.mul	^{mul}šu.gi	^{mul}*A-nu-ni-tum*

[83] *KAV* 218, section C 13–36.

Месяцы	Звезды Эа	Звезды Ану	Звезды Энлиля
IX	^{mul}*Ṣal-bat-a-nu*	^{mul}ud.ka.du$_8$.a	^{mul}uz$_3$
	^{mul}sipa.zi.an.na	^{mul}ur.gu.la	^{mul}muš
X	^{mul}gu.la	^{mul}*Al-lu-ut-tum*	^{mul}ti$_8$ ^{mušen}
	^{mul}kak.si$_2$.sa	^{mul}maš.tab.ba	^{mul}šul.pa.e$_3$
XI	^{mul}nu.muš.da	^{mul}sim.maḫ	^{mul}*Da-mu*
	^{mul}pan	^{mul}maš.tab.ba.gal.gal.la	^{mul}mar.gid$_2$.da
XII	^{mul}ku$_6$	^{mul} ^{d}amar.utu	^{mul}ka$_5$.a
	^{mul}*Ka-li-tum*	^{mul}ug$_5$.ga	^{mul}šu.pa

Данная таблица основана на каталоге 3 × 12, поскольку в ней используются те же месячные звезды. Однако о созвездии ^{mul}apin в ней сказано: ^{mul}apin *kal šat-te iz-za-<az>* «(Созвездие) Плуг весь год стоит» (C 26), что неверно с астрономической точки зрения, поскольку Плуг (= Северный Треугольник и Андромеда) не входил в число околополярных звезд. В связи с ^{mul}*Dil-bat* (Венера) в той же строке сказано: *ut-ta-na-kar*, букв. «(она) изменяет (свое положение)(?)», что верно по отношению к Венере как планете.

Идея о том, что интервал между гелиакическими восходами и заходами равен шести месяцам для всех звезд без исключения, неверна с астрономической точки зрения. Так, например, многие звезды из числа звезд на пути Ану бывают на самом деле видны на протяжении значительно больших, чем полугодовой, промежутков времени. А среди звезд Энлиля, как уже отмечалось, есть две околополярные звезды (Повозка и Лиса), которые никогда не восходят и не заходят гелиакически. Тем не менее в данной таблице поставлена важная астрономическая задача, касающаяся величины интервала между гелиакическими восходом и заходом звезд. Предложенное решение формально неверно. Но уже сама ошибочная формулировка создавала предпосылки для ее исправления, для этого нужно было только произвести наблюдения.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СПИСКОВ ЗВЕЗД В «АСТРОЛЯБИИ Б»

Уже самое поверхностное рассмотрение каталогов и списков звезд в «Астролябии Б» показывает, что они формально не согласуются друг с другом. Различие касается прежде всего содержания списков. Так, в менологии мы находим созвездие ^{mul}MU.BU.keš$_2$.da ^{d}en.lil$_2$.le = *Nīru*, букв. «(Привязанное) Ярмо, Энлиль», акк. «Ярмо», которое в списках нигде более не встречается. Согласно современным определениям это созвездие находилось в пределах Дракона, тогда как ^{mul}šudun, «Ярмо» и šudun.im.⌜u$_{18}$⌝.[lu], «Южное Ярмо», упоминаемые в каталоге 12×3, располагались южнее[84].

Сопоставление каталогов 12 × 3 и 3 × 12 показывает, что содержательно они также расходятся. Каждый из каталогов включает по 36 звезд, казалось бы, это должны быть одни и те же звезды, однако в действительности это не совсем так. В каталоге 12×3 отсутствуют, например, названия созвездий и звезд ^{mul}šu.pa, ^{mul}*Zi-ba-ni-tum*, ^{mul}gu.la, ^{mul}lugal, ^{mul}nu.muš.da, представленные в каталоге 3×12. С другой

[84] См. в связи с этим Kurtik 2007, m27, sh18, sh19, sh22.

стороны, в каталоге 3×12 мы не находим названия ^{mul}*Is le-e*, ^{mul}ur.bar.ra и šudun. im.⌜u_{18}⌝.[lu], зафиксированные в перечне звезд 12×3.

Существенно расходятся также отношения «звезда–месяц», принятые в различных списках звезд «Астролябии Б». Об этом можно судить по содержанию табл. 3, где, кроме собственно каталога 3 × 12, приведены также данные для менологии и каталога 12 × 3. Полное совпадение имеет место только для месяцев I и XII, во всех остальных случаях отношения «звезда–месяц», как правило, не совпадают, причем расхождения носят хаотический характер, не поддающийся рациональному объяснению.

Причины расхождения неясны. Возможно, основой при составлении списков звезд служили разные источники. В эпоху создания «Астролябии Б» в Месопотамии еще не существовало единого каталога звезд, в котором были бы зафиксированы названия созвездий и отношения «звезда–месяц», как это осуществилось позднее в трактате MUL.APIN.

Важнейшей проблемой, связанной с «Астролябией Б», является присутствие в ней планет в роли месячных звезд. Названия планет встречаются во всех списках, кроме менологии. Вот их перечень:

^{mul}*Dilbat*, «Дилбат» – стандартное название Венеры, встречающееся во всех видах текстов[85];

^{mul}šul.pa.e_3, «Шульпаэ», букв. «Юноша, появляющийся в сиянии» – эпитет Мардука и одно из названий Юпитера[86];

$^{mul\ d}$amar.utu, букв. «Теленок Солнца» – эпитет Мардука и название Юпитера или Меркурия[87];

$^{mul\ d}$*Nēberu*, «Неберу, букв. «Паром» – название Юпитера или Меркурия[88]; Неберу в «Астролябии Б» представляет, согласно В. Горовицу, планету Меркурий как астрономическое воплощение Мардука вблизи Нового года[89];

^{mul}*Ṣalbatānu*, «Цалбатану» – стандартное название Марса[90].

В списках звезд «Астролябии Б» название Юпитера встречается дважды как ^{mul}šul.pa.e_3 и $^{mul\ d}$amar.utu. Это странное обстоятельство может получить простое объяснение, если предположить, что название $^{mul\ d}$amar.utu относится на самом деле не к Юпитеру, а к Меркурию[91].

Название Сатурна также присутствует в тексте «Астролябии Б». В каталоге 12 × 3 среди звезд Ану встречаем текст: mul sa_5 *ša i-na* zi im.ulu_3.lu / *ana* igi ^{mul}gir_2.tab gub-*zu* / ^{mul}udu.idim ^{d}*Zi-ba-ni-tum* «“Красная звезда”, которая на юге перед Скорпионом стоит, планета, Весы» (B ii 8–10).

В параллельном отрывке из «Каталога 30 звезд» (в BM 55502) находим: [mul s]a_5 *ša*$_2$ *ina* zi im.ulu_3^{lu} igi-*it* ^{múl}gir_2.tab $gub_3^!$ mul_2 udu.idim: ^{d}*Z*[*i-ba-ni-tum*] / [$^{(mul)}$sa]g.uš$^!$ mul *bi-ib-bu Zi-ba-ni-tum* ^{d}utu «“Кра[сная звезда”], которая стоит на

---

[85] *KAV* 218, B ii 4, C ii 1, 13, 26.
[86] *KAV* 218, B iii 23; C iii 4, 19, 32.
[87] *KAV* 218, B ii 32; C ii 12, 24, 35.
[88] *KAV* 218, B ii 32. См. Kurtik 2007, n. 15.
[89] Horowitz 2014, 23.
[90] *KAV* 218, B i 24; C9, 18, 29.
[91] О $^{mul\ d}$amar.utu как названии Меркурия см. Kurtik 2007, a28.

юге перед Скорпионом, (это) планета: В[есы, Са]турн, планета, Весы Шамаша»[92]. «Весы Шамаша», «Весы» – стандартные обозначения Сатурна в текстах разных категорий в I тыс. до н.э.[93] Несомненно, что в данном случае в «Астролябии Б» речь идет о Сатурне.

Планеты, как известно, изменяют свои положения относительно неподвижных звезд. В частности, на протяжении планетного периода изменяется точка восхода планеты на линии восточного горизонта. В астрологических текстах эта точка обозначалась обычно термином ki.gub = *manzāzu*[94]. Именно к ki.gub относятся, вероятно, определения движений планет с использованием глагольной формы *uttanakkar*, «изменять (свое положение) постоянно (или повторно)» (Dtn. от *nakāru* = kur_2, «изменять»), которые мы встречаем в «Астролябии Б»[95].

Постоянно изменялись также положения планет относительно неподвижных звезд при гелиакическом восходе, а также относительно путей Эа, Ану и Энлиля. Месопотамские наблюдатели, ответственные за составление серии *EAE*, были об этом прекрасно осведомлены (примеры предсказаний, основанных на определении пути, в пределах которого находится планета, см. выше). Не оставались постоянными также даты гелиакических восходов планет, меняющиеся из года в год (в отличие от дат гелиакических восходов созвездий/звезд). Что же заставило месопотамских наблюдателей включить планеты в текст «Астролябии Б» в качестве месячных звезд?

Убедительного ответа на этот важный вопрос не существует, высказываются только некоторые предположения. В частности, В. Горовиц рассматривает два возможных объяснения. Согласно первому не исключено, что тексты «Астролябии Б», в которых зафиксированы месячные даты гелиакических восходов планет, относятся к одному единственному году как предсказания важных с астрологической точки зрения событий, как это позднее было принято в «альманахах», где астрономические и метеорологические прогнозы на один год объединялись вместе. Однако к какому именно году они относятся, остается нераскрытым.

---

[92] Oelsner, Horowitz 1997–1998, 178–179, B. 17–18. В более раннем средневавилонском тексте HS 1897 соответствующее место звучит следующим образом: mul *ša i-na* zi im.ulu$_2^{lu}$ *ana* igi ^{mul}gir$_2$.tab gub-*zu* ki.gub-*su*$_2$ *ut-˹ta*˺-[*na-kar* ...] «Звезда, которая стоит на юге перед Скорпионом, постоянно изменяет свое положение», ibid., 178–179, A. 17. Очевидно, здесь речь идет о планете.

[93] Kurtik 2007, s10, u09, z10; 2015, 466–7.

[94] О значении термина ki.gub подробнее см. Reiner, Pingree 1981, 17; 1998, 18.

[95] О Юпитере в списке (12×3) сказано: mul gal *nam-ru* ... ki.gub kur$_2$.kur$_2$ / ^{mul}šul.pa.e$_3$... «Большая блестящая звезда, которая ... место (свое) изменяет: Шульпаэ...» (*KAV* 218, B iii 21–23).

О Венере в каталоге 12×3 сказано: mul gal ... ki.gub kur$_2$.kur$_2$ ½(sa$_9$) mu *ina* ^{d}utu.e$_3$ / ½(sa$_9$) mu *ina* ^{d}utu.šu$_2$.a mul.bi ^{mul}*Dil-bat*... «Великая звезда, которая ... место (свое) изменяет: половину года (она) на востоке (стоит), половину года – на западе. (Это) Венера...» (*KAV* 218, B ii 1–5), а в списке звезд, которые восходят, когда другие заходят, сказано: ^{mul}*Dil-bat ut-ta-nak-kar* «Венера изменяет (свое положение) (ibid., C 26).

О Марсе в списке (12×3) сказано: ^{mul}*Ṣal-bat-a-nu kal* mu / [*man*]-*za-za ut-ta-na-kar* «Марс, (который) весь год положение (свое) изменяет» (*KAV* 218, B i 23–25).

Согласно второму предположению месяцы в «Астролябии Б» связаны с планетами по религиозным или мифологическим соображениям. Отмечается, в частности, что божества Венеры и Юпитера, Иштар и Мардук, играют важную роль в церемонии празднования Нового года. Возможно, этим объясняется определение Венеры как звезды-Ану для нисану, первого месяца нового года, и Юпитера как звезды-Ану для аддару, последнего месяца предыдущего года, в каталоге 3×12. Похожие религиозные соображения лежат, возможно, в основе отождествления Марса, божеством которого считался Нергал, как звезды-Эа для месяца кислиму. В менологии «Астролябии Б» утверждается, что Нергал появляется из подземного мира как раз в этот месяц. Таким образом, гелиакический восход Марса в месяце кислиму может интерпретироваться мифологически как появление Нергала[96].

Особое значение в «Астролябии Б», как и в космологической поэме «Энума Элиш», имеет *Nēberu*. В поэме «Энума элиш» о нем сказано: «Он (= Мардук) установил положение Неберу, чтобы фиксировать их (= звезд) связи. / Чтобы никто (при своем движении) не совершил греха или проявил нерадивость. / Он установил стоянки Энлиля и Эа с его (= Неберу) помощью» (V 6–8)[97]. Согласно В. Горовицу три звезды в «Астролябии Б», фиксировавшие переход к Новому году, это звезда Мардука *Nēberu* на пути Ану в месяце аддару, $^{mul}ku_6$ «Рыба» – звезда на пути Эа в месяце аддару и $^{mul\ giš}$apin (Плуг) – звезда на пути Энлиля в месяце нисану[98].

НАЗНАЧЕНИЕ «АСТРОЛЯБИЙ»

В заключение рассмотрим вопрос о назначении «астролябий». Хорошо известно, что религиозный календарь, используемый в Месопотамии, был лунно-солнечным. Его основой был лунный месяц длиной 29 или 30 дней. Начало месяца фиксировала неомения – первое появление серпа Луны вечером после захода Солнца после периода невидимости. Наблюдали также другие фазы Луны – первую четверть, полнолуние, время невидимости Луны в конце месяца. Дни на протяжении месяца нумеровались от 1 до 30. Важнейшей проблемой было определение длины месяца – времени между двумя последовательными неомениями. Каждый месяц имел свое религиозное наполнение, праздники совершались строго в определенные дни. Ошибка в определении неомении даже в один день с религиозной точки зрения считалась недопустимой, поскольку нарушала установленный порядок служб[99].

Вторая проблема, связанная с лунно-солнечным календарем, касалась длины года. Лунный год – совокупность 12 лунных месяцев – составлял ок. 354 дней, т.е. он был на 11 дней короче солнечного года. Если предположить, что начала лунного и солнечного годов совпадают, и вести отсчет времени дальше, то через три года расхождение составит приблизительно один месяц. Чтобы устранить расхождение между лунным и солнечным годами, в Месопотамии производили вставки (интеркаляции) дополнительных лунных месяцев в среднем каждые три

---

[96] *MCG* 161–162.
[97] Kurtik 2007, 368.
[98] *MCG* 162; Horowitz 2014, 6–7.
[99] Kurtik 2013a, 25.

года[100]. Твердого правила для проведения интеркаляций не существовало до середины I тыс. до н.э., когда был открыт 19-летний лунно-солнечный цикл. До этого при введении интеркаляций применялись различного рода астрономические методы, позволявшие определять необходимость вставки. Один из них был связан с «астролябиями».

«Астролябии», как мы уже говорили, были тесно связаны с традицией идеального, или схематического, года, содержащего всего 12 месяцев по 30 дней каждый. В нем не учитывалась реальная длина лунного месяца, отпадала необходимость фиксировать неомении, а интеркаляции вообще не предусматривались[101]. Схематический год представлял собой упрощенную математическую модель годового промежутка времени, в которой удобно было фиксировать приближенно события, происходящие с интервалом в один год. Такими событиями были гелиакические восходы звезд.

Соответствия «месяц—звезда», принятые в «астролябиях», использовались как исходная закономерность для регулирования интеркаляций в вавилонском лунно-солнечном календаре. Начала месяцев, как мы уже говорили, отмечали восходы звезд Эа. Даты гелиакических восходов звезд не сдвигались относительно характеристических точек солнечного года, а наблюдаемые каждый год отношения «месяц—звезда» были подвержены изменению. Если гелиакические восходы звезд наблюдались позднее дат, приведенных в «астролябии», это могло служить основанием для введения дополнительного месяца. Задержка восхода относительно ожидаемой даты считалась неблагоприятным знаком с астрологической точки зрения[102].

Сообщение о такого рода наблюдениях встречаем в одном из новоассирийских рапортов, обращенном к царю: iti *lid-ru-ru* mul an-*e gab-bu* / *it-ta-mar-ku-u ina* ḫul iti.še / *lu la et-ti-iq* ... «Пусть они произведут вставку месяца; (поскольку) все звезды небесные опоздали. Пусть аддару не станет (букв. не пройдет) неблагоприятным»[103]. В нем сообщается о том, что наступил лунный месяц (по-видимому, речь идет о шабату), а звезды, связанные с ним в «астролябии», еще не взошли гелиакически (букв. «опоздали»). Хотя собственно «астролябии» здесь не упоминаются, однако есть все основания полагать, что в новоассирийский период они использовались для регулирования интеркаляций.

Литература / References

Casaburi, M.C. 2003: *Tre-stelle-per-ciascun(—mese). L'Astrolabio B: edizione filologica*. Napoli.

Çağırgan, G. 1984: Three more duplicates to Astrolabe B. *Belleten* 48/191—192, 399—416.

Emelianov, V.V. 1999: *Nippurskiy kalendar' I rannyaya istoriya Zodiaka* [*Nippur Calendar and the Early History of Zodiac*]. Saint Petersburg.

Емельянов, В.В. *Нуппурский календарь и ранняя история Зодиака*. СПб.

Horowitz, W. 2007: The astrolabes: astronomy, theology, and chronology. In: J. Steele (ed.), *Calendars and Years: Astronomy and Time in the Ancient Near East*. Oxford, 101—113.

---

[100] Об истории лунно-солнечного календаря в древней Месопотамии см. Kurtik 2013a.

[101] Об истории схематического календаря см. Kurtik 2013a, 39—40.

[102] Такого рода предсказания содержатся в табл. 51 серии *EAE*, см. Reiner, Pingree 1981, 56—61. См. также *MCG* 164, n. 20.

[103] Hunger 1992, no. 98 r. 8—9.

Horowitz, W. 2010: VAT 17081: a forerunner to the menology of Astrolabe B. In: Ş. Dönmez (ed.), *DUB.SAR É.DUB.BA.A. Studies Presented in Honour of Veysel Donbaz.* Istanbul, 183–188.
Horowitz, W. 2014: *The Three Stars Each: the Astrolabes and Related Texts*. Horn.
Hunger, H. 1992: *Astrological Reports to Assyrian Kings*. Helsinki.
Hunger, H., Pingree, D. 1989: *MUL.APIN. An Astronomical Compendium in Cuneiform*. Horn.
Hunger, H., Pingree, D. 1999: *Astral Sciences in Mesopotamia*. Leiden–Boston–Köln.
Koch, J. 1989: *Neue Untersuchungen zur Topographie des babylonischen Fixsternhimmels*. Wiesbaden.
Koch-Westenholz, U. 1995: *Mesopotamian Astrology: An Introduction to Babylonian and Assyrian Celestial Divination*. (CNI Publications, 19). Copenhagen.
Kurtik, G.E. 2005: [Observations of the heliacal star risings and settings in Ancient Mesopotamia]. *Istoriko-astronomicheskie issledovaniya* [*Studies in the History of Astronomy*] 30, 105–115.
Куртик, Г.Е. Наблюдения гелиакических восходов и заходов звезд в древней Месопотамии. *Историко-астрономические исследования* 30, 105–115.
Kurtik, G.E. 2007: *Zvezdnoe nebo drevney Mesopotamii: shumero-akkadskie nazvaniya sozvezdui i drugikh svetil* [*The Stellar Sky of Ancient Mesopotamia: Sumerian and Akkadian Names for Constellations and Other Celestial Bodies*]. Saint Petersburg.
Куртик, Г.Е. *Звездное небо древней Месопотамии: шумеро-аккадские названия созвездий и других светил*. СПб.
Kurtik, G.E. 2013a: [Time measurement and calendars in ancient Mesopotamia (Sumerian period)]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki* [*Studies in the History of Science and Technology*] 4, 22–40.
Куртик, Г.Е. Измерение времени и календари в Древней Месопотамии (шумерский период). *Вопросы истории естествознания и техники* 34/4, 22–40.
Kurtik, G.E. 2013b: [The introduction of the «ecliptic» in Mesopotamian astronomy]. *Istoriko-astronomicheskie issledovaniya* [*Studies in the History of Astronomy*] 37, 145–167.
Куртик, Г.Е. Введение «эклиптики» в месопотамской астрономии. *Историко-астрономические исследования* 37, 145–167.
Kurtik, G.E. 2015: [Planets in Mesopotamian sources of the third and second millennia BC]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki* [*Studies in the History of Science and Technology*] 36/3, 455–473.
Куртик, Г.Е. Планеты в месопотамских источниках III–II тыс. до н.э. *Вопросы истории естествознания и техники* 36/3, 455–473.
Kurtik, G.E. 2017: Constellation names in Mesopotamian sources of the first half of the second millennium BC and the problem of the origin of constellations. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 77/4, 821–839.
Куртик, Г.Е. Названия созвездий в месопотамских источниках первой половины II тыс. до н.э. и проблема происхождения созвездий. *ВДИ* 77/4, 821–839.
Landsberger, B., Kinnier Wilson, J.V. 1961: The fifth tablet of Enūma Elis. *Journal of Near Eastern Studies* 20/3, 154–179.
Oelsner, J., Horowitz, W. 1997–1998: The 30-star-catalogue HS 1897 and the late parallel BM 55502. *Archiv f*ür *Orientforschung* 44–45, 176–185.
Oppenheim, A.L. 1959: A new prayer to the "Gods of the Night". In: *Studia biblica et orientalia*. Vol. III. *Oriens Antiquus.* (Analecta biblica, 12). Rome, 282–301.
Parpola, S. 1993: *Letters from Assyrian and Babylonian Scholars*. (State Archives of Assyria, 10). Helsinki.
Pinches, T.G. 1900: Rev.: R. Brown. Researches into the origin of the primitive constellations of the Greeks, Phoenicians, and Babylonians. Vol. 2. London, 1900. *Journal of the Royal Asiatic Society*, 571–577.
Reiner, E., Pingree, D. 1975: *Babylonian Planetary Omens.* Part I. *Enūma Anu Enlil Tablet 63: The Venus Tablet of Ammiṣaduqa*. Malibu.
Reiner, E., Pingree, D. 1981: *Babylonian Planetary Omens.* Part II. *Enūma Anu Enlil. Tablets 50–51.* Malibu.
Reiner, E., Pingree, D. 1998: *Babylonian Planetary Omens.* Part III. Groningen.
Reiner, E., Pingree, D. 2005: *Babylonian Planetary Omens.* Part IV. Leiden–Boston.
Rochberg-Halton, F. 1987: TCL 6 13: Mixed traditions in Late Babylonian astrology. *Zeitschrift für Assyriologie* 77/2, 207–228.
Sachs, A., Hunger, H. 1988: *Astronomical Diaries and Related Texts from Babylonia*. Vol. I. *Diaries from 652 B.C. to 262 B.*C. Vienna.
Sayce, A.H. 1874: The astronomy and astrology of the Babylonians, with translations of the tablets relating to this subjects. *Transactions of the Society of Biblical Archaeology* 3, 145–339.

Schott, A. 1934: Das Werden der babylonisch-assyrischen Positions-Astronomie und einige seiner Bedingungen. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft* 88/3–4, 302–337.
Smith, S. 1875: *Assyrian Discoveries: An Account of Explorations and Discoveries on the Site of Nineveh, During 1873 and 1874.* London.
Van der Toorn, K. 1985: *Sin and Sanction in Israel and Mesopotamia. A Comparative Study.* (Studia Semitica Neerlandica, 22). Assen–Maastricht.
Van der Waerden, B.L. 1949: Babylonian astronomy. II. The thirty six stars. *Journal of Near Eastern Studies* 8/1, 6–26.
Van der Waerden, B.L. 1974: *Science Awakening II. The Birth of Astronomy*. Leiden–New York.
Van der Waerden, B.L. 1991: *Probuzhdayushchayasya nauka II. Rozhdenie astronomii* [*Science Awakening II. The Birth of Astronomy*]. Moscow.
Ван дер Варден, Б.Л. Пробуждающаяся наука *II*. Рождение астрономии. М.
Walker, C.B.F., Hunger, H. 1977: Zwölfmaldrei. *Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft* 109, 27–34.
Weidner, E. 1915: *Handbuch der babylonischen Astronomie*. Bd. I. Leipzig.
Weidner, E. 1952–1953: Die Bibliothek Tiglathpilesers I. *Archiv für Orientforschung* 16, 197–215.

Vestnik drevney istorii
82/4 (2022), 823–839
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/4 (2022), 823–839
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910016478-8

ОТНОШЕНИЯ ДЕЛЬТЫ С ХАНААНОМ В КОНЦЕ ДРЕВНЕГО ЦАРСТВА

По данным эпиграфики архитрава из Ком эль-Ахдар

И. В. Богданов

Институт восточных рукописей Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: jwan.bgd@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9085-3351

Продолжение исследования архитрава из Ком эль-Ахдар конца VI – VII/VIII династий. Вторая часть исследования содержит в основном комментарий к антропонимам и замечания к некоторым титулам. Имена двух сыновей хозяина – *sḏ-rtṯnw* «Разбивающий (жителей) страны *rtṯnw*» и *ꜥ3m* «Хананеи» – представляют большой интерес как источник по ранним контактам египтян с соседними семитскими племенами. Высказываются некоторые соображения по поводу титулов *jmj-r3 gs-pr* «начальник стороны дома» и *jmj-r3 jḥw m gswj-pr* «начальник скота в двух сторонах дома». Эти данные свидетельствуют, что Дельта играла роль пограничной территории, через которую Египет проводил торговые операции с Хананеем, а также осуществлял походы против племен Южного Леванта.

Ключевые слова: Египет Древнего царства, VI династия, VIII династия, древнеегипетская эпиграфика, староегипетский язык, международные отношения Египта с Южной Палестиной в III тыс. до н.э.

RELATIONS OF THE DELTA WITH CANAAN AT THE END OF THE OLD KINGDOM

According to the Inscriptions on the Architrave from Kom el-Akhdar

Ivan V. Bogdanov

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

E-mail: jwan.bgd@yandex.ru

Данные об авторе. Иван Валерьевич Богданов – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела Древнего Востока ИВР РАН. Автор благодарит Д.О. Сычева и А.А. Ильина-Томича за помощь в работе. Статья отправлена в редакцию ВДИ в сентябре 2021 г.

The article offers a continuation of the study of the architrave from Kom el-Akhdar dated to the late Sixth–Eighth Dynasties. It consists mainly of a commentary on anthroponyms and notes on some titles. The names of the two sons of the deceased, *sḏ-rtṯnw* ('Breaker (of the inhabitants) of the Land *rtṯnw*') and *ꜥꜣm* ('Canaanite'), are of great interest as evidence for the early relations between Egypt and the neighboring Semitic tribes. Some suggestions are made concerning the titles *jmj-rꜣ gs-pr* ('overseer of the side of the house') and *jmj-rꜣ jḥw m gswj-pr* ('overseer of cattle on both sides of the house'). These data indicate that the Delta played the role of a frontier territory through which Egypt conducted trade with Canaan, as well as carried on campaigns against the tribes of the Southern Levant.

Keywords: Old Kingdom Egypt, 6th Dynasty, 8th Dynasty, Ancient Egyptian epigraphy, Old Egyptian language, international relations between Egypt and Southern Palestine in the third millennium BC

Данная работа продолжает публикацию нового фрагмента архитрава из Ком эль-Ахдар (*далее* – КеА), находящегося в галерее Ч. Руперта Уэйса[1]. Правый фрагмент этого архитрава был уже давно известен в науке[2] и теперь, соединив обе части, его можно исследовать как цельный памятник. Архитрав происходит из гробницы чиновника по имени *nj-nḏm=j-ḫnmw* в области древнего Бусириса в центральной Дельте и датируется самым концом VI – VII/VIII династией. Первая часть публикации содержит транскрипцию и перевод всей эпиграфики, комментарий к беседам слуг и некоторым личным именам[3], вторая же часть посвящена оставшимся антропонимам и титулам хозяина памятника.

ИМЕНА СЫНОВЕЙ *nj-nḏm=j-ḫnmw*, СВЯЗАННЫЕ С ХАНААНОМ

4. *sḏ-rtṯnw*. Фрагмент архитрава, опубликованный Фишером, стал широко известен среди специалистов благодаря важной исторической информации: здесь сохранилось одно из двух древнейших свидетельств о стране *rṯnw*. Этот топоним входит в состав имени сына хозяина, которое вслед за Фишером обычно читают как *sḏ-rtnnw* 𓋴𓏏𓂋𓏏𓂋𓈖𓅱𓅱𓅱 «разбивающий *rtnnw*». Имя свидетельствует о напряженных отношениях пограничных территорий Египта с Левантом к исходу Древнего царства.

Чтение названия страны в имени *sḏ-rtnnw* вызывает сомнения, поскольку двойной *nn* 𓈖𓈖 в сочетании *nnw* 𓋴𓏏𓅱 выгладит странно. Можно предложить две новых версии чтения названия страны в этом имени.

Во-первых, 𓈖𓈖 можно понять как фонетическое добавление к *nw* 𓅱 с тем же чтением, а следовательно, топоним следует передавать без геминации *n*. Случаи написания 𓈖𓈖 *nn* вместо 𓅱𓅱 *mw* / 𓅱 *nw* в староегипетском известны следующие:

1. В имени 𓅱𓅱𓈖𓈖𓎛 *ḥk-nn* = *ḥknw*[4].

2. В имени 𓇋𓂝𓈖𓈖𓂋𓂋𓂋

ется сокращением от , , , *nwj*, которое, в свою очередь, употреблялось как стяжение сочетания *nj-wj* «Я принадлежу»[7]. Таким образом, *nnj*/*nwj* является стяжением *nj-wj* (предикативная нисба + энклитическое местоимение 1 л. sg.), подобно тому как *nnkj* является стяжением *nj-jnk* (предикативная нисба + независимое местоимение 1 л. sg.). Правило чтения геминированного согласного по образцу *nn* = *nwj* могло распространяться и на другие согласные. Например, геминация *r* иногда дает чтение *rwj* , что следует из орфографии имени *ṯmrrj* = *ṯmrwj*[8], которое являлось иностранным заимствованием[9]; а также слова *ꜥrrwt*/*ꜥrrjt* = *ꜥrwjt* «зал»[10].

3. В сочетании *šd*(*w*)=*f* *t-mw m rꜣ-*(*pr*) *pn nb=j jw wḥm* (*j*)*r*=*s*(*n*) *nfr* «пусть он читает ‘хлеб-воду’ в храме моего господина, и тогда (это) обернется для них добром»[11]. Слово *mw* «вода» высечено двумя знаками *n* вместо трех.

4. Среднеегипетское имя *jbnn*[12], вероятно, следует читать *jbw*, где знаки заменяют детерминатив (*mw*) к слову *jb* с основой «испытывать жажду»[13].

Во-вторых, на архитраве KeA сомнительно само присутствие двух знаков воды *nn* в названии страны *rṯnw*. Как замечает Фишер, «вряд ли группу знаков следует читать как , насколько я мог судить, сравнивая две фотографии, на которые мне приходилось полагаться»[14]. Между тем, судя по фотографии, знак *t* в имени

---

[7] О модели имен *nj-wj*-NN «я принадлежу NN», которые выписывались преимущественно со стяжением *nw* = *nj-wj*, см. Junker 1951, 117; *PN* II, 82; Fecht 1960, 223, § 111N; Scheele-Schweitzer 2014, 425 [1580]–[1584]. Обратный переход *nn* в *nw* отмечен в древнейших написаниях имени бога *tꜣ-nn*/*tꜣ-ṯnn* (например,) на гробах из Сиута (Schlögl 1980, 13–14, 156–157; Zitman 2010, I, 180, n. 1227; 268, n. 1886–1892. Датировки: конец XI – начало XII династии).

[8] Kanawati, Hassan 1997, 15, 40, 41, pl. 12, 45, 46; см. также Brovarski 2018, 147, n.c.

[9] *PN* I, 390.32; ср. Scheele-Schweitzer 2014, 733–734 [3706]: «e. Hypokoristikon». Само наличие иноземного имени не свидетельствует о чужеродности его носителя; равным образом, поиск аналогов имени *ṯmrwj* среди прочих похожих имен (Goedicke 1995, 6) неплодотворен.

[10] Ср. *Wb*. I, 209.6; 211.8–14; Spencer 1984, 147–150.

[11] *QH* 105. Edel 2008, III, 1559, Text 1; 1611, Abb. 4; Taf. 69. Параллели: *šdw prt-ḫrw n=f* «пусть читает для него ‘вызов жертв’» (*QH* 105. Edel 2008, III, 1561, Text 11; 1613, Abb. 6; Taf. 69); <*šdw*> *prt-ḫrw m rꜣ-pr pn nb=j j*(*w*) *wḥm* (*j*)*r*=*ṯn nfr* «<читайте> ‘вызов жертв’ в храме моего господина, и тогда (это) обернется для вас добром» (*QH* 109. Edel 2008, III, 1670, 1711, Text 13, Abb. 2; Taf. 71), и др. Синопсис 5 версий этого обращения: Edel 2008, III, 1672–1673. О выражении *ḏdw ḏj t-ḥnḳt-mw* «скажите ‘дать хлеб-пиво-воду’» (вместо «читайте *prt-ḫrw* ‘вызов жертв’») см. стелу Louvre E.26904 (Ziegler 1990, 204–206 (34). Датировка: конец VI – VIII династии).

[12] Pérez-Die, Vernus 1992, 30–32, 85–87, fig. 5, lám. 9a; Padró 1999, 154–155, 297, fig. 116.2; Pérez-Die 2010, 387, fig. 15; ср. Schneider 2003, 127: он считает имя *jbnn* семитским. Датировка: начало XII династии.

[13] *Wb*. I, 61.8–10; см. орфографию глагола *jbj* на стеле BM EA 101 времён *jmn-m-ḥꜣt* III (Budge 1912, pl. 2; Sethe 1990, 89.19), а также имени *jbj-jb=j* masc. (Stela BM EA 238: Franke 2013, 94 (27), 98, pl. 20; чтение которого подтверждается написанием имени этого человека в форме на стеле Marseille 223, см. Grajetzki 2001, 23–24, 44. Датировка: XIII династия). Ханаанейское имя (?) (Tallet 2012, 168, doc. 255; Гебель эль-Хазбар, Южный Синай) следует читать, вероятно, как *jbj-šmw* (*PN* II, 262.23).

[14] Fischer 1976, 9, n. 27.

и впрямь присутствует, а вот сочетание знаков *nn* больше похоже на знак *ṯ*, что дает чтение *sḏ-rṯṯnw*. В таком случае орфография топонима *rṯṯnw* на архитраве KeA почти совпадает с написанием топонима *rṯṯnw* в надписи *ḫnmw-ḥtp* из гробницы *QH* 34e[15], которая является вторым источником эпохи Древнего царства об этой стране. Если принять на архитраве KeA чтение *ṯ* вместо *nn*, то наслоение *tṯ* в названии страны *rṯnw* в староегипетском оказывается закономерностью.

Итак, помимо чтения Фишера, возможно еще два варианта чтения названия страны в имени на архитраве KeA: *1) rtnw*, если считать двойной *nn* фонетическим дублированием *nw; 2) rtṯnw*, если читать имя по фотографии, а не по прорисовке Фишера.

Герхард Фехт считал написание *rṯnw* более древним, а вариант с *t* результатом фонетических изменений в египетском языке. Личное имя *sḏ-rtnnw* он вообще считал крайне сомнительным (unwahrscheinlich) свидетельством о стране *rṯnw* как раз из-за дублированного *n*, оговаривая, что это не отвергает вероятности того, что *t* в слове *rṯnw* появляется позже *ṯ*[16].

Действительно, депалатализация *ṯ* > *t* отмечена уже в текстах VI династии, а в классическом египетском она стала нормой[17]. Например, в названии Тинитского нома отмечен переход *ṯ* > *t* при добавлении к знаку паруса *ṯꜣw* эпитета *wr*[18]. В названии растения *mꜣṯt*/*mꜣṯrt* (Calotropis procera) во времена создания Текстов саркофагов *ṯ* мог переходить в *t*, из-за чего оно смешалось с *mꜣtt* «сельдерей / петрушка» и возникла путаница. От этой лексемы в Древнем царстве произведен загадочный женский титул *mꜣṯt*/*mꜣṯrt*[19]. В. Хельк[20] считал титул *mꜣṯrt* вариантом столь же таинственного женского титула *mrtrt*, однако случаи употребления лексемы *mꜣtt*/*mꜣṯrt* не показывают перехода *mꜣ* > *mr*, к тому же титул *mrtrt* был гораздо более распространен, поскольку являлся женским индикатором знатности (подобно титулам *rḫ nswt*, *špsj nswt*, *smr* и т.п.) и не предполагал иерархии, т.е. над ним не могла стоять начальница, когда как для титула *mꜣṯrt* таковая известна – *jmjt-rꜣ mꜣṯrt по имени nfrt-jr*(*j*)[21]; так что *mꜣṯrt* и *mrtrt* явно разные титулы[22]. Переход среднего радикала *ṯ* > *t* в глаголах в эпоху Среднего царства происходит в зависимости от некоторых условий, например ударения на передний слог в инфинитиве, которое реконструируется на основании данных по акцентологии коптского языка; равным образом, в именах средние палатальные радикалы обычно переходят в дентальные после

---

[15] *QH* 34e. *Urk*. I, 140.16–141.3; Edel 2008, I, 466–468, fig.1a; 503–504, Abb. 1a-c; Vischak 2015, 105, fig. 23. Датировка: начало правления *ppj* II *nfr-kꜣ-rᶜ* I. В надписи Wadi Hammamat M 169 (Couyat, Montet 1912, 94) времен царя *jtj* VII/VIII династии некоторые исследователи интерпретируют загадочное слово как этноним *rtn*(*jw*) «жители страны *rtnw*» (например: Goedicke 1990, 69; Diego Espinel 2006, 146), однако вряд ли это правомерно.

[16] Fecht 1984, 473–477; см. также Morenz 1998b, 7.

[17] Edel 1955–1964, I, LVIII, § 112N; Osing 1976, 531; Fecht 1984, 476; Brose 2014, 32–33; Allen 2020, 55, 70–71.

[18] Edel 1955, 73–75; Fecht 1960, 12–13.

[19] Edel 1970, 9–14. В целом материалы по растению и титулу *mꜣṯt*/*mꜣṯrt* в Текстах саркофагов и других источниках сведены в Charpentier 1981, 319–323 (501bis). Титул: Jones 2000, 302 (1103), 424 (1569); Hannig 2003, 98–99, 506; добавить: Hawass 2004, fig.7, pl. 9; Hawass 2008, 38.

[20] Helck 1994, 228.

[21] Thompson 2014, 16, 21, 53a-b, 56; Edel 1970, 10; Jones 2000, 302 (1103).

[22] Jones 2000, 424–425 (1569–1572).

ударения или перед некоторыми гласными. Палатальные сохранялись перед ударными гласными переднего ряда (*i*, *e*, *a* и подобными), которые в конце Древнего Царства подверглись редукции, что было связано с депалатализацией последующих согласных[23].

По мнению Г. Фехта, переход *ṯn* > *tn* состоялся по правилу, выявляемому из истории лексемы *ṯnj* > *tnj* «возвышать, отличать». Случаи с выпадением *r* в слове *rtnw* в рукописях Истории Синухе, а также фонодетерминативы бумеранга и приземляющейся птицы в слове *rṯnw*/*rtnw* и в египетских словах с основой *ṯnj* «возвышать» свидетельствуют, по его мнению, что *ṯn* > *tn* в топониме *rṯnw*/*rtnw* соответствует фонетике египетского слога *ṯn*[24]. Надо добавить, что еще со времен А.Х. Гардинера высказывается подозрение, что написание 𓏤𓅱𓈖𓊪 *tnw* без начального *r* только в берлинской рукописи истории Синухе (P. Berlin 3022 конца XII династии) vs 𓏤𓅱𓂋𓈖𓊪, 𓏤𓅱𓂋𓈖𓊪 *rtnw* в других рукописях (конец XII династии – Новое царство)[25] является ошибкой; впрочем, это маловероятно, поскольку вариант *tnw* встречается и в других источниках[26]. Г. Фехт[27] полагал, что в изначальном варианте повести стояла форма **ꜣṯnw*, где *ꜣ* в анлауте появился из-за смешения *ꜣ*>*r*[28], поскольку оба согласных передавали семитский /*r*/*l*/[29]. Именно этот *ꜣ* в анлауте, по заключению Фехта, отпал, оставив усеченную форму *tnw* < *rtnw*. Однако стоит отметить, что в египетских передачах семитских имен *ꜣ* в анлауте как отдельный слог[30] вообще не употреблялся[31].

Сам семитский топоним Фехт считал возможным транскрибировать как Razānu «скудная степь, пустыня», производя это имя от сочетания rzj/rzh-*ānu «скудная земля»[32]. Ранее высказывалось мнение о тождественности *rṯnw* долине реки Литани в Ливане[33], однако это маловероятно[34].

---

[23] Peust 2018, 172, 178–181.

[24] Fecht 1984, 476.

[25] Sinuhe B31, B100, B109, B129 (Koch 1990, 24, 44, 46, 49).

[26] Gardiner 1916, 23 (31), 44 (109); в пользу трактовки *tnw* как орфографического нюанса *rtnw*: Parkinson 2004, 55; Gnirs 2013, 378, Anm. 58. Некоторые примеры усеченного написания *tnw* < *rtnw* разных времен: Caminos 1968, 86, pls. 39–40 = *KRI* I, 98.16; Parkinson 2004, 55; ср. *Wb*. II, 460.10.

[27] Fecht 1984, 476–477.

[28] Смешение *ꜣ*>*r* отмечено еще в староегипетском и отражено в соответствии среднеегипетского *ꜣ*/*ꜣr* ~ /*r*/ > новоегип. и демот. *ꜣl*/*l* > копт. ⲗ: Edel 1955–1964, 57, § 129; Satzinger 1994, 197, 204–205; Peust 1999, 127–132; о диалектальных особенностях переходов староегип. *ꜣ* к среднеегип. *ꜣ* ~ /*r*/*l*/ см. Gundacker 2011, 57–58.

[29] Hoch 1994, 407, 413.

[30] В анлауте употреблялся двусогласный слог 𓄿𓅱 *ꜣw* /ru/ < семитск. ʾaru/ʾalu, например в новоегипетской передаче 𓏤𓄿𓄿𓄿𓈖𓄿𓅱 *ꜣwšꜣmm* «Иерусалим» и др. (Aḥituv 1984, 122; Cooper 2020, 121–122).

[31] Транскрипции всех семитских топонимов с односложным *ꜣ* в анлауте, приведенные в Simons 1937, 195 (Index): IXg.2, XXXIV.12, I.236 (147) (по спискам Нового царства и XXII династии), подлежат исправлению; см. Fairman 1940, 166, 168; Aḥituv 1984, 102; Schneider 1992, 226.

[32] Fecht 1984, 463–464, 467–468, 470; см. также Morenz 2000–2005, 34; Kockelmann, Rickert 2015, 52.

[33] Green 1983, 55; другие идентификации с кратким обзором источников Нового царства: Helck 1971, 266–268.

[34] Görg 1987, 142.

Несмотря на доводы Фехта в пользу идеи о депалатализации *ṯn* > *tn* в топониме *rṯnw*/*rtnw*, фонетика которого менялась по правилам египетского языка, следует отметить, что два примера с написанием *rtṯnw* – [illegible] на архитраве KeA и [illegible] в надписи *ḫnmw-ḥtp* конца Древнего царства – отражают в нем переход *t* в *ṯ*. Обычно египетский *t* использовался для передачи семитского дентального /t/, а *ṯ* – семитских сибилянтов /z/s/[35], при этом немногочисленные случаи написания *rtnw* падают на XVIII в.– нач. I тыс. до н.э.[36] и эта форма сосуществует с господствующим со времен Среднего царства написанием *rṯnw*[37]. Именно последняя форма отражала звучание топонима во II тыс. до н.э., поэтому написание с *tn* в Истории Синухе, а также в Новом царстве и позже можно считать либо орфографической вольностью, появившейся в процессе общих фонетических изменений с тенденцией к переходу палатальных в дентальные в классическом египетском и с последующим полным смешением *t*/*ṯ*, либо реликтом древней фонетической формы, что менее вероятно. Наслоение *tṯ* в ранних источниках о топониме *rtṯnw* > *rṯnw* передает сочетание семитских /t/ и /z/s/ и показывает неустойчивость звучания этого слова в конце III тыс. до н.э. Смена согласных должна быть связана с фонетическим процессом не в египетском, как считал Г. Фехт, а в западносемитских языках. У истоков этих изменений ранняя форма *rtṯnw* еще отражала аффрикату /tz/ ts/, а в среднеегипетской форме *rṯnw* дентальный /t/ уже был ассимилирован последующим сибилянтом. Этот процесс способствовал стандартизации формы *rṯnw* в египетском вопреки общей тенденции к депалатализации *ṯn* > *tn*, которая не повлияла на тонкости произношения иностранного слова. Переходный этап для *tṯn* > *ṯn* в слове *rtṯnw*/*rṯnw* падает на XXIII–XXII вв. до н.э., когда в египетской озвучке

---

[35] Schneider 1992, 393, 397–398; Osing 2001, 167; ср. Hoch 1994, 406–408, 429.

[36] Примеры Нового царства с написанием [illegible] *rtnw* через *t*: Simons 1937, 129 (список VI.1–2. Датировка: *jmn-ḥtp* II); TT 93 (Davies 1930, pl. 11–12; низ; здесь же встречается и написание *rṯnw*: Davies 1930, I–II, pl. 44, стк. 4, 6. Датировка: *jmn-ḥtp* III); примеры III Переходного периода: *JWIS* II, 101, 113; и т.д. вплоть до греко-римской эпохи, когда вторая согласная в слове [illegible], [illegible] (*ḥ3t* < *ṯ* – ошибка перевода с иератики), [illegible] *rṯnw*/*rdnw* окончательно утратила роль фонетического критерия (греко-римские источники о *rṯnw*: Kockelmann, Rickert 2015, 29 (22–23), 34 (10), 35 (18), 52, 91; Leitz 2017, 571 и др.). Форма *rtnw*, как уже говорилось, отмечена также во всех списках Sinuhe B31, B100, B109, B129, кроме рукописи P. Berlin 3022 конца XII династии (Koch 1990, 24, 44, 46, 49).

[37] Источники о *rṯnw* в Среднем царстве: Hannig 2006, 2961; Mourad 2015, 36, 121–123, 190–193, 198–199, 205–206, 209, 211, 217, 267–310; в этой книге топоним отождествляется с Северным Левантом и севером Южного Леванта. В источниках упоминаются две страны *rṯnw*: *ḥrt* и *ḫrt* «Верхняя» и «Нижняя». В птолемеевских декретах «две страны» *rṯnw* отождествлялись с Ассирией/Сирией согласно демотическим (*p3 tš n p3-jšr* «страна ассирийцев») и греческим (Συρία) параллелям, в то время как иероглифическая «Сирия» (*ḫ3rw*) отождествлялась с *p3 tš n n3-ḫrw* (демот. «страна сирийцев») и Φοινίκη соответственно (Altenmüller 2010a, 34–36, 39; Pfeiffer 2004, 97–98; Kockelmann, Rickert 2015, 52; о демотических наименованиях Сирии (*jšr*) и Финикии (*ḫr*/*ḫrw*) см. сводку Verreth 2011, 545–548, 600–602). Таким образом, в позднейшей традиции новоегипетский топоним *ḫ3rw* «Сирия» был перенесен на Финикию, а древний *rṯnw* – на внутренние регионы Сирии. Позднейшее свидетельство о *rṯnw*: *Esna* VII, 68: Nr. 572.22–23, – относится ко времени Траяна.

западносемитского топонима после *ṯ* в предударной позиции должна была появиться гласная переднего ряда, возможно, **i*, что отразилось и в его орфографии.

Имя *sḏ-rtṯnw* любопытно еще в одном аспекте. Обычно действие глагола *sḏ*/*sd* «разбивать, раскалывать» направлено на сосуды, черепа, кости, сердце, тела, разные предметы[38]; в отношении иноземцев, врагов, стран глагол *sḏ*/*sd* употреблялся редко[39]. В рамессидских текстах выражение *sḏ ḫ3swt* «разгром чужеземных стран» означает прежде всего уничтожение твердынь и прорыв войск через крепостные стены[40]; типичный пример из этой серии фразеологизмов: *ḥrjt=k sḏ.n=s ḫ3swt* «страх перед тобой разбивает чужеземцев»[41]. Вместе с тем известны и подобные выражения об ужасе или эпидемии, которые разбивают сердца чужеземцев (*sḏ jbw ḫ3swt*)[42]. Действие *sḏ*/*sd* как разрушение живой силы (врагов, заговорщиков) отражено в поздних примерах[43]. Словом, употребление глагола *sḏ* «разбивать» с этнонимом или страной как дополнением вошло в моду довольно поздно и для III тыс. до н.э. выглядит нестандартно. Имя *sḏ-rtṯnw* «Разбивающий (жителей) страны *rtṯnw*» не свидетельствует о том, что в эпоху Древнего царства область *rṯnw* граничила с Дельтой, так как их разделяли ханаанейские племена *ꜥ3mw*, кочевавшие на Пути Хора[44] и, вероятно, находившиеся с египтянами в дружественных отношениях.

Надо полагать, что в имени *sḏ-rtṯnw* объектом разгрома является народ, а не страна *rtṯnw*. Известен еще только один староегипетский антропоним, в котором отразились враждебные отношения египтян с соседями – *ḥw*(*j*)-*nḥsj*(*w*) «побивающий нубийцев»[45]. В результате попытки обращать фразеологию из области внешнеполитической военной риторики в личные имена так и не стали тенденцией.

5–6. *ꜥ3m* и *rwj*. Другого сына *nj-nḏm=j-ḫnmw*, с титулом *ḥrj-tp-nswt* «поверенный царя», звали *ꜥ3m*, что значит «Хананей». Это имя уникально для Древнего царства[46] и тоже появилось на волне бурных контактов населения Дельты с семит-

---

[38] *Wb*. IV, 373.8–375.7; Hannig 2006, 2396–2397.

[39] *Wb*. IV, 374.17–18; Meeks 1982, 280 (79.2881).

[40] *Wb*. IV, 374.11–12; Hasel 1998, 59–60.

[41] *KRI* I, 30.8; *KRI* V, 92.15–16, параллель: *KRI* I, 21.4: *sḏ.n ḥrjt=f ḫ3swt* «страх перед ним разбивает чужеземцев»; см. также *KRI* II, 170.13; 173.6; 184.14; и др.

[42] Например, в *KRI* I, 19.2; *KRI* V, 240.12; *JWIS* II, 12. О разбивании сердец (*sḏ jbw*) врагов: *Wb*. IV, 374.20–22. Фразеологизм *sḏ jb* «разбивать сердце» уже в среднеегипетском означает «лишать воли» (*Wb*. IV, 374.20–22; Hannig 2006, 2397; Blumenthal 1970, 240; см. также эпитет *jsḏ jb* «разбиватель сердца» в гимне Упуауту конца XIII династии (стела Hannover, Museum August Kestner 1976.80b: Munro 1960, 64, Taf. 5)).

[43] Например, TLA DZA 29.872.360 (Parker, Leclant, Goyon 1979, 53, n.65); P. Bremner Rhind (P. BM EA 10188), Книга поражения Апопа, 25.8, 32.9 (Faulkner 1933, 53.1, 88.3–4; Carrier 2015, 91, 195).

[44] Сжатый обзор проблемы этимологии слова *ꜥ3m* и локализации *ꜥ3mw* к югу от Негева до окраин Восточной Дельты и пространства между Нилом и побережьем Красного моря см. Gundacker 2017, 349–355.

[45] Scheele-Schweitzer 2014, 533 [2360].

[46] Scheele-Schweitzer 2014, 289 [652] – только здесь, ср. Fischer 1976, 8–9, n. 26. Женский эквивалент *ꜥ3mt* в I Переходный период: стелы Chicago OIM 16959 (Dunham 1937, 107–107 (87), pl. 34; Brovarski 2018, 271–272); Cairo CG 1606 (Borchardt 1964, 80; Brovarski 2018, 371, 633, pl. 12.5; Pitkin 2017, II, 555, pl. 160); с некого аукциона (Brovarski 2018,

скими племенами Палестины. Написание имени [47] почти не находит параллелей в среднеегипетских свидетельствах об этом этнониме, чаще всего записывавшемся в краткой форме [47]. Близкое написание [48] отмечено лишь в Бени Хасане[48]. Для Древнего царства – I Переходного периода, напротив, засвидетельствованы пространные написания[49]; впрочем, упоминания *ꜥ3mw*/*ꜥ3mwt* «ханаанеев/ханаанеянок» в III тыс. до н.э. весьма скудны. Роман Гундакер[50] объясняет появление имени *ꜥ3m* на архитраве KeA тем, что «имя его матери *Rwj* ..., которое можно понять как гипокористик от имени с элементом, имеющим тот же корень, что и слова *rw.t* «вне» и *rwt.j* «чужеземец»..., возможно, свидетельствует

360–361, 631, pl. 12.1). Имя *ꜥ3m*/*ꜥ3mt* «ханааней/ханаанеянка» было очень распространено в эпоху Среднего царства; известно и имя *p3*-*ꜥ3m* с тем же значением (*PN* I, 59.2–3; *PN* II, 346; Schneider 2003, 5–18; Mourad 2015, 105, 205, 207, и др.), но в Новом царстве и позже имена (*p3*)-*ꜥ3m* и (*t3*)-*ꜥ3mt* резко теряют популярность (*PN* I, 59.2–3, 102.21; *PN* II, 324.8; Schneider 1992, 287; см. также Fischer 1980, 159 (53); Devauchelle 2000, 24–25, pl. 4a). Этноним *ꜥ3m* постепенно превращался в профессиональное обозначение «пастух» (см. Декрет *sthj* I в Наури (Griffith 1927, 202, n. 4, pl. 41; *KRI* I, 54.1): *ꜥ3mj sk3* «пастух-пахарь»; ср. переводы: *RITAN* I, 54: «mud-man of ploughing»; David 2006, 70: «riverbank/Asiatic (?) plough(man)»), которое окончательно закрепилось в демотическом (Scharff, Hengstenberg 1936, 144, 146; *CDD* ꜥ (03.1), 35–36; греч. βουκόλοι «пастухи», см. Vittmann 2006, 312–313) с сохранением анахронизма *ꜥ3m* «азиат» только в позднем иероглифическом (Kockelmann, Rickert 2015, 29; 33; 41–42; позднейшее свидетельство: *Esna* VII, 68: Nr. 572.20, времен правления Траяна). Та же история случилась и с обозначением бедуинов Сирии-Палестины *š3sw* > демот. *šs* «пастух» (*CDD š* (10:1), 208–209, манефоновские ποιμένες «пастухи»), которое в иероглифике параллельно употреблялось как анахронизм «бедуины» вплоть до Греко-римской эпохи (*Wb*. IV, 412.10–11; Giveon 1971, 163–193; Kockelmann, Rickert 2015, 27, 31, 33, 62–63 (57); позднейшее свидетельство о *š3sw* как «стране бедуинов»: *Esna* VII, 198: Nr. 621.12, относится ко времени правления Траяна).

[47] Schneider 2003, 7–14. Краткая форма этнонима *ꜥ3m* в Древнем царстве реконструируется на двух «фигурках проклятий» (München ÄS7123 (9) и 7124 (9): Wimmer 1993, 88–89 (a-b), 93, 97), однако строки (9) там почти полностью уничтожены. Чтение Штефаном Виммером топонима *stt* «Азия» в строках (10) в невероятной орфографической форме *zṯt* [47] (Wimmer 1993, 97) опровергается надписью на фигурке из Барселоны (Museu Egipci de Barcelona E619 (6): Diego Espinel 2013, 27–29), где в том же контексте употребляется слово [47] *pḏt*(*j*) «лучник», типичный титул для чужеземного воина. Во всех этих источниках речь идет о мятежниках из Нубии, всякие намеки на азиатов следует исключить.

[48] В сцене прибытия ханаанеев и на табличке писаря: Newberry, Griffith 1893, pl. 30, 38; Kanawati, Evans 2014, 48, pl. 42–43, 115b, 124, 129, 130c. Датировка события: 6-й год правления *zj-nj-wsrt* II.

[49] Древнее царство: *Urk*. I, 101.9, 134.16, 135.2; Marcolin, Diego Espinel 2011, fig. 5, pl. 40. Гераклеопольский период: стела Amsterdam, Allard Pierson Museum 16.000 / ex-Arnold Meijer Collection (Andrews, van Dijk 2006, 41–44 (1.25); Lunsingh Scheurleer 2008, 3–4, afb. 4, pl. I): в титуле *jmj-r3 mšꜥ n*(*j*) *ꜥ3mw* [47] «командующий армией ханаанеев»; см. также вышеуказанные источники о женском имени *ꜥ3mt*. Рельеф с изображением трех женщин-*ꜥ3mt* из пирамидного комплекса царя *jmn-m-ḥ3t* I (Goedicke 1971, 147–148, no. 91), судя по именам *jw=s-n=j* и *jnj-jt=f-snb*, относится уже к концу XII, а не к IX/X династии; ср. Schneider 2003, 5. Об источниках XI династии: Ward 1971, 58–62; Hannig 2006, 486–487.

[50] Gundacker 2017, 347–348.

о ее иностранном происхождении». Однако это предположение не выдерживает критики хотя бы потому, что титул *rwtj* «ливийский воин с бумерангами» в эпоху Древнего царства обозначал не «чужеземца», а «барабанщика»[51], да и поиск осмысленных полных форм подобных кратких имен не всегда оправдан. Женское имя *rwj* 𓅱𓄿𓄡𓅓 в данном случае может быть обычной для гипокористиков бессмыслицей или же имеет глагольную основу «выгонять», но это не свидетельствует об иноземном происхождении той женщины, которая его носила[52].

Редкое сочетание *zꜣ mrj* с местоимениями-суффиксами *f-s* «его и ее сын, любимый им и ею» вместо обычного *zꜣ=f mrj=f* «его сын, любимый им»[53] действительно указывает на особое отношение к *ꜥꜣm* его матери *rwj* (5). Ким МакКоркодейл выдвигает следующую точку зрения: «Другой сын, *sḏ-rtn-nw*, стоит за отцом, но отсутствие у него двойной филиации указывает на то, что эта женщина, вероятно, не его мать ... Предположительно его мать умерла, развелась или, возможно, здесь имело место многоженство»[54]. Такое положение вполне вероятно, но недо-

---

[51] *Wb*. II, 405.19. Трактовка восходит к Х. Юнкеру, который предложил для титула *rwtj* значение «der Tänzer» (Junker 1929, 150; Junker 1943, 53); см. также Guglielmi 1991, 10–11, Anm. 52; Fischer 2002a, 33–39; Jones 2000, 725 (2640) (уточнение перевода: Fischer 2002b, 28); Emerit 2008, 131–136. Титул *rwtj* в виде идеограммы ливийского воина с бумерангами и барабаном отмечен у *nkꜣw* сына *pꜣ-dgj-jht* на его псевдо-наосе BM EA 511 (www.britishmuseum.org/collection/object/Y_EA511) и статуе Bologna, Museo Civico Archeologico KS1838 (Pernigotti 1980, 67–69 (30), Tav. 20 (fig. 1 A), 90.1). Датировка обоих памятников: вероятно, Псамметих II или Априй. Ср. транскрипцию в *JWIS* IV.2, 800–801; во всех работах, посвященных памятникам этого жреца из Саиса, кроме книги Фредерик фон Кэнель (von Känel 1984, 216–219), этот титул не упоминается (см., например, de Meulenaere 1983, 40–41). Этот *nkꜣw* сын *pꜣ-dgj-jht* был жрецом культа богинь Нейт и Сешат, он служил врачом; его титул *rwtj* «барабанщик» относится к области культа богини Сешат и восходит, несомненно, к глубокой архаике. Слово *rwtj* в значении «чужой, человек извне» (*Wb*. II, 405.17) появляется лишь при XI династии (Morenz 1998a, 196–201, свидетельства Среднего царства: Hannig 2006, 1461; см. также Franke 1994, 166, 182). Ссылка Людвига Моренца (Morenz 1998a, 199, Anm. 19) на Moussa, Altenmüller 1977, 84, Taf. 24, Abb. 10, как и перевод, данный в Hannig 2003, 706 – «der Fremde» – ошибочны; во всех источниках Древнего царства *rwtj* значит только «барабанщик» (Altenmüller 2010b, 45–46). Слово *rwtj* «барабанщик» образовано от глаг. *rwj* «хлопать» в ладоши или бубен-*rw*(*w*)*t* / *srw*(*w*) (*Wb*. IV, 191.6–12; Meeks 1981, 261 (79.2659); Wilson 1997, 881–882; см. также Burkard 1995, 130, Anm. 7; von Lieven 2006, 29–30; Assmann 2008, 480, Anm. 359; стела Kawa III, стк. 3 (Kopenhagen AEIN1707. Macadam 1949, I, 5; II, pl. 5–6; *JWIS* III, 130. Датировка: 2–8-й гг. царствования Тахарки)). Оба термина происходят от глагола *rwj* «быть вне» или образованного от него каузатива *srwj* «выгонять», который нельзя путать с глаголом *srj* «предсказывать» (иначе: Cannuyer 2010, 580–581).

[52] *PN* II, 220.15; Scheele-Schweitzer 2014, 513 [2212]. Мнение К. Шееле-Швайцер: «Hypokoristikon». Новое издание примера из Элефантины: *QH* 25. Edel 2008, I, 30–33, Abb. 16, Text 7–8; Taf. 2. Вероятно, то же имя: Scheele-Schweitzer 2014, 518 [2242] (с чтением *Rr.wj*).

[53] McCorquodale 2013, 111; Table R-1, находит лишь одну параллель: *zꜣt=f-s* «его и ее дочь» *wmtt-kꜣ=j* в гробнице *wꜣš-ptḥ* (G 8976; *PM* III.1, 273; Hassan 1936, 12, fig. 12. Датировка: рубеж IV/V династий).

[54] McCorquodale 2013, 113.

казуемо. Впрочем, версия о полигамной семье сановника может быть принята во внимание, если счесть женщину по имени *sḫt*[55] в левой части архитрава другой женой хозяина[56]. Обе женские фигуры не сопровождаются никакими терминами родства с хозяином, и именно странное уточнение кровнородственных отношений *zꜣ=f/s mrj=f/s* «его и ее сын, любимый им и ею» свидетельствует о том, что *rwj* приходилась *ꜥꜣm* матерью, а значит – женой *nj-nḏm=j-ḫnmw*. Обе женщины, и *sḫt*, и *rwj*,– носят одинаковые титулы, впрочем, стандартные для дам низшего уровня знатности, поэтому неясно, какая из них занимала более высокое положение в семье вельможи. Фигура *sḫt* очень мала по сравнению с изображением сидящего хозяина, так что можно предполагать, что она была его дочерью, а не женой, однако этот иконографический аргумент очень зыбок.

ТИТУЛЫ ХОЗЯИНА

Все титулы *nj-nḏm=j-ḫnmw* приведены в основной надписи (№ 1) на архитраве:
ḫtmtj bjtj «казначей нижнеегипетского царя»[57];
ḥḳꜣ ḥwt «управляющий храмовым владением»;
smr-wꜥtj «единственный друг»;
ḫrj-tp-nswt «царский поверенный»;
jmj-rꜣ gs-pr «начальник стороны дома»;
jmj-rꜣ jḥw m gswj-pr «начальник скота в двух сторонах дома».

Наиболее важными титулами хозяина являются титулы *jmj-rꜣ gs-pr* «начальник стороны дома» и *jmj-rꜣ jḥw m gswj-pr* «начальник скота в двух сторонах дома».

Термин *gs-pr* «сторона дома» встречается в источниках в sg., dual и pl. и для него обычно выделяют несколько значений. Термину посвящена значительная литература[58].

Источники, в которых он встречается, можно разделить на две группы: титулы и нарратив. Наиболее существенные свидетельства о термине *gs*(*wj*)-*pr* исследовал Хуан Карлос Морено Гарсия. Он пришел к выводу, что термин *gs*(*wj*)-*pr* обозначал территорию, находившуюся под государственным контролем и предназначавшуюся либо для экстенсивного разведения крупного рогатого скота, либо под сельскохозяйственные работы[59]. Во многих сочинениях о Древнем царстве *gs-pr* именуется просто неким «административным учреждением»[60].

---

[55] Мое первое чтение (Bogdanov 2022, 546, 558) ошибочно. Чтение *sḫt* «Поле» — (Hannig 2003, 1193) подтверждается орфографией слова в Текстах пирамид (например, Pyr. 508a, 699a, 1084a, 1086c, 1087a, и др.).

[56] Некогда Л. Моренц предсказал присутствие второй жены на левом фрагменте архитрава (Morenz 1998b, 7).

[57] Jones 2000, 763–763 (2775); Hannig 2003, 988–992.

[58] Основные источники о *gs-pr*/*gswj-pr* за всю историю египетского языка: *Wb*. V, 198.2–16; Hannig 2003, 1377; 2006, 2613; Wilson 1997, 1108–1109. Основные работы: Helck 1954, 113; Fischer 1966, 66–68; Moreno García 1999a, 116–131; 1999b, 166–169; 2010, 55–56; Franke 2003, 118–119; 2013, 77–78; Fiedler 2011, 250–260; Martinet 2017, 223–224; Nuzzolo 2016, 61–63. Новые источники Древнего царства: Posener-Kriéger *et al*. 2007, 357–358, 465 (Index), pl. 14Ad, 50H, 63Ah, 66Ab, 76D, 80Ab; см. также Nuzzolo 2016, 52–66.

[59] Moreno García 1999a, 124.

[60] Posener-Kriéger *et al*. 2007, 357–358.

Новый фрагмент архитрава *nj-nḏm=j-ḫnmw* (KeA Rupert Wace) содержит важный титул – *jmj-rꜣ jḥw m gswj-pr* «начальник скота в двух сторонах дома». Это свидетельство действует в пользу тезиса, что в состав *gs-pr* входили скотоводческие фермы[61]. Источников, прямо связывающих институт *gs-pr* / *gswj-pr* со скотоводством, впрочем, немного. На поверку их данные оказываются недостаточными для однозначной характеристики учреждения *gs*(*wj*)-*pr* только как скотоводческого. Помимо стелы BM EA 169 [852][62] эпохи Среднего царства, важным источником оказывается лишь титул *nj-nḏm=j-ḫnmw* и некоторые единичные свидетельства[63]. Все они оказываются лишь частицами большой мозаики, но из них складывается широкое представление о термине *gs*(*wj*)-*pr*, в котором может найтись место для многих трактовок этого сочетания без всяких противоречий[64].

Происхождение термина *gs-pr* «сторона дома» связано с организацией рабочего пространства на суше, поскольку он является параллелью к флотскому термину *gs-dpt* «сторона судна», который уже в Древнем царстве имел особое значение «защита, охрана, оберег». Как и *gs-dpt*, термин *gs-pr* «сторона дома» использовался для обозначения профессионального объединения мастеров или служащих[65]. Процесс формирования в эпоху Древнего царства понятийного аппарата на основе представлений о пересечении зоны оседлости и пространства миграции, а также выделения из него организационных единиц заслуживает отдельного внимания.

Равным образом, источники о государственном институте *gs*(*wj*)-*pr* нуждаются в дальнейшем исследовании. Сущность этого учреждения в эпоху Древнего царства можно сжато охарактеризовать следующим образом: *gs*(*wj*)-*pr* являлось глобальным управлением, в котором осуществлялся прием разных видов податей за эксплуатацию экономических ресурсов в ведомственных учреждениях, а также их перерасчет в зерновой эквивалент. Таким образом, институт *gs*(*wj*)-*pr* «сторона дома» / «две стороны дома» совмещал функции налогового ведомства, таможни и государственного банка, т.е. промежуточного органа, контролирующего финансовые отношения между населением и казной. Уже в эпоху Древнего царства

---

[61] Ср. Moreno García 1999a, 121–123; 2010, 55–56: « Les *gs-pr* et le *gswj-pr* figurent souvent en rapport avec le Delta et l'exploitation du bétail ».

[62] Budge 1913, pl. 10; Wells 1994, 339–347; URL: www.britishmuseum.org/collection/object/Y_EA852; дата обращения: 22.10.2022. Датировка: *zj-nj-wsrt* III.

[63] См., например, рельеф из гробницы *mꜣ-nfr* (Саккара LS17 [H 2]; Berlin, Ägyptisches Museum 1115: Generalverwaltung 1913, 5), где изображен бык с клеймом на бедре такого содержания: *gs-pr pr nswt 43* «государственный *gs-pr*: 43 (головы скота)». Некоторые администраторы Нового царства также совмещали должности *jmj-rꜣ gs-pr* и *jmj-rꜣ jḥw* «начальника скота» (например, *jʿḥ-ms*/*ḥwmʿj* (TT 96. *Urk*. IV, 1432–1433); *sn-mwt* (TT 71. Dorman 1991, pl. 29c, 32c (34), 33a (54)); и др.).

[64] В обзоре Морено Гарсии (Moreno García 1999a, 121–122) текст биографии *jmn-m-ḥꜣt*/*jmnj* в Бени Хасане (Kanawati, Evans 2016, 27, pl. 6, 84) представлен ключевым свидетельством связи между *gs-pr* и животноводством. Однако этот источник времен Среднего царства нуждается в новой интерпретации, поскольку там речь идёт о *gsw-prw nw nww* «сторонах дома охотников», где термин *gsw-prw* означает государственное объединение отрядов охотников.

[65] См., например, Jones 2000, 270–271 (971, 972, 974); Hannig 2003, 127, а также другие, более дискуссионные титулы (в частности, титул *jrj.n-rʿ*: Grunert 2004, 5–6).

наблюдается разделение *gsw-prw* как храмового и государственного институтов, позднее термин *gs-pr* приобретает значение храмовой сокровищницы, далее, в узком смысле – наоса, в глобальном – храмовых владений, и т.д.

Как известно, в Дельте разводился скот в промышленных масштабах. Здесь располагались обширные пастбища для частного и государственного скота. Отсюда речные отряды, формировавшиеся из местных жителей, осуществляли поставки скота как для частных, так и для государственных и храмовых хозяйств. Часть скота отправлялась на экспорт в Ханаан[66], с которым египтяне находились в тесных торговых отношениях на государственном уровне. Все экономические процедуры, связанные с учетом и распределением государственного скота, велись в финансовом управлении *gs*(*wj*)*-pr*. Владелец архитрава KeA совмещал титулы *jmj-rꜣ gs-pr* «начальник стороны дома» и *jmj-rꜣ jḥw m gswj-pr* «начальник скота в двух сторонах дома», что подчеркивало специфику экономики в центральной Дельте, которая была сконцентрирована преимущественно на животноводстве. Старший сын хозяина, по имени *sbkj*, состоял в должности *jmj-rꜣ jḥw* «начальника скота», т.е. служил в ведомстве своего отца. Эта должность встречается в титулатуре провинциальных администраторов Древнего царства – I Переходного периода[67] и в том же качестве функционирует в Среднем царстве[68]. В Новом царстве *jmj-rꜣ jḥw* «начальник скота» уже становится одной из основных должностей среди крупных сановников, полностью изменив прежнее функциональное содержание.

Литература / References

Aḥituv, Sh. 1984: *Canaanite Toponyms in Ancient Egyptian Documents*. Jerusalem–Leiden.

Allen, J.P. 2020: *Ancient Egyptian Phonology*. Cambridge.

Altenmüller, H. 2010a: Bemerkungen zum Ostfeldzug Ptolemaios' III. nach Babylon und in die Susiana im Jahre 246/245. In: J.C. Fincke (Hrsg.), *Festschrift für Gernot Wilhelm anläßlich seines 65. Geburtstages am 28. Januar 2010*. Dresden, 27–44.

Altenmüller, H. 2010b: Seschat, 'die den Leichnam versorgt', als Herrin über Vergangenheit und Geschichte. In: Z. Hawass, P. Der Manuelian, R.B. Hussein (eds.), *Perspectives on Ancient Egypt: Studies in Honor of Edward Brovarski*. (Supplément aux Annales du Service des Antiquités de l'Egypte, 40). Cairo, 35–52.

Andrews, C.A.R., van Dijk, J. 2006: *Objects for Eternity: Egyptian Antiquities from the W. Arnold Meijer Collection*. Mainz.

---

[66] Об экспорте скота из Дельты в Левант морским путем см. Sowada 2016–2018, 75–77; о титулах флотоводцев, связывающих их деятельность со скотоводством в Дельте и, возможно, поставками скота в государства северного Леванта при VI династии: Bogdanov 2018a, 822–824; 2018b, 239–241.

[67] Основные источники: Moreno García 1999c, 243, n. 6; Jones 2000, 61–62 (286–289); Hannig 2003, 85; Brovarski 2018, 358–359, 428, 489. Среди администраторов Дельты доныне был отмечен только один начальник скота – *sḥtpw*, который был *jmj-rꜣ jḥw hb* «начальником скота Гермопольского нома («нома Ибиса», XV нома Нижнего Египта)», но и он построил себе гробницу в Абу Роаше, II ном Нижнего Египта (ложная дверь Louvre E.14328: Ziegler 1990, 218–221 (39). Датировка: V – VI династии). В I Переходный период в провинциях появляется титул *jmj-rꜣ kꜣw* «начальник быков»: Jones 2000, 260 (942); Brovarski 2018, 422, 491.

[68] Hannig 2006, 194–195, 236.

Assmann, J. 2008: *Altägyptische Totenliturgien*. Bd. III. *Osirisliturgien in Papyri der Spätzeit*. (Supplemente zu den Schriften der Heidelberger Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse, 20). Heidelberg.

Blumenthal, E. 1970: *Untersuchungen zum ägyptischen Königtum des Mittleren Reiches*. Teil I. *Die Phraseologie*. (Abhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig, Philologisch-Historische Klasse, 61/1). Berlin.

Bogdanov, I.V. 2018a: New evidence on the relationship between Egypt and Canaan at the end of the Third Millennium BC. *Vestnik Drevney Istorii* [*Journal of Ancient History*] 78/4, 806–830.
Богданов, И.В. Новые данные о взаимоотношениях Египта и Ханаана в конце III тыс. до н.э. *ВДИ* 78.4, 806–830.

Bogdanov, I.V. 2018b: New relief fragments from the Tomb of the Seafarer *jnj*. *Chronique d'Égypte* 93 (186), 227–247.

Bogdanov, I.V. 2022: The family of an Egyptian official of Busiris from the late Old Kingdom. *Vestnik Drevney Istorii* [*Journal of Ancient History*] 82/3, 541–565.
Богданов, И.В. Семья египетского сановника из Бусириса конца Древнего царства. *ВДИ* 82/3, 541–565.

Borchardt, L. 1964: *Denkmäler des Alten Reiches (ausser den Statuen) im Museum von Kairo. Nr. 1295–1808*. Teil II. *Text und Tafeln zu Nr. 1542–1808*. (CG, no. 1295–1808). Le Caire.

Brose, M. 2014: *Grammatik der dokumentarischen Texte des Mittleren Reiches*. (Lingua Aegyptia, Studia Monographica, 13). Hamburg.

Brovarski, Ed. 2018: *Naga ed-Dêr in the First Intermediate Period*. Atlanta.

Budge, E.A.W. 1912: *Hieroglyphic Texts from Egyptian Stelae, &c., in the British Museum*. Pt. II. London.

Budge, E.A.W. 1913: *Hieroglyphic Texts from Egyptian Stelae, &c., in the British Museum*. Pt. IV. London.

Burkard, G. 1995: *Spätzeitliche Osiris-Liturgien im Corpus der Asasif-Papyri: Übersetzung, Kommentar, formale und inhaltliche Analyse*. (Ägypten und Altes Testament, 31). Wiesbaden.

Caminos, R.A. 1968: *The Shrines and Rock-Inscriptions of Ibrim*. (Archaeological Survey of Egypt, 32). London.

Cannuyer, Chr. 2010: *La girafe dans l'Égypte ancienne et le verbe* [illegible]*: étude de lexicographie et de symbolique animalière*. (Acta Orientalia Belgica, Subsidia IV). Bruxelles.

Carrier, C. 2015: *Le papyrus Bremner-Rhind (BM EA 10188)*. Vol. II. *Le livre du renversement d'Apophis*. (Collection Égypte ancienne, 17). Paris.

Charpentier, G. 1981: *Recueil de matériaux épigraphiques relatifs à la botanique de l'Égypte antique*. Paris.

Clist, M. (ed.) 2009: *Rupert Wace Ancient Art 2009*. London.

Cooper, J. Ch. 2020: *Toponymy on the Periphery: Placenames of the Eastern Desert, Red Sea, and South Sinai in Egyptian Documents from the Early Dynastic Until the End of the New Kingdom*. (Probleme der Ägyptologie, 39). Leiden–Boston.

Couyat, J., Montet, P. 1912: *Les inscriptions hiéroglyphiques et hiératiques du Ouâdi Hammâmât*. (Mémoires publiés par les membres de l'Institut français d'archéologie orientale, 34). Le Caire.

David, A. 2006: *Syntactic and Lexico-Semantic Aspects of the Legal Register in Ramesside Royal Decrees*. (Classification and Categorization in Ancient Egypt 5; Göttinger Orientforschungen, 4, Reihe: Ägypten, 38/5). Wiesbaden.

Davies, Norman de G. 1930: *The Tomb of Ḳen-Amūn at Thebes*. Vol. I–II. (Publications of the Metropolitan Museum of Art Egyptian Expedition, 5). New York.

Devauchelle, D. 2000: Notes et documents pour servir à l'histoire du Sérapéum de Memphis (VI–X). *Revue d'égyptologie* 51, 21–37.

Diego Espinel, A. 2006: *Etnicidad y territorio en el Egipto del Reino Antiguo*. Barcelona.

Diego Espinel, A. 2013: A newly identified Old Kingdom execration text. In: E. Frood, A. McDonald (eds.), *Decorum and Experience: Essays in Ancient Culture for John Baines*. Oxford, 26–33.

Dorman, P.F. 1991: *The Tombs of Senenmut: The Architecture and Decoration of Tombs 71 and 353*. (Publications of the Metropolitan Museum of Art Egyptian Expedition, 24). New York.

Dunham, D. 1937: *Naga-ed-Dêr stelae of the First Intermediate Period*. London–Boston.

Edel, E. 1955: Inschriften des Alten Reiches, V: die Reiseberichte des *ḥrw-ḫwjf* (Herchuf). In: O. Firchow (Hrsg.), *Ägyptologische Studien. Hermann Grapow zum 70. Geburstag gewidmet*. (Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Institut für Orientforschung, Veröffentlichung 29). Berlin, 51–75.

Edel, E. 1955–1964: *Altägyptische Grammatik* I–II. (Analecta Orientalia, 34; 39). Roma.

Edel, E. 1970: Beiträge zum ägyptischen Lexikon V. *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde* 96, 4–14.

Edel, E. 2008: *Die Felsgräbernekropole der Qubbet el Hawa bei Assuan. I. Abteilung.* Bd. I–III. *Die Architektur, Darstellung, Texte, archäologischer Befund und Funde der Gräber QH 24 – QH 209.* Paderborn.

Emerit, S. 2008: Une représentation de harpe dans la scène de marché de la chaussée d'Ounas. In: L. Gabolde (éd.), *Hommages à Jean-Claude Goyon: offerts pour son 70e anniversaire*. (Bibliothèque d'étude, 143). Le Caire, 127–137.

Fairman, H.W. 1940: Rev.: Handbook for the study of Egyptian Topographical Lists relating to Western Asia. By Dr.J. Simons. Leiden, E.J. Brill, 1937. *Journal of Egyptian Archaeology* 26, 165–168.

Faulkner, R.O. 1933: *The Papyrus Bremner-Rhind (British Museum no. 10188)*. (Bibliotheca Aegyptiaca, 3). Bruxelles.

Fecht, G. 1960: *Wortakzent und Silbenstruktur: Untersuchungen zur Geschichte der ägyptischen Sprache*. (Ägyptologische Forschungen, 21). Glückstadt.

Fecht, G. 1984: Sinuhes Zweikampf als Handlungskern des dritten Kapitels des Sinuhe-"Romans". In: F. Junge (Hrsg.), *Studien zu Sprache und Religion Ägyptens: zu Ehren von Wolfhart Westendorf, überreicht von seinen Freunden and Schülern*. Bd.I. *Sprache*. Göttingen, 465–484.

Fiedler, N. 2011: *Sprüche gegen Seth. Bemerkungen zu drei späten Tempelritualen*. Inauguraldissertation. Heidelberg. URL: http://www.ub.uni-heidelberg.de/archiv/13643; дата обращения: 22.10.2022.

Fischer, H.G. 1966: An Old Kingdom monogram 𓏏. *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde* 93/1–2, 56–69.

Fischer, H.G. 1976: Some early monuments from Busiris, in the Egyptian Delta. *Metropolitan Museum Journal* 11, 5–24.

Fischer, H.G. 1980: An important lacuna in Ranke's "Personennamen": the tomb of *Rnni*. *Journal of Egyptian Archaeology* 66, 157–160.

Fischer, H.G. 2002a: *Rwty* "drummer". *Göttinger Miszellen* 189, 33–39.

Fischer, H.G. 2002b: Titles and epithets of the Egyptian Old Kingdom. *Bibliotheca Orientalis* 59/1–2, 18–36.

Franke, D. 1994: *Das Heiligtum des Heqaib auf Elephantine: Geschichte eines Provinzheiligtums im Mittleren Reich*. (Studien zur Archäologie und Geschichte Altägyptens, 9). Heidelberg.

Franke, D. 2003: Anch-Userkaf und das Nildelta: Statue Frankfurt/M. Liebieghaus 1629. In: N. Kloth, K. Martin, E. Pardey (Hrsg.), *Es werde niedergelegt als Schriftstuck: Festschrift für Hartwig Altenmüller zum 65. Geburtstag*. (Studien zur Altägyptischen Kultur, Beihefte 9). Hamburg, 117–132.

Franke, D. 2013: *Egyptian Stelae in the British Museum from the 13th – 17th Dynasties*. Vol. I. Fasc. 1: *Descriptions*. London.

Gardiner, A.H. 1916: *Notes on the Story of Sinuhe*. Paris.

Generalverwaltung (ed.) 1913: *Ägyptische Inschriften aus den Königlichen Museen zu Berlin*. Bd.I. Leipzig.

Giveon, R. 1971: *Les bédouins Shosou des documents égyptiens*. (Documenta et Monumenta Orientis antiqui, 18). Leiden.

Gnirs, A.M. 2013: Geschichte und Literatur: wie 'historisch' sind ägyptische literarische Texte? In: G. Moers, K. Widmaier, A. Giewekemeyer, A. Lümers, R. Ernst (eds.), "*Dating Egyptian Literary Texts*", *Göttingen, 9–12 June 2010*. Vol. I. (Lingua Aegyptia, Studia Monographica, 11). Hamburg, 367–403.

Goedicke, H. 1971: *Re-used Blocks from the Pyramid of Amenemhet I at Lisht*. (Publications of the Metropolitan Museum of Art Egyptian Expedition, 20). New York.

Goedicke, H. 1990: Two mining records from the Wadi Hammamat. *Revue d'égyptologie* 41, 65–93.

Goedicke, H. 1995: *Studies about Kamose and Ahmose*. Baltimore.

Görg, M. 1987: Das Land *J33* (Sin B81.238). In: J. Osing, G. Dreyer (Hrsg.), *Form und Mass: Beiträge zur Literatur, Sprache und Kunst des alten Ägypten. Festschrift für Gerhard Fecht zum 65. Geburtstag am 6. Februar 1987*. (Ägypten und Altes Testament, 12). Wiesbaden, 142–153.

Gourdon, Y. 2011: Retour sur la prédication d'appartenance: l'apport des anthroponymes de l'Ancien Empire. *Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale* 111, 167–189.

Grajetzki, W. 2001: *Two Treasurers of the late Middle Kingdom*. (BAR International Series, 1007). Oxford.

Green, M. 1983: The Syrian and Lebanese topographical data in the story of Sinuhe. *Chronique d'Égypte* 58 (115–116), 38–59.

Griffith, F. Ll. 1927: The Abydos decree of Seti I at Nauri. *Journal of Egyptian Archaeology* 13/3–4, 193–208.

Grunert, St. 2004: Zum Titel des Irenre im Grab des Hetepniptah: ein Kurzbeitrag zur Bedeutung von Abklatschen. *Göttinger Miszellen* 199, 5–6.

Guglielmi, W. 1991: *Die Göttin Mr.t: Entstehung und Verehrung einer Personifikation*. (Probleme der Ägyptologie, 7). Leiden.

Gundacker, R. 2011: On the etymology of the Egyptian crown name *mrsw.t:* an "irregular" subgroup of *m*-prefix formations. *Lingua Aegyptia* 19, 37–86.

Gundacker, R. 2017: The significance of foreign toponyms and ethnonyms in Old Kingdom text sources. In: F. Höflmayer (ed.), *The Late Third Millennium in the Ancient Near East Chronology, C14, and Climate Change*. (Oriental Institute Seminars, 11). Chicago, 333–426.

Hannig, R. 2003: *Ägyptisches Wörterbuch* I. *Altes Reich und Erste Zwischenzeit*. (Hannig-Lexica, 4). Mainz am Rhein.

Hannig, R. 2006: *Ägyptisches Wörterbuch* II. *Mittleres Reich und Zweite Zwischenzeit*. (Hannig-Lexica, 5). Mainz am Rhein.

Hasel, M.G. 1998: *Domination and Resistance: Egyptian Military Activity in the Southern Levant, ca. 1300–1185 BC*. (Probleme der Ägyptologie, 11). Leiden.

Hassan, S. 1936: *Excavations at Gîza*. Vol. II: *1930–1931*. Cairo.

Hawass, Z. 2004: The tombs of the pyramid builders – the tomb of the artisan Petety and his curse. In: G.N. Knoppers, A. Hirsch (eds.), *Egypt, Israel, and the Ancient Mediterranean World: Studies in Honor of Donald B. Redford*. (Probleme der Ägyptologie, 20). Leiden–Boston, 21–39.

Hawass, Z. 2008: *The Builders of the Pyramids*. Cairo.

Helck, W. 1954: *Untersuchungen zu den Beamtentiteln des ägyptischen Alten Reiches*. (Ägyptologische Forschungen, 18). Glückstadt–Hamburg–New York.

Helck, W. 1971: *Die Beziehungen Ägyptens zu Vorderasien im 3. und 2. Jahrtausend v. Chr*. 2., verb. Aufl. (Ägyptologische Abhandlungen, 5). Wiesbaden.

Helck, W. 1994: Die Datierung der Prinzessin *wnš.t*. In: C. Berger, G. Clerc, N. Grimal (éd.), *Hommages à Jean Leclant*. Vol. I. (Bibliothèque d'étude, 106/1). Le Caire, 221–230.

Hoch, J.E. 1994: *Semitic Words in Egyptian Texts of the New Kingdom and Third Intermediate Period*. Princeton (NJ).

Jéquier, G. 1935: Tombes de particuliers de l'époque de Pepi II. *Annales du Service des Antiquités de l'Égypte* 35, 132–159.

Jones, D. 2000: *An Index of Ancient Egyptian Titles, Epithets and Phrases of the Old Kingdom*. Vol. I–II. (BAR International Series, 866/1–2). Oxford.

Junker, H. 1929: *Gîza I. Die Maṣṭabas der IV. Dynastie auf dem Westfriedhof*. (Österreichische Akademie der Wissenschaften, Denkschriften der Philosophisch-Historischen Klasse, 69/1). Wien–Leipzig.

Junker, H. 1943: *Zu einigen Reden und Rufen auf Grabbildern des Alten Reiches*. (Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse, 221/5). Wien–Leipzig.

Junker, H. 1951: *Gîza X. Der Friedhof südlich der Cheopspyramide, Westteil*. (Österreichische Akademie der Wissenschaften, Denkschriften der Philosophisch-Historischen Klasse, 74/1). Wien.

Kanawati, N., Evans, L. 2014: *Beni Hassan*. Vol. I. *The Tomb of Khnumhotep II*. (ACE Reports, 36). Oxford.

Kanawati, N., Evans, L. 2016: *Beni Hassan*. Vol. III. *The Tomb of Amenemhat*. (ACE Reports, 40). Oxford.

Kanawati, N., Hassan, A. 1997: *The Teti cemetery at Saqqara*. Vol. II. *The Tomb of Ankhmahor*. (ACE Reports, 9). Warminster.

Koch, R. 1990: *Die Erzählung des Sinuhe*. (Bibliotheca Aegyptiaca, 17). Bruxelles.

Kockelmann, H., Rickert, A. 2015: *Von Meroe bis Indien. Fremdvölkerlisten und nubische Gabenträger in den griechisch-römischen Tempeln, Soubassementstudien V*. (Studien zur spätägyptischen Religion, 12). Wiesbaden.

Leitz, Chr. 2017: *Die regionale Mythologie Ägyptens nach Ausweis der geographischen Prozessionen in den späten Tempeln. Soubassementstudien* IV. T. 1. *Text* (Studien zur spätägyptischen Religion, 10). Wiesbaden.

Lunsingh Scheurleer, R. 2008: Verzamelaars En Het Museum. *Mededelingenblad van de Vereniging van Vrienden van het Allard Pierson Museum te Amsterdam* 97, 1–5.

Macadam, M.F.L. 1949: *The Temples of Kawa I. The Inscriptions*. Vol. I. *Text*. Vol. II. *Plates*. Oxford.

Marcolin, M., Diego Espinel, A. 2011: The Sixth Dynasty biographic inscriptions of Iny: more pieces to the puzzle. In: M. Bárta, F. Coppens, J. Krejcí (eds.), *Abusir and Saqqara in the Year 2010. Proceedings of the Conference held in Prague (May 31 – June 4, 2010)*. Prague, 570–615.

Marée, M. 2009: Edfu under the Twelfth–Seventeenth Dynasties: the monuments in the National Museum of Warsaw. *British Museum Studies in Ancient Egypt and Sudan* 12, 31–92.

Martinet, É. 2017: L'administration des nomes de Basse-Égypte sous l'Ancien Empire. In: M. Bárta, F. Coppens, J. Krejčí (eds.), *Abusir and Saqqara in the year 2015*. Prague, 219–236.

Maspero, G. 1885: Trois années de fouilles dans les tombeaux de Thèbes et de Memphis. In: *Mémoires publiés par les membres de la Mission archéologique française au Caire*. T. I, fasc. 2. Paris, 133–242.

McCorquodale, K. 2013: *Representations of the Family in the Egyptian Old Kingdom: Women and Marriage*. (BAR International Series, 2513). Oxford.

Meeks, D. 1981: *Année lexicographique: Égypte ancienne*. T. 2 (1978). Paris.

Meeks, D. 1982: *Année lexicographique: Egypte ancienne*. T. 3 (1979). Paris.

Meulenaere, H. de 1983: Une famille de hauts dignitaires saïtes. In: *Artibus Aegypti. Studia in honorem Bernardi V. Bothmer a collegis amicis discipulis conscripta quae edenda curaverunt H. De Meulenaere et L. Limme*. Bruxelles, 35–43.

Moreno García, J.C. 1999a: Administration territoriale et organisation de l'espace en Égypte au troisième millénaire avant J.-C. (V): *gs-pr*. *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde* 126/2, 116–131.

Moreno García, J.C. 1999b: *Ḥwt et le milieu rural égyptien du IIIe millénaire: économie, administration et organisation territoriale*. (Bibliothèque de l'École des hautes études, Sciences historiques et philologiques, 337). Paris.

Moreno García, J.C. 1999c: J'ai rempli les pâturages de vaches tachetées... Bétail, économie royale et idéologie en Égypte, de l'Ancien au Moyen Empire. *Revue d'égyptologie* 50, 241–257.

Moreno García, J.C. 2010: La gestion des aires marginales: *pḥw*, *gs*, *ṯnw*, *sḫt* au IIIe millénaire. In: A. Woods, A. McFarlane, S. Binder (eds.), *Egyptian Culture and Society: Studies in Honour of Naguib Kanawati*. Vol. II. (Supplément aux Annales du Service des Antiquités de l'Egypte, 38). Le Caire, 49–69.

Morenz, L.D. 1998a: Fair gegenüber dem 'Mann von Draussen' (*rwtj*): zu einer Passage einer Inschrift der Ersten Zwischenzeit. *Journal of Egyptian Archaeology* 84, 196–201.

Morenz, L. D. 1998b: Söhne und Frauen. *Biblische Notizen* 91, 7–11.

Morenz, L.D. 2000–2005: Die bisher ältesten ägyptischen Belege für den Libanon. Ein Beitrag zum geographischen Wissen der Ägypter im frühen 2. Jt. v. Chr. *Orientalia Lovaniensia Periodica* 31, 25–35.

Mourad, A.-L. 2015: *Rise of the Hyksos: Egypt and the Levant from the Middle Kingdom to the early Second Intermediate Period*. (Archaeopress Egyptology, 11). Oxford.

Moussa, A.M., Altenmüller, H. 1977: *Das Grab des Nianchchnum und Chnumhotep*. (Archäologische Veröffentlichungen, 21). Mainz.

Munro, P. 1960: Die beiden Stelen des *Wnmj* aus Abydos. *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde* 85, 56–70.

Newberry, P.E., Griffith, F. Ll. 1893: *Beni Hasan* I. (Archaeological Survey of Egypt, 1). London.

Nuzzolo, M. 2016: An enigmatic graffito from the sun temple of Nyuserre and the meaning of the so-called "slaughterhouse". *Pražské Egyptologické Studie* 17, 52–66.

Osing, J. 1976: *Die Nominalbildung des Ägyptischen*. Bd. I–II. (Sonderschrift, Deutsches Archäologisches Institut, Abteilung Kairo, 3). Mainz.

Osing, J. 2001: Zum Lautwert von 𓄡 und 𓄿. *Lingua Aegyptia* 9, 165–178.

Padró, J. 1999: *Études historico-archéologiques sur Heracleopolis Magna: la nécropole de la muraille méridionale*. (Nova studia aegyptiaca, 1). Barcelona.

Parker, R.A., Leclant, J., Goyon, J.C. 1979: *The Edifice of Taharqa by the Sacred Lake of Karnak*. (Brown Egyptological Studies, 8). Providence.

Parkinson, R. 2004: The history of a poem: Middle Kingdom literary manuscripts and their reception. In: G. Burkard, S. Schoske, A. Verbovsek (Hrsg.), *Kon-Texte: Akten des Symposions «Spurensuche – Altägypten im Spiegel seiner Texte». München 2. bis 4. Mai 2003*. (Ägypten und Altes Testament, 60). Wiesbaden, 51–63.

Pérez-Die, M.C. 2010: The false door at Herakleopolis Magna (I): typology and iconography. In: Z.A. Hawass, P. Der Manuelian, R.B. Hussein (eds.), *Perspectives on Ancient Egypt: Studies in Honor of Edward Brovarski*. (Supplément aux Annales du Service des Antiquités de l'Egypte, 40). Cairo, 357–393.

Pérez-Die, M. del C., Vernus P. 1992: *Excavaciones en Ehnasya el Medina (Heracleópolis Magna)*. Vol. I: *introducción general, inscripciones*. (Informes arqueológicos, Egipto, 1). Madrid.

Pernigotti, S. 1980: *La statuaria egiziana nel Museo Civico Archeologico di Bologna*. (Cataloghi Nuova Serie, 2). Bologna.

Petrie, W.M.F. 1892: *Medum*. London.

Peust, C. 1999: *Egyptian Phonology: an Introduction to the Phonology of a Dead Language*. (Monographien zur Ägyptischen Sprache, 2). Göttingen.

Peust, C. 2018: Zur Depalatalisierung in ägyptischen Verbalwurzeln. *Lingua Aegyptia* 26, 167–183.

Pfeiffer, St. 2004: *Das Dekret von Kanopos (238 v. Chr.): Kommentar und historische Auswertung eines dreisprachigen Synodaldekretes der ägyptischen Priester zu Ehren Ptolemaios' III. und seiner Familie*. (Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete, Beiheft 18). München.

Pitkin, M.L. 2017: *New Perspectives for Dating Egyptian False Doors and Funerary Stelae of the First Intermediate Period*. Vol. I–II. PhD thesis. Sydney. URL: http://minerva.mq.edu.au/vital/access/manager/Repository/mq:70461; дата обращения: 22.10.2022.

Posener-Kriéger, P., Verner, M., Vymazalová, H. 2007: *Abusir X. The Pyramid Complex of Raneferef: The Papyrus Archive*. Prague.

Satzinger, H. 1994: Das ägyptische „Aleph"-Phonem. In: M. Bietak, J. Holaubek, H. Mukarovsky, H. Satzinger (Hrsg.), *Zwischen den beiden Ewigkeiten: Festschrift Gertrud Thausing*. Wien, 191–205.

Scharff, A., Hengstenberg, W. 1936: Μανερῶς = ⲙⲁⲛⲉϩⲱⲟⲩ? *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde* 72, 143–146.

Scheele-Schweitzer, K. 2014: *Die Personennamen des Alten Reiches. Altägyptische Onomastik unter lexikographischen und sozio-kulturellen Aspekten*. Wiesbaden.

Schlögl, H.A. 1980: *Der Gott Tatenen: nach Texten und Bildern des Neuen Reiches*. (Orbis Biblicus et Orientalis, 29). Freiburg, Schweiz–Göttingen.

Schneider, Th. 1992: *Asiatische Personennamen in ägyptischen Quellen des Neuen Reiches*. (Orbis Biblicus et Orientalis, 114). Freiburg, Schweiz–Göttingen.

Schneider, Th. 2003: *Ausländer in Ägypten während des Mittleren Reiches und der Hyksoszeit*. Teil 2. *Die ausländische Bevölkerung*. (Ägypten und Altes Testament, 42/2). Wiesbaden.

Sethe, K. 1990: *Ägyptische Lesestücke zum Gebrauch im Akademischen Unterricht: Texte des Mittleren Reiches*. 4. Aufl. Hildesheim–Zürich–New York.

Simons, J.J. 1937: *Handbook for the Study of Egyptian Topographical Lists Relating to Western Asia*. Leiden.

Sowada, K.N. 2016–2018: Hidden exports: a likely early Bronze Age exchange in Egyptian cattle to the Levant. *Bulletin of the Australian Centre of Egyptology* 26, 71–78.

Spencer, P. 1984: *The Egyptian Temple: a Lexicographical Study*. London.

Tallet, P. 2012: *La zone minière pharaonique du Sud-Sinaï I. Catalogue complémentaire des inscriptions du Sinaï*. T. I–II. (MIFAO, 130/1–2). Le Caire.

Thompson, E. 2014: *The Old Kingdom Cemetery at Tehna*. Vol. I. *The Tombs of Nikaiankh I, Nikaiankh II and Kaihep*. (ACE Reports, 35). London.

Verreth, H. 2011: *Toponyms in Demotic and Abnormal Hieratic Texts from the 8th century BC till the 5th century AD*. Köln–Leuven.

Vischak, D. 2015: *Community and Identity in Ancient Egypt: the Old Kingdom Cemetery at Qubbet el-Hawa*. New York.

Vittmann, G. 2006: Zur Rolle des «Auslands» im demotischen Inaros-Petubastis-Zyklus. *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes* 96, 305–337.

von Känel, F. 1984: *Les prêtres-ouâb de Sekhmet et les conjurateurs de Serket*. (Bibliothèque de l'École des hautes études, Sciences religieuses, 87). Paris.

von Lieven, A. 2006: Eine punktierte Osirisliturgie (P. Carlsberg 589 + PSI Inv. I 104 + P. Berlin 29022). In: K. Ryholt (ed.), *The Carlsberg Papyri 7: Hieratic Texts from the Collection*. (CNI Publications, 30). Copenhagen, 9–38.

Ward, W.A. 1971: *Egypt and the East Mediterranean World 2200–1900 B.C.: Studies in Egyptian Foreign Relations During the First Intermediate Period*. Beirut.

Wells, J.W. 1994: Sesostris III's first Nubian campaign. In: B.M. Bryan, D. Lorton (eds.), *Essays in Egyptology in Honor of Hans Goedicke*. San Antonio, 339–347.

Wilson, P. 1997: *A Ptolemaic Lexikon: a Lexicographical Study of the Texts in the Temple of Edfu*. (Orientalia Lovaniensia Analecta, 78). Leuven.

Wimmer, St. 1993: Neue Ächtungstexte aus dem Alten Reich. *Biblische Notizen* 67, 87–101.

Ziegler, Chr. 1990: *Catalogue des stèles, peintures et reliefs égyptiens de l'Ancien Empire et de la Première Période Intermédiaire vers 2686–2040 avant J.-C.* Paris.

Zitman, M. 2010: *The Necropolis of Assiut: a Case Study of Local Egyptian Funerary Culture from the Old Kingdom to the End of the Middle Kingdom*. Vol. I–II. (Orientalia Lovaniensia Analecta, 180). Leuven.

Vestnik drevney istorii
82/4 (2022), 840–855
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/4 (2022), 840–855
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910016376-6

ПАПИРУС *P. OXY.* 2180 И ТЕКСТ «ЦАРЯ ЭДИПА» СОФОКЛА

Часть I. ВЕРНЫЕ ЧТЕНИЯ

Б. М. Никольский

Высшая нормальная школа Лиона, Лион, Франция;
Институт древних рукописей «Матенадаран», Ереван, Армения

E-mail: borisnikolsky@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0266-421X

В первой части статьи рассматриваются свидетельства оксиринхского папируса *P. Oxy.* 2180, позволяющие сделать некоторые выводы о тексте «Царя Эдипа» Софокла, т.е. случаи, когда папирус предлагает верные чтения сложных пассажей трагедии и позволяет установить правильный текст. К таким относятся новые варианты, позволяющие по-новому прочитать пассажи, прежде трудные для понимания, или же примеры, в которых папирус подтверждает средневековые чтения в тех местах, где издатели предпочитают менять текст и предлагают конъектуры.

Ключевые слова: трагедия, Софокл, Эдип, папирология, текстология

P. OXY. 2180 AND THE TEXT OF SOPHOCLES' *OEDIPUS TYRANNUS*

Part I. CORRECT READINGS

Boris M. Nikolsky

École Normale Supérieure de Lyon, Lyon, France;
Institute of Ancient Manuscripts 'Matenadaran', Yerevan, Armenia

E-mail: borisnikolsky@gmail.com

Acknowledgements: Russian Foundation for Basic Research, project no. 20-59-14002 АНФ_а

Данные об авторе. Борис Михайлович Никольский – доктор филологических наук, научный сотрудник и профессор Высшей нормальной школы Лиона, научный сотрудник Института древних рукописей «Матенадаран».

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-59-14002 АНФ_а.

The first part of the article deals with the positive evidence of the Oxyrhynchus papyrus *P. Oxy*. 2180 about the text of Sophocles' *Oedipus Tyrannus*, namely, with the cases where the papyrus contains correct readings and therefore contributes to establishing the text of the tragedy. Those are either new readings that throw light on the passages previously difficult to understand or cases in which the papyrus justifies medieval textual tradition against corrections and conjectures of modern scholars.

Keywords: tragedy, Sophocles, Oedipus, papyrology, textual criticism

Гренфелл в статье «Значение папирусов для текстологии сохранившихся греческих авторов», опубликованной сто лет назад[1], высказал довольно пессимистичное суждение о ценности папирусных находок для исследования сохранившихся трагедий Софокла. В то время было известно всего пять папирусов с фрагментами из этих трагедий, и они не давали почти никакой новой информации по сравнению со средневековыми рукописями. За прошедшие сто лет ситуация изменилась мало. Хотя теперь в нашем распоряжении уже почти два десятка таких папирусов, помощь от них невелика, и современные ученые приходят к тому же неутешительному заключению, что и Гренфелл: о тексте сохранившихся трагедий Софокла папирусы сообщают немного нового[2].

Счастливым исключением, по единодушному мнению ученых, является папирус II в. н.э., найденный в Оксиринхе и опубликованный впервые в 1941 г. Робертсом в 18-м томе издания Оксиринхских папирусов под номером 2180[3]. Робертсу удалось определить 29 из 53 фрагментов папируса, бóльшую часть оставшихся фрагментов позже идентифицировал Барретт[4]. Сейчас этот папирус находится в библиотеке Саклер в Оксфорде, и его фрагменты разложены согласно интерпретации Барретта. Точно так же разложены они на фотографиях, доступных на сайте URL: http://www.papyrology.ox.ac.uk/POxy/ (дата обращения 10.11.2022).

Многие варианты, содержащиеся в папирусе, заслуживают внимания. За исключением пары неверных чтений, которые можно счесть случайными ошибками, все остальные чтения в папирусе – это продуманные и, по-видимому, традиционные варианты. В некоторых случаях папирус предлагает исключительные чтения, в некоторых он совпадает лишь с частью средневековой традиции. Довольно часто папирусные варианты имеют параллели не в самой ранней флорентийской рукописи L, а в более поздних рукописях, показывая, что эти рукописи могут восходить к древней и независимой от L традиции[5].

Меня, однако, больше будет интересовать не общая оценка папируса, а значение каждого отдельного варианта, содержащегося в нем. Текст «Царя Эдипа»

---

[1] Grenfell 1919.

[2] Lloyd-Jones, Wilson 1990a, vi; ср., однако, более обнадеживающую оценку в статье Finglass 2013.

[3] Roberts 1941.

[4] Barrett 2007.

[5] В статье упоминаются кодексы с текстом Софокла: L (Laurentianus 32.9, saec. x med.), K (Laurentianus 31.10, saec. xii ex.), A (Parisinus gr. 2712, saec. xiv in.), D (Neapolitanus II. F. 9, saec. xiv in.), G (Laurentianus conv. soppr. 152, ann. 1282), O (Lugdunensis Batav. Voss. gr. Q. 6, saec. xiii ex.).

ставит перед нами множество вопросов, большинство из которых до сих пор остаются без окончательного ответа, а потому ценна любая новая информация, проливающая свет на этот текст, тем более если эта информация древняя и достаточно независимая. Мой общий вывод о ценности папируса будет более скептическим, нежели вывод Барретта и Фингласса, в некоторых случаях я отверг бы папирусные чтения, которые они принимают, но все эти варианты, бесспорно, достойны обсуждения.

В этой, первой статье я разберу те случаи, в которых папирус в той или иной степени помогает нам установить правильные чтения. Свидетельства папируса при этом могут быть разного рода и разной силы. Во-первых, это прежде неизвестные варианты, позволяющие по-новому прочитать пассажи, прежде трудные для понимания. Во-вторых, мы находим подтверждение средневековых чтений в тех местах, где издатели предпочитают менять текст и предлагают конъектуры. Иногда в таких случаях папирусные данные заставляют нас усомниться или даже совершенно отвергнуть конъектуры. Иногда, напротив, конъектура все равно кажется более убедительной, и тогда мы должны признать древность ошибочного чтения; но примеры ошибок в нашем папирусе я разберу отдельно, в статье, специально посвященной неверным чтениям.

Я остановлюсь подробно на тех пассажах, которые могут вызывать и вызывают споры. Но сначала стоит упомянуть те случаи, в которых папирус предлагает безусловно правильные варианты и интерпретация текста очевидна.

Ст. 294–295 (столбец XV)

– ἀλλ’ εἴ τι μὲν δὴ δείματός] **γ’ ἔχ[ει** μέρ]ος
τὰς σὰς ἀκούων οὐ μενεῖ]το[ιάσδ’ ἀράς.

294 τ’ ἔχει codd.

Но если в нем есть хоть какой-то страх,
Он не устоит, когда услышит твои проклятия.

Это реплика хора, обращенная к Эдипу; хор выражает надежду на то, что убийца Лая обнаружит себя теперь, после того как Эдип произнес свое проклятие. τ’ после δείματος, читаемое в средневековых рукописях, лишено всякого смысла, и издатели всегда принимали исправление Турнеба, поменявшего τ’ на γ’. И вот теперь эта конъектура подтвердилась папирусом, в котором мы видим несомненный след от γ’.

Ст. 525–526 (столбец XXVII)

– **τοῦ]πος** δ[’ ἐφάν]θη ταῖ[ς] ἐμαῖς γνώ[μαις ὅτι
π]εισθεὶς [ὁ] μάντις τοὺς λ[όγ]ους ψ[ευδεῖς λέγοι;

525 τοῦπος K: τοῦ πρὸς L: πρὸς τοῦ al.

Было объявлено, что прорицатель произносил лживые речи,
Убежденный именно моими замыслами?

Эти слова произносит Креонт, обращаясь к хору. Креонт узнал о том, что Эдип обвиняет его, и теперь он желает узнать подробности. В том варианте чтения, который предлагает папирус, он спрашивает о содержании обвинения: «Было высказано обвинение в том, что...?»

В большей части средневековых рукописей в ст. 525 написано πρὸς τοῦδ’ ἐφάνθη или τοῦ πρὸς δ’ ἐφάνθη (в самых ранних рукописях, L Λ); рукопись K и несколько других менее важных предлагают чтение τοῦπος δ’ ἐφάνθη. Некоторые

издатели предпочитали варианты, лучше представленные в средневековой традиции, τοῦ πρὸς δ’ или (разделяя τοῦδ’ на два слова) πρὸς τοῦ δ’, «кем было объявлено (что прорицатель произносил лживые речи, убежденный именно моими замыслами)?»[6], другие выбирали чтение τοὔπος δ’[7]. Пирсон в своем издании[8] напечатал πρὸς τοῦ δ’. Робертс в первой публикации папируса[9] основывался на тексте Пирсона и потому увидел в следах первых двух сохранившихся букв в ст. 525 π и ρ (τοῦ] πρὸς δ[). Однако Барретт[10] правильно понял первые буквы как π и ο: на папирусе можно различить левую нижнюю дугу от ο и слева от нее – два нижних кончика от вертикалей, левый с засечкой (серифом), а правый с закруглением, которые могут быть только элементами буквы π. Таким образом, самая ранняя рукопись содержит чтение τοὔ]πος δ’[.

Чтение τοὔπος, несомненно, единственное подходящее по смыслу. Во-первых, хор в своей следующей реплике не отвечает на вопрос: «Кем было объявлено, что...?» Его слова ηὐδᾶτο μὲν τάδ’, οἶδα δ’ οὐ γνώμῃ τίνι, «это было произнесено, но я не знаю, с каким умыслом» предполагают иной вопрос: «Было ли сказано, что...?» Да и всей логике диалога такая озабоченность Креонта тем, кто именно оговорил его перед Эдипом, совсем не соответствует. Во-вторых, при чтении πρὸς τοῦδ’ ἐφάνθη или τοῦ πρὸς δ’ ἐφάνθη подлежащим при ἐφάνθη оказывается придаточное предложение, т.е. объявленная информация. Получающаяся в результате фраза ἐφάνθη ὅτι... «было явлено / открыто, что...» должна указывать на то, что Креонт действительно злоумышлял против Эдипа и подослал к нему Тиресия. Именно так употребляется глагол φαίνω, если его объектом являются какие-либо события или действия: нельзя «открыть» вымышленные факты (см. *LSJ* s.v. φαίνω A1b и 4). Если же подлежащим при ἐφάνθη выступает τοὔπος, то выражение получает требуемый здесь смысл. «Явленным» становится уже не факт, а высказывание, которое, разумеется, может быть и ложным: τοὔπος ἐφάνθη значит просто «были сказаны слова».

Теперь, после расшифровки папируса, чтение τοὔπος δ’ ἐφάνθη получило подтверждение в самой ранней рукописной традиции. Ллойд-Джонс – Уилсон[11] и Фингласс[12] совершенно правильно печатают в своих изданиях именно этот вариант.

Ст. 528–529 (столбец XXVII)

ἐ]ξ ὀμμάτ[ω]ν **δ’** ὀρθῶ[ν **τε κ]ἀπ’** ὀ[ρθῆς φρενὸς
κατη[γορεῖ]το τοὐ[πίκλημ]α το[ῦτό μοι;

528 δ’ Su: om. codd. τε L (ante correctionem): δὲ LKA κἀξ codd.

Он предъявил мне это обвинение
Со здравым взглядом и от здравого ума?

В стихе 528 папирус содержит два важных варианта. Во-первых, он подтверждает чтение ἐξ ὀμμάτων δ’ ὀρθῶν с частицей δ’, предпочитаемое вслед за

[6] τοῦ πρὸς δ’ (Schneidewin 1856; Blaydes 1859; Campbell 1879); πρὸς τοῦ δ’ (Erfurdt 1823).
[7] Kennedy 1885; Jebb 1914; Dawe 1982.
[8] Pearson 1924.
[9] Roberts 1941.
[10] Barrett 2007, 381.
[11] Lloyd-Jones, Wilson 1990a.
[12] Finglass 2018.

Порсоном большинством издателей, но плохо представленное в средневековой традиции (мы встречаем его в словаре Суды и в нескольких рукописях, которые, как обычно считается, имеют малое значение для восстановления текста). В лучших рукописях мы находим ἐξ ὀμμάτων ὀρθῶν τε (L до исправления) и ἐξ ὀμμάτων ὀρθῶν δὲ (L после исправления и др.); в обоих случаях частицы стоят не на месте, а в первом случае недостает частицы δέ, которая должна вводить новый вопрос (ср. τοὔπος δ' ἐφάνθη в начале предыдущего вопроса в ст. 525). Блейдс[13] отказывался принимать чтение ἐξ ὀμμάτων δ' ὀρθῶν τε, утверждая, что позиция τε вызывает сомнения. Однако обе частицы поставлены правильно. Если предложение начинается с сочетания предлога и имени без артикля, частица δέ чаще ставится после имени, а не после предлога (Гомер «Илиада» 1.461 ἐπ' αὐτῶν δ', 2.194 ἐν βουλῇ δ', Платон «Государство» 564d ἐν δημοκρατίᾳ δέ, Аристофан «Всадники» 1238 ἐν παιδοτρίβου δέ)[14], так что место δέ после ἐξ ὀμμάτων не должно вызывать удивления. Частица τε, в свою очередь, вынужденно переносится дальше, чтобы избежать ее соединения с δέ, ср. Аристофан «Женщины на празднике Фесмофорий» 672–674 φήσει δ' εἶναί τε θεοὺς φανερῶς, / δείξει τ' ἤδη / πᾶσιν ἀνθρώποις σεβίζειν δαίμονας, «он и признает, что боги несомненно существуют, и покажет всем, что божеств следует почитать» (здесь τε должна была бы стоять после φήσει), Софокл «Антигона» 327–328 ἐὰν δέ τοι / ληφθῇ τε καὶ μή вместо ἐάν τε ληφθῇ καὶ (ἐὰν) μὴ (ληφθῇ), «и если он будет схвачен, и если нет»[15].

Ближе к концу стиха на папирусе читаются буквы απ со знаком долготы над α, вместе с чертой, в которой можно увидеть след левой дуги о. Значит, мы должны восстановить вариант κ]ἀπ' ὀ[ρθῆς φρενὸς, отличающийся от чтения всех средневековых рукописей κἀξ ὀρθῆς φρενὸς.

До открытия Барреттом папирусного чтения все издатели печатали вариант κἀξ ὀρθῆς φρενὸς. Это чтение вполне возможно. В нем мы видим два совершенно параллельных однородных выражения с предлогом ἐξ, описывающих образ действия: «Это обвинение было высказано со здравым взглядом и в здравом уме?» Ср. похожее употребление ἐξ в «Электре» 455–456 καὶ παῖδ' Ὀρέστην ἐξ ὑπερτέρας χερὸς / ἐχθροῖσιν αὐτοῦ ζῶντ' ἐπεμβῆναι ποδί «превосходящей рукой», в «Трахинянках» 874–875 βέβηκε Δηάνειρα τὴν πανυστάτην / ὁδῶν ἁπασῶν ἐξ ἀκινήτου ποδός «неподвижной ногой», в «Эдипе в Колоне» 848–849 οὔκουν ποτ' ἐκ τούτοιν γε μὴ σκήπτροιν ἔτι / ὁδοιπορήσῃς «так больше ты не будешь путешествовать с помощью этих двух палок». Конструкция с ἐξ, очевидно, должна описывать некоторые обстоятельства, условия, на основании которых или исходя из которых совершается действие («обвинение было высказано при том, что у Эдипа был здравый взгляд и здравый ум?»). Однако вариант κἀπ' ὀρθῆς φρενός намного лучше, и он вполне заслуженно выбран в последних изданиях трагедии[16]. Если читать κἀπ' ὀρθῆς φρενός, то при внешнем параллелизме двух выражений (они соединены союзом καί и оба содержат в генетиве название некоей части Эдипа) они будут

[13] Blaydes 1859.
[14] См. Denniston 1954, 185–186; Kühner, Gerth 1898–1904 I, 268.
[15] См. Denniston 1954, 518; Austin, Olson 2004, ad 672.
[16] Lloyd-Jones, Wilson 1990a; Finglass 2018.

различаться по смыслу: ἀπ’ ὀρθῆς φρενός получит значение источника действия, той точки, откуда оно исходит: «из здравого ума». Варьирование такого рода, когда однородные члены наделяются разным значением, вполне в духе Софокла. Можно сравнить, например, рассказ жреца в прологе о том, как мор губит город (25–27): φθίνουσα μὲν κάλυξιν ἐγκάρποις χθονός, / φθίνουσα δ’ ἀγέλαις βουνόμοις, τόκοισί τε / ἀγόνοις γυναικῶν, «он гибнет колосьями с семенами в полях, он гибнет пасущимися стадами быков и мертвыми / родами женщин» – здесь при причастии φθίνουσα трижды употреблен дательный падеж, дважды в реляционном значении (κάλυξιν ἐγκάρποις, ἀγέλαις βουνόμοις), но в третий раз в значении модальном (τόκοισί τε ἀγόνοις): т.е. первые два однородных члена указывают на тех, кому послана гибель, но третий – на то, в чем мор проявляется. В ст. 93–94 Софокл варьирует конструкции без предлога и с предлогом πέρι: τῶνδε γὰρ πλέον φέρω / τὸ πένθος ἢ καὶ τῆς ἐμῆς ψυχῆς πέρι, «ведь о них я скорблю больше, чем о моей собственной жизни». Подобных примеров у Софокла множество. В нашем случае разнообразие конструкций тем интереснее, что мы скорее ожидали бы полного параллелизма двух понятий, как, например, в описании безумия в «Аяксе» 447–448 κεἰ μὴ τόδ’ ὄμμα καὶ φρένες διάστροφοι / γνώμης ἀπῇξαν τῆς ἐμῆς, «и если бы этот взгляд и ум не исказились и не бросились бы прочь от моего замысла». Софокл поступает вопреки ожиданиям и оживляет традиционное выражение, привнося в него идею пространственного движения. Переписчики, поменявшие κἀπ’ на κἀξ, сделали стих более банальным.

Теперь мы перейдем к более сложным пассажам. Я коснусь здесь тех мест, в интерпретации которых исследователи не столь единодушны, а также тех, где принятое толкование нуждается в уточнении.

Ст. 417–419 (столбец XXII)

καί σ’ ἀμφιπλ]ὴξ [μητρός τε] **καὶ ἀπὸ σοῦ πατρὸς**
ἐλᾷ ποτ’ ἐκ γ]ῆς τ[ῆσδε δεινό]πους ἀρά,
βλέποντα ν]ῦν μ[ὲν ὄρθ’, ἔπ]ειτα δὲ σκότον.

417 καὶ ἀπὸ τοῦ πατρὸς *P. Oxy.* 2180 superscr.: καὶ τοῦ σοῦ L al.: καὶ σοῦ G

Тебя погонит из этой страны ужасноногое проклятье –
Обоюдобьющее проклятье от матери и твоего отца.
Сейчас ты видишь хорошо, но тогда ты будешь видеть мрак.

Средневековые рукописи предлагают чтение καί σ’ ἀμφιπλὴξ μητρός τε καὶ τοῦ σοῦ πατρὸς... ἀρά, в одной только рукописи G мы встречаем другой, метрически невозможный, вариант καὶ σοῦ πατρὸς. С большинством рукописей совпадает и чтение в словаре Суды (s.v. ἀμφιπλήξ). Родительный падеж τοῦ σοῦ πατρός, однако, выглядит здесь странно. Слова μητρός τε καὶ τοῦ σοῦ πατρός объясняют ἀμφιπλήξ: проклятие названо «обоюдобьющим», поскольку оно поразит Эдипа с двух сторон, со стороны его матери и отца. Грамматически этот родительный падеж, если он употреблен без предлога, должен зависеть от ἀρά: «обоюдобьющее, матери и отца, проклятие». Но в таком случае перед нами genetivus subjectivus, и речь должна идти о проклятии, не просто проистекающем от матери и отца (т.е. вызванном браком с матерью и убийством отца), но произнесенном ими. Разумеется, такое значение здесь невозможно; ни отец, ни мать Эдипа не проклинают.

Многие комментаторы[17] утверждают, что ἀρά имеет здесь более отвлеченное значение мстительной силы, и предлагают понимать выражение μητρός τε καὶ τοῦ σοῦ πατρὸς ἀρά подобно πατρὸς Ἐρινύν у Эсхила в «Семерых против Фив» 729. В подтверждение своей интерпретации они приводят ст. 70 из «Семерых», где Этеокл употребляет такую же конструкцию с генетивом при ἀρά: Ἀρά τ' Ἐρινὺς πατρὸς ἡ μεγασθενής. Однако говоря об Ἀρὰ πατρός, Этеокл имеет в виду проклятие, действительно обращенное Эдипом против него и Полиника.

Папирус предлагает нам новое чтение, позволяющее решить проблему родительного падежа. Конец стиха 417 записан здесь так: καὶ ἀπὸ σοῦ πατρὸς, над сигмой той же рукою вписана τ, с двух сторон от которой стоят точки. Конструкция с предлогом ἀπό, распространяющаяся ἀπὸ κοινοῦ на оба генетива, выражает как раз требуемый смысл: проклятие оказывается происходящим от матери и отца. Совершенно так же, например, в трагедии «Антигона» Антигона говорит Исмене об их бедах, происходящих от отца: ἆρ' οἶσθ' ὅ τι Ζεὺς τῶν ἀπ' Οἰδίπου κακῶν / ὁποῖον οὐχὶ νῷν ἔτι ζώσαιν τελεῖ; «знаешь ли ты, какое есть несчастье из тех, что происходят от Эдипа, какое Зевс не исполняет для нас, пока мы еще живы?» (2–3); ср. также «Филоктет» 1087–1088, где Филоктет обращается к своей пещере ὦ πληρέστατον αὔλιον / λύπας τᾶς ἀπ' ἐμοῦ τάλαν, «ах бедное жилище, полное скорби, происходящей от меня».

Уже Робертс в первой публикации папируса предположил, что чтение папируса верно[18], и с ним согласны новейшие издатели Софокла – Ллойд-Джонс, Уилсон и Фингласс. В то же время Робертс принял надписанную τ за исправление и потому прочитал καὶ ἀπὸ τοῦ πατρὸς. Именно в такой форме печатают этот стих Ллойд-Джонс – Уилсон и Фингласс. Однако обрамленные точками надписанные буквы служили не исправлениями, а вариантами[19]. В пользу этого говорит уже тот факт, что значительно чаще правильным оказывается чтение в основном тексте, нежели надстрочные буквы, отмечаемые двумя точками[20]. Таким образом, ἀπὸ τοῦ πατρὸς

---

[17] Elmsley 1825; Blaydes 1859; Jebb 1914.

[18] Roberts 1941, 109.

[19] К. Макнэми полагает, что две точки могли отмечать и варианты, и исправления, причем в одном и том же тексте, добавляя, что подобные исправления, по-видимому, были основаны на ином, независимом оригинале (McNamee 1992, 19, n. 56). С этом объяснением невозможно согласиться. В таком случае как читатели папирусов должны были различать исправления и варианты и отличать правильные чтения от неправильных?

[20] Например, в папирусе Алкея *P. Oxy.* 1789 в основном тексте мы встречаем верные варианты во fr. 1 col. 1 стк. 5, Алкей fr. 5, 9 Voigt πονήμενοι, с гиперкорректным вариантом α над η, во fr. 3 col. 1, Алкей fr. 6, 2 Voigt παρέξει против надстрочного η вместо ε в дифтонге окончания (чтение основного текста подтверждается цитатой у Гераклита, «Гомеровские вопросы» 5. 7–9), во fr. 1 col. 2 стк. 3, Алкей fr. 6, 9 Voigt μολθ[ακος с неверным вариантом α над ο; правильным оказывается надстрочное чтение лишь во fr. 1 col. 2 стк. 4, Алкей fr. 6, 10 Voigt λάβη вместо λάχη основного текста, но и здесь ошибочность варианта в основном тексте не совсем очевидна. В папирусе, содержащем пеаны Пиндара (*P. Oxy.* 841), чтения основного текста вновь в большинстве случаев правильны, и здесь в одном месте надстрочный вариант сопровождается ссылкой на грамматика: во втором пеане ст. 61 основной текст приводит форму ἐνκατέθηκαν, над ν стоит γ в двух точках и справа от нее – сокращение

и ἀπὸ σοῦ πατρὸς – это два варианта, из которых второй был выбран писцом в качестве основного и потому является по крайней мере не менее авторитетным.

Лингвистически оба варианта возможны. Артикль может употребляться вместо притяжательного местоимения в случае, если нет эмфазы и принадлежность понятна из контекста[21]. В нашем пассаже ясно, что речь идет о родителях Эдипа, так что артикль был бы вполне уместен. Однако в трагедиях есть немало случаев, когда стоит притяжательное местоимение, даже если личность обладателя не вызывает сомнений. Ср., например, слова Антигоны в «Эдипе в Колоне» 1756–1757 τύμβον θέλομεν / προσιδεῖν αὐταὶ πατρὸς ἡμετέρου «мы хотим сами увидеть могилу нашего отца», Еврипид «Алкеста» 338–339 (слова Адмета) στυγῶν μὲν ἥ μ' ἔτικτεν, ἐχθαίρων δ' ἐμὸν / πατέρα «испытывая отвращение к той, кто меня родила, и ненависть к моему отцу», «Ипполит» 1167–1169 (вестник Тесею о крушении колесницы Ипполита) οἰκεῖος αὐτὸν ὤλεσ' ἁρμάτων ὄχος / ἀραί τε τοῦ σοῦ στόματος, ἃς σὺ σῶι πατρὶ / πόντου κρέοντι παιδὸς ἠράσω πέρι «его погубила его собственная колесница и проклятия твоих уст, которые ты обратил к твоему отцу о сыне», «Андромаха» 987–988 (Гермиона) νυμφευμάτων μὲν τῶν ἐμῶν πατὴρ ἐμὸς / μέριμναν ἕξει, «о моем браке позаботится мой отец», «Электра» 300–301 λέγοιμ' ἄν, εἰ χρή (χρὴ δὲ πρὸς φίλον λέγειν), / τύχας βαρείας τὰς ἐμὰς κἀμοῦ πατρός, «я рассказала бы, если нужно (а другу нужно рассказывать) о тяжелой участи моей и моего отца», «Ифигения в Тавриде» 784 Ἄρτεμις ἔσωσέ μ', ἣν ἔθυσ' ἐμὸς πατήρ, «меня – которую погубил мой отец – спасла Артемида». Во всех этих примерах притяжательное местоимение употреблено для эмфазы, причем эмфаза часто подчеркнута его повтором или его сочетанием с личным или указательным местоимением, относящимся к тому же лицу.

Возможно, с такой же эмфазой мы сталкиваемся и в ст. 417. Тиресий не просто предсказывает, что Эдипа станет преследовать проклятие, происходящее от родителей. В этой фразе продолжается тема, звучавшая в двух предшествующих стихах: Эдип, не ведая того, оказался врагом своим собственным близким, и беды, причиненные им его собственным родителям, обернутся для него проклятием.

имени Αρ (Аристофан, Аристарх, Аристодем или Аристоник). В папирусе Керкида *P. Oxy.* 8.1082, как кажется, надстрочные буквы в точках отличаются по своей роли от надписанных букв, не окруженных точками: во втором случае мы всегда видим верные чтения, которые можно счесть исправлениями, в первом же случае перед нами, очевидно, просто варианты. Мы можем также привести в пример пассаж из папируса *P. Oxy.* 56.3851 с фрагментом из поэмы Никандра «О животных» (ст. 344), где в основном тексте написана форма πρεσβίστατ[ον], хорошо засвидетельствованная в средневековой рукописной традиции, и над ι тою же рукой написана в окружении точек υ: этот вариант (πρεσβύστατον) встречается в небольшом числе средневековых рукописей. Папирус *P. Tebt.* II 272v с фрагментом из сочинения Геродота Медика содержит в основном тексте выражение αἰτίαι τῆς προσφορᾶς, обозначающее причины, по которым нужно давать больному пить; это чтение совпадает со всеми средневековыми рукописями цитирующего этот фрагмент Орибасия (*Coll. Med.* V 30, 6–7 Raeder = *CMG* VI 1,1), но тою же рукой над строчкой в обрамлении точек приведены варианты τῶν над τῆς и ρῶν над ρῆς, отсутствующие в средневековых рукописях (см. Reggiani 2018, 43–44).

[21] Smyth 1920, 287, § 1121.

Эмфаза обозначена трижды повторяющимися местоимениями второго лица (τοῖς σοῖσιν αὐτοῦ в ст. 416, σε и σοῦ в ст. 417).

Притяжательное местоимение σοῦ точно так же, как и предлог ἀπό, относится ἀπὸ κοινοῦ сразу и к πατρός, и к μητρός, ср. ст. 934 ἀγαθὰ δόμοις τε καὶ πόσει τῷ σῷ, γύναι и «Эдип в Колоне» 1399 οἴμοι κελεύθου τῆς τ' ἐμῆς δυσπραξίας.

Вариант καὶ ἀπὸ τοῦ πατρός, о котором свидетельствует надстрочная τ в папирусе, позволяет объяснить, как возникло средневековое чтение καὶ τοῦ σοῦ πατρός. Артикль, который был бы естественным для прозаической речи, появляется сначала как альтернатива к σοῦ, но затем и сочетается с σοῦ. По-видимому, должен был существовать вариант καὶ ἀπὸ τοῦ σοῦ πατρός, который не подходил метрически и потому был исправлен в конце концов на καὶ τοῦ σοῦ πατρός. Ср. похожее искажение стиха 960 в «Ахарнянах» Аристофана, также вызванное вторжением в текст артикля: правильное чтение ταυτησὶ δραχμῆς, засвидетельствованное в кодексе рубежа V–VI вв. ($П_5$ в нумерации Олсона[22]), было дополнено артиклем, и этот метрически неверный вариант ταυτησὶ τῆς δραχμῆς предлагает Равеннская рукопись, в то время как все прочие рукописи исправляют метр, меняя форму указательного местоимения: ταύτης τῆς δραχμῆς.

Наконец, чтение рукописи G καὶ σοῦ πατρὸς можно объяснить не просто случайной ошибкой переписчика, пропустившего артикль, но контаминацией двух вариантов – καὶ τοῦ σοῦ πατρὸς без предлога и правильного начального варианта καὶ ἀπὸ σοῦ πατρὸς без артикля.

Ст. 420–421 (столбец XXII)

βοῆς δὲ τῆς σῆς ποῖος οὐκ] **ἔστ[αι λι]μήν**,
ποῖος Κιθαιρὼν οὐχὶ σύμφωνος τ]άχα

420 ἔσται᾽λικών Blaydes

И твоему крику какая только бухта,
Какой Киферон не будут скоро созвучны.

Многие комментаторы полагают, что в ст. 420 генетив βοῆς зависит от λιμήν и понимают λιμήν в метафорическом смысле – «пристанище», «убежище». Фраза, по их мнению, должна значить: «Какой только гавани не будет у твоего крика!», т.е. «куда только не донесется твой крик!». “Of thy cry what haven shall there not be (i.e to what place shall it not be borne)”, переводит Джебб; “What haven of thy cry will there not be? i.e. whither will not thy cry penetrate?”, – передает Кеннеди; им следует и Фингласс: “What harbour will there not be for your cries”. Доу также понимает здесь λιμήν как «всякое место, которое примет крики Эдипа подобно тому, как гавань принимает корабль». Таким же образом объясняет это место и словарь *LSJ*: “what place shall not harbour (i.e. receive) thy cry?”

С такой интерпретацией сложно согласиться. Действительно, слово λιμήν часто употребляется метафорически, в значении вообще убежища (Эсхил «Персы» 250, «Просительницы» 471, Софокл «Аякс» 683, «Антигона» 1000, Еврипид «Медея» 769), и родительный падеж может указывать либо на угрозу, от которой гавань спасает, либо на тех, кто находит в ней пристанище[23]. Так, например,

[22] Olson 2002, lxxvi.
[23] См. комментарий Гарви к «Персам» 250 (Garvie 2009, ad 250).

в «Медее» 768–769 Медея говорит об Эгее, готовом дать ей убежище: οὗτος γὰρ ἀνὴρ.../ λιμὴν πέφανται τῶν ἐμῶν βουλευμάτων, «Этот человек оказался гаванью для моих замыслов». Иногда идея спасения отходит на второй план, и λιμήν указывает просто на место, где нечто собирается. Например, в «Персах» 250 о стране персов сказано ὦ Περσὶς αἶα καὶ πολὺς πλούτου λιμήν, т.е. Персия изображена страной, где собирается великое богатство. В «Антигоне» 1000 престол Тиресия назван παντὸς οἰωνοῦ λιμήν «пристанищем всякой птицы». Комментаторы, понимающие λιμήν в нашем пассаже метафорически, ссылаются именно на эти два контекста. Однако здесь, в «Царе Эдипе», в том месте, где речь идет о будущих мытарствах героя, места его скитаний никак не могут быть названы «гаванью для его крика». Мысль о скитаниях сразу заставила бы нас понять λιμήν как убежище, где его крик мог бы найти покой, а не просто как «место, куда крик проникнет»; разумеется, такое значение λιμήν как места, где крик Эдипа, а значит, и сам Эдип получил бы убежище, здесь противоречило бы всему контексту.

Если понимать λιμήν не метафорически, а в прямом его значении, нам нужно тогда распространить σύμφωνος сразу на оба стиха, связав его не только с Κιθαιρών, но и с λιμήν, и отнести βοῆς δὲ τῆς σῆς к σύμφωνος, а не к λιμήν. Полностью конструкция в первом вопросе будет выглядеть так: ποῖος λιμὴν τάχα οὐκ ἔσται σύμφωνος βοῆς τῆς σῆς; Родительный падеж при σύμφωνος вполне возможен, ср. Платон «Филеб» 11b и 51d.

Так и читали ст. 420–421 некоторые ученые. Еще Масгрейв в своем переиздании текста Т. Джонсона, разделившего два стиха на два самостоятельных предложения и поставившего в конце ст. 420 знак вопроса, заметил: «Delenda tamen interrogationis nota post λιμήν, ut βοῆς a σύμφωνος regatur»[24]. С ним согласны были Эрфурдт, Элмсли и Шнайдевин[25].

Такая интерпретация синтаксической конструкции подтверждается многими параллелями из трагедий. Мы встречаемся здесь с весьма распространенным способом построения риторического вопроса с анафорой вопросительного слова, при которой два получившихся вопросительных предложения имеют общие члены. Цель такой анафоры, и в других ее примерах, и в нашем пассаже,– как можно более расширить область, описываемую высказыванием. Повтор нужен для того, чтобы перечислить разные варианты, и два вопроса различаются только в той их части, где приводятся эти варианты, остальная же часть у них общая. Например, в «Алкесте» Еврипида 858–859 Геракл говорит об Адмете, восхваляя его гостеприимство: τίς τοῦδε μᾶλλον Θεσσαλῶν φιλόξενος, / τίς Ἑλλάδ' οἰκῶν; «кто более его гостеприимен из фессалийцев, кто из жителей Эллады?» Здесь названы два варианта подлежащего τίς Θεσσαλῶν и τίς Ἑλλάδ' οἰκῶν, подчеркивающие исключительность поведения Адмета, вся же прочая часть (τοῦδε μᾶλλον φιλόξενος) для всех подлежащих общая. Точно так же строится и риторический вопрос в «Андромахе» 1153–1154 τίς οὐ σίδηρον προσφέρει, τίς οὐ πέτρον, / βάλλων ἀράσσων; «кто не использует железо, кто – камень, бросая и ударяя?»; этот вопрос отражает единство дельфийцев, добивающих раненого Неоптолема. Еще один похожий вопрос в «Троянках»

[24] Musgrave 1809.
[25] Erfurdt 1823; Elmsley 1825; Schneidewin 1851.

подчеркивает всеобщую радость троянцев, получивших в дар от данайцев деревянного коня: τίς οὐκ ἔβα νεανίδων, / τίς οὐ γεραιὸς ἐκ δόμων; «кто только не пришел из девушек, какой старик, из своих домов?» (527–528).

Некоторых издателей, однако, смущает складывающаяся при такой интерпретации пара λιμήν – Κιθαιρών. Мы ожидаем здесь пары параллельных понятий, в чем же состоит смысл соположения λιμήν и Κιθαιρών, не вполне понятно. Блэйдс предложил вместо λιμήν читать здесь название еще одной горы – Ἑλικών с проделизией οὐκ ἔσται ’λικών[26]. Эту конъектуру защищают Ллойд-Джонс и Уилсон[27]; хотя они не решаются вписать ее в свой текст Софокла, тем не менее признают ее довольно убедительной и помечают λιμήν крюксами. Единственное обстоятельство, смущающее этих издателей,– это необычность проделизии после αι[28]. Однако свидетельство папируса позволяет высказать еще один важный аргумент против конъектуры Блэйдса. Блэйдс обосновывал свое предположение палеографически. В рукописи L, наиболее ранней из средневековых рукописей «Царя Эдипа» (X в.), над ι в слове λιμήν нарисована небольшая дуга, которая, по его мнению, восходит к знаку проделизии – т.е., по его мнению, мы видим здесь след восстанавливаемого варианта ʽλικών. Если бы дуга над ι действительно была следом иного чтения, это значило бы, что новый, ошибочный вариант возник в рукописной традиции совсем недавно, не успев до конца вытеснить оставшиеся от прежнего чтения диакритические значки. Однако папирус, созданный за восемь веков до рукописи, содержит все то же слово λιμήν, так что построенная Блэйдсом доказательная конструкция рушится. Нам остается принять чтение λιμήν как единственное засвидетельствованное традицией и попытаться объяснить значение этого слова и смысл его сочетания с Κιθαιρών.

Слово λιμήν, употребленное в своем прямом, а не метафорическом смысле, совсем не обязательно обозначает «гавань», т.е. место стоянки кораблей. Более того, в «Илиаде» 1.432–435 λιμήν разграничен с собственно гаванью (ὅρμος): корабль сначала входит под парусами в «многоглубокий λιμήν», а затем уже на веслах перемещается в ὅρμος: οἳ δ’ ὅτε δὴ λιμένος πολυβενθέος ἐντὸς ἵκοντο / ἱστία μὲν στείλαντο, θέσαν δ’ ἐν νηῒ μελαίνῃ, / ἱστὸν δ’ ἱστοδόκῃ πέλασαν προτόνοισιν ὑφέντες / καρπαλίμως, τὴν δ’ εἰς ὅρμον προέρεσσαν ἐρετμοῖς, «когда они вошли внутрь глубокой бухты, они собрали паруса, сложили их на черный корабль, мачту притянули к гнезду, быстро опустив ее канатами, а корабль на веслах привели в гавань». Таким образом, главное значение λιμήν – «бухта». Когда Софокл помещает его рядом с названием горы, он использует традиционную пару «море – суша», которая служила для обозначения универсальности некоего явления, и называет в каждой ее половине по одному элементу, наиболее подходящему для этого контекста. Эдипу предстоит бродить по суше, поэтому море может присутствовать здесь только своими берегами; из берега и материка выбраны бухты и горы, поскольку именно они будут эхом отзываться на крики Эдипа. Этот смысл соединения

[26] В издании «Трахинянок», Blaydes 1871, VIII.
[27] Lloyd-Jones, Wilson 1990b, 89–90.
[28] См. Platnauer 1960, 141.

«бухты» и «Киферона» как частей моря и суши верно понял Шнайдевин[29], который передает данный пассаж так: «Welche felsige Bucht am Meere, welcher Berg im Lande wird nicht bald in deinen Jammerruf einstimmen?» Хорошей позднейшей параллелью этому образу оказываются стихи из «Энеиды» Вергилия (V. 148–150): tum plausu fremituque uirum studiisque fauentum / consonat omne nemus, *uocemque inclusa uolutant / litora, pulsati colles clamore resultant*.

Картина того, как горестный крик оглашает бухты и горы, встречается еще в одном месте у Софокла. В «Филоктете» заглавный герой именно к ним обращает свой плач со словами негодования и отчаянья, когда Неоптолем отбирает у него лук Ахилла: ὦ λιμένες, ὦ προβλῆτες, ὦ ξυνουσίαι / θηρῶν ὀρείων, ὦ καταρρῶγες πέτραι, / ὑμῖν τάδ', οὐ γὰρ ἄλλον οἶδ' ὅτῳ λέγω, / ἀνακλαίομαι παροῦσι τοῖς εἰωθόσιν, / οἷ' ἔργ' ὁ παῖς μ' ἔδρασεν οὑξ Ἀχιλλέως, «Вы, бухты, мысы, общество горных зверей, вы, скалистые утесы, к вам – потому что я не знаю никого другого, с кем я мог бы говорить – к вам я обращаю свой плач о том, как поступил со мной сын Ахилла!» (936–940).

Объяснения требует и сочетание ποῖος Κιθαιρών. Многие комментаторы полагают, что название Киферона употреблено здесь как синекдоха вместо вообще любой горы, и выбран именно Киферон, поскольку эта соседствующая с Фивами гора играет в действии драмы и в судьбе Эдипа важнейшую роль (1026, 1089–1090, 1127, 1134, 1391, 1452)[30]. Наук находит подобный троп в других пассажах в античной поэзии: у Софокла fr. 874 ὦ θεοί, τίς ἆρα Κύπρις ἢ τίς Ἵμερος / τοῦδε ξυνήψατο; «О боги, что за Киприда или что за Прелесть прикоснулись к нему» (или «к этому»), у Анаксилая fr. 22, 3–6 K.-A. (о гетерах) τίς γὰρ ἢ δράκαιν' ἄμικτος, ἢ Χίμαιρα πύρπνοος, / ἢ Χάρυβδις, ἢ τρίκρανος Σκύλλα, ποντία κύων, / Σφίγξ, ὕδρα, λέαιν', ἔχιδνα, πτηνά θ' Ἁρπυιῶν γένη, / εἰς ὑπερβολὴν ἀφῖκται τοῦ καταπτύστου γένους; «какая дикая змея, или огнедышащая Химера, или Харибда, или трехглавая Сцилла, морская собака, Сфинга, гидра, львица, ехидна или крылатая порода Гарпий превосходят эту проклятую породу?», у Сенеки в «Федре» 1169–1170 membra quis saeuus Sinis / aut quis Procrustes sparsit, «какой свирепый Синис, или какой Прокруст разбросал члены?» Однако в этих примерах выражения τίς Κύπρις, τίς Χίμαιρα и т.п. не предполагают перенесение имени собственного на целый класс предметов. Та риторическая фигура, которую мы находим в этих выражениях, лишь сравнивает или соотносит настоящий случай с исключительным мифологическим образом («как будто к нему прикоснулась сама Киприда», «сама Химера, сама Харибда не могла бы превзойти эту страшную породу» и пр.); ср. в русской поэзии у Михаила Кузмина «Какой Аттила, ах, какой Аларих тебя пронзил, красою не пронзен». Использование же Киферона для обозначения вообще всякой горы выглядит странным и нелепым. Поэтому скорее стоит согласится с предложением Джебба понимать ποῖος Κιθαιρών в смысле ποῖον μέρος Κιθαιρῶνος, «какая часть Киферона»: крик Эдипа раздастся по соседству с Фивами, но будет столь сильным (поскольку столь сильным будет отчаяние и горе героя), что огласит все склоны и все бухты Киферона.

---

[29] Schneidewin 1851, ad loc.

[30] См., например, Schneidewin 1856; Kennedy 1885; Finglass 2018.

Ст. 433–434 (столбец XXII)

– οὐ γὰρ τί σ’ **ᾔδειν** μῶρα φωνήσο]ντ’, ἐπεὶ **ᾔδη**
σχολῇ σ’ ἂν οἴκους τοὺς ἐμοὺς ἐσ]τειλάμην.

433 ᾔδη Par. gr. 2884: ᾔδειν *P. Oxy.* 1.22 L al.

Но я не знал, что ты будешь нести вздор. Иначе
Я ни за что не вызвал бы тебя к себе.

Справа на полях папируса сохранился вариант ΗΙΔΗ (Фингласс ошибочно приписывает этот вариант папирусу *P. Oxy.* 1.22, и в предисловии[31], и в аппарате, и в комментарии). Издатель папируса Робертс считает, что в основном тексте должно было стоять ΗΔΗ, однако это довольно странное предположение: такое чтение было бы лишено всякого смысла. Несомненно, в тексте папируса было написано ΗΙΔΕΙΝ – позднейший вариант формы 1 лица единственного числа прошедшего времени глагола οἶδα. Чтение ᾔδειν мы находим в большинстве средневековых рукописей, а также в папирусе *P. Oxy.* 1.22, и это единственный вариант, который подходит по количеству пропущенных букв.

ΗΙΔΗ, помимо маргинального варианта в нашем папирусе, присутствует еще в одной только рукописи, *Par. gr.* 2884. Глагол οἶδα в 1 лице единственного числа прошедшего времени встречается у Софокла еще в пяти местах («Электра» 1018, 1185, «Антигона» 18, 448, «Эдип в Колоне» 944), и обычно рукописи передают эту форму как ᾔδειν. Однако во всех этих случаях вариант ᾔδειν не является метрически необходимым, и его всюду можно заменить на более древний аттический вариант ᾔδη. Саму по себе форму ᾔδη мы находим в самой ранней рукописи L в «Эдипе в Колоне» 944. Поскольку легче объяснить появление в рукописях более новой формы на месте более старой, нежели наоборот, почти все издатели признают авторским вариантом ᾔδη. Однако Довер в своем издании «Облаков» Аристофана заметил, что морфологические изменения в аттическом диалекте могли произойти раньше, чем мы думаем, и потому, следуя рукописям, напечатал в ст. 329 новейшую форму второго лица ᾔδεις, не меняя ее на древнюю ᾔδησθα[32].

Все же следует признать, что те данные, которыми мы располагаем, говорят в пользу реконструкции для текстов пятого века более ранних форм. Во-первых, они сохраняются порой в рукописях, как, например, в упомянутом стихе 944 из «Эдипа в Колоне» или в ст. 405 «Ипполита» Еврипида. На этот последний пассаж ссылается и византийский грамматик Георгий Хировоск в рассуждении о древней аттической форме ᾔδη[33]. Наконец, у нас есть несколько примеров из аттической поэзии, где варианты ᾔδη или ᾔδειν метрически необходимы, и по этим примерам мы можем проследить хронологию смены форм. У комедиографа Анаксандрида, сочинявшего в первой половине IV в., мы встречаем ᾔδειν в стихе из комедии «Деревенщина» (Ἄγροικοι) καὶ τὰς θεὰς οὐδ’ ἔνδον ὄντ’ ᾔδειν ἐγώ (fr. 2.3 K.-A.). Есть некоторая вероятность того, что эта комедия была написана в 349 г. (надпись упоминает пьесу Анаксандрида, поставленную в 349 г.; от ее названия сохранились две первые буквы АГ, а у Анаксандрида лишь две комедии имеют подходящие названия, Ἄγροικοι

[31] Finglass 2018, 90.
[32] Dover 1968.
[33] Hilgard 1894, 85–86.

и Ἀγχίσης). Следующий метрически гарантированный пример ᾔδειν появляется у Махона, поэта III в. до н.э.: εἴ, φησιν, ᾔδειν, ἡ Γνάθαινα, τοῦτ' ἐγώ (fr. 16, 298 Gow). С другой стороны, у Аристофана в комедии «Птицы» (414 г.) встречается метрически необходимая форма ᾔδη: τουτὶ τοίνυν οὐκ ᾔδη 'γώ· καὶ δῆτά μ' ἐλάμβανε θαῦμα (511). Таким образом, мы можем предполагать, что в эпоху Софокла еще употреблялась древняя форма, и потому всегда восстанавливать в его текстах ᾔδη.

Папирус показывает нам процесс постепенного вытеснения правильного чтения позднейшей формой. Правильный вариант еще сохраняется в рукописной традиции, но присутствует в нашем папирусе только как маргинальное чтение; впоследствии мы находим уже только вариант ᾔδειν.

Ст. 515–519 (столбец XXVII)

εἰ γὰρ ἐν [ταῖς ξυ]μφ[ορᾶς
ταῖς νῦν νομί]ζει τι πρός τ[' ἐμοῦ] πεπο[νθέναι
λόγοισιν εἴτ' ἔρ]γο[ισι]ν ἐ[ς βλά]βην φέρον,
οὔτοι βίου μοι τοῦ μ]α[κραί]ωνος πόθος,
φέ]ρ[ο]ντ[ι τήνδε βάξιν.

516 δοκεῖ τι Blaydes πρός τ' ἐμοῦ LKAD: πρός γ' ἐμοῦ L (до исправления) Su: τί τ' ἐμοῦ O

Если в нынешних бедах,
Ему кажется, он испытал от меня,
На словах или на деле, – приносящее урон,
Тогда не хочу я жить долгую жизнь,
Неся такую славу.

В ст. 516 в папирусе ошибочно написано πρός τ[вместо несомненно правильного προς γ'. Замена γε на τε – частая ошибка, и в этом месте мы встречаем τε не только в папирусе, но и в большей части средневековых рукописей. Правильное чтение πρός γ' ἐμοῦ содержится только в одной рукописи XV в. (Vindobonensis phil. gr. 161, ann. 1412), но так же этот стих процитирован в словаре Суды, и, по-видимому, таков был изначальный вариант в рукописи L, затем исправленный на τ' (форма пятна после стирания указывает на γ).

Интереснее и важнее свидетельство папируса о предшествующих словах ст. 516. Многим издателям и комментаторам еще начиная со Средних веков казалось, что в этой фразе не хватает неопределенного местоимения τι – дополнения при πεπονθέναι, к которому можно было бы отнести причастный оборот ἐς βλάβην φέρον. Местоимение τι вписано над строкой в рукописи L и попало в сам текст в рукописи O; византийские филологи Мануил Мосхопул и Фома Магистр толковали τ' с элизией как τι, что, разумеется, неправильно. В наше время филологи стали прибегать к конъектурам. Гартунг предложил чтение πρός τί μου с невозможным порядком слов и с необычным употреблением слабой формы местоимения в сочетании с предлогом. Значительно лучше конъектура Блейдса, который предположил, что νομίζει оказалось на месте δοκεῖ τι: в рукописях νομίζω нередко выступает глоссой, объясняющей δοκέω (см. схолии Мосхопула к ст. 355 и 368, схолии к «Ипполиту» Еврипида 119), так что νομίζει можно объяснять как вторгшуюся глоссу, вытеснившую из текста и δοκεῖ, и оказавшееся метрически лишним местоимение τι. Конъектуру Блейдса приняли в своем издании Ллойд-Джонс и Уилсон.

Наш папирус, однако, содержит тот же вариант, что и все средневековые рукописи: мы читаем здесь νομί]ζει. Конечно, даже если конъектура не подтверждается

папирусом, это еще не доказывает ее ошибочности, тем более что глоссы начали попадать в текст довольно рано (ср. ст. 297 нашего папируса). Тем не менее единодушие всей традиции, включая папирус, уменьшает вероятность конъектуры и заставляет нас подумать о том, можно ли защитить рукописное чтение.

Все издатели, оставляющие рукописный вариант, предполагают эллипс τι[34]. Отсутствие главного слова, от которого зависит причастный оборот и которое никак не восстанавливается из контекста, объяснить действительно сложно. Однако это проблема легко решается, если читать фразу иначе: если не ждать при πεπονθέναι дополнения τι, а считать прямым дополнением сам причастный оборот ἐς βλάβην φέρον. Тогда причастие оказывается субстантивированным. Обычно в таких случаях причастия употреблялись с артиклем, однако нередко, особенно в поэтическом языке, артикль опускался. Субстантивированное причастие в единственном числе могло употребляться без артикля, если имело общий смысл («любое, что бы это ни было»). Комментаторы приводят порой правильные параллели, но видят в них также эллипс τι, на самом же деле во всех подобных случаях мы встречаем субстантивированные причастия без артикля: «Электра» 696–697 ὅταν δέ τις θεῶν / βλάπτῃ, δύναιτ' ἂν οὐδ' ἂν ἰσχύων φυγεῖν, «когда наносит урон кто-то из богов, и сильный не мог бы убежать», 1322–1323 ὡς ἐπ' ἐξόδῳ κλύω / τῶν ἔνδοθεν χωροῦντος, «я слышу движущегося к выходу – из тех, кто внутри», «Антигона» 687 γένοιτο μέντἂν χἀτέρῳ καλῶς ἔχον, «но пусть и другому будет хорошо»[35]. Ллойд-Джонс и Уилсон[36] верно толкуют эти пассажи как примеры употребления причастий без артикля, однако необоснованно утверждают, что артикль может опускаться только при личном субъекте: во-первых, непонятно, как такое ограничение может быть обусловлено логически, и во-вторых, этому утверждению противоречит последний пример из «Антигоны», где артикль опущен при субстантивированной причастной конструкции καλῶς ἔχον[37].

Издатели и комментаторы принимают чтения папируса и в некоторых других местах. По мнению Фингласса, папирус предлагает правильные варианты в ст. 510/511, 523 и 531[38], Барретт добавляет к этому списку еще и ст. 461. Однако мне папирусные чтения в этих пассажах кажутся неверными, и я разберу их во второй части статьи, посвященной ошибкам в Оксиринхском папирусе 2180.

Литература / References

Austin, C., Olson, D. (eds.) 2004: *Aristophanes. Thesmophoriazusae*. Oxford.
Barrett, W. 2007: New identifications in P. Oxy. 2180 (Sophocles, *Oedipus Tyrannus*). In: W. Barrett, M.L. West (eds.), *Greek Lyric, Tragedy and Textual Criticism. Collected Papers*. Oxford, 368–385.
Blaydes, F.H.M. (ed.) 1859: *Sophocles*. Vol. 1. London.

[34] См. примечания Наука в Schneidewin 1856, а также Кемпбелла, Джебба и Фингласса (Campbell 1879; Jebb 1914; Finglass 2018).

[35] Kühner, Gerth 1898–1904 I, 608–609.

[36] Lloyd-Jones, Wilson 1990b, 91–92.

[37] В своем собственном издании «Антигоны» (Lloyd-Jones, Wilson 1990a) Ллойд-Джонс и Уилсон помечают ст. 687 как интерполяцию.

[38] Finglass 2018, 89.

Blaydes, F.H.M. (ed.) 1871: *The Trachiniae of Sophocles*. London–Edinburg.
Campbell, L. (ed.) 1879: *Sophocles*. Vol. I. *Oedipus tyrannus, Oedipus Coloneus, Antigone*. 2nd ed. Oxford.
Dawe, R.D. (ed.) 1982: *Sophocles. Oedipus Rex*. Cambridge.
Denniston, J.D. 1954: *The Greek Particles*. 2nd ed. Oxford.
Dover K.J. (ed.) 1968: *Aristophanes. Clouds*. Oxford.
Elmsley, P. (ed.) 1825: *Sophoclis. Oedipus Tyrannus*. Oxford.
Erfurdt, C.G.A. (ed.) 1823: *Sophoclis*. Vol. II. *Oedipus rex*. Editio secunda cum adnotationibus G. Hermanni. Leipzig.
Finglass, P. 2013: Il valore dei papiri per la critica testuale di Sofocle. In: G. Bastianini, A. Casanova (eds.), *I papiri di Eschilo e di Sofocle. Atti del convegno internazionale di studi. Firenze, 14–15 giugno 2012*. Firenze, 33–52.
Finglass, P. (ed.) 2018: *Sophocles. Oedipus the King*. Cambridge.
Garvie, A.F. (ed.) 2009: *Aeschylus. Persae*. Oxford–New York.
Grenfell, B.P. 1919: The value of papyri for the textual criticism of extant Greek authors. *Journal of Hellenic Studies* 39, 16–36.
Hilgard A. (ed.) 1894: *Grammatici Graeci*. Vol. IV/2. Leipzig.
Jebb, R. (ed.) 1914: *Sophocles. The Oedipus Tyrannus*. 3rd ed. Cambridge.
Kennedy, B.H. (ed.) 1885: *The Oedipus Tyrannus of Sophocles*. Cambridge–London.
Kühner, R., Gerth, B. 1898–1904: *Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache*. 2. Teil. *Satzlehre*. Vol. I–II. 3. Aufl. Hannover–Leipzig.
Lloyd-Jones, H., Wilson, N.G. (eds.) 1990a: *Sophoclis fabulae*. Oxford.
Lloyd-Jones, H., Wilson, N.G. 1990b: *Sophoclea. Studies on the Text of Sophocles*. Oxford.
McNamee, K. 1992: *Sigla and Select Marginalia in Greek Literary Papyri*. Bruxelles.
Musgrave S. (ed.) 1809: *Sophoclis tragoediae septem*. T.I. Oxford.
Olson, S. D. (ed.) 2002: *Aristophanes. Acharnians*. Oxford.
Pearson, A.C. (ed.) 1924: *Sophoclis fabulae*. Oxford.
Platnauer, M. 1960: Prodelision in Greek drama. *Classical Quarterly* 10/1, 140–144.
Reggiani, N. 2018: The Corpus of the Greek medical papyri and a new concept of digital critical edition. In: N. Reggiani (ed.), *Digital Papyrology II: Case Studies on the Digital Edition of Ancient Greek Papyri*. Berlin–Boston, 3–61.
Roberts, C.H. 1941: P. Oxy. 2180. In: E. Lobel, C.H. Roberts, E.P. Wegener (eds.) *The Oxyrhynchus Papyri*. Pt. XVIII. London, 103–109.
Schneidewin, F.W. (Hrsg.) 1851: *Sophokles*. Bd. II. *Oedipus Tyrannos*. Leipzig.
Schneidewin, F.W. (Hrsg.) 1856: *Sophokles*. Bd. II. *Oedipus Tyrannos*. 3. Aufl. besorgt von A. Nauck. Berlin.
Smyth, H.W. 1920: *A Greek Grammar for Colleges*. New York.

Vestnik drevney istorii
82/4 (2022), 856–868
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/4 (2022), 856–868
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910018253-1

DEFECTIO FREGELLANA: О РЕАКЦИИ СЕНАТА НА «ФРЕГЕЛЛАНСКИЙ КАЗУС» в 125/124 гг. до н.э.

Н. А. Филянов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-mail: nikitafilyanov@gmail.com

ORCID: 0000-0001-6370-9808

В статье рассматриваются вопросы, связанные с восстанием во Фрегеллах (колонии латинского права) в 125 г. до н.э. и реакцией сената на этот инцидент. Автор приходит к выводу, что так называемое «восстание» являлось внутренним социальным конфликтом, возникшим после провала rogatio Fulvia de Latinis civitate danda между малоимущими фрегелланцами и представителями правящей элиты. Последние были вынуждены обратиться за помощью к Риму и просить сенат вмешаться в разрешение конфликта, выставляя его как восстание против Рима. Жестокое подавление претором Л. Опимием восстания во Фрегеллах объясняется тем, что сенат опасался распространения подобного конфликта на другие колонии латинского права. Дарование прав римского гражданства представителям верхушки, помогавшим Л. Опимию в разрешении социального конфликта, автор связывает с основанием гражданской колонии Фабратерии Новы в 124 г. до н.э. на месте разрушенных Фрегелл и проведением ценза в 125/124 гг. до н.э.

Ключевые слова: Фрегеллы, римское гражданство, сенат, латины, Л. Опимий, Г. Гракх, rogatio Fulvia de Latinis civitate danda

DEFECTIO FREGELLANA: ON THE SENATE'S REACTION TO THE 'CASE OF FREGELLAE' IN 125/124 BCE

Nikita A. Filyanov

National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia

E-mail: nikitafilyanov@gmail.com

Данные об авторе. Никита Андреевич Филянов – кандидат исторических наук, старший преподаватель Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ.

The article examines the issues related to the uprising in Fregellae (a colony of Latin law) in 125 BCE and the reaction of the Senate to this incident. The author concludes that the so-called 'revolt' of Fregellae was an internal social conflict that arose after the failure of the *rogatio Fulvia de Latinis civitate danda* between the poor Fregellans and the members of the ruling elite. The latter were forced to turn to Rome for help and ask the Senate to intervene in resolving the conflict, presenting it as a rebellion against Rome. Brutal suppression of the revolt in Fregellae by praetor L. Opimius is explained by the fact that the Senate was afraid of the spread of a similar conflict to other colonies of Latin law. Granting the rights of Roman citizenship to the members of the elite, who helped L. Opimius in resolving the social conflict is connected with the foundation of the civil colony Fabrateria Nova in 124 BCE on the site of the destroyed Fregellae and the census in 125/124 BCE.

Keywords: Fregellae, Roman citizenship, Senate, Latins, L. Opimius, C. Gracchus, rogatio Fulvia de Latinis civitate danda

В предлагаемом исследовании затрагиваются проблемы, связанные с интерпретацией сведений источников о восстании в колонии латинского права Фрегеллы в 125 г. (здесь и далее – до н.э.). Эти проблемы заключаются прежде всего во фрагментарности этих сведений[1], в уникальности данного инцидента в контексте событий 20-х годов II в. и его возможной связи с законопроектом консула 125 г. М. Фульвия Флакка о предоставлении латинам римского гражданства[2]. В связи с этим мы попытаемся определить, являлся ли «фрегелланский казус» 125 г. полноценным выступлением против римской власти и каким образом отдельные фрегелланцы могли получить римское гражданство после разрушения колонии претором 125 г. Л. Опимием.

Данные традиции о восстании Фрегелл крайне скудны. Наиболее обстоятельные сведения содержатся у Аскония: «Известно, что Л. Опимий в свою претуру взял Фрегеллы, чем, как казалось, принудил к покорности и других враждебно настроенных латинских союзников» (пер. В.К. Хрусталёва)[3], у Плутарха: «Вскоре Гая вновь привлекли к суду, обвиняя в том, что он склонял союзников к отпадению от Рима и был участником раскрытого во Фрегеллах заговора» (пер. С.П. Маркиша)[4] , – и у автора сочинения о «О знаменитых мужах»: «Гая Гракха ненавидели из-за мятежей в Аскуле и Фрегеллах»[5]. Помимо них, сведения о взятии и разрушении Фрегелл Л. Опимием имеются у эпитоматора Ливия (*Per.* LX), Страбона (V. 3. 10) и Юлия Обсеквента (*Prod.* 30). К сожалению, упомянутые авторы не сообщают никаких подробностей о ситуации внутри Фрегелл

[1] Характеристику источниковой базы см. Kendall 2013, 176; Lapyrionok 2021a, 57–59, 62, Anm. 289; 66–67.

[2] Вероятно, М. Фульвий Флакк предлагал даровать гражданство именно латинам, а не всем союзникам (Lintott 1994, 92). О связи между законопроектом Фульвия Флакка и восстанием во Фрегеллах см. Kendall 2013, 173–179; Balbo 2016, 254–261; Lapyrionok 2021a, 66–86.

[3] Ascon. *Pis.* 17 C: notum est Opimium in praetura Fregellas cepisse, quo facto visus est ceteros quoque nominis Latini socios male animatos repressisse.

[4] Plut. *CG.* 3. 1: ἐκ τούτου πάλιν ἄλλας αἰτίας αὐτῷ καὶ δίκας ἐπῆ; γον ὡς τοὺς συμμάχους ἀφιστάντι καὶ κεκοινωνηκότι τῆς περὶ Φρέγελλαν ἐνδειχθείσης συνωμοσίας.

[5] *Vir. ill.* 65. 1–2: Gaius Gracchus... Asculanae et Fregellanae defectionis invidiam sustinuit.

во время восстания. Более того, приведенные выше данные ставят перед нами вопросы, какова роль Г. Гракха в «заговоре» фрегелланцев, что означают слова Аскония о враждебных настроениях (male animatos) латинских союзников и чем были вызваны столь жесткие меры Опимия в отношении Фрегелл. Говоря о роли Г. Гракха в выступлении Фрегелл, Й. Гёлер в свое время предположил, что перед началом восстания фрегелланцы пообещали реформаторам в лице Г. Гракха и М. Фульвия Флакка передать в распоряжение гракханской аграрной комиссии часть ager publicus populi Romani, которая была в распоряжении фрегелланцев[6]. Если это так, то сенат мог использовать договоренности гракханцев с представителями Фрегелл как аргумент против Г. Гракха. Однако данное предположение Гёлера не находит никакого подтверждения в источниках[7].

Мы же полагаем, что сведения о роли Г. Гракха во фрегелланском восстании возникли под влиянием событий Союзнической войны. В пользу этого свидетельствует то, что обвинения Г. Гракха в подстрекательстве фрегелланцев совпадают с обвинениями, выдвинутыми против сторонников Ливия Друза Младшего в 90 г. в ходе процессов на основании lex Varia. В речи плебейского трибуна 90 г. Кв. Вария Гибриды, которую цитирует автор «Риторики для Геренния», Друзу и его сторонникам прямо ставится в вину подстрекательство италиков к восстанию против Рима и проводятся параллели с выступлением фрегелланцев (*Rhet. Herenn.* IV. 13. 2). Схожие параллели мы видим в сообщениях Цицерона (*Leg. agr.* II. 90) и Псевдо-Аврелия Виктора (*Vir. ill.* 65. 2). Первый прямо называет выступления Фрегелл войной, ставя ее в один ряд с Союзнической (bella cum sociis, Fregellanum, Marsicum). Второй, в свою очередь, относит к деятельности Г. Гракха defectiones Fregellana et Asculana. Под «аскуланским мятежом», очевидно, имеется в виду избиение римских граждан пицентинами в Аускуле в ноябре 91 г.[8] Учитывая, что аналогии между восстанием Фрегелл и Союзнической войной имели место после окончания последней, мы вполне можем предположить, что восприятие фрегелланского казуса как антиримского выступления у авторов, которые жили после Союзнической войны, было навеяно драматическими событиями 91–88 гг. То же самое, на наш взгляд, относится к вышеупомянутым сведениям Плутарха и Обсеквента (Plut. *CG.* 3; Obseq. 30). Первый, говоря о заговоре фрегелланцев против Рима, использует существительное συνωμοσία, а второй – глагол coniuro. Существительное συνωμοσία у Плутарха схоже по своему значению с такими латинскими терминами, как societas или coniuratio. Это вполне согласуется с действиями италиков против Рима в 91 г. после смерти Ливия Друза, которые в упомянутой ранее речи Кв. Вария Гибриды преподносятся как заговор (coniuratio) против Рима.

Таким образом, сведения о роли Г. Гракха во фрегелланских событиях скорее всего возникли под влиянием Союзнической войны. Исходя из этого, мы можем уверенно говорить только о некоем восстании во Фрегеллах, которое подавил претор 125 г. Л. Опимий. Карательные меры в отношении Фрегелл были крайне жестокими, ведь в ходе разрушения римляне даже разрушили местные

---

[6] Göhler 1939, 134.
[7] К проблеме см. Lapyrionok 2021a, 57–58, Anm. 263.
[8] Подробнее об этом см. Lapyrionok 2021a, 66–67.

святилища[9]. Отсюда возникает вопрос, что же могло спровоцировать подобные меры. А. Кивни и Х. Моритсен, указывая на невозможность выступления Фрегелл против Рима в одиночку, предположили наличие к 125 г. общего (вселатинского) антиримского заговора sociorum nominis Latini, который погубило поспешное выступление Фрегелл[10]. Эту же гипотезу поддерживает Дж.Р. Пэттерсон, который указывает на развитие тесных отношений между общинами sociorum nominisque Latini до Союзнической войны[11]. Однако гипотеза об общелатинском заговоре довольно спорная, ведь в источниках нет никаких намеков на подобный сценарий. В связи со скудостью информации характер фрегелланского кризиса 125 г. и его причины можно реконструировать только в ретроспективе. Ливий сообщает о миграции во Фрегеллы 4000 семей самнитов и пелигнов в 177 г.: «Самниты и пелигны также жаловались на то, что 4000 семей переселились от них самих во Фрегеллы и на то, что при отборе на военную службу не было снисхождения ни к тем, ни к другим»[12]. Подобное переселение неудивительно, учитывая, что Фрегеллы располагались на римско-самнитской границе. Тесные связи с Римом, а также экономический рост и процветание колонии латинского права в течение II в. вплоть до разрушения (Strab. V. 3. 10) делали Фрегеллы благоприятным местом для миграции[13]. При этом не стоит забывать, что фрегелланцы проявили исключительную верность союзу с Римом в период вторжения Ганнибала (Liv. XXVII. 10. 3). Оказывая всяческую поддержку Риму против Ганнибала, они, судя по всему, истощили свои людские ресурсы[14].

Принимая во внимание потребность Рима в максимальной мобилизации военнообязанного населения Италии после Ганнибаловой войны, Фрегеллы к 177 г. могли испытывать недостаток в людских ресурсах для выполнения своих обязательств по договору с Римом. Именно с этим, на наш взгляд, было связано принятие ими в свои ряды чужаков. Вероятно, переселение самнитов и пелигнов в 177 г. отразилось на социально-политическом облике Фрегелл. В связи с этим Сэлмон предположил, что во Фрегеллах в 125 г., как и в другой колонии nominis Latini Венузии в 91 г., имел место этнический конфликт между оскоязычным большинством и римско-латинской правящей верхушкой[15]. Однако данная

---

[9] Coarelli 1986, 10, n. 28.

[10] Keaveney 1987, 65–68; Mouritsen 1998, 118–119. П. Коноле даже предположил, что фрегелланцы были инициаторами общелатинского заговора против Рима: Conole 1981, 135. С. Кендалл, который скептически относится к данной гипотезе, называет поведение фрегелланцев в 125 г. «дикой авантюрой» (wild gamble): Kendall 2013, 178.

[11] Patterson 2012, 223. С другой стороны, такие исследователи, как Ж. Каркопино, Э.Т. Сэлмон и Д. Стоктон, указывали на обособленность ситуации во Фрегеллах: Carcopino 1929, 12; Salmon 1962, 110; Stockton 1979, 96–97.

[12] Liv. XLI. 8. 8: Fregellas quoque milia quattuor familiarum transisse ab se Samnites Paelignique querebantur, neque eo minus † aut hos aut illos † in dilectu militum dare.

[13] Подробнее об этом см. Coarelli 1998, 37–40; Balbo 2016, 255.

[14] См. Lapyrionok 2016, 63 с подборкой источников и литературой.

[15] Salmon 1967, 117, 326, 343. Э. Бэдиан и Д. Стоктон также видели в восстании Фрегелл выступление оскоязычных элементов против Рима: Badian 1970–1971, 390; Stockton 1979, 96–97. В отношении Венузии, которая стала единственной колонией латинского права, добровольно выступившей против Рима в самом начале Союзнической

гипотеза представляется довольно спорной, ведь потомки оскоязычных переселенцев во Фрегеллах к 125 г. и в Венузии к 91 г., вероятно, уже были ассимилированы[16]. Причины политического кризиса 125 г. во Фрегеллах следует искать в социально-экономическом развитии Фрегелл после окончания Ганнибаловой войны. То, что миграция самнитов и пелигнов в 177 г. повлияла на облик городской части Фрегелл, подтверждается данными археологических раскопок, которые начались в 1978 г. и продолжались в 1980–1990-е годы[17]. Исходя из данных, полученных в ходе этих раскопок, Ф. Коарелли приходит к выводу об имевшем место во II в. процессе превращения жилищ богатых фрегелланцев в суконные мастерские[18]. Он же связывает эти тенденции с миграцией самнитов и пелигнов в 177 г.[19] Таким образом, правящие круги Фрегелл брали на себя ответственность за материальное благополучие переселенцев и их потомков, создавая для них рабочие места и, возможно, предоставляя им небольшие земельные участки[20]. При этом ресурсы колонии латинского права были ограниченны и вряд ли могли удовлетворить нужды всех переселенцев и их потомков.

По мнению Стоктона[21], потомки оскоязычных переселенцев так и не смогли улучшить свое материальное положение и в период гракханских реформ рассчитывали на передел ager publicus и реализацию законопроекта консула 125 г. Марка Фульвия Флакка de Latinis civitate danda (App. *BC*. I. 21. 86; Val. Max. IX. 5. 2)[22]. Исходя из этого, Стоктон делает вывод, что малоимущие фрегелланцы, разочарованные провалом rogatio Fulvia, выступили против римско-латинской правящей элиты Фрегелл[23]. С неудачей инициативы Фульвия Флакка, вероятно, связаны вышеупомянутые слова Аскония о враждебном настрое (male animatos) латинов (Ascon. *Pis.* 17 C). Исходя из сообщения Аскония, логичнее всего предположить, что латины были разочарованы провалом законопроекта Флакка и по этой причине выступили против Рима. Однако М. Бальбо предлагает иную причинно-следственную связь между восстанием Фрегелл и rogatio Fulvia[24]: провал данной законодательной инициативы он считает не причиной, а результатом восстания Фрегелл, которое, в свою очередь, было вызвано недовольством латинов (главным образом, представителей элиты) деятельностью гракханской аграрной комиссии в связи с возможным переделом местного фонда ager publicus.

войны, основным аргументом в пользу гипотезы Сэлмона является сообщение Страбона (Strab. VI. 1. 3), где он причисляет Венузию к самнитским городам (οἶμαι... Σαυνίτιδας εἶναι). О Венузии см. также Torelli 1995, 150–153; Scopacasa 2015, 248, n. 40.

[16] Conole 1981, 134.

[17] Подробнее о содержании данных археологических раскопок см. Coarelli 1998, 29–69.

[18] Coarelli 1996, 199–205.

[19] Coarelli 1991, 177–185. См. также Broadhead 2002, 70–81.

[20] Они вполне могли получить статус так называемых incolae, однако, по мнению Р. В. Лапыренка, исходя из контекста сообщения Ливия (XLI. 8. 8), речь идет о полноправных латинских гражданах колонии: Lapyrionok 2021a, 59, Anm. 272.

[21] Stockton 1979, 97. См. также Lapyrionok 2016, 64.

[22] О содержании законопроекта М. Фульвия Флакка см. Lapyrionok 2021a, 43–54 с подборкой источников и анализом литературы.

[23] Stockton 1979, 97.

[24] Balbo 2016, 253–261.

Итальянский исследователь также приходит к выводу, что возможное предоставление латинам прав римского гражданства вкупе с переделом местного фонда ager publicus в перспективе могло привести к изменению социальной структуры колонии латинского права и к потере представителями правящей элиты Фрегелл большей части их привилегий[25].

Это могло отпугнуть фрегелланцев от поддержки гракханских реформ. Однако интерпретация Бальбо представляется нам спорной. Его вывод базируется главным образом на утверждении, что rogatio Fulvia, являясь частью гракханской политики в аграрном вопросе, неизбежно повлекла бы за собой передел общественной земли. На наш взгляд, подобное утверждение является ошибочным. Маловероятно, что возможная реализация инициативы о предоставлении латинам римского гражданства привела бы к масштабному переделу ager publicus populi Romani, ведь для этого гракханцы должны были бы вернуться к аграрному закону Тиберия Гракха 133 г., согласно которому триумвиры аграрной комиссии были наделены судебными полномочиями[26]. Однако после политического кризиса 129 г. возобновление деятельности аграрной комиссии в полном объеме (т.е. с судебными полномочиями) было крайне маловероятно[27]. Предположение Р.В. Лапыренка о том, что гракханцы предлагали союзникам римское гражданство в обмен на поддержку реформаторов или невмешательство в их планы[28], также представляется нам спорным. Дело в том, что наши источники не сообщают о каких-либо переговорах М. Фульвия Флакка или Гая Гракха с представителями латинских или италийских общин, как это было, например, в период трибуната М. Ливия Друза Младшего в 91 г. (Val. Max. III. 1. 2; Plut. *Cat. Min*. 2. 1–5; *Vir. ill*. 80. 1; Diod. XXXVII. 11. 1)[29]. Другими словами, не было никаких гарантий, что союзники в случае предоставления им прав римского гражданства поддержали бы дальнейшие политические инициативы реформаторов. Кроме того, выбор между римским гражданством и правом провокации (апелляции), предусмотренный проектом Флакка (Val. Max. IX. 5. 2), свидетельствует о том, что реформатор старался соблюдать некоторую осторожность в данном вопросе. Таким образом, фрегелланцы вряд ли могли ожидать масштабного передела ager publicus сразу же после принятия закона о предоставлении латинам прав римского гражданства.

Логичнее предположить, что именно провал rogatio Fulvia вызвал раскол среди фрегелланцев. С одной стороны, малоимущие фрегелланцы, которые рассчитывали на улучшение своего имущественного положения за счет получения

---

[25] Balbo 2016, 260. С данной гипотезой соглашается и Р.В. Лапыренок: Lapyrionok 2021a, 63–64.

[26] Подробнее о lex Sempronia agraria 133 г. и деятельности триумвиров agris iudicandis adsignandis в 133–129 гг. см. Tel'minov 2012, 6–9; Lapyrionok 2016, 17–36 с анализом источников и литературы.

[27] О политическом кризисе 129 г. и его последствиях: Lapyrionok, Smorchkov 2014, 47–58 с анализом источников и литературы.

[28] Lapyrionok 2021b, 237, n. 24.

[29] По этой причине нам представляется крайне маловероятным, что союзники были подробно осведомлены о дальнейших политических действиях Г. Гракха и М. Фульвия Флакка.

римского гражданства, были разочарованы. С другой стороны, фрегелланская элита хотя ничего не выиграла, но и ничего не потеряла, сохранив при этом статус-кво в отношениях с Римом. Могла ли подобная ситуация привести к восстанию против Рима? С. Кендалл предположил, что фрегелланцы, недовольные провалом rogatio Fulvia, лишь спекулировали на теме антиримского восстания. Данная гипотеза представляется нам довольно интересной, однако она не объясняет реакцию Рима, которая при таком сценарии выглядит чрезмерно жесткой[30]. На наш взгляд, фрегелланский казус являлся внутренним социальным конфликтом, а не реальным выступлением против римской власти. Другими словами, малоимущие фрегелланцы выступили против своей правящей верхушки, о которой стоит поговорить более подробно.

Д. Стоктон предположил, что представители фрегелланской элиты помогли Опимию подавить восстание[31]. Р.В. Лапыренок соглашается с данной гипотезой, аргументируя ее тем, что элита в отличие от малоимущих латинов не проявляла особого интереса к предоставлению римского гражданства согласно инициативе Фульвия Флакка[32]. А. Кивни, в свою очередь, допускает, что отдельные представители фрегелланской элиты являлись инициаторами и лидерами восстания[33]. Мы же полагаем, что фрегелланская верхушка в целом была заинтересована в предоставлении римского гражданства, но отношения с Римом и внутренняя социальная стабильность были для нее важнее. По этой причине представители фрегелланской верхушки не поддержали выступление своих малоимущих соотечественников и в конце концов сами обратились в Рим за помощью в разрешении конфликта. Данный тезис можно аргументировать сообщениями Цицерона о фрегелланце Кв. Нумитории Пулле. Цицерон называет Пулла «предателем» по отношению к фрегелланцам: «Кто не испытывает ненависти к предателю Нумиторию Пуллу из Фрегелл, хотя он принес пользу нашему государству?»[34], — а также сообщает о его речи перед Л. Опимием: «Ведь в сенате [или в совете] долго совещались по поводу Сифакса, а касательно Кв. Нумитория Пулла была произнесена длинная речь перед Л. Опимием и его советом. И в этом случае прошение о помиловании возымело большее действие, чем [ходатайство] о судебном разбирательстве» (пер. В.К. Хрусталёва)[35].

---

[30] Kendall 2013, 177–179. Согласно предложенной интерпретации, фрегелланцы с помощью прямого выступления (в чем именно оно заключалось, Кендалл не уточняет) рассчитывали спровоцировать римскую власть на переговоры, в ходе которых они смогли бы выторговать для себя римское гражданство, но в итоге просчитались.

[31] Stockton 1979, 97.

[32] Lapyrionok 2014, 242.

[33] Keaveney 1987, 66.

[34] Cic. *Fin*. V. 62: Quis Pullum Numitorium Fregellanum, proditorem, quamquam rei publicae nostrae profuit, non odit? Цицерон характеризует Нумитория как «предателя» также в третьей «Филиппике» (Cic. *Phil*. III. 17). Однако в данном контексте подобная оценка Нумитория тесно связана с характеристикой М. Антония, ведь Нумиторий приходился триумвиру дедом по материнской линии.

[35] Cic. *De inv*. II. 105: Nam in senatu [aut in consilio] de Syphace diu deliberatum est, et de Q. Numitorio Pullo apud L. Opimium et eius consilium diu dictum est, et magis in hoc quidem ignoscendi quam cognoscendi postulatio valuit.

Исходя из этих сообщений, мы можем допустить, что предательство Нумитория заключалось в том, что он и его единомышленники сами поспособствовали вмешательству Рима в ход конфликта. Ведь для того, чтобы гарантировать вмешательство римских властей, представители фрегелланской элиты должны были представить ситуацию во Фрегеллах как восстание или заговор против Рима. Вероятно, именно таким образом Нумиторий пытался представить ситуацию во Фрегеллах перед Л. Опимием и его советом. В данном случае можно провести параллели с сообщением Ливия о посольстве общин sociorum nominis Latini в Риме в 177 г., которые жаловались на миграцию своих соотечественников в Рим (Liv. XLI. 8. 8). Вероятно, среди латинских послов в 177 г. был фрегелланец Л. Папирий, который, согласно Цицерону (*Brut.* 170), был современником Тиберия Гракха (консула 177 и 163 гг. и отца братьев Гракхов), а также выступал перед сенатом в защиту Фрегелл и других латинских колоний (oratio pro Fregellanis colonisque Latinis)[36].

В случае с латинским посольством 177 г. сенат, согласно Ливию, пошел на уступки латинским послам и предпринял ряд мер по ограничению возможности получения римского гражданства per migrationem et censum или ius migrandi (Liv. XLI. 8. 12; 9. 9–12)[37]. Эти меры были выгодны прежде всего правящим кругам латинских общин, которые сохраняли под своим контролем людские ресурсы. Данный случай можно считать примером эффективного взаимодействия представителей элит латинских общин, включая Фрегеллы, с римской властью. Схожий сценарий, на наш взгляд, имел место в 125 г. Исходя из этого, мы можем предположить, что Нумиторий и его единомышленники из фрегелланской элиты пытались заручиться поддержкой римской власти по двум причинам. С одной стороны, поддержка Рима была необходима, так как фрегелланская элита не могла справиться с конфликтом своими силами. С другой – обращение за помощью к Риму обусловливалось необходимостью сохранения фрегелланской верхушкой ее привилегированного положения, которое оказалось под угрозой из-за внутреннего конфликта.

В связи с этим Нумиторий и представители фрегелланской элиты пытались представить перед сенатом и Л. Опимием внутренний конфликт во Фрегеллах как восстание против Рима. Подобная трактовка не противоречит сообщению Аскония (*Pis.* 17 C), который, говоря о приведении враждебно настроенных латинов к покорности Опимием (Opimium... nominis Latini socios male animatos repressisse), намекает на то, что жесткие меры Опимия в отношении Фрегелл носили превентивный характер[38], ведь римская власть явно не хотела, чтобы фрегелланский кризис вышел за пределы самих Фрегелл. Дальнейшие действия сената заключались в выведении в 124 г. на место разрушенных Фрегелл римской колонии Фабратерии Новы (Vell. Pat. I. 15. 4)[39]. В связи с этим Стоктон предполагает, что представители

---

[36] Подробнее об этом см. Badian 1955, 22–23; Malcovati 1955, 99–100; Broadhead 2002, 74, n. 70.

[37] Подробнее об институте ius migrandi см. Broadhead 2002, 128–154; Coşkun 2009a, 70–73, 82–88, 168–197 с анализом источников и литературы.

[38] Mouritsen 1998, 118–119. Сэлмон, в свою очередь, высказал мнение, что разрушение Фрегелл являлось своего рода посланием Рима остальным латинам: Salmon 1967, 334.

[39] См. Stockton 1979, 96; Piper 1987, 42.

правящих кругов Фрегелл получили римское гражданство за помощь Опимию. К сходному выводу на основании анализа археологического и эпиграфического материала приходит Ф. Коарелли[40]. Отсюда возникает вопрос, каким образом представителям фрегелланской верхушки могло быть предоставлено римское гражданство. Это могло произойти через практику ius adipiscendae civitatis Romanae per magistratum. Данная практика, согласно сообщению Аскония, являлась важной составляющей ius Latii в 89 г. в результате основания Помпеем Страбоном фиктивных колоний nominis Latini в Транспаданской Галлии[41]: «Транспаданские колонии вывел Гн. Помпей Страбон, отец Гн. Помпея Магна. Ведь Помпей не селил в них новых колонистов, но даровал латинское право оставшимся прежним жителям, чтобы они смогли пользоваться тем же правом, что и другие латинские колонии, — то есть чтобы (их) магистраты приобретали римское гражданство *через прошение*» (Ascon. *Pis.* 3 C; пер. В.К. Хрусталёва с изменениями)[42].

Проблема в данном случае заключается в том, что широкое применение практики получения римского гражданства через занятие магистратуры засвидетельствовано в эпоху Принципата, в то время как для периода Республики у нас нет ни одного свидетельства об этом[43]. Тем не менее Дж. Тибилетти датировал введение данной практики получения римского гражданства 124 г., связывая ее непосредственно с восстанием Фрегелл[44]. Этой версии придерживаются такие исследователи, как А. Кивни, Д. Пайпер и К. Дж. Дарт[45]. Х. Гальстерер, в свою очередь, датирует появление ius adipiscendae civitatis Romanae per magistratum не ранее 89 г.[46] Однако Д.В. Брэдин, а вслед за ним Х. Моритсен и Р.В. Лапыренок ставят под сомнение сведения Аскония и отвергают вышеупомянутую гипотезу

---

[40] Stockton 1979, 97; Coarelli 1996, 205.

[41] Термин «фиктивные колонии латинского права» (colonie latine fittizie) в отношении lex Pompeia de Transpadanis 89 г. был введен Дж. Лураски: Luraschi 1979, 141–218; 1983, 261–329. О правовом статусе фиктивных колоний Помпея Страбона см. также Bispham 2007, 173–175; Taylor 2013, 123–125, Liubimova 2017, 69–72.

[42] Ascon. *Pis.* 3 C: Cn. Pompeius Strabo, pater Cn. Pompei Magni, Transpadanas colonias deduxerit. Pompeius enim non novis colonis eas constituit sed veteribus incolis manentibus ius dedit Latii, ut possent habere ius quod ceterae Latinae coloniae, id est ut *petendo* (курсив мой. — *Н. Ф.*) magistratus civitatem Romanam adipiscerentur. О возможных вариантах перевода последней части фразы см. Bispham 2007, 173–174, n. 59; Coşkun 2009b, 237–238; Barbati 2012, 2–3, 23–42; 2013, 59–60, 97–99; Liubimova 2017, 69, 79–81. А. Джошкун, исправляя *petendo* на *peti<tione>*, на наш взгляд, резонно предположил, что слова Аскония подразумевают не автоматическое получение бывшими латинскими магистратами римского гражданства (в противном случае это влекло бы за собой автоматическую потерю гражданских прав в их родных общинах), а то, что они могли стать римскими гражданами, если бы выразили соответствующее желание: Coşkun 2009b, 233–238. См. также Barbati 2013, 98–99; Liubimova 2017, 81.

[43] О ius adipiscendae c. R. per magistratum в период Поздней республики и Принципата: Coşkun 2009b, 227–233; Russo 2018, 481–505 с анализом источников и литературы.

[44] Tibiletti 1953, 45, 55.

[45] Keaveney 1987, 84–85; Piper 1988, 59–68; Dart 2016, 60–61. А.Н. Шервин-Уайт предлагает более позднюю датировку появления данной практики, но до начала Союзнической войны: Sherwin-White 1973, 111–112.

[46] Galsterer 1976, 93–100.

Дж. Тибилетти[47]. Они обосновывают это отсутствием в источниках надежных свидетельств о существовании ius adipiscendae civitatis Romanae per magistratum в республиканский период.

Действительно, о существовании практики получения римского гражданства через занятие магистратуры до 89 г. мы располагаем лишь некоторыми намеками, которые имеются в соответствующих строках эпиграфического закона о вымогательстве (lex Acilia repetundarum?) 123 или 122 г. К тому же в этих строках имеется лакуна, которую М. Кроуфорд заполняет следующим образом: «Если среди них кто-либо [не захочет становиться римским гражданином по этому закону и при этом данное лицо не являлось в латинской общине дуумвиром, консулом, диктатором], претором или эдилом...»[48]. В реконструкции Т. Моммзена данная лакуна восполняется несколько иначе: «Если кто-либо из тех, кто [имеет статус союзника латинского права... те из них, кто каждый в своей общине не являлся диктатором], претором или эдилом»[49]. Обе представленные реконструкции стк. 78 lex Acilia repetundarum указывают на то, что для лиц, имевших латинский статус, но не являвшихся магистратами в их родных общинах, согласно закону, в случае добровольного отказа от римского гражданства[50] были предусмотрены такие привилегии, как право апелляции (ius provocationis), освобождение от военной повинности (vacatio militae) и от других munera publica. Исходя из этого, можно предположить, что магистраты латинских общин (а именно дуумвиры, консулы, диктаторы, преторы и эдилы или, согласно реконструкции Моммзена, только диктаторы, преторы и эдилы) уже имели некоторые привилегии, включая ius adipiscendae c. R. per magistratum, и не подпадали под действие нормы, зафиксированной в стк. 78 эпиграфического закона. Однако данное предположение является крайне спорным[51].

Мы же полагаем, что получение фрегелланскими магистратами римского гражданства логичней связать с основанием Фабратерии. В данном контексте можно провести некоторые параллели с Кв. Эннием, который получил римское гражданство в 184 г. при выведении колонии[52] (в Потенции или Пизавре[53]). Регистра-

---

[47] Bradeen 1959, 221–228; Mouritsen 1998, 99–108; Lapyrionok 2021a, 47.

[48] Crawford 1996, 74 (*Tab. Bemb.* 78/85): sei quis eorum, quei [??? c(eiuis) R(omanus) ex h(ace) l(ege) fieri nolet, quei eorum in ceiuitate Latina IIuir consul??? dicta]tor praetor aedilisue non fuerint...

[49] Mommsen 1905, 45: Sei quis eorum, quei [nominis Latini sunt... quei eorum in sua quisque civitate dicta]tor praetor aedilisve non fuerint...

[50] Согласно стк. 76 эпиграфического закона, истцы из числа союзных Риму общин могли претендовать на римское гражданство, если поданные ими иски увенчались успехом в суде: Crawford 1996, 74 (*Tab. Bemb.* 76/83).

[51] См. Crawford 1996, 111.

[52] Cic. *Brut.* 79: Q. Nobilior(em) M. f... qui etiam Q. Ennium, qui cum patre eius in Aetolia militaverat, civitate donavit, cum triumvir coloniam deduxisset. – «Квинт Нобилиор, сын Марка... в сане триумвира основал колонию и наделил правом римского гражданства Квинта Энния, воевавшего с его отцом в Этолии» (пер. И.П. Стрельниковой).

[53] В 184 г. были выведены две колонии: Потенция в Пицен и Пизавр в Галльскую область. Кв. Фульвий Нобилиор был одним из триумвиров, руководивших устройством обеих колоний (Liv. XXXIX. 44. 10).

ция Энния в качестве колониста благодаря его дружбе с одним из триумвиров coloniis deducendis Кв. Фульвием Нобилиором была всего лишь формальностью, ведь официально римским гражданином он стал, очевидно, после прохождения ценза 179/178 гг. в Риме (Liv. *Per.* XLI)[54]. На основании параллели с Эннием можно предположить, что представители фрегелланской элиты стали римскими гражданами после их регистрации в качестве колонистов при основании Фабратерии. В пользу этой гипотезы свидетельствует проведение в 125/124 гг. ценза (Liv. *Per.* LX). Вероятно, среди римских граждан, зарегистрированных в результате этого ценза, могли оказаться представители фрегелланской элиты, принимавшие участие в подавлении конфликта[55].

Исходя из проведенного анализа, мы можем констатировать следующее. Представители фрегелланской элиты, столкнувшись с социальным конфликтом внутри колонии латинского права, были вынуждены обратиться за помощью в Рим и просить сенат вмешаться в урегулирование конфликта, представляя его как восстание против Рима. Жестокая расправа, учиненная претором 125 г. Л. Опимием объясняется тем, что сенат опасался распространения подобного конфликта за пределы Фрегелл. Предоставление прав римского гражданства представителям фрегелланской верхушки, участвовавшим в разрешении социального конфликта, было связано с основанием Фабратерии и проведением ценза в 125/124 гг.

Литература / References

Badian, E. 1955: L. Papirius Fregellanus. *Classical Review* 5, 22–23.

Badian, E. 1970–1971: Roman politics and the Italian allies (133–91 BC). *Dialoghi di Archeologia* 4–5, 373–409.

Balbo, M.P. 2016: La rivolta di Fregellae nel 125 a. C. *Mediterraneo antico* 19/1–2, 253–261.

Barbati, S. 2012: Asc., in Pis. 3 Clark: sulle cosiddette “colonie latine fittizie” transpadane. *Revista General de Derecho Romano* 18, 1–44.

Barbati, S. 2013: Ancora sulle cosiddette “colonie latine fittizie” transpadane (Asc. in Pis. 3 Clark). *Quaderni Lupiensi di Storia e Diritto* 3, 59–106.

Bispham, E. 2007: *From Asculum to Actium. The Municipalization of Italy from the Social War to Augustus*. Oxford.

Bradeen, D.W. 1959: Roman citizenship per magistratum. *Classical Journal* 54, 221–228.

Broadhead, W. 2002*: Internal Migration and the Transformation of Republican Italy.* PhD thesis. London.

Carcopino, J. 1929: Les lois agraires des Gracques et la guerre sociale. *Bulletin de l’Association Guillaume Budé* 22, 3–23.

Coarelli, F. 1986: *Fregellae 2, Il santuario di Esculapio*. Roma.

Coarelli, F. 1991: I Sanniti a Fregellae. In: *La Romanisation du Samnium aux IIe et Ier siècles av. J.-C. Actes du colloque organisé par le Centre Jean Bérard en collaboration avec la Soprintendenza archeologica e per i BAAAS del Molise et la Soprintendenza archeologica per le Province di Salerno, Avellino e Benevento*. (Collection du Centre Jean Bérard, 9). Napoli, 177–185.

---

[54] Э. Деньё вполне справедливо отмечает, что такой гражданин, как Энний, мог проживать непосредственно в Риме, а не в колонии, где он формально был зарегистрирован в качестве поселенца: Deniaux 1983, 267–268.

[55] В 125/124 гг. зафиксирован значительный прирост римских граждан (394 736) по сравнению с предшествующим цензом 131/130 гг., в результате которого было зарегистрировано 318 823 римских граждан (Liv. *Per.* LIX). О проблеме ценза 125/124 гг. см. Lapyrionok 2016, 70–136 с анализом источников и литературы.

Coarelli, F. 1996: Fregellae, Arpinum, Aquinum: *lana* e *fullonicae* nel Lazio meridionale. In: M. Cébeillac-Gervasoni (éd.), *Les élites municipales de l'Italie péninsulaire des Gracques à Néron. Actes de la table ronde internationale de Clermont-Ferand (1991)*. (Collection du Centre Jean Bérard, 13; Collection de l'École Française de Rome, 215). Naples–Rome, 199–205.

Coarelli, F. 1998: La storia e lo scavo. In: F. Coarelli, P.G. Monti (eds.), *Fregellae 1: Le fonti, la storia, il territorio*. Roma, 29–69.

Conole, P. 1981: Allied disaffection and the revolt of Fregellae. *Antichthon* 15, 129–140.

Coşkun, A. 2009a: *Bürgerrechtsentzug oder Fremdenausweisung? Studien zu den Rechten von Latinern und weiteren Fremden sowie zum Bürgerrechtswechsel in der Römischen Republik (5. bis frühes 1. Jh. v. Chr)*. Stuttgart.

Coşkun, A. 2009b: Zu den Bedingungen des Bürgerrechtserwerbs per magistratum in der späten römischen Republik. *Historia* 58/2, 225–241.

Crawford, M.H. 1996: *The Roman Statutes*. Vol. I. London.

Dart, Ch.J. 2016: *The Social War, 91 to 88 BC: A History of the Italian Insurgency against the Roman Republic*. London–New York.

Deniaux, E. 1983: Le passage des citoyennetés locales à la citoyenneté romaine et la constitution de clientèles. In: *Les « bourgeoisies » municipales italiennes aux IIe et Ier siècles av. J.-C.* (Collection du Centre Jean Bérard, 6). Naples, 267–277.

Galsterer, H. 1976: *Herrschaft und Verwaltung im republikanischen Italien. Die Beziehungen Roms zu den italischen Gemeinden vom Latinerfrieden 338 v. Chr. bis zum Bundesgenossenkrieg 91 v. Chr.* München.

Göhler, J. 1939: *Rom und Italien. Die römische Bundesgenossenpolitik von den Anfängen bis zum Bundesgenossenkrieg*. Breslau.

Keaveney, A. 1987: *Rome and the Unification of Italy*. Totowa (NJ).

Kendall, S. 2013: *The Struggle for Roman Citizenship: Romans, Allies, and the Wars of 91–77 BCE*. Piscataway (NJ).

Lapyrionok, R.V. 2014: [The "Italian question" in 126–125 B.C.: from *lex de peregrinis* of M. Iunius Pennus to the demolition of Fregellae]. *Vestnik Nizhegorodskogo universtiteta im. N.I. Lobachevskogo* [*Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*] 2/1, 239–244.
Лапыренок, Р.В. «Италийский вопрос» в 126–125 гг. до н.э.: от закона М. Юния Пенна до разрушения Фрегелл. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского* 2/1, 239–244.

Lapyrionok, R.V. 2016: *Nasledie agrarnogo zakona Tiberiya Grakkha: zemel'nyy vopros i politicheskaya bor'ba v Rime 20-kh gg. II v. do n.e.* [*The Legacy of the Agrarian Law of Tiberius Gracchus: The Land Question and Political Struggle in Rome in the 20s of the 2nd Century BCE*]. Moscow.
Лапыренок, Р.В. *Наследие аграрного закона Тиберия Гракха: земельный вопрос и политическая борьба в Риме 20-х гг. II в. до н.э.* М.

Lapyrionok, R.V. 2021a: *Die Ursprünge des Bundesgenossenkrieges: Land und Politik in den Jahren 133–91 v. Chr.* (Antiquitas I, 75). Bonn.

Lapyrionok, R.V. 2021b: [The political and economic origins of the Roman revolution]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya* [*Journal of Economic History and History of Economics*] 22/2, 222–245.
Лапыренок, Р.В. «Римская революция»: политико-экономические предпосылки. *Историко-экономические исследования* 22/2, 222–245.

Lapyrionok, R.V., Smorchkov A.M. 2014: [The 129 crisis and the agrarian reform of Tiberius Gracchus]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 3, 47–58.
Лапыренок, Р.В., Сморчков, А.М. Кризис 129 г. до н.э. и судьба аграрной реформы Тиберия Гракха. *ВДИ* 3, 47–58.

Lintott, A.W. 1994: Political history, 146–95 B.C. In: J.A Crook, A. Lintott, E. Rawson (eds.), *Cambridge Ancient History*. Vol. IX. *The Last Age of the Roman Republic, 146–43 B.C.* 2nd ed. Cambridge, 40–103.

Liubimova, O.V. 2017: [Marcus Licinius Crassus and the *Transpadani*: *nimium parcus in largienda civitate*?]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 77/1, 66–90.
Любимова О.В. Марк Лициний Красс и Транспаданцы: nimium parcus in largienda civitate? *ВДИ* 77/1, 66–90.

Luraschi, G. 1979: *Foedus. Ius Latii. Civitas. Aspetti costituzionali della romanizzazione in Transpadana*. Padova.

Luraschi, G. 1983: Sulle magistrature nelle colonie latine fittizie (a proposito di Frag. Atest. linn. 10–12). *Studia et documenta historiae et iuris* 49, 261–329.

Malcovati, E. 1955: *Oratorum Romanorum fragmenta liberae rei publicae*. Torino.
Mommsen, Th. 1905: Lex repetundarum. In: Th. Mommsen, *Gesammelte Schriften*. Bd.I. Berlin, 1–64.
Mouritsen, H. 1998: *Italian Unification. A Study in Ancient and Modern Historiography*. London.
Patterson, J.R. 2012: Contact, co-operation and conflict in pre-Social War Italy. In: S.T. Roselaar (ed.), *Processes of Integration and Identity Formation of the Roman Republic*. Leiden, 215–226.
Piper, D. 1987: Latins and the Roman citizenship in Roman colonies: Livy 34, 42, 5–6; Revisited. *Historia* 36, 38–50.
Piper, D. 1988: The ius adipiscendae civitatis Romanae per magistratum and its effect on Roman-Latin relations. *Latomus* 47, 59–68.
Russo, F. 2018: Sullo "ius adipiscendae civitatis Romanae per magistratum" nella "Lex Irnitana". *Gerión. Revista de Historia Antigua* 36/2, 481–505.
Salmon, E.T. 1962: The cause of the Social War. *Phoenix* 16/2, 107–119.
Salmon, E.T. 1967: *Samnium and the Samnites*. Cambridge.
Scopacasa, R. 2015: *Ancient Samnium. Settlement, Culture, and Identity between History and Archaeology*. Oxford.
Sherwin-White, A.N. 1973: *The Roman Citizenship*. 2nd ed. Oxford.
Stockton, D. 1979: *The Gracchi*. Oxford.
Taylor, L.R. 2013: *The Voting Districts of the Roman Republic: The Thirty-Five Urban and Rural Tribes*. With updated material by Jerzy Linderski. Ann Arbor.
Tibiletti, G. 1953: La politica delle colonie e città latine nella Guerra Sociale. *Rendiconti dell'Istituto Lombardo. Classe di Lettere* 86, 45–63.
Tel'minov, V.G. 2012: [Two generations in the activities of the Agrarian commission (133–129 BCE)]. In: R.E. Romanov (ed.), *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovany: vzglyad molodykh uchenykh* [*Actual Problems of Historical Research: The View of Young Scientists*]. Novosibirsk, 6–12.
Тельминов, В.Г. «Два поколения» в деятельности Аграрной комиссии (133–119 гг. до н.э.). В кн.: Р.Е. Романов (ред.), *Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых*. Новосибирск, 6–12.
Torelli, M. 1995: *Studies in the Romanization of Italy*. Edmonton.

Vestnik drevney istorii
82/4 (2022), 869–898
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/4 (2022), 869–898
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910015355-3

STUDIA DIONEA NOVISSIMA: HISTORICAL NARRATIVE, INTERPRETATIONS OF THE PAST AND POLITICAL CONTEXTS OF CASSIUS DIO'S "ROMAN HISTORY" (Part II)

Konstantin V. Markov[1], Alexander V. Makhlayuk[2]

[1, 2] *National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia*

[1]*E-mail*: markov@imomi.unn.ru [2]*E-mail*: makhl@imomi.unn.ru

[1]*ORCID*: 0000-0001-8380-0043 [2]*ORCID*: 0000-0002-7758-2374

Acknowledgements: Russian Foundation for Basic Research, project no. 20-19-50173

The article, continuing the overview of current Cassius Dio scholarship, focuses on the debates surrounding issues of narrative modes and patterns of his *Roman History*, including the role of various speeches in their dramatic context, the correlation between annalistic and biographical techniques, Dio's treatment of Roman public institutions and especially their evolution within the transition from the Republic to Principate. The discussions concerning Dio's political and literary career, his political thinking, and the constitutional debate in Book 52 also are under consideration. The present survey demonstrates that modern scholars have completely abandoned the outdated preconception of Dio as a 'copyist' or a 'compiler'. Currently, this historian is treated as an author who had a distinct narrative strategy, elaborated the structure of his work and made deliberate choices between historiographic methods and techniques. Recent studies show, on the one hand, the diversity of methodological agendas applied to different parts of Dio's work, and on the other hand, a number of recurrent themes and issues. The majority of these elements of consistency belong to the sphere of the author's political agenda, with the entire conceptual framework of Dio's narrative being closely connected to the demonstration of paradigms of proper political leadership.

Keywords: Cassius Dio, Graeco-Roman historiography, historical causation, historical narrative, historiographic methods and techniques, political agenda, Cassius Dio scholarship

---

Authors. Konstantin Vladimirovich Markov – Ph.D. in history, Associate Professor of the Department of Ancient and Medieval History at the National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; Alexander Valentinovich Makhlayuk – D. Hab. in history, Professor, Chair of the Department of Ancient and Medieval History at the National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.

We owe our deepest gratitude to Adam Kemezis (University of Alberta) for his valuable comments on a draft of this article and for improving our English.

STUDIA DIONEA NOVISSIMA: ИСТОРИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРОШЛОГО И ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ «РИМСКОЙ ИСТОРИИ» КАССИЯ ДИОНА (Часть II)

К. В. Марков[1], А. В. Махлаюк[2]

[1, 2] *Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия*

[1]*E-mail*: markov@imomi.unn.ru [2]*E-mail*: makhl@imomi.unn.ru

В статье, продолжающей обзор современных исследований Кассия Диона, основное внимание уделяется спорным вопросам о повествовательных модусах и моделях его «Римской истории», в том числе рассматриваются роль различных речей в их историческом контексте, корреляция между анналистическим и биографическим нарративами, трактовка Дионом государственных институтов, и прежде всего их эволюции в период перехода от Республики к Принципату. Анализируются также мнения современных исследователей, касающиеся политической и литературной карьеры Диона, его политических воззрений, дискуссии о наилучшей форме правления в книге LII. Настоящий обзор показывает, что современные исследователи полностью отказались от устаревшего представления о Дионе как о «плагиаторе» или «компиляторе». В настоящее время Дион оценивается как автор, у которого была четкая повествовательная стратегия, детально проработанная структура нарратива и осознанный выбор историографических методов и литературной техники. Недавние исследования обнаруживают, с одной стороны, разнообразие подходов историка, применяемых к различным частям его труда, а с другой – ряд повторяющихся тем и вопросов. Большинство этих связующих элементов относится к сфере политических установок автора, и вся концептуальная основа дионовского повествования тесно связана с репрезентацией парадигм политического лидерства.

Ключевые слова: Кассий Дион, греко-римская историография, историческая причинность, исторический нарратив, методология историографии, современная историография

HISTORICAL NARRATIVE

Narrative modes and patterns

A body of recent scholarship has looked at Dio's narrative in terms of its literary and rhetorical characteristics. The *Roman History* is recognized to be a literary construct reflecting the author's version of the Empire and its past. Such an approach provided fruitful ground for exploring diverse forms of Dio's narrative discourse: political, ideological, cultural. Particular attention has been paid to peculiarities of Dio's methods and historiographic approaches, the narrative structuring, in particular

Выражение признательности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-19-50173. Мы глубоко благодарны Адаму Кимизису (Университет Альберты) за его ценные комментарии к черновику этой статьи и за неоценимую помощь в усовершенствовании английского текста.

the annalistic and biographical techniques and the principles behind the deployment of speeches. A survey of the recent scholarship on these issues is represented below.

Modern scholarship has found Dio's methodological agendas to be closely linked to his take on human nature, as well as his overall understanding of history. For instance, Hose explains the impact of Thucydides' paradigm upon the *Roman History* by Dio's inability 'to establish rudimentary "teleological" principles such as those found in Herodotus, Polybius, or Diodorus. It is thus understandable that in searching for another model of historiography he lit upon Thucydides'[1]. As noted in Part One of this article, the Thucydidean paradigm is more detectable in the republican section of Dio's work than in the imperial one. Obviously, Dio could have different methodological agendas for different parts of his work or switch methods according to the plot itself. As Rich rightly notes, sometimes 'he was the cynical student of *Machtpolitik*, sometimes the political moralist, ready with edifying sentiments or models for conduct'[2]. The question which arises here is to what extent such a diversity of Dio's narrative techniques depends on his sources. Did he simply follow from one mass of material to another one? For decades the affirmative answer to this question remained quite common among scholars, with Dio being regarded as a 'single-source historian'. Recent studies have challenged this traditional view. A number of case-studies have revealed various thematic and interpretative differences between Dio's materials and the parallel narratives and other sources on the Regal period[3], Second Punic War[4], Late Republic[5], Julio-Claudian and Flavian periods[6] or the Severans[7]. As a historian of his own right, Dio elaborates on all these topics and in some cases offers independent information.

A detailed analysis of compositional and methodological particularities of different parts of Dio's work has been carried out by Kemezis who undertook a rare attempt to interpret Dio's extensive work as a literary whole[8]. Based on narratological approaches applied primarily to modern fiction[9], he employs 'narrative world' concept in order to reveal and explore the intrinsic conceptual integrity of Dio's narrative, though admitting that different parts of it might have their independent functions. According to Kemezis, Dio re-imagined the history of Rome and created his own version of the Roman Empire as a stage for the historical process[10]. Methodologically, the study of Dio's 'narrative world' implies that the text should not always be taken at face value. Sometimes subtexts and hints should be identified, while the main aim is to define the general principles of the construction and functioning of the narrative. Therefore, Kemezis advocates for making assumptions, formulating generalized explanatory models, and providing general

[1] Hose 2007, 464.
[2] Rich 1990, 14.
[3] Briquel 2016; Fromentin 2016.
[4] Simon 2016.
[5] Simons 2009; Baron 2019.
[6] Devillers 2016a.
[7] Molin 2016c. The general survey of the sources for emperors see now in Letta 2021.
[8] Kemezis 2014, 10.
[9] For a concise introduction to Dio in narratological perspective, see Hidber 2004.
[10] Kemezis 2014, 11.

assessments without delving into rhetorical analysis in each particular case[11]. The basic premise for such an approach is that the ancient texts were designed for readers capable of understanding 'narrative worlds', because people do not, either in the time of the Severans, or in our own times, perceive the world of the text and reality as identical[12]. Unfortunately, Kemezis does not refer to concrete examples of such reflection in ancient times. Therefore, it is tempting to inquire about the correlation between the ostensibly conscious and deliberate construction of the 'narrative world' and the genre specifics. In fact, many Greek and Roman historians expressed their commitment to *aletheia*[13] and believed that an accurate and trustworthy account of the past events distinguished history from poetry, which was based on fiction (e.g., Polyb. 1. 14. 5–6; 2. 56. 12; Arist. *Poet.* 9. 1451b. 1; Luc. *Hist. conscr.* 8–9). Another issue closely linked to the previous one is the relationship between the individual author's creativity and the literary trends of his times. In this regard, Burden-Strevens rightly points to Kemezis's selectiveness in dealing with the massive modern scholarship on the Second Sophistic[14].

In comparison with the previous historiography, the novelty of Dio's work, according to Kemezis, is the creation of an original compositional structure of the narrative, covering several historical epochs. Dio's 'narrative world' is not static. It changes at different historical stages defined by Dio in his comments on the periodization of the history of Rome (52. 1. 1; 72 [71]. 36. 4): early and middle Republic, Late Republic, Principate, contemporary period. These periods are associated by Kemezis with different types of narrative, i.e. 'narrative modes', such as republic, *dynasteia*, Principate and the 'eyewitness' mode[15]. The first two modes are distinguished in accordance with the periodization of the history of Rome in the opening chapter of Book 52. The identification of two other modes within the imperial period is based on Dio's famous reference to the 'realm of iron and rust' which replaced the kingdom of gold after the death of Marcus Aurelius (72 [71]. 36. 4); and his pledge to describe the contemporary events in more detail and more carefully, since he was a witness to them (72 [71]. 18. 4). Importantly, such a narrative structuring is never mentioned by Dio. It has been reconstructed by Kemezis, albeit tentatively, as the author himself acknowledges[16]. He concludes: 'Each of the four discernible modes – Republic, *dynasteiai*, Principate and contemporary – functions as its own domain within the overall story world. Each has its own modalities or rules for what sorts of events are knowable and worth telling, for what sorts of motivations and possibilities for action characters have and for what is the nature of the Roman commonwealth and its relationship to individuals. Literary techniques also differ greatly; each mode has its own way of deploying speeches, digressions, narrative asides, vivid or emotive descriptive passages and so forth'[17]. Consequently, different elements of Dio's narrative – for example the speeches – might have a different meaning and function in each mode.

---

[11] Kemezis 2014, 11, 14.
[12] Kemezis 2014, 14.
[13] Dio is not an exception in this respect: 1. 1. 2.
[14] Burden-Strevens 2016a, xi.
[15] Kemezis 2014, 98.
[16] Kemezis 2014, 109.
[17] Kemezis 2014, 98.

Kemezis' thought-provoking conception has been taken in account by Coudry, Bertrand, Fromentin and Coltelloni-Trannoy, the authors of two articles on Dio's treatment of different periods in Rome's history[18]. They suggest that Dio gave each epoch a special 'flavour', derived from distinctive *lexica* and themes (for instance, ambition, rivalry, greed, corruption in the republican times). Besides, they find more aspects of Dio's treatment of temporality: his periodization is characterized as 'polymorphous or polyphonic', which means it might be based on different principles and include numerous periodization frameworks, with specific methodological and political agendas being allocated to each. Another issue is Kemezis' idea that Dio uses two different modes for narrating the history of the early / middle and Late Republic / *dynasteia*. According to him, the Republican period is presented by Dio as a time when collective interests prevailed, and the activities of individuals were aimed at achieving the common good. The next mode is characterized as a specific narrative about the civil wars in Rome, which revolves around the description of the individual political leaders' struggle for power. However, some scholars have rightly pointed to the fact that Dio's early-republican narrative 'abounds in internecine conflict'[19] and is not much different in terms of highlighting the role of violence than the late-republican account[20]. In Rich's words, 'Dio portrays the early Republic in a way which is less idealized and has more in common with his view of the Late Republic than Kemezis has allowed'[21].

More specifically, Lindholmer argues that Dio's central passage on periodization (52. 1. 1) has been misinterpreted by Kemezis and others: 'δυναστείαις should not be seen as a discrete period and especially not as a governmental form but rather refers to the numerous malfunctions of the δημοκρατία throughout its history'; the Late Republic is thus not δυναστεία but rather a poorly functioning δημοκρατία[22]. Indeed, Dio's take on the periodization of Roman history, particularly the chronology and sequence of the periods, is marked by some inconsistencies[23]: three different dates for the beginning of monarchy are provided[24], δυναστεία is occasionally ignored as a period (44. 1. 1–2. 3; 53. 19. 1; 56. 21. 4); the end of δημοκρατία coincides not only with the establishment of the Principate of Augustus, but also with the dictatorship of Julius Caesar (43. 20. 3), as well as with the moment when Octavian and Antony divided power between themselves (50. 1. 1); the concept of a 'monarch' and its derivatives can be occasionally used by the author with respect to 'dynasts' (43. 20. 3; 45. 1–3; 47. 27. 2; 39. 3)[25]. Nevertheless, it feels that δυναστείαι cannot be entirely divorced from Dio's version of Roman historical periodization, which appears to correspond to some classical theories of ἀνακύκλωσις, the cycle of political transformations, as a universal and inevitable process due to the

[18] Bertrand *et al.* 2016; Coltelloni-Trannoy 2016a.

[19] Burden-Strevens 2016a, xii.

[20] Lange 2019, 165.

[21] Rich 2019, 278.

[22] Lindholmer 2018a, 565. Similarly, Carsana states that Dio, being close in this respect to Plutarchan *De unius in re publica dominatione,* considers dynasts to be constitutional office holders abusing their power (Carsana 2016).

[23] For more details see Markov 2021.

[24] Dio identifies it variously with Actium (50. 1. 2; 51. 1. 1; 56. 30. 5), the debate of 29 BCE (52. 1. 1), and the settlement of 27 BCE (53. 17. 1; 19. 1).

[25] For Dio representing Caesar as a monarch, see Carsana 2016, 555; Urso 2020, 21–25.

peculiarities of human nature[26]. Therefore, the transition from the Late Republic to the Principate is represented by the author as corrosion of δημοκρατία into δυναστεία, a period when political power is concentrated in hands of ambitious leaders while democracy remains mostly as a façade (41. 17. 3; 45. 11. 1)[27].

One could bring up more issues with Kemezis' stimulating conclusions about the correlation between Dio's periodization of history and his methodological agendas. On the one hand, Dio himself states that his methodology in writing the history of the Principate differs from that adopted for the Republican narrative (53. 19. 1–6). However, in this passage, the difference is explained by the changing nature of the historian's sources, not by his own personal intention to set a special methodological agenda for the Principate. Furthermore, Dio's reference to his personal observations as providing a more accurate and more detailed account of the contemporary events corresponds to the Greek historiographical tradition (cf. Thuc. 1. 1; Luc. *Hist. conscr.* 47) and does not necessarily indicate a considerable methodological change within the imperial books. More convincingly, Rich, having explored Dio's principles of speeches deployment, comes to conclusion that Dio switches to a new mode in his narrative after Augustus. The basic features of this new mode are: the author's focus on the characters of individual emperors as rulers; the lack of extended speeches as less appropriate for a society where the political decisions are made secretly; the abundance of remarks by emperors and replies from those subjects who dared to respond, with accounts of the worse emperors containing more direct-discourse episodes of this sort[28]. All this shows obvious dissimilarities in the methodological agendas determined by the author's deliberate choice of subject and of cause-effect interpretations.

Narrative modes apart, the distinct range of narrative techniques deployed in different sections of Dio's work could be allocated to the narrative patterns depending on the plot itself[29]. Apparently, one of the most telling examples is Dio's depiction of violence, war and civil war, which has become the subject of one of the recent Brill volumes on Dio[30]. This collective study has brought fruitful results. Regarding the foreign wars, as Bertrand shows, Dio stands for a defensive imperialism throughout the entire work, depicting Roman expansion as a cause of domestic political problems[31]. On the other hand, his recognition of the risks threatening the Roman Empire determines his recurrent interest in the geography and history of some peripheral areas related to Severan conflicts[32]. Another recurrent theme in Dio's work is the representation of the emperors' military achievements, their authority as commanders-in-chief and their relations with the soldiers. According to Havener, Dio makes depiction of the imperial military persona one of the

[26] Markov 2021, 115–117.

[27] Markov 2021, 114–115. For Dio's usage of Aristotelean vocabulary and his contraposition of lawless and arbitrary dynasteia to such legitimate forms of government as monarchy and democracy, see Bellissime 2016.

[28] Rich 2019, 224.

[29] Markov 2021, 122.

[30] Lange, Scott 2020.

[31] Bertrand 2020, 120–121; cf. Simons 2012; 2014.

[32] Bertrand 2020, 135.

leitmotifs of his work[33]. However, the historian's literary focus was more on cases of civil discord. Imrie makes a number of insightful observations on how Dio presents Rome as a prize for a winning party, with its population being plunged into the atmosphere of fear and concealment of true emotion, while the restoration of peace and security brings a sense of freedom of expression[34]. Besides, an indispensable element of Dio's depiction of the physical city of Rome in times of *staseis* is the scenes of decapitation and display of heads on the Rostra and elsewhere, which, as Lange claims, may have a strong symbolic meaning for Dio himself and his envisaged readers[35].

Definitely, there are a number of similarities between Dio's dim picture of the Late Republic and his pessimistic view of the Severan era marked by the lack of consensus among the Romans[36] and their moral and political decline[37]. However, the picture might be more complicated. As Osgood has shown, Dio drew the reader's attention not only to the parallels but also to contrasts between the two epochs and their representatives, as, for example, in case of Caesar's and Septimius Severus' attitudes towards their political rivals[38]. Given his criticism towards the ruling dynasty, the historian is even referred to as 'Dio the Dissident'[39]. Thus, Mallan has noticed that the propaganda of Dio's contemporary emperors is refuted and subverted by Dio, which concerns not only Commodus or Septimius Severus, but also Severus Alexander under whom Dio supposedly completed his work[40]. Furthermore, one can agree with Scott that, in contrast with Septimius Severus' self-representation, Dio depicts the founder of the new dynasty as an anti-Augustus in terms of the outcomes of the civil wars both emperors waged. Having defeated his adversaries Augustus, as well as, later, Vespasian, established a consensus-based governmental system, while Severus' coming to power resulted in further repressions and bloodshed, with the Romans getting further and further from regaining concord and stability[41].

Indeed, different forms of violence including wars and civil strife, as well as the issues of social stability, appear to be the author's prime concern and occupy a privileged position within the structure of Dio's narrative. Importantly, they appear to be recurrent themes of speeches deployed abundantly in *Roman History*. This is what clearly follows from some of the studies on the role of speech in Dio's work.

Speeches and their functions

Obviously, Dio was very much a representative of the Second Sophistic era. Scholars have shown a number of his sophistic features: his own self-presentation as an educated elite member who could write in polished Attic and was familiar with classical texts; his general interest in sophistic society, as well as his consistent focus on relations between

[33] Havener 2020, 138–164. Cf. also Davenport 2021.
[34] Imrie 2020, 165–191.
[35] Lange 2020, 192–218.
[36] For Dio's treatment of *homonoia* as a running theme in his work, see Asirvatham 2020, 309.
[37] Molin 2016a, 259–270; Madsen 2016, 155–156.
[38] Osgood 2020, 313–333.
[39] Rantala 2016, 159.
[40] Mallan 2016, 273–274.
[41] Scott 2020a, 334–354.

the *literati* and Roman emperors[42]. Most of all the Second Sophistic influence manifests itself in speeches deployed abundantly in Dio's work[43]. Indeed, the fragmentary Books 1–21 alone contain, according to Rich, 36 'short' and 16 'extended' pieces of oratory, while there are also short and informal instances of *oratio recta*, more characteristic of the imperial section of *Roman History*[44]. On the other hand, the overall impression of Dio as 'a rhetorician, eager to show off his skills'[45], diminished scholarly opinions on the quality and function of speeches in his work. Until relatively recent times they were characterized mostly as a sort of declamatory exercises, *suasoria* or *controversia*, based on commonplaces and conventional tropes[46], while the general influence of rhetoric on Dio's narrative might even lead to pessimistic conclusions about Dio as a historian[47]. Current scholarship considers the rhetorical dimension of the *Roman History* as an integral part of historical narrative[48]. More optimistically, Fomin allows Dio's speeches to be somewhat more than 'empty rhetoric': they go beyond imitation of classical authors and reflect Dio's individual values and political conceptualization, as well as his experiments with rhetorical techniques[49]. However, the scholar emphasizes the epideictic quality of Dio's speeches, finds them 'largely theoretical' or 'tending to universality' and, as *ars gratia artis*, frequently being 'not very firmly anchored in the historical context'[50].

Contrary to such an approach, the 2010s saw a number of studies aiming to reintegrate Dio's various speeches into the historical context they are deployed in[51]. For example, Kemezis has shown that Caesar's address to the Vesontio mutineers (38. 34–47) is by no means a 'detachable rhetorical exercise' and can hardly be divorced from its dramatic setting. A technique of 'collusive mendacity', as Kemezis puts it, is employed in this speech, 'in which the speaker presents lies or obfuscations that the audience recognizes as such but nonetheless finds in some way useful or gratifying and chooses to accept'[52]. Dio frequently represents late republican speakers resorting to such manipulations. This is for him a way to emphasize the 'political dysfunction' of the period when Roman republican institutions were on the verge of collapse but the language of *libera res publica* was still in use[53].

This idea has been further developed by Burden-Strevens, the author of several works, including a monograph, aimed at reconsideration of the role of speeches in Dio's

---

[42] Sidebottom 2007, 77; Freyburger-Galland 2013; Jones 2016, 303–305; Burden-Strevens 2015b, 297; 2016b, 214.

[43] On speeches in general and on individual samples see Adler 2008; Davenport, Mallan 2014; Fomin 2016; Lachenaud 2016; Burden-Strevens 2016b; 2018; Mastrorosa 2017; Rich 2019.

[44] Rich 2019, 224, 275.

[45] Rich 1989, 89.

[46] Millar 1961; 1964; Reardon 1971, 207–210; Stekelenburg 1971; McKechnie 1981; Reinhold 1988; Lintott 1997; Rodgers 2008.

[47] Lintott 1997, 2498–2503.

[48] Cf. Fromentin 2021, 39–40.

[49] Fomin 2016, 237.

[50] Fomin 2016, 232, 237. Cf. Fomin 2015, 220–221.

[51] Markov 2013; Davenport, Mallan 2014; Mastrorosa 2014; Kemezis 2016; Coudry 2016a.

[52] Kemezis 2016, 254.

[53] Kemezis 2016, 239, 252–254.

republican and early imperial narrative[54]. According to Burden-Strevens, Dio deliberately created explicit contradictions between the speakers' statements and the depicted dramatic context in order to highlight the ineffectiveness or corruption of all public speech in the final decades of the Roman Republic. Public debates could no longer function properly because the formal orations were delivered by politicians who disguised their true motives behind fine words. Burden-Strevens convincingly argues that Dio used speeches as an instrument of historical analysis. Furthermore, based on the techniques of *analepsis* and *prolepsis* Dio demonstrates the changing character of public speech throughout his Republican narrative, which becomes a part of his causation of the decline of the *libera res publica*. 'Dio explored the destructive impact of oratory upon political life more fully than any surviving historian of the first century BC: its destabilising influence could not be countered, he argues, until the fora of debate themselves were restricted. This is another important component of his theoretical critique of δημοκρατία and justification of monarchy'[55]. This method of deploying speeches in order to provide explanations for specific events and trends appears to be closer to Polybius than to 'epideictic tastes of Lucian, Quintilian, and Diodorus'[56]. Further, Burden-Strevens recognizes the important role of moralizing in Dio's narrative structuring, in particular in his speeches: 'Dio seems to have placed *sententiae* into his history in such a way as to present individual moral failures as the cause of even major political and military events in the Late Republic'[57].

Annalistic and biographical techniques

One of the traditional issues pertaining to the Dio's narrative is the author's use of annalistic and biographical techniques. There is a long-established consensus among scholars that Dio wrote traditional annalistic history of Rome[58], though we can agree with Rich that at the same time Dio aspired to 'high Greek literary standards'[59]. 'The last annalist' – this is, for instance, how Kemezis refers to our historian[60]. However, as Rich has persuasively demonstrated, some of Dio's early republican history materials were not organized annalistically, or the annalistic structure was deployed 'with notable flexibility'[61]. Sometimes he passes fluently between domestic and warfare topics or adds institutional excurses, sometimes events of several years can be grouped around certain regions, while for some of the years Dio found no materials meeting his standard of inclusion. Obviously, this was an elaborate structuring technique which enabled Dio to represent a compressed account of several centuries of the early and mid-republican period in the first twenty books, i.e. one fourth, of his work[62].

---

[54] Burden-Strevens 2016b; 2018; 2020.
[55] Burden-Strevens 2020, 181.
[56] Burden-Strevens 2020, 181.
[57] Burden-Strevens 2020, 119.
[58] Rich 1990, 8–11; Swan 1997.
[59] Rich 2020, 329.
[60] Kemezis 2014, 90.
[61] Rich 2016, 286.
[62] Rich 2016, 271–286.

Some modifications to basic annalistic structure are detectable also in the late-republican and imperial books. These are primarily the biographical insertions, especially characterizations of emperors that open and summarize each reign[63]. Having carried out a detailed analysis of this biographical component, especially in the initial imperial books, Bono demonstrates their important structuring role which corresponds to Dio's description of the compositional principal preceding his account of the battle of Mutina and the subsequent establishment of the triumvirate (46. 35. 1): to set forth λογισμοί as the reasoned explanation of the facts (ἔργα) that he is preparing to narrate in the following chapters, so that the nature of the reasoning might be confirmed by its concordance with the historical reality[64]. This insightful study basically supports Rich's conclusion that Dio's framing of the annalistically structured narrative with biographical insertions was his own innovation[65]. Similarly, Coltelloni-Trannoy comes to conclusion that Dio created his own narrative technique, based on the combination of annalistic and biographical elements, apparently independent from Tacitus and Suetonius[66]. As Coltelloni-Trannoy argues, Dio as a narrator has certain features of 'behavioural psychologist'[67]: for him the driving force of history is the encounter between characters, events, institutions, as well as their interdependence. Thus the imperial regime is analyzed in the light of the institutional framework, which, for its own part, can be modified by each emperor through his style of rulership[68].

In fact, Dio's occasional shifts toward biographical narration have become a subject of a number of recent studies[69]. Traditionally, Dio has been characterized by scholars as a quasi-biographer[70], while his usage of biographical techniques has been labeled by Pelling as 'biostructuring' for 'the lack of personal individuation and understanding'. Though, Pelling allows Dio to 'bring out the importance of individual character in defining the flavor of different reigns', and claims that 'his characterization is more unsatisfactory by modern than by ancient standards'[71]. Nevertheless, Kemezis finds Dio indifferent to 'the staple subject-matter of true biography' due to his limited interest in the internal psychology of his rulers or dynasts[72]. The scholar considers Dio equally distant from Suetonius' attention to private lives and habits[73] and fom Plutarchan mode of ethical evaluation; unlike both biographers Dio is concerned mostly with public actions of political leaders[74].

---

[63] Rich defines Dio's imperial narrative mode as 'a partly biographical' and points to possible Suetonius' influence on Dio (Rich 2020, 332). Cf. also Devillers 2016b.

[64] Bono 2020, 48–49.

[65] Rich 2016, 272.

[66] Coltelloni-Trannoy 2016a, 354, 358.

[67] For Dio's commitment to behavioral generalizations, see Pelling 1997, 133.

[68] Coltelloni-Trannoy 2016a, 362.

[69] For the most recent analyses of Dio's portrayals of individual emperors, see Malik 2021; Mallan 2021a and the useful overview by Davenport, Mallan 2021.

[70] Questa 1957; Ameling 1997, 2479–2482.

[71] Pelling 1997, 144.

[72] Cf. Pelling 1997, 134.

[73] According to Coltelloni-Trannoy (2016a, 354), Dio's work was not conceived as a catalogue of curiosities.

[74] Kemezis 2014, 139.

The purpose and function of Dio's biographical narrative have been recently studied by Verena Schulz. She demonstrates that Dio used the same, basically senatorial, criteria for evaluating monarchs' *virtutes* and *vitia* in both the Regal and Imperial Period. This is what reflects the distinct and unique character of his account of early kings, with Dio's perspective on Rome's first monarchy being obviously different from those of Dionysius or Livy. Furthermore, Schulz reveals common features in Dio's individual depictions of Roman emperors and early kings. For example, our historian could develop parallels between his early Lucius Tarquinius Priscus and Marcus Aurelius, and, on the other hand, between the similarly vicious qualities of Tarquinius Superbus and Nero or Commodus. Apparently, Dio employed this approach to imperial representation in order to set paradigms for his high-ranking audience in the third century CE[75]. Thematic continuity and cohesiveness appear to be a remarkable feature of Dio's imperial narrative. As has been shown by Pelling, Dio elaborates on some 'trans-regnal' themes, such as the 'dissimulation' of emperors, especially those who rule tyrannically, and the 'bewilderment of the senate'[76]. Schulz has recently afforded a deeper insight into these and other elements of continuity of the imperial narrative, having interpreted them as parts of Dio's major conception of 'deconstruction of imperial representation'[77]. According to the scholar, Dio employed special narrative strategy for depicting emperors-tyrants (Caligula, Nero, Domitian, Commodus, Caracalla, Elagabalus), which was based on the opposition of the historiographical discourse to panegyrical one. Panegyrical poets, like, for example, Martial and Statius under Domitian, intended to praise emperors for exceeding the limits of public expectations with regard to their programmes and projects. The deconstruction implies recoding the panegyrical discourse and reinterpreting the emperors' motifs for going beyond the usual boundaries, so their activities might be represented as violations of established norms, dangerous extremities, deviations and sometimes manifestations of madness[78]. Dio could use different deconstruction strategies that have been divided by Schulz into 'five groups focusing on different aspects of imperial actions: the aspect of action and social norm; of action and character; of the combination of several actions; of the choice of actions to be presented; of actions and emotions'[79]. As regards the first group, Dio could expose hubristic, unmanly and bizarre actions of emperors, like Nero's wedding with Sporus and Domitian's funeral banquet. Negative character traits of the emperors could be highlighted by comparison with other figures, like Boudicca or Corbulo in the case of Nero, or Vindex in Domitian's case. Another deconstruction device is 'focalization', the representation of the emperor's motives from the perspective of other characters. In Dio, the 'focalizers' could be the emperor's relatives, friends and confidents, as well as the people or even contrasting figures[80]. In order to demonstrate the contradictory nature of the emperor's behaviour Dio could use associative combinations of imperial actions taken out of chronological order, which resembles Suetonius and his mode of presenting his rubrics. The way Dio selected his

[75] Schulz 2019a, 311–332.
[76] Pelling 1997, 125–135.
[77] Schulz 2016; 2019b.
[78] Schulz 2016, 276–277.
[79] Schulz 2019b, 264.
[80] Schulz 2019b, 211–212.

materials is also regarded by Schulz as a deconstruction technique. Dio could catalogue 'bad' emperors' deeds and performances, as well as omit certain details and circumstances. In some cases, Dio depicts emotions of the emperors and their subjects in order to create an atmosphere of fear and tyranny. Obviously, Dio's imperial representation is not simply a reflection of the events of the past. According to Schulz, Dio's *Roman History* was created for setting political paradigms, so they might be 'an important part of political communication and a medium for negotiating the boundaries of the emperors' behaviour'[81]. Having compared Dio's imperial methods with Tacitus and Suetonius, she comes to conclusion that the three authors created three different modes of deconstruction, though the peculiarities she finds in Dio are quantitative rather than qualitative. Dio's form of deconstruction is characterized as 'the most complete' and accompanied with less uncertainty. Substantially, Dio's imperial representation appears to be 'closely intertwined with the sociopolitical discourses under the Severans: Dio's typologies offer an alternative, opposing reading to the genealogies claimed by the Severans, which were an important part of their own imperial representation'[82].

As follows from the survey above, modern scholars have reconsidered the outdated preconception of Dio as a 'copyist' or a 'compiler'. Currently, our historian is treated as an author who elaborated on the themes he wrote about, was selective in historiographic methods and techniques, and had a distinct narrative strategy. Recent studies have shown, on the one hand, the diversity of the methodological agendas applied to different sections of his work, and, on the other hand, a number of recurrent themes and issues. The majority of these elements of consistency belong to the sphere of the author's political agendas, with the entire conceptual framework of Dio's narrative being closely connected to the demonstration of paradigms of proper political leadership.

DIO AS POLITICIAN AND POLITICAL THEORIST

Dio's political and literary career

Cassius Dio's work has always been regarded as a monument of political thought of the Severan era, all the more so given that the author was a high-standing senator whose career peaked with his second consulate in 229 CE[83]. Indeed, this is what emerges from Dio's numerous and, sometimes, rather extended interjections regarding his *cursus honorum*[84]. Evi-

[81] Schulz 2016, 277.

[82] Schulz 2019b, 362.

[83] Madsen 2018, 284–285. Modern scholars emphasize that Dio belonged to the inner circle of Severus Alexander's closest assistants, which is attested by his position of *consul ordinarius iterum* as a colleague of the Emperor, also by his urgent appointment to the Latinized and strategically important province of Pannonia Superior, which was a rare exception for a senator of Greek origin (Millar 1964, 26; Hose 1994, 357–358; Markov 2016, 60; Letta 2019, 171).

[84] Member of the Roman senate under Commodus (73 [72]. 16. 3), praetorship nominee under Pertinax (73 [72]. 12. 2), Caracalla's travel companion in the journey to eastern provinces (77 [76]. 17. 3–18. 4), *curator ad corrigendum statum civitatum* in Pergamum and Smyrna under Elagabalus (80 [79]. 7. 4; 18. 4), governor of the province of Africa (49. 36. 4; 80 [80]. 1. 2); imperial legate in Dalmatia and Pannonia (49. 36. 4). Dio's position in Africa is a matter of discussion. Letta following Vrind's suggestion (Vrind 1923, 158) believes that Dio held position of commander of *legio III Augusta* stationed in Numidia (Letta 1979, 131–135; 2016b,

dently, the vicissitudes of Dio's career influenced his vision of the evolution of the Roman political institutions. For example, his remark on insignificance of a second consulship, in the 'Consolation-Dialogue' between Cicero and Philiscus (38. 28) may be interpreted as an allusion to Dio's own misfortunes of 229[85], when the pinnacle of his career, marred by the conflict with the praetorians (80. 5. 1), was followed by the author's abrupt withdrawal from Rome for his home town of Nicaea. Obviously, as a politician, Dio viewed the Roman past through the lens of his political experience. Therefore, scholars have always looked for a correlation between the stages of the historian's public career and the political agendas the author apparently sets in his work[86].

It should be noted, however, that Dio's career, as well as its precise chronology, is still a debatable issue. The most extensive reconstruction has been recently suggested by Michel Molin, who makes some proposals regarding Dio's biography[87], though some of them go beyond the existing evidence[88]. Importantly, Molin shares the traditional view on Dio as making a successful career under Septimius Severus and becoming a member of the *consilium principis*, the emperor's *amicus* and *comes*[89]. This version has been recently questioned by Letta, for the second time since 1979[90]. Usually, scholars find no direct correlation between Dio's critical remarks on the Severans and the vicissitudes of his career[91], all the more so given that another historian of Imperial Rome, Tacitus, might have been a good example in this respect[92]. Letta, on the contrary, regards Dio's expressions of indignation or resentment with Severus' or Caracalla's activities as indications that our historian fell into disgrace already in the 190s, mostly because of his pro-Albinus sympathies, and resumed his *cursus* no earlier than when Macrinus had usurped the imperial power. Letta's main argument is Dio's brief mention of three thousand indictments for adultery entered on the docket which he had an opportunity to see when consul (77 [76]. 16. 4). Letta's idea that Dio's acquaintance with the documents could hardly be connected with his consular duties, and, therefore, that Dio could not be a consul under Septimius Severus, appears to be too rigid. Even if we admit that praetors, not consuls, presided over *quaestiones de adulteriis* in Severan times, one cannot exclude the involvement of a consul in administering justice in such cases *extra ordinem* or, as a variant, in a case of a senator, with judicial

274–275; 2019, 168–169). However, this version has been convincingly rejected by Barnes (1984, 394–395) and others (Rich 1990, 141; Molin 2016b, 442). On Dio's autobiographical remarks in the context of his narrative strategy and cultural identity, now see Scott 2018; Mallan 2021b; Kuhn 2022; Makhlayuk, Markov 2019, 46-62.

[85] Kemezis 2014, 289–290.

[86] For instance, according to Millar (1964, 78, 83–84) and Hose (1994, 431), the work of Dio is imbued with political ideas that reflect particular aspects of Caracalla's reign and are addressed directly to the emperor.

[87] Dio's praetorship – 195 CE, *proconsulat de rang prétorien*, presumably in Asia Minor or Lycia-Pamphylia – 197–198 CE, first consulate – 207 CE (Molin 2016b, 431–446).

[88] This primarily concerns the idea that Dio, jointly with Septimius Severus, traveled to Britain in 209–211(Molin 2016b, 440, 445).

[89] Molin 2016b, 439–441.

[90] Letta 2019, 164–166; 1979, 128.

[91] Millar 1964, 17; Molin 2016b, 439–441.

[92] Madsen 2016, 137.

hearings being held in the senate under the chairmanship of consuls[93]. At the same time, Letta is right when arguing for reconsidering the meaning of Dio's remarks on assisting the emperor at court (76 [75]. 16. 4: πρὸς ἡμᾶς τοὺς συνδικάζοντας αὐτῷ; 77 [76]. 17. 1: ἡμῖν τοὺς συνδικάζουσιν αὐτῷ). Traditionally, these formulations are supposed to be indications of Dio's membership in the *consilium* of Septimius Severus[94]. However, Letta has convincingly shown that Dio might refer to senatorial trials, with συνδικάζοντες being all the senators, not necessarily a selected group of advisors[95].

The discussion on Dio's career under the first Severans is tightly connected with another issue, namely the chronology of the composition of Dio's work. When reaching the end of Conmmodus' reign Dio gives an account of his literary activities, including 10 years spent on collecting materials for his *Roman History* and another 12 years devoted to composing the text (73 [72]. 23. 1–5). Dio's formulation does not necessarily imply that the later stage follows the former immediately[96], but modern scholars usually regard the total amount of 22 years as an uninterrupted period[97]. According to the author himself, he still continued writing after his retirement in 229 (80 [80]. 5. 2), and consequently the final stage belongs to the early 230s. Nevertheless, it is commonly believed that only a limited portion of the text could have first appeared at that time, while the bulk of the work had been written and published much earlier[98].

Debates on the exact chronology of the 22-year period of Dio's work have been ongoing for decades, with two main versions, 'the early' and 'the late', prevailing. The former implies that Dio started collecting materials in times of the civil war of 194–197 and finished writing towards the end of Caracalla's reign at the earliest or in the first year of Elagabalus' rule at the latest[99]. Already in the 1960s, 'the early' version was questioned by Bowersock, pointing to Dio's open hostility towards some of the members of the ruling dynasty, which makes publication of Dio's work under the Severans, i.e. before 235, doubtful[100]. Therefore some scholars, having placed the 22-year period in the 190s–210s, admit that Dio subjected his work to thorough editing in the end of the 220s and 230s[101]. However, even this version can be met with the following objection: if Dio spent ten years collecting materials on the history from the ancient times until the death of Severus (73 [72]. 23. 5), he could not have commenced earlier than in 201[102]. Therefore, some scholars suggest that Dio collected materials from the early 200s to the early or middle 220s[103]. However, it does not

[93] Theoretically at least, such a possibility is attested by the rescript *ad Tertullum et Maximum consules* (D. 48. 5. 30. 5) and one of the instructions from Ulpianus' *De officio proconsulis* (D. 48. 2. 16). Cf. Garnsey 1967, 57.

[94] Barnes 1984, 243; Reinhold 1988, 1,4; Rich 1990, 2; Hose 1994, 358; Kemezis 2014, 142; Scott 2015, 172; Molin 2016b, 440, 445.

[95] Letta 2019, 165–166.

[96] Reinhold 1988, 12.

[97] Schmidt 1997, 2598–2599.

[98] Kemezis 2014, 282.

[99] Schwartz 1899, 1686, 1720; Gabba 1955, 295–297; Millar 1964, 28–30; Hose 1994, 425–426; Schmidt 1997, 2598–2625; Sordi 2000, 391–396; Lindholmer 2021, 133–159.

[100] Bowersock 1965, 469–474.

[101] Eisman 1977, 657–673; Murison 1999, 8–12; Kemezis 2014, 282.

[102] Bowersock 1965, 471; Rich 1990, 3–4; Markov 2008, 148.

[103] Millar 2005, 31; Rich 1990, 4; Swan 1997, 2549–2556; Schettino 2001, 555; Zecchini 2016, 123.

specifically follow from Dio's account on the origin of his work that it was 201 or any other particular year when he started collecting materials[104]. He only mentions the fact that he decided to write *Roman History* when his previous work on *stasis* of the 190s won high approval of the audience including Septimius Severus himself (73 [72]. 23. 3).

Adherents of 'the late' version have suggested that Dio started working on his *opus* no sooner than in the end of 211, i.e. after the death of Septimius Severus. Consequently, the ten years of scrutinizing the sources lie between 211/212 and 220/222, while the writing stage corresponds to 220/222–231/234[105]. However, the main obstacle for placing the bulk of the work in the late 220 – early 230s is Dio's passage on the eruption of Vesuvius in 202 (77 [76]. 2. 1). Of course, Dio might have heard about the event later, after purchasing the estate in Capua[106]. Nevertheless, in Book 77 [76], Capua is represented as a place where Dio writes history, not his native Bithynia. Therefore, a precise chronology of the 22-year period is still a problem, though we can suggest *termini post/ante quem* for more authorial interventions in different sections of the work. It can be assumed that Book 46 was finished no earlier than 218, Book 48 no earlier than 218/219, Book 11 no earlier than 220, Book 43 after 220, Book 52 no earlier than 223, Book 49 in 225 or later, Book 40 before 226 at the earliest[107]. Consequently, it was before the end of 229 but still in the 220-s when Dio actively worked on his *Roman History*[108], or, as Kemezis puts it, 'exercised substantial editorial control until the entire history was circulated in the early 230s, probably after his death'[109]. In any case, the *Roman History* in its current form appears to be a product of the Alexander Severus' era.

From Republic to Principate

Recent decade has seen an array of studies devoted to Dio's treatment of Roman public institutions and, especially, their evolution in times of the transition from the Republic to the Principate. Among others, Andrew Scott proposes some thoughtful suggestions[110]. He notes that Dio charted and analyzed changes in government from the regal period to the Augustan principate, and in doing so, the author of the *Roman History* might have hoped that his contemporary readers would find proper models to emulate or avoid. What clearly emerges from Scott's work is, on the one hand, Dio's representation of a number of occasions when emperors from his own time misunderstood or misinterpreted history, and, on the other hand, Dio's belief in the utility of history and its transformative function. As appears, Dio considered all forms of government to be eventually degenerating. Nevertheless, he may have had an idea that filling in 'the long gap in writing the history of Rome in its entirety' would help to 'appropriately reform Rome's degenerated monarchy'[111].

---

[104] Markov 2008, 154.

[105] Barnes 1984, 240–255; Letta 1979, 183–185; 2007, 41–47; 2019, 163–180. 'The late' chronology is also accepted by Kuhn-Chen (2002, 137) and Molin (2016b, 445–446).

[106] Letta 2007, 46–47.

[107] Letta 1979, 169; Barnes 1984, 251; Markov 2008, 153.

[108] Markov 2008, 153.

[109] Kemezis 2014, 283.

[110] Scott 2020b.

[111] Scott 2020b, 186.

Obviously, among the Roman constitutional changes Dio's prime concern is the fall of the Republic. According to Madsen, Dio 'tries to convince his readers' that any democratic form of government was doomed to fall due to the inability to maintain stability and peace, which was to Dio, as Madsen puts it, 'a structurally unresolvable problem'[112]. However, the historian makes his Maecenas claim that the Romans were quite comfortable with their government when they were a tiny community, while their venturing into foreign lands and conquering the Mediterranean resulted in factional strife that shattered the state (52. 16. 2). Based on this comment and, to an even larger extent, on the different tone of the mid- and late-republican speeches, Kemezis comes to the conclusion that a key element of Dio's depiction of the early and middle Republic is the supremacy of collectivity over individualism. 'During that period, Dio presents the Roman people as a viable collective actor that was generally capable of determining and pursuing its own interests rather than those of its leaders'[113]. As mentioned above, one can agree with those scholars who believe that such a characterization of Dio's early Republic is overly idealizing, with Dio's account of the Struggle of the Orders being full of violence[114]. On the other hand, Rees has demonstrated that Dio's mid-republican narrative is more nuanced and distinctly has its own modality. In the passage from Dio's account of the outbreak of the Second Punic War (218 BCE) this period is represented as 'a zenith' (ἀκμή) of the Republic when Rome was as strong as never before and its citizens lived in absolute harmony among themselves, which facilitated their later military achievements (frg. 52. 1). The problems began when the Romans reached military supremacy, commenced emulating the prodigal habits of the defeated, and neglected the traditions of their fathers (frg. 64). Rees has rightly noticed that the latter fragment matches Dio's assertions in Book 44 and the claim in Maecenas' speech that power and excessive wealth corrupted the Republic and caused its collapse. This, Rees maintains, proves the cohesiveness of Dio's considerations on the moral decline of the Roman Republic[115]. Besides, Coudry has scrutinized Dio's portraits of Scipio, Camillus, and Fabricius, the so-called 'great men' of the middle Republic, to show the historian's conceptualization in covering such topics as extra-legal power and extraordinary commands, respect for *mos maiorum;* the destructive impact of envy; and the political consequences of military success and the Roman triumph. These issues, recurrent in Dio, form the historian's explanatory framework for the crisis of the Republic[116].

Recent studies also have demonstrated Dio's keen interest in constitutional function and dysfunction of the Late Republic. Coudry and Bertrand thoroughly investigated the role of Senate and magistrates in Dio's account of the period. According to these scholars, Dio deliberately highlighted the role of extended supra-provincial commands in weakening the existing political structures of the Republic. Such commands are represented by Dio as potentially leading to *dynasteia*[117]. Coudry has also explored Dio's observations on the dysfunction of the consulship, censorship, and tribunate during the 60s and 50s BCE[118], as

[112] Madsen 2018, 286–287.
[113] Kemezis 2014, 105. Cf. Simons 2009.
[114] Burden-Strevens 2016a, xii; Lange 2019, 165; Rich 2019, 278.
[115] Rees 2011, 42–51.
[116] Coudry 2019a, 126–164.
[117] Bertrand, Coudry 2016, 599–605.
[118] Similarly, Burden-Strevens reveals Dio's interest in the dictatorship as an important magistracy, with its failure being intertwined with the fall of the Republic (Burden-Strevens 2019).

well as the increasing irrelevance of the Senate and its loss of control of both the domestic and external affairs, with the political process being now centered on the competition between the dynasts. As follows from Coudry's works, Dio depicted the Roman Republic 'comme régime politique', with its collapse being caused by the institutional crisis afflicting the system as a whole, not simply by rivalry among the 'strong men'[119]. Complementing the articles of Coudry, Lindholmer emphasizes that Dio presents political competition as 'the central destructive driving force in the Late Republic'. This means that, for Dio, the institutionalized competition went beyond the individual blunders of particular politicians[120]. At the same time, it is hard to agree with Lindholmer's statement that Dio considered political rivalry to be 'an institutional problem, rather than a moral one'[121], since one does not necessarily exclude the other. In any case, recent studies have revealed Dio's critical approach to the late Republican period, as well as his focus on the institutional and structural changes. Burden-Strevens is right when pointing to the fact that it was basically Dio's vision of that age which shaped the modern explanation of the collapse of the Republic. Importantly, Dio understood that 'the empire was simply too large and diverse to practically accommodate a system of annually elected magistrates, and military operations in different spheres required that specific expertise which is necessarily developed by time and experience'[122]. Such a recognition of the inevitability of the fall of the Republic did not, however, prevent Dio from emphasizing certain benefits of δημοκρατία. For him, as Mallan has demonstrated, the collapse of the Republic resulted in the loss of 'genuine freedom of speech' (ἀκριβὴς παρρησία). The idea of παρρησία appears to be a recurring theme in the *Roman History*, while Dio himself is characterized as 'the last non-Christian author from antiquity to discuss *parrhēsia* in any sort of detail'[123].

Current scholarship provides new interpretations of Dio's view on Caesar. It is noted by some scholars that he represents Caesar's dictatorship as an important turning point in late Republican history. In Madsen's opinion, Dio portrays Caesar rather as a dynast than a monarch, even though the dictator is shown as attempting to put an end to the Republic[124]. More unequivocally, Urso argues that, for Dio, it is Julius Caesar who was the founder of μοναρχία, not Augustus[125]. Urso asserts that a specific feature of Dio's narrative was the lack of continuity between the 'Republic', which ended by 42 BCE, and the 'Monarchy', which was established between 29 and 27 BCE[126]. It should be however noted that Dio employs mixed terminology to characterize Julius Caesar's dictatorship defined occasionally as δυναστεία (43. 20. 3; 43. 25. 3; 44. 35. 1)[127]. Besides, according to Dio himself, Rome's μοναρχία begins with Augustus (52. 1. 1), though, as we have seen above, the author can be inconsistent in defining the chronology and sequence of the historical periods, with the

[119] Coudry 2016c; 2019b.
[120] Lindholmer 2018b, 139; 2019a; 2019b, 93.
[121] Lindholmer 2018b, 139.
[122] Burden-Strevens 2020, 255.
[123] Mallan 2016, 272–275.
[124] Madsen 2019, 259–282.
[125] Urso 2020, 32. For Dio representing Caesar as 'il fondatore della monarchia imperiale', see also Carsana 2016, 555.
[126] Urso 2020, 19–38.
[127] Coudry 2016b, 519–528; Markov 2021, 113–114.

end of Rome's δημοκρατία, as well as the establishment of monarchy, being announced by Dio in a number of authorial interventions scattered across the accounts of different years[128]. Obviously, the historian considered the transition from one governmental form to another as a process and traced it back to Caesar, who is hailed by Dio as the first *imperator* – a new meaning for this word. Furthermore, the period from the dictatorship of Caesar to the Augustan settlement is represented as the establishment of Julio-Claudian rule; this, as Madsen shows, reflects the importance of dynastic questions in Dio's historical views[129]. One can also agree with Madsen that Dio was more positive about Augustus' ambitions and his reign than about Julius Caesar, with the founder of the Principate being commended for providing a more stable form of government[130]. It should be added here that Dio portrays young Octavian as less responsible for the civil wars' bloodshed and less hypocritical, if compared to other triumvirs, though, of course, the author had some reservations concerning Octavian's role during the civil wars[131]. Moreover, Dio pays attention to certain flaws of Augustus' rule and his person[132]. Definitely, for our historian, Octavian was not a paragon of traditional republican virtues. What Dio emphasizes is the statesman's pragmatism and efficiency. In his accent on the utility of political activities one can see him coming close to finding a path that would lead European political thinking to the Machiavellian idea of separation of politics and morality[133].

Much has been recently written about Dio's treatment of the Principate, and some innovations appear in the interpretation of particular points. Evidently, he regarded this form of government as intertwined with the Republic and marked the elements of continuity between the two systems[134]. Provocatively, Coltelloni-Trannoy claims that Dio's principate is (or should be), in fact, a 'mixed constitution'[135], a 'forme binaire' in which a monarch occupies a top place in the well-structured hierarchical society where each class performs its own duties, with genuine political power being monopolized by the elite[136]. Such a characterization rather matches Dio's political ideal represented in the speech of Maecenas than his depiction of the Roman imperial realities, in particular his revelations about the true nature of the Augustan regime and the Principate in general (53. 17. 1–3). Obviously, for Dio, Rome's μοναρχία was an unmixed form of government subjected to degeneration. This is attested by his comment on the transition of Rome from 'a kingdom of gold to one of iron and rust' after the death of Marcus Aurelius (72 [71]. 36. 4). Such a formulation is supposed to be one more indication that Dio regarded history as an ἀνακύκλωσις (or 'cycle') of forms of government[137]. Kemezis and Bertrand associate the 'kingdom of gold' with the Principate before Commodus, while

[128] Markov 2021, 114.
[129] Madsen 2019, 270. See also Markov 2021, 125.
[130] Madsen 2019, 277–279.
[131] Markov 2019, 284–289.
[132] Markov 2019, 289–293.
[133] Markov 2019, 296.
[134] Burden-Strevens *et al.* 2020, 9.
[135] For the influence of the ancient theories of a mixed constitution on Dio's representation of Augustan principate, see also Carsana 1990, 15.
[136] Coltelloni-Trannoy 2016b, 562.
[137] Kemezis 2014, 143; Bertrand 2015, 163–172; Coltelloni-Trannoy 2016a, 341.

the reign of 'iron and rust' is supposed to be Dio's critical reflection on the degeneration of the Empire in his own times from 180 CE onwards. This view, as Bertrand holds, emerged not only from the emperors' violence, senate purges or licentiousness of the young monarchs, which definitely had parallels and precedents in the vices and imperfections of the Julio-Claudians and the Flavians, but, more importantly, from the novelties of the Severans' rule, such as the admission of the lowborn to the Senate and high positions in the government, as well as the loss of the senatorial monopoly on the imperial throne after Macrinus' rise to power[138]. Schulz, having applied to Dio Jan Assmann's theory of collective memory, claims that the 'metal metaphor' appeals primarily to Dio's envisaged audience's 'communicative memory' encompassing presumably 80 years to the end of Trajan's and the beginning of Hadrian's reign. The death of Marcus Aurelius is, therefore, interpreted as a watershed distinguishing the idealized Antonine principate from the subsequent emperors-tyrants[139]. These interpretations, however, raise questions. The Severan innovations mentioned by Bertrand became observable no less than twenty years after the beginning of the period of 'iron and rust'. On the other hand, Dio's Antonine narrative (from Nerva to Marcus Aurelius) can hardly be represented as 'one continuous entity', given the author's critical evaluation of Hadrian (69. 3. 3), which is evidently at odds with Schulz's version. Intriguingly, Noe has noticed a similarity between Dio's metaphor and Pseudo-Seneca's *Octavia* in which Nero's regime is branded an Iron Age, whereas the emperor himself depicted his reign as a new golden one[140]. Similarly, Commodus' rule was voted to be named the 'Golden Age' (73. 15. 6). It should be also noted that both Pseudo-Seneca and Dio (47. 15. 4) use a 'metal metaphor' with respect to an individual rule, not a series of them. However, the difference between the two lies in the terminology. Dio mentions 'the kingship' (βασιλεία), not 'the age'. Therefore, one might look for a parallel in Polybius' conception of 'despotism' ruining any 'kingdom' (βασιλεία) just as 'rust in the case of iron' (Polyb. 6. 10. 3–4)[141].

Regardless of the interpretation of the 'metal metaphor', Dio is quite alarming about the imperial realities of his own time. One of his concerns is the relations between the emperors and the senators. This is another recurrent topic which occupies an important place within Dio's political agendas. Traditionally, the *Roman History* has been considered to be a 'political project' or a monument of senatorial political thinking, with Dio apparently intending to influence the opinions of his peers and to contribute to the political debate under the Severans[142]. Definitely, Dio is concerned with the role the senators might have hoped to play on the political arena of the imperial Rome, as well as the forms and scope of political opportunities the *patres* actually had[143]. According to Bono, Dio's ideal principate owes much to the classical 'mixed constitution' theories[144]. It has certain aristocratic flair, with its key ele-

---

[138] Bertrand 2015, 167. According to Kemezis (2014, 143), Dio's criticism stems from 'the apparent inability of the system to recover from internal crises under the Severans as it did under the Flavians and Antonines'.

[139] Schulz 2019b, 254–255.

[140] Noe 2020, 151.

[141] Markov 2021, 120.

[142] See Madsen's recent considerations on the matter: Madsen 2016, 158.

[143] Mallan 2016, 272.

[144] In this respect the scholar is close to the above-mentioned views of Coltelloni-Trannoy.

ments being *libertas* and active involvement of the senatorial body in politics. Therefore, the Augustan mode of reorganizing the πολιτεία of the Romans into a mixture of μοναρχία and δημοκρατία (56. 43. 4) was possibly a paradigm for Dio and his readers[145].

However, the most recent trend among scholars is to reconsider of the idea that Dio could rely on a high potential for senatorial involvement in the political decision-making process under the Principate. Thus, Coltelloni-Trannoy comes to conclusion that Dio represents communication between the emperors and the senate as a form of political theatre in which outer details, like attendance rules, placement, costume, public vows and ruler's conduct, appear to be a significant aspect of the imperial power manifestation from Augustus' reforms down to Dio's own day[146]. On the other hand, Platon has spotted Dio's critical evaluation of the senate's role in the degenerating relationship between the senatorial order and Tiberius, as well as other emperors[147]. This, however, can hardly undermine Dio's position as a 'senatorial historian'. Similarly, Tacitus, for example, could blame the senators for servility, flattery and covetousness, but this does not make his political agendas less associated with the interests of the order he belonged to. Nevertheless, Lindholmer has questioned the widespread idea of Dio advocating for the senate's prominent role in the ideal imperial constitution. He emphasizes that Dio viewed the senate 'as a passive pool of administrative experts' rather than 'the key forum of debate'[148]. This, of course, can be true about Dio's picture of the historical imperial realities, though Linholmer's attempt to insert a minimalist role for the Senate into the sphere of Dio's political ideals is based on his specific interpretation of one particular passage in the speech of Maecenas (52. 15; see below). Importantly, it is primarily the content of Maecenas' oration which has led Madsen to conclusion that Dio's 'ideal is not a mixed constitution but rather absolute monarchy'[149], with the role of the senate being reduced to giving advice to the emperor and depending on the monarch's predisposition towards cooperating with the senatorial elite[150]. In general, in Madsen's view, Dio held a middle ground between a traditional Greek understanding of monarchy – in which the king with the support of a number of hand-picked advisors, enjoyed absolute power – and the view of such Roman authors as Pliny and Tacitus, who thought the senators to have some share in what would still be one-man rule[151]. Again, Madsen's and Lindholmer's arguments depend largely on the interpretation of the speech of Maecenas. However, Madsen recognizes the fact that, according to Dio, all those monarchs who ruled the Empire despotically (and such emperors were the majority) proved to be too far from the *civilis princeps* ideal. Therefore, Dio gave thought to mechanisms preventing Rome's monarchy from declining into tyranny. As Madsen has shown, our historian may have employed the Flavian narrative to demonstrate the disadvantages of dynastic succession and later made his dying Hadrian deliver an extended speech in favor of the adoption practice[152].

---

[145] Bono 2020, 42–46.

[146] Coltelloni-Trannoy 2016c.

[147] Platon 2016, 653–678; for Dio's representation of the senators' activities as a factor of violence and civil war, see Markov 2020; for Dio's claims on the senatorial responsibility in the despotic degeneration of the principate, see Pistellato 2020, 134.

[148] Lindholmer 2020, 68.

[149] Madsen 2020, 101.

[150] Madsen 2016, 136–159; 2019, 115–20; 2020, 100–101.

[151] Madsen 2022, 98.

[152] Madsen 2020, 95–114. Cf. Davenport, Mallan 2014, 638–662.

Constitutional debates in Book 52

In any event, it goes without saying that Cassius Dio's constitutional thinking is best manifested in his Book 52, the greater part of which is occupied by the famous bipartite debate between Agrippa and Maecenas before Octavian on the constitution of the Empire (52. 1–40)[153]. Agrippa insists on the preservation of the Republic, while Maecenas advocates for 'monarchy' and presents a coherent project of constitutional regulations. Since Meyer's 1891 dissertation[154], these speeches continue to capture the scholarly attention in respect to their rhetorical form, historicity, political implications and ideological message, and their compositional and conceptual significance within the framework of the *Roman History* as a whole[155]. It should be noted, however, that numerous studies of this debate focus mainly on Maecenas' oration, mostly because of his extended political project, while the speech of Agrippa, in contrast, usually stays in the background. Recent decades have seen a reconsideration of the role of Agrippa's oration, with scholars emphasizing the compositional and conceptual unity of the whole of Book 52 as marking an epochal change in the history of Rome[156].

However, interpretations of the content of the speeches can be radically different. Some scholars have tried to employ Book 52 as a basis for the reconstruction of the political views of the historical Agrippa and Maecenas[157] More commonly, the debates, especially the Maecenas' constitutional proposals, are interpreted as a political program of Dio himself reflecting realities of the Severan era[158]. Recently, Burden-Strevens has questioned such an approach to Dio's speeches as a sort of 'epideictic ornamentation'. He insists on the reintegration of both orations into their historical and narrative context. Compositionally, Burden-Strevens argues, the debates serve to highlight the flaws of the Republic and, on the other hand, are used 'to foreshadow the political structure of the Principate and in short to summarise in one place Dio's interpretation of the reasons for Augustus' success'[159]. When characterizing the Maecenas' program as 'the roadmap for a successful monarchy' based mostly on the practices pursued by

---

[153] Reinhold classes these speeches among parallel *suasoriae* practised in Roman schools (Reinhold 1988, 166). For historical writing such political debate was a tradition that began with Herodotus (3. 80–82) and was followed by some of Dio's contemporaries (Philostr. *VA*. 5. 32–37). See Reinhold 1988, 167; Rodrigues 2021, 264–265. Dio himself inserted similar orations at other periods of constitutional changes. See, for instance, frg. 12 (on the expulsion of kings), or the speech of Julius Caesar (43. 15. 2–18. 5). For Dio and declamations, see Millar 1964, 19, 104; Gowing 1992, 290; 1998, 377–378; Freyburger-Galland 1997, 10; Ameling 1997, 2491; Lachenaud, Coudry 2011, lx–lxi.

[154] Meyer 1891.

[155] See most recently Zawadzki 1983; Espinosa Ruiz 1987; Favuzzi 1990; Smyshlyayev 1990; 1991; Horst 2010; Kuhlmann 2010; Adler 2012; Cresci Marrone 2016; France 2016; Bono 2019; Lindholmer 2020; Burden-Strevens 2023; for overviews of modern scholarship on the discussion: Kemezis 2014, 127; Burden-Strevens 2020, 45–46; Madsen 2020, 100; Fromentin 2021, 33–34.

[156] Espinosa Ruiz 1982, 475; 1987, 313; Escribano 1999, 177–184; Kemezis 2006, 121–127; 2014, 129–132; Markov 2013; Burden-Strevens 2020, 45–52.

[157] Avallone 1962, 18; André 1967, 78–82; France 2016, 773–86. For the correlation between some characteristics of historical Agrippa and Maecenas and Dio's choice of *dramatis personae*, see Cresci Marrone 2016, 61.

[158] Millar 1964, 78, 111; Reinhold 1988, 198; Smyshlayev 1990; 1991; Hose 1994, 392–394, 430–231.

[159] Burden-Strevens 2020, 46.

Augustus[160], Burden-Strevens is close to those scholars who read the dialogue as a reflection of Dio's view of the Principate's evolution[161]. Of course, Burden-Strevens rightly points to Maecenas' take on late Republican issues including factional strife (especially in Chapters 14, 16), and, definitely, the debates cannot be divorced from the dramatic context, given the rhetorical canons Dio obviously followed[162]. However, among Maecenas' proposals there are none that relate exclusively to Augustus' principate, some relate only to the second century CE or the era of the Severans, and, importantly, there are a number of suggestions that anticipate the time of Diocletian or were never implemented at all and occur only in Dio[163].

Among those scholars who regard the speech of Maecenas as Dio's own political project there are different opinions on the essence of Dio-Maecenas' ideal state. According to one of the interpretations, Dio's main objective was a return to political consensus and the principles of interaction of the emperor and the elite, characteristic of the 'Golden Age' of the Antonines, which Dio traced back to Augustan times[164]. Some scholars argue that Dio's ideal state is a remoulded version of a mixed constitution[165]. However, the most recent trend among Dio experts is the reiteration of a long-established view on Dio as an advocate for strengthening imperial power[166]. As Madsen emphasizes, Dio's ideal form of government represented in Book 52 is not a mixed constitution but rather absolute monarchy, since Dio-Maecenas' emperor is the one responsible for enacting new laws, selecting commanders and senior magistrates, with ostensibly no checks and balances between the emperor and the Senate being envisaged in the dialogue[167]. Lindholmer adds to this picture that Maecenas minimalizes the importance of the senate as a platform for political decision-making, with only a limited group of advisors of senatorial rank being handpicked by the emperor for consultations[168]. However, both scholars seem to be quite selective in

---

[160] Burden-Strevens 2020, 51–52.

[161] This approach dates back to Hammond (1932, 101–102); see also Aalders 1986, 296–299; Reinhold 1988, 165, 170; Fomin 2016, 217–20; Adler 2012, 512.

[162] For the similarities between Dio's depiction of the speeches of the republicans and Agrippa's oration, see Markov 2013, 222–224.

[163] These include the establishment of the position of a 'subcensor' (21. 3–7), lowering the status of Italy to the level of an ordinary province, division of the Empire into small provinces, establishment of salaries for all civil officers from a soldier to a governor of the province, the division of civil and military administration (22. 1–6), concentration of finances exclusively in the Imperial Treasury (25. 1–5), introduction of a system of public education for senators and equestrians (26. 1–8), elimination of local coinage (30. 9). See Espinosa Ruiz 1982, 479; Reinhold 1988, 198.

[164] Gabba 1955, 311–325; Bleicken 1962, 445–467; Letta 1979, 168–169; Espinosa Ruiz 1982, 471–490; De Blois 1998–1999, 268–272, 278; Kuhn-Chen 2002 199–201, 243–247; Kemezis 2006, 126–127; 2014, 132–133; Roberto 2010. For the complexity and ambiguity of Dio's depiction of Augustus' consensus policy, see Dalla Rosa 2019, 153–171. Importantly, Kemezis has noticed that Maecenas basically address the issues highlighted by Agrippa, but some of them (such as the lack of patriotism under monarchies, promotion of the 'worst' people and alienation of the 'best') are not argued away by Maecenas, remaining recurrent themes throughout Dio's narrative (Kemezis 2014, 130–132).

[165] Carsana 1990, 59–60; 2016, 557–558; Bono 2020, 44–47.

[166] Hose 1994, 392–393, 430–231; Lindholmer 2020, 69; Madsen 2020, 100–101; Noe 2020, 149–150, 159–160; Madsen 2022, 82.

[167] Madsen 2020, 100–101; 2022, 83–85.

[168] Lindholmer 2020, 69; cf. Noe 2020, 149–150, 159–160.

their dealing with the content of the Maecenas' speech, with their conclusions depending largely on the interpretation of Chapters 14–15. Alternatively, it has been noticed that, in Chapter 14, Maecenas presents the idea of monarchy as 'true democracy', with all citizens receiving rewards according to their merits (52. 14. 3; cf. frg. 23. 5)[169], which ensures the integrity of the hierarchical social order and appears as aristocratic in origin[170]. Moreover, what clearly emerges from the language of Chapter 15[171] is Dio-Maecenas' emphasis on collaboration between the emperor and his peers in making decisions on the key issues of foreign and domestic policy. Responding to Madsen's argument one might refer to Smyshlyayev's article which, as well as its later English version, has regrettably remained mostly unnoticed by the western scholars. Smyshlyayev tried to track what consequences the implementation of Maecenas' practical suggestions might have had in the Severan era and came to the conclusion that Dio's ideal monarchy is the same as 'Augustus' principate in reverse'. According to Smyshlyayev, Maecenas' ideal emperor can exercise all his powers only through the senate's administration, and thus state affairs turn out to be in the hands of the senate's oligarchy[172]. One can agree with Smyshlyaev that the implementation of Maecenas' proposals would have enabled senators to strengthen their influence in the provinces, while the replenished and transformed senate would have gained an importance it had never had either during the reign of the Severans, or that of the Antonines. Nevertheless, Madsen and others are right when pointing to the fact that Maecenas suggests 'no mechanism for the Senate to check the emperor's decision – nor could they enact laws on their own initiative'[173]. On the other hand, the emperor is supposed to share his responsibilities with the senators, and, given the institutional innovations proposed by Maecenas, would not have been able to make and, more importantly, implement any decision had it run contrary to the senatorial political agenda.

Therefore, the recent characterization of Dio's political ideal as 'absolute monarchy' appears to be questionable, all the more so given that it does not take in account the discrepancy between the social basis of the absolutist tendencies (the increasing political role of the equestrians and the imperial bureaucracy) under the Severans and their precursors and the particular Maecenas' proposals confronting those trends.

CONCLUSION. *STUDIA DIONEA* AS A HISTORIOGRAPHIC PHENOMENON

To sum up, it should be stressed that questions of historical interpretation of Cassius Dio's opus magnum are closely overlapped with those of his literary technique, methodological tools and the author's political agendas, with entire conceptual framework of his narrative being indissolubly connected to the demonstration of proper political leadership paradigms.

In general, it should be emphasized once again that Dio scholarship is now a vast and dynamically progressing field of research. Due to successful fulfillment of large academic projects and individual efforts of many intensively working scholars, it has brought

---

[169] Cf. Cic. *Rep.* 1. 32. 49; 3. 31. 43.

[170] Markov 2013; Molin 2016c, 470, 482; Bono 2020, 44.

[171] Here, Dio actively uses the second person plural: πρὸς τὰ ὑμέτερα βουλήματα, ἐφ' ὑμῖν, ὑμᾶς (52. 15. 1–3).

[172] Smyshlyayev 1990; 1991.

[173] Burden-Strevens *et al.* 2020, 12.

fruitful results. This booming rise of *studia Dionea* can be explained primarily by the effectiveness of world-wide scholarly collaborations which have produced very fertile ground which stimulates active discussions, raising new issues and thorough revision of old questions, inventing and applying new original approaches. Dio's work appears to be so attractive for contemporary scholarship, on the one hand, because of its coverage of a millennium of Roman history that allows to trace how different periods are mirrored in one narrative; on the other hand, because Dio himself, as the Severan Greek-born senator-turned-historian, embodies dramatic controversies of his own age, as well as the outcomes of the imperial Graeco-Roman cultural synthesis.

It would not be an exaggeration to state that during two recent decades our knowledge of Cassius Dio as an uncommon historical writer and political thinker has progressed radically in examination of his History as a coherent whole, as well as in its various specific points, which reveals very much 'another' Cassius Dio represented in broad intellectual, cultural and political contexts of his times. His political thought and historiographical masterliness are proved to be more sophisticated, with more layers and fascinating nuances than has been given credit for not long ago. So, as Davenport and Mallan state, 'it can no longer be said that Dio is an underappreciated or under-studied historian. The boom in Dio scholarship over the past twenty years... has done much to bring the historian into the scholarly mainstream'[174]. Indeed, in the light of ongoing studies, Dio's work appears as one of the central achievements of Graeco-Roman historiography. All parts of Dio's History, including the cruelly dismembered early books and epitomized portions, is now under close scrutiny, and because of this tremendous scholarly efforts, today we know much more about how ancient historians worked than few decades ago. Nevertheless, as we have seen, numerous traditional as well as new topics and issues remain acutely debated, which means that there is much work to be done in further studies of this monumental historical narrative, as well as there are many questions to be raised in different fields[175], including the realm of intellectual history, religion or gender studies, Classical reception.

References

Aalders, G.J.D. 1986: Cassius Dio and the Greek world. *Mnemosyne* 39/3–4, 282–304.

Adler, E. 2008: Boudicca's speeches in Tacitus and Dio. *Classical World* 101/2, 173–195.

Adler, E. 2012: Cassius Dio's Agrippa-Maecenas debate: an operational code analysis. *American Journal of Philology* 133/3, 477–520.

Ameling, W. 1997: Griechische Intellektuelle und das Imperium Romanum: Das Beispiel Cassius Dio. In: W. Haase (Hrsg.), *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt* II.34/3, 2472–2496.

André, J.M. 1967: *Mécène: Essai de biographie spirituelle*, Paris.

Asirvatham, S.R. 2020: Cassius Dio, Ὁμόνοια, and civil war. In: C. Lange, A. Scott (eds.), *Cassius Dio: The Impact of Violence, War, and Civil War*. Leiden–Boston, 289–312.

Avallone, R. 1962: *Mecenate*. Naples.

Barnes, T.D. 1984: The composition of Cassius Dio's 'Roman History'. *Phoenix* 38/3, 240–255.

Baron, C. 2019: Wrinkles in time: chronological puptures in Cassius Dio's narrative of the late Republic. In: J. Osgood, C. Baron (eds.), *Cassius Dio and the Late Roman Republic*. Leiden–Boston, 50–71.

Bellissime, M. 2016: Polysémie, contextualization, re-sémantisation: à propos de μοναρχία et de δημοκρατία. In: V. Fromentin (ed.), *Cassius Dion: nouvelles lectures.* 2 vols. Bordeaux, 529–544.

[174] Davenport, Mallan 2021, 29.

[175] For further possible directions and questions of Dionean studies, see an excellent essay by Pelling in one of the newest collective volumes on Dio: Pelling 2021.

Bertrand, E. 2015: Cassius Dion et les cycles de l'histoire: du topos littéraire à la réflexion historique. In: E. Bertrand, R. Campatangelo-Soussignan (eds.), *Cycles de la Nature, Cycles de l'Histoire. De la découverte des météores à la fin de l'âge d'or*. (Scripta Antiqua, 76). Bordeaux, 163–172.

Bertrand, E. 2020: Cassius Dio and the Roman Empire: the impact of the Severan wars on Dio's narrative. In: C. Lange, A. Scott (eds.), *Cassius Dio: The Impact of Violence, War, and Civil War*. Leiden–Boston, 120–137.

Bertrand, E., Coudry, M. 2016: De Pompée à Auguste: les mutations de l'imperium militiae. 2. Un traitement particulier dans l'Histoire romaine de Dion. In: V. Fromentin (ed.), *Cassius Dion: nouvelles lectures*. 2 vols. Bordeaux, 595–608.

Bertrand, E., Coudry, M., Fromentin, V. 2016: Temporalité historique et formes du récit. Les modalités de l'écriture dans les livres tardo-républicains. In: V. Fromentin (ed.), *Cassius Dion: nouvelles lectures*. 2 vols. Bordeaux, 303–316.

Bleicken, J. 1962: Der politische Standpunkt Dios gegenüber der Monarchie. *Hermes* 90/4, 444–467.

Bono, M. 2019: Riflessioni sulla lacuna nel dibattito Agrippa–Mecenate (Dio 52.13.7–14.1). *Athenaeum* 107/2, 479–502.

Bono, M. 2020: Teoria politica e scrittura storiografica nei 'libri imperiali' della Storia Romana di Cassio Dione. In: C. Burden-Strevens, J.M. Madsen, A. Pistellato (eds.), *Cassius Dio and the Principate*. Venice, 39–66.

Bowersock, G.W. 1965: Review of F. Millar, *A Study of Cassius Dio*, Oxford 1964. *Gnomon* 37, 469–474.

Briquel, D. 2016: Origines et période royale. In: V. Fromentin (ed.), *Cassius Dion: nouvelles lectures*. 2 vols. Bordeaux, 125–142.

Burden-Strevens, C. 2015a: *Cassius Dio's Speeches and the Collapse of the Roman Republic*. PhD thesis. Glasgow.

Burden-Strevens, C. 2015b: Ein völlig romanisierter Mann? Identity, identification, and integration in the 'Roman History' of Cassius Dio and in Arrian. In: S. Roselaar (ed.), *Processes of Cultural Change and Integration in the Roman World*. Leiden–Boston, 287–306.

Burden-Strevens, C. 2016a: Review-discussion. Historical knowledge and historiographical narratives in the Severan period (review of Kemezis A., Greek narratives of the Roman Empire under the Severans: Cassius Dio, Philostratus and Herodian, 2014). *Histos* 10, 9–18.

Burden-Strevens, C. 2016b: Fictitious speeches, envy, and the habituation to authority: writing the collapse of the Roman Republic. In: J.M. Lange, C.H. Madsen (eds.), *Cassius Dio: Greek Intellectual and Roman Politician*. Leiden–Boston, 193–216.

Burden-Strevens, C. 2018: Reconstructing Republican oratory in Cassius Dio's Roman History. In: C. Gray (ed.), *Reading Republican Oratory: Reconstructions, Contexts, Receptions*. Oxford, 111–134.

Burden-Strevens, C. 2019: The Republican dictatorship: an Imperial perspective. In: J. Osgood, C. Baron (eds.), *Cassius Dio and the Late Roman Republic*. Leiden–Boston, 36–49.

Burden-Strevens, C. 2020: *Cassius Dio's Speeches and the Collapse of the Roman Republic: The Roman History, Books 3–56*. Leiden–Boston.

Burden-Strevens, C. 2023: The Agrippa-Maecenas debate. In: A. Scott, J.M. Madsen (eds.), *Brill's Companion to Cassius Dio*. Leiden–Boston, 371–405.

Burden-Strevens, C., Lindholmer, M. (eds.) 2019: *Cassius Dio's Forgotten History of Early Rome*. Leiden–Boston.

Burden-Strevens, C., Madsen, J.M., Pistellato, A. 2020: Introduction. In: C. Burden-Strevens, J.M. Madsen, A. Pistellato (eds.), *Cassius Dio and the Principate*. Venice, 7–17.

Carsana, C. 1990: *La teoria della "constituzione mista" nell'età imperiale romana*. Como.

Carsana, C. 2016: La teoria delle forme di governo: il punto di vista di Cassio Dione sui poteri di Cesare. In: V. Fromentin (ed.), *Cassius Dion: nouvelles lectures*. 2 vols. Bordeaux, 545–558.

Coltelloni-Trannoy, M 2016a: Les temporalités du recít impérial dans l'Histoire romaine de Cassius Dion. In: V. Fromentin (ed.), *Cassius Dion: nouvelles lectures*. 2 vols. Bordeaux, 335–362.

Coltelloni-Trannoy, M. 2016b: La πολιτεία imperial d'après Cassius Dion (livres 52–59). In: V. Fromentin (ed.), *Cassius Dion: nouvelles lectures*. 2 vols. Bordeaux, 559–566.

Coltelloni-Trannoy, M. 2016c: Les procédures sénatoriales à l'époque impériale: les choix de l'historien. In: V. Fromentin (ed.), *Cassius Dion: nouvelles lectures*. 2 vols. Bordeaux, 625–652.

Coudry, M. 2016a: Figures et récit dans les livres républicains (livres 36 à 44). In: V. Fromentin (ed.), *Cassius Dion: nouvelles lectures*. 2 vols. Bordeaux, 287–301.

Coudry, M. 2016b: Institutions et procédures politiques de la République romaine: les choix lexicaux de Cassius Dion. In: V. Fromentin (ed.), *Cassius Dion: nouvelles lectures*. 2 vols. Bordeaux, 485–518.

Coudry, M. 2016c: Sénat et magistrats à la vielle de la guerre civile. In: V. Fromentin (ed.), *Cassius Dion: nouvelles lectures.* 2 vols. Bordeaux, 519–528.
Coudry, M. 2019a: The 'Great Men' of the middle Republic in Cassius Dio's Roman History. In: C. Burden-Strevens, M. Lindholmer (eds.), *Cassius Dio's Forgotten History of Early Rome*. Leiden–Boston, 126–164.
Coudry, M. 2019b: Electoral bribery and the challenge to the authority of the senate: two aspects of Dio's view of the late Roman Republic (Books 36–40). In: J. Osgood, C. Baron (eds.), *Cassius Dio and the Late Roman Republic*. Leiden–Boston, 36–49.
Cresci Marrone, G. 2016: La politica al bivio. Il dibattito Agrippa-Mecenate in Cassio Dione. In: G. Negri, A. Valvo (eds.), *Studi su Augusto: in occasione del XX centenario della morte*. Turin, 55–76.
Dalla Rosa, A. 2019: Augusto δημοκρατικός: il commentarius ex quo lex Papia Poppaea lata est, Cassio Dione e la politica augustea del consenso. In: A. Heller, C. Müller, A. Suspène (eds.), *Philorômaios kai philhellén. Hommages à Jean-Louis Ferrary.* Genève, 153–171.
Davenport, C. 2021: War and peace: imperial leadership in Dio's second-century narrative. In: C. Davenport, C. Mallan (eds.), *Emperors and Political Culture in Cassius Dio's Roman History*. Cambridge–New York, 177–196.
Davenport, C., Mallan, C. 2014: Hadrian's adoption speech in Cassius Dio's Roman History and the problems of imperial succession. *American Journal of Philology* 135/4, 637–668.
Davenport, C., Mallan, C. 2021: Introduction: Cassius Dio: the senator and his Caesars. In: C. Davenport, C. Mallan (eds.), *Emperors and Political Culture in Cassius Dio's Roman History*. Cambridge–New York, 1–29.
De Blois, L. 1998–1999: The perception of emperor and empire in Cassius Dio's Roman History. *Ancient Society* 29, 267–281.
Devillers, O. 2016a: Cassius Dion et les sources prétacitéennes. In: V. Fromentin (ed.), *Cassius Dion: nouvelles lectures.* 2 vols. Bordeaux, 233–242.
Devillers, O. 2016b: Cassius Dion et l'évolution de l'annalistique. Remarques à propos de le representation des Julio-Claudiens dans l'Histoire romaine. In: V. Fromentin (ed.), *Cassius Dion: nouvelles lectures.* 2 vols. Bordeaux, 317–334.
Eisman, M.M. 1977: Dio and Josephus: parallel analyses. *Latomus* 36/3, 657–673.
Escribano, M.V. 1999: Estrategias retoricas y pensamiento politico en la Historia Romana de Cassio Dion. *L'Antiquité Classique* 68, 171–190.
Espinosa Ruiz, U. 1982: *Debate Agrippa-Mecenas en Dion Casio. Respuesta senatorial a la crisis del imperio romano en epoca Severiana*. Madrid.
Espinosa Ruiz, U. 1987: El problema de la historicidad en le debate Agrippa-Mecenas de Dion Casio. *Gerion* 5, 289–316.
Favuzzi, A. 1990: Retorica e storia in Cassio Dione LII.17/3–4. *Annali dell'Univ. degli studi di Bari* 33, 147–158.
Fomin, A. 2015: *How Dio Wrote History: Dio Cassius' Intellectual, Historical, and Literary Techniques.* PhD thesis. New Brunswick.
Fomin, A. 2016: Speeches in Dio Cassius. In: J.M. Lange, C.H. Madsen (eds.), *Cassius Dio: Greek Intellectual and Roman Politician*. Leiden–Boston, 217–237.
France, J. 2016: Financer l'empire: Agrippa, Mécène et Cassius Dion. In: V. Fromentin (ed.), *Cassius Dion: nouvelles lectures.* 2 vols. Bordeaux, 773–786.
Freyburger-Galland, M.-L. 1997: *Aspects du vocabulaire politique et institutionnel de Dion Cassius*. Paris.
Freyburger-Galland, M.-L. 2013: Dion Cassius, un Gréco-romain du IIe siècle. *Dialogues d'histoire ancienne* 9, 77–90.
Fromentin, V. 2016: Denys d'Halicarnasse, source et modèle de Cassius Dion? In: V. Fromentin (ed.), *Cassius Dion: nouvelles lectures.* 2 vols. Bordeaux, 179–190.
Fromentin, V. 2021: Cassius Dio scholarship in the 20th & 21st centuries. In: J. Madsen, C. Lange, *Cassius Dio the Historian. Methods and Approaches*. Leiden–Boston, 23–59.
Gabba, E. 1955: Sulla Storia Romana di Cassio Dione. *Rivista Storica Italiana* 67, 289–333.
Garnsey, A. 1967: Adultery trials and the survival of the quaestiones in the Severan age. *Journal of Roman Studies* 57/1–2, 56–60.
Gowing, A 1992: *The Triumviral Narratives of Appian and Cassius Dio*. Ann Arbor.
Gowing, A.M. 1998: Greek advice for a Roman senator: Cassius Dio and the dialogue between Philiscus and Cicero (38.18–29). *Papers of the Leeds International Latin Seminar* 10, 373–390.
Hammond, M. 1932: The significance of the speech of Maecenas in Dio Cassius, book LII. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association* 63, 88–102.

Havener, W. 2020: "A Warlike Man": Cassius Dio's perception and interpretation of the Imperial military persona. In: C. Lange, A. Scott (eds.), *Cassius Dio: The Impact of Violence, War, and Civil War*. Leiden–Boston, 138–162.

Hidber, T. 2004: Cassius Dio. In: I. de Jong, R. Nünlist, A.M. Bowie (eds.), *Narrators, Narratees, and Narratives in Ancient Greek Literature: Studies in Ancient Greek Narrative*. Vol. 1. Leiden–Boston, 187–199.

Hose, M. 1994: *Erneuerung der Vergangenheit. Die Historiker im Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio*. Stuttgart–Leipzig.

Hose, M. 2007: Cassius Dio: a senator and historian in the age of anxiety. In: J. Marincola (ed.), *A Companion to Greek and Roman Historiography*. Chichester, 461–467.

Horst, C. 2010: Zur politischen Funktion des Demokratiebegriffes in der Kaiserzeit: eine Interpretation der Reden des Agrippa und Maecenas (Cassius Dio 52, 1–41). In: T. Schmitt, V.V. Dement'eva (eds.), *Volk und Demokratie im Altertum*. Gottingen, 189–208.

Imrie, A. 2020: The war comes home: Rome and Romans during civil conflict in the Roman History. In: C. Lange, A. Scott (eds.), *Cassius Dio: The Impact of Violence, War, and Civil War*. Leiden–Boston, 165–191.

Jones, B. 2016: Cassius Dio: *Pepaideumenos* and politician on kingship. In: J.M. Lange, C.H. Madsen (eds.), *Cassius Dio: Greek Intellectual and Roman Politician*. Leiden–Boston, 297–315.

Kemezis, A.M. 2006: *The Roman Past in the Age of the Severans*. PhD thesis. Michigan.

Kemezis, A.M. 2014: *Greek Narratives of the Roman Empire under the Severans: Cassius Dio, Philostratus and Herodian*. Cambridge–New York.

Kemezis, A. 2016: Dio, Caesar and the Vesontio mutineers (38.34–47): a rhetoric of lies. In: J.M. Lange, C.H. Madsen (eds.), *Cassius Dio: Greek Intellectual and Roman Politician*. Leiden–Boston, 238–257.

Kuhlmann, P. 2010: Die Maecenas-Rede bei Cassius Dio: Anachronismen und intertextuelle Bezuge. In: D. Pausch (ed.), *Stimmen der Geschichte: Funktionen von Reden in der antiken Historiographie*. Berlin, 109–123.

Kuhn, C.T. 2022: Cassius Dio's Asia Minor: biography and historiography. In: A.M. Kemezis, C. Bailey, B. Poletti (eds.), *The Intellectual Climate of Cassius Dio: Greek and Roman Pasts*. Leiden–Boston, 456–480.

Kuhn-Chen, B. 2002: *Geschichtskonzeptionen griechischer Historiker im 2. und 3. Jahrhundert n.Chr. Untersuchungen zu den Werken von Appian, Cassius Dio und Herodian*. Frankfurt am Main.

Lachenaud, G. 2016: Récit et discours chez Cassius Dion: frontières, interférences et polyphonie. In: V. Fromentin (ed.), *Cassius Dion: nouvelles lectures*. 2 vols. Bordeaux, 397–415.

Lachenaud, G., Coudry, M. (eds.) 2011: *Dion Cassius, Histoire romaine*, *Livres* 38, 39 & 40. Paris.

Lange, C.H. 2019: Cassius Dio on violence, stasis, and civil war: the early years. In: C. Burden-Strevens, M. Lindholmer (eds.), *Cassius Dio's Forgotten History of Early Rome*. Leiden–Boston, 165–189.

Lange, C.H. 2020: Talking heads: the Rostra as a conspicuous civil war monument. In: C.H. Lange, A.G. Scott (eds.), *Cassius Dio: The Impact of Violence, War, and Civil War*. Boston–Leiden, 192–218.

Lange, C.H., Scott, A.G. (eds.) 2020: *Cassius Dio: The Impact of Violence, War, and Civil War*. Boston–Leiden.

Letta, C. 1979: La composizione dell'opera di Cassio Dione: cronologia e sfondo storico-politico. In: L. Troiani et al. *Ricerche di storiografia greca di eta romana*. Pisa, 117–189.

Letta, C. 2007: L'eruzione del Vesuvio del 202 d.C. e la composizione dell'opera di Cassio Dione. *Athenaeum* 1, 41–47.

Letta, C. 2016a: L'uso degli acta senatus nella Storia romana di Cassio Dione. In: V. Fromentin (ed.), *Cassius Dion: nouvelles lectures*. 2 vols. Bordeaux, 243–258.

Letta, C. 2016b: Fonti scritte non letterarie nella Storia romana di Cassio Dione. *Studi Classici e Orientali* 62, 245– 296.

Letta, C. 2019: La carriera politica di Cassio Dione e la genesi della sua Storia Romana. *Studi classici e orientali* 65/2, 163–180.

Letta, C. 2021: Literary and documentary sources in Dio's narrative of the Roman emperors. In: C. Davenport, C. Mallan (eds.), *Emperors and Political Culture in Cassius Dio's Roman History*. Cambridge–New York, 74–87.

Lindholmer, M.O. 2018a: Cassius Dio and the age of δυναστεία. *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 58, 561–590.

Lindholmer, M.O. 2018b: Reading diachronically: a new reading of book 36 of Cassius Dio's Roman History. *Histos* 12, 139–168.

Lindholmer, M.O. 2019a: Breaking the idealistic paradigm: competition in Dio's earlier Republic. In: C. Burden-Strevens, M. Lindholmer, (eds.), *Cassius Dio's Forgotten History of Early Rome*. Leiden–Boston, 190–216.

Lindholmer, M.O. 2019b: The fall of Cassius Dio's Roman Republic. *Klio* 101/2, 473–504.

Lindholmer, M.O. 2020: Cassius Dio's ideal government and the Imperial senate. In: C. Burden-Strevens, J.M. Madsen, A. Pistellato (eds.), *Cassius Dio and the Principate*. Venice, 67–94.

Lindholmer, M.O. 2021: The time of composition of Cassius Dio's Roman History: a reconsideration. *Klio* 103/1, 133–159.

Lintott, A.W. 1997: Cassius Dio and the history of the late Roman Republic. *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt* II.34/3, 2497–2523.

Madsen, J.M. 2016: Criticising the benefactors: the Severans and the return of dynastic rule. In: C.H. Lange, J.M. Madsen (eds.), *Cassius Dio: Greek Intellectual and Roman Politician*. Leiden–Boston, 136–159.

Madsen, J.M. 2018: Between autopsy reports and historical analysis: the forces and weaknesses of Cassius Dio's Roman History. *Lexis* 36, 284–304.

Madsen, J.M. 2019: Like father like son: the differences in how Dio tells the story of Julius Caesar and his more successful son. In: J. Osgood, C. Baron (eds.), *Cassius Dio and the Late Roman Republic*. Leiden–Boston, 259–282.

Madsen J.M. 2020: Reconstructing the Principate: Dio and the Flavians. In: C. Burden-Strevens, J.M. Madsen, A. Pistellato (eds.), *Cassius Dio and the Principate*. Venice, 95–114.

Madsen, J.M. 2022: Cassius Dio and the ideal constitution. In: A.M. Kemezis, C. Bailey, B. Poletti (eds.), *The Intellectual Climate of Cassius Dio. Greek and Roman Pasts*, Leiden–Boston, 80–108.

Makhlayuk, A.V., Markov, K.V. 2019: Travelogue elements in the narrative structure of Cassius Dio's Roman History. *Dialog so vremenem* [*Dialogue with Time*] 69, 46–62.
Махлаюк, А.В., Марков, К.В. Элементы травелога в нарративной структуре «Римской истории» Диона Кассия. *Диалог со временем* 69, 46–62.

Malik, S. 2021: An emperor's war on Greece: Cassius Dio's Nero. In: C. Davenport, C. Mallan (eds.), *Emperors and Political Culture in Cassius Dio's Roman History*. Cambridge–New York, 158–176.

Mallan, C. 2014: The rape of Lucretia in Cassius Dio's Roman History. *Classical Quarterly* 64/2, 758–771.

Mallan, C. 2016: Parrhesia in Cassius Dio. In: C.H. Lange, J.M. Madsen (eds.), *Cassius Dio: Greek Intellectual and Roman Politician*. Leiden–Boston, 258–275.

Mallan, C. 2021a: 'But he possessed a most singular nature': Cassius Dio on Tiberius. In: C. Davenport, C. Mallan (eds.), *Emperors and Political Culture in Cassius Dio's Roman History*. Cambridge–New York, 133–157.

Mallan, C. 2021b: Dio and his friends: autobiography and biography in Cassius Dio's contemporary narrative. In: C. Davenport, C. Mallan (eds.), *Emperors and Political Culture in Cassius Dio's Roman History*. Cambridge–New York, 265–285.

Markov, K.V. 2008: [Towards the chronology of Cassius Dio's Roman History]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 142–154.
Марков, К.В. К вопросу о хронологии работы Диона Кассия над «Римской историей». *ВДИ* 2, 142–154.

Markov, K.V. 2013: The concepts of 'democracy' and 'tyranny' in the speech of Agrippa in Cassius Dio 52.1–13: conventional rhetoric or political theory? In: A. Mehl, A.V. Makhlayuk, O.L. Gabelko (eds.), *Ruthenia classica aetatis novae: A Collection of Works by Russian Scholars in Greek and Roman History*. Stuttgart, 215–231.

Markov, K.V. 2016: Towards the peculiarities of Cassius Dio's public career in 220s. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod* 3, 57–62.

Markov, K.V. 2019: Towards the conceptualization of Cassius Dio's narration of the early career of Octavian. In: J. Osgood, C. Baron (eds.), *Cassius Dio and the Late Roman Republic*. Leiden–Boston, 282–298.

Markov, K.V. 2020: Cassius Dio on senatorial activities as a factor of political instability and civil war. In: C. Lange, A. Scott (eds.), *Cassius Dio: The Impact of Violence, War, and Civil War*. Leiden–Boston, 241–256.

Markov, K.V. 2021: Cassius Dio's periodization of Roman history and his methodological agendas. In: J. Madsen, C. Lange (eds.), *Cassius Dio the Historian. Methods and Approaches*. Leiden–Boston, 109–129.

Mastrorosa, I.G. 2014: Octavien à la veille d'Actium chez Dion Cassius (L.24–30): Haranguer les troupes en diffamant l'adversaire. *Exercises de rhétorique* 3, 1–13.

Mastrorosa, I.G. 2017: Oratory and political debate in the last decades of the Roman Republic: Cassius Dio's reconstruction (with some notes from Remigio Nannini's Orationi Militari). In: J.C. Iglesias-Zoido, V. Pineda (eds.), *Anthologies of Historiographical Speeches from Antiquity to Early Modern Times. Rearranging the Tesserae*. Leiden–Boston, 319–338.

McKechnie, P. 1981: Cassius Dio's speech of Agrippa: a realistic alternative to imperial government? *Greece & Rome* 28/2, 150–155.

Meyer, P. 1891. *De Maecenatis oratione a Dione ficta*. Diss. Berlin.

Millar, F. 1961: Some speeches in Cassius Dio. *Museum Helveticum* 18, 11–22.

Millar, F. 1964: *A Study of Cassius Dio*. Oxford.

Millar, F. 2005: Rome in Greek culture: Cassius Dio and Ulpian. In: L. Troiani, G. Zecchini (eds.), *La cultura storica nei primi due secoli dell'impero romano (Milano, 3–5 giugno 2004)*. Roma, 17–40.

Molin, M. 2016a: Cassius Dion et les empereurs de son temps. Pour une confrontation du manuscrit *Vaticanus Graecus* 1288 et des autres sources contemporaines. In: V. Fromentin (ed.), *Cassius Dion: nouvelles lectures.* 2 vols. Bordeaux, 259–270.

Molin, M. 2016b: Biographie de l'historien Cassius Dion. In: V. Fromentin (ed.), *Cassius Dion: nouvelles lectures.* 2 vols. Bordeaux, 431–446.

Molin, M. 2016c: Cassius Dion et la société de son temps. In: V. Fromentin (ed.), *Cassius Dion: nouvelles lectures.* 2 vols. Bordeaux, 469–482.

Murison, C.L. 1999: *Rebellion and Reconstruction: An Historical Commentary on Cassius Dio's Roman History Books 64–67 (A.D. 68–96)*. Oxford.

Noe, C.V. 2020: The 'Age of Iron and Rust' in Cassius Dio's Roman History: influences from stoic philosophy. In: C. Burden-Strevens, J.M. Madsen, A. Pistellato (eds.), *Cassius Dio and the Principate*. Venice, 141–164.

Osgood, J. 2020: "If you do wrong, you will be king!": the civil war victor in Cassius Dio. In: C. Lange, A. Scott (eds.), *Cassius Dio: The Impact of Violence, War, and Civil War*. Leiden–Boston, 313–389.

Pelling, C.B.R. 1997: Biographical history? Cassius Dio on the early Principate. In: M.J. Edwards, S. Swain (eds.), *Portraits: Biographical Representation in the Greek and Latin Literature of the Roman Empire*. Oxford, 117–144.

Pelling, C.B.R. 2021: Epilogue: and now . . . ? In: C. Davenport, C. Mallan (eds.), *Emperors and Political Culture in Cassius Dio's Roman History*. Cambridge–New York, 308–320.

Pistellato, A. 2020: Δημοκρατεῖσθαι or μοναρχεῖσθαι, that is the question: Cassius Dio and the senatorial principate. In: C. Burden-Strevens, J.M. Madsen, A. Pistellato (eds.), *Cassius Dio and the Principate*. Venice, 115–140.

Platon, M. 2016: Sénat et pouvoir impérial dans les livres 57 et 58 de l'Histoire romaine de Cassius Dion Rome et son empire. In: V. Fromentin (ed.), *Cassius Dion: nouvelles lectures.* 2 vols. Bordeaux, 653–678.

Questa, C. 1957: Tecnica biographica e tecnica annalistica nei libri LIII–LXIII di Cassio Dione. *Studi Urbinati di Storia* 31, 37–53.

Rantala, J. 2016: Dio the dissident: the portrait of Severus in the Roman History. In: C.H. Lange, J.M. Madsen (eds.), *Cassius Dio: Greek Intellectual and Roman Politician*. Leiden–Boston, 159–176.

Reardon, B.P. 1971: *Courants littéraires grecs des IIe et IIIe siècles après J.-C.* Paris.

Rees, W. 2011: *Cassius Dio, Human Nature, and the Late Roman Republic*. PhD thesis. Oxford.

Reinhold, M. 1988: *From Republic to Principate: An Historical Commentary on Cassius Dio's Roman History, Books 49–52 (36–29 BC)*. Atlanta.

Rich, J.W. 1989: Dio on Augustus. In: A. Cameron (ed.), *History as Text: The Writing of Ancient History*. London, 86–110.

Rich, J.W. 1990: *Cassius Dio, The Augustan Settlement (Roman History 53–55.9)*. Warminster.

Rich, J.W. 2016: Annalistic organization and book division in Dio's Books 1–35. In: V. Fromentin (ed.), *Cassius Dion: nouvelles lectures.* 2 vols. Bordeaux, 271–286.

Rich, J.W. 2019: Speech in Cassius Dio's Roman History, books 1–35. In: C. Burden-Strevens, M. Lindholmer, (eds.), *Cassius Dio's Forgotten History of Early Rome*. Leiden–Boston, 217–284.

Rich, J.W. 2020: Appian, Cassius Dio and Seneca the Elder. In: M.C. Scappaticcio (ed.), *Seneca the Elder and his Rediscovered 'Historiae ab initio bellorum civilium': New Perspectives on Early-Imperial Roman Historiography*. Berlin–Boston, 329–354.

Roberto, U. 2010: Aspetti della riflessione sul governo misto nel pensiero politico romano da Cicerone all'età di Giustiniano. *Montesquieu.it* 2, 43–78. (URL: https://doi.org/10.6092/issn.2421-4124/5134; accessed on 23.11.2022).

Rodgers, B.S. 2008: Catulus' speech in Cassius Dio 36.31–36. *Greek, Roman and Byzantine Studies* 48/3, 295–318.

Rodrigues, N.S. 2021: El agôn constitucial en Dion Casio 52: Récorrido de un tópico historiográfico en la biografía de Augusto. In: O. Devillers, B.B. Sebastiani (eds.), *Sources et modèles des historiens anciens*. Bordeaux, 357–366.

Schettino, M.T. 2001: Cassio Dione e le guerre civili di età severiana. *Gerion* 19, 533–558.

Schmidt, M.G. 1997: Die 'zeitgeschichtlichen' Bücher im Werke des Cassius Dio: Von Commodus zu Severus Alexander. *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt* II.34/3, 2591–2649.

Schulz, V. 2016: Historiography and panegyric: the deconstruction of imperial representation in Cassius Dio's *Roman History*. In: C.H. Lange, J.M. Madsen (eds.), *Cassius Dio: Greek Intellectual and Roman Politician*. Leiden–Boston, 276–296.

Schulz, V. 2019a: Defining the good ruler: early kings as proto-imperial figures in Cassius Dio. In: C. Burden-Strevens, M. Lindholmer (eds.), *Cassius Dio's Forgotten History of Early Rome*. Leiden–Boston, 311–332.

Schulz, V. 2019b: *Deconstructing Imperial Representation: Tacitus, Cassius Dio, and Suetonius on Nero and Domitian*. Leiden–Boston.

Schwartz, Ed. 1899: Cassius Dio. *RE*. Hlbd. 3, 1684–1722.

Scott, A.G. 2015: Cassius Dio, Caracalla, and the senate. *Klio* 97, 157–175.

Scott, A.G. 2018: Cassius Dio's contemporary history as memoir and its implications for authorial identity. *Papers of the Langford Latin Seminar* 17, 1–23.

Scott, A.G. 2020a: Civil war and governmental change: from the achievements of Augustus to the failures of the Severans. In: C.H. Lange, A.G. Scott (eds.), *Cassius Dio: The Impact of Violence, War, and Civil War*. Leiden–Boston, 334–355.

Scott, A.G. 2020b: Misunderstanding history: past and present in Cassius Dio's contemporary books. In: C. Burden-Strevens, J.M. Madsen, A. Pistellato (eds.), *Cassius Dio and the Principate*. Venice, 165–188.

Sidebottom, H. 2007: Severan historiography: evidence, patterns, and arguments. In: S. Swain, S. Harrison, J. Elsner (eds.), *Severan Culture*. Cambridge, 52–82.

Simon, M. 2016: L'épisode de Sentinum chez Zonaras à la lumière du parallèle livien. In: V. Fromentin (ed.), *Cassius Dion: nouvelles lectures*. 2 vols. Bordeaux, 205–214.

Simons, B. 2009: *Cassius Dio und die Römische Republik. Untersuchungen zum Bild des römischen Gemeinwesens in den Büchern 3–35 der „Rhomaika"*. Berlin–New York.

Simons, B. 2012: Cassius Dio und die Katastrophen von 9. n.Chr. und 53 v.Chr. *Gymnasium* 119/6, 571–596.

Simons, B. 2014: Cassius Dio und der Germanenfeldzug Caracallas von 213 n. Chr. *Gymnasium* 121, 263–283.

Smyshlyayev, A.L. 1990: [The speech of Maecenas (Dio Cass. LII, 14–40): problems of interpretation"]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 54–66.

Смышляев, А.Л. «Речь Мецената» (Dio Cass. LII, 14–40): проблемы интерпретации. *ВДИ* 1, 54–66.

Smyshlyaev, A.L. 1991: Maecenas' speech (Dio Cass. LII.14–40): problems of interpretation. *Acta Universitatis Carolinae – Philologica 2 Graecolatina Pragensia* 13, 137–155.

Sordi, M. 2000: Le date di composizione dell'opera di Dione Cassio. *Papyrologica Lupiensia* 9, 391–396.

Swan, P.M. 1997: How Cassius Dio composed his Augustan books: four studies. *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt* II.34/3, 2524–2557.

Urso, G. 2020: 'Ritorno alla monarchia', tra Cesare e Augusto: le origini del principato in Cassio Dione. In: C. Burden-Strevens, J.M. Madsen, A. Pistellato (eds.), *Cassius Dio and the Principate*. Venice, 19–38.

Van Stekelenburg, A.V. 1971: *De redevoeringen bij Cassius Dio*. PhD thesis. Leiden.

Vrind, G. 1923: *De Cassii Dionis vocabulis quae ad ius publicum pertinent*. PhD thesis. The Hague.

Zawadzki, R. 1983: Konzeption der römischen Staatsverfassung in der politischen Doktrin des Cassius Dio. Zur Interpretation des LII. Buches der Römischen Geschichte von Cassius Dio. *Analecta Cracoviensia* 15, 271–318.

Zecchini, G. 2016: Cassius Dion et l'historiographie de son temps. In: V. Fromentin (ed.), *Cassius Dion: nouvelles lectures. 2 vols.* Bordeaux, 113–124.

Vestnik drevney istorii
82/4 (2022), 899–910
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/4 (2022), 899–910
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910023594-6

THE GREEK INSCRIPTION FROM GARNI (ARMENIA) AND KING TIRIDATES THE GREAT

Part II. CRITICAL EDITION

A. Bresson[1], E. Fagan[2]

[1] *The University of Chicago, Chicago (IL), the United States of America*
[2] *Virginia Commonwealth University, Richmond (VA), the United States of America*

[1]*E-mail*: abresson@uchicago.edu [2]*E-mail*: *fagane@vcu.edu*

[1]*ORCID*: 0000-0002-6622-2533 [2]*ORCID*: 0000-0001-9419-7657

After showing in the first part of this article that the Greek inscription from the Garni fortress must be attributed to the reign of Tiridates III and not to that of Tiridates I, we provide here the announced new and full critical edition of the text.

Keywords: Armenia, Garni, Tiridates the Great, Christianization, Agathangelos, Moses Khorenatsi

ГРЕЧЕСКАЯ НАДПИСЬ ИЗ ГАРНИ (АРМЕНИЯ) И ЦАРЬ ТИРИДАТ ВЕЛИКИЙ

Часть II. КРИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

А. Брессон[1], Э. Фаган[2]

[1] *Чикагский университет, Чикаго (Иллинойс), США*
[2] *Университет Содружества Виргинии, Ричмонд (Виргиния), США*

[1] *E-mail:* abresson@uchicago.edu [2] *E-mail: fagane@vcu.edu*

Authors. Alain Bresson – Professor emeritus in the Departments of Classics and History in the Oriental Institute and in the College at the University of Chicago; Elizabeth Fagan – Assistant Professor in the Department of Focused Inquiry at Virginia Commonwealth University.

Several friends and colleagues have helped us in the preparation of this study, among others by procuring us books and articles that we were not able to access. We wish to extend our gratitude for their generosity to Elena Lyapustina, Diana Mirijanyan, Lada Sementchenko, and Irina Tunkina. In addition, for research assistance, Dr. Fagan is grateful to the Institute of Archaeology and Ethnography NAS RA, particularly Director Arsen Bobokhyan, former Director Pavel Avetisyan and Dr. Ruben Badalyan; and to the History Museum of Armenia, especially former Director Anelka Grigoryan and Ruben Vardanyan.

Данная статья продолжает опубликованное в предыдущем номере журнала исследование, где было продемонстрировано, что греческая надпись из Гарни должна быть отнесена к царствованию Тиридата III, а не Тиридата I. В этой, второй части предлагается новое полное комментированное издание надписи.

Ключевые слова: Армения, Гарни, Тиридат Великий, христианизация, Агафангел, Мовсес Хоренаци

READING AND RESTORING THE TEXT OF THE GARNI INSCRIPTION

The right part of the block being missing, all ends of lines must be restored. The lines referred to below are those of our own text (see page 907).

Lines 1–2: The extreme diversity of the restorations proposed by the various editors for the first two lines (linked to the beginning of line 3 by some editors) illustrates the perplexity the question has aroused. After the name of the king, the following restorations have been proposed:

Lisitsyan 1945a: μεγάλης Ἀρμενίας ἀνα[ξί]|ως δεσπότης; Manandyan 1946 and 1951: [βασιλεὺς] | Μεγάλης Ἀρμενίας, ἀνά[σσων]; Abramyan 1947: [ὁ μέγας] | μεγάλης Ἀρμενίας, ἀνα[κτος]; Trever 1949 and 1953: [ὁ μέγας] | μεγάλης Ἀρμενίας, ἀνά[κτωρ]; Moretti 1955: [βασιλεὺς] | μεγάλης Ἀρμενίας, ἀνα[δειχθείς] or ἀνα[γορευθείς]; Sarkisyan 1956 and 1960, 67–69 (idem Muradyan 1981): [βασιλεὺς] | μεγάλης Ἀρμενίας, ANA[.....]; Elnitsky 1958: [βασιλεὺς] | μεγάλης Ἀρμενίας ANA[.....], suggesting ἀνά[ρχ]|ως or ἀνά[πλε]|ως in comm.; Bartikyan 1965: [βασιλεὺς] | μεγάλης Ἀρμενίας ἀνά[κτορον]; Feydit 1969 (idem Chaumont 1969 and Ananyan 1994): [Αὐρ]ήλιος Τιριδάτης [...] τῆς μεγάλης Ἀρμενίας ἀνα[μφισβητήτ]|ως; Vinogradov 1990 (Canali de Rossi 2004): Ἥλιος Τιριδάτης [ὁ μέγας βασιλεὺς] | μεγάλης Ἀρμενίας ἀνα[χθείσης τῆς πόλε]|ως δεσπότης.

At the end of line 2, some scholars have restored an adverb, ἀνα[ξί|ως], ἀνά[ρχ]|ως, ἀνά[πλε]|ως, or ἀνα[μφισβητήτ]|ως (see respectively Lisitsyan, Elnitsky, Feydit with Chaumont and Ananyan). Others have preferred to restore a substantive, such as ἀνα[κτος] (Abramyan), ἀνά[κτωρ] (Trever), or ἀνά[κτορον] (Bartikyan): doing so, like Lisitsyan with δεσπότης, they were dispensed of restoring βασιλεύς line 1. A third solution has been to restore a participle, such as the present participle ἀνά[σσων] (Manandyan), or an aorist participle, such as ἀνα[δειχθείς] or ἀνα[γορευθείς] (Moretti) or ἀνα[χθείσης τῆς πόλε]|ως (Vinogradov and Canali de Rossi). The solution that was chosen inevitably impacted the understanding of the link with line 3. The scholars who adopted the solution of an adverb saw in /ως/ at the beginning of line 3 the final syllable of this adverb. Vinogradov and Canali de Rossi thought of the final syllable of a substantive. The other scholars saw there the conjunction ὡς. The restoration of the end of line 2 also directly impacted the length of the restorations suggested for the other lines.

Some of the solutions proposed were grammatically impossible and made poor sense. The best suggestion was that of Moretti, who remarked that before the aorist in a personal mode (αἴκτισεν) an aorist participle is expected: hence his suggestions of ἀνα[δειχθείς] or ἀνα[γορευθείς], which, as he rightly noticed, provided a gauge for the length of the lines of the inscription. But given that the sense of Moretti's restorations was not fully convincing, it opened the possibility for Vinogradov to suggest a much longer new restoration, which however is poor Greek.

Although the verbs he suggested were unconvincing, Moretti's intuition to restore a nominative aorist participle was the right one. There is one verb that fits here perfectly, and all the more so than the suggestion finds a large number of parallels: ἀναστρέφομαι. In the active mode, the verb may have a concrete meaning: to turn upside down, to come back. But in the passive, it refers to the way one conducts oneself. The best guide here is Bauer's *GELNT*, who s.v. ἀναστροφή indicates: "way of life, conduct, behavior," and s.v. ἀναστρέφω, 2. pass.: "always with the kind of behavior more exactly described," that is with an adverb, a prepositional phrase or both. The *LSJ* and *DGE* II.5 give examples from the Classical to the imperial period of constructions with ὡς, ὥσπερ, οὕτωσί, and also with a series of adverbial turns that define the behavior in question[1]. Bauer's *GELNT* gives besides a long series of occurrences, including in Jewish and Christian writers.

The verb also appears frequently in the language of inscriptions, especially in decrees and dedications, from all regions of the Greek world, both in the Hellenistic and imperial periods, used with a personal mode (85 matches in 82 texts for the aorist only in the *PHI* database), with the present participle (68 matches in 63 texts *PHI*) and the aorist participle (78 matches in 73 texts *PHI*). Thus, after 186 BCE, an honorific decree from Camiros (Rhodes) passed by the local people for one of their fellow citizens proclaimed: ἔν τε τᾶι ἱεροποῖαι καλῶς καὶ | φιλοδόξως ἀνεστράφη καὶ ἐν ταῖς ἀρχαῖς συμφε|ρόντως Καμιρεῦσι, "in the office of *hieropoios*, he behaved well and with honor, and in the other magistracies in the interest of the Camireans[2]." After 188 BCE, the people of Apollonia Salbake, in Caria, honored one of their fellow citizens, who had participated in various embassies and ἐμ πάσαις δεόντως ἀναστραφείς, "in all of them (had) behaved suitably[3]." In 126/7 CE, in Sardis, the honorific dedication for the priestess Cl. Polla Quintilla thanked her for her merits, ἀναστρα|φεῖσαν πρός τε τὴν θεὸν εὐσεβῶς | καὶ πρὸς τὴν κατοικίαν φιλοτεί|μως, "for having behaved with piety towards the goddess and with generosity towards the village[4]." The examples could be multiplied.

Xenophon (*Anabasis* 2. 5. 14) even provides an exact parallel to the Garni inscription. In the speech that, according to Xenophon, he delivered to Tissaphernes in the aftermath of Cunaxa (401 BCE), Clearchos commented on what it meant to "behave like a master": "Again, take those who dwell around you: if you chose to be a friend to any, you could be the greatest possible friend, while if any were to annoy you, you could play the part of master over them in case you had us for supporters (ὡς δεσπότης ἂν ἀναστρέφοιο ἔχων ἡμᾶς ὑπηρέτας), for we should serve you, not merely for the sake of pay, but also out of the gratitude that we should feel, and rightly feel, toward you, the man who had saved us" (tr. Loeb). Thus, ὡς δεσπότης ἀναστρέφομαι meant having the ability to give orders: this applied perfectly to Tiridates at Garni, who had given the order to build the strong fortress that fitted the great king he wanted to be.

This parallel provides the final argument to show that the correct restoration at the end of line 2 is the nominative participle aorist passive with active sense ἀνα[στραφείς].

---

[1] Epict. *Ench*. 29. 3: ὡς τὰ παιδία; Plu. *Fab*. 9. 4: ὥσπερ ἰδιώτης; Arist. *EN* 2. 1. 7 1103b 20: οἳ μὲν ἐκ τοῦ οὕτωσὶ ἐν αὐτοῖς, etc.

[2] *Tit. Camirenses* 110 (Badoud 2015, 369–372, no. 21), l. 7–9.

[3] Robert, *Carie*, 303–312, no. 167, l. 16.

[4] *I. Sardis* I, 7.1 52 I, l. 5–8.

It is highly unlikely that another word was engraved afterwards. It follows, that, as indicated by Moretti, this restoration provides us the surest indication for the length of the lines, which was thus inevitably around 26 letters. Accordingly, at the end of line 1 one can only restore [ὁ βασιλεύς], with a line of 23 letters, not [ὁ μέγας βασιλεύς], with a line of 30 letters, for the letters in line 1 are wider than in the other lines. On this, there is no parallel with the inscription of Aparan, which has Τιριδάτης [ὁ] | μέγας μεγάλ[ης] | Ἀρμενίας βα[σι]|λεύς. But in his Rome inscription King Pakoros also did not use the title μέγας[5]. We must admit that the titulature of King Tiridates could vary from one document to the other.

Line 3: Lisitsyan 1945a ναό[ν]; Manandyan 1946: να[όν]; Trever 1949: ἀγ[ροικίαν]; Abramyan 1947: ναί[διον]; Manandyan 1951: να[ΐσκον]; Trever 1953: ἀγ[άρακον]; Sarkisyan 1956 and 1960, 67–69: Ἀγ[.....]; Elnitsky 1958: Ναι[άδι]; Bartikyan 1965 (idem Feydit 1969; Chaumont 1969): AI[.....]; Muradyan 1981: αἰ[κ θεμελίων]; Ananyan 1994: NAI[ΔIONTE]; Vinogradov 1990 (Canali de Rossi 2004): αἱ[αυτοῦ ἀδελφῇ].

The restorations ναό[ν], ναί[διον, and να[ΐσκον] were suggested by the presence of the temple of Garni, to which, it was thought, this text was to be linked. Trever's ἀγ[ροικίαν], "country estate", then ἀγ[άρακον], based on the Armenian word *agarak*, more or less with the same meaning, were solutions that are challenging to accept. The same could be said of Elnitsky's Ναι[άδι], supposedly a reference to the goddess Naias, "queen" being here the *epiclesis* of the goddess. Vinogradov did not justify his restoration αἱ[αυτοῦ ἀδελφῇ]. In his logic that the king of the inscription was Tiridates I, he may have thought of a parallel with Hellenistic Seleucid and Ptolemaic queens, or with the Artaxiad queen of Armenia Erato, who was thought to have initially reigned with her brother-husband Tigranes IV[6]. But no source seems to mention that Tiridates I spoused his sister. Furthermore, we know that the king of the inscription was Tiridates III. The sister of Tiridates III, Khosrovidukht, played a very important role along her brother in the Christianization of Armenia. But this king had a legitimate wife, Ashkhen. It was her, and nobody else, who deserved to be called a queen[7]. There is thus no reason to see here a reference to the king's sister. Besides, Vinogradov rejected Muradyan's αἰ[κ θεμελίων] with the argument that αι for ε "is to be found always in open syllables". In fact, we have examples of αἰκ as preposition[8]. With a line of 30 letters, the restoration αἰ[κ θεμελίων] might seem to make sense in the context, although most of the time the turn accompanies the verbs κατασκευάζω or ἐπισκευάζω and is barely attested with κτίζω[9].

---

[5] *IGUR* 415; *I. Estremo Oriente* 22; on this text, see in the previous part of the article.

[6] For Erato, see Chaumont 1976, 76–77; Bedoukian 1978, 38–39; Garsoïan 1997, 61–62. Note however that according to Arakelian and Yenadian (2021) Erato did not marry her brother.

[7] Agathangelos (Aa 766, 791, 817, 800 and 832: Thomson 1976) presents explicitly Ashkhen as Tiridates' spouse and queen, and Khosrovidukht as his sister, the latter being furthermore defined as a princess in 800 and 832.

[8] All occurrences from Thessalonike: *IG* X.2 1 493 (2nd-3rd c. CE); *ibid.* 857/858 (2nd–3rd c. CE); *ibid.* 779 (4th c. CE?).

[9] Restoration [ἔκ]τισαν in Bean, Mitford 1970, 29, no. 11, l. 3, for a tower (early Antonine period); the three other occurrences are from the early Byzantine periods: *IGLS* 2 (Syrian Chalkidike), 334 (Christian period) and 348–349 (6th c.).

However, even αἰ[κ θεμελίων] cannot be accepted for this would leave βασιλίσᾳ without the article. One should rather read αἱ[αυτῷ καὶ τῇ] | βασιλίσᾳ. The king made the construction for himself and for the queen, which makes perfect sense. The restoration finds hundreds of parallels in dedicatory funerary inscriptions in formulas such as ἑαυτῷ καὶ τῇ συμβίῳ or ἑαυτῷ καὶ τῇ γυναικί[10]. Despite the difference of social rank, the formula applied also well to the royal couple of Armenia. The line has 30 letters (including a *vacat*), close to the previously defined template and line 3 has smaller letters than the other ones[11].

Line 4: The early restorations of Lisistyan 1945a and Manandyan 1946 and 1951 did not hold sway long. Trever (1949 and 1953) rightly recognized here the beginning of the name of a building, and she restored κάσ[τρον]. She was followed by Bartikyan 1965, Feydit 1965, Chaumont 1969 and Ananyan 1994. Independently from one another, Moretti 1955, Elnitsky 1958 (referring to the *castellum Gorneas* of Tacitus 12. 45. 3), as well as Sarkisyan 1956 and 1960, 67–69, suggested κάσ[τελλον]. They were followed by Muradyan 1981, Vinogradov 1990 (who added κάσ[τελλον τοῦτον?], to fit with the long lines he suggested; he was followed by Canali de Rossi 2004), and Kettenhofen 1995.

Feydit 1969 accepted the restoration τὸν ἀνίκητον κάσ[τρον], but rightly observed that it supposed to assume a solecism (κάστρον is neuter). In fact, we do not need this hypothesis. Garni was a fortress, κάστελλος, not a camp, κάστρον. Moreover, building on Moretti's suggestion to check epigraphic usage, one can observe that, beyond the title μήτηρ κάστρων applied to Roman empresses, κάστρον is commonly found only in post-imperial times[12]. By contrast, κάστελλος appears already in Shapur's Ka'ba-i Zardušt's victory inscription from Naqš-e Rostam of 260–262 CE[13]. The restoration κάσ[τελλον] is certain.

Line 5: Like with line 4, the earliest readings (Lisitsyan 1945a; 1945b, Manandyan 1946; 1951) were justifiably soon set aside. Trever 1949 and 1953, followed by Sarkisyan 1956 and 1960, 67–69, read τῆς βασιλεί[ας] only; Elnitsky 1958 restored τῆς βασιλεί[ας εὐ]||μένιεας; Bartikyan 1965, followed by Ananyan 1994: τῆς βασιλεί[ας αὐτοῦ]; Muradyan 1981: τῆς βασιλεί[ας ἑαυτοῦ ...], also [αὐτοῦ] in his comm.; Feydit 1969 (followed by Chaumont 1969): τῆς βασιλεί[ας μεγάλης Ἀρ]||μενιέας; Vinogradov 1990: τῆς βασιλεί[ας ἐπὶ σωτηρίᾳ *vel sim.*]; Canali de Rossi 2004: τῆς βασιλεί[ας ἐπὶ φυλακῇ].

In her 1949 edition, Trever showed that the beginning of the line referred to a date, αἴτους αι'. Because of her restoration of line 2, she was compelled to adopt a short line length and she did not feel it necessary to restore something after τῆς βασιλεί[ας]. Among the several restorations proposed, only one fits with dating: that of Bartikyan 1965 (Muradyan 1981 introduces a non-appropriate reflexive). The reference to a βασιλεία with the name of the king in the genitive or with αὐτοῦ is found very frequently, whether

---

[10] The *PHI* database provides 540 matches in 539 texts, mostly from Asia Minor and from the imperial period.

[11] Up to the *sigma* of Τιριδάτης, line 1 has 14 letters. At the corresponding position of the *sigma* of αἴκτισεν, line 3 has already 17 letter-spaces (including the *vacat* after δεσπότης). This makes it perfectly credible to have, line 3, 30 letter spaces, including the *vacat*.

[12] See the *PHI* datase: 17 occurrences, one 5–6th c. CE, the rest significantly later.

[13] Huyse 1999 (*I. Estremo Oriente* 261; Merkelbach, Stauber, *Jenseits des Euphrat*, no. 803), vol. I, § 10, l. 12: Ῥωμαίων καστέλλους τε καὶ πόλει[ς], with comm. vol. II, 160; see also vol. I, § 47, l. 63, the mention of a καστελλοφύλαξ, with comm. vol. II, 58.

the word has a geographic, political, or chronological sense. To stick to the chronological sense only, many occurrences can be found in the *Septuagint* and later sources, for instance 2 Kin. 24: 12: ἔλαβεν αὐτὸν βασιλεὺς Βαβυλῶνος ἐν ἔτει ὀγδόῳ τῆς βασιλείας αὐτοῦ[14]. The same structure is met in the language of the papyri in the imperial period[15]. The restoration τῆς βασιλεί[ας αὐτοῦ] is beyond doubt.

Lines 6–9: These lines have proved very challenging to most previous editors, but given that their meaning has finally been clarified, it is unnecessary to mention the various hypotheses to which they have given rise. It will suffice to recall the various phases of the process of discovery. In 1949, Trever read correctly the name Μεννέας. Then Moretti 1955 (λιτουργὸς for λιθουργὸς) and Elnitsky 1958 (λιτουργὸς and ματη|τοῦ respectively for λιθουργὸς and μαθη|τοῦ) understood the replacement of the aspirated occlusives by the unaspirated ones[16]. However, Eltnitsky missed the meaning of these lines. The other editions disagreed significantly, sometimes not even following Trever's reading for Μεννέας. It was Vinogradov 1990 who first provided the complete correct solution and translated: "Menneas the stonecutter, with his pupil Martyrios", identifying Martyrios as a personal name[17]. The co-signature of a work by the master and the pupil (*discipulus*, μαθητής) was perfectly normal in this period and the Garni inscription brings a most welcome addition to the dossier[18].

Line 10: Lisitsyan 1945a: ὑπὸ θεούσι ἀστεῖαν; Manandyan 1946 and 1951 (followed by Abramyan 1947): ὑπὸ ἐξουσίᾳ στε[γ]αν[οῦ]; Trever 1949 and 1953: ὑπὸ ἐξουσίας τειαρί[ου]; Sarkisyan 1956 and 1960, 67–69: ὑπὸ ἐξουσιαστεῖ ἀρι[θμεῖ? ὡς?]; Elnitsky 1958 (apparently without knowledge of Sarkisyan 1956): ὑπὸ ἐξουσιαστέι ἀρ[ήρει]; Feydit 1969 (apparently without knowledge of Sarkisyan 1956 and Elnitsky 1958, and followed by Chaumont 1969): ὑπὸ ἐξουσιαστε {ι} Ἀρι[στάκου]; Muradyan 1981: ὑπὸ ἐξουσίας τειαρι[... ὡς?] | λιτουργός; Vinogradov 1990 (followed by Canali de Rossi 2004): ὑπὸ ἐξουσίας τειαρι[φόρου κυρίου (?)]; Ananyan 1994: ὑπὸ ἐξουσιαστε {ι} Ἀρ[χίας].

Scholars have mainly considered two restorations: *1)* ἐξουσία in the dative or genitive, which led to think of the words τειαρί[ου] (Trever, who saw here the Hellenized form of the Armenian *ter*, "clan's head") or τειαρι[φόρου κυρίου (?)] (Vinogradov, in relation with the Armenian royal tiara); *2)* ἐξουσιαστὴς in the dative (Sarkisyan and Elnitsky; it is difficult to understand the morphology and syntax of Feydit, who produced a text in capital letters only; he rejected the ι, supposedly as an error of the writer of the inscription; after him Chaumont and Ananyan reproduced his mistake).

The reading ὑπὸ ἐξουσιαστεῖ, with -εῖ for -ῇ (we do not know whether there was the same mistake for the two other datives ll. 10–11), fits perfectly with the sense. For the

[14] Date with τῆς βασιλείας αὐτοῦ: 2 Kin. 25: 1; 25: 27; 1 Chron. 26: 31; 2 Chron. 3: 2; 16: 12–13, 17: 7; 34: 3; 34: 8; Ezra 5: 6; Esther 2: 16; Jer. 28: 59; 52: 4; Dan. 9: 2. See also Joseph *Ap*. 1: 150 and Luke 1: 33, with the characteristic καὶ τῆς βασιλείας αὐτοῦ οὐκ ἔσται τέλος.

[15] *DGE* examples for the language of the papyri of the 3rd c. CE: τῷ ε′ (ἔτει) τῆς Αὐρηλιανοῦ βασιλείας *SB* 4426.5, with *BGU* 2086.14, *P. Oxy*. 2711.8. Muradyan 1981, 87, provides also useful parallels.

[16] This correction rendered obsolete all the previous interpretations of λιτουργὸς as λειτουργὸς in a pagan (civic) or Christian context.

[17] We only prefer to translate "stonemason" rather than "stonecutter".

[18] Freu 2016, 187–189, for the significance of the master-pupil relationship.

preposition ὑπὸ in the dative, the *LSJ* dictionary mentions that it applies to a relation of power or authority under whom a task is performed. The word ἐξουσιαστὴς does not appear in our Greek sources before the fourth century CE, in authors such as Gregory of Nyssa, Basil of Caesarea, or John Chrysostom, where it is very frequently used[19]. It is then commonly used in Byzantine texts with the sense of ruler or governor, which gives here also an acceptable sense[20]. Interestingly, we thus have with the Garni inscription possibly the first mention of the word, before it was frequently used in fourth century, then Byzantine Greek[21].

Feydit suggested to restore at the end of the line the name of Aristakes, the son of Gregory the Illuminator and his successor as the head of the Armenian church, a figure who obviously belonged to the Armenian elite of the time. We have only few names of Armenian historical figures in this period, and Aristakes is one of them. We know not only from Agathangelos but also from the lists of the council that he participated in the Council of Nicaea in 325, a rare independent confirmation of the indications of the historian[22]. From the restoration of the following line (see below), we would have apparently to conclude that before serving the church the same character was also a general in the Armenian army, even perhaps its commander in chief.

The religious role of Aristakes may seem however difficult to reconcile with a military one, although this might well be only our modern view on the question. Furthermore, the Greek recension (Vg) of Agathangelos (§ 98, 124, 172 Garitte) insists that at the time when Tiridates summoned his vassals before he installed Gregory as the head of the Armenian church, it was the Mamikonians who held the office of *sparapet*, commander in chief of the armies of Armenia (see also below for the function of *sparapet*). The name of this Mamikonian *sparapet*, Asparasdos (§ 124), is even explicitly mentioned. Admittedly, however, there is always the possibility that the insistence on the role of the Mamikonians was only a late reconstruction. Thus, the uncertainty remains. We keep the restoration Ἀρι[στάκῃ?], but it should be taken with the greatest caution.

Line 11: Lisitsyan 1945a: τῷ μεγάλῳ σπ[ῆι]; Manandyan 1946 and 1951: σ[έμνῳ]; Trever 1949: σπ[αιαπέτ]|ῳ; Trever 1953: σπ[αραπέτ]|ῳ καὶ εὐχάριστος; Sarkisyan 1956 and 1960: σπ[ουδασμ]|ῷ; Elnitsky 1958: σπ[ουδαί]|ῳ; Bartikyan 1965: σπ[.....]; Feydit 1969: σπ[...]; Muradyan 1981: σπ[ασκαπέτει] or σπ[αραπέτῳ]; Vinogradov 1990

[19] See *PGL*, s.v.

[20] When it provides the list of all the vassals that Tiridates III summons at the time before he designates Gregory as the leader of his church, the Greek recension (Vg) of Agathangelos uses it to designate the governor of Sophene, ὁ δὲ ἕβδομος ἐξουσιαστὴς τῆς Μεγάλης Σοφανηνῆς. But the text was itself translated from an Armenian original, probably by a Greek speaker who knew Armenian, no earlier than the fifth century. For this reason, it cannot be used as a direct parallel to the Garni inscription (Garitte 1946, pp. 72–73, Vg § 98, with pp. 314–317 on the passage and 336–356 on the status and date of the text).

[21] The references s.v. in *GLRBP* and *LSJ* for *Sept*. Is. 9: 6 seem to be ghosts.

[22] Agathangelos Aa 884: Thomson 1976 (see also the Greek recension Vg § 168 Garitte, with comm. Garitte 1946, 331). Council lists: Gelzer *et al.* 1898, 29, 65, 88–89, 105, 129, 199, for the various languages in which the lists are kept. Only the Arab version (*ibid.*, 181) gives Gregory as the representative of Armenia Major.

(followed by Canali de Rossi 2004 without the name of a god): τῷ μεγάλῳ σε[μνῷ θεῷ Ἡλίῳ *vel sim.*]; Ananyan 1994: σπ[αραπέτῳ].

There has been hesitation on the reading of the final letter, of which we see only the left part of a square letter. Some, like Manandyan and Vinogradov, have seen here an *epsilon*, which is unlikely, for in this inscription – apart from line 6 for Μεννέας, but clearly to separate this portion of the rest of the text (see in Part I) – all the *epsilons* have a lunate shape. The letter could be a *gamma* or a *pi*. The number of Greek words beginning with σγ- is close to nil. Indeed, beyond Manandyan and Vinogradov, all other editors have opted for reading here a *pi*. There are many Greek common words in σπ-, but none of them would make sense in the context. Also, starting from Trever, several editors have restored under various forms the famous term referring to a chief general in the Armenian army, *sparapet*, from Parthian *spādapat* and Middle Persian, *spāhbed*, "chief of the army"[23].

The name of a specifically Iranian / Armenian office in a text in Greek language can be paralleled by the series of inscriptions from the Caucasus region making mention of a *pitiax*, πιτιάξης in the Hellenized form[24]. Shapur's victory inscription also refers to the same function and does so under two forms, one in code-switching, βιδιξ, the other in Hellenized form, πιτιάξης[25]. The question for the Garni inscription is to determine the form of the word corresponding to the function of *sparapet*. Trever 1949 thought of the dative σπαιαπέτῳ (she did not say whether the nominative should be in -ης or -ος). In 1953, she opted for σπαράπετος. Muradyan hesitated between σπασκαπέτης and σπαράπετος. Ananyan chose σπαράπετος.

It has not been noticed that Shapur's victory inscription provided the form σπαπίτης[26]. Later, the Greek recension of Agathangelos (Vg § 98, 124, 172, see above) used the form ἀσπαραπέτης. While a perfect certitude cannot be reached (the presence of the two forms βιδιξ and πιτιάξης in the Shapur inscription illustrates enough this point), it seems better for now to restore the word σπαπίτης, which is attested in a text of the same period as that of the Garni inscription and which does not imply any creation of a new, for now unparalleled word.

A detail is worth stressing: the qualification "great" of the *spapitēs* in the Garni inscription, an adjective very frequently attached to the members of the high nobility or main office holders in later period Armenia, μέγας corresponding to *awag*, *mecamec* in Armenian language[27]. Interestingly, it appears also in the Greek recension of Agathangelos

---

[23] Gyselen 2001 and 2004 on the Iranian *spāhbed*. The Armenian language has borrowed the word *pet*, "chief", from the Iranian and it has made a large usage of it; in Armenian, the words in *-pet* correspond to the Greek words in ἀρχι- and -αρχος: see Benveniste 1961.

[24] *I. Georgien*[3] 232, l. 2 and 4–5, 242, 261; cup of Pakoros from Maikop (*I. Estremo Oriente* 21); Ousas' intaglio (Preud'homme 2018); see above already for these texts. See also Preud'homme 2019 for the *piṭaḥš* Śargas of Iberia, in 72–75 CE, in an Armazic-Aramean inscription from Iberia.

[25] See respectively Huyse 1999, vol. I, § 42, l. 56, and vol. I, § 45, l. 61, with comm. vol. II, 132–133, for both occurrences. See also Metzger 1968, 39–41, and Huyse 2014, 171.

[26] Huyse 1999, vol. I, § 42, l. 57, with comm. 138–139. Note the difference with the ἀσπαπίδης, "chief of the cavalry", Huyse 1999, vol. I, § 45, l. 61, with comm. vol. II, 155 (see also Gyselen 2001).

[27] Toumanoff 1959, 60, n. 133. It was also present in the titles of the Sasanian generals, see Gyselen 2001.

when it is stressed that the members of the Mamikonian family were the hereditary owners of the function of *sparapet*, τοῦ μεγάλου στρατηγοῦ καὶ ἀσπαραπέτου (§ 124, see above). The history told by Agathangelos and by its Greek recension may be in large part later reconstructions, but, as for the form of the title they mention, the recension came back to actual models of the time of Tiridates, as proved by the Garni inscription.

Line 12: Here again, many suggestions have been made, which need not be recalled. J. and L. Robert (1956), followed by Vinogradov 1990 and Canali de Rossi 2004, suggested ᾧ καὶ εὐχαρισ̣τ̣[εῖ], a solution that makes perfect sense for the syntax and finds many parallels[28]. The plural is preferred here, admitting that Menneas wanted to fully associate his pupil Martyrios in the homage to their patron (there is enough space on the stone and the singular would suppose a long *vacat*).

CONCLUSION

The text can now be established the following way:

1	Ἥλιος Τ̣ι̣ρ̣ιδάτ̣ης, [ὁ βασιλεὺς]	23 (14+9 in the lacuna)
2	μεγάλης Ἀρμενίας, ἀνα[στραφεὶς]	26 (18+8)
3	ὡς δεσπότης *v.* αἴκτισεν αἱ[αυτῷ καὶ τῇ]	30 (21, including the *v.*, +9)
4	βασιλίσα τὸν ἀνίκητον κάσ[τελλον]	28 (22+6)
5	αἴτους *v.* αι′ *v.* τῆς βασιλεί[ας αὐτοῦ]	27 (20, including 2 *v.*, +7)
6	Μενγέας [10]ὑπὸ ἐξουσιαστεῖ Ἀρι[στάκῃ?]	
7	λιτουργὸς [11]τῷ μεγάλῳ σπ[απίτῃ]	
8	μετὰ ματη- [12]ᾧ καὶ εὐχαρισ̣τ̣[οῦσιν].	
9	τοῦ Μαρτυρίου	

Helius Tiridates, the king of Greater Armenia, who behaved as a master, erected for himself and for the queen this invincible castle, the 11th year of his reign. Menneas, the stonemason, with his pupil Martyrios, under the authority of Governor Ari[stakes] (?), the grand *sparapet,* to whom they also are grateful.

It is now clear that the Garni inscription corresponds to the reign of Tiridates the Great, the king who christianized Armenia. However, this does not mean that this is the inscription referred to by Moses Khorenatsi[29]. For Vinogradov and Canali de Rossi, Tiridates in the first five lines of the text would himself speak of his work: "I, Tiridates, I have built, etc." But this translation cannot be accepted: the verb αἴκτισεν is at the third person. The real author of the text is Menneas, who speaks both of the king and of himself and his assistant (if the restoration εὐχαρισ̣τ̣[οῦσιν] is correct) in the third person. Naturally, Menneas took care to mention his sponsors, first the king and the queen (we know from Agathangelos and Moses the role of Queen Ashkhen by the side of Tiridates), then the *sparapet* under the direct authority of whom he had performed his task.

This inscription, dedicated with his pupil Martyrios, was in fact a kind of artist's signature. As such, it was a form of self-celebration. An invincible fortress suited a great

[28] Many inscriptions mention the verb εὐχαριστεῖν at various modes. For examples with the third-person present indicative εὐχαριστεῖ of thanks from a city: *I. Cret.* I xvi 2, l. 19; 15, l. 21 (Lato, 201 BCE); *I. Stratonikeia* 1101, l. 6 (Stratonikeia, late Hellenistic); from an individual: *SEG* 37 1000, l. 9 (Lydia Katakekaumene, 166 CE); *SEG* 38 1172, l. 32 (Tralles 250–300 CE), etc.

[29] Hewsen 1985–1986, 31, and 1986, 329, thought that this was the case, but he had at his disposal only a very poorly established text, which explains the opinion he formulated.

king like Tiridates. But the cryptic message was it would owe this quality to the talent of the stonemason Menneas, who was careful enough to write his own name and that of his pupil in smaller characters (and possibly with letters painted in a different color), but who nevertheless was proud to advertise his achievement. The mediocre quality of the spelling and engraving of the inscription fits with its status. As for the royal inscription of Tiridates, it has still to be found. It remains however that Menneas' inscription reinforces the credibility of Moses' testimony on the existence of a Greek inscription dedicated by the king in memory of his sister Khosrovidukht[30].

The date of the inscription depends on the years of reign of Tiridates the Great, a question heavily debated in the literature. It suffices here to observe that if we accept that the king came to power in 298, the date of the inscription, in the eleventh year of the reign, would be 308/309[31]. The Diocletianic years of persecution of Tiridates were over. Then, it was perfectly admissible for Martyrios, the Christian assistant of Menneas, to have his name engraved on the wall of the fortress. Moses (2. 90) mentions that the fortress and the summer palace for Khosrovidukht were completed sometime after the council of Nicaea of 325. This does not formally contradict the text of the inscription, which says that the king "erected" the fortress in 308/309, which may mean that the program of construction began at that date with the building of the fortress wall[32]. Its completion, including that of the finely decorated summer palace, would have taken place after 325. Clearly, a date in 308/309 would fit well with the content of the inscription and context in Armenia in the early fourth century.

In any case, it remains certain that the Greek inscription from Garni must be attributed to Tiridates III and that it cannot be used to analyze the cultic history of the early imperial period local temple. This "founding stone" in the history of Armenia has now hopefully found its correct place.

References

Abramyan, A.G. 1947: [The Greek inscription at Garni]. *Etchmiadzin* 4/3–4, 61–72.
Աբրամյան, Ա. Գ. Գառնիի հունարեն արձանագրությունը. *Էջմիածին* 4/3–4, 61–72.
Ananyan, P. 1994: [The Garni Greek inscription]. *Bazmavep* 152, 111–115.
Անանյան, Փ. Գառնիի հունարեն արձանագրությունը. *Բազմավէպ* 152, 111–115.
Arakelian, R., Yevadian, M.K. 2021: Erato, reine d'Arménie, étude historique et numismatique. *Journal of Ancient Civilizations* 36, 67–114.
Badoud, N. 2015: *Le temps de Rhodes: une chronologie des inscriptions de la cité fondée sur l'étude de ses institutions*. Munich.
Bartikyan, H.M. 1965: [The Greek inscription at Garni and Movses Khorenatsi]. *Patma-Banasirakan Handes* [*Historical-Philological Journal*] 3, 229–234.
Բարտիկյան, Հ. Մ. Գարնիի հունարեն արձանագրությունը և Մովսես Խորենացին. *Պատմա-բանասիրական հանդես* 3, 229–234.
Bean, G.E., Mitford, T.B. 1970: *Journeys in Rough Cilicia 1964–1968*. (Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse, Denkschriften, 102). Vienna.

[30] As mentioned, there was also a Greek inscription on the mosaic of the bath. Tiridates' inscription in honor of his sister may have been a metric one, as is so frequently the case with late antique elite dedications.

[31] Hewsen 1986; Weber 2016.

[32] As noticed by Muradyan 1981, 85, κτίζω, "to found", may also mean "to build".

Bedoukian, P. 1978: *Coinage of the Artaxiads of Armenia*. London.
Benveniste, E. 1961: Remarques sur les composés arméniens en *-pet*. *Handes Amsorya* 75, 631–640.
Canali DeRossi, F. 2004: *Iscrizioni delle Estremo Oriente Greco. Un repertorio*. (Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien, 65). Bonn.
Chaumont, M.-L. 1969: *Recherches sur l'histoire d'Arménie, de l'avènement des Sassanides à la conversion du royaume*. Paris.
Chaumont, M.-L. 1976: L'Arménie entre Rome et l'Iran I. De l'avènement d'Auguste à l'avènement de Dioclétien. In: H. Temporini (Hrsg.), *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt* II. 9. 1. Berlin–New York, 71–194.
Elnitsky, L.A. 1958: [On the epigraphy of Garni and Aparan]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 146–150.
Ельницкий, Л.А. К эпиграфике Гарни и Апарана. *ВДИ* 1, 146–150.
Feydit, F. 1969: À propos de Garni. In: P.M. Djanachian (ed.), *Armeniaca. Mélanges d'études arméniennes publiés à l'occasion du 250ᵉ anniversaire de l'entrée des pères mekhitaristes dans l'Île de Saint Lazare (1717–1967)*. Venice, 184–189.
Freu, C. 2016: *Disciplina*, *patrocinium*, *nomen*: the benefits of apprenticeship in the Roman world. In: A. Wilson, M. Flohr (eds.), *Urban Craftsmen and Traders in the Roman World*. Oxford, 183–199.
Garitte, G. 1946: *Documents pour l'étude du livre d'Agathange*. Vatican City.
Garsoïan, N. 1997: The emergence of Armenia. In: R.G. Hovannisian (ed.), *The Armenian People from Ancient to Modern Times*. Vol. I. *The Dynastic Periods: From Antiquity to the Fourteenth Century*. New York, 37–62.
Gelzer, H., Hilgenfeld, H., Cuntz, O. (eds.) 1898: *Patrum Nicaenorum nomina*. Leipzig.
Gyselen, R. 2001: Lorsque l'archéologie rencontre la tradition littéraire. Les titres des chefs d'armée de l'Iran sassanide. *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres* 145/1, 447–459.
Gyselen, R. 2004: Spāhbed. In: *Encyclopaedia Iranica*. URL: https://www.iranicaonline.org/articles/spahbed; accessed on 10.11.2022.
Hewsen, R.H. 1985–1986: In search of Tiridates the Great. *Journal of the Society for Armenian Studies* 2, 11–49.
Hewsen, R.H. 1986: Aspects of the reign of Tiridates the Great. In: D. Kouymjian (ed.), *Armenian Studies = Études arméniennes: In memoriam Haïg Berbérian*. Lisbon, 323–332.
Huyse, P. 1999: *Die dreisprachige Inschrift Šābuhrs I. an der Ka'ba-i Zardušt (ŠKZ)*. 2 vols. London.
Huyse, P. 2014: The use of Greek language and script in bilingual and trilingual inscriptions from the Iranian world. In: W. Eck, P. Funke (eds.), *Öffentlichkeit – Monument – Text. XIV Congressus internationalis epigraphiae Graecae et Latinae*. Berlin, 161–181.
Kettenhofen, E. 1995: *Tirdād und die Inschrift von Paikuli: Kritik der Quellen zur Geschichte Armeniens im späten 3. und frühen 4. Jh. n. Chr.* Wiesbaden.
Lisitsyan, S.D. 1945a: [The Greek inscription of the Garni temple]. *Sovetakan Hayastan* [*Soviet Armenia*]. Sept. 23rd, no. 201, 3.
Լիսիցյան, Ս. Տ. Գառնիի տաճարի հունարեն արձանագրությունը. *Սովետական Հայաստան* Sept. 23rd, no. 201, 3.
Lisitsyan, S.D. 1945b: [Wonderful find]. *Kommunist* [*Communist*]. Sept. 30th, no. 207, 3.
Лисициан, С.Д. Замечательная находка. *Коммунист*. 30 сентября, № 207, 3.
Manandyan, Ya.A. 1946: *Gaṛnii hunaren ardzanagrut'yunĕ ev Gaṛnii het'anosakan tachari kaṛuts'man zhamanakĕ / Grecheskaya nadpis' Garni i vremya postroyki Garniyskogo yazycheskogo khrama* [*The Greek Inscription at Garni and the Date of the Construction of the Garni Pagan Temple*]. Yerevan.
Манандян, Я.А. *Գառնիի հունարեն արձանագրությունը և Գառնիի հեթանոսական տաճարի կառուցման ժամանակը / Греческая надпись Гарни и время постройки Гарнийского языческого храма*. Ереван.
Manandyan, Ya.A. 1951: [New notes on the Greek inscription and pagan temple at Garni]. *Izvestiya Akademii Nauk Armyanskoy SSR, Obshchestvennye nauki* [*Proceedings of the National Academy of Sciences of the Armenia SSR*, *Social Sciences*] 4, 9–35.
Манандян, Я.А. Новые заметки о греческой надписи и языческом храме Гарни. *Известия Академии наук Армянской ССР. Общественные науки* 4, 9–35.
Metzger, B.M. 1968: *Historical and Literary Studies. Pagan, Jewish and Christian*. Grand Rapids (MI).
Moretti, L. 1955: Due note epigrafiche. II. Quattro iscrizione greche dell'Armenia. *Athenaeum* 33, 37–46.

Muradyan, G.S. 1981: [The Greek inscription of Tiridates I found at Garni] . *Patma-Banasirakan Handes* [*Historical-Philological Journal*] 3, 81–94.
Мурадян, Г.С. Греческая надпись Трдата I, найденная в Гарни. *Պատմա-բանասիրական հանդես* [*Историко-филологический журнал*] 3, 81–94.
Preud'homme, N.J. 2018: On the origin of the Name K'art'li: Pitiaxēs Ousas' intaglio and Karchēdoi Iberians. *Iberia – Colchis* 14, 212–222.
Preud'homme, N.J. 2019: La stèle des victoires du *piṭaḥš* Śargas et la réaffirmation de la domination royale en Ibérie du Caucase. *Camenulae* 22 (janvier 2019), 1–20.
Robert, J., Robert, L. 1956: Bulletin épigraphique. *Revue des Études Grecques* 69/324–325, 183–184.
Sarkisyan, G. Kh. 1956: [About the Garni Greek inscription]. *Haykakan SSR Gitutyunneri Akademiayi Teghekagir* [*Proceedings of the National Academy of Sciences of the Armenia SSR, Social Sciences*] 3, 45–56.
Սարգսյան, Գ. Գառնիի հունարեն արձանագրության շուրջը. *Հայկական ՍՍՌ Գիտությունների Ակադեմիայի Տեղեկագիր* 3, 45–56.
Sarkisyan, G. Kh. 1960: *Tigranakert: iz istorii drevnearmyanskikh gorodskikh obshchin* [*Tigranakert. From the History of Ancient Armenian Urban Communities*]. Moscow.
Саркисян, Г.Х. *Тигранакерт: из истории древнеармянских городских общин*. Москва.
Thomson, R.W. (ed.) 1976: *Agathangelos. History of the Armenians*. Albany (NY).
Thomson, R.W. (ed.) 1978: *Moses Khorenats'i. History of the Armenians*. Cambridge (MA).
Toumanoff, C. 1959: Introduction to Christian Caucasian history, the formative centuries (IVth–VIIIth). *Traditio* 15, 1–106.
Trever, K.V. 1949: *Nadpis' o postroenii armyanskoy kreposti Garni* [*Inscription Relating to the Construction of the Armenian Fortress at Garni*]. Leningrad.
Тревер, К.В. *Надпись о построении армянской крепости Гарни*. Ленинград.
Trever, K.V. 1953: *Ocherki po istorii kul'tury drevney Armenii (II v. do n.e. – IV v.n.e.)* [*Essays on the History of the Culture of Ancient Armenia (2nd Century BCE – 4th Century CE)*.] Moscow–Leningrad.
Тревер, К.В. *Очерки по истории культуры древней Армении (II в. до н.э. – IV в. н.э.)*. М.– Л.
Vinogradov, Yu.G. 1990: Bulletin épigraphique. Côte septentrionale du Pont, Caucase, Asie Centrale. *Revue des Études Grecques* 103/492–494, 531–560.
Weber, U. 2016: Narseh. *Encycloaedia Iranica*, online ed. (URL: http://www.iranicaonline.org/articles/narseh-sasanian-king; accessed on: 01.11.2022).

Abbreviations

Epigraphic abbreviations follow those recommended by the AIEGL (URL: https://aiegl.org/grepiabbr.html; accessed on: 01.12.2022). Other abbreviations used:

DGE	–	Rodríguez Adrados, F. (ed.), *Diccionario Griego-Español*. Madrid, 1989–now
GELNT	–	Bauer, W. *A Greek-English Lexicon of the New Testament and Other Early Christian Literature*. 2nd ed. Chicago, 1979
GLRBP	–	Sophocles, E.A. *Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods*. Cambridge (MA), 1914
PGL	–	Lampe, G.W.H. *A Patristic Greek Lexicon*. Cambridge, 1961

ПУБЛИКАЦИИ

Vestnik drevney istorii
82/4 (2022), 911–940
© The Author(s) 2020

Вестник древней истории
82/4 (2022), 911–940
© Автор(ы) 2020

DOI: 10.31857/S032103910023596-8

AN UNPUBLISHED NORTH WEST SEMITIC INSCRIPTION FROM THE COLLECTION OF THE RUSSIAN ARCHAEOLOGICAL INSTITUTE IN CONSTANTINOPLE

Archil S. Balakhvantsev[1], Leonid E. Kogan[2],
Alexey K. Lyavdansky[3], Irina V. Tunkina[4]

[1] *Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*
[2, 3] *National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia*
[4] *Archive of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch, Saint Petersburg, Russia*

[1] *E-mail*: balakhvantsev@gmail.com [2]*E-mail*: lkogan@hse.ru
[3] *E-mail*: alyavdansky@hse.ru [4]*E-mail*: tunkina@yandex.ru

[1]*ORCID*: 0000-0002-3028-0109 [2]*ORCID*: 0000-0002-1195-6636
[3]*ORCID*: 0000-0002-2102-8606 [4]*ORCID*: 0000-0001-5793-3977

Acknowledgements: Ministry of Education and Science of the Russian Federation, project no. 075-15-2020-786

The authors publish a hitherto unknown squeeze made from a North West Semitic inscription. The squeeze originally belonged to the Russian Archeological Institute in Constantinople and is now hosted by the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. The inscription, performed in relief, may have been made on a large ornamented stone vessel. Paleographic features of the letters point to the mid-9th century BC as its approximate date. Both paleographic and linguistic features of the text suggest that its origin is to be sought in Southern Canaan (Palestine).

Authors. Archil Balakhvantsev – DSc (History), Leading Research Fellow, Head of the Center for the Archaeology of the Near East and Central Asia, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Leonid Kogan – DSc (Philology), Professor at the Institute for Oriental and Classical Studies, HSE University, Moscow, Russia; Alexey Lyavdansky – Senior Lecturer at the Institute for Oriental and Classical Studies, HSE University, Moscow, Russia; Irina Tunkina – DSc (History), Director of the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences.

The study was conducted with the financial support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, project no. 075-15-2020-786 “History of Writing of the European Civilization” («История письма европейской цивилизации»). I. Tunkina is responsible for the discovery of the estampage and the primary identification of the inscription as North West Semitic (NWS). She authored the introductory parts of the article. A. Balakhvantsev and A. Lyavdansky made the paleographic analysis of the inscription. L. Kogan, who joined the paleographic discussion on its later stage, is responsible for the philological and linguistic observations on the text, as well as for the final arrangement of the article. The authors extend their warm thanks to Dr. Ilya Arkhipov for his quick and diligent editorial work on the article.

Keywords: North West Semitic epigraphy, Palestine, Canaan, Semitic languages, squeezes (estampages), Russian Archaeological Institute in Constantinople

НЕОПУБЛИКОВАННАЯ СЕВЕРОЗАПАДНОСЕМИТСКАЯ НАДПИСЬ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ РУССКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

А. С. Балахванцев[1], Л. Е. Коган[2], А. К. Лявданский[3], И. В. Тункина[4]

[1] *Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия*
[2, 3] *Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия*
[4] *Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия*

[1] *E-mail*: balakhvantsev@gmail.com [2] *E-mail*: lkogan@hse.ru
[3] *E-mail*: alyavdansky@hse.ru [4] *E-mail*: tunkina@yandex.ru

Статья представляет собой публикацию эстампажа ранее неизвестной северозападносемитской алфавитной надписи из коллекции Русского археологического института в Константинополе. В настоящее время эстампаж хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. Надпись, с которой был сделан эстампаж, была выполнена в технике барельефа, предположительно, на большом сосуде с орнаментом. Палеографический анализ показал, что надпись с большой вероятностью датируется серединой IX в. до н.э. и происходит из Южного Ханаана (Палестины). Языковые особенности памятника также в основном подтверждают его южноханаанское происхождение.

Ключевые слова: северозападносемитская эпиграфика, Палестина, Ханаан, семитские языки, эстампажи, Русский археологический институт в Константинополе

1. THE COLLECTION OF ESTAMPAGES OF THE RUSSIAN ARCHAEOLOGICAL INSTITUTE IN CONSTANTINOPLE

The St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences hosts the collection of the Russian Archaeological Institute in Constantinople, hereafter RAIC (SPbB ARAS / SPbF ARAN. F. 127. Op. 1–3. D. 253. 1889–1925).

The RAIC was the only Russian scholarly institution operating outside the borders of the Russian Empire. The permanent director and driving force of the Institute was the distinguished Byzantinist Fyodor Ivanovich Uspensky (1845–1928). The Institute was engaged in archaeological and historical research in Greece, the Balkans, the Middle East, Asia Minor and other regions that once belonged to the Byzantine Empire. The RAIC was founded in 1894 and opened in February 1895. For almost twenty years, the Institute conducted systematic historical, philological and archaeological research within the borders of the Ottoman Empire, until the latter entered the First World War and broke off diplomatic relations with Russia. The Institute was closed in October 1914. The RAIC published its Proceedings ("Izvestiya Russkogo arkheologicheskogo instituta v Konstantinopole"): 16 sizable volumes appeared, the 17th was in preparation, but has never been published.

In the course of the RAIC's archaeological expeditions and research missions, the Institute's employees were able to study a number of monuments and art objects, as well as a few ancient and medieval inscriptions found during regular excavations or discovered accidentally. Estampages of inscriptions were often made *in situ*. It was an inexpensive and technically simple way to obtain exact copies of ancient texts with merely a brush and some

paper[1]. Finds and gifts from private individuals entered the RAIC's Cabinet of Antiquities, which soon grew into a small museum with a first-rate collection of monuments.

In October 1914, when the activities of the Institute were interrupted, only part of its archive could be evacuated to Russia. It was stored in Odessa, in the premises of the Historical and Philological Society of the Novorossia (Odessa) University. In 1920, the papers and books were moved to the Rare Books Department of the Central Scientific Library in Odessa, without any deed of transfer or inventory. In 1926, the documents were transported to Leningrad and entered the Byzantine Commission of the Academy of Sciences of the USSR.

For many years, Uspensky struggled for the return of the RAIC's remaining scientific materials to Russia. However, this became possible only after his death, in 1929. The library, manuscripts, documents, prints, clichés, photographs and negatives were handed over by Turkey without inventories, and it may well be that some of the Institute's property was actually not returned to the USSR.

A special commission created by the Academy of Sciences distributed the RAIC holdings among several institutions: the collection of manuscripts and books entered the Library of the Soviet Academy of Sciences and the Institute of History; the museum exhibits (94 boxes) were transferred to the State Hermitage Museum. Archival materials and paper squeezes were scattered between the Archive of the Soviet Academy of Sciences, the Leningrad Institute of History, Philosophy and Linguistics, the Leningrad Branch of the Central Historical Archive (currently the Russian State Historical Archive) and the Archive of the Revolution and Foreign Policy of Russia (currently the Foreign Policy Archive of the Russian Empire at the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation)[2].

Within the RAIC collection in the St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS, the "separate inventory 3" represents the collection of estampages of the Russian Archaeological Institute in Constantinople (1895–1914), containing 51 items. Due to the general decline of Byzantine studies in early post-revolutionary Russia, the estampages lost their data sheets and, for a long time, were kept scattered in the SPbB ARAS.

2. GENERAL INFORMATION ABOUT THE ESTAMPAGE

In 2016, the epigraphist N.A. Pavlichenko made a primary attribution of the documents and established their origin[3]. She also compiled an inventory of the collection, in which the present inscription (SPbB ARAS / SPbF ARAN. F. 127. Op. 3. D. 51. L. 1) was mistakenly labelled "Arabic". In late 2020, I.V. Tunkina examined the estampage, questioned the original identification and invited a trio of specialists in North West Semitic philology for a deeper inquiry into the paleography and contents of the inscription.

The following are the principal material characteristics of the piece[4].

The two-layer estampage was squeezed on four narrow strips of gray rag vergé paper (fig. 1). The state of preservation can be evaluated as very good (ca. 95%): the only

[1] Rag vergé paper or blotting paper was used.
[2] More details can be found in Basargina 1995 and Tunkina *et al.* 2020.
[3] Pavlichenko 2018.
[4] Described by N.V. Chernova, senior researcher at the SPbB ARAS.

Fig. 1. The squeeze before restoration: *1* – obverse; *2* – reverse. *Photo by L.G. Chekhovich* © SPbF ARAN. F. 127. Op. 3. D. 51. L. 1

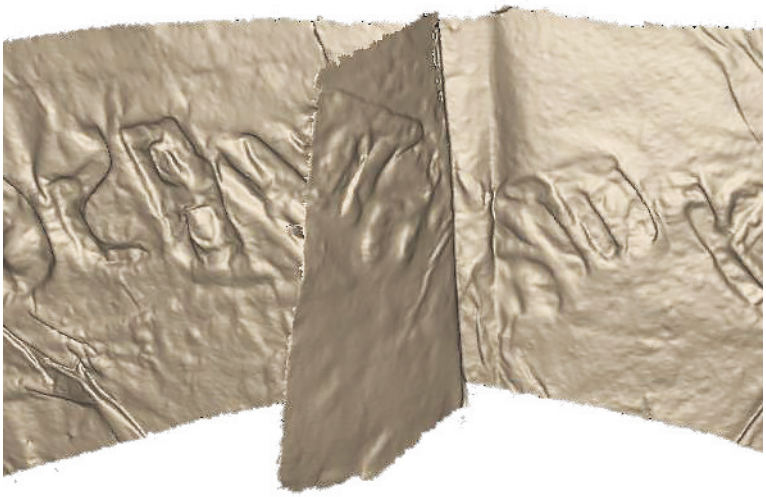


Fig. 2. Screenshot of the 3D model of the squeeze, after restoration, reverse. A fragment featuring the overlap of the paper. *Scan by M.K. Adaksin* ©SPbF ARAN. F. 127. Op. 3. D. 51. L. 1

disturbing features are some foxing on the paper and a tearing at the bottom. In the course of restoration, the estampage was unfolded.

The thin, long-staple cotton paper (0.110–0.126 mm thick) is plastic and hygroscopic, of the "blotter" type. The distance between the pontuseaux is 28 mm, the number of vergeures is 8 by 10 mm. The paper is, most likely, of European (rather than Asian) production of the late 19th – early 20th century. The estampage consists of two strips of two-layer paper, overlapped with a drop of glue (fig. 2). In the strips of the two-layer paper, the pontuseaux coincided: the pontuseau is located horizontally in one strip and vertically, in the other. That is, differently oriented pieces of paper were chosen for the two strips that make up the estampage. In those places where letters are located vergeures and pontuseaux are not violated. The overlap dimensions are: top – 160 mm, bottom – 189 mm. The overall dimensions are: length – 746 mm, width along the edges – 90 mm, in the central part – 70 mm. The letters are about 32 mm high. Most likely, a Greek sponge was used to make the squeeze: with it, wet rag paper was gently pressed into the surface of the inscribed stone.

Since the inscription consisted of just one line, only a narrow strip of paper was used. The upper part of the strip was held together with glue, then its lower edges were chipped off with a metal tailor's pin to form a ring (fig. 3). The dimensions of the first strip: length – 585 mm, width – 90–70 mm; the dimensions of the second strip: length – 495 mm, width – 90–72 mm. The text is arranged on a raised stripe, the edges of which are clearly visible on the squeeze. The inscription might have run along the wide flat edge of a hemispherical or conical stone bowl[5], or along the wide throat of a vessel, with shoulders ornamented with wide depressed rings. The upper parts of the rings can be seen on a 3D model of the estampage (fig. 4).

The origin of the estampage cannot be established now due to a temporary closure of the archive, which is currently being transferred to a new building. There is hope that

[5] Cf. the well-known inscribed stone basin from Kuntillet ʕAjrud (Meshel 2012, 352, fig. 14.2).

Fig. 3. View from above on the squeeze, before restoration. *Photo by L.G. Chekhovich* © SPbF ARAN. F. 127. Op. 3. D. 51. L. 1

a careful perusal of the RAIC's documents will sooner or later reveal the name of the person who made the estampage and the place where the object was found. It could be the director of the Institute, Uspensky himself, who had repeatedly visited Palestine, or one of his employees, or an undergraduate of the Russian universities and theological academies affiliated to the RAIC (notably, Ya.I. Smirnov, E.M. Pridik, B.V. Farmakovsky, M.I. Rostovtzeff, B.A. Panchenko, A.A. Vasiliev), or even a Russian diplomat. It is known, for example, that the Russian Consul General in Jerusalem, S.V. Arsenyev, was keenly interested in Palestinian archeology and repeatedly donated archeological monuments (including inscriptions) to the RAIC's museum[6].

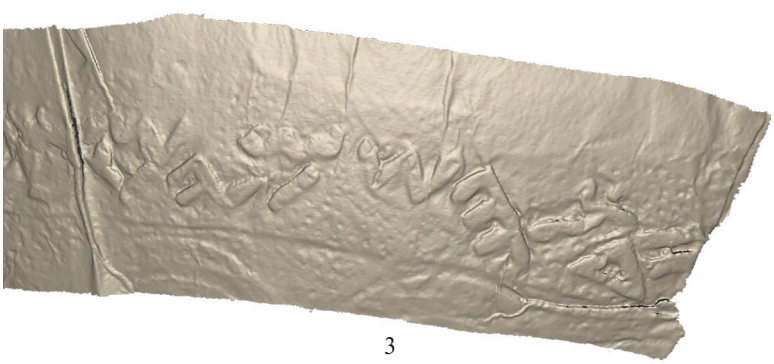
The most conspicuous technical feature of the inscription is the fact that it is performed in relief (*Reliefschrift*, *champlevé*). Among NWS alphabetic inscriptions, this technique is known almost exclusively from the Phoenician and Aramaic inscriptions found in Zincirli and its environs (9–8 c. BC)[7], where the relief alphabetic script flour-

[6] See the 1895 report of the Russian Archaeological Institute in Constantinople, published in the Proceedings of the RAIC [Izvestiya RAIK]. 1896. T. 1, p. 40 (Отчет о деятельности Русского археологического института в Константинополе за 1895 г. *Известия РАИК. 1986. Т. 1. Хроника*, 23–53).

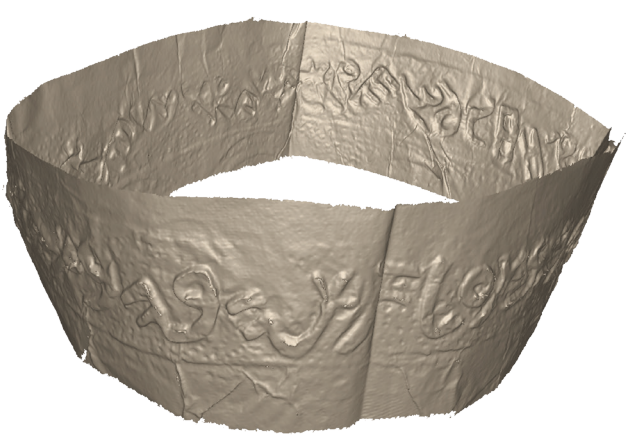
[7] Pardee 2009, 52, fig. 1; Lemaire, Sass 2013, 57, fig. 2.

1

2



3



4

Fig. 4. Screenshot of the 3D model of the squeeze, after restoration: *1* – obverse; *2* – reverse; *3* – reverse, a fragment of the left side of the inscription and the circular carved ornament; *4* – general view. *Scan by M.K. Adaksin* © SPbF ARAN. F. 127. Op. 3. D. 51. L. 1

ished under the influence of the Anatolian hieroglyphic script[8]. However, as one can deduct from the existence of a Phoenician inscribed stone fragment from Byblos (dated to the 10th century by its publisher, P. Bordreuil), this epigraphic style was also known in Phoenicia[9]. Later on, the relief script is attested by Aramaic and Dadanite inscriptions from Tayma[10].

3. PALEOGRAPHY

3.1. General features (fig. 5, 6)

The text was inscribed in *scriptio continua*: neither spaces between words nor dividers are present. This is rather atypical for early Levantine epigraphs, in which word-dividers appeared quite early[11] and were consistently used in most official inscriptions in Phoenicia[12], Moab[13], Zincirli[14], Tell Fakhariyeh[15], Tel Dan[16], and Judah[17] (The Royal Steward Inscription[18], the Siloam Tunnel Inscription[19]). The best-known early examples of *scriptio continua* are the Gezer calendar (with one exception)[20] and the Kuntillet ʕAjrud stone basin[21]. As rightly surmised by Naveh[22], the lack of word-dividers in early NWS epigraphs is a feature of short and informal inscriptions, which may well be applied to the piece published presently.

A peculiar feature of the inscription is the ligature-like connection of the lower elements of two adjacent letters, occurring three times. This is a rare feature in NWS epigraphs, but some conspicuous examples are attested, primarily in the Siloam inscription[23], but also in Kuntillet ʕAjrud[24] and on some Hebrew seals[25].

---

[8] Osborne 2020, 142. Hereafter, all the dates in this article are BC.

[9] Bordreuil 1977, pl. V.

[10] Roche 2020, 171–191, fig. 1–10; Al-Ghabban *et al*. 2010, 255, 284–285, no. 103, 119, 120. Historical considerations led Roche to suppose that the relief script was brought to Tayma from Northern Syria during Nabonidus' reign in Babylonia (556–539), in spite of the obvious chronological gap.

[11] Cross 2003, 213–215, fig. 32.1 and 32.2 (Qubur el-Walayda), Maeir *et al*. 2008, 53 (Tell eṣ-Ṣafi).

[12] E.g. Naveh 1982, 52, fig. 43, 44; Rollston 2014a, 76–83, fig. 2–8. For relatively rare exceptions, usually from outside the Phoenician mainland, see Millard 1970, 5–6.

[13] Naveh 1982, 64–65, fig. 55, 56; Dearman 1989, 307, fig. 1.

[14] Naveh 1982, 5, fig. 45; Pardee 2009, 53, fig. 2; Lemaire, Sass 2013, 60, fig. 2.

[15] Abou-Assaf *et al*. 1982, table (unnumbered); Rollston 2014a, 90, fig. 12.

[16] Biran, Naveh 1995, 10, fig. 9.

[17] See Millard 1970 and Naveh 1973.

[18] Avigad 1953, pl. 9B, Naveh 1982, 68, fig. 59.

[19] Naveh 1982, 68, fig. 60.

[20] Naveh 1982, 63, fig. 54.

[21] Meshel 2012, 76, fig. 5.3

[22] Naveh 1973, 208.

[23] Naveh 1982, 68, fig. 60 (*nun* + *qop*, *he* + *zayin*, *he* + *yod*, *bet* + *resh*, *kap* + *waw*, *bet* + *resh*, *mem* + *waw*, *mem* + *aleph*, and especially *bet* + *he*, typologically quite similar to what we find in our inscription).

[24] Meshel 2012, 88, 92, 95, 99, 101, fig. 5.26, 5.35, 5.37, 5.41, 5.43.

[25] Naveh 1982, 69, fig. 61b (including two non-adjacent letters connected over a third letter in between).

Fig. 5. Drawing of the inscription. *By O.I. Frizen and Y. Kirilenko, guided by the authors*

Fig. 6. The squeeze after restoration: *1* – general view; *2* – fragment A (segments no. 1–21); *3* – fragment B (segment no. 22–38). *Photo by A.S. Balakhvantsev*

Fig. 7. The sequence ZDT (segment no. 1–3). *Photo by A.S. Balakhvantsev*

In several cases, the letters are not positioned on the same line, but slanted or otherwise displaced, in an attempt to harmonize the orientation of certain signs to the neighboring ones. Thus, in the group of the first three letters only the *dalet* is located on the bottom of the inscription, whereas the *zayin* and the *taw* do not touch the bottom line, but are raised up to match the *dalet*'s triangle (fig. 7). This tendency, in all probability reflecting the engraver's aesthetic ambition, is somewhat reminiscent of the *horror vacui* principle in Islamic art, which often influenced the design of Arabic inscriptions. Together with a marked leftward elongation of the "tails" of some letters, this feature gives the inscription a distinct ornamental pitch[26].

Most of the repeated letters are quite homogeneous in their shape (*dalet*, *he*, *yod*, *kap*). The most prominent exception is *mem*, the two specimens of which are rather dissimilar. To a smaller degree, the same is applicable to the three instantiations of *nun*.

3.2. Individual letters

Bet

No. 19. This is the angular type of *bet* with a circular head. The very elongated foot extends far to the left and seems to cross[27] what looks like a remain of one more letter which we are unable to retrieve – most probably *taw*, its horizontal stroke and faint traces of the vertical shaft can be seen.

No. 24. The head is shaped almost as a triangle with a straight bottom side and two other sides forming an arc; a long, almost horizontal foot, slightly damaged in the end, extends far to the left, almost touching the leg of no. 25. A very close parallel is found on the Kuntillet ʕAjrud stone basin[28].

---

[26] A rather good comparandum is the middle part of the stone basin from Kuntillet ʕAjrud.
[27] For the tail of *bet* crossing a neighboring letter see Vanderhooft 2014, 113.
[28] Meshel 2012, 76, fig. 5.2.

Dalet

No. 2, 23. Shaped as a triangle, the bottom is almost parallel to the baseline. Similar archaic *dalet*s are attested, *inter alia*, on arrowheads[29], Old Byblian royal inscriptions (*PPG*, Taf. I), the Manaḥat scherd[30], the Gezer calendar[31], the Tel Zayit abecedary[32], the stele of Mesha[33], the Kuntillet ʿAjrud stone basin (Renz's type c, and more generally, group a–d). By the end of the 9th – beginning of the 8th century, the right side of the triangle began to be lengthened, forming a small leg[34]. However, the triangle-shaped *dalet* seems to have sporadically survived in the Hebrew script until the last quarter of the 8th century[35].

He

No. 4. The vertical stroke of the *he* is slanted to the left[36], three parallel horizontal strokes of the same length are adjoined to the vertical stroke, whose lower part is moderately long (Renz's type o, and, more broadly, groups F, G and H). The slanting of the vertical stroke in the Hebrew monumental script is thought to appear in the 8th century[37], but similar forms of *he* are, in fact, attested already on the stele of Mesha[38] and the Amman Citadel inscription[39]. A more or less substantially left-slanted *he* further characterizes most of the Zincirli inscriptions[40].

No. 13. The only difference from no. 4 is that the lower part of the vertical stroke is crossed by the foot of no. 12.

No. 20. Paleographic analysis is hampered by the fold of the paper. The letter is strongly tilted to the left, the vertical stroke does not seem to be prolonged beyond the bottom horizontal stroke[41].

Waw

No. 21. A long diagonal shaft descending from right to left, slightly curved in its lower part; a short stroke extends to the left from ca. the upper third of the shaft. This У-shaped

---

[29] McCarter 2008, 50, fig. 2, 2–4.

[30] Hamilton 2014, 43, fig. 10b.

[31] Naveh 1982, 63, fig. 54.

[32] Tappy *et al.* 2006, 27, fig. 16, 17.

[33] Naveh 1982, 64, fig. 55; Dearman 1989, 307, fig. 1.

[34] Thus, this is the only form of *dalet* used on seals from the reigns of Uzziah (769–733) and Ahaz (733–727) (Avigad, Sass 1997, 57–58, no. 3B, 4, 5, 29). In the Phoenician and Aramaic epigraphy, similar developments take place from the 9th century (Schmitz 2014, 155; Rollston 2014b, 211; Balakhvantsev 2016, 20).

[35] E.g. Renz 1995b, Taf. 14 (Jer (8)6).

[36] For the clockwise and counterclockwise slanting of the vertical strokes of the letters, we have adopted the perspective from the top point of the vertical. Therefore "slanted (or tilted) to the left" means that the vertical stroke extends from northwest to southeast.

[37] Vanderhooft 2014, 114.

[38] Naveh 1982, 64, fig. 55; Dearman 1989, 307, fig. 1.

[39] Discussed in Cross 2003, 95–96.

[40] Tropper 1993, 339, Abb. 3.

[41] Similar shapes of *he* with a shortened vertical stroke (Renz's type ff) are found on Hebrew bullae (Avigad, Sass 1997, 188, 200, 205, no. 457, 501, 524).

waw is atypical for Hebrew inscriptions[42], where the Y-shape seems to predominate among the – admittedly few – early specimens (Renz's type c(a))[43]. Elsewhere, comparable early У-shapes (and Ч-shapes, in all probability related) are found in the Gezer calendar (2:7, 5:7)[44], the Shipiṭbaʿal inscription[45] and the Amman Citadel inscription[46]. A fine archaic precedent is found on the Tell eṣ-Ṣafi bowl fragment[47] and, as rightly observed by its editors, this was the letter shape adopted by early Greek alphabets[48].

Zayin

No. 1. An uppercase "H" rotated almost 90 degrees. The top and bottom lines are parallel, rather long and very close to each other (as opposed to the early Phoenician *zayin* with a very long central bar), the rest of the vertical stroke can apparently still be seen as a dot between the two lines[49]. This form of *zayin* (Renz's types a and c) is documented by the arrowheads of the 11th century[50], the Gezer Calendar[51], the Tel Zayit abecedary[52] and the stele of Mesha[53].

No. 18. An uppercase "H", slightly inclined to the right. The left vertical stroke is very massive, the right one rather thin. To our knowledge, there are no other instances of a "vertical" *zayin* in the NWS epigraphy[54]. Similar transformations are known for other letters, however: *ḥet* is rotated 90 degrees in the Gezer Calendar (5:3)[55] and on arrowheads[56], whereas *lamed* is mirrored on one of the arrowheads[57] and rotated 180 degrees in Tell Fakhariyeh[58]. Last but not least, four out of six specimens of *gimel* on Shipiṭbaʿal inscription (*KAI* 7) feature their shorter stroke markedly turned to the right instead of the usual leftward orientation[59].

---

[42] The closest approximation is apparently found in Renz's Lak(8):17 ("korrigiert nach Photo"), see Renz 1995b, Taf. 6. To some extent comparable shapes can also be found on the ostraca from Arad no. 89–91, 95 (ibid., Taf. 12, the last quarter of the 8th century)

[43] Vanderhooft 2014, 115.

[44] Naveh 1982, 63, fig. 54.

[45] Rollston 2008, 61, fig. 4; Sass 2017, 120–121.

[46] See Cross 2003, 96.

[47] Maeir *et al*. 2008, 49, fig. 8–9 and the discussion ibid. 52–53. In Eshel et al. 2002, chart 9, the two signs are listed as samples of *yod*, but on the preceding page (n. 1) the authors apparently stick to their earlier interpretation.

[48] See Naveh 1982, 180–182.

[49] A *zayin* with no vertical connecting stroke features on two Hebrew seals, see Avigad, Sass 1997, 50, no. 3 (the time of the king Uzziah, 769–733 BC) and 185, no. 444 (the time of the prophet Jeremiah).

[50] McCarter 2008, 52 fig. 2, 2–4.

[51] Naveh 1982, 63, fig. 54.

[52] Tappy *et al*. 2006, 27, fig. 16, 17.

[53] Naveh 1982, 64, fig. 55; Dearman 1989, 307, fig. 1.

[54] One will not lose sight of the fact that "H" is the normal shape of the "South Semitic" *zayin* (cf. Cross 2003, 223).

[55] Cf. Maeir *et al*. 2008, 50.

[56] Cross 2003, 207.

[57] Deutsch, Heltzer 1999, 9, fig. 121.

[58] Abou-Assaf *et al*. 1982, table (unnumbered); Rollston 2014a, 90, fig. 12.

[59] Cf. McCarter 1975, 35–36.

Ḥet

No. 17. Two verticals, slightly slanted to the right and connected by three short horizontals. The verticals do not cross the two lower horizontals, the lower angles of the "box" are, moreover, slightly rounded. This archaic box-shaped *ḥet* is attested on the ʕIzbet Ṣarṭah sherd[60], arrowheads from the 11th century[61], the ʕAzarbaʕal inscription[62], the Kefar Veradim bowl[63], the Nora fragment[64], the Manaḥat jar fragment[65], the Ḥorvat Rosh Zayit jar fragment[66], the Gezer calendar and the Ras ez-Zetun ostracon[67]. Renz's putative later attestations[68] are generally unreliable[69], but a closer approximation may perhaps be seen on the Ammonite seal no. 1102[70].

Yod

No. 7. A vertical stroke inclined ca. 45 degrees to the left, from which two parallel, rather prominently oblique lines extend to the left at the top and in the center. The lower one is slightly longer than the upper. Another short parallel stroke, also oblique, starts from the bottom point of the vertical stroke to the right. The vertical stroke of *yod* rotated counterclockwise is atypical for Hebrew epigraphs where the shaft of *yod* is usually vertical or slanted to the right[71]. Rare parallels are found in Khirbel el-Qom inscriptions[72] and on *lmlk* jar handles[73]. The choice of this unusual form could be accounted for by aesthetic concerns of the engraver, who strived to harmonize the stance of the adjacent letters. At the same time, *yod*s with the vertical stroke slanted to the left are common in Phoenician epigraphy. The earliest examples are provided by the Kilamuwa inscription (*PPG*, Taf. I, 10; ca. 825), the gold medallion from the Douïmès necropolis in Carthage (8th or 9th c.)[74] and the inscription from Hasan Beyli (*PPG*, Taf. I, 11; ca. 715). Later on, this form of *yod* becomes predominant in the Phoenician script (*PPG*, Taf. I, 13–14; Taf. II, 4–14; Taf. III, 4–14).

No. 22. The letter is peculiar insofar as the lower half of the shaft does not straightly continue the upper part, but is heavily slanted leftwards and almost coincides with the second horizontal (being, in fact, almost invisible).

---

[60] Rollston 2014a, 74, fig. 1, with Cross' discussion in 2003, 222.
[61] McCarter 2008, 52, fig. 2, 3–4.
[62] Rollston 2014a, 76, fig. 2.
[63] Rollston 2014a, 77, fig. 3.
[64] Naveh 1982, 40, fig. 35; Cross 2003, 261, fig. 37.2.
[65] Stager 1969, 51, fig. 3; Hamilton 2014, 43, fig. 10b.
[66] Hamilton 2014, 45, fig. 11e.
[67] Renz 1995b, Taf. I, no. 2.
[68] Renz 1995c, 141–142.
[69] Cf. his own remark in Renz 1995a, 37 ("Ḥ als Vierstrichform, in einer Form ohne Überstände, die einerseits im Grunde nur im 10. Jhdt. belegt ist, anderseits auch noch nicht eindeutig hebr. ist").
[70] Herr 2014, 177, fig. 1.
[71] Vanderhooft 2014, 116.
[72] Renz 1995b, Taf. 15.
[73] Renz 1995b, Taf. 18.
[74] The 8th century date is adopted in *PPG* (Taf. III, 3). For the 9th century date see Pilkington 2019, 6. A thorough paleographic reexamination of the inscription led P. Schmitz to date it to 800–775 (Schmitz 2008, 171)

No. 31. The bottom horizontal stroke is connected to no. 30 (*kap*), forming a curvative ligature.

No. 33, 36. Connected to the previous letters more or less in the same way as no. 32 is connected to no. 31.

Kap

No. 26. A long downstroke, slightly curved down to the left. Two side-branches stem symmetrically from a single point in the upper part of the shaft (Renz's type d). This type of *kap*, reliably attested on Hebrew epigraphs[75], is the standard one on the stele of Mesha and the Kerak inscription[76]. A strikingly similar early parallel comes from the Tel Zayit abecedary[77], and cf. already the *kap*s on the ʕIzbet Ṣarṭah ostracon[78].

No. 30. This *kap* forms a quasi-ligature with the adjacent *yod* (no. 31): the leg continues without interruption into the bottom right stroke of *yod*.

No. 35. Like no. 31, connected to the adjacent *yod* (no. 36).

Lamed

No. 28. A curved long vertical stroke with a widely open loop at its bottom.

No. 15. This unusual *lamed* features a closed loop in its lower part (cf. Renz's type f). Several examples of *lamed* with a near to closed loop are found in Kuntillet ʕAjrud[79], with some further comparable attestations on Samaria ostraca[80]. It is not without interest that *lamed*s with a heavily curled, (nearly) closed loop are very common in "Early Alphabetic B" epigraphs[81].

Mem

No. 6. A straight diagonal shaft, slightly damaged in the upper part, stretches down from right to left. A rather shallow W-shaped head adjoins to its upper end, stretching to the left. This is, essentially, Renz's type e, for which he, however, provides no examples. The leg exhibits no curvature (let alone curling), characteristic of "standard" Moabite and Hebrew *mem*s (Renz's type f).

No. 14. The head is, peculiarly, ω-shaped and, thus, quite different from no. 6. Comparable forms are attested on Hebrew seals from the 8th century[82] and on the ostracon from Tell el-Qaḍi[83] (cf. Renz's type k).

---

[75] Close early parallels come, e.g., from Kuntillet ʕAjrud (Renz 1995b, Taf. 3).

[76] Vanderhooft 2014, 117, see further ibid. 108, fig. 1; Naveh 1982, 64–65, fig. 55–56.

[77] McCarter 2008, 52, fig. 3.

[78] Naveh 1982, 37, fig. 31 and Hamilton 2014, 48, fig. 13.

[79] Renz 1995b, Taf. 3 (Pithos 1), Taf. 4 (Eingravierte Worte), cf. "the lamed with a rounded base" (Meshel 2012, 81).

[80] Renz 1995b, Taf. 6, 10.

[81] Such as the Tell el-ʕAjjul cup (Hamilton 2014, 35, fig. 5), the Tell eṣ-Ṣafi bowl fragment (ibid., 39, fig. 8), the Qubur el-Walaydah sherd (Cross 2003, 214, fig. 32.1), the Lachish ostracon (ibid., 94, fig. 46.2), the 2001 Beth Shemesh inscription (McCarter *et al*. 2011, 188, fig. 5, and 190), the 2014 Lachish jar sherd (Sass et al. 2015, 235, fig. 2, and 242). See further Cross 2003, 214–215; Maeir *et al*. 2008, 51 and 53.

[82] Avigad, Sass 1997, 159, no. 377; Deutsch, Heltzer 1999, 34–35, fig. 130; Deutsch, Lemaire 2000, 71, no. 65.

[83] Renz 1995b, Taf. 9.

Fig. 8. Segment no. 38 (*nun*). *Photo by A.K. Lyavdansky, processed by V. Timofeyev*

Nun

No. 16. A short upper vertical stroke slightly tilted to the right, a horizontal bar, and a curved downstroke stretching to the left and forming a well-pronounced small "foot". No exact precedents are at hand. The closest parallel in Renz's typology is type c, but some features make it closer to his type k.

No. 34. Typologically rather dissimilar from no. 16. The upper vertical stroke is longer and its juncture with the horizontal bar is much more rounded. The latter, in turn, is not straightly horizontal but concave, protruding downwards. The lower vertical stroke is curved, not angular, and features a sharp end instead of the "foot". It is hard to say whether a sort of "horn" above the angle formed by the horizontal bar and the lower vertical belongs to the letter or is due to a visual effect of uneven paper. If the former is correct, the letter would come close to the *nun* of the Moabite Kerak inscription[84] (Renz's type f)[85]. A more angular, but structurally rather exact early precedent is found on Tel Rehov ostracon no. 3[86].

No. 38. The three upper strokes seem to form a good right-angled zigzag. A small "horn" above the juncture of the horizontal bar and the lower vertical (as in no. 34) is not very well seen, but cannot be ruled out. As clearly seen on fig. 8, the second vertical (crossed by the fold of the squeeze) displays a bottom curvature ending with a small "foot". A similar shape of *nun* is found on the 9th century Arad ostracon no. 76 (l. 3)[87].

---

[84] Naveh 1982, 65, fig. 56.

[85] Within this approach, the letter could, theoretically, be also interpreted as an Ammonite-style *bet* (or *reš*) with a very broad "open head" (Herr 2014, 177, fig. 1). Since no similar development is seen anywhere else in the inscription, this is a rather unlikely possibility.

[86] Mazar 2003, 178, fig. 5.

[87] Renz 1995b, Taf. II, no. 1.

ʕAyin

No. 27. A regular circle without interruptions and no "pupil" in the middle.

Pe

No. 10. The form of *pe* corresponds to Renz's types h and i (a relatively long, somewhat curved extension in the bottom)[88]. The upper left extension merges with the right upper stroke of the following letter. Typologically, this shape is comparatively late[89], but a clear-cut early precedent is found on the 9th century Pithos B from Kuntillet ʕAjrud[90].

Šin

No. 5. Four strokes are shaped in the form of a "W". All strokes have approximately the same length, like *šin* in the Gezer calendar and Moabite stelae (Renz's types a, b, d)[91].

Taw

No. 3. A cross with a long downstroke slanted down to the left and a short horizontal stroke neatly parallel to the base of the inscription. The left extremity, somewhat shorter than the right one, seems to feature a thin raised end. The very short upper element of the downstroke looks a bit rounded and somewhat detached from the horizontal bar, likely due to a damage on the stone[92]. This form of *taw*, not characteristic of Hebrew inscriptions[93], is nevertheless sporadically attested in this corpus, notably in the Khirbet el-Qom cave inscription[94] and elsewhere[95]. Similar forms of *taw*[96] are best attested in Zincirli[97] and Sefire[98], to some extent also in Tel Dan[99]. For this form of *taw* in the Phoenician script see *KAI* 30 (*PPG*, Taf. I, 8; Cyprus, 9th c.), Kilamuwa (*KAI* 24; *PPG*, Taf. I, 10; ca. 825), and Karatepe (*PPG*, Taf. I, 12; *KAI* 26, ca. 700). The extreme slanting of the downstroke may have originated out of the general tendency of the engraver to accommodate adjacent letters to each other.

3.3. Problematic segments

No. 8

This segment looks exactly like a classical Phoenician/Old Aramaic *ṣade*, but mirror-faced: a long diagonal shaft stretching down from right to left, to which, by its upper

[88] Cf. the examples in Renz 1995b, Taf. 18, 20 and Vanderhooft 2014, 108.
[89] Rollston 2014b, 223–224.
[90] Renz 1995b, Taf. IV, no. 1.
[91] Vanderhooft 2014, 108, fig. 1, 1–3.
[92] The shape of the upper part of the letter is curiously reminiscent of the "Sun-child" image (as on the Revadim seal, Cross 2003, 300, fig. 48.1).
[93] Vanderhooft 2014, 120.
[94] Vanderhooft 2014, 108, fig. 1, 11.
[95] Renz 1995b, Tf. 2.
[96] McCarter 2008, 56.
[97] Naveh 1982, 55, fig. 45.
[98] Dupont-Sommer, Starcky 1958, pl. XIII.
[99] Athas 2003, 133, table 4.19.

Fig. 9. The sequence ??PK? (segments no. 8–11). *Photo by A.S. Balakhvantsev*

third, a three-stroke zigzag is joined. At present, no clear identification can be proposed. The following options are, theoretically, under consideration:

1. A mirror-faced *ṣade* as described above;
2. An unusual *mem* whose fourth (rightmost) stroke has merged with the shaft (somewhat similar to Renz's type e, for which he gives no examples);
3. Since the head is shaped very much like *šin* (no. 5), one could surmise that the letter is actually a *šin*, whereas the rest of the vertical stroke belongs to the following segment (itself paleographically problematic);
4. The shaft plus the rightmost stroke stemming from it are similar to the У-shaped *waw* (no. 21). This would allow one to attribute the remaining two short strokes to the following segment, then perhaps identifiable as *ṣade* (see below).

No. 9

Paleographic analysis of this (and adjacent) segment(s) (fig. 9) is hampered by the fold of the squeeze. What can be seen looks like a straight diagonal shaft stretching down from left to right, a longer stroke stemming upwards to the right from its top (or close to it) and possibly crossing the shaft, and a parallel, very short, but clearly visible stroke stemming from its middle.

Taken at face value, this shape is best compatible with the later Hebrew *aleph*, represented by Renz's types u, v, w, x (note especially the slanted shaft in w and x). This shape is attested since the second half of the eighth century[100], notably, on the Arad ostracon no. 51[101] and the Siloam tunnel inscription[102]. It is not without interest to observe, incidentally, that two *aleph*s consisting of a vertical shaft, slightly tilted to the right, and two

[100] Aharoni 1981, 131.
[101] Renz 1995b, Taf. 11.
[102] Renz 1995b, Taf. 13.

almost parallel horizontal strokes extending from it to the right appear to be attested on the Byblos "clay object" B, dated by Cross to mid-eleventh century[103].

Similar looking forms of *waw* come from the Arad ostraca (e.g. no. 73) of the 8th century[104] and, *mutatis mutandis*, other Hebrew epigraphs (Renz's "Dreistrichform", types h, i, j). Since a radically different У-shaped *waw* is reliably attested in the inscription (no. 22), this identification is not very promising.

As pointed out above in connection with no. 8, if the latter is interpreted as a *waw* and the remaining part of its head is joined to the present segment, this would look like a well-shaped *ṣade* – the closest parallel is found in the Amman Citadel inscription, dated 9 c. BC[105].

No. 11

A long downstroke, slightly curved down to the left and crowned by three symmetrical short strokes. The right short stroke is merged with the upper element of the preceding *pe*. The shape comes very close to what has been identified above as *kap*. However, seen from some angles at least, the middle stroke of the crown appears to be continued down by a straight line touching the upper end of the "foot" of the preceding *pe*, thus creating a *taw*-like image (†), somehow superimposed on a *kap*.

No. 12, 25 and 32

As far as we can see, a proper distinction between *bet* and *reš* is hard to achieve in each of the three cases.

No. 25 features a very elongated leg stretching far to the left and almost parallel to the base of the inscription. In principle, this is scarcely compatible with *reš*, whose shaft is expected to be straightly vertical (or, rather, even slanting to the right) and have no "tail". At the same time, the letter is quite dissimilar from the preceding clear-cut *bet*, whereas two repeated *bet*s are unlikely to occur here on linguistic grounds. It stands to reason, therefore, that we are dealing with an unusual *reš* whose extra-long leg is to be accounted for by the aesthetic preferences of the engraver. Still another possibility is to identify this segment as a *qop*: the head is practically circular and the shaft appears to be joined to it centrally rather than from the right (although a loss of stone under the head to the right is a feasible possibility). The unusual elongation of the shaft would remain to be explained, anyway.

No. 12 features a circular head with a downstroke stemming from its right side down to the left. The extremity of the downstroke is slightly bent to the left and intersects the vertical stroke of the next letter (*he*). A *reš* is perhaps more probable than a *bet*, which, however, can hardly be excluded.

No. 32 forms a ligature with the following *he* so that the nature of its vertical stroke cannot be evaluated objectively. A *reš* and a *bet* appear to be equally possible.

No. 29

The vertical shaft is moderately slanted to the right. The upper horizontal stroke extends to both sides of the shaft, the right segment is much longer than the left one. The

---

[103] Cross 2003, 336, fig. 53.6. Interestingly, the horizontal strokes only slightly cross the vertical in the second specimen and do not cross it at all in the first one. See further Cross, McCarter 1973, 8.

[104] Renz 1995b, Taf. 7.

[105] Renz 1995b, Taf. 2.

vertical shaft does not go beyond the upper horizontal. The lower horizontal stroke, stemming from the vertical but not going beyond it to the left, is parallel to the upper bar and may be slightly longer than it. Taken at face value, this shape could be identified with a mature Hebrew *aleph* of the Siloam tunnel inscription (cf. no. 9 above), in which, however, the vertical shaft does clearly go beyond the upper bar[106].

Some photos give the impression that the letter has a third (middle) horizontal bar, less prominent than the other two and sometimes looking like an in-between protrusion of the paper. Upon this reading, the letter is be interpreted as a *samek*, in which the middle and bottom horizontal strokes had lost their left continuations before the squeeze was made. Indeed, a brighter oval spot can be detected exactly where the two small left strokes would be expected to be located, perhaps reflecting a chopped-off surface.

No. 37

The letter looks like a *kap* with four upper strokes instead of the regular three. No convincing interpretation is at hand. A certain similarity to the Egyptian hieratic numbers "400"[107] or "600"[108] is to be noted. The use of the Egyptian hieratic numbers is known from the Hebrew inscriptions on ostraca, weights and bullae in the preexilic period[109].

3.4. Paleographic evidence for a chronological and geographical setting

The chronological and geographical perspective of our paleographic analysis is of necessity rather uncertain. This is due, first of all, to the well-known fact that early NWS epigraphs (let alone, lapidary inscriptions) from areas other than Phoenicia are poorly represented[110]. Hot debates on the chronological, geographical and, for that matter, linguistic nature of such documents as the Gezer calendar or the Tel Zayit abecedary, in which leading authorities in the field have often come to virtually opposite conclusions, are telling witnesses to this effect. It is upon this difficult background that the following, very tentative observations are to be evaluated.

3.4.1. Chronological attribution

The inscription features some indisputably archaic (or archaizing) features:

1. A clear-cut box-shaped *ḥet*, hardly ever attested later than the 10th century;
2. Two legless *dalet*s[111], "an important diagnostic letter"[112].

Less certain, but still probable archaic elements are a rotated *zayin*, a *lamed* with a closed loop, perhaps a mirrored *ṣade*.

---

[106] On this important feature of the "classical" Hebrew *aleph* see Rollston 2003, 160.
[107] Möller 1909, No. 635; Wimmer 2008, 231.
[108] Möller 1909, No. 637; Wimmer 2008, 233.
[109] Avigad, Sass 1997, 177; Deutsch, Heltzer 1999, 64, 67.
[110] "Surviving specimens of the tenth-century inland script are relatively rare" (Tappy *et al.* 2006, 28); "There are simply not enough inscriptions on which to base conclusions" (Schniedewind 2005, 405); "A gap of a century or a century and a half filled only by one substantial inscription" (Cross 2003, 340).
[111] Tappy *et al.* 2006, 33.
[112] Vanderhooft 2014, 114.

These are opposed to a few letters whose shape is, by the accepted standards, typologically more advanced:

1. Two *mem*s with a horizontal zigzag, as opposed to the archaic Phoenician *mem* with a vertical zigzag. Note, at the same time, that in each of the two specimens the vertical shaft is rather short, straight and uncurved – a feature usually considered archaic[113];

2. None of the three examples of *nun* can be said to correspond to the classical perception of the archaic *nun* – an angular zigzag of three strokes more or less equal in length;

3. The inscription does not feature the bowl-shaped head of *waw*, usually considered archaic[114]. A У-shaped form is used instead;

4. The *pe* with a long, curved leg ending with a well-pronounced "foot" is typologically innovative.

Can the two trends be harmonized? Are they expected or likely to be reflected in one monument? In our view, the answer to these questions may well be positive.

Indeed, according to a growing consensus, certain paleographic shapes traditionally considered to be characteristically "old"/"archaic" vs. "recent"/"innovative" can, on the one hand, coexist as variants from the earliest periods onwards[115] and, on the other hand, be simultaneously attested in a single epigraph, possibly (but not necessarily) due to the archaizing efforts of the scribe[116].

Thus, a fully-fledged "classical" *ḥet* with vertical strokes crossing the upper and lower horizontals from the left and right sides respectively is attested as early as in the Tel Zayit abecedary[117], the Tel Batash ostracon[118], the Ophel pithos[119], the Byblos "clay objects" A and B[120], a jar from Tel Reḥov[121]. To these one can add the shapes with two verticals crossing the horizontal on the Bet Shemesh gaming board[122] and two verticals each crossing the upper and lower horizontals from the right on the Raddana handle[123].

---

[113] Tappy *et al.* 2006, 37.

[114] Tappy *et al.* 2006, 33; Rollston 2014a, 87.

[115] "In the analysis of the typological developments of these scripts, the simultaneous, overlapping occurrence of various letter types must be taken into account ... Different letter types were in use at the same time in different parts of Canaan" (Maeir *et al.* 2008, 61).

[116] "Preservations of typologically older forms are to be anticipated ... at times" (Rollston 2014a, 87); "In some cases, letter variations can be seen even in the same inscription" (Maeir *et al.* 2008, 61); "With its four-barred *ḥet* and relatively advanced *mem* and *nun*, [this inscription] is difficult to associate comfortably with either the mainstream Phoenician tradition or with its inland, southern development" (Tappy *et al.* 2006, 29 on the Tel Zayit abecedary); "It is hard to say whether this difference, and a few more ... have chronological significance or represent discrete, contemporary scribal traditions" (Finkelstein *et al.* 2008, 6), "an artificial script – no inner order" (Sass 2017, 131).

[117] Tappy *et al.* 2006, 33–34.

[118] Hamilton 2014, 45, fig. 11c.

[119] Mazar *et al.* 2013, 41, fig. 3.

[120] Cross 2003, 336, fig. 53.6.

[121] Ahituv, Mazar 2014, 47, fig. 8.

[122] Sebbane 2016, 640, fig. 19.1.

[123] Cross 2003, 331, fig. 53.1. For the coexistence of these shapes with the box-shaped *ḥet* see ibid., 222, 341; McCarter 2016, 647.

The innovative *mem* with a more or less horizontal head is attested as early as the Tel Zayit abecedary[124] and has been qualified as having "a surprisingly advanced appearance ... in the context of the rest of the abecedary, with its numerous archaic forms"[125]. Two *mem*s with clear-cut horizontal heads and, moreover, very long legs markedly curved to the left at their bottoms are seen on the Tel Rehov jar fragment (no. 2), dated by the editor to the 9th century[126]. These are very similar to later "classical" Hebrew types. In the same article, Mazar published another jar fragment, with the same chronological attribution, where the *mem* even features a small "foot"[127]. At the same time, an archaizing *mem* with a vertical zigzag is found as late as on the Royal Steward inscription[128].

A very clearly shaped "foot" of the *nun* is found on the ʕIzbet Ṣarṭah ostracon[129].

The У-shaped *waw* of the inscription is neither the early Phoenician bowl-headed type, nor the Y-type characteristic of some early Hebrew epigraphs. Still, it is hardly possible to say that the У-shape (and the likely related Ч-shape) are recent: as shown above, they are attested as early as the Gezer Calendar and the Tell eṣ-Ṣafi bowl fragment[130].

The ʕAzarbaʕal spatula features six *šin*s and nearly all of them belong to different, sometimes markedly dissimilar types, whereas several types of *waw* and *ḥet* clearly coexist in the Gezer calendar. Similar examples can easily be multiplied.

In any case, the inscription does not display any of the diagnostic features of the "classical" Hebrew epigraphic style[131]. Only the hypothetic *aleph* (no. 29) could point in this direction[132], but this identification is far from obvious.

One may summarize that hardly any decipherable sign of the inscription should be later than the ninth century. Since the *ḥet* (probably also the *dalet*) are typologically older than that, a certain degree of paleographic archaization is likely to be surmised. And since, in our view, archaization is best not to involve too long timespans, a mid-9th century seems a paleographically justified approximate dating.

3.4.2. Geographical setting

As far as we can see, a few letter shapes point to a Southern Canaanite (rather than Phoenician) setting of the inscription:

1. The *kap* is decidedly non-Phoenician: to the best of our knowledge, a combination of a symmetrical trident shape with a long, curved leg is never attested in this tradition[133].

---

[124] Tappy et al. 2006, fig. 16, 17 and cf. McCarter 2008, 54.

[125] Tappy *et al*. 2006, 36–37. Cf. also Maeir, Eshel 2014, 210, fig. 8 (a long-tailed *mem* with a horizontal lead from a Tell eṣ-Ṣafi jar inscription).

[126] Mazar 2003, 175, fig. 3, 177, fig. 4, with discussion.

[127] Mazar 2003, 178, fig. 3, 179, fig. 4.

[128] Vanderhooft 2014, 117.

[129] "As Kochavi has remarked, the curved lower leg is unparalleled and, I should add, probably misdrawn" (Cross 2003, 223). Since the letter in this shape appears thrice on the ostracon, it is hard to see how it could be "misdrawn".

[130] Coexistence of the two major types of *taw* (+ and × shaped) in early NWS epigraphs is discussed in Maeir 2008, 52.

[131] Like those gathered in Schniedewind 2005, 407.

[132] Vanderhooft 2014, 112.

[133] McCarter 2008, 54.

Conversely, this is a deeply rooted Palestinian form reflected in ʕIzbet Ṣarṭah, Tel Zayit, the Moabite stelas and in early Hebrew[134];

2. Each of the three *nun*s demonstrate, in a more or less pronounced way, "the tendency characteristic of the later Hebrew *nun* ... for the lengthening shaft to bend from right to left and then to curl upward at the end"[135]. This feature, characterizing this letter in most of the 9th century Hebrew (and Moabite) epigraphs, is practically unattested in Phoenician;

3. The inscription features a characteristically Hebrew *pe*, with a long, well pronounced "foot", very similar to the shape first attested in the Kuntillet ʕAjrud abecedary;

4. The broad *zayin* with two long horizontal bars and a very small space between them (letter no. 1, if correctly identified) contrasts sharply with the early Phoenician I-shaped *zayin* and comes close to the shapes attested in the Gezer calendar and the Tel Zayit abecedary[136].

Since there is hardly any shape that would radically contradict a Southern attribution of the epigraph, we may cautiously conclude that the cumulative evidence seems to locate the origin of the inscription in Southern Canaan (Palestine) rather than in Phoenicia.

4. TOWARDS A LINGUISTIC AND PHILOLOGICAL ANALYSIS

For obvious reasons, the interpretation of the text is faced with severe difficulties. In the absence of word-dividers, the narrow inventory of NWS graphemes (some of them, moreover, paleographically uncertain) can be combined into many alternative strings which, while more or less meaningful *per se*, may turn out quite meaningless in context. Besides, the text is, in all probability, typologically unique and does not seem to feature any proper names such as anthroponyms, theonyms or geographic designations[137].

With these limitations in mind, most specialists would probably agree that any attempt at a definitive understanding of the inscription is deemed to be a high-level linguistic and philological challenge. Our considerations below are, thus, of necessity preliminary and primarily intended to open the debate rather than to offer safe conclusions.

By far the most reliable string of letters that can be individualized is the sequence **ʕL** (no. 27–28). Both letters are paleographically straightforward, and since neither **KʕL**, nor **ʕLʔ**, nor **ʕLS**[138] are likely to be meaningful in NWS, **K** and **ʔ/S** should be separated from **ʕL** as belonging to what precedes and what follows respectively.

The ensuing sequence **ʕL** could be equated to the Hebrew preposition *ʕal* or to a form derived from the verbal root *ʕly* 'to be high, to go up' – a perfect or an imperative. The first and third options would agree with the "standard" orthography of epigraphic

---

[134] Demsky 1986, 191; Tappy *et al.* 2006, 35–36; Cross 2003, 222–223; Hamilton 2014, 47–49. Contrast Rollston 2008, 81–89 and cf. a summary in Vanderhooft 2014, 109.

[135] Tappy *et al.* 2006, 37.

[136] McCarter 2008, 53–54.

[137] If no. 8 is read as **W**, the ensuing sequence **ŠMYW** could represent a Yahwistic personal name **šəmūyāw*. Apart from its uncertain paleographic perspective, this solution does not seem to yield any promising avenue of interpretation for the text as a whole.

[138] To be sure, a form of *ʕls* 'to rejoice' (*HALOT* 836) is theoretically possible, but quite unlikely if only because of the very late attestations of this root in the Old Testament.

Hebrew[139]; the second would contradict it, but it is, of course, hard to say to what extent the "classical" *h*-writing was standard at such an early date as the one to be postulated for our text[140].

If no. 29 is read as *aleph*, the only feasible option is to join it to the next letter, individualizing the resulting sequence **ʔK** as the Hebrew adversative particle *ʔak* 'yet, but'. This would exclude the prepositional reading of the preceding **ʕL**.

If no. 29 is read as *samek*, possible interpretations of **SK** are also few in view of the rarity of *s* in Hebrew.

By far the most appealing one is the imperative of **nsk* 'to pour out', attested in Hebrew, Phoenician and Ugaritic in one of the two main semantic ramifications: 'to make a libation' and 'to cast metals (for molten images)' (*BDB* 652, *DNWSI* 735–736, 664–665, *DUL* 635–636). By Biblical standards, the imperative without *n* would not be normal here[141], but Ugaritic does provide an impressive piece of evidence in favor of such an early NWS form exactly for the root under scrutiny: *sk šlm l kbd ʔarṣ* 'Pour out peace into the bosom of the earth!' (*KTU* 1.3 iii 16)[142]. On this reading, the preceding **ʕL** can only be interpreted as the imperative of *ʕālā* 'to go/come up'.

Within an alternative, perhaps less likely approach, we could deal with a substantive *sk*, preceded by the preposition *ʕl* and, perhaps, followed by *-y*, either the masculine plural construct ending or the 1 sg. pronominal suffix. The only promising candidate for this identification is Hebrew *sōk*, *sukkā* 'hut, refuge' (*HALOT* 753), whose etymological *s* (rather than a late reflex of **ś*) seems to be assured by Ugaritic *sk* 'den, cove' (*DUL* 745).

Back to the linguistically unlikely sequence **KʕL** (no. 26–28). After **ʕL** is separated, the remaining **K** can either be joined to a preceding form or to be analyzed as an isolated word of its own.

What kind of "preceding form" could be posited here?

If no. 25 is read as *qop* and joined to the preceding (reliable) *bet* (no. 24), the ensuing **BQ** does not look promising, and even less so **BQK**. If it is read as *reš* (rather likely), an Aramaic-like **BR(K)** '(your) son' could theoretically be posited – or, at least superficially more likely, a form of *brk* 'to bless'. Both solutions leave the preceding, quite secure *dalet* (no. 23) without any promising parsing.

It stands to reason, therefore, that the *dalet* is to be integrated into the word under discussion, yielding a form of *dbr* 'to speak' or *dbq* 'to stick' – both well attested, reliable Hebrew roots. A natural step forward is to further integrate the preceding, rather unassailable **WY** (no. 21–22), thus producing a 3 sg. m. form of the prefix conjugation form with a *waw* consecutive, equivalent to Hebrew *wa-yyədabber* 'he spoke' or *wa-yyidbaq*

---

[139] No III*h* imperatives are attested in the Hebrew epigraphic corpus, but the *h*-less jussives *yhy* and *w-yrʔ* (Gogel 1988, 96; Renz 1995c, 217, 232) presuppose that the imperatives were also spelled without *-h*. The Moabite Mesha stele shows the same pattern (Dearman 1989, 104, 116). For a spelling without *-h* outside the short form of the prefix conjugation, cf. *qn ʔrṣ* 'possessor/creator of the earth' (Renz 1995b, 198).

[140] Spellings without *h* are, of course, standard in (post-Old Byblian) Phoenician.

[141] Gesenius 1910, 173. But cf. such exceptions as *gōšū* and *gōšī* from *nāgaš/yiggaš* (ibid.).

[142] Cf. Tropper 2012, 629 for a diachronic evaluation. Elsewhere in the Ugaritic corpus, *nsk* is used, *inter alia*, about rain poured down from the heaven: *ṭl šmm tskh* ‖ *rbb nskh kbkbm* 'Dew that the heaven pours down, ‖ drizzle poured down by the stars' (*KTU*1.3 ii 40–41).

'he stuck to'. These (especially the former) are, intuitively, quite suitable readings, which, alternative parsing options pending, are best accepted as a working hypothesis[143].

Since **K** as a 2 sg. object suffix can scarcely belong to either *wa-yyədabber* 'he spoke' or *wa-yyidbaq* 'he stuck to' (none of the two verbs is likely to be used with a direct object), we are compelled to interpret it as a one-letter independent lexical segment. For this, three theoretical possibilities are at hand:

1. The conjunction *kī*, which would not fit its standard orthography in the Hebrew inscriptions and the Old Testament (*ky*), but would fully correspond to the Phoenician norm (*k*) (*DNWSI* 497);
2. The comparative preposition *kə-*, orthographically blameless, but hard to coordinate with the following **ʕL** whatever it can mean;
3. The deictic adverb *kō* 'here' or 'thus' (*HALOT* 461), so far unattested in Hebrew inscriptions (but probably expected to be written with a final -*h*).

For the time being, the third solution appears the most promising. On this reading, *kō* may belong to either what precedes or what follows.

If the first option is preferred, the suitable meaning is 'thus': 'and he spoke thus'. This is an appealing solution because in the Old Testament *kō* is routinely used about speech events. Admittedly, the verb employed in such statements is *ʔāmar* rather than *dibbär* (*BDB* 462, meaning 1a), but this is, perhaps, not a crucial obstacle.

If the second option is accepted, *kō* would be used as a locative adverb modifying the following imperatives: 'come up here'.

Let us now turn to the paleographically reliable sequence **HMLNḤZBH** (no. 13–20). Discarding the unlikely possibility that **H** (no. 20) actually belongs to the following **WY** (to yield a form of Aramaic *hwy* 'to be'), we must join it to the preceding **B**. Since neither **ZBH** nor **ḤZBH** can yield anything of interest as a verbal or nominal form, we are compelled to interpret **BH** as a separate sequence, in all probability identical to Hebrew *bō* 'in it' in its – fully expected – early *h*-orthography.

The preceding **Z** (no. 18) – not unlike its possible antecedent (no. 1) – could be easily identified with a reflex of the Proto-Semitic deictic/relative element **ḏ*V. Combined with the following **BH**, that would yield an acceptable and even promising sequence: 'which (is) in it'. In this case, the preceding **Ḥ** (no. 17) must belong together with **N** (no. 16), in all probability as a form of **nwḥ* 'to have rest'. Since the preceding **L** (no. 15) can hardly be joined to either **M** or **HM** (no. 13–14), it has to be joined to **NḤ** as the purpose preposition. The latter would then represent an infinitive construct (= Hebrew *lā-nūaḥ*). As for the remaining **HM** (no. 13–14), it must represent the 3 pl. m. personal pronoun (= Hebrew *hēm*), either independent or suffixal. While not immediately yielding an acceptable syntagm, this line of interpretation is not to be neglected in the future discussion of the text.

Within a different, perhaps preferable approach, **ḤZ** (no. 17–18) is identified with the Hebrew verbal form *ḥāzā* 'he saw'. This is appealing since this verb is attested in the idiom *ḥāzā bə-* 'to look on intensely' (*BDB* 302, meaning 1c). This reading would produce out of no. 17–20 a syntactically and semantically promising sequence: **ḤZ BH** 'he

[143] In principle, **Y** (no. 22) can be joined to **D** (no. 23) to produce *yād* 'hand', but we were not successful to propose any further development for this line of thought.

saw him/her/it', 'he looked at him/her/it'. The preceding **HMLN** could theoretically be equivalent to Hebrew *ha-mmālōn* 'the lodging place' (*HALOT* 588), which, however, does not immediately yield any sense here. It is, therefore, more promising to divide it into **HM** and **LN**, interpreting the former as a 3 pl. m. personal pronoun (see above) and identifying the latter with Hebrew *lānū* 'for us'[144].

It is now time to turn to the initial part of the inscription (no. 1–12, whose analysis is hampered by several grave paleographic uncertainties (**Zʔ̣DTHŠMY??PKʔB**ʔ).

As pointed out above, *zayin* seems by far the most likely reading for the first letter of the inscription, even if *yod* cannot be entirely ruled out. As long as the reading **Z** is accepted[145], the letter could again be identified with PS **ḏV* 'this', a rather appropriate initial word for an inscription ('This (is) ...'). This solution is, however, difficult insofar as the following **DT** (or **DTH**) cannot be identified with any known NWS nominal lexeme. It stands to reason, therefore, that **Z** is to be jointed to the following **DT** (no. 2–3), yielding **ZDT**. This is vividly reminiscent of *zdh* in line 3 of the Siloam tunnel inscription, where the word occurs in the phrase *ky.hyt.zdh.bṣr*, intended to explain why the tunnelers were able to hear each other's voices at the final stage of the construction. The exact meaning of the word is hard to establish, 'crack' and 'resonance' being the two most widely discussed options[146].

If **ZDT** stands for a feminine substantive in the construct state (≈ Hebrew **zēdat*), we have to look for its *nomen rectum* in the following letters, and the immediately following **H**, easily identifiable with the definite article, is quite favorable for such a possibility. The main obstacle is the paleographic identification of no. 8.

If no. 8 is read as *mem*, the sequence **HŠMYM** (no. 4–8) can hardly be anything but Hebrew *ha-ššāmayim* 'the heaven'. Joined with **ZDT**, this would give **ZDT HŠMYM** = **zēdat ha-ššāmayim* 'crack (in) the heaven' or 'resonance (in) the heaven'. The former would provide a fine parallel to the famous 'rift in the clouds' in the Ugaritic Baʿlu Epic[147]. It would likely place the inscription in a mythological context and/or connect it with rainwater. In fact, 'resonance (in) the heaven' as a circumlocution for 'thunder' would point in the same direction. Linguistically, this reading would firmly assure the Judaean (vs. Phoenician, Israelite or Moabite) provenance of the text, as it is only in Southern Palestine that **ay* was not contracted[148]. The quite uncommon shape of the hypothetic *mem* must advise much caution at this point, however.

If one ventures to interpret no. 8 as a mirrored *ṣade* – what it looks like the most – the emerging sequence **YṢ?** (no. 7–9) can scarcely be separated from Hebrew *yāṣā*(*ʔ*)

---

[144] Judging from the *nḥnw* 'we' (Gogel 1998, 154), a final *waw* would then be expected in the spelling, but it is hard to see to what extent this very late (6th century) example can be relevant for the present purpose. The Phoenician norm is, of course, without *-w*.

[145] If the first letter is **Y**, the ensuing sequence **YDT** could be identified with *ydt* (= Hebrew *yādōt*) 'monuments' from the Jerusalem Ostracon 1 (Dobbs-Allsopp *et al.* 2005, 207–209; Renz 1995a, 310–311). We have no clue to the resulting contextual interpretation. The well-attested Phoenician word *ʔdt* 'lady' cannot be an option here since the first letter is not an *aleph* even in a most theoretical perspective.

[146] The literature on *zdh* is borderless, cf., among others, *KAI* II 187; Renz 1995a, 184–185; *DNWSI* 306; Dobbs-Allsopp *et al.* 2005, 503.

[147] Smith, Pitard 2009, 671.

[148] Garr 1985, 35–40.

'to go out' and its pan-Semitic cognates. The following string **PKBHM** (no. 10–12) can then be divided into **PK** 'your mouth' (= Hebrew *pīka*) and **BHM** 'in them' (= Hebrew *bāhäm*). This is an appealing possibility in view of the fact that there is a steady connection between 'mouth' and 'to go out' in Semitic: Ugaritic *b ph rgm l yṣʔ* 'The word has not yet gone out from his mouth' (*KAI* 1.19 ii 26), Akkadian *ina pī waṣû* (*CAD* A_2 371), Hebrew *yāṣā*(*ʔ*) *dābār mi-ppä* (*BDB* 423). This reading implies that instead of **HŠMYM** we must read **HŠM** (no. 4–6), equivalent to Hebrew *ha-ššēm* 'the name'.

The final part of the inscription (no. 31–38) reads **YRYNKY?N**. This is a hard nut to crack, not the least because of the uncertain identification of the penultimate grapheme.

The former two or three letters are likely to represent a doubly weak root **yry* (< **wry*). As long as the preceding element is read as *sk* 'pour out!', an appealing possibility is **yāriyu* 'early rain', reliably attested in Hebrew and Ugaritic as *yōrä* and *yr* respectively (*BDB*435, *DUL* 961). The following **N** (no. 34) could then be interpreted as the 1 pl. pronominal suffix *-nū*: 'our rain' = 'rain for us'.

As long as no. 37 is paleographically unclear, there can hardly be any reliable clue to **KY?N**. If read as *kap*, **YKN** could well represent **yakūn*(*u*), a 3 sg. m. prefix conjugation from **kwn* 'to be firm, reliable' or just 'to be'. The preceding **K** would be equivalent to *kī* or *kō*.

With all due caution, the following tentative reading of the inscription can be proposed:

zdt hšm yṣʔ pk bhm ln ḥz bh wydbr k ʕl sk yryn k yʔn

Translation. Resonance (of) the name. Your mouth (scil. 'speech, command') went out in them for us. He looked at it and said thus: "Come up! Pour down our rain! ..."

5. SOME PRELIMINARY REMARKS ON THE INSCRIPTION'S AUTHENTICITY

There is no need to stress that any object promising a certain cultural-historical value and, incidentally, found outside regular excavations is suspect to be a forgery. Our squeeze is no exception, all the more since the original artefact is, in all probability, lost and the circumstances in which the copy was made are not known to us. The suspicions can undoubtedly be strengthened by an entire constellation of unusual features characterizing the inscription: a rare carving technique; the presence of ligatures[149]; uncertain genre; difficulties in interpretation. In brief, the risk of forgery is by no means insignificant.

These legitimate concerns can be counter-balanced by the following considerations in favor of the inscription's authenticity.

To begin with, forgers usually fabricate their concoctions for one of the two principal purposes (which can, of course, be nicely combined): money and fame[150]. The second is not in issue here: the squeeze (let alone the original monument) has never been published and its very existence has been unknown. No scholar or dealer has ever profited from it to enhance his authority and prestige. It is similarly unclear what kind of material gain the hypothetic forger could obtain: the squeeze as such has no value whatsoever[151], and if the original artefact were ever sold and bought, such a striking event could hardly

[149] A feature well known to be indicative of fakes since the Moabitica times (Heide 2012, 205–206).

[150] Cf. Rollston 2003, 191–192 for a more nuanced typology.

[151] Indeed, to be best of our knowledge, forged estampages of NWS inscriptions have never featured in the authenticity debate.

have gone unnoticed, not the least because of the rather substantial costs such a deal would involve.

A fake squeeze presupposes a fake object. In our case, it must have been a stone artefact of quite serious dimensions – something very far from a clay figurine or an ostracon. This would require a lot of time, energy, and artistic skills. One may doubt that such serious resources could be waisted by somebody who would not see any clear material and/or reputational reward for his work.

As persuasively shown by Chr. Rollston[152], a *modern* forger has at his/her disposal an impressive array of technical and philological resources, which make him capable of producing objects nearly unassailable in both shape and contents. This was certainly not true, however, for an *early*, pre-WWI forger. True, the rather limited number of early NWS inscriptions known by that time *could* provide more or less reliable models for most of the signs featuring on the squeeze. A skillful potpourri of Mesha (1868), Zincirli (1893), Siloam (1882), Abibaʿal (1905), Zkr (1908) and Gezer (1909) *is* theoretically possible here, but it is an open question whether this was possible also in practice.

If it was, the academic background of the forger must have been more than exemplary: the letters are produced with utmost care (nothing remotely similar to the cheap Moabitica-like fabrications) and, as argued above, the inscription does not seem to display any serious paleographic mixture, either chronological or geographical. The letters are generally archaic and compatible with a South Canaanite location, and there is hardly any serious deviation from this picture.

The inscription does not copy or imitate any known ancient text[153]. Yet, at the same time, the letters do not seem to follow each other at random: for quite a number of sequences, fairly promising NWS (notably, Hebrew) readings can be proposed and defended. In fact, there is hardly any group of letters which would look overtly unnatural by the established standards of NWS. No artificial dialectal mixture (e.g. Hebrew and Aramaic) is in evidence. The forger must have been a good philologist, particularly for his epoch.

To recapitulate. The scholarly value of the squeeze is, in our view, fairly high, which has made its detailed publication an urgent task[154]. If eventually acknowledged as authentic[155], its paramount relevance for the history of NWS scripts, languages and cultures is self-evident. If proved to be a fabrication, this fabrication will be quite unique in the history of our discipline and must have an exciting detective story behind it. Not a small revolution in the field of Semitic epigraphy – or in the field of Semitic epigraphic fakes. Time will tell.

---

[152] Rollston 2003, 136–139; 2004, 70–71.

[153] For this feature characterizing many NWS forgeries see Rollston 2003, 142–150.

[154] In agreement with Heide's judicious dictum: "Non-provenanced antiquities cannot be ignored; they must be published and assessed ... The best way to deal with unprovenanced artifacts is to publish them and to wait for comments, reviews, and additional publications where applicable" (2012, 231–232).

[155] An in-depth laboratory analysis of the estampage's paper is scheduled for a near future. It is expected to fix with enough precision the origin and age of the material. There is hope, moreover, that microparticles of the original stone could be detected.

References

Abou-Assaf, A., Bordreuil, P., Millard, A. 1982: *La statue de Tell Fekherye et son inscription bilingue assyro-araméenne*. Paris.

Aharoni, Y. 1981: *Arad Inscriptions*. Jerusalem.

Aḥituv, Sh., Mazar, A. 2014: The inscriptions from Tel Reḥov and their contribution to the study of script and writing during Iron Age IIA. In: E. Eshel, Y. Levin (eds.), *"See, I Will Bring A Scroll Recounting What Befell Me" (Ps 40:8). Epigraphy and Daily Life from the Bible to the Talmud Dedicated to the Memory of Professor Hanan Eshel*. Göttingen, 39–68.

Al-Ghabban, A.I., André-Salvini, B., Demange, F., Juvin, C., Cotty, M. (eds.) 2010: *Roads of Arabia. Archaeology and History of the Kingdom of Saudi Arabia*. Paris.

Athas, G. 2003: *The Tel Dan Inscription. A Reappraisal and a New Interpretation*. Sheffield.

Avigad, N. 1953: The epitaph of a Royal Steward from Siloam Village. *Israel Exploration Journal* 3, 137–152.

Avigad, N., Sass, B. 1997: *Corpus of West Semitic Stamp Seals*. Jerusalem.

Balakhvantsev, A.S. 2016: The absolute chronology of Archaic Scythia: eastern benchmarks. In: A.S. Balakhvantsev, S.V. Kullanda (eds.), *Kavkaz i step' na rubezhe epokhi pozdney bronzy i rannego zheleza: materialy mezhdunzrodnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati Marii Nikolayevny Pogrebovoy* [*Caucasus and Steppes in the Late Bronze – Early Iron Age: Proceedings of the International Conference Dedicated to the Memory of Maria Nikolaevna Pogrebova*]. Moscow, 15–24.
Балахванцев, А.С. Абсолютная хронология архаической Скифии: восточные реперы. В сб.: А.С. Балахванцев, С.В. Кулланда (ред.), *Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа: материалы международной научной конференции, посвященной памяти Марии Николаевны Погребовой*. М., 15–24.

Basargina, Ye. Yu. 1995: [Russian Archaeological Institute in Constantinople: the archival collections]. In: I.P. Medvedev (ed.), *Arkhivy russkikh vizantinistov v Sankt-Peterburge* [*Archives of Russian Byzantinists in Saint Petersburg*]. Saint Petersburg, 62–92.
Басаргина, Е.Ю. Русский археологический институт в Константинополе: архивные фонды. В сб.: И.П. Медведев (ред.), *Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге*. СПб., 62–92.

Biran, A., Naveh, J. 1995: The Tel Dan inscription: a new fragment. *Israel Exploration Journal* 45, 1–18.

Bordreuil, P. 1977: Une inscription phénicienne champlevée des environs de Byblos. *Semitica* 27, 23–27.

Cross, F.M. 2003: *Leaves from an Epigrapher's Notebook: Collected Papers in Hebrew and West Semitic Palaeography and Epigraphy*. Winona Lake.

Cross, F.M., McCarter, K.P. 1973: Two archaic inscriptions on clay objects from Byblos. *Rivista di Studi Fenici* 1, 3–8.

Dearman, J.A. (ed.) 1989: *Studies in the Mesha Inscription and Moab*. Atlanta.

Demsky, A. 1986: The 'Izbet Ṣarṭah ostracon – ten years later. In: I. Finkelstein (ed.), *'Izbet Ṣarṭah. An Early Iron Age Site near Rosh Ha'ayin, Israel*. Oxford, 186–197.

Deutsch, R., Heltzer, M. 1999: *West Semitic Epigraphic News of the 1st Millennium BCE*. Tel Aviv.

Deutsch, R., Lemaire, A. 2000: *Biblical Period Personal Seals in the Shlomo Moussaieff Collection*. Tel Aviv.

Dobbs-Allsopp, F., Roberts, J., Seow, C., Whitaker, R. 2005: *Hebrew Inscriptions*: *Texts from the Biblical Period of the Monarchy with Concordance*. New Haven–London.

Dupont-Sommer, A., Starcky, J. 1958: *Les inscriptions araméennes de Sfiré* (*stèles I et II*). Paris.

Eshel, E., Notarius, T., Dagan, A., Eniukhina, M., Workman, V., Maeir, A. 2022: Two Iron Age alphabetic inscriptions from Tell eṣ-Ṣâfi/Gath, Israel. *Bulletin of the American Schools for the Oriental Research* 388, online first (no page numbers).

Finkelstein, I., Sass, B., Singer-Avitz, L. 2008: Writing in Iron IIA Philistia in the light of the Tēl Zayit/Zētā abecedary. *Zeitschrift des Deutschen Palästina-Vereins* 124, 1–14.

Garr, R. 1985: *Dialect Geography of Syria-Palestine. 1000–586 B.C.E.* Winona Lake.

Gesenius, W. 1910: *Hebrew Grammar*. Oxford.

Gogel, S. 1988: *A Grammar of Epigraphic Hebrew*. Atlanta.

Hamilton, G. 2014: Reconceptualizing the periods of early alphabetic scripts. In: J.A. Hackett, W. Aufrecht (eds.), "*An Eye for Form*": *Epigraphic Essays in Honor of Frank Moore Cross*. Winona Lake, 30–55.

Heide, M. 2012: The Moabitica and their aftermath. How to handle a forgery affair with an international impact. In: E. Lubetski, M. Lubetski (eds.), *New Inscriptions and Seals Relating to the Biblical World*. Atlanta, 193–241.

Herr, L. 2014: Aramaic and Ammonite seal scripts. In: J.A. Hackett, W. Aufrecht (eds.), "*An Eye for Form*": *Epigraphic Essays in Honor of Frank Moore Cross*. Winona Lake, 175–186.

Lemaire, A., Sass, B. 2013: The mortuary stele with Sam'alian inscription from Ördekburnu near Zincirli. *Bulletin of the American Schools for Oriental Research* 369, 57–136.

Maeir, A., Eshel, E. 2014: Four short alphabetic inscriptions from Late Iron Age IIa Tell eṣ-Ṣafi/Gath and their implications for the development of literacy in Iron Age Philistial and Environs. In: E. Eshel, Y. Levin (eds.), *"See, I Will Bring A Scroll Recounting What Befell Me" (Ps 40:8). Epigraphy and Daily Life from the Bible to the Talmud Dedicated to the Memory of Professor Hanan Eshel*. Göttingen, 69–88, 205–210.

Maeir, M., Wimmer, S., Zukerman, A., Demsky, A. 2008: A late Iron Age I / early Iron Age II Old Canaanite inscription from Tell eṣ-Ṣâfī/Gath, Israel: palaeography, dating, and historical-cultural significance. *Bulletin of the American Schools of Oriental Research* 351, 39–71.

Mazar, A. 2003: Three 10th–9th century BCE inscriptions from Tel Rehov. In: C. den Hertog, U. Hübner, S. Münger (eds.), *Saxa loquentur. Studien zur Archäologie Palästinas/Israels. Festschrift für Volkmar Fritz zum 65. Geburtstag*. Münster, 171–184.

Mazar, E., Ben-Shlomo, D., Aḥituv, S. 2013: An inscribed pithos from the Ophel, Jerusalem. *Israel Exploration Journal* 63, 39–49.

McCarter, K.P. 1975: *The Antiquity of the Greek Alphabet and the Early Phoenician Scripts*. Missoula.

McCarter, K.P. 2008: Paleographic notes on the Tel Zayit abecedary. In: R. Tappy, P.K. McCarter (eds.), *Literate Culture and Tenth-Century Canaan*: *The Tel Zayit Abecedary in Context*. Winona Lake, 45–59.

McCarter, K.P., Bunimovitz, S., Lederman, Z. 2011: An archaic Baal inscription from Tel Beth-Shemesh. *Tel Aviv* 38, 179–193.

Meshel, Z. 2012: *Kuntillet ʿAjrud* (*Ḥorvat Teman*). *An Iron Age II Religious Site on the Judah-Sinai Border*. Jerusalem.

Millard, A. 1970: "Scriptio Continua" in early Hebrew: ancient practice or modern surmise? *Journal of Semitic Studies* 15, 2–15.

Möller, G. 1909: *Hieratische Paläographie*. Bd.I. Leipzig.

Naveh, J. 1973: Word division in West Semitic writing. *Israel Exploration Journal* 23, 206–208.

Naveh, J. 1982: *Early History of the Alphabet. An Introduction to West Semitic Epigraphy and Palaeography*. Jerusalem.

Osborne, J. 2020: *The Syro-Anatolian City-States: An Iron Age Culture*. New York.

Pardee, D. 2009: A new Aramaic inscription from Zincirli. *Bulletin of the American Schools for Oriental Research* 356, 51–71.

Pavlichenko, N.A. 2018: The squeezes of Greek inscriptions in the collection of the Russian Archaeological Institute in Constantinople]. In: I.V. Tunkina (ed.), *Millerovskiye chteniya-2018: Preyemstvennost i traditsii v sokhranenii i izuchenii dokumentalnogo akademicheskogo naslediya. Materialy II Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 24–26 maya 2018 g.*, *Sankt-Peterburg* [*Müller Conference 2018. Continuity and Traditions in Preserving and Studying Documentary Academic Heritage. Materials of the 2nd International Scientific Conference. May 24–26, 2018, St. Petersburg*]. Saint Petersburg, 465–473.

Павличенко, Н.А. Коллекция эстампажей греческих надписей в фонде Русского Археологического института в Константинополе. В сб.: И.В. Тункина (ред.), *Миллеровские чтения–2018. Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия. Материалы II Международной научной конференции 24–26 мая 2018 г., Санкт-Петербург*. СПб., 465–473.

Pilkington, N. 2019: *The Carthaginian Empire*: *550–202 BCE*. New York.

Renz, J. 1995a: *Die althebräischen Inschriften*. Teil 1. *Text und Kommentar* (Handbuch der althebräischen Epigraphik, I). Darmstadt.

Renz, J. 1995b: *Die althebräischen Inschriften*. *Texte und Tafeln* (Handbuch der althebräischen Epigraphik, III). Darmstadt.

Renz, J. 1995c: *Die althebräischen Inschriften*. Teil 2. *Zusammenfassende Erörtungen*, *Paläographie und Glossar* (Handbuch der althebräischen Epigraphik, II/1). Darmstadt.

Roche, M.-J. 2020: Inscriptions en champlevé de Taymāʾ. *Semitica* 62, 163–205.

Rollston, C. 2003: Non-provenanced epigraphs I: pillaged antiquities, Northwest Semitic forgeries, and protocols for laboratory tests. *Maarav* 10, 135–193.

Rollston, C. 2004: Non-provenanced epigraphs II: the status of non-provenanced epigraphs within the broader corpus of Northwest Semitic. *Maarav* 11, 57–79.

Rollston, C. 2008: The Phoenician script of the Tel Zayit abecedary and putative evidence for Israelite literacy. In: R. Tappy, P.K. McCarter (eds.), *Literate Culture and Tenth-Century Canaan: The Tel Zayit Abecedary in Context*. Winona Lake, 61–96.

Rollston, C. 2014a: The Iron Age Phoenician script. In: J.A. Hackett, W. Aufrecht (eds.), "*An Eye for Form*": *Epigraphic Essays in Honor of Frank Moore Cross*. Winona Lake, 72–99.

Rollston, C. 2014b: Northwest Semitic cursive scripts of Iron II. In: J.A. Hackett, W. Aufrecht (eds.), "*An Eye for Form*": *Epigraphic Essays in Honor of Frank Moore Cross*. Winona Lake, 202–234.

Sass, B. 2017: The emergence of monumental West Semitic alphabetic writing with an emphasis on Byblos. *Semitica* 59, 109–141.

Sass, B., Garfinkel, Y., Hasel, M., Klingbeil, M. The Lachish jar sherd: an early alphabetic inscription discovered in 2014. *Bulletin of the American Schools for the Oriental Research* 374, 233–245.

Schmitz, P.C. 2008: Deity and royalty in dedicatory formulae: the Ekron store-jar inscription viewed in the light of Judges 7:18, 20 and the inscribed gold medallion from the Douïmès necropolis at Carthage (KAI 73). *Maarav* 15/2, 165–173.

Schmitz, P.C. 2014: Phoenician seal script. In: J.A. Hackett, W. Aufrecht (eds.), "*An Eye for Form*": *Epigraphic Essays in Honor of Frank Moore Cross*. Winona Lake, 141–174.

Schniedewind, W. 2005: Problems in the paleographic dating of inscriptions. In: T. Levy, T. Higham (eds.), *The Bible and Radiocarbon Dating: Archaeology, Text and Science*. Oakville, 405–412.

Sebbane, M. 2016. *ḥnn* gaming board: two-sided gaming board fragment bearing an ownership inscription. In: S. Bunimovitz, Z. Lederman (eds.), *Tel Beth-Shemesh: A Border Community in Judah: Renewed excavations 1990–2000: The Iron Age*. Tel Aviv, 639–646.

Smith, M., Pitard, W. 2009: *The Ugaritic Baal Cycle*. Vol. II. *Introduction with Text, Translation and Commentary of KTU/CAT 1.3–1.4.* Leiden.

Stager, L. 1969: An inscribed potsherd from the eleventh century. *Bulletin of the American Schools of Oriental Research* 194, 45–52.

Tappy, R., McCarter, P.K., Lundberg, M., Zuckerman, B. 2006: An abecedary of the mid-tenth century from the Judean Shephelah. *Bulletin of the American Schools for Oriental Research* 344, 5–46.

Tropper, J. 1993: *Die Inschriften von Zincirli. Neue Edition und vergleichende Grammatik des phönizischen, samʾalischen und aramäischen Textkorpus*. Münster.

Tropper, J. 2012: *Ugaritische Grammatik*. Münster:

Tunkina, I. V., Bondar, L. D., Ponikarovskaya, M. V., Pavlichenko, N. A., Chernova N.V. 2020: [The squeezes of the Russian Archaeological Institute in Constantinople (1895–1914) in the collection of the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences: scientific restoration, comprehensive study, creation of high-precision digital 3D models]. *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal* [*Saint-Petersburg Historical Journal*] 4 (28), 194–203.
Тункина И.В., Бондарь Л.Д., Поникаровская М.В., Павличенко Н.А., Чернова Н.В. Эстампажи Русского археологического института в Константинополе (1895–1914) в собрании Санкт-Петербургского филиала Архива РАН: Научная реставрация, комплексное изучение, создание высокоточных цифровых 3D-моделей. *Петербургский исторический журнал*. 2020. № 4 (28). С. 194–203.

Vanderhooft, D. 2014: Iron Age Moabite, Hebrew, and Edomite monumental scripts. In: J.A. Hackett, W. Aufrecht (eds.), "*An Eye for Form*": *Epigraphic Essays in Honor of Frank Moore Cross*. Winona Lake, 107–126.

Wimmer, S. 2008: *Palästinisches Hieratisch: die Zahl- und Sonderzeichen in der althebräischen Schrift*. Wiesbaden.

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Vestnik drevney istorii
82/4 (2022), 941–957
© The Author(s) 2020

Вестник древней истории
82/4 (2022), 941–957
© Автор(ы) 2020

DOI: 10.31857/S032103910023597-9

«В СВОЕЙ НАУЧНОЙ РАБОТЕ А.В. МИШУЛИН ОБЫЧНО ИЗБЕГАЕТ ПРОТОРЕННЫХ ПУТЕЙ...»

Отзыв А.Б. Рановича о докторской диссертации А.В. Мишулина

А. И. Клюев[1], О. В. Метель[2]

[1, 2] *Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия*

[1] *E-mail*: kluevartem@mail.ru [2] *E-mail*: olgametel@yandex.ru

[1]*ORCID*: 0000-0003-0123-9008 [2]*ORCID*: 0000-0001-6981-6137

К публикации представлены отзывы А.Б. Рановича на диссертацию А.В. Мишулина «Античная Испания и ее вступление в борьбу за независимость (до установления римской провинциальной системы в 197 г. до н.э.)», защищенную автором в июле 1943 г. в Институте истории АН СССР. По нашему мнению, участие А.Б. Рановича в данном диссертационном диспуте было связано со стремлением А.В. Мишулина заручиться положительными отзывами на свою работу со стороны ближайших коллег, а А.Б. Ранович был не просто хорошо знаком с диссертантом, но и отчасти был обязан ему своей научной карьерой. Именно поэтому мы полагаем, что в своих оценках диссертационного исследования А.В. Мишулина А.Б. Ранович конструировал образ «свежей научной работы, основанной на глубокой проработке источников», тогда как авторы 1950–1980-х годов полагали, что А.В. Мишулину удалось лишь собрать большой материал по данной теме и привлечь к ней внимание советских историков-марксистов.

Ключевые слова: А.Б. Ранович, А.В. Мишулин, советская историография, диссертационные исследования, Институт истории АН СССР, античная Испания

Данные об авторах. Артем Игоревич Клюев – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского; Ольга Вадимовна Метель – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ МК-309.2020.6 «Советская историческая наука 1940–1980-х гг.: опыт институциональной истории».

«A.V. MISHULIN USUALLY AVOIDS THE BEATEN TRACKS IN HIS SCHOLARLY WORK...»

A.B. Ranovich's review of A.V. Mishulin's doctoral dissertation

Artem I. Klyuev[1], Olga V. Metel[2]

[1, 2] *Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia*
[1] *E-mail*: kluevartem@mail.ru [2] *E-mail*: olgametel@yandex.ru

Acknowledgements: Grant of the President of the Russian Federation, project no. MK-309.2020.6

We publish A.B. Ranovich's review on A.V. Mishulin's dissertation "Ancient Spain and its entry into the struggle for independence (before the establishment of Roman provincial system in 197 B.C.)", which was defended in 1943 at the Institute of History of the USSR Academy of Sciences. In our opinion, A.B. Ranovich's participation in this dissertation's disputation was connected with A.V. Mishulin's ambition to get positive feedback on his work from his closest colleagues, and A.B. Ranovich was not only well acquainted with the thesis candidate, but also partly owed to him his own academic career. That, in our opinion, is the reason why A.B. Ranovich gave such a positive review on dissertation research casting it as 'an original scholarly work based on a deep study of the sources', while the authors of the 1950s and 1980s thought that A.V. Mishulin only managed to collect a lot of material on this topic and attract the attention of Soviet Marxist historians to it.

Keywords: A.B. Ranovich, A.V. Mishulin, Soviet historiography, dissertation, Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR, ancient Spain

Для истории советской исторической науки 1930–1940-х годов фигура А.В. Мишулина (1901–1948), известного историка античности и «руководителя» данного участка «исторического фронта», на первый взгляд, кажется весьма типичной. «Выдвиженец» эпохи «культурной революции», отличавшийся «правильным» социальным происхождением, безоговорочным принятием Октября и ортодоксальными марксистскими взглядами, А.В. Мишулин уже в начале 1930-х годов сделал серьезную заявку на быстрое продвижение по карьерной лестнице, возглавив секцию древней истории Института истории Ленинградского отделения Коммунистической академии и избрав для анализа актуальный сюжет, связанный с изучением рабских восстаний в древнем мире. Формально такая стратегия казалась успешной: к середине 1930-х годов ученый приобрел устойчивое положение в рамках научного сообщества историков Москвы и являлся одним из признанных разработчиков популярной в то время теории «революции рабов». Более того, крутые «повороты» партийного курса, кардинально изменившие положение на «историческом фронте» во второй половине 1930-х годов, А.В. Мишулина практически не коснулись, и в довоенный период он не только возглавлял сектор древней истории Института истории АН СССР и преподавал на историческом факультете МГУ, но и являлся главным редактором «Вестника древней истории» – первого специализированного советского журнала, посвященного изучению истории древневосточных и античных обществ[1].

[1] Karpyuk 2017.

Однако, признанный и обласканный властью, А.В. Мишулин не смог так же быстро и легко получить признание со стороны коллег. Последние высказывали серьезные сомнения относительно выводов ученого и в период его обучения в аспирантуре, и в более поздние годы[2]. Так, серьезной критике была подвергнута монография А.В. Мишулина «Спартаковское восстание. Революция рабов в I в. н.э.», вышедшая в 1936 г. и, вероятно, самим автором рассматривавшаяся как серьезный вклад в разработку марксистской версии истории древнего мира[3]. Казалось бы, данная работа действительно отвечала требованиям того времени – она была посвящена актуальной теме, выполнена в русле марксистской теории и содержала богатый документальный материал. Однако вместо признания научных заслуг А.В. Мишулина советские антиковеды высказали в его адрес целый ряд серьезных замечаний. К примеру, П.Ф. Преображенский, сам в 1920-е годы уделявший немало внимания «актуальным» историческим сюжетам[4], в тексте рецензии настаивал на том, что А.В. Мишулин «весьма неумело пользуется своими источниками и их названиями» и только «стремится быть самым настоящим исследователем, что ему не всегда удается»[5]. Подобные замечания, появившиеся в официальной печати, звучали и в кулуарах. По свидетельству Л.Е. Ельницкого, в 1930–1940-е годы сотрудничавшего с редакцией «Вестника древней истории» и в целом неплохо относившегося к А.В. Мишулину, известный археолог Б.Н. Граков в частных беседах неоднократно иронизировал над работой историка о Спартаке, утверждая, что тот «искал-искал в греческом словаре ξ, да так и не нашел, бросил»[6]. Более того, если согласиться с отнюдь не бесспорной аргументацией современного историографа А.М. Скворцова, даже положительный отзыв С.И. Ковалёва о работе А.В. Мишулина о восстании Спартака, позволивший московскому ученому получить степень кандидата исторических наук без защиты диссертации[7], впоследствии был дезавуирован ленинградским антиковедом[8].

Подобные оценки, о которых А.В. Мишулин, безусловно, был осведомлен, тем более что часть из них была высказана в открытой печати, с одной стороны, не могли помешать продвижению историка по карьерной лестнице. Однако в то же время они препятствовали формированию целостного образа А.В. Мишулина как крупного ученого и квалифицированного специалиста, претендовавшего на роль одного из руководителей такой области «исторического фронта», как советское антиковедение. Возможно, именно поэтому на рубеже 1930–1940-х годов главный редактор «Вестника древней истории» уделял столь пристальное внимание подготовке и защите своей докторской диссертации, с помощью которой, как считает А.М. Скворцов, А.В. Мишулин

---

[2] Skvortsov 2019, 304.

[3] Mishulin 1936.

[4] Preobrazhenskiy 1926.

[5] Preobrazhenskiy 1936, 207. В качестве рецензии, оценивающей труд А.В. Мишулина преимущественно в позитивном ключе, можно указать работу Baskin 1936.

[6] El'nitskiy 2014, 59.

[7] АРАН. Ф. 478. Оп. 1. Д. 47. Л. 6.

[8] Skvortsov 2019, 305; Skvortsov 2017, 221. Следует, впрочем, принять во внимание тот факт, что, как указывает А.М. Скворцов, С.И. Ковалёв изменил позицию в вопросе о квалификации А.В. Мишулина только после своего ареста в 1939 г., и именно поэтому, на наш взгляд, к таким данным стоит относиться с осторожностью.

стремился «заслужить авторитет в учёном сообществе»[9]. Недаром он избрал для разработки «респектабельную» академическую проблему, которой при этом придал и известную научную (разработка советскими марксистами 1930–1940-х годов проблем этногенеза[10]), и общественную (изучение истории освободительной борьбы различных народов против иноземного господства в годы Великой Отечественной войны[11]) актуальность, и посвятил ей несколько лет полноценного научного труда.

Впрочем, работа над диссертацией велась А.В. Мишулиным в непростых условиях. Ведь он приступил к разработке истории древней Испании в конце 1930-х годов, во всяком случае, именно тогда в печати появились его первые публикации по этой теме[12]. В 1940 г. он получил сталинскую стипендию[13], позволившую антиковеду, как ранее отмечали исследователи, отказаться от части административных функций в Академии наук СССР[14]. Однако начавшаяся в июне 1941 г. Великая Отечественная война внесла известные коррективы в планы ученого. Осенью того же года А.В. Мишулин в числе других преподавателей исторического факультета МГУ был эвакуирован в Ашхабад, а летом 1942 г. он оказался в Свердловске. И хотя общие условия военного времени, связанные с отсутствием доступа к необходимым источникам и научной литературе, в целом не способствовали интенсивной научной работе, все же спустя год, т.е. летом 1943 г., текст докторской диссертации А.В. Мишулина «Античная Испания и ее вступление в борьбу за независимость (до установления римской провинциальной системы в 197 г. до н.э.)» был представлен к защите[15]. Сама же

---

[9] Skvortsov 2019, 307.

[10] Shnirel'man 1993.

[11] Последний из названных аспектов приобрел особую актуальность в годы Великой Отечественной войны, когда перед историками не раз ставилась задача широкого использования фактов из истории освободительных движений прошлых столетий в военно-исторической пропаганде. Причем речь шла не только об истории народов СССР. Как утверждал Ем. Ярославский, для борьбы с врагом каждый советский ученый должен «перебрать весь арсенал исторической науки в той области, которую он лучше всего изучил». См. Yaroslavskiy 1942, 17.

[12] Mishulin 1939.

[13] Editorial 1948, 138.

[14] Karpyuk 2021, 88. С.Г. Карпюк уже акцентировал внимание коллег на том, что в 1940 г. А.В. Мишулин специально передал руководство сектором древней истории Института истории АН СССР своему ленинградскому коллеге С.А. Жебелёву, тем самым получив возможность работать над текстом диссертации, и сохранил за собой в качестве дополнительной административной нагрузки лишь позицию в отделе науки ЦК ВКП(б).

[15] Заметим, что на протяжении Великой Отечественной войны процесс подготовки и защиты кандидатских и докторских диссертаций советскими историками не только не прекратился, но и стал даже более интенсивным, чем в довоенное время. Отчасти этому способствовало упрощение процедуры защиты, которая для тех авторов, кто находился на фронте, могла носить заочный характер. См. Gruzdeva 2013, 241. В результате, по данным Г.Д. Бурдея и Л.И. Бородкина, в 1941–1944 гг. ВАК утвердил в степени доктора наук (по всем специальностям) 2000 человек, а степень кандидата наук в тот же период была присвоена 9000 специалистов. См. Burdey, Borodkin 1993, 109. Если же говорить о сотрудниках Института истории АН СССР, то в 1942–1943 гг. докторами наук стали четыре члена сектора древней истории: Н.А. Машкин, В.И. Авдиев, М.А. Коростовцев и А.В. Мишулин. См. Yulkina 1946, 203.

защита состоялась 8 июля 1943 г. в Москве на заседании Ученого совета Института истории АН СССР[16].

Если исходить из официальных данных, то защита докторской диссертации действительно сыграла ту роль в научной карьере А.В. Мишулина, на которую, по-видимому, рассчитывал сам автор, т.е. она обеспечила признание его заслуг в разработке отдельной научной проблемы. Недаром в официальной периодике тех лет неоднократно звучал тезис о «выдающемся научном значении» труда А.В. Мишулина[17] (ранее рекомендованного к публикации Ученым советом Института истории АН СССР), в котором ему удалось «путем изучения огромного материала археологических публикаций и письменных источников разрешить вопрос о возникновении иберийской культуры и народа (этногенез), определить место культуры иберов среди других культурных явлений Средиземноморья, показать, что древние иберы находились на той стадии общественного развития, которая носит название “военная демократия”»[18]. При этом официальные отчеты о других диссертациях, защищенных сотрудниками Института истории АН СССР в годы войны, были более сдержанными[19].

Однако «полоса признания» научных заслуг А.В. Мишулина оказалась относительно недолгой. И уже в рецензии на посмертно изданную монографию «Античная Испания до установления римской провинциальной системы в 197 г. до н.э.», появившейся в 1954 г. на страницах «Вестника древней истории», Е.Ф. Плотникова, хотя и признавала, что заслугой автора являлось «создание научного фундамента для советской испанологии», отмечала также спорный характер многих его выводов[20]. В дальнейшем же советские исследователи и вовсе предпочитали обходить молчанием содержательную часть диссертации А.В. Мишулина, сводя все его заслуги к привлечению внимания историков-марксистов к периферии греко-римского мира и собиранию источникового материала по истории древней Иберии[21]. А в мемориальных статьях, появлявшихся на страницах «Вестника древней истории» в 1950–1970-е годы, их авторы специально акцентировали внимание читателей на том, что советскому историку приходилось работать над диссертацией в тяжелых условиях военного времени, и это не могло не отразиться на качестве проводимого им исследования[22].

Столь заметная смена оценок труда А.В. Мишулина и его общего вклада в развитие советского антиковедения, который все больше сводился к успехам московского ученого на ниве организационной деятельности, на наш взгляд, является вполне закономерной. Ведь высокие оценки труда А.В. Мишулина, которого, по мнению современных историографов, и вовсе нельзя похвалить «ни за богатство трактовок, ни за широту обобщений, ни за уникальную обработку

---

[16] АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 72. Л. 1–82.
[17] Yulkina 1946, 203.
[18] Shepunova 1946, 207.
[19] Shepunova 1946, 207–208.
[20] Plotnikova 1954, 64.
[21] Shofman 1985, 194.
[22] Editorial 1958, 171.

фактического материала»[23], в первой половине 1940-х годов могли быть связаны с целым рядом внешних факторов. К числу таковых можно отнести и статус диссертанта как сталинского стипендиата и видного руководителя «исторического фронта», и обстоятельства военного времени, сделавшие актуальным изучение борьбы различных народов за свою независимость[24], и даже некоторые аспекты самой процедуры защиты, умело организованной историком.

Так, говоря о последнем из названных факторов, укажем, что А.В. Мишулин весьма ответственно подошел к выбору официальных оппонентов, пригласив на эту роль ведущих советских историков того времени – академика В.В. Струве, археолога А.В. Арциховского и специалистов по истории античности Н.А. Машкина и А.Б. Рановича[25]. Безусловно, каждый из них должен был внести свой вклад в получение А.В. Мишулиным ученой степени доктора исторических наук, подтвердив как общий уровень представленного исследования (В.В. Струве), так и его отдельные составляющие (качество работы с археологическим материалом мог оценить А.В. Арциховский, работу с античными памятниками – Н.А. Машкин и А.Б. Ранович). Однако, как ранее подчеркивал А.М. Скворцов, два из четырех представленных оппонентов были близкими коллегами А.В. Мишулина, и их участие в защите не вполне соответствовало утвержденным процедурам[26]. И вряд ли мы можем объяснить этот факт только лишь узостью сообщества советских историков древности. Скорее всего при выборе оппонентов свою роль сыграли и их отношения с диссертантом. В случае с Н.А. Машкиным нельзя не отметить, что в 1942 г. А.В. Мишулин выступал в качестве оппонента на защите его докторской диссертации «Принципат Августа, его происхождение и социальная сущность»[27]. А А.Б. Ранович (1885–1948), признанный советский «классик» в изучении древнееврейской религии и истории раннего христианства, не без участия автора «Античной Испании...» получил и ученые степени, и научные должности (МО ГАИМК, Институт истории АН СССР[28], редакция «Вестника древней истории»)[29].

Таким образом, приглашая Н.А. Машкина и А.Б. Рановича дать заключение о представленной работе, А.В. Мишулин, очевидно, мог надеяться на их благосклонные отзывы. И, в целом, коллеги не обманули его ожиданий. Как свидетельствуют материалы защиты, находящиеся в Архиве Российской академии наук, Н.А. Машкин в своей речи настаивал на том, что в этом «оригинальном труде, основанном на изучении источников и литературы», впервые на русском языке были решены вопросы испанской истории[30]. А.Б. Ранович в прениях и вовсе убеждал собравшихся, что А.В. Мишулин как зрелый ученый, занимавший «руководящее место» в советском антиковедении, мог получить ученую степень доктора исторических наук по совокупности своих прежних трудов, но он решил

[23] Krikh 2015, 185.
[24] Pankratova 1942, 147.
[25] Shepunova 1946, 207.
[26] Skvortsov 2019, 300.
[27] См. Shepunova 1946, 207.
[28] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 16. Л. 11 об.
[29] Klyuev, Metel 2018, 254–255.
[30] АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 72. Л. 28.

пойти более сложным путем и подготовил данную диссертацию[31]. Иным словами, мы полагаем, что стенограмма заседания Ученого совета Института истории АН СССР во многом подтверждает нашу гипотезу о том, что оппоненты были благосклонны к А.В. Мишулину не в последнюю очередь в связи с его особым положением в научной корпорации[32].

Однако даже в этих положительных заключениях, хотя бы в силу принятой традиции, должны были присутствовать элементы критики. И именно они могут быть нам полезны при изучении последующей эволюции образа А.В. Мишулина в сообществе советских историков древности, указывая на те слабые места его концепции, которые были готовы подчеркнуть современники. Безусловно, во многом эту информацию мы можем получить благодаря сохранившейся стенограмме защиты. Но в ней все же даны довольно краткие выступления оппонентов. А между тем в результате архивного поиска нами были обнаружены более развернутые отзывы на докторскую диссертацию А.В. Мишулина, принадлежащие перу А.Б. Рановича и позволяющие существенно уточнить и дополнить сведения о его выступлении, сохранившиеся в материалах заседаний Ученого совета Института истории АН СССР[33].

Данные документы хранятся в личном фонде А.Б. Рановича в Научном архиве ИРИ РАН, где они представлены в трех экземплярах: одном машинописном и двух рукописных[34]. Первый из них озаглавлен «Рецензия на диссертацию А.В. Мишулина “Древняя Иберия”» (сверху синим карандашом от руки А.Б. Ранович написал правильный вариант названия диссертации – «Античная Испания и ее вступление в борьбу за независимость») и отпечатан на пишущей машинке на одном листе бумаги с двух сторон[35]. Каких-либо исправлений данный текст не содержит. С текстом машинописного экземпляра отзыва полностью совпадает один из его рукописных вариантов[36]. Этот документ был написан автором синими чернилами с двух сторон на одном листе бумаги. На обратной стороне данного экземпляра автором сделаны небольшие пометки, представляющие собой указания страниц, на которых А.В. Мишулиным была изложена та или иная мысль. Например, А.Б. Ранович указывал: «268–70 – военная демократия»[37]. Этот вариант отзыва, в рукописной форме датированный 24 июня 1943 г., вероятно, представлял собой «официальную» версию заключения рецензента, предназначенную для членов Ученого совета и сотрудников ВАК.

Что касается второго экземпляра рукописного отзыва, то он значительно больше по объему и машинописного, и совпадающего с ним рукописного вариантов[38]. Он написан автором синими чернилами на шести листах разного размера и содержит вставки, пометы и исправления. Полагаем, что именно этот

---

[31] АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 72. Л. 52 об.

[32] АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 72. Л. 40. Недаром В.В. Струве в прениях специально акцентировал внимание собравшихся, что диссертацию защищает сталинский стипендиат.

[33] АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 72. Л. 18–19.

[34] НА ИРИ РАН. Ф. 41. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–8.

[35] НА ИРИ РАН. Ф. 41. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–1 об.

[36] НА ИРИ РАН. Ф. 41. Оп. 1. Д. 24. Л. 2–2 об.

[37] НА ИРИ РАН. Ф. 41. Оп. 1. Д. 24. Л. 2 об.

[38] НА ИРИ РАН. Ф. 41. Оп. 1. Д. 24. Л. 3–8.

текст А.Б. Ранович планировал озвучить 8 июля 1943 г. на защите диссертации А.В. Мишулина. Во всяком случае, в нем он подчеркнул не только положительные качества диссертационного исследования, но и отметил некоторые спорные моменты, требующие дальнейшего обсуждения.

В рамках настоящей работы мы приняли решение опубликовать как краткую машинописную версию, так и полный рукописный вариант отзыва А.Б. Рановича, поскольку в таком случае историографы получают возможность в полной мере представить практики «моделирования» научного авторитета А.В. Мишулина, использованные А.Б. Рановичем как официальным оппонентом. Тексты отзывов публикуются нами в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации и снабжены необходимыми комментариями, при подготовке которых мы сделали выбор в пользу пояснения информации историографического характера, оставив без внимания конкретный исторический материал (события, исторические персонажи и др.). Хотя некоторые пояснения отдельных специальных названий мы все же добавили. Все пометы и исправления, сделанные А.Б. Рановичем в тексте рукописного варианта отзыва, указаны нами в примечаниях.

Рецензия на диссертацию А.В. Мишулина «Древняя Иберия»[39]

Диссертация А.В. Мишулина написана на тему, слабо разработанную в западноевропейской науке и совершенно не затронутую в русской историографии[40]. Иберия интересовала историков лишь поскольку она была объектом завоевания со стороны карфагенян и римлян, и ранняя самостоятельная история Иберии оставалась неисследованной. Лишь в XX в. археологи и историки всерьез начали заниматься исследованием памятников иберийской культуры, но до сих пор не существует его[41] связной, законченной и научно вполне обоснованной истории древней Иберии. А.В. Мишулин систематизировал и критически исследовал все существующие вещественные и литературные источники по истории Иберии до 197 г. до н.э., изучил всю имеющуюся и доступную литературу вопроса и на этой основе создал стройную историю Иберии. Основная мысль автора состоит в том, что иберы создали самостоятельную высокую культуру и стояли на пороге цивилизации, когда подверглись иноземному завоеванию. Это завоевание приостановило рост самобытной иберской культуры; но достигнутая иберами ступень общественного развития дала этому народу силу в течение двух веков упорно сопротивляться римскому владычеству. Это положение убедительно доказывается автором на основе анализа источников. Автор старается там, где литературные свидетельства недостаточны или сомнительны, опираться в своих выводах на показания археологических памятников, проверяя и подкрепляя ими данные древних авторов. Понятно, при относительной скудости источников (в частности, язык иберов до сих пор не расшифрован), автору приходится в ряде случаев выдвигать лишь более или менее правдоподобные гипотезы, не всегда имеющие твердую

[39] Над названием синими чернилами рукой А.Б. Рановича написано «Ант[ичная] Исп[ания] и ее вступл[ение] в борьбу за незав[исимость]».

[40] Этот тезис был поставлен под сомнение в рецензии Е.Ф. Плотниковой, утверждавшей, что «русской исторической науке, в лице Грановского и Ешевского, принадлежит первенство в признании необходимости изучения истории римских провинций, без чего немыслимо подлинно научное изучение Римской империи». См. Plotnikova 1954, 59.

[41] В рукописном варианте этого текста слово «его» отсутствует.

опору в источниках (напр[имер], о военной демократии у иберов, об африканском происхождении иберийской культуры); но в своей совокупности, подчиненные одной руководящей идее, введенные в единую стройную систему, выдвигаемые автором положения звучат достаточно убедительно.

В большой работе (30 печ[атных] листов) неизбежны отдельные промахи и погрешности, отдельные спорные положения, которые могут и должны стать предметом ученой дискуссии. В целом же диссертация А.В. Мишулина – свежая научная работа, основанная на глубокой проработке источников, обогащающая советскую науку новой главой в истории древнего мира.

Труд А.В. Мишулина, таким образом, отвечает требованиям, предъявляемым к докторской диссертации, и автор вполне достоин ученой степени доктора исторических наук.

А.Б. Ранович
Доктор исторических наук

Москва
«...»[42] июня 1943 г.

Проф. А.В. Мишулин

Античная Испания и ее вступление в борьбу за независимость
докторская диссертация

В своей научной работе А.В. Мишулин обычно избегает проторенных путей, старается выдвигать и разрабатывать мало исследованные вопросы истории, толкать мысль исследования к постановке и разрешению новых проблем. Весьма плодотворной оказалась постановка А.В. Мишулиным вопроса о роли славян в образовании Византийской империи или о характере крито-микенского общества[43]. И для своей докторской диссертации А.В. Мишулин избрал тему, недостаточно разработанную в западноевропейской науке и совершенно не затронутую в русской историографии. Древняя Испания интересовала историков лишь поскольку она была объектом завоевания со стороны карфагенян и римлян; ранняя самостоятельная история Испании оставалась неисследованной. Лишь в XX в. археологи и историки всерьез начали заниматься исследованием памятников иберийской культуры, но до сих пор не существует связной, законченной и научно вполне обоснованной истории древней Испании. А.В. Мишулин систематизировал и критически исследовал все опубликованные вещественные и литературные источники по истории Иберии до 197 г. до н.э., изучил всю имеющуюся и доступную литературу и на этой основе создал стройную историю Иберии. Основная мысль автора состоит в том, что иберы создали самостоятельную высокую

[42] В рукописной версии отзыва стоит дата 24 июня 1943 г.

[43] Интерес А.В. Мишулина к вопросам истории славян проявился в годы Великой Отечественной войны. Именно тогда, в частности, на страницах «Исторического журнала» им были опубликованы отрывки из документов, характеризующие «вторжения славян в Восточноримскую империю». См. Mishulin 1942. Что же касается истории крито-микенского общества, то в 1940 г. в Отделении истории и философии АН СССР проходила широкая дискуссия, связанная, как отмечала Т.М. Шепунова, с обсуждением представленной проф. В.С. Сергеевым главы «Эгейский мир» для III тома «Всемирной истории». А.В. Мишулин, также принимавший участие в дискуссии, в целом согласился с В.С. Сергеевым, утверждавшим, что крито-микенское общество было классовым и «по типу приближающимся к ранне-рабовладельческим обществам древнего Востока». См. Shepunova 1940, 204–205.

культуру и стояли на пороге цивилизации, когда подверглись иноземному завоеванию. Это завоевание приостановило рост самобытной иберской культуры; но достигнутая иберами ступень общественного развития – военная демократия – дала этому народу силу упорно в течение двух веков сопротивляться римскому владычеству. Это положение убедительно доказывается автором на основании показаний источников. А.В. [Мишулин] не раз подчеркивает, что только *совокупность* археологических, литературных и лингвистических данных может дать твердую опору для исторических выводов. Он поэтому правильно критикует всякого рода гипотезы, основанные на одностороннем использовании случайных литературных или лингвистических источников[44], не подкрепленных вещественным материалом. Так, на стр[аницах] 18–19, критикуя гипотезу[45] [А.] Германа[46] – [Г.] Мюлештейна[47] об этрусском происхождении иберов и африканском местонахождении *Тартесса,* А.В. [Мишулин] резонно указывает, что теория «передвижения *топонимики*» с Востока на Запад могла бы позволить делать некоторые конкретные выводы, если бы авторы этрусской гипотезы могли показать реальное передвижение самих этрусков и их культурных центров. Так же основательна критика выдвинутой [А.] Шультеном этрусской гипотезы[48], основанной лишь на сближении (притом довольно проблематичном) алфавита иберийской надписи Зосима с тирсенским письмом. Сам А.В. [Мишулин] старается – особенно там, где литературные свидетельства недостаточны или сомнительны – опираться в своих выводах на показания археологических источников, проверяя и подкрепляя ими данные древних авторов. Для этого А.В. Мишулину пришлось проделать огромную работу по систематизации археологических памятников Испании (по видам, по месту находок), по их периодизации, по их согласованию с литературными свидетельствами. Для этих последних А.В. [Мишулин] пользуется публикацией [А.] Шультена в FHA[49], привлекая кое-где материал, ускользнувший от внимания [А.] Шультена (стр. 560). При таком подходе к источникам выводы, к которым приходит А.В. [Мишулин] в своей диссертации, и выдвигаемая им гипотеза, в своей совокупности, введенные в единую стройную систему, подчиненные одной руководящей идее, звучат достаточно убедительно.

---

[44] В тексте слово «источников» написано сверху над зачеркнутым словом «данных».

[45] В тексте слово «гипотезу» написано сверху над зачеркнутым словом «теорию».

[46] В данном случае речь идет о немецком археологе и географе Альберте Германе (Albert Herrmann), первоначально занимавшемся изучением Великого шелкового пути, однако в дальнейшем, в период активного сотрудничества с нацистами, переключившегося на поиски Атлантиды. См. об этом, например, Vidal-Naquet 2007, 120–121. А.Б. Ранович, как и А.В. Мишулин, указывают фамилию упрощенно как «Герман». Здесь и далее по тексту мы будем также придерживаться этого варианта написания.

[47] Фамилия данного автора, профессора философии из Цюриха, в декабре 1937 г. выступавшего в Ленинграде с докладом «Историческое значение вопроса об этрусках», в советской литературе тех лет приводилась в двух вариантах: Г. Мюлештейн и Г. Мюленштейн. Мы используем первый вариант, т.к. он больше соответствует оригиналу (Mühlestein). Ср. Mühlestein 1938, 49–64; Mishulin 1952, 22–24.

[48] Немецкий историк и археолог Адольф Шультен (Adolf Schulten) в 1905–1912 гг. проводил раскопки древнего города Нуманции и внес большой вклад в изучение древней иберийской культуры. Как и Г. Мюлештейн, А. Шультен связывал происхождение Тартесса с этрусками, но полагал, что местом его локализации является Испания, а не Африка. На русском языке вышла работа А. Шультена Shul'ten 1941. Об А. Шультене см., например, Korotkikh 2007.

[49] Fontes Hispaniae Antiquae (FHA) – это многотомная серия античных и средневековых материалов, посвященных истории Испании.

Изучение Иберии как самостоятельного субъекта истории позволяет автору показать в новом аспекте ряд событий из истории Иберии. Осада Сагунта из инцидента, давшего повод ко Второй Пунической войне[50], превращается в «оборону Сагунта» как важного эпизода в истории борьбы Иберии за свободу (стр. 481–482). Перипетии борьбы иберов во время Второй Пунической войны то на стороне Рима против карфагенян, то на стороне карфагенян против Рима оказываются полными политического смысла ([стр.] 518 сл., [стр.] 565, 579 и др.). То, что римские историки изображают как коварство варваров, оказывается закономерной политикой отстаивания своей независимости свободолюбивым народом иберов. Любопытна попытка автора установить внутреннюю связь между мятежом в легионах Сципиона и восстанием иберов под руководством Мандония и Индибила ([стр.] 542 сл.).

Посредством[51] анализа археологических и литературных памятников А.В. [Мишулин] прослеживает путь от альмерийской культуры энеолита через аргарскую культуру бронзы к иберийской культуре V–IV вв., причем в отличие от многих историков, пытавшихся показать кельтскую основу культуры Испании, А.В. [Мишулин] убедительно показывает, что основным очагом культуры Испании был юго-восток, что «как ни различны отдельные этнографические слои в этнографии Пиренейского полуострова, среди них наиболее мощным слоем явились *иберы*, культура которых... иберизовала постепенно большую часть народов Испании и тем самым способствовала консолидации иберов как народа, их языка, быта и искусства». «Вторжение кельтской волны народов ввело в иберскую культуру свой *кельтский элемент*, однако, несмотря на политическое господство кельтов в центральной и северо-западной части Испании, культурный приоритет остался за иберами, преодолевшими собою чужеземные влияния в результате длительной эволюции народов полуострова» ([стр.] 243).

Общественный строй иберов (турдетанов) автор определяет как военную демократию, понимая под ней переходный период от родового строя к цивилизации. Для доказательства этого положения автор использует разрозненные, довольно скудные сведения античных[52] авторов, дополняя их общими соображениями, основанными на характеристике военной демократии в «Происх[ождении] семьи[, частной собственности и государства]» [Ф.] Энгельса. Скупые данные литературных источников об общественном строе иберов, несколько напоминающие сообщения Тацита о древних германцах, литературные и археологические данные об укрепленных городских поселениях как центрах союзов племен, противопоставление (особенно у Страбона) турдетанов диким горцам, наконец – высокая материальная культура иберов – таковы основные аргументы автора в пользу даваемой характеристики общественного строя иберов. С этой характеристикой можно согласиться с той лишь оговоркой, что ее не следует распространять на все «народы Пиренейского полуострова», «народы Испании» (стр. 293), так как материалы, приведенные в диссертации ([стр.] 290 сл.), показывают, что племена «в отдаленных частях полуострова» находились еще на стадии господства родового строя. Показанный А.В. Мишулиным относительно высокий уровень материальной культуры иберов и достигнутая ими ступень общественного развития дают основания отвести иберам самостоятельное место в древней истории стран Средиземноморья.

В своем труде А.В. Мишулин проявляет достаточную осторожность. Он, напр[имер], не соблазняется точно локализовать Тартесс, поскольку туманные сообщения

---

[50] В тексте А.Б. Рановича приводится краткое наименование данного события «2 пуническая война». Здесь и далее мы даем его наименование в соответствии с современными правилами.

[51] Ниже зачеркнуто «путем».

[52] Зачеркнуто «римских».

литературных источников не подтверждаются археологическим материалом. Он допускает, что Тартесс мог находиться не обязательно в устье Бэтиса, а и «в нынешней Уэльве или в Гадесе» ([стр.] 313). Не раз А.В. [Мишулин], выдвигая то или иное положение, оговаривается, что это – гипотеза, которая требует еще дальнейшей проверки и уточнения.

При большом объеме диссертации (30 печ[атных] листов), при сложности изучаемых проблем, при относительной скудости источников (в частности, язык иберов не расшифрован), неизбежны отдельные погрешности; отчасти они объясняются трудными условиями, в которых протекала работа автора над диссертацией, из-за которых она осталась в литературном отношении неотделанной. Очевидно, в процессе подготовки рукописи к печати автор придаст ей достойное внешнее оформление, дополнит ее картами, иллюстрациями, справочными таблицами и т.д.[53]

Основные положения диссертации достаточно солидно обоснованы. Кое-что, однако, остается спорным, кое-что можно уточнить и дополнить. Прежде всего, надо внести ясность в библейские сведения о Тартессе[54]. Удивительно, что исследователи упускают из виду упоминание имени «Таршиш»[55] в знаменитой генеалогической таблице Быт. 10:4: «а сыновья Явана: Элиша, Таршиш, Киттим и Доданим»[56]. *Яван* – это Иония; *Элиса, Киттим и Доданим* (resp. Роданим) локализуются в восточной части Средиземноморья. Таким образом, древняя мифологическая традиция, восходящая, может быть, к IX–X в. до н.э., относит Таршиш к эллинскому кругу народов (стран)[57]. Это – интересное подтверждение теории «передвижения имен». Что касается упоминаний в Библии Таршиша как города, то их можно разделить на три группы. Во-первых, упоминания «таршишских кораблей» (1 Цар. 10, 22; 22:49; Ис. 60:19; 23:1)[58]; здесь обозначается только тип корабля и никакой реальной связи с Тартессом здесь и не предполагается. Царь Иошадат на «тартесском корабле» собирался снарядить экспедицию в Офир из гавани Эцион-Гебер на Красном море, откуда пути в Средиземное море не было. Упоминание тартесского корабля царя Соломона (1 Цар. 10, 22) вряд ли можно считать вместе с [А.] Шультеном древнейшим упоминанием Таршиша, так как Книги Царей составлены не ранее VI в., а источником главы 10 является не старая хроника, а поздняя аретология. Вторая группа упоминаний Таршиша – это тексты, где этот город не локализуется в определенном пункте, а приводится лишь как фигуральное обозначение далекого места где-то за тридевять земель (Ион, 1, 3 и др., Ис. 66:19); сюда относится и текст Пс. 72:10, где по совершенно непонятным соображениям [А.]. Шультен находит связь с Тиром. Наконец, третья группа – это тексты, где говорится о Таршише как реально существующем городе;

---

[53] Не имея возможности подробно проанализировать степень переработки А.В. Мишулиным текста диссертации в связи с подготовкой ее к печати (т.к. это составляет самостоятельную проблему и требует привлечения более широкого комплекса источников), отметим только, что в издание 1952 г. карты и рисунки были включены. См. Mishulin 1952, 15, 18 и др.

[54] Далее зачеркнуто «сообщения библии о Тартессе прежде всего». А.Б. Ранович в тексте пишет слово «Библия» с маленькой буквы. Здесь и далее мы будем придерживаться современной традиции, предполагающей написание слова «Библия» с большой буквы.

[55] В синодальном переводе Библии используется иной вариант прочтения данного слова – «Фарсис».

[56] В синодальном переводе Библии читаем: «Сыны Иавана: Елиса, Фарсис, Киттим и Доданим» (Быт 10: 4).

[57] Зачеркнуто «ионийского».

[58] Здесь и далее А.Б. Ранович дает ссылки на тексты Ветхого Завета по FHA.

самое важное – сообщение Иезекиля – относится, вероятно, к 70-м годам VI в. о торговле Таршиша с Тиром. Интересно, что ни [П.] Борхардт[59], ни [А.] Герман, ни [Г.] Мюлештейн не обратили внимание на то, что в данном случае (а также Иез. 38:13; Ис. 23:1; 23:6) Септуагинта переводит Таршиш Καρχηδών. Между тем они могли бы здесь найти аргумент в пользу своей африканской гипотезы. Как мало реально исторических сведений о Таршише можно извлечь из Библии, показывает текст Ис. 23:10, где Таршиш назван *дочерью* Тира. Библейские тексты говорят о богатстве Таршиша металлами, о его торговле, о его связях с Тиром; вместе с тем они свидетельствуют о «передвижке имен», и это заставляет не столь иронически подходить к «африканской» гипотезе о первоначальной локализации Тартесса, как это делает А.В. [Мишулин], хотя эта гипотеза в настоящее время не может считаться серьезно обоснованной.

Мифологические представления греков, связанные с Тартессидой, также, возможно, приурочивались ранее к более близким к Греции областям; в частности Эритию Гекатей и Скилак помещают в Греции. Окончательно миф о Герионе прочно локализуется в Испании. К материалам, приводимым в диссертации, можно было бы прибавить еще сообщение Филострата (Vita Ap[olonii], V, 4–5). Можно отметить также, что собаку, охраняющую быков Гериона, Поллукс называет Ταρτήττιος (V, 45). Известный кельтолог [А.М. д'Арбуа де] Жюбенвиль[60] полагает, что надпись Tavros Trigeranus (= ταῦρος Τριγέρανος) на кельтском изображении быка с тремя журавлями на спине представляет искаженное в народной этимологии обозначение быка Гериона; следовательно, испанский культ Гериона проник и к кельтам.

Было бы осторожнее не говорить категорически о переселении иберов из Африки, так как для этого прямых данных нет. Капсийская культура, которую находят у иберов,– это африканская разновидность верхнего палеолита, соответствующая культуре Ориньяк-Мадлен; это – определенная стадия развития культуры, необязательно импортированная[61] извне. Между прочим, неудачно выражение «потомки древнего Капсия» (стр. 228): капсийская культура названа так по имени г[орода] Гафс в Тунисе[62].

В характеристике военной демократии (этот термин впервые употребил не [К.] Маркс (стр. 301), а [Л.] Морган) А.В. [Мишулин] правильно указывает, что иберы лишь подходили к порогу цивилизации, что еще, следовательно, сохранялся родовой строй. Поэтому неудобно говорить о «*пережитках*» ([стр.] 290 сл.) родового строя, тормозивших возникновение государства у иберов. Об общественном строе греков героической эпохи Энгельс говорит, что здесь мы видим «еще в полной силе древнюю родовую организацию, но вместе с тем и начало ее разрушения». Это можно тем более отнести к иберам.

Не всегда можно согласиться с оценкой того или иного источника, даваемой т[оварищем] [А.В.] Мишулиным. Авиен пользовался древними источниками, в том числе «Периплом Массалиота»; но «Ora Maritima» все же не тождественна с периплом; поэтому нельзя согласиться с автором, когда он называет Эфора, Аристотеля, Тимея и др[угих] более поздними авторами, чем Авиен (76). В разборе показаний Полибия и Аппиана об обстоятельствах смерти Газдрубала ([стр.] 470–[47]1) А.В. [Мишулин] отдает предпочтение Аппиану по мотивам психологического свойства; следовало бы показать, что Аппиан в данном случае лучше осведомлен, чем Полибий. Вряд ли можно опровергать Ливия ссылкой ([стр.] 568) на Зонару – византийского хрониста

---

[59] Немецкий археолог П. Борхардт (P. Borhardt) также в первой половине XX в. занимался поисками Атлантиды. См. о нем, например, Forsyth 1980, 99–100.

[60] А.М. д'Арбуа де Жюбенвиль – французский историк и филолог, специалист по кельтским языкам, древней и средневековой истории Европы.

[61] А.Б. Ранович ошибочно написал «импортированной извне».

[62] Ныне г. Гафса.

XII в.; для этого следовало бы сначала доказать, что Зонара имел здесь в своем распоряжении лучшие материалы, чем Ливий.

В диссертации несколько раз цитируется статья [Д.] Петерса в «Ученых записках Пединст[итута]»[63], но не цитируется его статья в ВДИ[64], хорошо, конечно, известная А.В. [Мишулину].

Следовало бы решительнее отмежеваться от гипотезы третичного человека ([стр.] 108), вымышленной для того, чтобы подкрепить антинаучную антропологическую теорию политогенеза.

Неудачно выражение «первобытно-племенная спячка» ([стр.] 290); мы обязаны первобытному обществу величайшими достижениями, и оно заслуживает нашего уважения; если бы оно предавалось спячке, не было бы движения человечества вперед. Столь же несправедливо А.В. [Мишулин] обижает Финикию, заявляя, что она не создала никакой оригинальной культуры ([стр.] 238 и др.). Материалы Рас-Шамра показали, что финикийцы уже в середине II тысячел[етия] владели обширной оригинальной литературой; финикийцам мы обязаны алфавитом; финикийское мастерство славилось уже в глубокой древности. В Илиаде (VI:289) восхваляются финикийские πέπλοι παμποίκιλα; Ахилл назначает в качестве приза серебряный кратер, дивно прекрасный уже по одному тому, что его изготовили многоискусные финикийцы (Σιδόνες πολυδαίδαλοι). Сейчас, когда новые открытия показали существование постоянных связей и скрещивающихся взаимных влияний стран Востока, когда новые материалы сильно обогатили наши сведения о финикийской культуре, старое представление о неоригинальности финикийцев должно быть оставлено.

Большой интерес представляет обширная глава, посвященная этногенезу иберов. А.В. [Мишулин] решительно отвергает легенду о лигурах в Испании, показывая вместе с тем, как эта легенда возникла. Что касается кельтского вторжения на полуостров, оно не имело тех последствий, которые ему обычно приписывают. В противоположность принятой ранее теории кельтизации иберов, А.В. [Мишулин] склоняется к теории иберизации кельтов, подкрепляя свою точку зрения археологическими материалами. Было бы желательно проследить эту иберизацию также в области идеологии, в частности в области религии. Имена иберийских богов до сих пор толковались как кельтские. Так, имя Атекина (Ataecina или Adaegina) объясняют из кельтской aidche или adaiʒ (ночь), что соответствует позднейшей ее романизации под именем Proserpina Turibrigensis. Хотя надписи, упоминающие бога Эндовеллика, встречаются только в Испании, имя этого божества толкуется как кельтское. С другой стороны, имеются некоторые сведения о том, что древние распространяли название Иберии уже на страну кельтов. Эсхил, по словам Плиния (XXXVII, 11), «помещает Эридан в Иберии, т.е. в Испании, и называет его Роной». Поздний, но архаизирующий греч[еский] поэт Нонн дважды в своей поэме называет Рейн иберским. По традиции, переданной Плутархом в биографии Ликурга со слов Аристократа, сына Гиппарха, автора «Лаконика», Ликург в своих дальних странствиях посетил наряду с индийскими гимнософистами также Иберию, под которой, вероятно, надо разуметь страну кельтских друидов (таково мнение С. Рейнака[65]). По-видимому, вопрос о взаимоотношении между иберской и кельтской культурами принадлежит к тем проблемам, которые, как не раз указывает А.В. [Мишулин], требуют еще дальнейшего исследования.

Если в диссертации А.В. Мишулина имеются спорные положения и гипотезы, требующие еще подтверждения в результате новых будущих открытий, то это вполне

---

[63] См. Peters 1942.

[64] См. Peters 1940a; 1940b.

[65] Соломон Рейнак (1858–1932) – французский археолог, получивший широкую известность своими исследованиями в области религии. См. Reynak 1919.

естественно при новизне темы и ее неразработанности и нисколько не умаляет несомненных достоинств этого труда. Диссертация А.В. Мишулина – свежая научная работа, основанная на глубокой проработке источников, обогащающая советскую науку новой главой в истории древнего мира.

Труд А.В. Мишулина отвечает, таким образом, требованиям, предъявляемым к докторской диссертации, и автор вполне достоин ученой степени доктора исторических наук.

А. Ранович

Литература / References

Baskin, M. 1936: [Rev.: A.V. Mishulin. Spartacus' uprising]. *Bor'ba klassov* [*Class Struggle*] 11, 125–127.

Баскин, М. Рец.: А.В. Мишулин. Спартаковское восстание. *Борьба классов* 11, 125–127.

Burdey, G.D., Borodkin, L.I. 1993: [Defense of dissertations on civil history in 1941–1945. (Sources, problems, dynamics)]. In: V.A. Shishkin (ed.), *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny: sbornik statey* [*Ancillary Historical Disciplines: Collection of Articles*]. Vol. 24. Saint Petersburg, 106–125.

Бурдей, Г.Д., Бородкин, Л.И. Защита диссертаций по гражданской истории в 1941–1945 гг. (Источники, проблематика, динамика). В сб.: В.А. Шишкин (отв. ред.), *Вспомогательные исторические дисциплины: сборник статей*. Т. 24. СПб, 106–125.

Editorial 1948: [Professor Alexander Vasilievich Mishulin (1901–1948)]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 4, 135–142.

Профессор Александр Васильевич Мишулин (1901–1948). *ВДИ* 4, 135–142.

Editorial 1958: [To the 10th anniversary of death of A.V. Mishulin]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 4, 170–171.

К 10-летию со дня смерти А.В. Мишулина. *ВДИ* 4, 170–171.

El'nitskiy, L.E. 2014: *Tri kruga vospominaniy. Na paperti khrama nauki* [*Three Circles of Memories. On the Porch of the Temple of Science*]. Moscow.

Ельницкий, Л.Е. *Три круга воспоминаний. На паперти храма науки*. М.

Forsyth, Ph. 1980: *Atlantis: the Making of Myth*. Montreal–London.

Gruzdeva, E.N. (ed.) 2013: *«... tvoi pis'ma – dokument nezabyvaemogo vremeni...». Iz epistolyarnogo naslediya E.E. Blomkvist. 1942–1945* [*"... Your Letters are a Document of an Unforgettable Time ...". From the Epistolary Heritage of E.E. Blomkvist. 1942–1945*]. Saint Petersburg.

Груздева, Е.Н. (ред.). *«... твои письма – документ незабываемого времени...». Из эпистолярного наследия Е.Э. Бломквист. 1942–1945*. СПб.

Karpyuk, S.G. 2017: [Journal of Ancient History: the beginning]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 77/3, 769–778.

Карпюк, С.Г. «Вестник древней истории»: начало. *ВДИ* 77/3, 769–778.

Karpyuk, S.G. 2021: [A.V. Mishulin and forming of the Moscow research and education centre for ancient history in 1930–40s]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [*Journal of the Belarusian State University. History*] 2, 85–90.

Карпюк, С.Г. А.В. Мишулин и формирование в СССР московского центра изучения древнего мира в 1930–40-х гг. *Журнал Белорусского государственного университета. История* 2, 85–90.

Klyuev, A.I., Metel, O.V. (eds.) 2018: *Abram Borisovich Ranovich: dokumenty i materialy* [*Abram Borisovich Ranovich: Documents and Materials*]. Omsk.

Клюев, А.И., Метель, О.В. (сост.). *Абрам Борисович Ранович: документы и материалы*. Омск.

Korotkikh, L.M. 2007: [Ancient studies in Spain. Adolf Shulten (1870–1960)]. *Vestnik VGU. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya* [*Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology*] 2, 92–95.

Коротких, Л.М. Антиковедение Испании. Адольф Шультен (1870–1960). *Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология* 2, 92–95.

Krikh, S.B. 2015: [A.V. Mishulin and his Spartacus]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 179–189.

Крих, С.Б. А.В. Мишулин и его Спартак. *ВДИ* 1, 179–189.

Mishulin, A.V. 1936: *Spartakovskoe vosstanie. Revolyutsiya rabov v Rime v I veke do nashey ery* [*Spartacus' Uprising. The Slave Revolution in Rome in the 1st Century B.C.*]. Moscow.
Мишулин, А.В. *Спартаковское восстание. Революция рабов в Риме в I веке до нашей эры*. М.
Mishulin, A.V. 1939: [Spain in mythology and historical monuments of antiquity]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 177–207.
Мишулин, А.В. Испания в мифологии и исторических памятниках античности. *ВДИ* 2, 177–207.
Mishulin, A.V. 1942: [Ancient Slavs. Documents on the ancient Slavs' invasion in the Eastern Roman Empire in the 6th–7th centuries CE]. *Istoricheskiy zhurnal* [*Historical Journal*] 1–2, 152–154.
Мишулин, А.В. Древние славяне. Документы о вторжении древних славян в Восточно-римскую империю в VI–VII вв. нашей эры. *Исторический журнал* 1–2, 152–154.
Mishulin, A.V. 1952: *Antichnaya Ispaniya do ustanovleniya Rimskoy provintsial'noy sistemy v 197 g. do n.e.* [*Ancient Spain before the Establishment of the Roman Provincial System in 197 BC*]. Moscow.
Мишулин, А.В. *Античная Испания до установления римской провинциальной системы в 197 г. до н.э.* М.
Mühlestein, G. 1938: [Historical significance of the Etruscan question]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 4, 49–64.
Мюлештейн, Г. Историческое значение вопроса об этрусках. *ВДИ* 4, 49–64.
Pankratova, A.M. 1942: [Teaching history of the USSR in secondary school during the Patriotic War against German fascism]. *Istoricheskiy zhurnal* [*Historical Journal*] 5, 145–152.
Панкратова, А.М. Преподавание истории СССР в средней школе в дни Отечественной войны против германского фашизма. *Исторический журнал* 5, 145–152.
Peters, D.D. 1940a: [The problem of the ethnogenesis of the population of Iberia (ancient Spain)]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 106–120.
Петерс, Д.Д. Проблема этногенеза населения Иберии (древней Испании). *ВДИ* 2, 106–120.
Peters, D.D. 1940b: [To the problem of the ethnogenesis of the population of Iberia]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 3–4, 166–181.
Петерс, Д.Д. К проблеме этногенеза населения Иберии. *ВДИ* 3–4, 166–181.
Peters, D.D. 1942: [Phoenician and Greek colonization in the Iberian Peninsula]. *Uchenye zapiski MGPI im. Lenina* [*Scientific Notes of the Lenin Moscow State Pedagogical Institute*] 28/1, 129–176.
Петерс, Д.Д. Финикийская и греческая колонизация на Пиренейском полуострове. *Ученые записки МГПИ им. Ленина* 28/1, 129–176.
Plotnikova, E.F. 1954: [Rev.: Mishulin A.V. Ancient Spain before the establishment of the Roman provincial system in 197 BC. Moscow, 1952]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 59–64.
Плотникова, Е.Ф. Рец.: Мишулин А.В. Античная Испания до установления римской провинциальной системы в 197 г. до н.э. М., 1952. *ВДИ* 1, 59–64.
Preobrazhenskiy, P.F. 1926: *Ocherk istorii sovremennogo imperializma* [*Essay on the History of Modern Imperialism*]. Moscow.
Преображенский, П.Ф. *Очерк истории современного империализма*. М.
Preobrazhenskiy, P. 1936: [Rev.: Mishulin A.V. Spartacus' uprising, 1936]. *Istorik-marksist* [*Marxist historian*] 6, 207–208.
Преображенский, П. Рец.: Мишулин А.В. Спартаковское восстание, 1936. *Историк-марксист* 6, 207–208.
Reynak, S. 1919: *Orfey: vseobshchaya istoriya religiy* [*Orpheus: A General History of Religions*]. Moscow.
Рейнак, С. *Орфей: всеобщая история религий*. М.
Shepunova, T.M. 1940: [In the Academy of Sciences of the USSR. Discussion about the Aegean culture (discussion of the chapter for the III volume of "The World History")]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 204–218.
Шепунова, Т.М. В Академии наук СССР. Дискуссия об эгейской культуре (обсуждение главы для III тома «Всемирной истории»). *ВДИ* 2, 204–218.
Shepunova, T.M. 1946: [Scientific work of the Department of Ancient History, Faculty of History, Moscow State University (1939–1945)]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 207–211.
Шепунова, Т.М. Научная работа кафедры древней истории Исторического факультета Московского государственного университета (1939–1945 гг.). *ВДИ* 2, 207–211.
Shnirel'man, V.A. 1993: [The misadventures of one science: ethnogenetic research and Stalinist national policy]. *Etnograficheskoe obozrenie* [*Ethnographic Review*] 3, 52–68.

Шнирельман, В.А. Злоключения одной науки: этногенетические исследования и сталинская национальная политика. *Этнографическое обозрение* 3, 52–68.

Shofman, A.S. 1985: [A.V. Mishulin as a historian of antiquity]. In: M.V. Nechkina (ed.), *Istoriya i istoriki: istoriograficheskiy ezhegodnik. 1981* [*History and Historians: Historiographic Yearbook. 1981*]. Moscow, 184–204.

Шофман, А.С. А.В. Мишулин как историк античности. В сб.: М.В. Нечкина (отв. ред.), *История и историки: историографический ежегодник. 1981.* М., 184–204.

Shul'ten, A. 1941: [Tirseni in Spain (new data on the Iberian language)]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 8–30.

Шультен, А. Тирсены в Испании (новые данные об иберийском языке). *ВДИ* 1, 8–30.

Skvortsov, A.M. 2017: [The ruin of the Antiquity Circle in Leningrad (based on the investigations' data from Federal Security Service records)]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 77/1, 210–223.

Скворцов, А.М. Разгром «античного кружка» в Ленинграде (по материалам следственных дел архива ФСБ). *ВДИ* 77/1, 210–223.

Skvortsov, A.M. 2019: [On history of Soviet historical science development in 1930–1940-ies: A.V. Mishulin's doctoral thesis defence]. *Nauchnyy dialog* [*Scientific Dialogue*] 2, 296–310.

Скворцов, А.М. Из истории развития советской исторической науки в 1930-е – 1940-е годы: защита докторской диссертации А.В. Мишулиным. *Научный диалог* 2, 296–310.

Vidal-Naquet, P. 2007: *The Atlantis Story: A Short History of Plato's Myth*. Exeter.

Yaroslavskiy, E.M. 1942: [On the immediate tasks of historical science in the USSR]. *Istoricheskiy zhurnal* [*Historical Journal*] 6, 17–24.

Ярославский, Е.М. О ближайших задачах исторической науки в СССР. *Исторический журнал* 6, 17–24.

Yulkina, O.N. 1946: [Scientific research work of the Sector of Ancient History of the Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR during the Patriotic War]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 203–206.

Юлкина, О.Н. Научно-исследовательская работа сектора древней истории Института истории АН СССР в период Отечественной войны. *ВДИ* 2, 203–206.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Vestnik drevney istorii
82/4 (2022), 958–967
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/4 (2022), 958–967
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910013544-1

Л.Л. КОФАНОВ. Система римского публичного права эпохи Республики и Принципата. М.: Индрик, 2020. 600 с., ил. ISBN 978-5-91674-565-8

Предпринятая автором рецензируемой книги (изданной при финансовой поддержке РФФИ) попытка рассмотреть в одном томе, пусть и довольно объемном, систему римского публичного права эпохи Республики и Принципата может показаться слишком смелой. Это не так: название книги[1] на самом деле не отражает ее содержания, и Л.Л. Кофанов не дает комплексного анализа всей системы римского ius publicum, а рассматривает с разной степенью детализации лишь отдельные его разделы, так что книга по большому счету распадается на ряд самостоятельных очерков. Данное обстоятельство легко объяснимо, ибо значительная часть монографии состоит из уже опубликованных статей автора[2]. Видимо, именно в этом следует искать причину многочисленных повторов одних и тех же мыслей, рассуждений и аргументов. Отдельные фрагменты текста не только в разных частях книги, но иногда даже и в рамках одной главы совпадают дословно (например, на с. 15 и 27; 16 и 160; 17 и 138–139; 168 и 234).

Введение открывается разделом «Система римского публичного права по Моммзену» (с. 11–22), который в оглавлении имеет другое название («Государственное право Рима в интерпретации Т. Моммзена»). Возможно, эта путаница не случайна. Создается впечатление, что Кофанов не отличает публичное право (öffentliches Recht) от государственного (Staatsrecht) и в дальнейшем неоднократно смешивает эти два понятия, используя их практически как синонимы (см., например, с. 22). Между тем в немецкой юриспруденции второе традиционно рассматривается как один из разделов первого[3]. Поэтому претензии, предъявляемые Кофановым Т. Моммзену, – например, упрек в том, что немецкий ученый оставил без внимания сакральное право (с. 12), – выглядят необоснованными и некорректными (во всех смыслах этого слова). Вопреки мнению Кофанова, в “Römisches Staatsrecht” Моммзен не намеревался изложить всю систему римского публичного права: как понятно из названия, этот труд посвящен исключительно государственному праву Рима. Причины, по которым немецкий ученый ограничился рассмотрением только “römische Staatsverfassung”, внятно изложены им самим в предисловии[4]. Разумеется, Моммзен пользуется юридической терминологией своего времени и его разделение права на области не совпадает с римским, однако такой подход имеет право на существование. Интересно, что в разделе, который называется «Система римского публичного права по Моммзену», собственно о взглядах Моммзена на римское ius publicum говорится очень мало, так что ясного и целостно-

---

Рецензия подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований: проект РФФИ № 19-09-00183 («Судебный процесс в античности: юридические, политические, социальные и личностные аспекты»).

[1] Необычно звучит латинский перевод названия книги, размещенный на титульном листе: ΣΥΣΤΗΜΑ iuris Romani publici temporum rei publicae principatusque. Более удачным все-таки представляется вариант: De disciplina iuris publici Romani temporibus liberae rei publicae et principatus.

[2] Например, гл. 3, ч. 1 (с. 135–160) повторяет статью Kofanov 2007, гл. 3, ч. 2 (с. 237–257) – статью Kofanov 2008b, гл. 6, ч. 4 (с. 485–512) – статью Kofanov 2017, гл. 8, ч. 4 (с. 538–550) – статью Kofanov 2015 и т.д. Кое-где, как, например, на с. 257, Кофанов по небрежности сам называет свою главу «статьей». Ссылок на то, что эти части текста уже были опубликованы в том же самом (или почти том же самом) виде, в книге нет.

[3] См., например, Magen 1985, 3–4.

[4] Mommsen 1887, vii–xiii. Далее Моммзен подробно объясняет, что именно римляне понимали под ius publicum и в чем состоит разница между их и его подходом (ibid., 3–5).

го представления о них получить невозможно, а ссылок на работы немецкого ученого в тексте почти нет. Слишком смело звучит также следующее утверждение Кофанова: «Может быть, благодаря именно этой отчасти ошибочной системе моммзеновского публичного права мы сегодня имеем в качестве современной модели европейского публичного права скорее право магистратов, то есть бюрократов, нежели право, регламентирующее вещные права граждан на государственную собственность?» (с. 19). При всей авторитетности Моммзена в научном мире едва ли следует приписывать ему столь сильное и пагубное влияние на современное европейское право, не говоря уже о том, что называть римских магистратов бюрократами или, как в другом месте (с. 20), «чиновниками» можно только при понимании основ устройства римской ciuitas, сильно отличающемся от общепринятого.

В отличие от Моммзена, Кофанов в своем труде полностью следует иной трактовке ius publicum, которое, по его мнению, римляне в период Республики и Ранней империи так же, как и ius priuatum, подразделяли на лица, вещи и иски. Эта теория основывается главным образом на одном пассаже из «Институций» Гая (I. 8), которые, как известно, датируются отнюдь не республиканской эпохой, а второй половиной II в.н.э. Такое деление всего права на относящееся к лицам, вещам или искам у предшествующих римских юристов не встречается, поэтому нельзя исключать того, что оно было предложено самим Гаем[5]. Что касается источников собственно республиканского времени, то Кофанов предполагает, что в утраченной части сочинения Цицерона «О законах», «первые два раздела которого посвящены праву жертвоприношений, жрецов и магистратов», могло описываться «разделение всех вещей на res publica и res privata» (с. 13–14). Далее автор ссылается на «различные прочие фрагменты сочинений Цицерона» (не уточняя, какие именно), из которых ему «совершенно ясно, что он (Цицерон. – *В.Х.*) связывал традиционное римское деление на ius publicum и ius privatum с разделением компетенции судов по публичным и частным делам соответственно, в отношении частного и публичного имущества» (с. 14). На с. 22 Кофанов пишет, что, «как уже отмечалось выше, в последних книгах трактата (De legibus. – *В.Х.*) Цицерон описывал конкретные как публичные, так и частные права римских граждан», т.е. теперь автор подает свое высказанное ранее предположение как твердо установленный факт. В качестве доказательства Кофанов указывает также на параллели из муниципальных законов: ведь, по его мнению, образцом для «права, предоставляемого союзникам в IV–III вв. до н.э.», «были Законы XII таблиц в обработке римских преторов» (с. 16). Даже если принять это предположение, необходимо отметить, что все дошедшие до нас муниципальные законы датируются гораздо более поздним временем (I в. до н.э. – I в.н.э.), и насколько их структура ориентируется на Законы XII таблиц (а их подлинный текст, напомню, до нашего времени не дошел, так что о структуре самого этого памятника мы имеем лишь приблизительное представление) – отдельный большой вопрос, который заслуживает гораздо более детального обсуждения[6]. Кофанов также пытается показать, что «система деления по лицам, вещам и искам» была свойственна и ораторскому искусству позднереспубликанского времени (с. 32–36), и «вообще всей “науке о божественных и человеческих делах”, как в древности римляне называли <...> всякое философское знание» (с. 36–40), для чего ему снова приходится неоднократно прибегать к недоказуемым предположениям (например, о содержании и структуре сочинения Варрона «Древности дел божественных и человеческих»)[7]. Подводя итог, следует признать, что концепция Кофанова в качестве гипотезы, конечно, имеет право на существование, но она нуждается в гораздо более серьезной аргументации, чем та, которую приводит автор,– тем более, что эта гипотеза положена им в основу изложения материала. Конечно, попытку Кофанова посмотреть на проблему под новым углом зрения следует только приветствовать, и она является безусловным достоинством работы.

---

[5] См., например, Zimmermann 1996, 25. Этот вариант Кофанов не рассматривает и не обсуждает.

[6] Кофанов ограничивается указанием на то, что «многие нормы Законов XII таблиц повторяются в известных нам муниципальных законах» (с. 16–17 и 160 со ссылками на три статьи из lex Ursonensis), но отдельные заимствования ничего не доказывают.

[7] Встречаются здесь и спорные утверждения – например, о том, что у Цицерона есть учебные пособия по судебному красноречию (с. 34; автор, к сожалению, не указывает, какие именно труды он имеет в виду).

Одинаково подробно рассмотреть все разделы рецензируемого труда в ограниченных рамках рецензии невозможно[8], поэтому я остановлюсь лишь на некоторых наиболее оригинальных и вместе с тем дискуссионных частях монографии, отдавая предпочтение тем из них, которые ранее не публиковались в виде отдельных статей в других изданиях. Итак, в соответствии со своей концепцией Кофанов выстраивает книгу следующим образом. В ч. 1 «Лица» (с. 45–172) рассматриваются термины persona и persona publica, власть магистратов, сената и народа, понятия ciuitas и municipium и, наконец, соотношение понятий ciuitas и res publica. В главе 1 (с. 45–84) автор высказывает точку зрения, что юридическое понятие persona (и связанные с ним понятия persona sui iuris и persona alieni iuris) существовало уже в архаическом римском праве. В подтверждение этого тезиса на с. 45–50 Кофанов подробно исследует происхождение слова persōna (ссылаясь на большое количество работ, среди которых нет ни одного этимологического словаря). Отвергая господствующее в историографии мнение о греческих корнях этого слова, он вслед за грамматиком I в. до н.э. Гавием Бассом (apud Gell. V. 7) производит persōna от глагола persŏnare, но не обращает внимания на то, что в первом слове звук *о* – долгий, а во втором – краткий (эта деталь, кстати, не укрылась от Авла Геллия, который в меру лингвистических познаний своего времени попытался дать ей объяснение). Кроме того, на с. 47 (прим. 7) Кофанов приводит свидетельство Феста, которое в его переводе выглядит так: «Некое выражение “звучащая басня” записано у Невия, так как считают, что когда-то эта басня впервые была исполнена певшими ее актерами. Однако, поскольку лишь много лет спустя начали пользоваться комедийными и трагедийными масками, то более вероятно, что такая басня из-за недостатка комедий стала новым развлечением от Ателлановских комедий, которые собственно и назывались звучащими. Поэтому ателланца не заставляют снимать на сцене маску, что приходится претерпевать прочим актерам»[9]. Этот перевод может показаться небезупречным с точки зрения русского языка, но главное, он не совсем корректно передает смысл оригинала: слово personatus не имело ни значения «звучащий», ни – тем более – «певший»[10]; переводить в данном контексте fabula как «басня», а не «пьеса» едва ли оправданно; comoedus автор по небрежности спутал с comoedia[11]; где у Феста стоит слово «развлечение», неясно, и т.д.[12] На солидном фундаменте этих аргументов Кофанов возводит впечатляющее читателя размахом мысли здание своих дальнейших рассуждений: большинство исследователей ошибаются, полагая, что древнейшим значением слова persona было «театральная маска»; отсюда они делают неверный вывод, что юридическое значение этого термина появилось не ранее II в. до н.э. (с. 47–48); на самом деле юридический термин persona ведет свое происхож-

---

[8] Тем более что некоторые из высказанных в них идей уже детально обсуждались на страницах ВДИ (см. Smyshlyaev 2014; 2016).

[9] Fest. 238 L: *Personata fabula quaedam Naeui inscribitur*, quam putant quidam primum <actam> a personatis histrionibus. Sed cum post multos annos comoedi et tragoedi personis uti coeperint, uerisimilius est eam fabulam propter inopiam comoedorum actam nouam per Atellanos, qui proprie uocantur personati; quia ius est is non cogi in scena ponere personam, quod ceteris histrionibus pati necesse est.

[10] См., например, *OLD*1356–1357; *TLL* X. 1732. В другом месте (с. 50) Кофанов развивает свою смелую мысль: «Невий, живший в III в. до н.э., использует глагольное причастие personatus именно в значении “звучащий” или “поющий”». По этому поводу можно заметить следующее. Во-первых, personatus – это прилагательное. Во-вторых, причастие (отглагольная часть речи или, по мнению некоторых филологов, особая неспрягаемая форма глагола) не может быть «глагольным», это тавтология (ср. Kofanov 2008a, 321: «отглагольное причастие прошедшего времени captus»). В-третьих, part. perf. мужского рода от personare – это personitus, а не personatus. Наконец, в-четвертых, латинское part. perf., образованное не от отложительного глагола, имеет пассивное значение. Прилагательное persŏnus («звучащий», «оглашаемый») тоже не может служить «прямым подтверждением именно такой этимологии» (там же) слова persōnatus.

[11] Возможно, конечно, что дело здесь – если воспользоваться элегантным выражением самого Кофанова (Kofanov 2008a, 321) – в «чисто глазной ошибке».

[12] Мой перевод: «Одна пьеса Невия называется Personata; некоторые полагают, что это была первая пьеса, которую играли актеры в масках. Но так как комические и трагические актеры стали использовать маски лишь много лет спустя, более вероятно, что эту новую пьесу из-за нехватки комических актеров играли актеры ателланы, которых называют personati («носящими маски») в собственном смысле этого слова: ведь их нельзя заставлять снимать на сцене маски, в то время как прочие актеры обязаны это делать».

дение от «религиозных масок древнейших культов» (с. 51–56); он, несомненно, употреблялся уже в царских законах и Законах XII таблиц[13] (с. 48).

Небезынтересна также глава 2 (с. 85–134), в которой рассматривается, помимо прочего, такой важный вопрос, как содержание понятия imperium, вызывающее в историографии жаркие споры. Жаль только, что эта дискуссия в книге не освещается, а проблема происхождения империя, имеющая ключевое значение для понимания его сущности, не анализируется. Кофанов полагает, что «верховным носителем империя был сам римский народ» (с. 93), однако очень часто проявлялась «тенденция римской элиты узурпировать империй, отобрав его у римского народа» (с. 95). Кроме того, империем обладал и сенат (с. 96–98). Представляется, что сама идея наличия империя не у отдельных лиц, а у народа и сената абсурдна и никак не подтверждается источниками, однако Кофанов принимает ее как аксиому и кладет в основу весьма ответственных суждений. Одной из важнейших черт политической истории V–III вв. до н.э. Кофанов считает борьбу «за верховенство власти либо патрицианского сената, либо простого народа», которая велась с переменным успехом (с. 99). Этот первый период борьбы сената и народа за империй закончился с началом Второй Пунической войны. К середине II в. до н.э. установилось некоторое равновесие власти консулов, сената и народа, о чем пишет в шестой книге своего труда Полибий. Однако уже ко времени начала политической деятельности братьев Гракхов народ начал постепенно терять империй, что было связано с расширением Римской державы, но главное – с обнищанием плебса (с. 100–102). Второй период «переноса imperium римского народа к сенату можно связать с законом Кальпурния 149 г. до н.э., когда уголовные дела о злоупотреблениях магистратов были перенесены из суда народа в сенаторский суд так называемых quaestiones perpetuae» (с. 102). Это утверждение вызывает у читателя некоторое недоумение: ведь далее Кофанов неоднократно указывает, что иски, предъявленные на основании Кальпурниева и последующих Ацилиева и Корнелиева законов de repetundis, рассматривались рекуператорами (см., например, с. 319, 542–543), а, по его же словам, рекуператорские суды «носили главным образом характер не уголовной, а гражданской ответственности ответчика, что хорошо видно в характере присуждения к уплате денежного штрафа» (с. 244–245). Кроме того, в сферу действия Кальпурниева закона попадали не все вообще злоупотребления магистратов, но лишь вымогательство наместников провинций; такие дела и раньше рассматривались не судом народа, а специально созданными сенатскими комиссиями, так что говорить о каком-либо «переносе» как будто бы нет оснований. В I в. до н.э., по мнению Кофанова, из-за «драматических событий союзнической и гражданских войн, борьбы оптиматов и популяров, нередко для эффективности политических решений требовалась демонстрация совместной консолидированной власти римского сената и народа» (с. 102). Наконец, Август «перенес на себя лицо римского народа» (?!) и в Риме установилась монархическая форма правления, хотя «ментально римляне еще очень долгое время воспринимали римскую высшую власть над народами Средиземноморья как “империй римского народа”» (с. 103).

Далее Кофанов подробно разбирает вопрос об обязанностях магистратов, сената и народа (с. 104–121). В частности, с его точки зрения, «сенат контролировал <...> управление магистратами государственным имуществом, так называемыми curae publicae» (с. 115), что и составляло «суть управления сенатом государством» (с. 116). В качестве одного из главных доказательств автор приводит свидетельство Феста – как обычно, в собственном переводе: «Курия – это место, где руководили публичными попечительствами»[14]. Почему автор в данном случае понимает curae publicae как «публичные попечительства», к сожалению, не объясняется, примеры такого употребления этого выражения в других источниках не приводятся. В то же время, по мнению Кофанова, «народ в своей совокупности в лице плебейских трибунов мог потребовать от магистратов и кураторов отчета в своей деятельности по управлению государственным, то есть народным имуществом», и римляне считали очень важным, чтобы «все виды власти дости-

[13] К сожалению, никаких ссылок на источники, которые могли бы обосновать это небанальное утверждение, Кофанов здесь не дает. Насколько мне известно, в сохранившихся фрагментах Законов XII таблиц термин persona не встречается.

[14] Fest. 42 L: curia locus est, ubi publicas curas gerebant. Не могу не отметить, что обычно это место все-таки толкуют несколько иначе; см., например, перевод А.А. Павлова: «Curia есть место, где вершились публичные дела» (Pavlov 2012, 237). Ср. французский перевод М. Саванье (Savagner 1846, 81: CURIA, lieu où l’on discutait les intérêts publics) и английский перевод К. Смита (Smith 2006, 190, n. 22: The *curia* is a place, where public business was conducted).

гали общего согласия (consensus) в вопросах соотношения их прав» (с. 120–121). Вопрос о том, насколько плебейские трибуны в действительности отражали и защищали интересы «народа», не ставится и не обсуждается.

Часть 2 «Вещи» (с. 175–257) посвящена проблемам общественного владения, публичных сервитутов и государственной собственности. Кофанов, в частности, отмечает, что «римляне не имели специального термина, обозначающего только государственную или общенародную собственность, так как они не отличали терминологически это понятие от понятия “государство”, то есть от res publica» (с. 209). Вся государственная собственность в римском праве классического периода делилась на собственность, непосредственно использовавшуюся для общественных нужд (res in publico usu), и собственность, которая хранилась в эрарии или фиске (res in pecunia populi). В первом случае государственная собственность напрямую управлялась магистратами (преторами, цензорами, эдилами и др.), однако в этом также «принимал участие весь коллектив граждан своим имуществом и трудом», а «муниципальные и государственные чиновники» за дурное управление порученным их попечению государственным имуществом несли ответственность. Многие граждане получали прибыль от доходов, которые приносила государственная собственность. В результате «римлянам удалось создать <...> эффективную, поистине общенародную систему управления государственной собственностью», следствием чего стало «активное расширение римской власти по всему Средиземноморью» (с. 213–219; каким образом связаны эти два явления, не поясняется).

В ч. 3 «Обязательства» (с. 261–346) исследуются государственные контракты и государственная хлебная торговля. Наконец, в самой большой по объему ч. 4 «Иски» (с. 349–561) рассматриваются проблемы возникновения и развития римского судопроизводства, роль юристов и их responsa, так называемая жреческая юриспруденция, вопрос об ответственности несостоятельных должников, а также история римской судебной защиты. В частности, в главе 1 Кофанов разбирает важнейший вопрос о начале разделения римского судопроизводства на публичное и частное. В основном он в общих чертах излагает теорию развития римского уголовного судопроизводства, предложенную Моммзеном, почему-то не упоминая этого автора (с. 349–354)[15]. К сожалению, не упомянута и альтернативная теория, созданная В. Кункелем, одним из крупнейших в XX в. знатоков римского государственного и уголовного права[16]. Полностью оригинальной в этой главе является, пожалуй, лишь следующая гипотеза Кофанова. Он отмечает, что «решение верховного народного суда оформлялось как “приказ народа” – iussus populi». Развивая эту мысль, Кофанов уверенно заявляет: «Известно, что латинские юридические термины iussus (приказ) и ius (право) – однокорневые». Далее путем длинных рассуждений, опирающихся на это родство (в которых он, правда, смешивает два разных слова, iussus и iussum), Кофанов приходит к выводу, «что в архаический период эти два термина практически не различались», а значит, «можно говорить о существовании юридического термина ious poplicum, то есть ius publicum, уже в VI–V вв. до н.э.». Так как ius обозначает не только «право» или «приказ», но и «суд», в VI–V вв. ius publicum обозначало также «суд народа», а значит, и область его компетенции (с. 352–353). К сожалению, гипотеза о родстве iussus и ius уже высказывалась и была давно отвергнута как не имеющая убедительного лингвистического обоснования[17], так что на сей раз интересная теория Кофанова не подтверждается фактами.

Из последующих глав этой части самой оригинальной представляется глава 8 «Кондикционный иск и кража публичного имущества в республиканском Риме», на содержании которой хотелось бы остановиться подробнее. В первом параграфе Кофанов разбирает определения, которые римские юристы эпохи Империи дают терминам furtum и furtum publicum. Далее он оговаривает, что в этой главе речь пойдет только о «кражах, совершавшихся римскими магистратами в области международных отношений, в республиканскую эпоху регулировавшихся особыми законами, называвшимися “leges repetundarum”, которые обычно не вполне точно

---

[15] В книге нет ни одной ссылки на моммзеновское “Römisches Strafrecht”, где эта теория была изложена в наиболее целостном виде. Впрочем, и на “Staatsrecht” Кофанов ссылается нечасто, что выглядит удивительно в свете его критических высказываний в адрес этого сочинения Моммзена, высказанных во введении.

[16] При этом нельзя сказать, что Кофанову эта теория вовсе не известна: в монографии 2006 г. он мельком упоминает о ней (хотя и без ссылки на работы Кункеля: Kofanov 2006, 285). В рецензируемом труде Кофанов ссылается на Кункеля только два раза (с. 375, прим. 12 и с. 465, прим. 70).

[17] См., например, Walde 1938, 724–725, 733–734; Ernout, Meillet 2001, 325–326, 329–330.

называют “законами о взяточничестве”» (с. 539–540)[18]. Последнее утверждение не совсем понятно: в русскоязычной историографии[19] давно и прочно закрепился совершенно иной перевод – «законы о вымогательстве».

Соответственно, второй параграф посвящен доказательству очевидного и никем не оспариваемого факта, что leges repetundarum в эпоху Республики были направлены в первую очередь против незаконного присвоения магистратами чужой собственности. Для этого Кофанов обращается, однако, не к самому раннему нашему источнику – республиканскому эпиграфическому закону de repetundis (см. Tab. Bemb. 3: ablatum captum coactum conciliatum auersumue siet)[20], а к более позднему закону Юлия Цезаря (59 г. до н.э.), текст которого сохранился только в составе «Дигест» (48. 11. 7. 2), а потому содержит интерполяции, относящиеся к эпохе Империи[21] (о чем автор не упоминает). Происхождению процесса de repetundis посвящен третий параграф объемом около одной страницы, в котором Кофанов присоединяется к уже давно высказанному в историографии мнению о том, что оно было «тесно связано с правом фециалов вообще и с древнейшим институтом международного права rerum repetitio и iudicium recuperatorium в частности» (с. 541), не предпринимая никаких самостоятельных изысканий по этому вопросу. В следующем, четвертом параграфе автор почему-то сразу переходит к рассмотрению эпиграфического закона de repetundis, который он уверенно называет lex Acilia (Sempronia) и относит к 122 г., не указывая, что и название этого закона, и его датировка являются предметом реконструкции, а в историографии по этому поводу высказывались и другие гипотезы. Между тем, эпиграфическому закону предшествовали еще два leges repetundarum – Кальпурниев (149 г. до н.э.), который и учредил первую quaestio perpetua de repetundis, и Юниев (Tab. Bemb. 23; 74) – и, как может показаться читателю, логика исследования требует сначала обратиться к анализу именно этих законов, тем более что эпиграфический закон ввел совершенно новую процедуру судопроизводства по делам о вымогательстве. Разбирая его содержание, Кофанов весьма поверхностно анализирует текст источника, почти не учитывая существующую историографию. Например, он утверждает, что «согласно этому закону иск к римскому магистрату предъявлялся представителями союзного Риму царя или народа (regive populove ipsius – Lex Acil. 3), т.е. речь идет именно о международной тяжбе в iudicium recuperatorium» (с. 542). Между тем, цитируемая Кофановым фраза в тексте источника отсутствует – это восполнение Моммзена, к тому же принятое далеко не всеми издателями[22]. Лучше было бы сослаться на первую рубрику эпиграфического закона, в которой и перечисляются лица, имеющие право подавать иск. Однако, так как начало этой рубрики не сохранилось, нельзя утверждать с уверенностью, что в их число не входили римские граждане[23], а потому мнение Кофанова о международном характере процесса de repetundis эпиграфический закон не подтверждает.

Далее Кофанов пишет: «Затем претором избирались судьи-рекуператоры путем жеребьевки в числе 450 римских всадников (Lex Acil. 12)». Однако слово «рекуператоры» в сохранившемся тексте закона нигде не фигурирует, а процедура рекуператорского процесса, насколько она нам известна, существенно отличалась от установленной эпиграфическим законом[24]. Кроме того, о жеребьевке при составлении претором album iudicum на текущий год ни в эпигра-

---

[18] В примечании автор дает ссылки на случайный набор отечественных и иностранных работ, посвященных этим законам, в который не попали труды, имеющие первостепенное значение для исследователя этой темы (например: Venturini 1979; Lintott 1992; Crawford 1996). Естественно, что пропущенные в этом списке работы не используются Кофановым и в дальнейшем изложении.

[19] То же касается и зарубежной историографии на основных европейских языках, хотя там этот термин зачастую вообще оставляют без перевода. Заметим, что сам Кофанов неоднократно пользуется неточным переводом «законы о взяточничестве» (см. с. 9, 64, 456, 478 и т.д.).

[20] Большинство исследователей связывает этот закон с деятельностью Г. Гракха и датирует 122 г. до н.э. (см., например, Elster 2020, 119–121 с библиографией).

[21] См. Berger 1925, 2390.

[22] См. apparatus criticus в издании М. Крофорда (Crawford 1996, 75). В других местах Кофанов, цитируя эпиграфический закон, неоднократно дает латинский текст по изданию Моммзена, не отделяя сохранившиеся части от восстановленных (см., например, с. 544, прим. 18).

[23] См., например, Venturini 1979, 82–91; Crawford 1996, 95 (с библиографией).

[24] См. Frier 1985, 199–212. Например, коллегия рекуператоров обыкновенно состояла из трех, иногда из пяти человек (Frier 1985, 201), но не из пятидесяти, как коллегия присяжных согласно эпиграфическому закону.

фическом законе, ни в других источниках не сообщается. Жеребьевка в quaestiones perpetuae использовалась только при назначении судей на конкретный процесс, и этот способ формирования судейской коллегии противоположен тому, который предусматривается эпиграфическим законом (выбор судей истцом и ответчиком).

Только в шестом параграфе Кофанов, наконец, добрался до Кальпурниева закона de repetundis, но и здесь он лишь вскользь упоминает его; сам параграф посвящен lex Calpurnia de legis actione, о существовании которого известно исключительно благодаря краткому свидетельству Гая (*Inst.* IV. 19)[25]. Между тем, lex Calpurnia de repetundis заслуживает подробного рассмотрения: в созданной на его основании quaestio perpetua de repetundis использовалась процедура legis actio sacramento (Tab. Bemb. 23)[26], а, насколько известно, легисакционный процесс мог быть инициирован только римским гражданином и только от своего имени[27]. Соответственно, некоторые исследователи[28] полагают, что неграждане вообще не имели права подавать иск на основании lex Calpurnia: провинциалы, как и прежде, должны были обращаться с жалобами на притеснения и самоуправство римских магистратов в сенат, который мог назначить для расследования дела комиссию рекуператоров и предоставить пострадавшим римских patroni. Всё это – достаточно серьезные аргументы против тезиса о международном характере судов de repetundis, который отстаивает Кофанов, и они заслуживают детального обсуждения.

Бóльшая часть заключения (с. 562–585) посвящена рецепции отдельных элементов римского публичного права в Европе и особенно в России. Также там содержатся предложения по реформированию российского законодательства и системы судопроизводства с учетом опыта Древнего Рима. Последние, несомненно, представляют большой интерес, написаны в академической манере и основаны на глубоком изучении практики высших судов РФ, но всё же представляется, что эта проблема имеет лишь косвенное отношение к теме книги, поэтому уделять ей столько места в заключении не очень разумно. Собственно выводы по итогам работы занимают полторы страницы (с. 585–586) и, в общем, повторяют то, что было сказано в отдельных главах.

Итак, самые важные достоинства и сильные стороны книги перечислены выше. Но нельзя умолчать и о некоторых более общих ее недостатках. Сначала следует коснуться методики работы Кофанова с источниками. Может вызвать некоторые вопросы его подход к интерпретации данных литературной традиции, относящихся к событиям VII–V вв. до н.э. В большинстве случаев автор безоговорочно доверяет сообщениям античных писателей. Кофанов не упоминает о проблеме достоверности наших сведений об истории царского и раннереспубликанского Рима и не ссылается на исследователей, которые выступают за более критическое отношение к имеющейся традиции. Для того чтобы понять отношение Кофанова к вопросу о надежности источников по раннему римскому праву, приходится обращаться к его предшествующей монографии, ибо в рецензируемой книге автор не дает систематического обзора источников и историографии. Однако и в книге 2006 г. Кофанов более или менее подробно обсуждает лишь достоверность традиции о так называемых царских законах и Законах XII таблиц. Давая характеристику сведений по социальной и политической истории раннего Рима, содержащихся у Тита Ливия и Дионисия Галикарнасского, он не приводит ни одного весомого аргумента в пользу того, почему мы должны считать их правдиво отражающими историческую действительность[29]. Хотя, например, сам Ромул для Кофанова – «полулегендарный» персонаж, его мероприятия от этого не перестают быть вполне историчными (с. 449). Как безусловно исторические Кофанов рассматривает и раннереспубликанские законы, упомянутые в источниках (например: lex Valeria de prouocatione[30]; lex Aternia Tarpeia 454 г. до н.э. – с. 351–352; lex Valeria Horatia 449 г. до н.э. – с. 318 и т.д.), не поясняя, каким образом традиция сохранила достоверную информацию о них.

Кроме того, в своих построениях Кофанов нередко достаточно своеобразно толкует свидетельства источников. Вот лишь несколько выбранных наугад примеров. На с. 472 автор пишет:

---

[25] При этом Кофанов называет lex Calpurnia de legis actione «законом Кальпурния о зерновой кондикции» (для чего указание Гая не дает ни малейших оснований) и датирует его 149 г. до н.э., что очень спорно и, в любом случае, нуждается в гораздо более серьезной аргументации.

[26] Об этой процедуре см. Gai. *Inst.* IV. 13–17.

[27] См. Richardson 1987, 5–7.

[28] Например, Richardson 1987; Betts, Marshall 2013, 49–51, 60.

[29] Kofanov 2006, 38–50.

[30] У Кофанова этот закон датируется то 509 (с. 349), то 508 (с. 469) г. до н.э.

«Обычай напрямую спрашивать мнение приглашенных на досудебную сходку плебеев или народа их мнения (sic!) за или против обвиняемого был широко распространен в Риме и в случае одобрения народа выражался (sic!) рукоплесканием, а в случае его негодования – освистанием». Дается ссылка на Cic. *Sest.* 115. Однако Цицерон здесь не упоминает, что собравшихся на сходку спрашивают об их мнении: он говорит исключительно о том, как публика может реагировать на речь оратора[31]. Далее: «Сам Цицерон считает этот обычай неудачным заимствованием у греков, хотя в деле Клодия об изгнании самого Цицерона трудно рассчитывать на объективность последнего» (со ссылкой на Cic. *Sest.* 126). Цицерон снова говорит о другом: враждебный ему претор Ап. Клавдий Пульхр имел обыкновение «по обычаю гречишек» (Graeculorum instituto) задавать вопросы участникам народных сходок, в то время как ни отец, ни дед, ни другие предки Пульхра такого никогда не делали. Не до конца ясно, о каком «обычае» и даже о каком «заимствовании у греков» здесь может идти речь: Цицерон рассказывает лишь о действиях одного конкретного претора, которые явно противоречили римской традиции, что оратор и ставит ему в вину. Во второй «Веррине» (II. 5. 36) Цицерон, говоря о своем избрании курульным эдилом, перечисляет свои будущие многочисленные обязанности в этой должности и заключает: «За эти труды и тревоги мне дана и награда: преимущество при голосовании в сенате, тога-претекста, курульное кресло, право оставить свое изображение потомству на память» (пер. В.О. Горенштейна). Может показаться очевидным, что о «награде» оратор говорит исключительно в метафорическом смысле (на что указывает сам выбор слова – fructus, а не, например, praemium), так как все эти преимущества предоставлялись любому лицу, избранному в курульные магистраты. Однако Кофанов из этого высказывания делает вывод о том, что «право масок даже в I в. до н.э. не приобреталось автоматически, но присуждалось сенатом и народом как награда наряду с правом ношения тоги-претексты, пользования курульным креслом и т.п.» (с. 64).

Еще более показательна неортодоксальная интерпретация Кофановым фрагмента из Плутарха (*C. Gracch.* 5): «Гай присоединил к 300 сенаторам такое же число всадников, с тем чтобы судебные дела находились в общем ведении этих 600 человек. Сообщают, что, внося это предложение, Гай и вообще выказал особую страсть и пыл, и, между прочим, в то время как до него все выступающие перед народом становились лицом к сенату и так называемому комитию, впервые тогда повернулся к форуму. Он взял себе это за правило и в дальнейшем и легким поворотом туловища сделал перемену огромной важности – превратил, до известной степени, государственный строй из аристократического в демократический, внушая, что ораторы должны обращаться с речью к народу, а не к сенату» (пер. С.П. Маркиша). На основании этого сообщения Кофанов приходит к интересному, но несколько удивительному выводу: «после принятия [гракханского закона de repetundis] судебные (sic!) ораторы стали обращаться со своими речами не к сенату (sic!), а к народу» (с. 480). По моему мнению, Плутарх здесь говорит все-таки о том, что Г. Гракх, стоя на рострах во время своих выступлений на contiones, поворачивался лицом к Форуму, а не к Комицию и расположенной за ним Гостилиевой курии, как это было принято до него. Следует особо отметить, что все эти трактовки свидетельств источников непосредственно влияют на аргументацию автора.

К сожалению, в книге также содержится большое количество фактических ошибок. Например, процесс Т. Анния Милона de ui автор датирует то 52 (правильно; с. 360), то 50 г. (ошибочно; с. 462) до н.э. В прим. 195 Кофанов заявляет, что в 122 г. до н.э. по закону Кальпурния (sic!) Гракха судей для суда рекуператоров (sic!) стали выбирать только из числа всадников. Процесс Верреса Кофанов датирует то 71 (неверно; с. 457), то 70 (верно; с. 549) г. до н.э. На с. 462 Кофанов упоминает «судебный казус 90 г. до н.э., когда плебейского трибуна Гая Куриона также покинула вся народная сходка, включая его собственных адвокатов». Цицерон (*Brut.* 305) – единственный античный автор, сообщающий об этом эпизоде – пишет только, что C. Curio... erat semel a contione uniuersa relictus (ср. *Brut.* 192), не упоминая ни судебного процесса, ни адвокатов.

Во многих случаях Кофанов дает собственные переводы цитат из античных источников, что, разумеется, можно только приветствовать, но порой они не в лучшую сторону отличают-

[31] «Проявление чувств в комициях и на народных сходках бывает иногда искренним, а порой лживым и продажным... Для того, кто придает значение ничтожнейшим вещам, кто считается с молвой и, как они сами говорят, зависит от благоволения народа и руководствуется им, рукоплескания, разумеется, означают бессмертие, а свист – смерть» (пер. В.О. Горенштейна).

ся от уже существующих русских переводов. Выше мы видели некоторые примеры, приведу еще лишь один. Декрет наместника Дальней Испании претора Л. Эмилия Павла, изданный в 189 г. до н.э., Кофанов перевел так: «Л. Эмилий, сын Луция, император, постановил, чтобы рабы Гастенсов, что проживают в Ласкутанской башне, были свободны; землей и крепостью, которыми они владели в эти времена, он приказывает им владеть и распоряжаться, пока народ и сенат римский этого желает. Совершено в лагерях за 12 дней до февральских календ»[32]. Оставим в стороне, что форма множественного числа castra в данном случае означает просто «лагерь», а actum в подобного рода документах переводится как «издано» или «дано»[33]. Однако без обращения к оригиналу трудно догадаться, что загадочные «Гастенсы» – это жители испанского города Аста (Hasta).

Русский язык Кофанова очень своеобразен и даже может быть не всегда понятен для неподготовленного читателя. В качестве примеров можно привести такие выражения автора: «закон “долго сохранял свою силу” и его действие, возможно, остав[а]лось в силе вплоть до конца республики» (с. 352); «опыт плебейского трибуната прошли и многие другие юристы» (с. 401); «их деятельность оплачивалась не государством, а выплатой части штрафа» (с. 482) и т.п.

Впрочем, упомянутые выше, пусть и довольно многочисленные, несовершенства не должны испортить общего впечатления от книги. В этой связи хотелось бы вспомнить похвальную привычку Плиния Старшего (Plin. Epist. III. 5. 10): nihil enim legit quod non excerperet; dicere etiam solebat nullum esse librum tam malum ut non aliqua parte prodesset. Подкупает прежде всего научная дерзость Кофанова, нетривиальность многих его рассуждений и выводов. Рецензируемая книга не оставляет читателя равнодушным, побуждает к дискуссии с автором, будит мысль, и в этом, наверное, и состоит ее главное достоинство.

Литература / References

Berger, A. 1925: Lex Iulia de pecuniis repetundis. In: *RE*. Bd. XII, 2389–2392.

Betts, I., Marshall, B.A. 2013: The lex Calpurnia of 149 BC. *Antichthon* 47, 39–60.

Crawford, M. (ed.) 1996. *Roman Statutes*. Vol. I. London.

Elster, M. 2020: *Die Gesetze der späten römischen Republik: Von den Gracchen bis Sulla (133–80 v. Chr.)*. Göttingen.

Ernout, A., Meillet, A. 2001: *Dictionnaire étymologique de la langue latine*. 4e ed. Paris.

Frier, B.W. 1985: *The Rise of the Roman Jurists: Studies in Cicero's pro Caecina*. Princeton.

Kofanov, L.L. 2006: [*Lex and Ius: The Beginning and Development of the Roman Law from the Eighth to Third Centuries B.C.*]. Moscow.

Кофанов, Л.Л. *Lex и ius: возникновение и развитие римского права в VIII–III вв. до н.э.* М.

Kofanov, L.L. 2007: [Roman *Civitas* and municipal law of the Republican epoch]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 3, 101–119.

Кофанов, Л.Л. Римская civitas и муниципальное право эпохи Республики. *ВДИ* 3, 101–119.

Kofanov, L.L. 2008a: [On categories of the Roman law in Justinian's Digest and on their modern interpretation by D.O. Tuzov]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [*Journal of Russian Law*] 5, 126–136.

Кофанов, Л.Л. К вопросу о категориях римского права в Дигестах Юстиниана и в их современной интерпретации Д.О. Тузовым. *Журнал российского права* 5, 126–136.

Kofanov, L.L. 2008b: [Public *Servitutes* in the Roman Republic]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 4, 55–68.

Кофанов, Л.Л. Публичные сервитуты в Римской республике. *ВДИ* 4, 55–68.

---

[32] *CIL* I². 614 = *CIL* II. 5041 = *ILS*15 = *ILLPP* 514: L. Aimilius L. f. inpeirator decreiuit, utei quei Hastensium seruei in turri Lascutana habitarent, leiberei essent; agrum oppidumqu., quod ea tempestate posedisent, item possidere habereque iuosit, dum poplus senatusque Romanus uellet. Act(um) in castreis a.d. XII K. Febr.

[33] Ср. с переводом этой надписи в хрестоматии Utchenko 1962, 197: «Луций Эмилий сын Луция, император, предписал, чтобы те рабы жителей Асты, которые проживают в крепости Ласкутане, были свободны. Он приказал, чтобы они владели той землей и городом, которые принадлежат им сейчас, до тех пор, пока это будет угодно римскому народу и сенату. Издан [этот приказ] в лагере за 12 дней до календ февраля».

Kofanov, L.L. 2015: [*Leges repetundarum* and *Furtum Publicum* in public corn trade of Republican Rome]. *IVS ANTIQVVM / Drevnee pravo* [*IVS ANTIQVVM / Ancient Law*] 31/1, 140–151.
Кофанов, Л.Л. Leges repetundarum и публичная кража в государственной торговле хлебом республиканского Рима. *IVS ANTIQVVM / Древнее право* 31/1, 140–151.
Kofanov, L.L. 2017: [*Actiones populares* between private and public trial in the Roman Republic]. *IVS ANTIQVVM / Drevnee pravo* [*IVS ANTIQVVM / Ancient Law*] 35/1, 59–81.
Кофанов, Л.Л. Actiones populares между частным и публичным судебным процессом в Римской республике. *IVS ANTIQVVM / Древнее право* 35/1, 59–81.
Lintott, A.W. 1992: *Judicial Reform and Land Reform in the Roman Republic*. Cambridge.
Magen, R.-P. 1985: *Staatsrecht: Eine Einführung*. 7. Aufl. Berlin–Heidelberg.
Mommsen, T. 1887. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. 3. Aufl. Leipzig.
Pavlov, A.A. (ed.) 2012: [Paulus Diaconus. Epitome *Sexti Pompei Festi De verborum significatu*. Selected glosses]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 219–268.
Павлов, А.А. (пер., комм.). Павел Диакон. Эпитома сочинения Секста Помпея Феста «О значении слов». Избранные глоссы. *ВДИ* 2, 219–268.
Richardson, J.S. 1987: The purpose of the lex Calpurnia de repetundis. *Journal of Roman Studies* 77, 1–12.
Savagner, A. 1846 (ed.): *Sextus Pompeius Festus. De la signification des mots*. Paris.
Smith, C.J. 2006: *The Roman Clan: The Gens from Ancient Ideology to Modern Anthropology*. Cambridge.
Smyshlyaev, A.L. 2014: [Once more on *responsa* of Roman jurists and *disputatio fori*]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 4, 110–129.
Смышляев, А.Л. Еще раз о responsa римских юристов и disputatio fori. *ВДИ* 4, 110–129.
Smyshlyaev, A.L. 2016: [A commentary on L.L. Kofanov's paper "Once again about *disputatio fori* and *responsa prudentium*: in reply to A.L. Smyshlyaev" (VDI 2015. № 4)]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 76/2, 410–421.
Смышляев, А.Л. Комментарий к статье Л.Л. Кофанова «Еще раз о disputatio fori и responsa prudentium: ответ А.Л. Смышляеву» (ВДИ 2015. № 4). *ВДИ* 76/2, 410–421.
Utchenko, S.L. (ed.) 1962: [*History of Ancient Rome: A Reader*]. Moscow.
Утченко, С.Л. (ред.). *Хрестоматия по истории Древнего Рима*. М.
Venturini, C. 1979: *Studi sul 'crimen repetundarum' nell'età repubblicana*. Milano.
Walde, A. 1938: *Lateinisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. I. 3. Aufl. Heidelberg.
Zimmermann, R. 1996: *The Law of Obligations: Roman Foundations of the Civilian Tradition*. Oxford.

Vyacheslav K. Khrustalev,

Herzen State Pedagogical University
Saint Petersburg, Russia
Pskov State University
Pskov, Russia

E-mail: vyacheslav2511@gmail.com
ORCID: 0000-0002-3174-9028

Acknowledgements: Russian Foundation for Basic Research project no. 19-09-00183

В.К. Хрусталёв,

к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории
института истории и социальных наук
Российского государственного педагогического
университета им. А.И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия;
научный сотрудник лаборатории
«Центр комплексного изучения проблем
региональной безопасности»

Псков, Россия

Vestnik drevney istorii
82/4 (2022), 968–976
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/4 (2022), 968–976
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910015113-7

T. FIGUEIRA, C. SOARES (eds.). Ethnicity and Identity in Herodotus. London – New York: Routledge, 2020. XI, 341 p. ISBN 978-1-032-33721-0

На рубеже XX–XXI вв. в мировом антиковедении тема формирования этнической идентичности в древних обществах – на внутриэтническом уровне, среди греческих и римских обществ, или на межэтническом уровне, как результат их контактов с варварскими народами, – стала, пожалуй, одной из самых дискуссионных, модных и злободневных. За последние годы появились сотни публикаций, посвященные проблемам мультикультурализма, этничности, идентичности, этнополитики, этнографии, этнологии и этнопсихологии в древнем мире.

Рецензируемый сборник «Этничность и идентичность у Геродота», как сказано в предисловии к нему (с. XI), стал плодом «англофонно-лузофонного» проекта; иными словами, в число его авторов (их 14) вошли ученые из англоязычных (США, Великобритания, Ирландия) и португалоязычных (Португалия, Бразилия) стран[1]. Антиковедение последних, называя вещи своими именами, трудно отнести к числу ведущих национальных школ; впрочем, в последнее время оно переживает довольно бурный рост[2].

В основу большинства статей, включенных в книгу, легли доклады, сделанные в 2016 г. на 9-й Кельтской конференции по классической филологии, в рамках секции «Этничность и мультикультурализм у Геродота: глазами других». Самой книге дано несколько иное название, но и из него сразу видно, что авторы стремятся в полной мере работать в русле модных трендов. Как заметила недавно – не без некоторой иронии – сторонница традиционных методологий Л. Пранди (не в связи с Геродотом, а по иному поводу), налицо «бесспорная привлекательность таких формулировок, как *connectivity, ethnicity, foundation stories, frontier history, intentional history, middle ground, network, peer polity interaction*»[3]. Применительно к «отцу истории» подобные подходы впервые были полноценно реализованы, пожалуй, в «Зеркале Геродота» Ф. Артога[4], из-за чего эта монография признана этапной. В ней большое место занимают вопросы идентичности: французский ученый пытался показать, как Геродот творит «образ Иного»[5], чтобы тем оттенить эллинскую «самость». С тех пор о галикарнасском историке часто пишут в инновационном ключе.

Невозможно спорить с тем, что этничность у Геродота – весьма богатая тема. Во введении к рецензируемой книге (с. 1–12) Т. Фигейра справедливо замечает, что «отца истории» часто называют и «отцом этнологии». Многочисленные и пространные этнографические пассажи его труда неоднократно становились предметом научного анализа, с позиций как традиционно-позитивистских (Р. Бихлер)[6], так и современно-культуроцентристских (Р. Мансон)[7].

---

[1] Впрочем, единственный язык самой книги – английский.

[2] Так, профессор из Коимбры Д.Ф. Леан недавно стал соавтором П. Дж. Родса, одного из крупнейших антиковедов современности, в работе над новым изданием сохранившихся фрагментов законов Солона (Leão, Rhodes 2016). В последние годы Д.Ф. Леан принимал участие в подготовке сборников, посвященных Плутарху (2009), Диогену Лаэртскому (2013) и др.

[3] Prandi 2018, 10; 2020, 5.

[4] Hartog 1980.

[5] Делал это Ф. Артог преимущественно на материале скифского логоса, и, кстати, его метод заставил автора деисторизировать подлинных скифов, сведя их, по сути, к геродотовскому образу, за что он подвергался критике.

[6] Bichler 2001.

[7] Munson 2001.

Фигейра начинает введение эксплицитной констатацией того факта, что внимание авторов сборника преимущественно к проблеме этнической идентичности порождено прежде всего реалиями наших дней: «Переориентация научных интересов в значительной степени была вызвана эмпирическими факторами, вырастающими из обстоятельств жизни в “западных” постиндустриальных обществах» (с. 1). Перечисляются эти факторы, среди которых – проведение западными демократиями «политики идентичности», возрастающая активность этнических групп, порой сопровождающаяся насильственными действиями, представление о «столкновении цивилизаций», стремление сблизить антиковедческие штудии с другими гуманитарными дисциплинами и т.п.

Далее, смещая изложение ближе к античному материалу, Фигейра указывает, что ныне стала заметна тенденция помещать появление противопоставления греков и варваров в более позднее время, чем считали раньше, а именно в начало V в. до н.э., и связывать его с персидской агрессией[8]. Но само представление об этнической идентичности теперь обычно понимается как нечто сконструированное, а не изначально данное: «из-за токсичного наследия националистических идеологий XIX и XX вв. в антиковедении последнего времени этногенез приобрел ауру искусственности» (с. 3).

В связи с Геродотом отмечается, что у него проблематика этничности не сводится к греко-варварским отношениям; в «Истории» немало рассуждений об этнической идентичности также в связи с разными группами эллинов (дорийцы, ионийцы) и даже с разными полисами. Геродота можно назвать первым аналитиком культурных различий, первым, кто в европейской интеллектуальной традиции обратил внимание на процессы дифференциации. Им предвосхищена вся история понимания «Иного» в западном сознании.

Фигейра определяет круг основных вопросов, которые должны быть рассмотрены в разделах книги, однако в действительности не все темы, что здесь проблематизирует редактор, получают в дальнейшем должное освещение. Ключевым культурным различием между греческим и негреческим мирами для Геродота является наличие/отсутствие феномена полиса с присущими ему категориями (*nomoi, eleutheria*). Однако в статьях почти не говорится о феномене полиса и его связи с этнической идентичностью.

Основная часть сборника структурирована по тематическому принципу и состоит из четырех частей. В первую – «Методология этнической идентификации у Геродота» – вошли четыре статьи. В работе С. Брэндвуда «*Hermēneus* Геродота и трансляция культуры в “Истории”» (с. 15–42) поднята важная проблема перевода и переводчиков. Связанные с этой темой реалии, несомненно, играли большую роль для самого галикарнасского автора, который много путешествовал по разным странам, общался с местными жителями и при этом всегда должен был прибегать к услугам толмачей (ἑρμηνεῖς), поскольку не знал других языков, кроме греческого. Но упоминаний переводчиков у «отца истории» гораздо меньше, чем ожидалось бы. Брэндвуд находит всего лишь шесть релевантных эпизодов, из которых только один связан с опытом самого Геродота. Все эти эпизоды в статье подвергаются анализу[9]: случаи в Египте, Персии, Скифии, в посольстве ихтиофагов в Эфиопию и тот случай, когда Геродот сам взаимодействовал с переводчиком. В Herod. II. 125 ἑρμηνεύς в Египте озвучивает Геродоту совершенно фантастическую версию содержания надписи на пирамиде (с. 30).

Статья завершается следующими выводами. Геродот в своем труде сам выступает в роли культурного переводчика, то есть переводит культуры иных народов на язык греков. Ведь любой перевод не сводится к чисто языковому переводу, он включает и передачу смыслов, которые всегда культурно обусловлены: «языки варваров могут быть поняты как языки с достаточной легкостью, но их контекст и содержание получают какой-то моральный смысл только благодаря усердному труду Геродота как *hermēneus* для своих читателей» (с. 32).

---

[8] В своей статье о языке и этнической принадлежности (см. далее) Фигейра отмечает, что греки и варвары стали полярными категориями задолго до экспедиции Ксеркса в Элладу (с. 53, 55, 59–60). Вопрос о возникновении дихотомии «эллины – варвары» является дискуссионным. Один из авторов данной рецензии уверен, что концепция варварства складывается у греков только в первой половине V в. до н.э. в результате греко-персидских войн (Surikov 2009, 24–25; 2011, 220–270), другой же считает, что этот процесс актуализируется еще в архаическую эпоху с «расширением» эллинского мира в ходе Великой греческой колонизации (Sinitsyn 2015; 2017b).

[9] Странно, что при цитировании геродотовского текста в статье встречаются неточности в написании греческого *термина*, с которым работает автор: “ the term ἑρμήνευς → ἑρμηνεύς; οἱ ἑρμηνέες → οἱ ἑρμηνέες; ἑρμηνέων → ἑρμηνέων” и т.п.

Далее следует статья Т. Фигейры «Язык как маркер этничности у Геродота и его современников» (с. 43–71). В начале автор обращается к знаменитому геродотовскому определению эллинства (τὸ Ἑλληνικόν) – это едва ли не самое важное во всей «Истории» (VIII. 144) место для проблематики этнической идентичности. Эллинство включает, согласно Геродоту, единую кровь (т.е. общее происхождение), единый язык, общие святыни (храмы, жертвоприношения), схожий образ жизни.

Языковой фактор здесь фигурирует как один из наиболее важных. Как отмечает Т. Фигейра, в последнее время тенденция минимизировать его значение проявилась в ряде работ Дж. Холла[10], который из всех антиковедов в наибольшей степени склонен настаивать на том, что этническая идентичность – это культурно сконструированный феномен. Фигейра подчеркивает, что языковой критерий отнюдь не следует недооценивать, «речь на негреческом языке... исключала принятие человека в члены как эллинского *ethnos* в целом, так и какого-либо греческого *ethnos* в частности[11]» (с. 53). И на уровне обыденного сознания различие между греками и не-греками было в первую очередь языковым.

Во второй части работы Фигейра рассматривает проблему складывания дихотомии «эллины – варвары», ссылаясь на многие важные работы (с. 65, прим. 82–86). Автор в 11 пунктах представляет в хронологическом порядке «лингвистические примеры» греческой этнической идентичности (прим. 55–58). Он опирается на широкий круг источников от Гомера и архаических лириков до Страбона (с. 47–59), но вопрос о языке и этничности у Геродота и его современников, на наш взгляд, остается проблемным.

В статье Б. Хилла «Система этнической терминологии у Геродота» (с. 72–83) рассматриваются особенности «этнического словаря» историка, в частности, употребление им терминов ἔθνος и γένος. Американский исследователь опирается на утверждения, изложенные К. Джонсом в небольшой статье об ἔθνος и γένος у «отца истории»[12]. Хилл начинает с обсуждения геродотовского определения τὸ Ἑλληνικόν в Herod. VIII. 144 (с. 73–74, с отсылкой к статье Фигейры в этом томе, с. 81, прим. 5). Интересующие его термины у Геродота Хилл сравнивает со специфической этнической терминологией в других источниках (в частности, у Фукидида). Оба этнологических термина составляют важнейший элемент геродотовской лексики идентичности и не являются для галикарнасского историка синонимами. Как считает Хилл, эти термины употребляются таксономически: γένος – понятие более широкое, а ἔθνος – более низкий уровень классификации.

Статья Э. Аллен-Хорнблауэр «Эмоция и этничность в “Истории” Геродота» (с. 84–105) начинается с рассмотрения одного ценного в этнокультурном плане геродотовского пассажа. Речь идет о рассказе, в котором Дарий I предложил грекам съесть своих покойных родителей, а неким индийцам, поедающим тела мертвецов,– сжечь их на костре (Herod. III. 38). Те и другие были глубоко возмущены, а «отец истории» в данной связи припомнил слова Пиндара: νόμος ὁ πάντων βασιλεύς («обычай – царь всего»)[13]. Как констатирует исследовательница, это место демонстрирует убежденность Геродота в том, что эмоциональные реакции являются относительными в культурном плане. Далее по ходу статьи данное положение конкретизируется на примерах человеческих эмоций: страха, гнева, жалости и горя. По мнению автора, описание Геродотом различных эмоций служит различению этнических групп: как внутриэтнических (эллины разных полисов и областей), так и межэтнических (эллины и варварские народы). Характеристики *pathos*, *ethos*, *hybris* не-эллинов через истории, сказки, анекдоты с использованием этнического юмора свидетельствуют об особенностях этнического (взаимо)восприятия.

Вторая часть – «Этничность среди греков» – тоже включает четыре статьи. Она открывается работой Г. Надя «Возвращаясь к магам и ионийцам» (с. 109–142), предлагающей неожиданный ракурс подхода к кругу проблем, которым посвящен сборник[14]. Вся статья разделена на десятки разделов (§ 0–62), с перекрестными ссылками, в которых представлена дискуссия автора (GN) с его

---

[10] Например: Hall 1997; 2002.

[11] Здесь имеются в виду диалектные группы.

[12] Jones 1996.

[13] В связи с этим местом см. Kingsley 2018 и наш обзор статьи Кингсли: Sinitsyn, Surikov 2019, 189–190. Дополнительно: Stefou 2015; Grintser 2018, 170–174.

[14] Текст Г. Надя «Маги и ионийцы» был опубликован в 2017 г. на сайте «Classical Inquiries: Studies on the Ancient World from the Center for Hellenic Studies»: URL: https://classical-inquiries.chs.harvard.edu/magoi-and-ionians, дата обращения 01.12.2022; и продолжение: URL: https://classical-inquiries.chs.harvard.edu/a-preview-of-mages-and-ionians-revisited/, дата обращения 01.12.2022; а также в итальянском сборнике «Древние персы»: Nagy 2018.

коллегой, редактором этого тома Т. Фигейрой (TJF). Здесь можно прочесть ответы на замечания, комментарии к дополнениям, пояснения к возражениям и вопросам оппонента, отреагировавшего на электронную публикацию статьи «Маги и ионийцы»[15].

Г. Надь рассматривает греческий термин *mágos*/μάγος, заимствованный из древнеперсидского *maguš* (с. 109–118, 136–137), показывая, что исторический контекст этого слова был многозначным и сложным, и не существует единого его «восточного» значения. Исследователь привлекает источники от Гомера, Гераклита, Гелланика, Ферекида, Геродота до Клемента Александрийского и словаря «Суда». Ранние случаи употребления μάγος, как показывает Надь, относятся к человеку, обычно обладающему религиозным авторитетом, которого следует опасаться как потенциального тирана. Интересен комментарий автора к стиху 387 «Царя Эдипа» Софокла, где Эдип называет Тиресия «магом», подозревая прорицателя в намерении узурпировать власть в Фивах. По мнению Надя, это значение μάγος явилось результатом взаимодействия ионийских греков с персами.

В статье реконструируется возможный альтернативный путь эволюции греческой идентичности в том случае, если бы нашествие Ксеркса оказалось удачным. В представлении Надя при подобном развитии событий эта идентичность сформировалась бы не как идентичность эллинов, а как идентичность ионийцев. Если бы Персидская империя одержала победу в морском сражении при Саламине, то произошла бы общая перегруппировка сил, которая могла повлиять на весь эллинский (эгейский) мир, и тогда именно ионийцы стали бы «новыми супер-греками» (с. 128). Но в решающей схватке 480 г. до н.э. верх одержали афиняне; после этого уже Афины контролировали Ионию из Европы, а не Сарды в Малой Азии.

Из числа интересных наблюдений, содержащихся в статье, одно относится к знаменитому спору трех персов о формах государственного устройства (Herod. III. 80–83). Чаще всего историчность этих дебатов в литературе отрицается, а вот Надь допускает, что они вполне могли иметь место в 522 г. до н.э., но обсуждалась при этом «идеальная форма власти не для персов как таковых, а для азиатских греков, населявших самую западную часть их державы, особенно для ионийцев, которые считались доминирующей культурой азиатского грекоязычного мира в отличие от эолийцев на севере и дорийцев на юге» (с. 134).

Тот же спор персов, помимо прочих сюжетов, затрагивается и в статье Р.В. Мансон «Свобода и культура у Геродота» (с. 143–158). Она принадлежит к тем статьям сборника, которые в наибольшей степени проникнуты «духом современности». Статья даже начинается с рассуждения о том, что вооруженная интервенция США в другие страны часто диктовалась идеологическим мотивом: принести свободу народам, томящимся в условиях авторитарных режимов, за что эти народы должны быть благодарны. Этот разделяемый многими американцами взгляд, замечает Мансон, является проявлением этноцентризма: он исходит из того, что есть общества, которые неспособны самостоятельно прийти к свободе (концептуализировать свободу, с. 143), и их нужно насильно ею «осчастливить».

Именно так, пишет далее исследовательница, считали в античности европейские греки, видевшие в том же Востоке исключительно мир несвободы. Но азиатские греки, имевшие опыт персидского подданства, понимали, что в действительности ситуация сложнее, а Геродот как раз был одним из них. Мансон, как и Э. Аллен-Хорнблауэр (см. выше), считает, что Геродот был релятивистом в этнокультурном плане, но указывает, что у него этот релятивизм не был таким далеко идущим, как у софистов: он не склонен считать местные обычаи просто условностями, которыми можно пренебрегать.

Автор рассматривает политические обычаи и смысл(ы) свободы, анализирует понятия νόμος, ἰσονομίη, ἀρχή, ἐλευθερίη у Геродота, связь последней с этнической идентичностью эллинов. Греческая концепция ἐλευθερίη, как отмечается в статье, имеет два значения: свобода от внешнего владычества (национальная) и внутренняя свобода граждан (личная). По Геродоту, для варваров ἐλευθερίη относится только к «внешней свободе», а особенность греков – в том, что у них эти два понятия свободы слиты воедино.

В статье А. Аньолона «Космополитизм и случайность у Геродота: миф и трагедия в IV книге “Истории”» (с. 159–177) речь идет о скифском логосе. В ее центре – эпизоды, связанные с преступлениями Анахарсиса и Скила (Hdt. IV. 76–80). Однако цель автора – показать, как «отец истории»,

[15] Дискуссия Надя и Фигейры была полностью представлена в статье Nagy 2018, а в версии, перепечатанной в рецензируемом сборнике, в скобках указаны страницы ранней версии работы: $\{|_{97-121}\}$, что, на наш взгляд, загромождает публикацию 2020 года.

выступая в роли «переводчика культур», смотрит на скифские практики глазами греков, пытается сделать их понятными с помощью символических структур, известных эллинам, коренящимся в их мифах и трагедиях. Исследователь анализирует поведение заглавных персонажей софокловских драм «Царь Эдип» и «Филоктет» (с. 166–168), проводит параллели между судьбой геродотовского Скила и судьбой Пенфея в «Вакханках» Еврипида[16] (с. 169–170, 171).

Аньолон рассматривает так называемые «мифы сопротивления» или «отрицания», суть которых заключается в отказе от поклонения какому-либо божеству и последующее наказание нарушителя. Такие сказания были известны эллинам, и автор показывает, что преступления, за которые были наказаны своими соплеменниками Анахарсис и Скил, связаны с греческими представлениями об идентичности.

В статье Н. Симойнша Родригеша «Богиня для греков: Деметра как фактор идентичности у Геродота» (с. 178–197) предметом анализа становится образ одной из главных богинь эллинов. Автор считает, что Деметра в труде Геродота представлена как божество, отражающее панэллинскую идентичность, соглашаясь с Д. Бёдекер[17], обратившей внимание на то, что эта богиня (и связанная с ней элевсинская символика) фигурирует в рассказах галикарнасского историка о трех великих и победных для греков сражениях Греко-персидских войн (Саламин, Платеи, Микале), а также о Фермопильской битве, которая не принесла эллинам победу, но стала символом борьбы за «греческую свободу», центральным событием в ходе сопротивления восточным захватчикам (с. 186–187, 189).

В «Истории» рассказ о каждом из этих событий, включающий «присутствие» Деметры, по мнению автора, представляет богиню как автохтонную. Защищая свое пространство, Деметра защищает всю Элладу, она помогает связать идею территории с этнической идентичностью. Таким образом, богиня земледелия в ее элевсинском выражении выступает божеством панэллинского характера, которое играет ключевую роль в победе греков над персами, и она представлена покровительницей всех эллинов во время варварского вторжения. Как считает португальский антиковед, в V в. до н.э. именно Деметра могла послужить символом, использованным для установления эллинской идентичности (с. 184–185, 189–191).

Четыре статьи содержит и третья часть сборника – «Этническая идентичность среди варваров». В статье Р. Соусы «Мемфисские источники Геродота» (с. 199–219) речь идет о египетском логосе. В нем описания многих реалий корректны и последовательны, согласуются с археологическими свидетельствами. Именно греки, обосновавшиеся в Египте, обеспечили Геродоту необходимую сеть контактов, которая могла облегчить его путешествие по стране и сбор материала для своего труда.

И все же принадлежность Геродота к греческой культуре создавала ему серьезные препятствия, поскольку культура была ключевым фактором в определении этнической принадлежности. Соуса связывает это с общей ксенофобией египтян, укоренившейся во время ассирийского и персидского господства. Он сомневается в том, что Геродот всюду общался с египетскими жрецами, как сам говорит об этом. Автор статьи считает, что информацию историк брал в основном у греко-египетских метисов, игравших роль переводчиков. Исключение составлял Мемфис, который тогда имел особый политический и религиозный статус. В этом городе сформировалась мультикультурная общность: египтяне, европейские и азиатские греки, евреи, карийцы, финикийцы. Именно здесь, по мнению Соусы, Геродот смог получить прямой доступ к знаниям жрецов. В других областях Египта жрецы не были столь расположены к иностранцам.

Статья М. де Фатимы Сильвы озаглавлена «Взгляд на греков с Востока: европейский враг Ксеркса» (с. 220–236) и написана в основном на материале седьмой книги «Истории». Как считает исследовательница, учитывая кульминационную важность кампании против Эллады, которой посвящен труд Геродота, VII книга включает в себя своего рода интертекстуальный диалог с предыдущими книгами «Истории» в отношении повествования об основных кампаниях персов. В ней демонстрируется, как Геродот изображает оценку персами сил греков по сравнению с их собственными силами. Их взгляд выглядит как явная недооценка противника. Де Фатима Сильва полагает, что причинами неудачи экспедиции Ксеркса были: *1)* неумелая военная «логистика» персов (это слово автор статьи не употребляет, но речь идет о стратегическом управлении в грандиозном походе персов на Элладу); *2)* скудные сведения персидского царя об эллинах и их стране; *3)* его презрительное к ним отношение, поскольку он был убежден, что никакой противник не способен противостоять

---

[16] Сопоставление истории скифского царя Скила с фиванским царем Пенфеем в связи с дионисийскими мотивами см. Shaub 2006, 347–349.

[17] Boedeker 2007.

персидской мощи и готов подчиниться его власти; *4)* царь ошибочно оценивал врага, исходя из собственных культурных и этнических представлений (с. 232). Просчет Ксеркса состоял в том, что он не понимал, насколько далек менталитет подвластных ему восточных народов от менталитета эллинов. Автор считает, что Эсхил и Геродот выразили схожее мнение в изложении ключевых событий недавнего героического прошлого греков[18].

Статья Р. Ганье «Миражи этничности и дальнего севера в IV книге “Истории”: гипербореи, аримаспы и исседоны» (с. 237–257) посвящена τὰ μακρότατα, народам на севере ойкумены, описанным Геродотом. В скифский логос историк включил пространный экскурс о поэте и путешественнике Аристее, рассказы об исседонах, аримаспах, гиперборeях. По мнению Ганье, сведения о гиперборeях происходят из фантазий эллинских поэтов об окраинных народах, и они не имеют ничего общего с реальной этнографией (с. 242–243). Гиперборея – это проекция из центра на периферию. С такой локализацией сказочных гиперборeев связана критика представлений эллинов о пределах ойкумены, форме мира, симметричном делении на Европу и Азию. Геродот иронизирует по поводу представлений своих коллег-географов о формах земли и конфигурации континентов, демонстрирует превосходство своего метода, и в пассаже VI. 36 он явно высмеивает ионийских писателей[19].

В небольшом очерке М. ду Сеу Фиалью «Этничность у Геродота: история Елены глазами египтян» (с. 258–268) вновь возникает греко-египетская тема. Прежде чем перейти к рассмотрению сказания о Елене Спартанской в «Истории», дан общий план египетского логоса (с. 259–260). Мария ду Сеу Фиалью ссылается на статьи М. де Баккера и И. де Йонг (обе были опубликованы в сборнике «Миф, истина и нарратив у Геродота»[20]), посвященные этому конкретному сюжету египетского логоса. Говоря об имени, характере и поведении Протея, автор не включает в дискуссию работу Н.П. Гринцера[21], где рассматриваются случаи гомеровской критики у Геродота и, в частности, логос о Протее и Елене в связи с «Одиссеей».

Рассказ Геродота о пребывании Елены в Египте представляет собой альтернативную версию мифа об этой героине, в которой она не попадает в Трою. Впервые эта версия встречается еще в архаическую эпоху, в «Палинодии» Стесихора; на ней же построена «Елена» Еврипида, а у Геродота она демифологизирована (с изъятием призраков, чудесного и т.п.) и при этом, по обыкновению, приписана египтянам. По мнению исследовательницы, целью «отца истории» являлась «деконструкция дихотомии греческое – варварское» (с. 265).

В последней части, «Отражение этнической историографии Геродота», представлены две статьи. Одна из них – «Варвары, эллинство и мудрость: последующая судьба спора Креза с Солоном» (с. 271–295) – написана Д.Ф. Леаном. Здесь речь идет о том пассаже «Истории», который исключительно часто привлекал к себе внимание в исследовательской литературе. Впервые рассказ о встрече лидийского царя и афинского мудреца встречается именно у Геродота, а затем он неоднократно появляется у более поздних авторов. Разумеется, все они опираются на геродотовское повествование, но по-разному изменяют его. Именно на позднейших разработках сюжета концентрируется португальский ученый. Он показывает, что они по сравнению с исходной версией Геродота получают более этноцентричный характер. «У Геродота эпизод с Крезом и Солоном предназначен очертить этику универсального, а не специфически греческого применения. У Плутарха, напротив, налицо весьма энергичное выражение оппозиции греческого и варварского» (с. 290). Как тут не вспомнить, что Плутарх в известном трактате «О злокозненности Геродота» упрекает «отца истории» в «филоварварском» духе? Леан, между прочим, допускает, что встреча эта, вопреки безусловно преобладающей точке зрения, могла действительно иметь место (с. 272–273). Впрочем, здесь он опирается на гипотезу Р. Уоллеса[22], согласно которой Крез начал править в 580-х гг. до н.э., но эта гипотеза не кажется нам убедительной.

---

[18] Сопоставление рассказов об экспансии Ксеркса у Эсхила и Геродота см. Sinitsyn 2017a, 59–72; 2019, 98–103 (все работы – с обзором литературы по теме).

[19] Укажем важное исследование: Bichler 2018 (в очерке Ганье учтены многие работы Р. Бихлера, но нет этой статьи о Геродоте-географе). Из новых работ о границах, рубежах и пространственных категориях у ранних греческих историков см.: Bichler 2014; Zali 2018; Sinitsyn 2019; Surikov 2019.

[20] Baragwanath, de Bakker 2012.

[21] Статья Н.П. Гринцера 2016 г. на русском языке вряд ли доступна португальской коллеге, но в геродотоведческом сборнике, изданном «de Gruyter», был опубликован английский вариант этой работы (Grintser 2018), которую ду Сеу Фиалью следовало учесть (другие авторы сборника ссылаются на главы этой коллективной монографии о Геродоте: Bowie 2018).

[22] Wallace 2016.

Завершается сборник статьей К. Суареш[23] «Научный дискурс во II книге Геродота и его отражение в эпоху открытия Нового Света» (с. 296–325), в которой речь идет, собственно, не об античности, а о влиянии «геродотовской матрицы» и несколько шире, геродотовско-гиппократовской классической историко-научной матрицы, на ранние португальские нарративы о Бразилии. Исследовательница начинает с обсуждения принципов научного дискурса, разработанного Геродотом для построения идентичности египетской и других не-греческих культур (с. 302–308). Она анализирует корпус текстов, относящихся к категории «экспансионистской литературы о путешествиях» (с. 309)[24] – работы португальских переселенцев XVI в. Автор показывает, какое влияние геродотовская матрица оказала на описания неизвестных ранее земель и народов в эпоху Великих географических открытий (с. 308–316).

Проведенный Суареш сравнительный анализ древних и новых источников позволил ей сделать вывод о том, что в историко-этнографической литературе Нового времени присутствуют ссылки на классические топосы в описании иных народов. Такого рода опыт сопоставления разновременных источников нам представляется новым и интересным, он может стать хорошим примером изучения рецепции Геродота в европейских национальных этно-географических школах. Как показала португальская исследовательница, текстологические маркеры историко-научного дискурса, установленные древнегреческими авторами V в. до н.э., были как бы заново оживлены в эпоху Великих географических открытий в произведениях португальских поселенцев.

В конце книги помещены указатель источников (с. 326–331) и общий указатель имен, географических, этнографических и других реалий (с. 332–341).

Подводя итог, отметим, что в ряде статей рецензируемого сборника, безусловно, содержатся ценные и интересные идеи, но в целом складывается впечатление, что распределение статей по разделам было сделано искусственно, поскольку не всегда ясна связь того или иного материала с проблематикой раздела, где он помещен. Книгу нельзя назвать коллективной монографией, поскольку она представляет, скорее, собрание работ, авторы которых исследуют различные проблемы этничности и идентичности.

В предисловии и введении говорится, что одна из целей данного проекта – завязать диалог между англозычными и португалоязычными учеными. Однако в книге этот *диалог* не представлен. В примечаниях к некоторым статьям есть перекрестные ссылки (сделанные, вероятно, Т. Фигейрой), но взаимодействия между англофонными и лузофонными антиковедами, на наш взгляд, составителям показать не удалось.

В сборнике встречается много опечаток и неточностей разного характера. Б. Хилл указывает (с. 81, прим. 4), что переводы цитируемых источников выполнены им самим, и это, конечно, хорошо, но плохо другое: в его статье речь идет об именах и терминах, а в авторском переводе пассажа Herod. VII. 204 как раз греческие имена переданы неточно (с. 82, прим. 14): Λεωβώτης (Леобот) как Leobates, а имя Ἤγις (Эгий) как Agis (*sic*! – здесь, по-видимому, одного спартанского царя переводчик перепутал с другим). В статье А. Аньолона драма «Вакханки» Еврипида датирована 405 г. до н.э. (с. 169), но это неверно, так как поэт умер годом раньше – в 406 г.

В греческих словах неверно расставлены диакритические знаки (например, Ἑλλὴνων → Ἑλλήνων, ἀρπάζειν → ἁρπάζειν и др.). Имя Аристофана при ссылках на источник передается в сокращении то Ar., то Arist., но этими же двумя вариантами авторы сборника передают и имя Аристотеля (причем различные варианты есть даже в рамках одной статьи). Чередование «c» и «k» в передаче имен встречается сплошь и рядом: например, Heracles and Skythes (с. 238); у Б. Хилла присутствуют одновременно варианты написания Heracles и Herakles и т.п.

Есть неточные цитирования, ошибки в указании имен исследователей и выходных данных публикаций. В целом присутствует «разнобой» в оформлении библиографических списков к отдельным статьям сборника. Складывается впечатление, что разделы вычитывались разными редакторами-составителями, а после они не удосужились оформить все по единому стандарту. Надо

---

[23] Профессор классических исследований Коимбрского университета Кармен Суареш является соредактором рецензируемой книги и автором многих публикаций по античной истории и культуре, а также по истории поселенцев из Португалии в Южной Америке, межкультурным контактам в Новое и Новейшее время. Вместе с другими авторами рецензируемого сборника она подготовила коллективную монографию об идентичности в античности: Soares *et al.* 2016.

[24] Со ссылкой на теоретиков литературы, исследовавших жанр «описания путешествий» (“Travel Writing”) (см. с. 321, прим. 39).

сказать, что все это усугубляет и без того неоднозначное впечатление о разношерстном полиэтническом сборнике.

В заключение хотелось бы обратить внимание вот на какой момент. В определенном смысле Геродот и северо-восточная ойкумена – это «наша тема» в русской науке об античности и без исследований российских антиковедов тут просто не обойтись. Об Аристее Проконнесском и его «Аримаспии», о дальних пределах на севере ойкумены в представлении Геродота и его современников, о скифах, киммерийцах, гиперборeях, аримаспах, исседонах и др. народах существует значительная литература на русском языке: это сотни работ исследователей конца XIX – начала XXI в.[25] Но в статье Р. Ганье учтены только статьи А.И. Иванчика. Правда, британский антиковед ссылается аж на 7 (!) публикаций российско-французского ученого (с которым по количеству цитируемых в статье работ сопоставимы только Р. Бихлер и С. Уэст), но названы лишь те его публикации, которые вышли на французском и немецком языках[26]. Ганье сообщает (с. 245, прим. 2), что его статья в этом сборнике основана на материалах главы его будущей книги. Хочется надеяться, что в самой монографии о легендарной Гиперборее британский исследователь учтет наиболее важные работы российских антиковедов.

В этом пожелании нами руководит не какой-то «местечковый» патриотизм, но научная справедливость. Ибо истинная наука не знает языковых границ. Конечно, она может иметь свою «национальную идентичность», быть американской или португальской, французской, испанской, бразильской, русской, украинской и т.д., но при этом не может быть отгороженной языковыми барьерами от иных традиций, ибо по сути своей является мультиязычной, единой и интернациональной.

Литература / References

Baragwanath, E., de Bakker, M. (eds.) 2012: *Myth, Truth, and Narrative in Herodotus*. Oxford.

Bichler, R. 2001: *Herodots Welt: Der Aufbau der Historie am Bild der fremden Länder und Völker, ihrer Zivilisation und ihrer Geschichte*. Berlin.

Bichler, R. 2014: Der Antagonismus von Asien und Europa. Eine historiographische Konzeption aus Kleinasien? In: J. Fischer (Hrsg.), *Der Beitrag Kleinasiens zur Kultur- und Geistesgeschichte der griechisch-römischen Antike. Akten des Internationalen Kolloquiums Wien, 3.–5. November 2010*. Vienna, 9–20.

Boedeker, D. 2007: The view from Eleusis: Demeter in the Persian Wars. In: E. Bridges, E. Hall, P.J. Rhodes (eds.), *Cultural Responses to the Persian Wars: Antiquity to the Third Millennium*. Oxford, 65–82.

Bowie, E. (ed.) 2018: *Herodotus – Narrator, Scientist, Historian*. Berlin–Boston.

Grintser, N.P. 2018: Herodotus as a literary critic. In: E. Bowie (ed.), *Herodotus – Narrator, Scientist, Historian*. Berlin–Boston, 157–174.

Hall, J.M. 1997: *Ethnic Identity in Greek Antiquity*. Cambridge.

Hall, J.M. 2002: *Hellenicity between Ethnicity and Culture*. Chicago–London.

Hartog, F. 1980: *Le miroir d'Herodote. Essai sur la représentation de l'autre*. Paris.

Jones, C.P. 1996: ἔθνος and γένος in Herodotus. *Classical Quarterly* 46/2, 315–320.

Kingsley, K.S. 2018: Justifying violence in Herodotus' *Histories* 3.38: *Nomos*, king of all, and Pindaric poetics. In: E. Bowie (ed.), *Herodotus – Narrator, Scientist, Historian*. Berlin–Boston, 37–58.

Leão, D.F., Rhodes, P.J. 2016: *The Laws of Solon: A New Edition with Introduction, Translation and Commentary*. London–New York.

Munson, R.V. 2001: *Telling Wonders: Ethnographic and Political Discourse in the Work of Herodotus*. Ann Arbor.

Nagy, G. 2018: Mages and Ionian. In: C. Mora, C. Zizza (eds.), *Antichi Persiani: Storia e rappresentazione*. Bari, 97–121.

[25] Мы не даем ссылок на конкретные работы российских исследователей, чтобы не раздувать библиографию к статье. К тому же, данная рецензия подготовлена для российского издания, а антиковедам, читающим по-русски, эти публикации несомненно известны. В английской версии рецензии мы указываем десятки таких работ: Sinitsyn, Surikov 2020, 276–277.

[26] Ганье еще пару раз ссылается на работу Л.Я. Жмудя (2016), опубликованную в "Classical Quarterly"; а в статье Аньолона встречается ссылка на статью Ю.Г. Виноградова (1981) в итальянском журнале "Epigraphica".

Prandi, L. 2018: Historic stratigraphy. How to reconstruct the history of Byzantium (apropos a recent book). *Politica antica: Rivista di prassi e cultura politica nel mondo greco e romano* VIII, 9–19.

Prandi, L. 2020: *Bisanzio prima di Bisanzio: Una città greca fra due continenti*. Roma–Bristol.

Shaub, I. Yu. 2006: [Features of the Dionysian myth in Herodotus' novella about the Scythian king Skylus]. *Antichnyy mir i arkheologiya* [*Ancient World and Archaeology*] 12, 345–349.
Шауб, И.Ю. Черты дионисийского мифа в новелле Геродота о скифском царе Скиле. *Античный мир и археология* 12, 345–349.

Sinitsyn, A.A. 2015: [The Greeks and the monsters: on classical mythology as an amusing ethnic geography (essay about travels and discoveries)]. *Bosporskie issledovaniya* [*Bosporos Studies*] 31, 186–213.
Синицын, А.А. Греки и монстры: Об античной мифологии как занимательной этногеографии (эскиз на тему путешествий и открытий). *Боспорские исследования* 31, 186–213.

Sinitsyn, A.A. 2017a: [Herodotus on the banishment of the barbarians out of Europe and the issue of the completeness of the first 'History']. *Metamorfozy istorii* [*Metamorphoses of History*] 10, 35–92.
Синицын, А.А. Геродот об изгнании варваров из Европы и проблема завершенности первой «Истории». *Метаморфозы истории* 10, 35–92.

Sinitsyn, A.A. 2017b: 'Know thyself' through the dialogue with the Others: Formation of the ancient cultural dichotomy 'Hellenes – Barbarians'. *Judaica Petropolitana* 8, 48–82.

Sinitsyn, A.A. 2019: τὰ ὅπλα τῶν γεφυρέων of the Persian War: Herodotus on the banishment of the barbarians out of Europe and the issue of the completeness of the first the 'History'. *Acta Archaeologica Lodziensia* 65, 83–124.

Sinitsyn, A.A., Surikov, I.E. 2019: [A new collective work on the 'father of history' as a scholar and narrator]. *Mnemon* 19/1, 183–216.
Синицын, А.А., Суриков, И.Е. Новый коллективный труд об «отце истории» как ученом и рассказчике. *Мнемон* 19/1, 183–216.

Sinitsyn, A.A., Surikov, I.E. 2020: The Herodotus' logoi on ancient ethnoi: a new collection of papers on ethnicity and identity in antiquity. *Anabasis* 11, 261–284.

Soares, C., do Céu Fialho, M., Figueira, T. (eds.) 2016: *Pólis/Cosmópolis. Identidades locais & globais*. Coimbra.

Stefou, K.C. 2015: ΝΟΜΟΣ Ο ΠΑΝΤΩΝ ΒΑΣΙΛΕΥΣ: Pindar, Callicles and Plato's treatment of ΝΟΜΟΣ in the Gorgias. *Akroterion* 60, 1–11.

Surikov, I.E. 2009: *Gerodot* [*Herodotus*]. Moscow.
Суриков, И.Е. *Геродот*. М.

Surikov, I.E. 2011: *Ocherki ob istoriopisanii v klassicheskoy Gretsii* [*Essays on Historical Writing in Classical Greece*]. Moscow.
Суриков, И.Е. *Очерки об историописании в классической Греции*. М.

Surikov, I.E. 2019: [The earliest Greek historians' spatial categories. I. Hecataeus of Miletus, "Europe"]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*] 3, 53–71.
Суриков, И.Е. Пространственные категории у древнейших греческих историков. I. Гекатей Милетский, «Европа». *Проблемы истории, филологии, культуры* 3, 53–71.

Wallace, R.W. 2016: Redating Croesus: Herodotean chronologies, and the dates of the earliest coinages. *Journal of Hellenic Studies* 136, 168–181.

Zali, V. 2018: Herodotus mapping out his genre: the interaction of myth and geography in the Libyan logos. In: E. Bowie (ed.), *Herodotus – Narrator, Scientist, Historian*. Berlin–Boston, 125–138.

Alexandr A. Sinitsyn,
Russian Christian Academy for the Humanities,
Saint Petersburg, Russia
E-mail: aa.sinizin@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9229-0217

А.А. Синицын,
к.и.н., доцент
Русской христианской
гуманитарной академии,
Санкт-Петербург, Россия

Igor E. Surikov,
Institute of World History,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
E-mail: isurikov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2603-6146

И.Е. Суриков,
д.и.н.,
главный научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН,
Москва, Россия

Vestnik drevney istorii
82/4 (2022), 977–982
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/4 (2022), 977–982
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910013096-8

H. MOURITSEN. Politics in the Roman Republic. Cambridge–New York: Cambridge University Press, 2017. XII, 202 p. ISBN: 978-1-107-65133-3

В книге Хенрика Моритсена «Политика в эпоху Римской республики», вышедшей в кембриджской серии «Ключевые темы античной истории», излагаются и развиваются идеи, высказанные автором в его предшествующих трудах, прежде всего монографии о римском плебсе[1].

Как известно, в историографии долгое время доминировало представление о господстве нобилитета в римской политике, споры шли не о роли народа и том, как на практике действовали его собрания[2], а о характере и составе factiones и степени замкнутости (или, наоборот, открытости) римской элиты; олигархический характер римской политической системы не ставился под сомнение. Однако в 1980-х годах Ф. Миллар выступил с концепцией римской демократии, согласно которой в действительности в Риме, особенно в 60–50-х годах[3], народ играл гораздо более важную роль в политике, нежели принято считать, влияя на нее через трибутные комиции (так как, по мнению ученого, именно их деятельность играла решающую роль), сходки и суды. В 70 г. господство сената терпит крах, и на смену ему приходит «политика народа (popular politics)», расцвет которой продолжался до 55 г. (усматривается даже значительное сходство с классическими Афинами)[4]. Эта точка зрения вызвала благосклонный интерес у одних ученых[5] и немалые возражения у других. В ходе дискуссии оппоненты Миллара (Э. Флайг, М. Йене, К.-Й. Хёлькескамп и др.)[6] усомнились в той важности, которую он придавал трибутным комициям, считая их деятельность скорее символической, но кое в чем восприняли его подход, признав, в частности, что народ оказывал заметное влияние на римскую политику на сходках (contiones)[7].

Книга Моритсена – новая веха в этих дискуссиях. Отталкиваясь от построений оппонентов Миллара, исследователь предлагает собственную трактовку политической системы Римской республики. По его словам, центральный тезис работы – опровержение мысли Полибия, будто Рим обязан успехами своей политической системе, скорее он побеждал вопреки ей (с. 166). Это важно потому, что Миллар опирается во многом именно на построения ахейского историка. Как и многие другие ученые, Моритсен подвергает критике как плод излишнего теоретизирования рассуждения Полибия о римском государственном устройстве[8], в котором, по мнению послед-

---

Выражаю признательность к.и.н. В.К. Хрусталёву (Санкт-Петербург) за полезные консультации при работе над рецензией.

[1] Mouritsen 2001; 2013, 63–82; 2015, 146–163.

[2] Разве что в самой общей форме: Mommsen 1881, 94–95; Syme 1939, 10. Й. Блейкен предложил объяснение упадка народных собраний: Bleicken 1975, 263–285. См. возражения Э. Флайга: Flaig 1995, 85–87.

[3] Здесь и далее все даты – до н.э.

[4] Millar 1984, 1–19; 1986, 1–11; 1989, 138–150; 1995, 91–113; 1998.

[5] Особенно см. Lintott 1987, 34–52; North 1990a, 3–21; 1990b, 277–287. Примечательно, однако, что статья Э. Линтота посвящена лишь Средней республике, а Дж. Норт усматривает больше сходства между Римом и Спартой, нежели между Римом и Афинами (North 1990b, 287).

[6] В концентрированном виде взгляды названных исследователей нашли отражение в сборнике о римской демократии (Jehne 1995), явившемся реакцией на теорию Миллара.

[7] См., например: Flaig 1995, 93–96; Hölkeskamp 1995, 30; Morstein-Marx 2004. Идея эта восходит еще к Т. Моммзену (Mommsen 1881, 94).

[8] По мнению Моритсена, уподобление консулов царям неправомерно; консулы, вопреки Полибию, не являлись противовесом сенату, и т.д. (с. 10–12).

него, главное то, что институты не действуют один без другого, служа друг другу противовесами, а основная проблема состоит в моральном развращении правителей. Иной подход у Цицерона. Он, как отмечает Моритсен, отказывается от идеи противостоящих конституционных элементов, которые борются за власть и ресурсы. У него мы наблюдаем платоновский образ несхожих звуков, создающих музыкальную гармонию. Она символизирует согласие римлян, и именно благодаря этой гармонии, а не силе и принципам конституции обеспечивается согласие (concordia). Народ имеет право на libertas, но осуществляет власть по советам опытных людей и делегирует исполнительные функции магистратам, поскольку элита имеет право на лидерство. В законе базовые принципы libertas народа не прописаны, а потому эта система основывается, если судить по Цицерону, исключительно на моральных обязательствах верхов (с. 9–15).

Но что же собой представляло политическое устройство Рима? Моритсен описывает его следующим образом. Формально суверенитет народа под вопрос не ставился, но понимался он иначе, чем у эллинов. Комиции считались высшей властью, но, как уже много раз указывалось в историографии, реализацию этой власти стесняло множество факторов – собирались они лишь по воле магистратов; дебаты по поводу законопроектов не проводились, все ограничивалось голосованием «за» или «против», причем считали голоса, в отличие от греков, не по «головам», а по центуриям или трибам; посещение комиций не оплачивалось и т.д. Кроме того, они вообще выражали мнение очень небольшой части гражданского коллектива, поскольку в собраниях участвовало всего лишь несколько тысяч человек (цифры предлагаются разные), причем это почти никогда не давало повода ставить под сомнение легитимность принятых комициями решений – напротив, большое число присутствующих не приветствовалось. По мнению Моритсена, римские власти вполне сознательно сокращали число участников собраний, запретив, например, проводить их в базарные дни, тем самым устраняя селян от присутствия в комициях. Примечательно также, что в Риме не существовало специально установленных дней для комиций, как в Афинах, и никто не заботился об увеличении пространства для них. Значение имело не число участников (понятия кворума у римлян не существовало), а правильная процедура, соблюдение которой позволяло считать, что присутствующие, сколь бы немногочисленны они ни были, олицетворяют populus Romanus («в высшей степени формализованная, даже символическая версия народа»)[9]. По-видимому, предполагалось не столько принятие законопроектов, сколько их единодушное одобрение, единственным исключением являлась ситуация, когда комиции выступали в качестве судебного органа. Регулярное отклонение законопроектов привело бы к раздору, а не к согласию, которого от народа традиционно ожидали верхи. Неудивительно, что в комициях, как правило, эти ожидания оправдывались. Примечательно также, что плебейские институты (прежде всего concilia plebis), от которых, казалось бы, можно было ожидать большего демократизма, представляли собой зеркало официальных институтов res publica. Иначе говоря, уже на ранних этапах плебейская элита равнялась на патрицианскую, и тогда становится понятнее, почему требования populus столь часто игнорировались. Да и настоящего «демократического» движения в Риме не было (с. 16–18, 26–29, 33–34 etc.).

Последнее время ученые, как уже отмечалось выше, часто обращают внимание на роль сходок в Риме (contiones). Нередко говорят о переносе политического процесса из комиций на сходки, где народ и политики оказывались лицом к лицу. Власть народа благодаря им становилась mutatis mutandis подлинной и осязаемой: одобренное на сходках редко отвергалось на комициях. Статус народа таким образом «восстанавливался» как бы «через черный ход» (с. 61–62).

Такая точка зрения стала, по выражению Моритсена, новой «ортодоксией», причем, как он сам признает, некоторые основания для этого есть: contiones собирались часто, иногда ежедневно, они способствовали саморекламе политиков, помогали мобилизовать общественное мнение в поддержку тех или иных законопроектов или против них; агрессивное поведение участников одной contio могло быть угрозой для участников другой, где собирались сторонники политиков-конкурентов. Наконец (и это едва ли не важнее всего), они играли важную идеологическую и символическую роль, через них хотя бы формально осуществлялось прямое общение политиков с народом. Однако роль contiones как демократических институтов, по мнению Моритсена, не стоит преувеличивать – подобно комициям, их собирали и проводили магистраты, которые могли просто не дать слова неугодным лицам. Конечно, иногда поведение толпы становилось

[9] Своего рода развитие идеи Й. Блейкена о народных собраниях как «институционализированном народе» (Bleicken 1975, 285).

непредсказуемым, но это случалось нечасто, поскольку обычно сходки посещали сторонники их организаторов. К тому же посещали их, как и комиции, люди зажиточные, располагавшие досугом. Наконец, не всегда одни и те же лица присутствовали на сходках и в комициях.

Моритсен также возражает против разработанной К. Майером теории plebs contionalis[10], т.е. сплоченной группы постоянных посетителей сходок, определявших их характер и исход, считая, что она основана на вольном толковании источников[11]. Не существовало, по его мнению, и особой contional ideology, которую, согласно Р. Морстейн-Марксу, использовали ораторы, чтобы привлечь народ[12]. Но на деле, как показывают речи Цицерона, между выступлениями в судах, на сходках и в сенате принципиальная идеологическая разница отсутствовала. Отрицает Моритсен также и представления о существовавшей в период Средней и Поздней республики всеохватной системе клиентелы[13], будто бы позволявшей контролировать избирателей,– она была слишком текуча, чтобы ее удавалось контролировать (с. 62–63, 76–77, 85–88).

По мнению Моритсена, в римской политической системе многое было направлено на смягчение форм соперничества между аристократами, чтобы оно не угрожало внутренней стабильности. Первоначально, как полагает ученый, верхушка сама решала, кто займет высшие должности, причем выборы явно не носили альтернативного характера. (Тезис крайне спорный и источниками не подтверждаемый, к тому же сомнительно, что во всех случаях элите удавалось добиться компромисса и избежать появления «лишних» кандидатов, да и их отсутствие противоречит всему, что мы знаем о римской политике.) После урегулирования конфликта между плебеями и патрициями решение внутри узкого круга из-за увеличения политического класса стало невозможным, и в конце IV в. соревновательные выборы превратились в норму. Но круг кандидатов был ограничен, предвыборные программы отсутствовали. При этом если кто-то терпел неудачу, она воспринималась менее болезненно, поскольку решение исходило не от «своих», а от менее заинтересованного народа. Свою роль в этом играло и введение centuria praerogativa (в идеале предполагалось отсутствие расхождений между ее волей и результатом голосования в целом), которая выбиралась по жребию, т.е. решение передавалось в руки богов. Случайный выбор одной единицы помогал другим центуриям минимизировать разделение и способствовать единодушному выбору. Впрочем, к концу Республики влияние centuria praerogativa упало (с. 40–42, 47–49, 93, 150).

Рассматривая неизбежные трудности, связанные с термином «популяры», Моритсен полагает, что здесь больше вопросов, чем ответов,– например, «архиоптимат» Сулла раздал огромное количество земли, а «популяр» Цезарь сократил число получателей хлеба. Автор возражает против подхода, при котором акцент делается не на политике, а на помыслах, искренности предполагаемых популяров, поскольку это сомнительный критерий, даже если бы у нас было больше данных. Слово «популяр» явно имело несколько смыслов, ни один из которых не являлся более «подлинным», чем другой. Следует также различать самих «популяров» и поведение, с которым их ассоциируют, popularis ratio. По мнению Моритсена, после книги его ученицы М.А. Робб[14] стало «ясно, что если popularis ratio существовала, то ‘populares’ не было, поскольку те, кто использовал такую стратегию, применяли ее к столь широкому кругу целей, что римляне не воспринимали их как представителей особой категории, в отношении которой можно использовать специальное наименование» (с. 123).

Но если с выявлением «популяров» дело обстоит очень непросто, то отрицать наличие популизма в Риме не приходится, и далее Моритсен ведет речь зачастую о тех же популярах, называя их популистами. Он полагает, что у Цицерона точка зрения на «популизм» не обязательно имела политическое наполнение, но отражала просто особую «позу» или стиль для привлечения внимания или одобрения; в большинстве случаев это мало чем грозило тем, кто вел себя подобным образом, – многие из них сделали вполне успешную карьеру (начиная от Фламиния и Варрона и кончая Марием). Можно было прослыть популистом, ничего откровенно популистского не делая, а если верить Цицерону, и просто по недоразумению, как то имело место, например, с Альфием Флавом, который не понял, чего хочет «истинный» народ, и поддержал Цезаря (*Sest.* 114) (с. 153–158).

Примечательно, что нет сведений, чтобы народ требовал крупных социально-политических перемен. Формально populus Romanus и так представлял собой высшую власть, а потому не ви-

---

[10] См. Meier 1966, 114, 115, 141.
[11] См. также возражения У. Тейтама против этого термина: Tatum 1999, 29–30.
[12] См. Morstein-Marx 2004, 239–240.
[13] В этом точки зрения Миллара и Моритсена совпадают (см. Millar 1984, 19; 1998, 7–9).
[14] См. Robb 2010.

дел нужды в более демократической системе. Политический процесс имел мало общего с жизнью бедноты или не имел совсем, тем более что обычно комиции посещали скорее всего люди обеспеченные (при этом нелегко определить, кто такой «простой» римлянин). В то же время народ требовал уважения к себе. «Концептуализация res publica как основанной на партнерстве senatus populusque Romanus создавала идеологическую связь между массами и их лидерами, которые принимали стиль и манеру поведения, контрастировавшие с таковыми у большинства других аристократов. Уважение, даже почтение к populus укоренилось в риторической стратегии и политической аргументации» (с. 97). Показателен анекдот о Сципионе Назике, который, как считается, проиграл выборы в эдилы, потому что позволил себе непочтительную шутку в адрес крестьянина-труженика[15]. В целом же римская знать демонстрировала приверженность изрядным ограничениям, общаясь с низами, и это укрепляло ее положение (с. 71–73, 92, 97–98, 162).

Внутренней стабильности способствовала успешная экспансия, обогащавшая не только элиту, но и многих простых римлян, что позволяло, по удачному выражению автора, «экспортировать» социальные проблемы. По мнению Моритсена, «не политическая стабильность, как считал Полибий, являлась предпосылкой внешних успехов Рима; скорее его [удачная] военная экспансия лежала в основе политического консенсуса и создавала условия для относительного социального мира, который, как полагают, характерен для этого периода». К тому же нобилитет не был замкнутой кастой, допуская в свои ряды новых членов (с. 102–103). Хотелось бы заметить, что Полибий писал не просто о стабильности римского государственного строя, а об эффективности такового (ведь победы еще надо одержать). Другое дело, что уместнее говорить не о его официальных институтах, так интересовавших ахейского историка, а о менее формальных аспектах, которые признаёт и сам Моритсен: весьма мягких формах соперничества среди нобилей (в отличие как от многих полисов Эллады, так и от Карфагена), незамкнутости рядов нобилитета. К ним следует добавить стремление римской знати к воинской славе, особые почести победоносным полководцам, наконец, способность римской верхушки заинтересовать простых плебеев и союзников участием во внешней экспансии. Всё это и стало слагаемыми внешних успехов Рима, которые, в свою очередь, способствовали внутренней стабильности, и одно без другого вряд ли было возможно.

Тем не менее Республика в своей основе отличалась неустойчивостью в силу царивших в ней противоречий и соперничества нобилей; вызванный великими завоеваниями рост богатства мешал сплоченности элиты. Поэтому следует задаваться вопросом, не почему она пала, а как смогла так долго продержаться. Применительно ко II в. Ливий изображает стабильную систему, сглаживая или отбрасывая противоречащие этому факты и не драматизируя те, о которых всё же сообщает (например, что мешало сравнить с катилинариями Племиния, обвинявшегося, подобно им, в намерении поджечь Рим?). В действительности же трения внутри римской элиты были весьма значительными, а преемственность между Средней и Поздней республикой куда большей, чем нередко полагают. Падение республики произошло достаточно быстро – идея «столетнего кризиса» представляется Моритсену бессмысленной[16], а считать 133 г. поворотным годом в истории Рима вряд ли верно. «Перемены, осуществленные Гракхами, были менее радикальными, чем часто предполагается. Мало свидетельств, например, что они стали применять новый вид основанной на идеологии политики, расколовшей элиту надвое» (с. 165). Тем не менее Моритсен признаёт 133 г. важной вехой в римской истории. Но раньше решение возникавших трудностей находилось, теперь же многое этому помешало. Особую роль сыграла экономическая важность аграрного вопроса, что повысило градус оппозиции. Распределение ager publicus угрожало интересам сенаторов, всадников и вообще boni. К тому же Тиберий, получивший беспрецедентную поддержку, был обвинен в стремлении к dominatio. Компромисс оказался невозможным, и Тиберия убили. Это выявило фундаментальную слабость аристократической res publica, опиравшейся на согласие, но имевшей мало легальных средств для его достижения (с. 105–111, 165–166).

Пожалуй, здесь Моритсен сам себя опровергает. Отрицая идею «столетнего кризиса», он тут же перечисляет последствия событий 133 г., которые выявили фундаментальную слабость Ре-

---

[15] Val. Max. VII. 5. 2. Моритсен замечает по поводу этого сюжета: «Примечательно, что многие избиратели сочли обидным намек Назики на то, будто они бедняки, работающие своими руками» (с. 98, прим. 118). Однако вероятнее, что избиратели, по мысли Валерия Максима, обиделись на превращение в предмет насмешек «честной» бедности (не их самих, а как таковой).

[16] При этом автор ссылается на книгу Г. Флауэр, где, правда, говорится о восьми десятилетиях, 133–49 гг. (Flower 2010, IX).

спублики, поскольку, в отличие от прошлых времен, к компромиссу прийти не удалось. Утверждение, будто в конфликте 133 г. не было ничего нового по сравнению с Средней республикой (с. 165), малоубедительно, так как в предшествующие столетия плебейских трибунов вместе с сотнями их приверженцев не убивали – факт слишком серьезный, чтобы его игнорировать или считать малозначительным «побочным эффектом». В связи с этим весьма спорно звучит и несколько расплывчато сформулированная идея о большей преемственности между Средней и Поздней республикой, нежели то принято считать.

Система работала при условии, что комиции, имевшие власть, ее не использовали. Res publica могла функционировать, только если все участники следовали неким (преимущественно неписаным) правилам, которыми со времен Гракхов пренебрегали все больше, а потому трещины в конституции становились всё более очевидны. Начался рост насилия, яркий пример которого – senatusconsulta ultima, формально нелегитимные, но тем не менее не раз применявшиеся. Базовый парадокс res publica состоял в том, что власть была у органа, ею формально не обладавшего, т.е. сената. Комиции приобрели новую роль, а позднее был проложен путь неограниченному влиянию отдельных лиц – Суллы, Помпея, Цезаря, членов второго триумвирата. При этом формально все изменения происходили по закону (и ничто тому не препятствовало), но противоречили аристократическим принципам (с. 166–168).

В конце книги автор несколько неожиданно обращается к теме Союзнической войны как одного из важнейших факторов, способствовавших падению республики. Она не только привела к распространению прав римского гражданства на всю Италию, но и имела тяжелые для Республики долгосрочные демографические последствия, а также обеспечила условия для превращения политического конфликта в гражданскую войну, хотя последняя и стала результатом совпадения не связанных друг с другом факторов. Присутствие бывших врагов в римской армии в последний век Республики добавило непредсказуемости уже нестабильной ситуации. Знать не смогла найти мирного решения италийского вопроса. Как отметил Р. Сайм[17], приход к власти первого императора маркирует момент, когда италийцы, наконец, оказались близки к рычагам власти и замещению старой аристократии (с. 171–172).

Изложенная в книге точка зрения является не только полной противоположностью концепции Миллара[18] – автор пошел дальше многих его критиков, считающих, как уже говорилось, именно сходки местом, где народ выражал свое мнение и творилась «живая» политика, тогда как трибутные комиции выполняли скорее символические функции[19]. Моритсен же счел, что их же выполняли и contiones, а завсегдатаями таковых были отнюдь не люди из низов[20]. Тем самым он почти «устранил» простой народ из публичной политики, сохранив за ним лишь идеологическую и символическую роль, да и то речь может идти лишь о зажиточных слоях, у которых было время и желание посещать сходки и комиции[21]. По сути, Моритсен вернулся к представлениям первой половины XX в., однако если тогда скромная роль плебса в политических делах считалась само собой разумеющейся, то датский ученый подкрепил это мнение солидной аргументацией, с которой можно спорить или соглашаться, но которую нельзя игнорировать. Большинство высказанных им идей звучало и прежде, однако Моритсен придал им стройность и завершенность, выведя прежние воззрения на новый уровень.

В заключение хотелось бы сказать, что перед нами интересное и провокационное в лучшем смысле этого слова исследование. Идеи автора вызвали немало споров – нелегко после стольких лет дискуссий о римской демократии вновь признать весьма ограниченную роль народа в римской публичной политике. Однако мысль о символическом характере не только комиций, но и сходок не кажется столь уж шокирующей, если вспомнить о том, какое значительное место играла в римском праве фикция. Так или иначе, изучение римской политической системы продолжается, и роль книги Моритсена в ее осмыслении несомненна.

---

[17] Со ссылкой на Syme 1939, ch. 24.

[18] Как это подчеркивает М. Йене (Jehne 2020, 5).

[19] Flaig 1995, 77–91 (там же см. литературу).

[20] Это вызвало возражения даже у критиков Миллара Хёлькескампа и Йене, которые считают, что у простых людей все же было время слушать политических ораторов (см. Jehne 2020, 5, 16, Anm. 38 со ссылками на работы обоих). Однако даже если так, отсюда не следует, что они делали это en masse, да еще и регулярно.

[21] В отношении сходок такое мнение почти не высказывалось. В самой общей форме оно звучит у Д. Дзино, да и то лишь применительно к событиям 70-х годов (см. Dzino 2002, 106, 114).

Литература / References

Bleicken, J. 1975: *Lex publica. Gesetz und Recht in der römischen Republik*. Berlin–New York.
Dzino, D. 2002: *Annus mirabilis*: 70 BC re-examined. *Ancient History* 32/2, 99–117.
Flaig, E. 1995: Entscheidung und Konsens. Zu den Feldern der politischen Kommunikation zwischen Aristokratie und Plebs. In: M. Jehne (Hrsg.), *Demokratie in Rom? Die Rolle des Volkes in der Politik der römischen Republik*. Stuttgart, 77–127.
Flower, H.I. 2010: *Roman Republics*. Princeton–Oxford.
Hölkeskamp, K.-J. 1995: *Oratoris maxima scaena*. Reden vor dem Volk in der politischen Kultur der Republik. In: M. Jehne (Hrsg.), *Demokratie in Rom? Die Rolle des Volkes in der Politik der römischen Republik*. Stuttgart, 11–49.
Jehne, M. (Hrsg.) 1995: *Demokratie in Rom? Die Rolle des Volkes in der Politik der römischen Republik*. Stuttgart.
Jehne, M. 2020: Die politische Kultur der römischen Republik in der deutschen Forschung. *Trivium* 31, 1–17.
Lintott, A.W. 1987: Democracy in the Middle Republic. *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung* 104/1, 34–52.
Meier, C. 1966: *Res publica amissa. Eine Studie zu Verfassung und Geschichte der späten römischen Republik*. Wiesbaden.
Millar, F. 1984: The political character of the classical Roman Republic, 200–151 B.C. *Journal of Roman Studies* 74, 1–19.
Millar, F. 1986: Politics, persuasion and the people before the Social War (150–90 B.C.). *Journal of Roman Studies* 76, 1–11.
Millar, F. 1989: Political power in mid-Republican Rome: curia or comitium? *Journal of Roman Studies* 79, 138–150.
Millar, F. 1995: Popular politics at Rome in the Late Republic. In: I. Malkin, Z.W. Rubinsohn (eds.), *Leaders & Masses in the Roman World. Studies in Honor of Zvi Yavetz*. Leiden–New York–Köln, 91–113.
Millar, F. 1998: *The Crowd in Rome in the Late Republic*. Ann Arbor.
Mommsen, Th. 1881: *Römische Geschichte*. Bd. II: *Von der Schlacht von Pydna bis auf Sullas Tod*. 7. Aufl. Berlin.
Morstein-Marx, R. 2004: *Mass Oratory and Political Power in the Late Roman Republic*. Cambridge.
Mouritsen, H. 2001: *Plebs and Politics in the Late Republican Rome*. Cambridge–New York.
Mouritsen, H. 2013: From meeting to text: the *contio* in the Late Republic. In: C. Steel, H. van der Blom (eds.), *Community & Communication. Oratory & Politics in Republican Rome*. Oxford, 63–82.
Mouritsen, H. 2015: The incongruence of power: the Roman constitution in theory and practice. In: D. Hammer (ed.), *A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic*. Oxford, 146–163.
North, J.A. 1990a: Democratic politics in Republican Rome. *Past and Present* 126/1, 3–21.
North, J.A. 1990b: Politics and aristocracy in the Roman Republic. *Classical Philology* 85/4, 277–287.
Robb, M.A. 2010: *Beyond Populares and Optimates: Political Language in the Late Republic*. Stuttgart.
Syme, R. 1939: *The Roman Revolution*. Oxford.
Tatum, W.J. 1999: *The Patrician Tribune: Publius Clodius Pulcher*. Chapel Hill.

Anton V. Korolenkov,

State Academic University
for the Humanities
Moscow, Russia
E-mail: sallust@list.ru
ORCID: 0000-0002-3628-2754

А.В. Короленков,

к.и.н.,
доцент Государственного академического
университета гуманитарных наук

Москва, Россия

Vestnik drevney istorii
82/4 (2022), 983–989
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/4 (2022), 983–989
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910017895-7

D. SCHWEMER, A. SÜEL. The Akkadian and Sumerian Texts from Ortaköy-Šapinuwa / Ortaköy-Šapinuwa'dan Akadca ve Sümerce Metinler. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2021 (Documenta antiqua Asiae Minoris, 2). XII, 99 p., XXXVIII pl. ISBN: 978-3-447-11645-9

В 2021 году вышел второй выпуск недавно основанной серии Documenta antiqua Asiae Minoris (DAAM), посвященной изданию древних текстов с территории Малой Азии. Содержание этого выпуска составляет публикация клинописных табличек из Ортакёя / Сапинувы, записанных на аккадском и шумерском языках. Авторы книги – профессор Вюрцбургского университета д-р Даниель Швемер и профессор Хеттского университета в Чоруме, руководитель раскопок в Ортакёе д-р Айгюль Сюэль.

Городище Ортакёй, откуда происходят изданные в книге тексты, находится в 53 км к юго-востоку от турецкого города Чорум и исследуется турецкими археологами с 1990 года. Поселение хеттского времени было создано в Ортакёе с нуля, на новом месте, прежде не заселенном людьми. По оценкам турецких специалистов, площадь города составляла около 9 кв. км[1]. Археологи открыли несколько монументальных построек, среди которых выделяется строение А, предположительно идентифицируемое как дворец. Это крупное здание (2500 м^2) с массивными стенами толщиною 2 м в основании. Уступающее по площади строение В (1250 м^2), возможно, хранилище, также производит впечатление своей основательностью[2]. В обоих зданиях хранились клинописные архивы. Тексты DAAM 2 происходят в основном из строения А (№ 6–20).

Отождествление Ортакёя как хеттской Сапинувы стало возможным благодаря частому упоминанию этого древнего названия в ортакёйских табличках[3]. Также в Ортакёе была найдена пространная версия хурритского ритуала *itkalzi* («омовения уст»), состоявшая, вероятно, из 22 таблиц. Обнаруженная в архивах Хаттусы / Богазкёя версия того же ритуала была намного короче и включала всего одиннадцать таблиц. В то же время колофоны богазкёйской версии сообщают, что она возникла в результате сокращения ритуала из Сапинувы[4]. Это является косвенным, но ярким аргументом в пользу тождества Ортакёя и Сапинувы.

В среднехеттский период (XV – начало XIV в. до н.э.) Сапинува на время стала столицей Хеттского государства, о чем свидетельствуют данные эпиграфики и археологии[5]. Так, в Ортакёе обнаружены письма, адресованные хеттскому царю членами его семьи, чиновниками, а также послания (очевидно, черновые варианты) хеттского царя зарубежным правителям (часть таких документов как раз публикуется в DAAM 2). Это явно указывает на постоянное присутствие хеттского царя в городе[6]. Золотые предметы египетского происхождения, найденные в Ортакёе, говорят о дальних

Работа написана при поддержке гранта РНФ 18-18-00503.

[1] См., например, Süel 2017, 635; Süel A., Süel M. 2017, 29–30. Предположение о столь огромных размерах города было поставлено под сомнение, см. Mielke 2011, 1037. Для сравнения: руины хеттской столицы Хаттусы / Богазкёя занимают площадь ок. 1,8 км^2 (ibid., 1034).

[2] Süel 2009, 201.

[3] Süel 1999, 22–23.

[4] de Martino *et al.* 2013, 131–132; Süel, Weeden 2017, 200.

[5] Функционирование Сапинувы как столицы связывается исследователями с правлением царской четы Тудхалии III и Тадухепы, ср. Süel 2009, 198–199.

[6] Süel 2002, 164. О том же, вероятно, свидетельствуют находки топоров и наконечников копий с надписью «великий царь» (LUGAL GAL), см. Süel 2009, 197.

торговых и дипломатических связях, что также хорошо согласуется с предположением о столичном статусе Сапинувы[7].

Безусловно, особое место среди ортакёйских находок принадлежит клинописным текстам. Оценки численности этих находок разнятся от публикации к публикации: встречаются цифры в две[8], четыре[9] и пять тысяч текстов и фрагментов. Именно последнее число фигурирует в предисловии к DAAM 2 (с. ix)[10]. Очевидно, оно отражает актуальное состояние археологических и эпиграфических исследований в Сапинуве.

В DAAM 2 опубликовано 20 текстов. Книга насчитывает 12 страниц введения, 99 страниц основного текста, включая словарь, библиографию и конкорданс, и 38 иллюстраций с прорисовками и фотографиями текстов. Текст книги написан на двух языках: английском и турецком. Все части текста, включая перевод и комментарий к текстам, подписи к иллюстрациям и т.д., полностью продублированы на двух языках, что означает, что реальный объем книги в полтора-два раза меньше. Критерии отбора текстов для публикации остаются неясными. Представляют ли они собой все тексты на шумерском и аккадском языке из архивов Ортакея, или все тексты соответствующих жанров на этих языках, или они были отобраны по какому-то другому признаку – эти вопросы не освещаются в предисловии к книге.

Безусловно, DAAM 2 – не первая публикация ортакёйских табличек. Авторы ссылаются на 18 предшествующих работ этого рода (с. 1, прим. 2), среди которых есть одна небольшая книга[11]. Электронная база данных Майнцского хеттологического портала содержит ссылки на 87 текстов (= 118 фрагментов), опубликованных во всех этих работах, включая DAAM 2[12]. Из этого видно, что темпы публикации ортакёйских текстов крайне медленные. В настоящее время, по прошествии 30 лет с момента обнаружения первых табличек в Ортакёе, научному сообществу доступно лишь около 2% ортакёйского корпуса.

Тексты из рецензируемого тома распадаются на две группы: это ученые тексты, или тексты эдуббы (№ 1–11), и архивные тексты (№ 12–19). Текст № 20 не поддается жанровой классификации из-за небольшого объема и сильных повреждений. Вообще, плохая сохранность табличек – свойство всех публикуемых в DAAM 2 памятников: их справедливее определять как фрагменты, а не как полноценные тексты.

Среди первой группы выделяется текст № 1 (с. 5–8). На сохранившейся части таблички присутствует список шумерских числительных, единиц от 6 до 20 и десятков от 30 до 100. Очевидно, первоначальный целый текст включал также числительные от 1 до 5. Табличка записана в одну колонку, слева на строке приводится цифровая запись числительного, справа – слоговая фонетическая. Некоторые из этих фонетических записей имеют важное значение для шумерской лексикографии, так как встречаются впервые во всем клинописном корпусе: 11 – u-te-eš-ta-ri-ka (u+diš+diri.g=a), 13 – ud-li-e-eš (u+dili+eš), 14 – [ud-l]i-li-mu (u+dili-limmu), 16 – [ud-l]a-a-aš (u+dili+ăš), 17 – [ud-l]u-mi-en (u+dili+umin), 18 – [ud-l]u-uz-zu (u+dili+ussa), 19 – [ud-lu]-li-im-mu (u+dili+ulimmu). Если эти формы числительных второго десятка в целом соответствуют их предполагавшимся ранее реконструкциям, то названия десятков от 30 до 90 выглядят крайне необычно. Так, число 50 имеет фонетическую запись ke-el-˹ša$^{?}$/ta$^{?}$˺ вместо ожидаемого ninnu. Числительное 60 выглядит как kur-ke-el-˹ša$^{?}$/ta$^{?}$˺-kur-ru-ú. Авторы отмечают сходство элементов в начале и в конце этого слова (kur и kurru) и предполагают, что оба означают прибавление 10 к 50. Эта форма числительного 60 также представляется неожиданной. Во-первых, она не совпадает с засвидетельствованным вариантом ĝeš. Во-вторых, для шумерского языка характерна шестидесятеричная система счисления, в которой числительное 60 являлось морфологически самостоятельным. Между тем форма kur-ke-el-˹ša$^{?}$/ta$^{?}$˺-kur-ru-ú явно основана на числе 50. Следующие числительные в тексте, 70, 80, 90, слоговая запись которых, к сожалению, повреждена, морфологически состояли из 60, kur-ke-el-˹ša$^{?}$/ta$^{?}$˺, и еще одного элемента в конце, означавшего прибавление 10, 20 и 30 соответственно.

---

[7] Süel 2002, 163.

[8] Ünal 1998, 6.

[9] Suël 2009, 193; 2017, 635.

[10] Здесь и далее ссылки на рецензируемую книгу помещаются внутри основного текста рецензии, причем указываются только страницы.

[11] Особняком стоит неупомянутая книга А. Юнала, в которой изданы тексты из Ортакёя, поступившие в музей Чорума до начала официальных раскопок в 1990 г., см. Ünal 1998.

[12] URL: https://www.hethport.uni-wuerzburg.de/hetkonk/; дата обращения: 04.11.2022.

Тексты № 2–5 представляют собой сильно поврежденные фрагменты лексических списков. Текст № 2 – это фрагмент трехъязычного словаря, содержавшего четыре колонки (с. 9–11). В первой колонке приводились шумерские идеограммы, во второй – их фонетическое чтение, в третьей и четвертой – перевод на аккадский и хеттский языки. Хеттская колонка не сохранилась. Сохранившаяся шумерская часть содержит знаки с фонетическим чтением /ur/. Текст № 3 отождествлен издателями как фрагмент аналогичного словарного текста (с. 11–13). Сохранившаяся часть посвящена шумерским знакам с чтением /kukku/. Установить принадлежность текстов № 2 и 3 к какой-либо известной лексической серии не представляется возможным. Между тем, текст № 4 является фрагментом некой ранней версии XIV таблицы серии Ur_5-ra, посвященной диким животным, а текст № 5 принадлежит прототипу IV таблицы серии Lú, являющейся списком профессий и должностей (с. 13–17). В сохранившемся фрагменте приведены наименования жриц.

Тексты № 6–10 относятся к категории религиозных и литературных композиций. Текст № 6 представляет собой достаточно пространный фрагмент аккадоязычного гимна и моления богу солнца Шамашу (с. 17–31). Как отмечают авторы, этот текст еще раз подтверждает, что хеттский жанр личной молитвы сформировался под существенным влиянием месопотамских, шумерских образцов. Проводником этого влияния стали своеобразные тексты-посредники на аккадском языке. Такого рода текст и представляет собой эта ортакёйская табличка.

Текст № 7, по предположению авторов, следует классифицировать как фрагмент мифологического или эпического повествования на аккадском языке (с. 31–35). Во фрагменте упомянуты бог Адад (стк. 1’, 9’), великие змеи гор (стк. 6’), враги (стк. 7’), горы (об. ст. 5’), земля (об. ст. 1’, 2’, 9’). Помимо этого набора в пользу предложенной идентификации фрагмента говорят разделительные линии, проведенные через каждые две строки, что типично именно для литературных текстов.

Текст № 8, возможно, являет собой пример любовной лирики, ранее не засвидетельствованной в хеттских архивах и библиотеках (с. 35–38). К такому истолкованию фрагмента авторов склоняют отдельные выражения («она любит тебя», стк. 9’, «твои чары», стк. 33’, «ложе его желания», стк. 25’, «поскольку я без сна, его возлюбленный в моем сердце», стк. 28’–29’). К сожалению, связный перевод этого фрагмента из-за сильной поврежденности таблички получить невозможно.

Текст № 9 – это фрагмент хетто-аккадского заклинания богов подземного мира, в том числе Нергала, Аллатум и Эа, записанного в две колонки: слева помещен аккадский, а справа – хеттский текст (с. 38–42). Частично сохранились 16 строк.

Текст № 10 определен как фрагмент ритуала «вавилонского» круга (*babilili*) (с. 43–46). Похожие произведения обнаружены в архивах Хаттусы / Богазкёя. Центральное место в них принадлежало месопотамским божествам. Основная часть такого рода ритуалов была на хеттском языке, однако молитвы и заклинания, которые жрец должен был произносить в ходе обряда, записывались на аккадском, так как хетты считали, что к богам нужно обращаться на их языке[13]. Ритуал из Ортакёя, возможно, был посвящен богу Эа: вывод делается на основе фрагментированного упоминания божества в колофоне и рыбных приношений в основной части обряда.

Наконец, последний текст первой группы, № 11 – крошечный фрагмент, который, по мнению издателей, изначально был частью некоего «библиотечного» (т.е. ученого или литературного) текста (с. 46–47). Более точно определить его жанр не представляется возможным. Однако есть одна зацепка: если слово *šēram* «утром» в начале стк. 5 употреблено в составе оборота *urram šēram* «в будущем», типичного для правовых документов, то текст, возможно, относится к их числу.

Присутствие шумеро-аккадских текстов в составе ортакёйского архива свидетельствует о наличии там в древности собственного скриптория и писцовой школы. Этот факт может служить дополнительным косвенным свидетельством в пользу особого административного статуса Сапинувы.

Центральное место в томе, безусловно, принадлежит архивным текстам. Все они написаны на аккадском языке и относятся к эпистолярному жанру.

Лучше всего сохранилось письмо DAAM 2, № 12, составленное, по предположению издателей, от имени хеттского царя Тудхалии II (= Тудхалии III, ок. 1370–1350 гг. до н.э. по короткой / ок. 1400–1380 гг. по средней хронологии), предшественника Суппилулиумы I (ок. 1350–1322 / 1380–1336) (с. 47–56). На такую атрибуцию указывают несколько обстоятельств: палеография текста, упоминания чиновников по имени Дува и Хаттусили, которые жили и действовали во времена Арнуванды I и Тудхалии III. Также общий контекст памятников из строения A в Ортакёе говорит в пользу датировки хранившихся в нем документов именно последним из двух этих царей. По мнению изда-

[13] Beckman 2014, 2.

телей, DAAM 2, № 12 – это черновик, написанный хеттским царем. Черновой характер документа виден, в частности, по небрежно проведенным разделительным линиям. Авторство хеттского царя устанавливается благодаря цитате из письма, в котором адресат DAAM 2 № 12 называл Дуву «твоим (т.е. Тудхалии.– *Б.А.*) великим» (лиц. ст. 9').

Хотя в письме упоминается Египет (лиц. ст. 7'), издатели отвергают отождествление адресата с египетским современником Тудхалии III – Аменхотепом III. На их взгляд, против такого отождествления говорит отсутствие обращения «мой брат» и тот факт, что, по словам хеттского автора, его адресат рассматривает возможность мятежа, просит у него военной помощи, присваивает себе титулование, явно не соответствующее его реальному более низкому статусу. Такого рода характеристики лучше подходят не великому египетскому царю, а какому-то сирийскому вассалу Хеттского царства, предполагают Д. Швемер и А. Сюэль.

Наилучшим образом сохранился текст в трех параграфах оборотной стороны (об. ст. 4–16). Приведем перевод этой части письма в соответствии с издательской реконструкцией и пониманием текста:

> Сейч[ас] ты – [*ца*]*рь ца*[*рей*], в той же мере, что и я? Так ты говоришь с великим царем? Ты обмениваешься дарами или ты поднимаешь мятеж? /
> Пока твой отец был жив, разве так он говорил с моим отцом? Когда твой отец нарушил клятвенное соглашение со страной Хатти, а мой отец не нарушал (условий) таблички, – (то разве не было это страшным нарушением?)[14]. Если попросишь, то я пошлю тебе ту табличку и тебе ее зачитают [...] /
> Сейчас ты спросил по поводу городов. Если эти города приносят тебе какую-то подать, то я, Солнце, не освобожу их. Какую подать они обычно приносят тебе, такую пусть они принесут сейчас!

Следует отметить, что восстановление титула *царь царей* (LUGAL LUGAL.MEŠ) является возможным, но в то же время рискованным заполнением лакуны в об. ст. 4'. Ссылаясь на фрагмент аккадоязычного царского эпоса из Хаттусы, авторы указывают, что хеттам был известен такой титул, однако, судя по имеющимся данным, он не использовался в реальной политической практике (с. 52).

Безусловно, интересно упоминание о клятве (*mātītu*) и табличке (*ṭuppu*) (об. ст. 9–11), т.е. о межгосударственном договоре, связывавшем автора послания и отца его адресата. Возможно, это упоминание должно пополнить список не дошедших до нас хеттских международных договоров[15].

Последний абзац свидетельствует о том, что хеттский царь мог регулировать даннические отношения на территории своего вассала. Традиционно создание отлаженной системы управления вассальными странами связывается с именем преемника Тудхалии III Суппилулиумы I, совершившего обширные завоевания в Сирии. Ортакёйский текст позволяет предположить, что основы этой системы начали формироваться еще при Тудхалии III.

Текст на следующей табличке, № 13, сохранился лишь с одной стороны и в весьма поврежденном состоянии (с. 56–59). В документе нет последовательности из двух целых предложений подряд, так что о его содержании приходится догадываться по отдельным словам и фразам. В первом из сохранившихся параграфов упоминается некий Цида (стк. 2'). В двух следующих строках употреблено словосочетание «злые слова» (*awâte zaprūte*). В начале второго параграфа стоит фраза: «[Когда?] Цида умер, то Солнце [...] я отправил моих послов» (стк. 5'–6')[16]. В конце этого параграфа употреблено выражение «посреди моря» (стк. 9'). Две строки параграфа 3' содержат такие слова: «Когда ты так сказал, этих людей [...] почему ты не послал их?» Наконец, параграф 4', возможно, содержит решающую информацию для отождествления адресата послания: в нем несколько раз упомянута северосирийская страна Угарит (стк. 12', 13', 14').

Издатели предполагают, что автором и адресатом № 13 являются цари Хатти и Угарита – Тудхалия III и Аммистамру I. На принадлежность письма к вассальной корреспонденции дополнительно указывает употребление титула хеттского царя «(Мое) Солнце», не характерное для переписки с равными великими царями. По мнению авторов, данные этого фрагмента предполагают следующую историческую реконструкцию: в результате военных походов Тудхалии III в Северной Сирии царь Угарита Аммистамру I превратился в хеттского союзника и вассала. Однако впоследствии Угарит отдалился от Хатти, с тем чтобы затем снова, на этот раз окончательно, перейти под

---

[14] Добавление по смыслу, чтобы восполнить отсутствующее в тексте главное предложение, см. с. 53.

[15] См. Devecchi 2015.

[16] Для раннеимперского периода известен брат Суппилулиумы I по имени Цида, однако ввиду того, что в письме сообщается о смерти Циды, он вряд ли может быть тождествен этому царевичу.

власть хеттов во время походов хеттского царя Суппилулиумы I в правление преемника Аммистамру I Никмадду II. Данные этого ортакёйского фрагмента косвенно подтверждают новую трактовку царствования Тудхалии III, предполагающую его активную и успешную внешнюю политику на сирийском направлении[17].

Текст № 14 – фрагмент письма, адресованного хеттским правителем царю Митанни (с. 59–63). Хотя адресная часть послания не сохранилась, к такому выводу издателей приводит содержание фрагмента: в нем упоминаются северосирийские страны Ния (лиц. ст. 5', 6', 9', 10') и Мукиш (об. ст. 4'), находившиеся в зоне одновременно и митаннийских, и хеттских интересов. Отправитель письма утверждает, что правитель Нии (LÚ ^{uru}*ne-ia*) связан с ним вассальной клятвой (*šu-ú ša ta-mu-ni*, лиц. ст. 5'), и требует, чтобы адресат, по отношению к которому использовано обращение «мой брат», освободил царя Нии (лиц. ст. 10'). На оборотной стороне, по всей видимости, присутствует фраза: «[Страна Ния] и страна Мукиш принадлежат стране Хатти» (об. ст. 4'). Также издатели обращают внимание на хурритский термин *halzuhla* «областеначальник» (лиц. ст. 6') и на хурритскую форму названия реки Евфрат, *Puranti* (об. ст. 5'). Такие выражения были бы уместны как раз в переписке с митаннийским царем. Авторы книги предположительно отождествляют последнего как Шуттарну II (с. 60). Отправителем, вероятно, был хеттский царь Тудхалия III.

Если реконструкция текста и его понимание, предложенное издателями, верны, то перед нами очень важное свидетельство хеттского присутствия в Северной Сирии в период до походов Суппилулиумы I, в правление Тудхалии III. О войнах этого царя в Северной Сирии до недавнего времени можно было судить лишь по данным позднейших «Деяний Суппилулиумы». Теперь, очевидно, есть свидетельства, синхронные самому Тудхалии III. Возможно, это самая ценная историческая информация во всем издаваемом корпусе.

Текст № 15 – фрагмент еще одного документа хетто-митаннийской дипломатической переписки (с. 63–68). В нем отсутствует типичная вводная часть с обращением к адресату и благопожеланиями. Тем не менее общий контекст – обращение «мой брат», обсуждение обмена дарами и посольствами, упоминание страны Луллува (лулубеев) в горах Загроса – склоняет авторов к отнесению документа к хетто-митаннийскому досье. Адресатом, вероятно, был царь Митанни, а отправителем – хеттский правитель Тудхалия III. В письме упомянут Кантуццили (об. ст. 14–15), что, по мнению издателей, является аргументом в пользу датировки текста правлением Тудхалии[18]. Также в поврежденном контексте упомянут митаннийский посол Уттими (об. ст. 12, 13).

На лицевой стороне письма сохранился следующий текст (лиц. ст. 6'–13'):

> Когда ты, мой брат, сказал ... [...] отпусти моих слуг! [...] Пусть они принесут таблички моего брата! / Ког[да] твои послы вошли в [мою страну] ... в стране Луллува ... он находился. Когда он вернется из страны Луллува, то [по]слы моего брата в[ернутся] к [тебе]. Сейчас к моему брату ...[19] [...]

Создается впечатление, что некий подданный хеттского царя (дипломат, торговец?) оказался задержан в стране Луллува, видимо, на крайнем востоке митаннийского ареала. Хеттский правитель возлагает ответственность за этот инцидент на царя Митанни и ставит условием отправки домой митаннийских послов возвращение своего подданного.

Последний параграф лицевой стороны содержал перечень даров, направляемых адресату. Сохранилось упоминание одного предмета одежды и серебряного сосуда *bibrû* весом в сорок сиклей[20]. В комментарии отмечается, что это небольшая величина и что аналогичные сосуды, которые отправлял в Египет преемник Тудхалии III, Суппилулиума I, весили в три-пять раз больше.

В начале сохранившегося текста на оборотной стороне стоит предложение: «Пусть Бог Грозы многократно поразит этих людей!» (об. ст. 2). В следующем параграфе автор обращается к адресату

---

[17] Ср. Stavi 2015, 76–77.

[18] Кантуццили текстов из Ортакёя и Машат-Хёюка – это, вероятно, сын Арнуванды I и брат Тудхалии III, см. Freu, Mazoyer 2007, 150–151, 175.

[19] Здесь перед лакуной следует последовательность знаков *a-mu-*. Возможно, они были частью личного имени посланца, которого хеттский царь направил в Митанни.

[20] Сосуды, обозначавшиеся в хеттских текстах как *BIBRÛ*, могли быть зооморфными или иметь форму кулака, подобно известному сосуду из Бостонского музея изящных искусств, датируемому временем Тудхалии III (URL: https://collections.mfa.org/objects/322343/drinking-vessel-in-the-shape-of-a-fist?ctx=fe375273-af6d-44db-b9b9-3470a05a2da9&idx=0; дата обращения: 04.11.2022). См. о *BIBRÛ* Güterbock 1997, 120–123, а также новейшую литературу, на которую ссылаются авторы рецензируемой книги (с. 66).

с призывом: «*Назначь* областеначальников!» (об. ст. 9). После лакуны в одно слово следует фраза: «Пусть они сражаются с твоим врагом!»

Складывается впечатление, что поводом к написанию этого письма послужил некий инцидент с хеттским подданным на окраине митаннийской территории, где контроль центральных властей был непрочен. Хеттский царь потребовал вернуть этого подданного в Анатолию, а также призвал митаннийского адресата активнее бороться с беззаконием в своей стране.

Текст № 16 содержит 21 сильно поврежденную строку (с. 68–70). Употребленное в нем обращение «мой брат» (стк. 3'–9', 17', 20') позволяет отнести фрагмент к межгосударственной переписке равных партнеров. К сожалению, не сохранилось ни одного связного предложения. В стк. 7' говорится о «злых людях» (LÚ.MEŠ *za-a*[*p-ru-ti*]). Стк. 14' содержит словосочетание «табличка клятвы с [...]», а в стк. 17', возможно, стоит слово «граница». Хеттские формы знаков говорят в пользу того, что этот фрагмент, как и предыдущие, относился к черновым вариантам или копиям посланий, отправленным хеттскими царями за рубеж.

Тексты № 17–20 – совсем мелкие фрагменты (с. 70–75). № 17 содержит обращение «мой брат» (стк. 4', 8'), а значит, как и предыдущий текст, может быть классифицирован как фрагмент межгосударственной корреспонденции с равным правителем великой державы. В № 18 говорится о военных действиях (*ta-ha-a*[*z-za*], стк. 2')[21], оказании помощи (*ana tillūtīšunu*, стк. 3', 9') и постоянных вторжениях в «мою страну» ([*a-n*]*a* KUR-*ia i-te-né-er*-[*ru-bu*], стк. 8'). В № 19 упоминаются «наши старейшины» ([^{lú}]AB.BA.MEŠ-*ni*, стк. 3'). По наличию глаголов, местоимений и местоименных прилагательных 1 и 2 л. фрагменты № 17–19 можно классифицировать как письма. В № 20 отсутствует даже такой материал, поэтому его жанровая атрибуция представляется невозможной. Во всех фрагментах использованы хеттские формы знаков.

Документы № 12, 14, 15, чья сохранность лучше, чем у остальных, истолкованы издателями как черновые варианты, проекты писем, которые предстояло отправить соответствующим адресатам, правителям Митанни и некоего сирийского княжества. Принимая во внимание хеттские формы знаков в остальных фрагментах, эти фрагменты тоже можно отнести к категории черновиков. Дополнительным аргументом в пользу такой атрибуции являются исправления и запись отдельных частей текста более мелким почерком (с. xiii). Наличие в архиве столь большого числа черновых вариантов или копий дипломатических писем представляет собой определенную проблему, так как для государственных канцелярий древнего Ближнего Востока была характерна тенденция архивировать только входящую корреспонденцию с зарубежными странами, а исходящие письма не копировать[22]. Однако в свете параллелей из архивов Хаттусы/Богазкёя ситуация в Ортакёе не представляется чем-то исключительным: в главной хеттской столице также хранились черновые варианты, в основном на хеттском языке, и, возможно, аккадские копии отправленных дипломатических писем. Такую практику удачно иллюстрирует хетто-ассирийская дипломатическая переписка из Богазкёя. Таким образом, можно говорить об определенных устойчивых принципах хранения информации в хеттских архивах, выделяющих их на общеближневосточном фоне своего времени.

Подводя итог обзору DAAM 2, следует сказать, что выход этой книги – важное и знаменательное событие, а ее авторы, Д. Швемер и А. Сюэль, заслуживают благодарности. Это первая относительно крупная и системная публикация ортакёйских текстов из официальных раскопок, ранее неизвестных и недоступных широкому кругу исследователей. Введенные в научный оборот тексты освещают плохо известный этап хеттской истории. Раннее амарнское время, о котором собственно амарнские тексты из Египта сохранили весьма мало сведений, теперь может быть понято чуть лучше благодаря новым данным из ортакёйского архива. Однако этих данных всё еще недостаточно, поэтому лишь дальнейшие исследования археологов и эпиграфистов покажут, сможет ли Ортакёй стать хеттской Амарной, внеся столь же существенный вклад в историческую реконструкцию, как и египетский архив[23].

---

[21] Как отмечают издатели, удвоение сибилянта в слове *tāhāzu* «битва» неоднократно засвидетельствовано в аккадских текстах из Богазкёя (с. 73).

[22] Эту тенденцию можно проследить на материале таких архивов II тыс. до н.э., как Мари и Телль-Амарна. Присутствие в этих архивах отдельных документов исходящей корреспонденции или их набросков свидетельствует о том, что мы имеем дело именно с тенденцией, а не жестким правилом (см. подробнее Charpin 2009, 157–159; Charpin, Ziegler 2003, 17; Moran 1992, xxvii).

[23] О других письмах из Ортакёя, касающихся международной обстановки и межгосударственных отношений, см., например, в Süel 2017.

Литература / References

Beckman, G. 2014: *The* babili-*Ritual from Hattusa* (*CTH 718*). (Mesopotamian Civilizations, 19). Winona Lake.

Charpin, D. 2009: *Chtenie i pis'mo v Vavilonii* [*Reading and Writing in Babylon*]. Moscow.
Шарпен, Д. *Чтение и письмо в Вавилонии*. Пер. с фр. И.С. Архипова. М.

Charpin, D., Ziegler, N. 2003: *Mari et le Proche-Orient à l'époque amorrite: essai d'histoire politique*. (Florilegium marianum, 5). Paris.

de Martino, S., Murat, L., Süel, A. 2013: The eleventh tablet of the *itkalzi* ritual from Šapinuwa. *Kaskal: rivista di storia, ambiente e culture del Vicino Oriente Antico* 10, 131–148.

Devecchi, E. 2015: Missing treaties of the Hittites. *Kaskal: rivista di storia, ambiente e culture del Vicino Oriente Antico* 12, 156–178.

Freu, J., Mazoyer, M. 2007: *Les débuts du nouvel empire hittite*. (Les Hittites et leur histoire, 2). Paris.

Güterbock, H.G. 1997: Hethitische Götterbilder und Kultobjekte. In: H.A. Hoffner, Jr. (ed.), *Perspectives on Hittite Civilization*: *Selected Writings of Hans Gustav Güterbock*. (Assyriological Studies, 26). Chicago, 115–125.

Mielke, D.P. 2011: Key sites of the Hittite empire. In: S.R. Steadman, G. McMahon (eds.), *The Oxford Handbook of Ancient Anatolia*, *10,000–323 B.C.E.* Oxford, 1031–1054.

Moran, W.L. 1992: *The Amarna Letters*. Baltimore.

Stavi, B. 2015: *The Reign of Tudhaliya II and Šuppiluliuma I. The Contribution of the Hittite Documentation to a Reconstruction of the Amarna Age*. (Texte der Hethiter, 31). Heidelberg.

Süel, A. 1999: The name of Ortaköy in the Hittite period. In: *XII. Türk Tarih Kongresi. Ankara: 12–16 Eylül 1994. Kongreye sunulan bildiriler. I. Cilt*. Ankara, 117–128.

Süel, A. 2002: Ortaköy-Šapinuwa. In: K.A. Yener, H.A. Hoffner, Jr. (eds.), *Recent Developments in Hittite Archaeology and History*. Winona Lake, 157–165.

Süel, A. 2009: Another capital city of the Hittite state: Šapinuwa. In: F. Pecchioli Daddi, G. Torri, C. Corti (eds.), *Central-North Anatolia in the Hittite Period. New Perspectives in Light of Recent Research. Acts of the International Conference Held at the University of Florence, 7–9 February 2007.* (Studia Asiana, 5). Roma, 193–205.

Süel, A. 2017: The Anatolian-Syrian relationship in the light of the Ortaköy-Šapinuwa tablets. In: Ç. Maner, M.T. Horowitz, A.S. Gilbert (eds.), *Overturning Certainties in Near Eastern Archaeology. A Festschrift in Honor of K. Aslıhan Yener*. (Culture and History of the Ancient Near East, 90). Leiden–Boston, 634–644.

Süel, A., Süel, M. 2017: Chapter 3. The discovery of a Hittite city. Developments in Hittite geography based on the identification of Ortaköy-Šapinuwa. In: M. Weeden, L.Z. Ullmann (eds.), *Hittite Landscape and Geography*. (Handbook of Oriental Studies, Section 1: The Near and Middle East, 121). Leiden–Boston, 28–36.

Süel, A., Weeden, M. 2017: Chapter 15. Central East: Philology. In: M. Weeden, L.Z. Ullmann (eds.), *Hittite Landscape and Geography* (Handbook of Oriental Studies, Section 1: The Near and Middle East, 121). Leiden–Boston, 200–208.

Ünal, A. 1998: *Hittite and Hurrian Cuneiform Tablets from Ortaköy* (*Çorum*), *Central Turkey. With Two Excurses on the "Man of the Storm God" and a Full Edition of KBo 23.27.* Istanbul.

Boris E. Alexandrov,

Lomonosov Moscow State University;

Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

E-mail: boris_alexandrov@icloud.com

ORCID: 0000-0001-7295-0628

Acknowledgements: Russian Science Foundation project no. 18-18-00503

Б.Е. Александров,

к.и.н.,

доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,

старший научный сотрудник Института языкознания РАН

Москва, Россия

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Vestnik drevney istorii
82/4 (2022), 990–991
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/4 (2022), 990–991
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910023600-3

ЕГИПТОЛОГИИ 200 ЛЕТ

У «Вестника древней истории» есть добрая традиция поздравлять с юбилеями выдающихся ученых среди своих авторов, и не только их. Сейчас у нас есть уникальная возможность поздравить не отдельного человека, но целую науку – уникальная потому, что мы практически никогда не можем сказать определенно, когда родилась та или иная новая дисциплина. Применительно к египтологии это не так – 14 сентября 1822 года, когда Жан-Франсуа Шампольон прочитал первые египетские имена без помощи греческой билингвы, справедливо считается ее днем рождения.

С самого начала было понятно, что египтология – это совершенно новое явление со своей большой спецификой, и чем дальше, тем более очевидной эта специфика становилась. Уже первые попытки изучения памятников, главным образом в рамках комплексного изучения страны учеными военной экспедиции Бонапарта, показали, что оно возможно только при соединении усилий, направленных на памятник как материальный объект и на изобразительную и письменную информацию, которую он несет, ибо египетская архитектура в огромной степени предназначена для того, чтобы создавать плоскости для размещения этой информации. Три четверти XIX века были посвящены освоению материалов, которые составили основной корпус источников, и изучению принципов языка и письменности (точнее, конечно, языков и систем письма). Этот героический период закончился в конце XIX века выходом грамматик, позволивших достаточно адекватно читать тексты и заложивших основу современной науки. Начался золотой век египтологии, продолжавшийся до Второй мировой войны. Произошло достаточно четкое разделение по специализациям: получение новых материалов (археология), чтение текстов (филология и с меньшими успехами лингвистика), синтетические исследования (реконструкция истории, изучение культуры); при этом все большие ученые были весьма универсальны, в чем была великая сила тогдашней науки. До сих пор, продолжает ли египтология традиции золотого века или же борется с выдвинутыми тогда теориями, все ее силы и слабости идут оттуда. Два или три послевоенных десятилетия были посвящены освоению наследия золотого века, но сами по себе не были временем больших теорий. Последующие полвека стали временем гораздо более полного и тщательного собирания материала, его систематизации и пересмотра многих взглядов и подходов, казавшихся незыблемыми.

Русская египтология возникла на полвека позднее европейской и прошла сложный путь, что объясняет ее специфику. В начале всякого нового дела, как правило, стоят фигуры колоссальные. В России это Владимир Семенович Голенищев, который еще студентом стремительно ворвался в мировую науку и за несколько лет занял в ней одно из лидирующих мест. Великий собиратель и один из лучших знатоков египетского языка, причем со взглядами, сильно отличавшимися от общепринятых, он, однако, совершенно не интересовался преподаванием и поэтому школы не создал. Его ровесник Оскар Эдуардович фон Лемм начал преподавать египетский язык в Петербургском университете, но вскоре отошел от этой деятельности, в результате которой появился только один действующий ученик, однако это был будущий создатель русской школы истории Древнего Востока и египтологии в частности Борис Александрович Тураев. В конце века он начал систематическое преподавание, и нынешняя кафедра Истории Древнего Востока, несмотря на многократные разрывы, перемены названий и административной принадлежности, восходит все же именно к нему. За предвоенные десятилетия ему удалость сплотить вокруг себя группу учеников и единомышленников, которую уже можно называть школой, но к началу 20-х годов от нее не осталось почти никого, включая и ее создателя. Воссоздание школы легло на плечи ученика Тураева Василия Васильевича Струве, к ко-

торому восходит советская египтология. Ей пришлось существовать в своеобразных условиях, когда основной задачей науки о древности стал назначенный сверху поиск рабовладельческого строя. На него были фатально растрачены значительные силы, но, вместе с тем, именно советская египтология сделала больше всех в мире в области социально-экономических отношений. После смерти Струве и его старших учеников традиция была снова близка к прерыванию, но ее подхватили Юрий Яковлевич Перепелкин, которому было уже за шестьдесят, Николай Сергеевич Петровский, Олег Дмитриевич Берлев и Евгений Степанович Богословский. Середина 60-х – начало 90-х, когда в Ленинградском отделении Института востоковедения и в ЛГУ работали эти великие исследователи, стало лучшим временем в истории русской египтологии. Им удалось перейти от ангажированного и формализованного соцэка к поискам тончайших деталей социальной терминологии и понять, что она принципиально несовместима с нашей, увидеть то же самое в сфере мировосприятия, начать построение оригинальной грамматики и проникновение в базовые принципы иероглифики. Школа Перепелкина сохранилась после ухода его последователей, и современная русская египтология продолжает ее, хотя большинство ныне действующих ученых его никогда не видели. Если до 90-х годов главным научным центром был Петербург – Ленинград, то теперь началось активное развитие московской египтологии. Удалось преодолеть соперничество двух столиц и добиться дружеского взаимодействия их до сих пор достаточно различных субтрадиций. Основной интерес стал общекультурным, что характерно для всей мировой египтологии, но он в большой степени базируется на осмыслении интереснейшего наследия предшествующего поколения, которое за пределами России остается малоизвестным, что придает русской египтологии особый интерес. В Москве стала развиваться такая область египтологии, как полевые археологические исследования, которые ранее были невозможными. На качественно новый уровень вышло преподавание египтологических дисциплин; в Петербурге оно ведется на единственной в стране специализированной древневосточной кафедре с уклоном в филологию, в Москве на кафедре Истории Древнего мира Исторического факультета МГУ с предпочтением исторической проблематике. Можно сказать, что наша школа достойно вышла из многих испытаний и сейчас ее существование, возможно, наиболее естественно за последний век.

Редколлегия ВДИ поздравляет всех имеющих отношение к египтологии с двухсотлетием и желает достойного продолжения традиций и новых успехов!

Andrey O. Bolshakov,

Section of Ancient Orient
of the State Hermitage Museum,
Saint Petersburg, Russia
E-mail: imhotep.ab@gmail.com

А.О. Большаков,

д.и.н.,
зав. сектором Древнего Востока
в Отделе Востока
Государственного Эрмитажа,
Санкт-Петербург, Россия

Vestnik drevney istorii
82/4 (2022), 992–1004
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/4 (2022), 992–1004
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910022002-5

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ АНТИКОВЕДОВ «ИСТОРИК И ТЕКСТ»

(Москва, 20–21 декабря 2021 г.)

20–21 декабря 2021 г. состоялась третья конференция Российской ассоциации антиковедов «Историк и текст», организованная отделом сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН. Конференция была посвящена столетию со дня рождения Е.С. Голубцовой (1921–1998), заведующей сектором истории древнего мира ИВИ РАН в 1977–1988 годах, которая с 1988 г. и до своей внезапной смерти возглавляла Всесоюзную, а с 1992 г. – Российскую ассоциацию антиковедов, восстановив эту организацию и придав ей подобающие вес и авторитет, прежде всего благодаря проведению регулярных конференций и изданию сборников сделанных там докладов.

В нынешней конференции приняли участие исследователи из Москвы, Санкт-Петербурга, Смоленска, Симферополя, Нижнего Новгорода, Воронежа, Казани, Ярославля, Тюмени, Ростова-на-Дону, Сургута, Самары, Белгорода, Донецка и Загреба. Работа проходила в девяти секциях, организованных как в очном, так и в дистанционном формате.

Пленарное заседание (председатель – А.И. Иванчик) открылось докладом *Н.П. Гринцера* (Москва) «Корабль-государство: истоки образа», в котором был поставлен вопрос, когда этот образ становится политическим. С точки зрения докладчика, его истоки восходят к мифу о золотом веке. Образ используется в лирике Алкея и Архилоха, но действительно глубокое политическое наполнение приобретает в греческой драме V в. до н.э., откуда и проникает непосредственно в политическую риторику.

В докладе *Д.В. Журавлева* (Москва) «Синдика и Боспор в VI в. до н.э. – I в. н.э.: некоторые новые результаты работ Боспорской археологической экспедиции» были представлены краткие итоги комплексных работ Боспорской археологической экспедиции Государственного исторического музея совместно с Германским археологическим институтом на Таманском полуострове и в Анапском районе Краснодарского края за последние годы. За это время были завершены исследования фортификационной системы поселения Голубицкая 2 – одного из самых ранних памятников греческой колонизации в регионе. Первые работы на городище Красный Октябрь открыли производственный керамический комплекс середины I в.н.э. и дали целый ряд уникальных находок. Масштабные разведочные работы в районе Семибратнего городища и курганов с широким применением аэрофотосъемки и геомагнитной разведки позволили не только составить подробный план городища с выявленными строительными объектами, но и высказать ряд гипотез о Семибратних курганах и возможных сюрпризах, ожидающих их будущих исследователей.

И.А. Ладынин (Москва) выступил с докладом «Что такое “Земля Уаджит”? Комментарий к стк. 14–16 “Стелы сатрапа”». Согласно тексту «Стелы сатрапа» 311 г. до н.э., сатрап Птолемей передал храмам Буто доходы с некоей «Земли Уаджит». Данное название фиксируется в этом тексте впервые, однако в римское время и в начале средневековья его производные обозначают область с центром в г. Буто. Оценка описания границ этого угодья в стк. 14–16 показывает, что, согласно буквальному смыслу текста, храмам Буто переходили доходы со всей сельской округи этой области. Докладчик поднял вопрос о том, насколько правдоподобным представляется столь обширное дарение и могло ли оно быть удержано этими храмами в дальнейшем.

Вторая часть пленарного заседания была посвящена презентации I тома корпуса «Надписи Северного Причерноморья» и проекта «Надписи Северного Причерноморья». С докладом «Корпус надписей Тиры и проблемы издания надписей Северного Причерноморья» выступил *А.И. Иванчик* (Москва). До сих пор единственным полным сводом надписей Причерноморья оставался корпус В.В. Латышева *IOSPE*, так что подготовка нового корпуса уже давно была насущной задачей науки. В новом корпусе планируется 6 томов, три из которых на данный момент доступны в электронном виде[1], первый же том вышел из печати в русскоязычной и англоязычной версиях. Докладчик также сообщил о подготовке трехмерных моделей надписей, вошедших в корпус в рамках нового проекта «Виртуальный лапидарий Северного Причерноморья», начатого в 2019 г. В конце выступления было подробно рассказано о первом томе корпуса «Греческие и латинские надписи Тиры и окрестностей».

А.Ю. Виноградов (Москва) выступил с докладом «Работа над корпусом византийских надписей Северного Причерноморья. Старые проблемы и новые перспективы». В 2015 г. в рамках вышеупомянутого проекта была опубликована электронная версия корпуса византийских надписей, готовившаяся около 15 лет, после чего новые находки и другие обстоятельства заставили издавать два дополнения к корпусу. В настоящее время идет работа, в том числе на основе трехмерных моделей надписей, над бумажной версией корпуса.

В докладе *И.А. Макарова* (Москва) «Несколько неизданных фрагментов греческих надписей из Херсонеса Таврического» обсуждались варианты чтения и интерпретации эпиграфических памятников римского времени. В частности, один из представленных вниманию слушателей текстов, по предположению автора, мог иметь отношение к херсонесскому театру.

И.А. Левинская (Санкт-Петербург) выступила с сообщением «Проект “История письма европейской цивилизации” и корпус надписей Северного Причерноморья». Цель проекта «История письма европейской цивилизации» – создание корпуса образцов письма в виде цифровых копий рукописных памятников из крупнейших академических собраний. В рамках этого проекта специалисты по эпиграфике Северного Причерноморья И.А. Левинская и А.П. Бехтер поставили себе цель рассмотреть все датированные надписи и более точно определить, что конкретно представляет собой «характер письма» этих памятников. Подобная работа поможет составлению корпуса надписей Северного Причерноморья, поскольку после проведенного исследования письма появится возможность уточнить палеографические датировки надписей.

В первый день конференции состоялось заседание четырех тематических секций, три из которых прошли в смешанном, а одна –полностью в дистанционном формате. Заседание секции «Эпиграфика» (председатель А.П. Бехтер) было открыто докладом *И.А. Левинской* (Санкт-Петербург) «Об одном редком сокращении в надгробной надписи из Пантикапея», который был посвящен надписи на надгробной стеле, найденной в Керчи и хранящейся ныне в Британском музее. В конце надписи есть две буквы, вторая из которых сходна с греческой П, а первая – с латинской L. Согласно одной из гипотез, знак L мог служить сокращением, указывающим на возраст. Это редкое сокращение зафиксировано в Египте, Киренаке, на островах Фера и Кипр и не встречается в Северном Причерноморье. Автор доклада задалась вопросом, как должны были реагировать на это сокращение жители Боспора и кто был автором надписи; была предложена гипотеза, согласно которой инициатором появления этого знака мог выступить резчик-иностранец.

А.П. Бехтер (Санкт-Петербург) в докладе «Палеография боспорских лапидарных текстов IV в. до н.э.» предприняла попытку выстроить хронологическую последовательность лапидарных надписей IV в. до н.э., опираясь на тексты с сохранившимися эпонимными датировками. В основу классификации были положены три составляющие: палеографическая, орфографическая и историческая, основывающаяся на изменениях титулатуры боспорских правителей и выявлении их связей с историческими событиями. Совмещение этих трех принципов должно, по мнению докладчика, помочь создать более точную шкалу датировок боспорских надписей.

Доклад *Ф.В. Шелова-Коведяева* (Москва) «Мерное клеймо на сосуде из раскопок Елизаветовского городища на Дону» был посвящен клейму на небольшом фрагменте тулова тонкостенного сосуда (по-видимому, ойнохои), обнаруженном в 2016 г. на Елизаветовском городище в слое второй половины IV в. до н.э. В первой строке надписи читаются *пи* с вписанной в нее *дельтой* и вертикальная черта, во второй – ВІ. Автор предложил свою интерпретацию содер-

[1] URL: https://iospe.kcl.ac.uk/corpus/index-ru.html; дата обращения: 19.09.2022.

жания этого ранее опубликованного текста: в первой строке – число 16, во второй – или начало личного имени фабриканта, или аббревиатура, означающая «высочайше удостоверено».

Д.Б. Меркин (Москва) посвятил доклад «Стела из Асклепиона на о. Кос – свидетельство трансформации религиозного праздника в Дидимах и пропаганды культа Аполлона» описторграфической стеле, обнаруженной Р. Херцогом в 1904 г. при раскопках храма Асклепия на о. Кос. На одной стороне камня был записан декрет милетян, на основании которого локальные игры в Дидимах становились общегреческим праздником, а на другой, ныне сильно поврежденной,– декрет граждан Коса, подтверждающий их участие в новых общеэллинских играх. Этот текст не только фиксирует попытку трансформации локального праздника в общегреческий, но и пропагандирует культ Аполлона Дидимейского, стремясь привлечь к нему новых почитателей.

В докладе *А.А. Евдокимовой* (Москва) «Система акцентуации как датирующий признак в византийских надписях» был представлен краткий обзор систем акцентуации в византийских надписях. Кроме александрийской, византийской и логической, автор доклада продемонстрировала варианты систем с предпочтением сдвига ударения и придыхания вправо, со сдвигом влево, смешанную и др. Как показал анализ систем акцентуации на византийских печатях, содержащихся в коллекции Dumbarton Oaks, некоторые из систем бытовали в рамках определенных периодов, что позволяет говорить о потенциале использования их анализа для сужения датировки надписи.

Работу секции «История древнего Востока» (председатели Г.А. Белова, А.Е. Демидчик) открыл доклад *Г.А. Беловой* (Москва) «Скажи мне, кто твой дух, и я скажу тебе, кто ты» (Cambridge, Fitzwilliam Museum E.5.1909; Brooklyn, Brooklyn Museum 56.152)», в котором на основе пересмотра ранее предложенных интерпретаций надписей на двух парных блоках автор высказывает отличную от прежних точку зрения на назначение той структуры, частью которой были эти блоки, а также предлагает свое прочтение и трактовку текстов, что позволяет по-новому взглянуть на религиозные и мистические представления египтян. По автора доклада, в надписях речь идет не о преодолении препятствий в потустороннем мире, а о практическом использовании ду́хов.

В докладе «“Я давал зерно Дендере”: упоминания о благотворительных раздачах продовольствия в VI верхнеегипетском номе в Первый переходный период» *А.Е. Демидчик* (Санкт-Петербург/Новосибирск) полемизирует с господствующей в настоящее время интерпретацией рассматриваемых дендерских высказываний о раздачах продовольствия. Согласно точке зрения докладчика, для правильного понимания этих высказываний нужно учитывать их «материальный» контекст: все они размещены на дорогостоящих памятниках, подобающих высокоранговым чиновникам. Однако владельцы этих памятников видных постов не занимали, поэтому им пришлось доказывать свое моральное право на них ссылками на свою щедрую продовольственную помощь всем бедствующим в голодные годы, тем самым давая понять, что их богатства и щедрость порой приносили землякам больше пользы, чем даже деятельность местных администраторов.

О.В. Томашевич (Москва) в докладе «“История пастуха”: новые варианты прочтения» обратилась к короткому (25 строк), но сложному древнеегипетскому тексту, сохранившемуся на одном папирусе со знаменитым «Разговором с Ба» (*pBerlin* 3024) и датируемому началом XII династии. Этот рассказ о встрече пастуха с богиней или демоницей в зарослях папируса считается неполным и поэтому довольно редко привлекает внимание исследователей. О.В. Томашевич, рассмотрев новые варианты прочтения нескольких строк текста, обратилась к интерпретации образа существа женского пола, который, по ее предположению, нашел воплощение в деревянной фигурке прекрасной работы из собрания В.С. Голенищева (ныне ГМИИ имени А.С. Пушкина Инв. № I, 1a5669).

А.А. Немировский (Москва) в докладе «“Игемонствующие” и “цари”: что знал Манефон о раздробленности Египта во Второй переходный период и в какой форме он хотел выразить это знание?» показал, что Манефон был осведомлен о наличии в Египте указанного времени локальных династов, но для догиксосского времени называл их «игемонствующими» под верховной властью одного египетского «царя», а для гиксосского – «царями», повысив их, таким образом, в ранге в силу своего негативного отношения к гиксосскому владычеству.

Доклад *Д.А. Изосимова* (Москва) «О должности “сенти” в период Первого персидского владычества» посвящен анализу функций одной из должностей египетских вельмож, а именно

должности «сенти» (*snt*), которая упоминается как в частных памятниках, так и в художественном произведении, датируемом рассматриваемым периодом, – «Повести Петеисе III», и в ряде памятников птолемеевского времени. Учитывая предполагаемое время появления рассматриваемой должности в конце XXVI династии и основываясь на полученных данных об обязанностях «сенти», докладчик пришел к выводу, что эта должность была одной из высших и связана с управлением жреческих корпораций.

В докладе «Политика и идеология птолемеевских праздников: новые данные папируса из Дейр эль-Баната» *Е.Ю. Чепель* (Москва) была проанализирована подневная программа праздника Теадельфий в Александрии, который прошел, вероятно, в 242 г. до н.э. Кроме состязаний и связанных с ними мероприятий, в его программу были также включены дни рождения наследника престола Птолемея IV и царицы Береники II. Новый документ помогает лучше понять, как элементы эллинистической культуры, в особенности праздники, использовались эллинистическими монархами в Египте для укрепления своего внутри- и внешнеполитического статуса, а также для идеологии и пропаганды власти и величия царской династии.

Исследованию египетских папирусов эллинистического времени был посвящен доклад *А.Э. Сониной* (Москва) «Новый взгляд на письмо Маркиана из коллекции Г.Ф. Церетели (*p. Ross. Georg*. III. 9)», в котором рассматривается частное письмо Маркиана к Исааку, записанное на папирусе. По мнению докладчика, перечисленные в письме продукты использовались в медицинских целях. В пользу такого предположения говорит и частота упоминаний этих продуктов в рецептах античных врачей (Галена и Аэция). Таким образом, предложенная новая интерпретация (просьба о посылке продуктов для изготовления лекарств) ставит это письмо в один ряд с другими подобными документами-свидетельствами о работе врачей в Египте IV в.

Р.А. Орехов (Москва) в докладе «Ю.Я. Перепелкин и “История древнего Востока” (по материалам архива Т.Н. Савельевой)» сосредоточил свое внимание на одном письме отечественного египтолога Е.С. Богословского, в котором тот затрагивает судьбу наследия своего учителя Ю.Я. Перепелкина и отмечает его вклад в отечественную египтологию. Речь в разбираемом письме идет о главах, написанных Перепелкиным для второго тома «Истории древнего Востока», опубликованного в 1988 г. В 2000 г. эти главы вышли отдельной книгой – «История древнего Египта» (ред. А.Л. Вассоевич). Докладчик представил суть принципиальных возражений Е.С. Богословского против публикации глав отдельным изданием, а также на основе переписки Т.Н. Савельевой дал оценку данному труду с точки зрения его значения для отечественной науки о древнем Востоке.

Секцию «Древний Рим и поздняя античность» (председатели И.В. Хорькова, М.А. Ведешкин) открыла *Е.В. Илюшечкина* (Москва) докладом «О риторической функции multitudo в “Записках о галльской войне” Цезаря», в котором проследила использование Цезарем понятия multitudo при описании галльских племен, с тем чтобы установить, употреблялось ли оно исключительно в контекстах, где речь идет о враждебных племенах, как маркер потенциальной опасности. Этот прием можно рассматривать как частный случай политической и идеологической стратегии: с одной стороны, мы имеем дело с оправданием перед сенатом военных действий в Галлии, с другой – с представлениями о политических отношениях Рима с племенами на завоеванных территориях.

И.В. Хорькова (Москва) в своем докладе «Отрывок о ludi votivi maximi в обработке языческих и христианских авторов» проанализировала известный сюжет о повторении игр в честь Юпитера, предпринятом из-за оскорбительного для божества происшествия во время процессии, в сочинениях греческих и латинских авторов, язычников и христиан (I в. до н.э.– V в.н.э.). Сообщения Цицерона и Ливия были определены как наиболее точные, Дионисия Галикарнасского и Плутарха – как более подробные, созданные для грекоязычной аудитории, христианских авторов – как обличающие язычество.

В докладе «Император Константин Великий о римской истории» *И.А. Миролюбов* (Москва) подверг анализу исторические произведения эпохи Константина Великого, описывающие приход Константина к власти и его значение. Эти произведения не были свободны от идеологических установок самого императора. Особого внимания заслуживают фрагменты сочинений Евсевия (*Vita Const*. II. 49; 51) и анонимного продолжателя Диона (*FHG* IV, p. 199), в которых представлены замечания Константина об императорах прошлого.

И.Е. Ермолова (Москва) посвятила свое сообщение «К вопросу о выборе языка римским историком» реконструкции причин, по которым историки начального и конечного периода

римского историописания выбирали для написания своих произведения не свой родной язык, будь то греческий или латинский.

В следующем докладе «К вопросу о датировке “Vitae sophistarum» Евнапия Сардского» *М.А. Ведешкин* (Москва) привел новые аргументы в пользу гипотезы Ф. Пашу о составлении «Жизнеописаний философов и софистов» не ранее 412 г., в отличие от устоявшейся историографической традиции, датирующей это сочинение около 399–400 гг.

О своих исследованиях «Повседневной жизни высшего клира Восточной Римской империи в V веке на примере писем Фирма Кесарийского» рассказал *Н.А. Виноградов* (Москва). На основе эпистолярного наследия епископа Фирма Кесарийского, которое до последнего времени фактически не являлось предметом специального изучения, был выявлен круг общения и статус собеседников провинциального архиерея, что позволило лучше понять специфику социальной структуры Восточной Римской империи, осветить участие представителей высшего клира в общественной, политической и культурной жизни восточных провинций.

С.А. Сахаров (Смоленск) в своем сообщении «Отражение проблем коррупции в творчестве Аврелия Августина (по данным трактата “О граде Божьем” и эпистолярного наследия отца церкви)» выдвинул на первый план восприятие отцом церкви стяжательства, коррупции и жажды обогащения как одного из факторов разрушения римского общества и государства в сочинении «О граде Божьем». В свою очередь, эпистолярное наследие отца церкви характеризует его отношение к коррупционном связям, позволяя даже выявить в нем некоторые противоречия, вероятнее всего отражающие особенности восприятия в поздней античности коррупции в целом.

В докладе «Понимать текст через текст: письма Августина в трактате “О церковных службах” Исидора Севильского» *Е.С. Марей* (Москва) проанализировала способы и методы цитирования Исидором его источника, причем в отдельных случаях Исидор так изменил текст Августина, что понять его мысль до конца возможно только обратившись к первоисточнику. Такие фрагменты ставят вопросы о бытовании текста Исидора в широком культурном и литературном контексте и о том, насколько его трактат мог быть понятен современникам и востребован ими.

Е.Д. Звягина (Москва) в докладе «Согласие общины в выборе епископа: consensus в письмах Григория I» рассмотрела примеры использования понятия consensus и синонимичных ему слов в письмах папы Григория I, посвященных избранию епископа в Неаполе. Соотнесение контекстов и коннотаций употребления слова consensus позволило прояснить значимость достижения согласия внутри общины в практике избрания епископа в конце VI в.

Секцию «Археология, история, историография» (председатели А.Е. Барышников, А.Д. Пантелеев), работа которой проходила в дистанционном формате, открыл доклад *А.В. Лысенко* (Симферополь) и *В.И. Мордвинцевой* (Москва) «Гири от римских “быстрых” весов из святилища Эклизи-Бурун (Горный Крым)», посвященный таким редким для всей античной ойкумены артефактам, как передвижные подвесные антропоморфные гири для римских «быстрых» весов. В сообщении было показано, что две практически не поврежденные гири от римских безменов оказались у адептов культового комплекса вместе с весами, которые и подверглись деструкции в рамках ритуальной практики жертвоприношения инокультурных предметов путем их поломки.

Н.П. Писаревский (Воронеж) в докладе «Октера “Исида” на фреске III в. до н.э. из храма Афродиты в боспорском городе Нимфее. Новые возможности интерпретации иконографического источника» привлек фрагментарные данные разнотипных источников и сопроводительных надписей-граффити и предположил, что прототипом военного гребного корабля «Исида» на открытой при раскопках храма Афродиты в Нимфее фреске был боевой широко-многорядный эллинистический корабль. Автор также предложил датировать изображенное на фреске из Нимфея историческое событие первой четвертью III в. до н.э., временем правления боспорского царя Спартока III, заключившего военный союз с Афинами в 288/286 гг. до н.э.

Л. Перинич (Загреб, Хорватия) в своем докладе «Among Gods and Men – Methodology Used and the Results so Far» предложила целостный подход к изучению вотивов и эпиграфических памятников, связанных с римской религией в провинции Далмации. Сами культы и религия рассматривались как социальные категории, предоставляющие потенциальную возможность выразить статус человека через отправление обрядов. Наиболее важным вкладом проводимых исследований в науку, как ожидается, будет тщательный анализ эпиграфических свидетельств и их систематизация, более полное понимание социальных аспектов религиозных верований, традиций и практик и их влияния на эволюцию культурных идентичностей.

А.Е. Барышников (Нижний Новгород) в своем докладе «“Близорукие доктринеры”: к вопросу об имперском факторе урбанизации Британии» предложил заново оценить все более заметную в современных в исторических публикациях тенденцию уделять больше внимания имперской составляющей урбанизации и объяснять создание некоторых исконно бриттских поселений римской волей, а не инициативой локальных элит.

Сообщение *М.М. Казакова* (Смоленск) «Восстановление римского мира после Адрианопольской катастрофы» было посвящено оценке деятельности Феодосия, направленной на преодоление последствий Адрианополя. Анализ источников не позволяет назвать Феодосия в полном смысле «восстановителем римского мира», да и современники такого титула ему не присвоили. Тем не менее предпринятые императором меры на определенный период времени оказались эффективными, и их можно признать вполне соответствующими сложившейся исторической обстановке.

На основе ранней агиографической традиции *А.Д. Пантелеев* (Санкт-Петербург) в докладе «Ранние мученичества как источник по истории гонений: политический аспект» рассмотрел отношение христиан, а именно авторов и редакторов мученичеств, к Риму, в частности к культу императора. В выступлении было отмечено, что римская идентичность у мучеников замещалась христианской: они считали себя гражданами не Рима, а Царства Божьего; христиане указывали, что император поставлен Богом, а стало быть, Его указания и заповеди обладают большей важностью. Проследив эволюцию образа магистратов, автор показал, как постепенно столкновение мученика и всего римского порядка превращается в конфликт добродетельного христианина и злобного наместника провинции, снимая таким образом ответственность за гонения с императора.

В своем сообщении «Циркумцеллионы в историографии конца XIX – начала XXI вв.: методы, концепции, проблемы» *А.Л. Мамонтов* (Санкт-Петербург) рассмотрел историю изучения циркумцеллионов – одного из наиболее заметных вопросов в историографии христианской церкви в римской Африке. Автор пришел к выводу, что сейчас представление о циркумцеллионах стало более комплексным. Можно сказать, что они представляли собой пеструю массу, собранную из сельских низов, и практиковали некую форму народного христианства, проявлявшуюся в доступных этой массе религиозных практиках: аскезе, мученичестве, «праведном» насилии.

Во второй день конференции, 21 декабря 2021 г., работало пять тематических секций. Секции «История древнего Рима», «История древней Греции» и «Тексты ученые и священные» провели свои заседания в Zoom, а секции «История древней Греции и Северного Причерноморья» и «История и культура древнего Рима» – очно.

Заседание секции «История древнего Рима» (председатели В.В. Дементьева, Е.В. Ляпустина) открылось докладом *В.В. Дементьевой* (Ярославль) «Марк Антоний Оратор как носитель империя (вопросы должностного статуса, терминологии источников и хронологии)». В докладе на основе анализа эпиграфических и нарративных источников были рассмотрены дискуссионные вопросы о том, в каком году М. Антоний получил статус quaestor pro praetore, – в 113 или 112 г. до н.э., какие должностные позиции он занимал в 102–100 гг. до н.э. и в какой последовательности при нем как носителе империя находились квесторы Гай Норбан и Авл Габиний. Автор доклада пришла к выводу, что М. Антоний, направленный в 102 г. в должности претора в Киликию для борьбы с пиратами, продолжил эту миссию в 101 г. уже в статусе проконсула провинции Азия. В том же году к нему, наместнику Азии, в качестве квестора прибыл Авл Габиний (а не в 102 г. до н.э., как нередко утверждалось исследователями), который, вероятнее всего, и остался с ним в статусе проквестора на 100-й год. Определить год квестуры Гая Норбана при М. Антонии не представляется возможным, однако, по мнению автора, она пришлась на какой-то год ранее 103 г. до н.э.; при этом датировка 113-м годом до н.э. практически исключается. Больше оснований считать, что на хронологическом отрезке от пропреторских полномочий М. Антония в 113 г. до его миссии в Киликии он в какой-то год наделялся империем и имел при себе в качестве квестора Г. Норбана.

В докладе *Е.С. Данилова* (Ярославль) «К вопросу о роли “малых богов” в древнеримском пантеоне: Molae Martis» был проанализирован фрагмент из «Аттических ночей» Авла Геллия, упоминающий Moles Martis (XIII. 23. 2). Т. Моммзен, Г. Виссова и Г. Экстелл трактовали Молу как богиню-прислужницу, родственную Марсу, или одно из его олицетворений. Против такого калькирования выступал Ж. Дюмезиль. И.Л. Маяк говорила о Молах как о близких к нуменам и, учитывая значения самого слова «moles», склонялась к мысли о «побудительной силе Марса

к войне». А.Г. Грушевой считает Moles «персонификацией армии, уничтожающей всё на своем пути». Это мнение близко к точке зрения В.И. Базанова. С точки зрения автора доклада, некоторые имена, прозвища, в том числе и загадочные Молы, связанные с классическим римским пантеоном, скрывают следы сакральной деградации: они, вероятно, должны напоминать о существовании архаичных божеств, потерявших когда-то свою самостоятельность и вошедших в орбиту влияния капитолийских небожителей.

Л.М. Шмелева (Казань) в докладе «Послы и посольское право в сочинении Тита Ливия “История Рима от основания города”» рассмотрела фрагменты этого сочинения, описывающие прием и отправку посольств. Право принимать послов принадлежало царю и сенату, также они определяли содержание прибывшим посольствам. В республиканский период прибывшие послы о целях визита сообщали магистратам, в царский – царю. По данным Ливия, римское государство содержало не все посольства, прибывшие в Рим, что определялось Сенатом. Отправляемые посольства в царский период составлялись царем и были ответственны перед ним, в республиканский – состав посольства определялся на заседании Сената, отправка сопровождалась изданием senatus consultum, в котором перечислялись цели посольства, его состав и принципы, на которых основывалось посольство в своей деятельности. Для периода Республики Ливий приводит описание ситуаций, связанных с неприкосновенностью послов и отношением к этому со стороны различных сторон.

А.В. Махлаюк (Нижний Новгород) выступил с докладом «Римская империя Геродиана: “чуждая монархия”?» Гарри Сайдботтом в своей основополагающей работе «Исторические методы и понимание истории Геродиана» утверждал, что для Геродиана Римская империя была чуждой монархией и он не отождествлял себя с римлянами, однако другие исследователи, например Т. Беккер-Нильсен, полагают, что Геродиан был также и римлянином, несмотря на греческие корни. Существую большие различия, и даже противоречия, в современных оценках общего взгляда Геродиана на Римскую империю и степени его «эллинства» и «римскости». В докладе были рассмотрены аргументы в пользу названных точек зрения и прояснены некоторые детали повествования Геродиана, чтобы выявить особую «греческую римскость» в его представлении Римской империи.

В докладе *А.В. Зибаева* (Сургут/Тюмень) «Влияние идей Гиппократа на медицинские описания позднеантичных авторов: протекание чумы глазами Прокопия Кесарийского (Procop. *De bellis*. IV. 14, 5–6; II. 23)» были рассмотрены описания форм проявлений чумы в «Истории войн» Прокопия Кесарийского – современника первой пандемии, именуемой в историографии Юстиниановой чумой. Несмотря на то что эпидемия описана Прокопием эмоционально, местами непоследовательно, его рассказ испытал сильное влияние взглядов Гиппократа о стадиях развития болезней, чьи теоретические конструкции, подкрепленные внешними наблюдениями, применялись и в Средневековье, во время эпидемии Черной смерти.

Утреннее заседание секции «История древней Греции» (председатели Л.Л. Селиванова, Е.Н. Андреева) 21 декабря состоялось в формате Zoom-конференции. Первым выступил *Э.В. Рунг* (Казань) с докладом «Геродот и идеология Ахеменидов», посвященным отрывку из «Истории» (VII. 8–11). В этом тексте излагаются различные точки зрения, якобы высказанные Ксерксом и видными персидскими военачальниками Мардонием и Артабаном на военном совете. На основе интерпретации речей, безусловно составленных самим Геродотом, и соотнесения их с древнеперсидскими свидетельствами автор доклада предпринял попытку вычленить то, что Геродот реально мог знать об идеологии Ахеменидов, и то, что скорее характеризует представления самого историка об этой идеологии, отражающие эллинское мировоззрение.

И.Е. Суриков (Москва) посвятил доклад «Забытый историк Дионисий Милетский» достаточно крупному и незаслуженно забытому представителю раннего греческого историописания, работавшему в первой половине V в. до н.э. Главный источник о Дионисии – статья в лексиконе «Суда», перечисляющая написанные им произведения, среди которых – «Персидские дела» и «События после Дария». Обычно считается, что это либо два названия одного и того же трактата, либо второй представлял собой часть первого, но, по мнению автора доклада, это были два разных произведения: вначале были созданы «Персидские дела», доведенные скорее всего до смерти Дария I, а потом Дионисий решил взяться за продолжение и изложить то, что случилось после этого монарха.

О.В. Кулишова (Санкт-Петербург) в докладе «Посвящения Аполлону Пифийскому и межполисные конфликты классической эпохи: “война памятников” в Дельфах» отметила, что в об-

щегреческих религиозных центрах священные дары являлись важной формой коммуникации не только между людьми и богами, но и внутри человеческого сообщества. Многочисленные дары в эпоху классики, сделавшие Дельфы местом прославления общих побед греков над персами, превратили их и в своеобразную площадку для состязания греческих общин между собой за славу и влияние, а в ходе Пелопоннесской войны и последующих событий начала IV в. до н.э. «война памятников» в Дельфах стала своеобразным отражением политической ситуации в Элладе. Свидетельства литературной традиции, а также сохранившийся археологический и эпиграфический материал позволили докладчику также обратиться к вопросу о значении визуального образа священных даров как чрезвычайно эффективного средства пропаганды.

Доклад *Е.В. Приходько* (Москва) «Историк Гиерон Тлосский и его речь к жителям Сидим» был посвящен надписи весьма необычного содержания, обнаруженной в 1881 и 1884 гг. австрийской экспедицией в городе Сидимы (юго-западная Ликия). Текст надписи представляет собой речь Гиерона, сына Гиерона, произнесенную перед жителями Тлоса. Целью выступления было напомнить жителям Сидим о связывающих два города общем происхождении, исторических событиях и прорицаниях и засвидетельствовать родство и доброжелательные отношения между соседними городами юго-западной Ликии. Анализ содержания, и особенно языка и стиля этой надписи, показывает, что она не принадлежит ни одному из традиционных типов эпиграфических памятников, а является тезисным изложением полноценного литературного произведения, и именно поэтому неоднократные попытки реконструкции испорченных мест не смогли принести никаких существенных результатов. Основываясь на материале, представленном в тексте, автор доклада пришла к выводу, что речь Гиерона была произнесена между 151 и 171 г. н.э.

Л.Л. Селиванова (Москва) предложила вниманию слушателей доклад «К проблеме авторства романа “Финикийские истории”». Роман, сохранившийся в нескольких фрагментах папируса конца II в. н.э. и опубликованный А. Хенрихсом в 1969–1972 гг., ценен богатым материалом по социальной психологии, культуре, быту, нравам, обычаям, гражданским и семейным ценностям второй половины II в. н.э. Актуальной остается проблема авторства романа, который приписывается ритору и софисту эпохи Адриана или Антонина Пия Лоллиану, что оспаривается рядом ученых, в том числе и первым публикатором папируса. По мнению автора доклада, дошедших фрагментов недостаточно для однозначного вывода об авторе, однако им мог быть как тезка Лоллиана, так и некто, использовавший авторитет знаменитого писателя для придания веса своему невысокого литературного качества сочинению.

Заседание секции «Тексты ученые и священные» (председатели Е.В. Литовченко, Е.В. Ляпустина) также состоялось в Zoom’е. Доклад *К.А. Битнера* (Санкт-Петербург) «Учение первосвященника Елеазара о жертвоприношениях в контексте внутрииудейской полемики» был посвящен 170 главе иудейского грекоязычного псевдоэпиграфа II в. до н.э. «Письмо Аристея», якобы передающего учение первосвященника Елеазара в контексте внутрииудейской полемики о значении жертвоприношений. В древнеизраильской и иудейской литературе I тыс. до н.э. присутствует полемика о том, насколько важны жертвоприношения животных. Согласно традиционным жреческим представлениям, они необходимы, однако цель их не объясняется, а в некоторых пророческих текстах этот обряд всецело отвергается. Докладчик продемонстрировал, что в «Письме Аристея» была предпринята первая в иудейской истории попытка дать богословское обоснование практики жертвоприношения.

И.В. Абдулманова (Белгород) выступила с докладом «Учение Оригена в Синодальных письмах Феофила Александрийского». Александрийский патриарх Феофил в Синодальных письмах предложил серию обвинений против Оригена, опираясь на его трактат «О началах», и они были настолько успешны, что стали поводом к официальному осуждению императором Юстинианом Оригена в VI в. и продолжали (вплоть до недавнего времени) формировать мнение ученых об этом мыслителе. К числу основных «претензий» Феофила к Оригену следует отнести следующие тезисы последнего: о том, что душа существовала на небе раньше физического тела и о том, что воплощенная жизнь представляет собой наказание за грехи, совершенные на небе ранее.

Я.В. Манохин (Белгород) в докладе «“Περί τῆς ἐνανθρωπήσεως τοῦ Μονογενοῦς” св. Кирилла Александрийского и “Σχετικά μέ τήν ἐνσάρκωση τοῦ Θεού ο Λόγος” св. Кириака (Кирилла) Пафосского: проблема текстологической аналогии» обратился к сочинению Кирилла Александрийского (кон. IV в. – 1-я пол. V в.) «О вочеловечении Единородного», которое по сути является продолжением другого триадологического трактата «О Святой и Единосущной Троице». Названные произведения представляют собой критику христологического дуализма

в донесторианский период. Противостояние этой идее, начавшей зарождаться сразу же после осуждения крайнего «монотеистического» учения Ария, прослеживается и в более раннем сочинении одного из участников I Вселенского собора в Никее Кириака (Кирилла) Пафосского (кон. III в.– 1-я пол. IV в.) «О Воплощении Бога Слова». Из контекста трактата видно, что автор не только пытается закрепить Никейский триадологический принцип, но и предупредить возникновение новых крайних учений. Так как отсутствуют прямые ссылки, мы не можем утверждать наверняка, был ли Кирилл Александрийский знаком с трактатом Кириака Пафосского и использовал ли его в своей работе, но существующие аналогии подтверждают одинаковые взгляды двух авторов.

Е.В. Литовченко (Белгород) представила вниманию слушателей доклад «Позднеантичные эпистолярии: два курьера Сидония (по письмам IV.4 и IV.7)», в котором рассмотрела два послания Сидония Аполлинария (ок. 430 – ок. 486), содержащие рекомендации лицам, доставлявшим его письма адресатам. В рассматриваемых случаях Сидоний демонстрирует диаметрально противоположное отношение к курьерам: первого он называет по имени (Фаустин), второго даже не считает нужным именовать. «Безымянный» курьер просил Сидония о содействии, не зная о существующей между автором и адресатом прочной дружбе, а для аристократии позднеантичного периода неверное толкование социальной связи между двумя людьми было серьезной ошибкой. Таким образом, Сидоний приглашает читателей посмеяться вместе с ним над культурной неполноценностью письмоносца.

Заседание очной секции «История древней Греции и Северного Причерноморья» (председатели С.Д. Смирнов, Е.И. Соломатина) открылось докладом *Е.И. Соломатиной* (Москва) «Легенды о Макаре – первооснователе Лесбоса, или Как стать эллином». Докладчик обратилась к проблеме формирования коллективной идентичности малоазийских греков, а именно эолийцев, в эпоху поздней архаики. Традиция общего происхождения играла исключительно важную роль в обосновании групповой идентификации в рассматриваемый период, в особенности для общин, возводивших коллективную идентичность к эпонимному предку с помощью конструируемой генеалогии. Согласно представлениям греков, греческие племена получали свое наименование по предводителю, который их привел на место их обитания, или по воцарившемуся правителю, поэтому так важно было связать узами родства послепотопного первопоселенца и царя Лесбоса Макара с Эолом, потомком Эллина. Избежавшая унификации и превращения в официальную идеологию лесбосская легендарная традиция о Макаре сохранила ценный материал, позволяющий проследить те линии, по которым шел процесс инкорпорирования героев догреческих местных легенд в большую эллинскую семью и, соответственно, в общегреческую традицию и конструируемое общее прошлое эллинов.

Д.А. Баранов (Воронеж) в докладе «От Сарпедона до Киберниска: греческие титулы ликийских династов» представил результаты аналитического сличения немногочисленных исторических свидетельств, данных эпиграфики и нумизматического материала относительно персоналий ликийских правителей архаического и классического периодов. Обзор современных исследований по этимологии имен мифологических правителей региона (Кандавл, Сарпедон, Сиеннесий) показал, что они демонстрируют закономерность «превращения» титулатуры правителей в имена собственные. Согласно автору доклада, появление в тексте «Истории» Геродота Киберниска, сына Сика стало результатом неверного прочтения греческой адаптации более позднего ликийского политонима. Об этом обстоятельстве свидетельствует и отобразившийся в надписях раннеэллинистического времени культ мифического «царя Киберниска».

В докладе *Е.М. Берзон* (Москва), *Е.В. Вдовченкова* (Ростов-на-Дону) и *О.Л. Габелко* (Москва) «Лукиан как историк? О принципиальной (не?)возможности использования художественных текстов для реконструкции исторических реалий (мысли вслух)» рассмотрены конкретные примеры подачи Лукианом сюжетов, с долей условности могущих быть названных «историческими», в его произведениях «Диалоги гетер», «Зевксид, или Антиох», «Сирийская богиня», «Токсарид, или О дружбе» и др. Докладчиками было показано, что Лукиан особенно часто обращается к эпохе диадохов и эпигонов, причем при необходимости вполне отличает историческое лицо от ассоциируемого с ним литературного героя. В «исторических» эпизодах есть отсылки к источникам, уделяется значительное внимание всевозможным деталям, обнаруживаются точки пересечения с сообщениями других авторов, и в результате события, как правило, выглядят довольно реалистично несмотря на литературную обработку. В целом данные Лукиана, по мнению докладчиков,

можно использовать для реконструкции исторических и этнографических реалий, но весьма избирательно, в зависимости от конкретного сочинения и эпизода.

Доклад *Е.Н. Бузурнюк* (Москва) «О шутке в стихах 21–23 комедии Аристофана “Женщины в Народном собрании”» посвящен выявлению сути этой шутки. Комедия открывается монологом главной героини, Праксагоры, и в ст. 21–23 она говорит о необходимости «тайно занять места», сопровождая это ремаркой «о которых некогда сказал Фиромах, если еще помните». Смысл этих стихов и суть отсылки к некоему Фиромаху долгое время оставались неясными; сомнению подвергался и сам порядок стихов. Предложенное в докладе объяснение шутки не требует вмешательства в рукописный текст, а также окончательного выяснения, кем именно был Фиромах. Самым важным представляется то, что этот человек публично совершил речевую ошибку, которая легла в основу ст. 21–23: вместо ἑτέρας ἕδρας «другие места» он сказал ἑταίρας ἕδρας, что приблизительно значит «гетеровы задницы», и именно к этой ситуации отсылает своих зрителей Аристофан.

О.В. Осипова (Москва) в докладе «Классификация и периодизация исторических сочинений в произведениях Дионисия Галикарнасского» рассмотрела критерии периодизации и классификации древнегреческих исторических сочинений, сформулированные Дионисием в риторических трактатах и «Римских древностях», в соотношении с разделами риторической науки античности: «нахождением» (выбором темы – ὑπόθεσις), «расположением» (композицией – οἰκονομία) и «изложением» (стилем – λέξις). Исходя из тематики произведения, Дионисий выделяет историю «краеведческую», военно-политическую и объединяющую обе темы. Классификация сочинений на основе их композиции связана у него как со способом изложения материала – тематическим или хронологическим, так и с наличием или отсутствием в произведении риторических «достоинств» содержания – связности и ясности. Разделение Дионисием исторических сочинений на группы в соответствии с особенностями их стиля обусловлено возможностью включить произведение в риторическую систему трех стилей и типов соединения слов. Эту классификацию можно связать с периодизацией истории древнегреческой риторики в трактате «О древних ораторах». В итоге докладчик приходит к выводу о зависимости критериев классификации от авторского представления об образцовом историческом сочинении и от предписаний античной риторики.

А.В. Логинов (Москва) выступил с докладом: «Обеспечительная купля-продажа в надписях из Халкидики и Северной Македонии IV–II вв. до н.э.», подготовленным в соавторстве с *Т.Г. Давыдовым* (Москва). Слушателям были представлены результаты изучения надписей с описанием купли-продажи, под которой может скрываться обеспечительная купля-продажа: вид титульного обеспечения исполнения обязательств, когда кредитору переходит право собственности на предмет залога. Из одиннадцати рассмотренных надписей четыре точно упоминают титульное обеспечение, и в одной встречается посессорный залог. По мнению докладчиков, еще четыре надписи можно отнести к упоминающим титульное обеспечение, так как по форме обычная купля-продажа от него не отличалась; отличия можно проследить лишь по косвенным признакам. В целом система обеспечения исполнения обязательств в надписях из Македонии и Халкидики в своих главных чертах соответствовала тому, что можно наблюдать в Афинах этого же времени.

Е.В. Захаров (Москва) в докладе «Электр в “Антигоне” Софокла: к вопросу об обозначении сплава золота и серебра в эпоху архаики и классики» рассмотрел упоминания слова «электр» и его значения в письменных источниках интересующего периода. Докладчик пришел к выводу, что использование Софоклом в трагедии «Антигона» слова «электр» для обозначения сплава золота и серебра представляет собой редчайший пример такого употребления в текстах архаического и классического времени (в подавляющем большинстве случаев оно обозначает янтарь, а золотой сплав в основном именуется золотом или «белым золотом»). Анализ письменных источников, в которых слово «электр» употребляется в разных значениях, показывает, что его использование для обозначения металла было исключительно редким и встречается в поэтических текстах, начиная с поэм Гомера.

Доклад *С.В. Смирнова* (Москва) «Селевкидские монеты из Дагестана: проблемы обращения эллинистических монет в периферийных регионах» был посвящен основным находкам селевкидских монет на территории современного Дагестана. Особое внимание было уделено кладу бронзовых селевкидских монет, обнаруженному в 2021 г. на юге Дагестана, который состоит из 11 монет крупных бронзовых номиналов Антиоха IV и Тимарха. Анализ монетных

находок показывает единовременное попадание на периферию Кавказской Албании группы селевкидских монет, вероятно, не ранее 130-х годов до н.э. Транзитным пунктом маршрута этих монет в регион стоит считать территорию Мидии.

В.Г. Черненко (Москва) в докладе «Две геммы с изображениями амуров из раскопок 1837 г. в окрестностях г. Анапы» проанализировала письма и отчеты подполковника Богуслава Гринфильда, проводившего в 1837 г. раскопки курганов в окрестностях Анапы, которые хранятся в фонде барона Г.В. Розена (он был их адресатом) в собрании Отдела письменных источников ГИМ. Кроме важной информации по истории археологических исследований, эти документы дают возможность отчасти изучить те находки, которые со временем были утрачены. Так, в захоронении кургана 7 в числе прочих предметов погребального инвентаря найдено два золотых перстня с изображениями амуров на вставках красного цвета. Местонахождение изделий глиптики сейчас неизвестно, однако, с точки зрения докладчика, отсутствие возможности подробного описания предметов не должно становиться преградой для введения их в научный оборот.

В докладе «Погребение как текст: тамги в контексте погребального обряда сарматов» *Л.Г. Шепко* (Донецк) рассмотрела один из комплексов сарматских погребений высшей родовой знати – захоронение сарматской женщины I–II вв. н.э. в Северо-Восточном Приазовье (с. Чугуно Крепинка), которое отличается рядом особенностей: оно удалено от основной массы сарматских погребений Нижнего Дона и Поднепровья и оказалось непотревоженным. Умершую сопровождало два бронзовых котла, на одном из которых изображена тамга. Тамгами также были отмечены серебряные стаканы, находившиеся в камере. По мнению докладчика, котел (атрибут аристократии) с тамгой (знаком родовой или племенной принадлежности) может выступать в роли идентификационного кода, рассчитанного на презентацию определенной социогруппы окружающему сообществу. Автор высказала предположение, что одним из смыслов данного захоронения как законченного текста было стремление этносоциальной группы освоить и закрепить за собой новую территорию, в том числе и благодаря помощи предков.

Доклад *А.А. Зедгенидзе* (Москва) «“Древний Херсонес” Страбона: результаты новейших исследований» ознакомил с результатами исследования укрепления на перешейке Маячного полуострова, отождествляемого с «Древним Херсонесом» Страбона (Strab. VII. 4. 2). Из всех типов древнегреческих фортификаций ближе всего к рассматриваемому укреплению по своим признакам, по мнению автора, фрурион, назначение которого, прежде всего военное, было как оборонительное, так и наступательное. Также в результате исследования докладчицы вводится в научный оборот акрополь «Древнего Херсонеса», где еще в 1890 г. был открыт храм. Его тип определен автором доклада как храм в антах дорического ордера с пронаосом, наосом и опистодомом. Этот храм, предположительно, служил сокровищницей и местом хранения казны полиса (или ее части, связанной с «Древним Херсонесом»).

Работу секции завершил доклад *С.Ю. Сапрыкина* (Москва) «Фракийская когорта на Боспоре». В центре внимания докладчика вопрос о возможности пребывания римских регулярных воинских подразделений в Боспорском царстве в связи с надгробием Диза, сына Бифия, центуриона и принцепса Фракийской спиры, обнаруженным в Пантикапее, а также появлением в новонайденных боспорских надписях – энкомии из Пантикапея и почетной надписи из Танаиса – обозначения так называемой Фракийской тагмы (когорты). Автор доклада полемизирует с мнением о том, что все эти подразделения были вспомогательными частями I Фракийской когорты римской регулярной армии. По мнению докладчика, спира фракийцев и Фракийская тагма – две разные воинские единицы боспорского войска.

Работа очной секции «История и культура древнего Рима» (председатели А.М. Сморчков и М.Н. Кириллова) открылась докладом *В.А. Квашнина* (Вологда) «Историк и источник: аберрация текста на примере истории одного храма». В докладе были проанализированы сведения о мнимом переносе храма Геркулеса от Коллинских ворот на Капитолий, предположительно имевшем место в 209 или 208 г. до н.э., и сделан вывод об идеологической роли отдельных религиозных сюжетов и образов во время Второй Пунической войны.

Л.Л. Кофанов (Москва) в своем докладе «“Справедливость” и “выгода” в греческой философии Карнеада и в римской правовой мысли от Катона Старшего до Цицерона» обратился к трактату Цицерона «О государстве», в котором воспроизводится спор о справедливости (iustitia) Катона (от лица Лелия) и греческого философа Карнеада (от лица Фурия Фила). Хотя большая часть аргументации Катона-Лелия не сохранилась, в целом его философскую концепцию можно восстановить благодаря другим сочинениям Цицерона. Возражая Карне-

аду, утверждавшему, что естественная справедливость – это глупость, а реальное гражданское правосудие основано на защите выгоды сильнейшего, Цицерон (вместе с Катоном и Лелием, Панетием и Полибием) доказывает, что без взаимной любви, доверия и дружбы, без честности (honestum) невозможна выгода общества (utilitas publica), да и само существование его. Докладчик приходит к выводу, что именно эти принципы как на уровне частного, так и на уровне государственного и международного права восприняли римские классические юристы и юстиниановские компиляторы в знаменитом определении iustitia и во всем римском праве.

А.В. Короленков (Москва) в докладе «Кем был Гай Флавий Фимбрия?» проанализировал гипотезу Х. Муньиса Коэльо, согласно которой Гай Флавий Фимбрия, организовавший убийство проконсула Луция Валерия Флакка и возглавивший после его гибели армию в Азии, вопреки распространенной в литературе точке зрения, был не сыном консула 104 г. до н.э., а самим консулом 104 г. С точки зрения докладчика, несмотря на то что Гай Флавий Фимбрия у Веллея Патеркула назван adulescens, а у Аппиана νέος, имеются основания считать, что Х. Муньис Коэльо прав.

Доклад *Н.А. Филянова* (Москва) «Л. Корнелий Сисенна и римское законодательство в первый год Союзнической войны: хронология и исторический контекст» был посвящен анализу трех коротких фрагментов «Истории» Л. Корнелия Сисенны (Sisen. III. F 38; IV. F 71, 78 Cornell), содержащих уникальную информацию о законопроектах Кальпурния и Юлия, принятых в 90 г. до н.э. По мнению докладчика, закон Кальпурния был принят после 11 июня 90 г. до н.э., а предоставление римского гражданства неким воинам (milites) согласно закону Кальпурния произошло по инициативе Л. Юлия Цезаря после его победы над самнитами при Ацеррах в конце августа 90 г. до н.э. В рамках доклада была также поднята проблема порядка предоставления римского гражданства по закону Юлия.

В.К. Хрусталев (Санкт-Петербург) в своем докладе «Еще раз к вопросу об Аврелиевом судебном законе 70 г. до н.э.» поставил вопрос о причинах проведения судебной реформы спустя десять лет после того, как Сулла вернул полный контроль над постоянными уголовными комиссиями в руки сенаторского сословия. Разговоры о реформе судов, очевидно, активизировались в связи со скандальным процессом наместника Сицилии Г. Верреса, которого Цицерон привлек к суду по обвинению в вымогательстве. Вполне возможно, что бóльшая часть сената вовсе не так уж крепко держалась за свою монополию в судах, а против судебной реформы, вероятно, выступала сравнительно немногочисленная группа наиболее консервативно настроенных лиц из числа бывших соратников Суллы, составлявшая сенатскую верхушку. Они в принципе не одобряли любые серьезные изменения сулланских порядков, однако в политической обстановке, сложившейся в 70 г., они были вынуждены отступить, не найдя понимания и поддержки даже у большинства сенаторов.

В докладе *А.Г. Арлианского* (Москва) «Антония Эвергетида, дочь триумвира Марка Антония?» был поднят вопрос об идентификации «благодетельницы Антонии», упомянутой в обнаруженной в конце XIX в. посвятительной надписи из Смирны (*IGR* IV 1407 = *OGIS* I 377), наряду с Зеноном (Арташесом III), царем Великой Армении из рода Полемонидов. Т. Моммзен впервые предположил, что данное упоминание относится к Антонии – старшей дочери триумвира Марка Антония от второго брака (RE 112). Соответственно, дочь Антонии правительница Понта Пифодорида (RE 1, согласно Страбону «дочь Пифодора из Тралл») и ее внуки и правнуки, правители ряда стран Средиземноморья, являлись потомками Марка Антония наряду с некоторыми римскими императорами. На протяжении XIX–XX вв. и в настоящее время данная точка зрения в целом разделяется исследователями, однако подвергается также и обоснованной критике.

А.Ю. Маркелов (Самара) в своем докладе «Клавдий – принцепс сената? (по поводу *CIL* 6.31545 = *ILS* 5926 = Gordon 00098)» обратился к гипотезе канадского антиковеда Г. Роува, который в работе «Пересматривая auctoritas Августа» обратил внимание на надпись, где Клавдий будто бы именуется princeps senatus. Автор доклада пришел к выводу, что предложенное Роувом восстановление части текста в 11 строке (principis s[en(atus)]) вряд ли верно и император Клавдий в своей идеологии не придавал особого значения титулу принцепс сената.

М.Н. Кириллова (Москва) в докладе «Что было изображено на плане римской колонии?» проанализировала нарративные и эпиграфические сведения о внешнем виде и содержании планов римских колоний. Она пришла к выводу, что традиция фиксации результатов земельных раздач включала в себя как текстовую, так и графическую составляющую, причем появление плана колонии как схематичного изображения местности связано с развитием центуриации. Планы эпохи Республики и Ранней империи скорее всего не отличались информативностью и редко вклю-

чали сведения об общественных землях колоний: потребность в этой информации обозначилась в ходе ревизии императорами из династии Флавиев фонда общественных земель.

Е.А. Гуськов (Самара) сделал доклад «Пароли для преторианцев и достоверность Scriptores historiae Augustae». Ненадежность сборника Scriptores historiae Augustae как исторического источника общеизвестна: до сих пор не установлены ни точное время создания этого сочинения, ни его автор. И все же, как отметил еще Т. Моммзен, от этого сборника трудно отказаться, поскольку он содержит много уникальной информации, которой не найти в параллельных источниках. В докладе проблема достоверности *SHA* была рассмотрена в контексте одного повторяющегося мотива – выдачи паролей преторианцам дежурного отряда. Докладчик также предложил ответ на вопрос, какими путями данная информация попала в распоряжение неизвестного автора сборника.

К.С. Данилочкина (Москва) в докладе «Римская Британия: двойственный образ провинции» проанализировала образ Британии в античной литературе. Он не был одинаковым на протяжении всей истории провинции и менялся из-за различных обстоятельств, в основном в зависимости от военно-политической ситуации на острове или в империи в целом. Британия изначально предстает дикой и отсталой, но вместе с тем она достойный противник, а иногда может оказаться даже союзником (по крайней мере в лице отдельных персонажей). Двойственному образу способствует наличие особых укреплений на границах (Валы Адриана и Антонина), которые буквально разделяют остров на части.

В завершающем работу заседания докладе *А.М. Сморчкова* (Москва) «Т. Моммзен: история нобелевского успеха» были рассмотрены два аспекта заявленной темы: *1)* почему именно Т. Моммзен, историк, победил среди 33 номинантов на Нобелевскую премию по литературе (что уже уникально), причем за давнее произведение; *2)* в чем причины удивительно быстрого успеха его «Римской истории» среди публики XIX века, хотя примерно в то же время вышли сочинения Б.Г. Нибура и А. Швеглера (и не только) с таким же названием.

В завершение конференции было проведено заседание круглого стола Российской ассоциации антиковедов, в рамках которого с подведением итогов выступил председатель ассоциации член-корреспондент РАН А.И. Иванчик. Заседание завершилось общей дискуссией.

Evgeniia N. Andreeva,
Institute of World History,
Russian Academy of Sciences;
Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
Moscow, Russia
E-mail: aenik@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0728-4109

Е.Н. Андреева,
научный сотрудник ИВИ РАН;
старший преподаватель РАНХиГС

Liubov G. Eliseeva,
E-mail: elilyubov@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5448-6788

Л.Г. Елисеева,
научный сотрудник

Maria N. Kirillova,
E-mail: marikirillowa@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9029-5727

М.Н. Кириллова,
научный сотрудник

Elena V. Lyapustina,
E-mail: elenatemp@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7333-8588

Е.В. Ляпустина,
зав. отделом сравнительного
изучения древних цивилизаций

Elena I. Solomatina,
E-mail: solomatina_elena@yahoo.com
ORCID: 0000-0001-6671-0257
Institute of World History,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Е.И. Соломатина,
научный сотрудник
Институт всеобщей истории
Российской академии наук,
Москва, Россия

ПРИЛОЖЕНИЕ

Vestnik drevney istorii
82/4 (2022), 1005–1040
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/4 (2022), 1005–1040
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910017556-4

ARET 13, 15: УНИКАЛЬНЫЙ ДОКУМЕНТ О ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ В РАННЕДИНАСТИЧЕСКОЙ СИРИИ

(Перевод с эблаитского и комментарий И.С. Архипова, Л.Е. Когана и Е.В. Маркиной)

При раскопках древнего города Эбла (Телль-Мардих) в северной Сирии в 1970-е годы был открыт крупнейший клинописный архив Раннединастического периода[1]. Царский архив Эблы, относящийся к XXIV в. до н.э., включает около 6500 полностью или частично сохранившихся клинописных табличек (не считая малосодержательных фрагментов), написанных на эблаитском диалекте аккадского языка. Как и в случае с другими корпусами III тыс. до н.э., подавляющее большинство текстов архива составляют хозяйственно-административные документы, отражающие экономическую жизнь крупного (в данном случае царского) хозяйства. В то же время тексты содержат немало исторической информации: в них Эбла предстает столицей значительной региональной державы, боровшейся за господство в Сирии с другими царствами, среди которых особое место занимало Мари на среднем Евфрате.

В архиве также представлены лексические списки и литературные произведения, восходящие к месопотамской шумероязычной традиции. Кроме того, особую группу составляют так называемые «тексты канцелярии» (Testi di cancelleria), опубликованные П. Фрондзароли и А. Катаньоти в ARET 13, 16 и 18, которые отличаются глубоким жанровым своеобразием и в этом отношении не имеют очевидных параллелей в клинописной традиции. Познакомить русского читателя с одним из документов

Исследование выполнено в ходе работы над проектом «Клинописные архивы древней Эблы: язык, история, культура», поддержанным РФФИ (грант № 20-012-00577). Авторы глубоко признательны профессору Манфреду Кребернику (Йена) за ценные критические замечания и наблюдения.

[1] Новейшие краткие обзоры истории и архивов Эблы доступны, например, в Bartash 2020, 579–583; Kogan, Krebernik 2021b, 664–670.

этой группы в наиболее актуальной для современной науки интерпретации – ключевая задача данной публикации. В перспективе авторы статьи надеются опубликовать на русском языке еще несколько важных текстов этого круга.

Клинописная табличка, получившая инвентарный номер TM.75.G.2268, была найдена в 1975 г. при раскопках помещения L.2769, где располагался главный архив царского дворца G раннединастической Эблы. Текст неоднократно цитировался в эблаитологических исследованиях 1980-х и 1990-х годов, однако целиком был впервые опубликован только в 2003 г. П. Фрондзароли при участии А. Катаньоти (ниже в данной статье обычно обозначается как «издание»)[2]. Издание Фрондзароли, хотя и заложившее основу для интерпретации текста, должно быть признано в целом весьма несовершенным. Пять лет спустя вышло переиздание документа, подготовленное В. Заллабергером[3]. Заллабергеру удалось достичь существенного прогресса в понимании текста, как с точки зрения его структуры и общего смысла, так и в плане отдельных филологических решений. Именно издание Заллабергера во многом послужило отправной точкой для настоящего исследования. Наконец, недавно П. Штайнкеллер предложил новый перевод строк r. V 11–VII 11 (см. наш комментарий к § 5)[4].

В центре внимания текста – отношения между Эблой и царством Мари, ее главным восточным соперником. В рамках нашего понимания текста в каждом из выделенных семи разделов (ниже обозначены латинскими буквами от A до G) описывается, как тот или иной эблаит страдает от преступлений или злоупотреблений, совершенных в Мари или мариотами, при этом власти Мари не принимают должных мер или даже являются соучастниками правонарушения. Таким образом, текст представляет собой своего рода каталог негативных прецедентов, на который, по всей видимости, можно было опираться в ходе дипломатических переговоров. Так или иначе, текст скорее всего выполнил свою задачу: табличка была перечеркнута крест-накрест (см. фотографию и прорисовку в издании), что в месопотамском делопроизводстве означало аннулирование документа[5].

Основой для датировки текста служит упоминание визиря Йибби-зикира, время службы которого приходится на последние 18 лет правления Йиш'ар-даму, последнего царя раннединастической Эблы. В первые 13 лет этого периода отношения между Эблой и Мари были мирными, однако в 14-й год от вступления Йибби-зикира в должность Эбла начала готовиться к войне, а в 15-й год был совершен успешный поход на Мари. Вскоре после этого был заключен мир. Еще три года спустя Эбла была разрушена неизвестным врагом[6].

---

[2] ARET 13, 15 (Fronzaroli 2003, 164–179). В 2014 г. Фрондзароли еще раз обратился к настоящему документу (Fronzaroli 2014), однако существенного вклада в его понимание данная работа не вносит.

[3] Sallaberger 2008.

[4] Steinkeller 2021, 190–192.

[5] См. Stol 2015, 27 (для Старовавилонского периода). Для III тыс. до н.э. нам известен пример таблички MAD 1, 172, однако она содержит не административный документ, а школьный текст, перечеркнутый, по-видимому, учителем.

[6] О хронологии и истории правления царя Йиш'ар-даму и его визирей Йибриума и Йиббизикира, которым принадлежала реальная власть в Эбле, см. Archi, Biga 2003, 8–35, с рядом уточнений в Archi 2019, 163–187. Историко-хронологическая реконструкция А. Арки и М.-Дж. Биги ставится под сомнение в Bonechi 2020, 106, n. 25; 120–124, однако возражения М. Бонеки убедительно, на наш взгляд, отводятся в Archi 2021. Как показали Арки и Бига, хронологические соображения опровергают ранее популярные гипотезы, приписывавшие разрушение Эблы Саргону Аккадскому или его внуку Нарам-Суэну (Archi, Biga 2003, 29–34). В то же время предположение авторов, согласно которому Эблу разрушили войска Мари в отместку за недавнее поражение (Archi, Biga 2003, 35), основано исключительно на том, что царство Мари было главным и наиболее могущественным соперником Эблы в предшествующие десятилетия. В Archi 2019, 181–183 допускается, что уничтожить Эблу могло соседнее царство Арми, с которым Эбла вела войну незадолго до своей гибели.

Весьма вероятно, что список претензий к Мари был составлен накануне войны 15-го года. В то же время не исключено, что текст был написан в краткий период после заключения мира (ср. ниже комментарий к § 39). При этом очевидно, что случаи, описанные в документе, могли иметь место в разное время в течение нескольких месяцев или даже лет до его составления.

В нашем издании краткое содержание каждого раздела приводится в его начале. Согласно принятой в эблаитских исследованиях практике, текст разделен на параграфы, как правило соответствующие более или менее однозначно выделяемым синтагмам. В транслитерации шумерограммы даются малыми прописными буквами, аккадограммы – малыми прописными буквами с курсивом, силлабические записи – строчными буквами с курсивом. В русском переводе курсивом выделены гипотетические интерпретации спорных и трудных мест.

ARET 13, 15

Заголовок

§ 1

recto I $_{1}$ DUB $_{2}$ *ù-šu-rí* $_{3}$ *ma-r*[*ṭ*^{ki}]
Табличка о *прецедентах* (в отношениях с) Мари.

Раздел A

Поскольку данный раздел сохранился лишь частично, о его точном смысле трудно судить. Логика документа подсказывает, что речь должна идти о поборах, которым мариоты подвергали эблаитских купцов во время их торговых путешествий.

§ 2
$_{4}$ DAM.G[ÀR] $_{5}$ *ib-la*[^{ki}] $_{6}$ *mi-n*[*u*] $_{7}$ *ma-rṭ*^{ki} $_{8}$ *si-in* $_{9}$ *ib-la*^{ki} $_{10}$ DU.DU $_{11}$ *Ù.MA* $_{12}$ *si-in* $_{13}$ KIŠ^{ki} $_{14}$ DU.DU $_{15}$ ⌜*mi*⌝*-nu* $_{16}$ *ma-rṭ*^{ki} **II** $_{1}$ *wa* $_{2}$ ŠU BA$_{4}$.TI ... *около 10 строк отбито*
(Когда) эблаитский купец из Мари в Эблу шел, или же в Киш шел из Мари, то брал ...

§ 3
$_{12}$ *wa* $_{13}$ È $_{14}$ DAM.GÀR $_{15}$ *ib-la*^{ki} $_{16}$ *al*$_{6}$ $_{17}$ IGI^{ki} $_{18}$ 1 NINDA.GUR$_{4}$ $_{19}$ Ì.NA.SUM
И (когда) эблаитский купец выходил *через* Айн, он давал один *хлеб*.

§ 4
III $_{1}$ *wa* $_{2}$ È $_{3}$ *al*$_{6}$ $_{4}$ *sar-ra-bù* $_{5}$ LÚ KUR^{ki} $_{6}$ *al*$_{6}$ $_{7}$ *ma-na-ì* $_{8}$ *NA.SE*$_{11}$ *NA.SE*$_{11}$*-SÙ* $_{9}$ NINDA.GUR$_{4}$.⌜NINDA.GUR$_{4}$⌝ $_{10}$ Ì.NA.SUM $_{11}$ 10 *NA.SE*$_{11}$*-SÙ* $_{12}$ 10 NINDA.GUR$_{4}$ [NINDA.GUR$_{4}$] $_{13}$ Ì.NA.SUM $_{14}$ *sar-ra-bù*
И (когда) выходил *через* Степной Шарраб, по числу своих людей он давал *хлебы*: на десять своих людей – десять *хлебов* давал он Шаррабу.

Раздел B

Эблаитский купец Пузри отправил своего представителя в Мари с грузом масла. Мариот, стороживший груз, присвоил себе два сосуда масла. Пузри пожаловался мариотскому чиновнику, однако тот никак не отреагировал.

§ 5
$_{15}$ *PUZUR*$_{4}$*-rí* $_{16}$ DAM.GÀR $_{17}$ 1 AD.GI$_{4}$ $_{18}$ ḪI.MU.DU **IV** $_{1}$ *si-in* $_{2}$ *ma-rṭ*^{ki},
Купец Пузри отправил *представителя* в Мари.

§ 6

$_{3}$ *wa* $_{4}$ MU.TI $_{5}$ GÚ.ZI GÚ.ZI $_{6}$ Ì.GIŠ $_{7}$ *si-in* $_{8}$ ZÀ.ŠÚ $_{9}$ KIB*gunû*.NUN.A $_{10}$ *wa* $_{11}$ A.AM.AM $_{12}$ A $_{13}$ ZA$_{x}$(LAK 384) GA Ù

И тот *взял* сосуды с маслом к *берегу* Евфрата, а работники A.AM.AM ... воду.

§ 7

$_{14}$ *wa* $_{15}$ GIŠGAL $_{16}$ 1 LÚ $_{17}$ EN.NUN.AK $_{18}$ Ì.GIŠ $_{19}$ *wa* $_{20}$ ŠU.BA$_{4}$.TI $_{21}$ 2 GÚ.ZI Ì.GIŠ **V** $_{1}$ *a-'à-wa* $_{2}$ 30 SÌLA Ì.GIŠ

И *поставил* он одного человека сторожить масло, и взял тот (себе) два сосуда масла, что составило тридцать литров масла.

§ 8

$_{3}$ *wa* $_{4}$ DU$_{11}$.GA $_{5}$ *PUZUR*$_{4}$*-rí* $_{6}$ *si-in* $_{7}$ *ar-rúm* $_{8}$ *wa* $_{9}$ *iš-⌜da⌝-bù* $_{10}$ *ar-rúm*

И сообщил Пузри Арруму, но Аррум промолчал.

Раздел C

Эблаитский купец Пильса-иль отправил своего представителя в Мари с грузом масла. Вор из Мари подплыл ночью на лодке, украл масло и был схвачен, однако позднее ему на помощь пришли другие мариоты, в числе которых, возможно, был высокопоставленный мариотский чиновник (или же этот чиновник и был вором).

§ 9

$_{11}$ *bíl-za-ì* $_{12}$1 AD.GI$_{4}$ $_{13}$ ḪI.MU.DU $_{14}$ *wa* $_{15}$ *ìr-gú-zu* $_{16}$ 1 AD.GI$_{4}$ $_{17}$ *al*$_{6}$ ZÀ.ŠÚ $_{18}$ KIB*gunû*.NUN.A

Пильса-иль отправил *представителя*, и тот причалил к берегу Евфрата.

§ 10

$_{19}$ *wa* $_{20}$ ḪI.MU.DU **VI** $_{1}$ NU.ZUḪ $_{2}$ *ma-ri*^{ki} $_{3}$ MÁ.GUR$_{8}$ $_{4}$ *in* GI$_{6}$.AN

И пригнал вор (из) Мари лодку ночью.

§ 11

$_{5}$ NU.ZUḪ $_{6}$ Ì.GIŠ $_{7}$ *wa* $_{8}$ NÍG.DÉ $_{9}$ Ì.GIŠ

Он украл (часть) масла и разлил (часть) масла.

§ 12

$_{10}$ *wa* $_{11}$ ŠU.DU$_{8}$*-SÙ* $_{12}$ EN.NUN.AK $_{13}$ Ì.GIŠ $_{14}$ NU.ZUḪ $_{15}$ *wa* $_{16}$ Á.DAḪ $_{17}$ *ma-ri*^{ki} $_{18}$ *in* $_{19}$ GI$_{6}$.AN $_{20}$ *wa* **VII** $_{1}$ ŠU.RA $_{2}$ EN.NUN.AK $_{3}$ Ì.GIŠ

И схватил его, вора, сторож масла, но мариоты пришли на помощь ночью и избили сторожа масла.

§ 13

$_{4}$ *wa* $_{5}$ DU$_{11}$.GA $_{6}$ *bíl-za-ì* $_{7}$ *si-in* $_{8}$ GAEŠ$_{8}^{ga}$ $_{9}$ *wa* $_{10}$ DU$_{11}$.GA $_{11}$ GAEŠ$_{8}^{ga}$ $_{12}$ *šu*-BAD $_{13}$ IR$_{11}$ $_{14}$ LUGAL

И рассказал Пильса-иль (это одному) торговцу, и торговец сказал: «(Это был) Шу-Ба‘аль, слуга царя (Мари)».

Раздел D

Эблаитский купец Йиширум продавал шерсть на рынке в Мари. Начальник рынка отобрал у него шерсть под предлогом того, что Йиширум не использовал

для взвешивания «царскую гирю». Йиширум был вынужден выкупать конфискованную шерсть.

§ 14
$_{15}$ *i-si-lum* $_{16}$ DAM.GÀR $_{17}$ SIKI $_{18}$ NÍG.SA$_{10}$ $_{19}$ *in* $_{20}$ ŠÀ $_{21}$ ⌜URU^{ki}⌝
Купец Йиширум продавал шерсть в городе (Мари).

§ 15
VIII $_{1}$ *wa* $_{2}$ *en-àr-sù* $_{3}$ *áš-ba-ì* $_{4}$ UGULA LAM$_{7}$:KI $_{5}$ *wa* $_{6}$ ŠU.DU$_{8}$ $_{7}$ SIKI
И напал на него Йашба-иль, начальник рынка, и забрал (у него) шерсть.

§ 16
$_{8}$ *wa* $_{9}$ AL$_{6}$.GÁL $_{10}$ SIKI $_{11}$ 10 U$_{4}$ $_{12}$ *in* É $_{13}$ *áš-ba-ì*
И находилась шерсть 10 дней в доме Йашба-Иля.

§ 17
$_{14}$ *wa* $_{15}$ Ì.NA.SUM $_{16}$ *i-si-lum* $_{17}$ 2 KÙ.BABBAR $_{18}$ ⌜x x⌝ [(...)]
И отдал Йиширум 2 сикля серебра *Йашба-илю*.

§ 18
verso I $_{1}$ [...] $_{2}$ AL.BU$_{15}$ $_{3}$ SIKI $_{4}$ *mi-ne-iš* A $_{5}$ *al*$_{6}$ $_{6}$ NA$_{4}$ $_{7}$ LUGAL $_{8}$ *la daš-gul*
... отобрал шерсть: «Почему ты не взвешивал царской гирей?»

Раздел E

У эблаита Мина-иля, остановившегося в одном из домов в Мари, украли двух ослов. Об этом сообщили царю Мари, однако его ответ потерпевшему был издевательским.

§ 19
$_{10}$ 2 IGI.NITA $_{11}$ *mi-na-ì* $_{12}$ *in* É $_{13}$ NU.ZUḪ
Двух ослов Мина-иля в доме украли.

§ 20
$_{14}$ *wa* $_{15}$ DU$_{11}$.GA $_{16}$ *si-in* $_{17}$ LUGAL
И сообщили (это) царю (Мари).

§ 21
$_{18}$ *wa* $_{19}$ DU$_{11}$.GA **II** $_{1}$ LUGAL $_{2}$ SÁ.DU$_{11}$.GA-*na-mi* $_{3}$ EN $_{4}$ *ib-la*^{ki} $_{5}$ *lu*-SÁ.DU$_{11}$.GA $_{6}$ *ap* $_{7}$ 2 IGI.NITA $_{8}$ *wa* $_{9}$ 2 BAR.AN $_{10}$ *in* É $_{11}$ Ì.GUB $_{12}$ *wa* $_{13}$ ZÀḪ $_{14}$ 2 IGI.NITA $_{15}$ *ap* $_{16}$ 2 BAR.AN $_{17}$ Ì.GUB
И сказал царь: «О заботах господина Эблы, мол, пусть он (сам) заботится! К тому же, в доме стояли два осла и два мула, и (только) два осла пропали – а два мула остались стоять!»

Раздел F

Мина-иль покупал ткани на рынке в Мари. Под предлогом того, что он использовал для взвешивания собственные весы, а не «царскую гирю», сын начальника рынка отобрал у него весы, а затем сам начальник рынка по сговору с продавцом заставил Мина-иля заплатить дороже, пользуясь «царской гирей».

§ 22

$_{18}$ *mi-na-ì* $_{19}$ BABBAR:KÙ **III** $_{1}$ *wa-zi-in* $_{2}$ NÍG.SA$_{10}$ TÚG.TÚG

Мина-иль отвешивал серебро, плату за ткани.

§ 23

$_{3}$ Ì.TI-*ma* $_{4}$ PÉŠ-*lum* $_{5}$ DUMU.NITA $_{6}$ UGULA LAM$_{7}$:KI $_{7}$ *wa* $_{8}$ TAR.TAR $_{9}$ «KIN»-*SÙ*

Но пришел Хамаццирум, сын начальника рынка, и разломал его *короб*.

§ 24

$_{10}$ *wa* $_{11}$ *ìr-ra-tum-SÙ* $_{12}$ ŠU.BA$_{4}$.TI $_{13}$ *mi-ne-iš* A $_{14}$ *al*$_{6}$ $_{15}$ NA$_{4}$ $_{16}$ LUGAL $_{17}$ *la daš-gul* **IV** $_{1}$ DAM.GÀR $_{2}$ *ib-la*^{ki} $_{3}$ TÚG.TÚG $_{4}$ NÍG.SA$_{10}$ $_{5}$ *áš-ti* $_{6}$ *ma-ri*^{ki} $_{7}$ *wa* $_{8}$ *u*$_{9}$*-za-an* $_{9}$ BABBAR:KÙ $_{10}$ *ib-la*^{ki} $_{11}$ *al*$_{6}$ $_{12}$ *ìr-ra-ti-SÙ*

И забрал он его весы (и сказал): «Почему ты не взвешивал царской гирей? Эблаитский купец покупает ткани у мариота и (при этом) взвешивает эблаит серебро своими весами?!»

§ 25

$_{13}$ Ì.TI-*MA* $_{14}$ UGULA LAM$_{7}$:KI $_{15}$ *mi-ne-iš* $_{16}$ *al*$_{6}$ $_{17}$ *ìr-ra-ti-ga* $_{18}$ *du-za-an* $_{18}$ *la in-ne* **V**$_{1}$ *al*$_{6}$ $_{2}$ NA$_{4}$ $_{3}$ LUGAL $_{4}$ *zi-in*

Тут пришел (сам) начальник рынка (и сказал): «Зачем ты взвешиваешь на своих весах? Никак нет! Царской гирей взвешивай!»

§ 26

$_{5}$ *wa* $_{6}$ *a-tir*$_{5}$*-ma* $_{7}$ BABBAR:KÙ $_{8}$ *áš-ti* $_{9}$ *ib-la*^{ki} $_{10}$ *wa* $_{11}$ *u*$_{9}$*-za-an* $_{12}$ *al*$_{6}$ NA$_{4}$ $_{13}$ LUGAL $_{14}$ *wa* $_{15}$ *u*$_{9}$*-ga-bad* $_{16}$ BABBAR:KÙ

И выхватил он серебро у эблаита, и стал взвешивать царской гирей и брать больше серебра.

§ 27

$_{17}$ *wa* $_{18}$ ŠU.BA$_{4}$.TI $_{19}$ BABBAR:KÙ $_{20}$ *áš-ti* $_{21}$ BAD TÚG.TÚG

И получил он серебро с хозяина тканей.

Раздел G

Эблаитский вельможа Ман-хаййу приехал в Туттуль, чтобы посетить храм Дагана. В это время в храме находился сын царя Мари. Когда эблаит совершил жертвоприношение и вышел из храма, мариоты избили и ограбили его. Ман-хаййу пожаловался высокопоставленному чиновнику из Туттуля, прося сообщить о происшествии визирю Эблы, но чиновник ударил его по лицу и издевательски посоветовал жаловаться самому царю Эблы.

§ 28

$_{22}$ *ma-an-'à-ù* $_{23}$ SA.ZA$_{x}$(LAK 384)^{ki} $_{24}$ *si-in* $_{25}$ *du-du-lu*^{ki} **VI** $_{1}$ DU.DU $_{2}$ NÍDBA $_{3}$ *in* U$_{4}$ $_{4}$ DUMU.NITA $_{5}$ LUGAL $_{6}$ NÍDBA $_{7}$ É ^{d}BAD *du-du-lu*^{ki}

Ман-хаййу, (человек из) Дворца (Эблы), отправился в Туттуль, чтобы совершить жертвоприношение в день, когда сын царя (Мари) совершал жертвоприношение в храме Господина Туттуля.

§ 29

$_{8}$ *wa* $_{9}$ MU.DU $_{10}$ NÍG.SIKIL-*SÙ* $_{11}$ *wa* $_{12}$ AL$_{6}$.TUŠ $_{13}$ *in* $_{14}$ GÁ^{ki} $_{15}$ DINGIR $_{16}$ *a-ti-ma* $_{17}$ KÁ $_{18}$ DINGIR $_{19}$ GÁL.TAKA$_{x}$

И принес он свои очистительные дары, и находился в *передней* (дома) бога, пока дверь бога не открылась.

§ 30

$_{20}$ *wa* $_{21}$ GÁL.TAKA$_{x}$-*ma* $_{22}$ KÁ $_{23}$ DINGIR **VII** $_{1}$ *wa* $_{2}$ NÍDBA-*ma* $_{3}$ *wa* $_{4}$ È $_{5}$ 1 AMAR $_{6}$ *in* ŠU-*sù*

И вот открылась дверь бога, и совершил он жертвоприношение, *израсходовав* одного теленка.

§ 31

$_{7}$ *wa* $_{8}$ *en-àr-sù-ma* $_{9}$ 1 LÚ $_{10}$ *ma-rí*^{ki}

И (тут) напал на него один человек из Мари.

§ 32

$_{11}$ *wa* $_{12}$ MU.TI $_{13}$ 1 GÍR MAR.TU GA BABBAR:KÙ-*sù*

А он (Ман-хаййу) *имел при себе* свой «аморейский кинжал» с серебряной *рукоятью*.

§ 33

$_{14}$ *ap* $_{15}$ 1 LÚ $_{16}$ *ša-lum* $_{17}$ ŠU.RA $_{18}$ NUNDUM$^{?}$-*sù*

И один человек из свиты Шалума ударил его *по губам*.

§ 34

$_{19}$ *ap* $_{20}$ 1 LÚ **VIII** $_{1}$ *ša-lum* $_{2}$ ŠU.DU$_{8}$ $_{3}$ TÚG.TÚG-*sù* $_{4}$ *wa* $_{5}$ ŠU.BA$_{4}$.TI $_{6}$ GÍR MAR-*sù*

И (еще) один человек из свиты Шалума отобрал его одежду и взял его «аморейский кинжал».

§ 35

$_{7}$ *wa* $_{8}$ DU$_{11}$.GA $_{9}$ *si-in* $_{10}$ ḪU.MÁ

И рассказал (Ман-хаййу об этом) *наместнику*.

§ 36

$_{11}$ *en-ma* $_{12}$ ḪU.MÁ $_{13}$ ŠU.BA$_{4}$.TI $_{14}$ GÍR.MAR-*ga* $_{15}$ *'à-du*^{ki}

Сказал *наместник*: «Твой “аморейский кинжал” взял (человек из) Хадду?»

§ 37

$_{16}$ *en-ma* $_{17}$ BAD $_{18}$ GÍR MAR.TU **XI** $_{1}$ *la in-ne* $_{2}$ *ma-rí*^{ki}

Сказал хозяин «аморейского кинжала»: «Никак нет! (Из) Мари!»

§ 38

$_{3}$ *en-ma* $_{4}$ BAD $_{5}$ GÍR.MAR $_{6}$ *si-in* $_{7}$ ḪU.MÁ $_{8}$ DU.DU-*ga* $_{9}$ DU$_{11}$.GA $_{10}$ *si-in* $_{11}$ ⌜*i*⌝-*bí*-⌜*zi*⌝-*kir*

(И еще) сказал хозяин «аморейского кинжала» *наместнику*: «*Идите* и расскажите Йибби-зикиру!»

§ 39

$_{12}$ ŠU.RA-*ma* $_{13}$ ḪU.MÁ $_{14}$ Ù.SAR-*sù* $_{15}$ *áš-du-ne* $_{16}$ *i-bí-zi-kir* $_{17}$ *si-in-ga-a* $_{18}$ EN $_{19}$ DU$_{11}$.GA-*ma*

Но *наместник* ударил его по зубам (и сказал): «Йибби-зикир с нами! Самому Господину расскажи!»

КОММЕНТАРИЙ

Заголовок

В двух других документах, опубликованных в ARET 13, этот термин также фигурирует в начале текста в составе его заголовка; в обоих случаях после него, как и в нашем тексте, следует топоним: ⌜DUB *ù*⌝*-su-rí ib-al*$_6^{ki}$ (ARET 13, 13 r. I 1–3), DUB LÚ ⌜*ù*⌝*-šu-rí* DU^{ki} (ARET 13, 14 r. I 1–4)[7]. В ARET 16, 21 за рассматриваемым термином следует не географическое название, а личное имя, при этом формула не открывает документ, а заключает его: DUB *ù-su-rí ḫa-zu-um* (ARET 16, 21 v. VI 1–3). Употребление *ù-su-rí* в последнем тексте позволяет предполагать, что круг его значений не ограничивался внешнеполитической тематикой. Убедительная интерпретация этих трех текстов могла бы значительно прояснить смысл рассматриваемого термина, однако вплоть до настоящего времени систематический анализ этих произведений не проводился[8]. ARET 13, 14 по структуре очень похож на наш документ: в нем рассказывается о злоключениях подданных Эблы в городах области DU^{ki}. В ARET 13, 13 описываются не отдельные эпизоды, а последовательность событий, приведшая к тому, что предводители Иб‘ала решили отправить дары в Мари (что было расценено как враждебный акт по отношению к Эбле). Документ ARET 16, 21 перечисляет материальные ценности, полученные или выданные чиновником Хассумом, и типологически близок к ARET 2, 29 – списку коммерческих операций купца по имени Гида-на‘им[9].

Фрондзароли рассматривает формы *ù-šu-rí*/*ù-su-rí* в контексте лексического вхождения NA.DE$_5$ = *wa-ša-lu-um* (VE 901)[10]. По его мнению, эблаитская часть этого вхождения соответствует аккадскому глаголу *ašāru* ‘to check, to control, to instruct’ (CAD A$_2$ 420), из чего вытекает гипотетическое понимание *ù-šu-rí* как ‘istruzioni’. Заллабергер, основываясь на собственном понимании «базового значения» шумерского глагола na-de$_5$ как ‘to clear’[11], предлагает для DUB *ù-šu-rí* перевод ‘Tafel über zu Klärendes’. По крайней мере с лингвистической точки зрения ни та, ни другая интерпретация не выглядят обоснованными: поскольку убедительные примеры отсутствия этимологического *w*- в эблаитской орфографии исключительно редки[12], выведение *ù-šu-rí* из корня I*w* едва ли правдоподобно[13].

---

[7] Трудно сказать, почему в ARET 13, 14, в противоположность другим примерам, после DUB следует аналитический показатель генитивной связи LÚ (= /ṯu/). Сходным образом, до сих пор неясно, почему запись этого термина демонстрирует колебания в использовании сибилянтных серий SV и ŠV: как известно, достоверные примеры такого рода колебаний в эблаитских памятниках крайне малочисленны (Kogan, Krebernik 2021b, 692–694).

[8] Так, в Sallaberger 2008, 95–96, где возможному значению этого термина в ARET 13, 15 уделяется значительное внимание, характер его употребления в заголовках ARET 13, 13 и 14 обозревается лишь в одном предложении (“Dieselbe Überschrift findet sich [in] zwei anderen Texten über die Orte Du ... und Ib‘al ..., die Probleme in den Beziehungen zwischen Ebla und dem jeweiligen Staat nennen”).

[9] Milano 2003, 415.

[10] Fronzaroli 2003, 136.

[11] Sallaberger 2005.

[12] Kogan, Krebernik 2021b, 729.

[13] Следует признать, что при более пристальном рассмотрении данная проблема оказывается сложнее, чем кажется поначалу. Так, само сопоставление эблаитского *wa-ša-lu-um* и аккадского *ašāru*, предложенное Фрондзароли, на первый взгляд не выглядит достоверным: в то время как эблаитский глагол содержит начальный *w*, аккадский глагол по своим морфологическим свойствам относится к классу I^{ʔ} (Conti 1988, 58, 66–67). Однако, как справедливо констатирует Заллабергер (Sallaberger 2005, 234–235), *w*-формы этого глагола несколько раз засвидетельствованы в старовавилонскую эпоху (к приведенным Заллабергером примерам из лексического списка Proto-Aa 130: 2 (MSL 14, 93) и шумеро-аккадской билингвы, изданной в Charpin 1992, 9: 9, следует добавить вариант A к «Законам Хаммурапи» III 68: *wa-še-er*). Иными словами, теоретически нельзя исключить, что *wa-ša-lu-um* и *ù-šu-rí* могут относиться к разным вариантам одного и того же корня.

Исследователями проблемы не был учтен тот факт, что слоговая последовательность, практически идентичная рассматриваемой, засвидетельствована в эблаитском двуязычном лексическом списке: GÚ.BALA = *ù-šu-lum*, GÚ *ga-li-bù* (VE 1031a), GÚ.BALA[1](NUMUN) = *ù-šu-ru*$_{12}$*-um* (VE 1031b). Значение шумерского вхождения надежно устанавливается благодаря его присутствию в лексическом списке Ugu-mu, где оно располагается среди многочисленных терминов, связанных со спиной и шеей, а в качестве аккадского эквивалента имеет *erûtu* (*arûtu*) ‘спина, задняя часть шеи’ (Couto Ferreira 2009, 232). Один из двух эблаитских эквивалентов в VE 1031 также не вызывает затруднений: GÚ *ga-li-bù* должно интерпретироваться как GÚ /ḳalibu/, буквально ‘повернутая шея’, т.е. ‘задняя часть шеи, спина’[14]. Форма второго эквивалента, интересующего нас здесь, может быть восстановлена в виде /ʾuṯrum/. Сопоставимого западносемитского анатомического термина мы не находим, однако весьма убедительной представляется деривация от прасемитского корня *ʾ*ṯr* ‘находиться сзади, следовать’, от которого происходит, в частности, хорошо известная лексема *ʾ*aṯar-* ‘след’ (> акк. *ašru* ‘место’)[15].

Постулируемая здесь лексема /ʾuṯrum/ ‘задняя часть, спина’ может иметь большое значение для понимания загадочного *ù-šu-rí* в заголовках эблаитских документов: по крайней мере для нашего текста перевод ‘то, что имело место прежде, прецеденты’ подходит практически идеально[16].

Раздел A

Наша интерпретация этого раздела расходится с пониманием Фрондзароли и Заллабергера. По мнению этих авторов, он описывает выдачи провизии, которые мариотская администрация должна была обеспечить эблаитским караванам, проходившим через контролируемые Мари территории. Такое понимание в принципе возможно, однако не кажется вероятным, поскольку в его рамках этот раздел оказывается несовместимым с общим смыслом и структурой документа, который всякий раз описывает отклонения от нормы. Заллабергер с осторожностью предполагает, что речь может идти о намеренном занижении мариотами размеров пайка[17], однако синтаксис текста скорее противоречит такому пониманию: при глаголе Ì.NA.SUM ‘давать’ купцы ни разу не фигурируют в качестве косвенного объекта (и ср. наш комментарий к § 4). На наш взгляд, речь здесь идет о незаконных поборах, которыми мариоты облагали эблаитских купцов, проходивших через их территорию.

§ 2

Эбла, Мари и Киш[18] – важнейшие опорные точки торговых контактов между Сирией и Месопотамией в III тыс. до н.э. Эблаитские купцы не могли попасть в Киш, минуя

---

[14] Изоглосса с широко распространенным арабским корнем *qlb* ‘поворачивать(ся)’ (Lane 2552).

[15] См. CDG 45, DUL 124. Возможность выведения *ù-šu-rí* из *ʾ*ṯr* ‘spuren lassen’ рассматривал уже M. Креберник (*apud* Sallaberger 2008, 96). Вполне вероятно, что обсуждавшийся выше глагол *ašāru* в конечном счете также связан с этим корнем (ср. русское *следить*, в том числе *следить за порядком* и др.). Любопытно, что M. Дитрих и O. Лорец (Dietrich, Loretz 1990, 144–146) постулируют для угаритского лексему *ʾaṯrt* ‘задняя часть шеи, затылок’. Эта гипотеза (принятая в DUL 125) основывается на пассаже из KTU 1.103^{+}: 49 (компендиум гаданий по врожденным уродствам): [...] *ʾaṯrt ʿnh w ʿnh b lṣbh*. Дитрих и Лорец понимают это место в том смысле, что один глаз уродца находится на затылке (*ʾaṯrt*), а другой – на лбу (*b lṣbh*). Такое понимание допустимо, однако едва ли может быть убедительно обосновано, в том числе из-за повреждения начальных знаков в строке (см. иную трактовку в Pardee 2003, 289).

[16] К семантическому переходу ср. английское *back-ground* и особенно аккадское *warkatu* ‘rear side, back side’ > ‘circumstances of a case’ (CAD A$_2$ 274), в конечном счете из прасемитского **warik-* ‘бедро’.

[17] Sallaberger 2008, 97–98.

[18] Согласно общепринятой точке зрения, Киш, упоминающийся в эблаитских текстах, соответствует хорошо известному Кишу в центральной Месопотамии, одному из наиболее

Мари, поэтому упомянутые здесь направления – юго-восточное (на Киш) и северо-западное (на Эблу),– на которых мариоты облагали поборами эблаитских купцов, хорошо отражают историко-географические реалии эпохи. Между Эблой и Кишем существовали и дипломатические контакты. Об этом свидетельствуют не только упоминания в эблаитских текстах гонцов, курсировавших между двумя городами, но и присутствие в Эбле кишского персонала (преимущественно культового). Посещавшим Эблу кишитам подносили дипломатические дары (серебро и ткани). Наиболее яркий эпизод, связанный с вручением таких даров,– замужество принцессы Кешдут, дочери царя Йишар-Даму и царицы Табур-Даму. Из документов, относящихся к этому событию, известно, что ее мужем стал царь Киша (EN KIŠ^{ki}), прибывший в Эблу в сопровождении членов семьи и придворных, каждый из которых получил богатые дары (предметы из золота и лазурита, ткани)[19].

§ 3 и 4

Транскрипция «Айн» для топонима IGI^{ki} основана на принятом в издании, однако трудно доказуемом предположении о том, что знак IGI в этом случае представляет собой логограмму с эблаитским чтением /ʿayn-/ ‘источник’[20]. Ключевым элементом для локализации города является его упоминание в договоре Эблы с Абарсалем (ARET 13, 5 r. V 11)[21]. Договор закрепляет за Эблой ряд городов региона, расположенного между Эблой и Абарсалем, то есть в области излучины Евфрата и на территории к востоку от нее, возможно, включая верховья Балиха[22]. Города перечисляются, насколько это можно установить, с севера на юг, IGI^{ki} назван последним в списке, вслед за городом É.DU^{ki} («Хадду»; см. ниже комментарий к § 36). Таким образом, IGI^{ki} находился либо в южной части излучины Евфрата, либо на Балихе.

Город Шарраб упоминается всего в четырех текстах из Эблы[23]. Первостепенное значение для его локализации имеет пассаж ARET 13, 19 r. II 1–3, согласно которому Шарраб входил в сферу влияния вышеупомянутого города É.DU^{ki} (*sa-ra-bù*^{ki} LÚ É.DU^{ki}). Однако в нашем тексте за названием города следует уточнение LÚ KUR^{ki}, ‘нагорный’ или ‘степной’[24]. Не исключено, что эти определения служат для различения поселений с одинаковыми названиями, однако, учитывая редкость топонима, мы все же принимаем точку зрения, согласно которой речь идет об одном и том же городе.

В таком случае и IGI^{ki}, и Шарраб были расположены недалеко от É.DU^{ki}, в области большой излучины Евфрата или на Балихе[25]. Следовательно, из Мари в оба горо-

---

могущественных городов-государств региона в Раннединастический период. Некоторые исследователи полагали, что за KIŠ^{ki} в Эбле скрывается другой город, расположенный на Хабуре в Верхней Месопотамии (Pomponio 1990 и 2013 с предшествующей литературой), но см. убедительную критику этой теории в Steinkeller 1993, 242–244.

[19] Об обмене посланниками, дипломатических контактах между Эблой и Кишем и замужестве Кешдут см. Archi 1987a; 1987c; Archi, Biga 2003, 11–29; Archi 2015, 178–179; 2019, 167–183.

[20] Издание следует Astour 1988, 550. М. Астур предполагал также, что эблаитский топоним *a-nu*^{ki} представляет собой слоговую запись того же названия, однако, как отмечает Фрондзароли, единственным основанием для такого сопоставления остается гипотетическая возможность прочтения обоих написаний как /ʿayn(u)/.

[21] Список упоминаний IGI^{ki} см. в Bonechi 1993, 197. Как указывает М. Бонеки, часть вхождений относится к одноименной деревне в окрестностях Эблы.

[22] Об историческом и географическом контексте ARET 13, 5 см. Archi 2014, 163–164 с обзором более ранних исследований.

[23] Помимо рассматриваемого текста, это ARET 2, 5 v. I 11 (*sa-ra-bu*$_{16}$^{ki}); ARET 13, 19 r. II 1, 5 (*sa-ra-bù*^{ki}); MEE 2, 27 r. IX 4 (*sa-ra-ab*^{ki}) и TM.75.G.1669 v. V 8 (*sar-ra-bù*^{ki}; текст опубликован в Archi 1980, 11–14).

[24] В текстах из Эблы KUR^{ki} может обозначать как возвышенности, так и открытые пустынные местности (Archi, Biga 2003, 22 n. 59; Fronzaroli 2003, 173, со ссылками на более раннюю литературу).

[25] А. Арки (Archi 2019, 180) на основании этого пассажа реконструирует итинерарий Хадду – Айн – Шарраб, однако, как справедливо отмечено в Fronzaroli 2003, 173, Айн и Шарраб фигурируют здесь как альтернативные, а не последовательные пункты назначения.

да вела только одна дорога, шедшая на северо-запад вдоль Евфрата. Это исключает толкование § 3–4 в том смысле, что эблаитские купцы уходили (È) из *города* Мари в разных направлениях. По всей вероятности, купцы уходили из *царства* Мари, то есть пересекали его западную границу через пограничные города IGI^{ki} и Шарраб, принадлежавшие Мари. Во втором случае текст прямо указывает, что сбор в виде хлебов взимался в Шаррабе (или в пользу Шарраба).

Употребление глагола со значением 'выходить' (È) с предлогом al_6 'на, над' вместо ожидаемого терминативного *si-in*[26] может иметь несколько альтернативных объяснений.

– Вслед за предыдущими исследователями, можно отказаться от пространственной трактовки предлога и видеть в нем указание на цель путешествия[27]: 'per (visitare) 'Ayn'[28], 'wegen 'Ayin'[29], 'per visitare'[30]. К существенному изменению общего смысла эта интерпретация не приводит, ср. 'Il viaggio ... a 'Ayn' в издании.

– Употребление al_6 не полностью синонимично *si-in*, но обусловлено направлением движения вверх, т.е. в горную местность. Ни в аккадском, ни в угаритском такой узус для рефлексов **ʿalay* не известен. В древнееврейском *ʿal* с глаголами движения встречается редко, с глаголом *yāṣā*(ʾ) 'выходить' он не засвидетельствован.

– al_6 указывает не на конечную цель движения, но на промежуточную станцию ('через'). В этом случае § 3–4 интерпретировались бы не как равноправные с § 2, но как конкретизирующие его: поездки из Мари в Эблу осуществлялись либо *через* Айн, либо *через* Шарраб. Именно эта интерпретация, на наш взгляд, должна быть принята по историко-географическим соображениям, изложенным выше (к семантике предлога ср., например, немецкое *über* 'над' и 'через').

Как указывают следы разрушенных знаков в конце r. III 9, после начальных знаков NINDA.GUR$_4$ нужно также восстанавливать NINDA.GUR$_4$ (очертания знака NINDA видны четко, знак GUR$_4$ у́же обычного, поскольку расположен близко к разделительной линии). Удвоение логограммы передает, как обычно в Эбле, множественное число.

Шумерский термин ninda-gur$_4$ имеет прозрачную этимологию и представляет собой комбинацию слов ninda 'хлеб' и gur$_4$ 'толстый'[31]. В эблаитском текстовом корпусе логограмма NINDA.GUR$_4$ засвидетельствована, помимо данного места, лишь однажды: 14 NINDA.GUR$_4$ SI.GA, предположительно '14 толстых хлебов из пророщенных зерен' (ARET 9, 107 r. iii 2)[32]. Кроме того, этот термин представлен в VE 39, где он соответствует эблаитскому *gú-ru$_{12}$-ma-tù*, в свою очередь, формально тождественному аккадскому *kurummatu*. Как известно, аккадская лексема обычно употребляется с абстрактным значением 'провиант', не является исчисляемой и не обозначает конкретной разновидности пищи. Таким образом, значение *kurummatu* в Месопотамии и Сирии не было одинаковым[33].

---

[26] Ср. È *mi-nu ir$_{11}$-ad^{ki} si-in ù-du-ḫu-du^{ki}* 'Они выходят из NG$_1$ в NG$_2$' (ARET 11, 1 r. XIII 20–24); al_6 3 U$_4$ È *si-in ne-na-áš^{ki}* 'На третий день они выходят в NG' (ARET 11, 3 r. IV 16 – V 3); È *si-in ḫu-ba-du^{ki}* 'Он выходит в NG' (ARET 11, 19 r. I 8–10).

[27] К целевому употреблению al_6 в Эбле (Tonietti 2013, 48) ср. TÚG.MU *MA.LIK.TUM* al_6 KASKAL 'одеяние царицы для путешествия' (ARET 11, 2 r. II 7'–10'), *a* DU.DU-*gú-ma-an áš-du-nu* ŠE Ì.NA.SUM 'для вашей поездки зерно будет дано нами' (ARET 16, 11 v. V 1–5). По-видимому, этот узус соответствует аккадскому *eli* 'wegen = für' (AHw. 201, значение 5c).

[28] Fronzaroli 2003, 164.

[29] Sallaberger 2008, 97: «al_6 ist keine Richtungsangabe».

[30] Tonietti 2013, 47–48.

[31] О его употреблении в текстах III династии Ура см. подробно Brunke 2011, 137–138.

[32] См. Milano 1990, 400.

[33] Впрочем, как отмечали уже Помпонио и Кселла (Pomponio, Xella 1984, 30), счетное употребление *kurummatu* ('(один) хлебный паек' или '(одна) лепешка хлеба') изредка отмечается и в месопотамском аккадском (см. CAD K 579, прежде всего в связи с «Эпосом о Гильгамеше» XI 221). Примеры использования «хлебов» (*akalu*) в качестве платежного средства см. в CAD A$_1$ 243.

Принятый Заллабергером перевод ‘по числу’ для *al*$_6$ *ma-na-ì* (‘nach der Anzahl seiner Leute’) представляется вероятным в данном контексте, где количество играет определяющую роль (от перевода ‘da consegnare’ в издании следует отказаться). В орфографическом плане запись с Ì необычна: семитский глагол со значением ‘считать’ имеет **w* в прототипе (HALOT 599), поэтому регулярной была бы запись с PI или, возможно, I[34]. По всей видимости, еще один пример употребления этой лексемы содержится в ARET 16, 9 r. II 2–3: TUR / *ma-na-su* ‘Его (серебра) количество невелико’.

Второй элемент в последовательности Ì.NA.SUM *sar-ra-bù* в рамках нашей интерпретации естественнее всего понимать как реципиент: ‘давали они Шаррабу (в качестве дани, поборов)’. Препятствием для такой интерпретации является то, что идеограмма Ì.NA.SUM ‘давать’ обычно употребляется с дативно-терминативным предлогом *si-in*. В то же время известно несколько достоверных случаев, когда предлог в этой конструкции отсутствует: TAR BAR$_6$:KÙ / *ì-lum*-BAL / *’a*$_5$*-bù-ul*-NI / Ì.NA.SUM / *wa* / DU.DU / *áš-da-su-ma* ‘Дай 30 сиклей серебра NP$_1$ (и) NP$_2$ и иди с ними’ (ARET 18, 13 v. IV 1–7); 10 GIŠ.TASKARIN / 2 GIŠ.GAM GIŠ.TASKARIN / *i-bù*-KA×KID / IN.NA.SUM / SUKKAL.DU$_8$ ‘10 самшитовых (досок), 2 самшитовых колеса NP должен отдать *начальнику царских врат*’ (ARET 13, 3 r. IV 1–5); *wa* / ZABAR / DINGIR.DINGIR.DINGIR / *mi-na* / *a* / Ì.NA.SUM / *NA.SE*$_{11}$ *NA.SE*$_{11}$ ‘Бронзу богов почему ты не выдал людям?’ (ARET 16, 10 r. III 2–8); *ap* / *su-ma* / BAR$_6$:KÙ / LÚ DU$_{11}$.GA / *an-da* / *an-na* / LUL.GU.AK-*SÙ* / AN.GÁL / *wa* / Ì.NA.SUM / *NA.SE*$_{11}$ *NA.SE*$_{11}$ ‘И если серебро, про которое ты говорил (и которое) я должен возместить, имеется, выдай (его) людям’ (ARET 16, 10 r. IV 11 – V 3). В качестве альтернативы можно допустить локативную интерпретацию пассажа: ‘давали они *в* Шаррабе’. Отсутствие локативного предлога в этом случае опять-таки необычно, но ср. беспредложный локативный узус с тем же топонимом в GABA.RU-*SÙ* / *sa-ra-bù*^{ki} ‘встретили его *в* Шаррабе’ (ARET 13, 19 r. I 12 – II 1).

Раздел B

§ 5

За пределами настоящего документа термин AD.GI$_4$ в эблаитских архивных текстах не засвидетельствован; в VE 1035–1036 AD.GI$_4$.GI$_4$ и AD.GI$_4$ даны без перевода. В то время как в шумерских текстах ad-gi$_4$(-gi$_4$) употребляется в значении ‘советовать’/‘советник’, контекст настоящего документа скорее говорит в пользу перевода ‘поверенный’[35].

В недавнем исследовании П. Штайнкеллер предложил понимать шумерограмму AD.GI$_4$ исходя из значения шумерского слова ad «плот»[36]. Контекстуально эта интерпретация весьма привлекательна, однако без какого-либо объяснения в ее рамках остается второй элемент шумерограммы, GI$_4$, при том что значение «советник» для нее хорошо засвидетельствовано. По этим причинам мы придерживаемся традиционной интерпретации шумерограммы.

§ 6

Как отмечает Заллабергер, распространенная в ранних эблаитологических исследованиях интерпретация MU.TI как сокращенного варианта для *ŠU.MU.TI ‘получать’ не может быть верной, поскольку во многих контекстах отсутствует лицо в роли

---

[34] Достоверные исключения из этого распределения очень редки (Kogan, Krebernik 2021b, 725).

[35] О семантической связи между названиями «посланника» и «советника» может свидетельствовать употребление *ma-lik*.MEŠ ‘советники’ в качестве аккадской (?) глоссы к шумерограмме MAŠKIM ‘посланник, комиссар’ в EA 131:21 (впрочем, нельзя исключать, что речь здесь идет о неудачно выполненной ханаанейской глоссе для местного термина **malʔak*- ‘посланник’).

[36] Steinkeller 2021, 190.

подлежащего, т.е. предполагаемый получатель; кроме того, для глагола ‘получать’ в Эбле широко используется логограмма ŠU.BA$_4$.TI. В качестве альтернативы Заллабергер возводит MU.TI к шумерскому глаголу ti/te ‘приближаться’ и в нашем контексте переводит логограмму как ‘имеется в наличии’[37]. Эта интерпретация стала обычной в работах позднейших лет[38]. Следует, однако, отметить, что употребление MU.TI в хозяйственно-административных текстах по крайней мере в ряде случаев ясно указывает на значение, связанное именно с получением. Например, в нижеследующем документе количество зерна, служащее прямым дополнением при MU.TI, включено в итоговую сумму выдач зерна для дворцового персонала: AN.ŠÈ.GÚ 80 DAM / È / URU.BAR / 20 še *BAR* MU.TI ‘Подытог: 80 женщин, выходящих в *нижний город*, *взяли* 20 мер *губару* зерна’ (ARET 9, 47 rev. V 1–4). Глагол требует специального исследования, однако предварительно есть основания предполагать, что значение «брать (с собой)» соответствует контексту как в текстах типа ARET 9, 47, так и в рассматриваемом документе.

Наиболее ранние свидетельства о сосудах GÚ.ZI содержатся в текстах из Фары, где они упоминаются в связи с хранением топленого масла и пива. Это согласуется с данными лексических списков, в которых GÚ.ZI перечисляются в одном ряду с емкостями для густых жидкостей – масла и финикового сиропа[39].

Согласно сложившейся в литературе точке зрения, последовательность знаков после *si-in* читается как ZÀ-10 и обозначает десятину, взимавшуюся за провоз грузов по Евфрату[40]. В действительности такая интерпретация скорее всего невозможна, поскольку после ZÀ мы находим не обозначение числительного «десять», а знак ŠÚ[41].

Нельзя исключить, что эта последовательность должна отождествляться с термином ZÀ.ŠU$_4$/ŠÚ ‘клеймо’, хорошо известным из текстов III династии Ура в связи с клеймением домашних животных[42]. Известно также употребление этого термина по отношению к людям. Так, в саргоновских документах из Гасура (HSS 10, 205[43] и 206[44]) мы находим упоминания о работниках, снабженных ZÀ.ŠU$_4$ MÁ DA KUM. По мнению Р. де Маайера, последовательность MÁ DA KUM состоит из шумерограммы MÁ ‘лодка’ и аккадского прилагательного *daḳḳu* ‘тонкий’, т.е. обозначает клеймо в виде «тонкой лодки». Хотя клейма в форме лодок известны, в данном случае интерпретация де Маайера сталкивается с трудностями: аккадское прилагательное *daḳḳu* практически не употребляется с пространственными значениями «маленький» или «тонкий»[45], а существительное *elippu* ‘лодка’, стоящее за MÁ, требует согласования в женском роде. В качестве альтернативы можно предположить фонетическое (аккадское) чтение для

---

[37] Sallaberger 2008, 99.

[38] См., например, Catagnoti, Fronzaroli 2010, 255 (‘essere disponibile’), Archi 2018, 270 (‘to be at disposition’).

[39] Sallaberger 1996, 100; Civil 2008, 98–99.

[40] Sallaberger 2008, 100.

[41] Этот факт эксплицитно признается уже самими издателями, определившими знак как ŠU$_4$ (вариантное написание знака ŠÚ), однако в их интерпретации текста опять-таки игнорируется (ср. перевод ‘la decima’).

[42] Foxvog 1995; de Maajer 2001.

[43] ^{l}*i-ku$_8$-núm* ^{l}ʿiʾ-dé-dé ^{l}la-ni NAGAR ^{l}BAD-*lí-sa-dú* ^{l}*šu*-ma-ma ^{l}i-ni-ni GURUŠ.ME ^{l}*da-da* DUMU.NÍTA *šu-ut* zu-zu SAG.SUG$_5$ ^{l}DINGIR-SIG$_5$ GURUŠ.ÀM *šu i-ku$_8$-núm in* BÀD.LUGAL^{ki} GAL *a-ḫa-ar-ši ù* DINGIR-*su*-KALAG DUB.SAR ŠABRA.É ZÀ.ŠU$_4$ MÁ DA KUM BÍ.ŠU$_4$ ‘NP$_1$, NP$_2$, NP$_3$, плотник; NP$_4$, NP$_5$, NP$_6$, взрослые (работники), NP$_7$, мальчик – люди NP$_8$, кадастрового чиновника; NP$_9$, человек NP$_1$. В Большом Дур-Шарруме NP$_{10}$ и NP$_{11}$ клеймили их *транспортным клеймом*’.

[44] [...] RA [...] [*ì-lí*]-*tap-ʿpáʾ ù nam-šar en-a-ra* ʿ^{l}ʾÁRAD-LUGAL ZÀ.ŠU$_4$ MÁ DA KUM *en-a-ru* 6;0.0 [ŠE] GUR 2^{giš}GÍGIR 6 DÚSU *šu-ut* ŠEŠ-*ṣa-ḫir* DAM.GÀR *ì-lí-tap-pá ù* A-ḫu-ḫu DAM.GÀR *ù šu-Aš-tár* Gasúr^{ki} *in su$_4$-a-áš-tá-kál*^{ki} *it-ru*-[...] ‘... NP$_1$ и NP$_2$ клеймили. NP$_3$ клеймили *транспортным клеймом*. 6;0.0 гуров ячменя, две повозки, шесть ослов, принадлежащих NP$_3$ купцу – NP$_4$ и NP$_5$, купец, и NP$_6$, (человек из) Гасура, вывели из Шуаштакаля’.

[45] Немногочисленные примеры, приведенные в CAD D 107, указывают на значения ‘маленький (о возрасте)’ и ‘мелкий, измельченный’.

MÁ DA KUM, а именно /ma'taḳum/, ранний предшественник *mēteḳum* 'продвижение'. Действительно, общий контекст HSS 10, 205 и 206 позволяет заключить, что носители клейм должны были быть перемещены[46]. Таким образом, в свете саргоновских данных можно понимать ZÀ.ŠU$_4$ KIB*gunû*.NUN.A как «евфратское клеймо», которым, возможно, обозначались товары, подлежавшие транспортировке по Евфрату.

Согласно альтернативной (и, возможно, более вероятной) гипотезе, ZÀ следует понимать в обычном для шумерского слова zà в значении 'сторона, край' (в данном случае, 'берег реки')[47]. Такая интерпретация особенно привлекательна в свете употребления формы *ìr-gú-zu* 'он привязал (лодку), пришвартовался' в § 9 (см. комментарий ниже). Идеограмма ZÀ, как и ее аккадское соответствие *pūtum*, хорошо засвидетельствована в значении 'берег (реки или моря)' в староаккадских царских надписях: ZÀ.A.AB.BA.KA.ŠÈ ‖ *a-dì-ma pu-ti ti-a-am-tim* 'вплоть до берега моря' (RIME 2.1.1.11.8, шумерская версия/8–10, аккадская версия), *a-na pu-ti* BURANUN.I$_7$ 'вплоть до берега Евфрата' (RIME 2.1.4.2:12–14), *iš-tum-ma pu-ti* BURANUN.I$_7$ 'от берега Евфрата' (RIME 2.1.4.26:9–11). К сожалению, смысл второго знака (ŠÚ) при таком понимании остается нам неясным.

Для записи названия Евфрата в раннединастической Месопотамии существовало две традиции. Писцы Абу-Салабиха пользовались последовательностью UD.KIB*gunû*.NUN, которая в последующие периоды закрепилась в качестве основной записи для этого значения. В текстах из Фары использовалась орфография, близкая к эблаитской – AN.KIB*gunû*.NUN.(A) – вышедшая из употребления с концом раннединастической эпохи[48]. В этот же период знак KIB*gunû*[49] был полностью вытеснен простым KIB. Ближайший аналог эблаитского написания (но без гунирования KIB) засвидетельствован в досаргоновском Мари: AN.KIB.NUN[50].

Логограмма A.AM (мн.ч. A.AM.A.AM, сокращенная запись мн.ч. A.AM.AM) обозначает категорию персонала, упоминающуюся главным образом в документах о выдаче рационов служащим «дома правителя» (É EN) и «великого дома» (É MAḪ) – зданий и/или хозяйств, которые входили в состав дворцового комплекса (SA.ZA$_x^{ki}$) Эблы[51]. В случае с более известным «домом правителя» A.AM обычно фигурируют в конце

---

[46] То, что Зузу и Йикунум (HSS 10, 205) должны были быть перемещены, вытекает из того, что сделка осуществляется в Дур-Шарруме, а не в самом Гасуре. В HSS 10, 206 оба клейменых работника фигурируют в начале списка людей, животных и товаров, привезенных из Шуаштакаля в Гасур (*in su$_4$-a-áš-tá-kál*^{ki} *it-ru*-[...]). Последовательность ZÀ.ŠU$_4$ MÁ DA KUM представлена также в саргоновском тексте из Гирсу, опубликованном в de Maaijer 2001, 314–315. Здесь каждое из упомянутых животных имеет два клейма, одно в виде рыбы (ZÀ.ŠU$_4$ KU$_6$) или черепахи (ZÀ.ŠU$_4$ NÍG.BÚN.NA), а другое – ZÀ.ŠU$_4$ MÁ DA KUM. Уместно предположить, что первое клеймо обозначало владельца, в то время как второе имело какую-то другую цель – возможно, обозначить необходимость транспортировки.

[47] Следует, однако, отметить, что в самой Эбле логограмма ZÀ (без комплементов) употребляется в других значениях: в административных документах она обозначает некую часть различных ремесленных изделий (Pasquali 2005, 108: 'parte esterna' или 'rivestimento'), а в «текстах канцелярии» традиционно интерпретируется как «граница» (Fronzaroli 2003, 311: 'confine, territorio').

[48] Подробнее о способах записи названия Евфрата в III тыс. до н.э. см. Blaschke 2018, 129–131.

[49] Употребление знака KIB*gunû* подробно исследовано К. Вудсом (Woods 2007), который полагает, что изначально KIB и KIB*gunû* были отдельными знаками и не использовались как варианты. По его мнению, в раннединастической орфографии именно знак KIB*gunû* был закреплен за названиями Евфрата (и, соответственно, Сиппара). Вудс объясняет это тем, что изначально знак представлял собой два наклоненных под углом 45° и перекрещивающихся знака ŠÈ – основной идеограммы для слова «веревка», а также метафорического обозначения реки. Критический анализ этой точки зрения см. в Blaschke 2018, 129.

[50] Charpin 1987, 72, no. 7 II 5–6.

[51] О различных «домах» дворцового комплекса Эблы и их персонале, включая A.AM, IB.IB и Ú.A, см. Pettinato, Matthiae 1976; Arcari 1988; Milano 1987.

списка получателей, после правителя, старейшин, богов, «женщин» (DAM) и вместе с двумя другими группами служащих – IB.IB и Ú.A[52]. Несмотря на частое соседство с «женщинами» в документах, все три термина обозначают мужской персонал: в тех случаях, когда IB.IB, Ú.A и A.AM называются по именам, эти имена мужские. A.AM могли подразделяться на группы под началом бригадиров (UGULA). Чтение и точное значение логограммы A.AM неизвестны. В месопотамской клинописи она не используется. VE 605–606 содержит записи A.AM и A.AM.AM, однако не приводит семитских соответствий. Не исключено, что элемент AM в том же значении используется в названии еще одного из «домов» дворцового комплекса – É AM, хотя среди персонала этого «дома» люди A.AM не упоминаются. Возможно, неслучаен тот факт, что в ARET 9, 13 r. II 10–12 служащие этой категории получают хлеб вместе с «поварами» (MUḪALDIM *wa* A.AM).

Следующие за A.AM.AM знаки A / ZA_x(LAK 384) GA Ù на сегодняшний день убедительной интерпретации не поддаются. Имеющиеся переводы типа ‘und (für) die *a-am-am*-Leute des Wassers, für *Clan-Festmahl*’[53] совершенно гадательные. Отдельно стоящий знак A используется либо как логограмма со значением ‘вода’, либо как силлабограмма для записи предлога /ʕal/ ‘над, на’ или союза /aw/ ‘или’[54]. Чтение /ʕal/ можно исключить, так как в настоящем тексте этот предлог всегда записывается как al_6 (r. II 16, III 3, 6, V 17, v. I 5, III 14, IV 11, 16, V 1, 12). Два оставшихся чтения пока не дают удовлетворительного смысла[55]. Последовательность ZA_x(LAK 384) GA Ù нигде больше не встречается, по характеру употребленных знаков можно допустить, что речь идет о слоговой (семитской) записи (возможно, глагольной форме). Восходящее к Фрондзароли понимание GA Ù как семитского слова со значением ‘племя, клан’ не выдерживает критики (см. комментарий к § 39). О возможных идеографических значениях ZA_x см. обзор Заллабергера[56]. В нашем переводе последовательность A.AM.AM / A / ZA_x(LAK 384) GA Ù гипотетически интерпретирована как предложение со структурой SOV.

§ 7

Знак GIŠGAL в Эбле пишется с горизонтальной чертой в конце (GIŠGAL+AŠ)[57]. В документах из Эблы этот знак чаще всего используется в составе логограммы «GIŠGAL».($MUNU_4$.)GÚG (вид зернового продукта)[58]; для прояснения смысла данного параграфа это употребление, очевидно, значения не имеет.

---

[52] Логограмма IB обозначает в ряде корпусов III тыс. должность или профессию, ее значение неизвестно (Molina 1991, 144; Gelb *et al.* 1991, 102; Szarzyńska 1992, 277–278). Шумерское слово ú-a в месопотамских источниках соответствует аккадскому *zāninu* ‘тот, кто снабжает’, однако в обоих языках речь идет не об обозначении конкретной категории персонала, а о качественной характеристике – «благодетель» (CAD Z 45). В VE 297 Ú.A глоссируется как *ga-si-lu*, что соответствует аккадскому *kāširu* ‘тот, кто возмещает (отсутствующее), удовлетворяет нужды’ (D’Agostino 1996, 37). Предыдущие интерпретации глоссы не представляются убедительными, см. дискуссию в Conti 1990, 114–115.

[53] Sallaberger 2008, 98.

[54] Catagnoti 2013, 57; Kogan, Krebernik 2021b, 875–878, 895.

[55] Ср., однако, DAM.DAM A.A, дословно ‘женщины воды’, в ARET 13, 13 r. II 2–3, также в составе дворцового персонала.

[56] Sallaberger 2008, 99.

[57] Тождество GIŠGAL и GIŠGAL+AŠ подтверждает список знаков MEE 3, 51–52 § 15 (GIŠGAL+AŠ = *giš-ga*[*l-lum*]). В то же время EV 321 указывает для GIŠGAL+AŠ шумерское чтение sa-da-a, не имеющее параллелей в месопотамских источниках. В эблаитологических исследованиях знак GIŠGAL+AŠ обычно транслитерируется как «GIŠGAL» (в кавычках) или SADA($_x$). Согласно изданию, в настоящем тексте использован «классический» знак GIŠGAL (что было бы уникальным для Эблы случаем), однако на фотографии заметен небольшой горизонтальный клин в конце знака.

[58] Milano 1987, 524.

В то же время в двух случаях «GIŠGAL» употребляется как самостоятельная логограмма, по всей видимости, с глагольным значением:

si-in / 10 MU / SAG.DU$_8$ / *wa* / «GIŠGAL»-*ga* / URU.BAR / *áš-du* / U$_4$.U$_4$ / *si-in* / U$_4$.U$_4$ / AL$_6$.TUŠ / URU.BAR

На десять лет я ... и *поселю* тебя в деревне. Изо дня в день (т.е. постоянно) ты будешь жить в деревне (ARET 16, 29 v. III 6 – II 4)[59].

ap / EN / *si-in* / SI / «GIŠGAL»-*sù*

Тогда царь *поместит* его в «Рог» (ARET 16, 1 r. IX 5–9).

В обоих случаях издатели предполагают, что речь идет о существительном со значением ‘residenza, dimora’[60]. Однако по крайней мере для второго случая глагольное употребление логограммы представляется очевидным благодаря точной параллели в том же тексте:

ap / TI.LA / NU.ZUḪ / *si-in* / SI / EN / ḪI.MU.DU-*sù*

Но (если) вор будет оставлен в живых, царь *отправит* его в «Рог» (ARET 16, 1 obv. IX 5–9)[61].

Предполагаемое значение ‘поставить, поместить, назначить’ (≈ *šakānu* или *šuzzuzu* в месопотамском аккадском) согласуется со значением шумерской лексемы ĝešgal и с соответствием ĝešgal = *manzāzu* в лексических списках (CAD M$_1$ 234)[62]. Оно хорошо подходит для нашего пассажа: вполне естественно предполагать, что эблаитский купец «поставил» или «назначил» кого-то сторожить свое масло.

Повсеместно в эблаитологических исследованиях последовательность *a-’à-wa*(-*a*) интерпретируется как существительное /ʾaḥway(um)/ ‘содержимое’[63]. Такое понимание, основывающееся на сближении с арабским корнем *ḥwy*[64], кажется маловероятным уже потому, что производные существительные с префиксом *ʾa*- чужды древним семитским языкам. Гораздо более вероятной кажется глагольная интерпретация, в рамках которой эти формы выводились бы из прасемитского корня **ḥwy* ‘быть, становиться’ (DRS 386–387) > акк. *ewû* (CAD E 413). Два других примера употребления форм этого типа в ARET 13 благоприятстствуют такому пониманию.

4 *MI.AT* UDU.UDU / 40 GU$_4$.GU$_4$ / [n] *MI.AT* LA.ḪA Ì.GIŠ / ŠE / ZÍZ / GIG.GÙN / *a-’à-wa* / 3 *LI.IM GÚ-BAR* / LÚ EN / *si-da-rí-in* / LÚ / *’à-ma*^{ki} / ÍL / *si-in* / BÀD$^{⌜ki⌝}$.BÀD^{ki} / *du-bí*

400 овец, 40 быков, [n] сотен сосудов с маслом; ячмень, эммер, пшеничная крупа, (зерновые, общим объемом) составляющие 3000 мер *губару*, принадлежащие господину Шидарина – (вот то, что) отнесет Хама в крепости Туби (ARET 13, 9 r. I 1 – II 1).

[*w*]*a* / ⌜*a*⌝-*’à-wa-a* / MIN / *ba-da-ga* / *áb-zu*^{ki} / *ša-a* / SAG *bí-ne-*⌜*li*⌝-[*i*]*m* / *in* / *ma-ri*^{ki}

И будут два твоих дома (в) Апсу находиться *под началом*[65] Бини-Лима, (пребывающего) в Мари (ARET 13, 13 v. IV 7–16).

Пример из нашего текста ближе всего к первому случаю: в обоих случаях глагол предшествует числительному с названием меры и по контексту значит ‘что составило’: *wa* ŠU.BA$_4$.TI 2 GÚ.ZI Ì.GIŠ *a-’à-wa* 30 SÌLA Ì.GIŠ ‘Он забрал (себе) два сосуда с маслом, что составило 30 *сила* масла’.

---

[59] Значение логограммы SAG.DU$_8$ в этом тексте нам неясно.

[60] Ср. ĝešgal ‘demeure, poste’ в шумерском (Attinger 2021, 500).

[61] Трудно сказать, что́ именно автор текста обозначает как «рог» (SI), однако контекст с высокой степенью вероятности предполагает значение «тюрьма» (как альтернатива смертной казни).

[62] В EV 321 последовательность GIŠGAL+AŠ имеет перевод *da-rí-du-um*, который пока не получил убедительной интерпретации (см. Civil 2008, 141). В свете того, что ḪI.MU.DU (по всей видимости, синонимичное GIŠGAL+AŠ) приравнивается к *su-lu-wu-um* /šūRuwum/ ‘доставлять’ в VE 1340', нельзя исключить, что за *da-rí-du-um* стоит /tawrītum/ ‘отправление, назначение’.

[63] Fronzaroli 2003, 104–105, 141, 239; Catagnoti 2012, 86, 185.

[64] ‘To collect, to draw together’ (Lane 678).

[65] Значение идеограммы SAG в этом пассаже нам неясно, скорее всего это ‘сфера ответственности, административные обязанности’.

Таким образом, для эблаитского языка постулируется глагол /hawāyum/ ‘быть; становиться, превращаться’, засвидетельственный, среди прочего, в префиксальном спряжении с префиксом 3 л. м.р. *ya-*[66]. Последовательность *a-’à-wa* может пониматься как презенс /yahawway/ или как претерит /yahway/. Дополнительный *-a* в ⌜*a*⌝*-’à-wa-a* в ARET 13, 13 v. IV 8 является показателем дуалиса (/yahawwayay/), заданного двойственным числом подлежащего MIN *ba-da-ga* ‘два твоих дома’ и коррелирующего с аналогичным написанием у относительного местоимения *ša-a*.

По всей видимости, корень **hwy* лежит также в основе словоформы *’a*$_5$*-a-ù/a-a-ù* в составе лексического вхождения A.TUKU = *’a*$_5$*-a-ù ma-a*, *a-a-ù mi* (VE 616). Как неоднократно отмечалось уже в ранних исследованиях по VE, очевидное семантическое тождество между шумерским TUKU ‘быть, существовать’ и эблаитским *’a*$_5$*-a-ù/a-a-ù* заставляет интерпретировать последнее как /hawāyu/ ‘быть, иметься’[67], несмотря на очевидные орфографические затруднения[68].

Как видно из глоссария к недавно вышедшему ARET 18, существование эблаитского глагола /hawāyum/ ‘быть; становиться’ признается теперь Фрондзароли и Катаньоти (правда, без указания на примеры из ARET 13)[69]. Релевантная форма имеет вид *’à-wa* и, на наш взгляд, должна пониматься как императив /haway/ ‘будь, стань!’ Приведем здесь отрывок ARET 18, 7 v. I 7 – V 6, в котором эта последовательность встречается несколько раз.

I $_{7}$ *wa* $_{8}$ DU$_{11}$.GA $_{9}$ ŠE $_{10}$ *si-in* **II** $_{1}$ 1 GÍN.DILMUN [BA]R$_6$:KÙ $_{2}$ 1 ˹ŠE˺.[ZÍD] SAG $_{3}$ ŠU BA$_4$.TI $_{4}$ *in* $_{5}$ SA.ZA$_x^{ki}$

Скажи: ячмень – одна мера хорошей муки может быть получена (лишь) за один сикль серебра в дворцовом комплексе.

$_{6}$ *ap* $_{7}$ BAR$_6$:KÙ $_{8}$ *wa-ad* $_{9}$ Ì.NA.SUM $_{10}$ *NA.SE*$_{11}$ *NA.SE*$_{11}$ $_{11}$ *wa* **III** $_{1}$ Ì.G[IŠ] $_{2}$ *wa-˹ad˺* $_{3}$ *wa* $_{4}$ UDU.UDU $_{5}$ *wa-da-ma* $_{6}$ *in* $_{7}$ 1 URU^{ki}

Вот, серебро для того, чтобы выдать людям, имеется в наличии, и масло имеется в наличии, и овцы имеются в наличии в городе.

III $_{8}$ *ap* $_{9}$ ŠE $_{10}$ 1 DUMU $_{11}$ *in* 1 URU^{ki}

Но что касается ячменя – (его достаточно лишь для) одного ребенка в городе!

$_{12}$ *wa* $_{13}$ *NA.SE*$_{11}$ *NA.SE*$_{11}$ $_{14}$ AL$_6$.TUŠ $_{15}$ É **IV** $_{1}$ IR$_{11}$ $_{2}$ *a*-SUM-*da* $_{3}$ *’à-wa*

Для людей, живущих в «доме слуг(и)», *помощью* будь!

$_{4}$ *wa* $_{5}$ UGULA.URU UGULA.URU-*ga* $_{6}$ IGI.SIG $_{7}$ KÁ.KÁ $_{8}$ SA.ZA$_x^{ki}$ $_{9}$ 1 UDU $_{10}$ [x]-DA $_{11}$ [x-*w*]*a*?

Твои градоначальники, те, кто хранят двери дворцового комплекса, одну овцу ...

$_{12}$ [1 *N*]*A.SE*$_{11}$ $_{13}$ [TU?.]RA **V** $_{1}$ *ma-na* $_{2}$ 1 *NA.SE*$_{11}$ $_{3}$ UB.DA.DI $_{4}$ *an-da* $_{5}$ *a*-SUM-*da-ma* $_{6}$ *’à-wa*

Будь то для больного человека, будь то для человека, *нуждающегося в помощи*, также *помощью* будь![70]

---

[66] О префиксальном гласном *a* см. Kogan, Krebernik 2021b, 817.

[67] См. Krecher 1984, 161; Müller 1984, 195 (‘Vorhandensein von Wasser’); Pennacchietti 1984, 274 (‘essistenza d’acqua’).

[68] Как справделиво подчеркивает Дж. Конти (Conti 1990, 170), практически все силлабограммы в этом вхождении употреблены нерегулярно: *’a*$_5$ и *a* не соответствуют этимологическому /ha/ (Kogan, Krebernik, 2021, 722–723); *a* обычно не передает /wa/ (ibid., 728); *ù* очень редко используется для /yu/ (ibid., 725).

[69] Catagnoti, Fronzaroli 2020, 127.

[70] Значение последовательности UB.DA.DI не вполне ясно. Б. Киназт (Kienast 1984, 252) предполагал, что UB.DA.DI в VE 1029 является вариантным написанием для UB.DA.GUB. Такая последовательность в месопотамских лексических списках соответствует аккадскому *ina šaḫāti izuzzu* ‘помогать’ (ср. ‘a quella persona tu devi prestare assistenza’ в издании). Киназт не смог интерпретировать эблаитскую часть VE 1029 (*du-uš-da*-NI-*zu-um*), однако если считать значение «помогать» доказанным, она должна быть нормализована как /tušta$^{r\text{ˀ}}$iṣum/ ‘просить друг друга о помощи’ (о **r*ˀ*ṣ* как прототипе аккадского глагола *râṣu* ‘помогать’ см. подробно Kogan, Krebernik 2021b, 937). Последовательность *a*-SUM-*da* могла бы быть убедительно интерпретирована как /ˀazarta(m)/ ‘помощь’, однако западносемитские параллели указывают на **d̲*, а не **z* в прототипе (DUL 149).

Изложенная выше интерпретация хорошо согласуется с единственным известным примером употребления *ewû* в саргоновском корпусе, обнаруженном Е.В. Маркиной в MAD 4, 10[71]:

3;0.1,20 ŠE GUR.SAG.GÁL *in a-lí-im ì-lí-iš-tá-kál ú-šu-ri-dam ib-ba-al-kì-it-ma a-na* 2;0.0,40 ŠE GUR *in sú-ti* ANŠE *è-wi* (/ye(h)wi/)

3 *гур*, 1 *бан* и 2 *сила* ячменя (в мерной системе) GUR.SAG.GÁL Илиш-такаль привез из города; они были переведены (в другую мерную систему) и составили 2 *гур* и 40 *сила* (в системе) *суту* ANŠE.

§ 8

Мариот по имени Аррум (*ar-rúm*) упоминается в трех административных документах из Эблы[72]. Структура настоящего текста заставляет считать, что речь также идет о представителе Мари, хотя его титул, профессия или происхождение не указаны. Вероятно, Аррум занимал высокую должность в Мари и был хорошо известен эблаитам.

Не вызывает сомнений корректность предложенного Заллабергером чтения *iš-⌜da⌝-bù* ‘он промолчал, проигнорировал’ = акк. *šapû*, *šitpû* (Sallaberger 2008, 99). Предложенная Фрондзароли и Катаньоти[73] деривация от западносемитского **ṯwb* ‘возвращаться’ (= ‘отказываться от своих слов’) не выдерживает критики[74].

§ 9

Имя *bíl-za-ì* /pilsa-ʔil/ многократно засвидетельствовано в эблаитском корпусе. Входящая в его состав лексема *pilsum* встречается только в составе имен собственных сирийского ареала (Эбла, Мари, Эмар), его связь с аккадским глаголом *naplusu* ‘видеть’ и предположительный перевод ‘view, vista’ (CAD P 378) не очевидны[75].

В издании форма *ìr-gú-zu* переводится как ‘affidò’; эту интерпретацию принимает В. Заллабергер (‘er verpflichtete’). Однако, насколько можно судить по примерам, собранным в CAD R 91–105, аккадский глагол *rakāsu* ‘связывать, обязывать’ не употребляется с предлогом *eli* для введения предмета обязательства. Напротив, если логограмма ZÀ.ŠÚ обозначает берег (см. выше комментарий к § 6), вполне уместным в этом контексте представляется одно из буквальных значений глагола, «привязывать (лодку к берегу)», хорошо засвидетельствованное, в частности, в царских надписях Саргона и Маништушу:

MÁ *me-luḫ-ḫa* / MÁ *má-gan*^{ki} / MÁ DILMUN^{ki} / *in kà-rí-im* / *ši a-kà-dè*^{ki} / *ìr-ku-us*

Корабли Мелуххи, Магана и Дильмуна он привязал в гавани Аккада (RIME 2.1.1.11:11–16);

in MÁ.MÁ / *i-ṣa-*[*na-ma*] / *in kar-rí* / *ši a-kà-dè*^{ki} / *ìr-ku*$_8$*-us*

Он погрузил (черный камень) на корабли и причалил к гавани Аккада (RIME 2.1.3.1:37–41).

§ 10

Запись NU.ZUḪ отражает вариант шумерской лексемы со значением «вор», чаще встречающейся в виде ni.zuḫ[76]. Заслуга отождествления здесь этой лексемы принадлежит Заллабергеру[77]. Логограмма NU.ZUḪ встречается также в VE 224, без перевода, и в ARET 16, 1 r. IX 14, 17, X 2, 9, 12, 16 (как и в данном случае, не распознана в издании).

---

[71] Kogan, Markina 2012, 479–481.

[72] С определением LÚ *ma-ri*^{ki} ‘из Мари’: TM.75.G.2365 v. X 11 (неопубликованный текст, цитируется в Archi 1985a, 77); в списках людей из Мари: MEE 10, 20 r. VII 5; TM.75.G.1923 r. XII 3 (неопубликованный текст, цитируется в Archi, Biga 2003, 12).

[73] Fronzaroli 2003, 174; Catagnoti 2012, 233.

[74] Kogan, Krebernik 2021b, 798.

[75] Об использовании знака NI для передачи элемента /ʔil/ на конце теофорных имен в Эбле см. Archi 1985b, 53; 1986, 246; Krebernik 1988, 99–101.

[76] Attinger 2021, 724, 821.

[77] Sallaberger 2008, 99.

§ 11

Заллабергер понимает NÍG.DÉ Ì.GIŠ как ‘он перелил, отлил себе масло’: ‘er goss das Öl (für sich) um’[78]. Такая интерпретация (несколько тавтологичная с учетом ранее употребленного ‘он украл’) возможна, однако скорее имеется в виду, что вор нанес хозяину масла дополнительный ущерб, по неосторожности разлив часть продукта в ночное время. В лингвистическом плане выбор между двумя интерпретациями затруднителен, поскольку шумерский и аккадский языки не различают на лексическом уровне значения ‘вливать, переливать’ (*to pour into*) и ‘разливать’ (*to pour out*, *to spill*): в обоих случаях употребляется dé/*šapāku*[79].

§ 12

Заллабергер понимает этот параграф несколько иначе: ‘Und der Dieb und der Helfer von Mari ergriffen ihn, den Wächter des Öls, in der Nacht’[80], то есть шумерограмма Á.DAḪ интерпретируется как существительное (‘Helfer’), тогда как мы понимаем его как глагол (‘прийти на помощь’). Для эблаитской письменности характерно употребление одинаковых логограмм для однокоренных глаголов и существительных (ср. ниже пример NÍG.SA$_{10}$); в случае с Á.DAḪ возможность обоих чтений эксплицитно подтверждается VE 552: *rí-ì-zu-um*, *rí-zú* /riʿṣum/ ‘помощь’, *ra-a-zu-um* /raʿāṣum/ ‘помогать’. Обе трактовки предполагают, что объект глагола ŠU.DU$_8$ ‘он схватил’/‘они схватили’ несколько необычным образом выражен дважды: как собственно существительным (EN.NUN.AK Ì.GIŠ ‘сторож масла’ по Заллабергеру или NU.ZUḪ ‘вор’ в рамках нашей интерпретации), так и местоименным суффиксом *-sù* при глаголе. Определенным, хотя и не критическим, недостатком интерпретации Заллабергера, на наш взгляд, является неожиданное появление «помощника» в рассказе.

§ 13

Логограмма GAEŠ$_8$ обозначала одну из категорий купцов; распределение значений между GAEŠ$_8$ и более обычным DAM.GÀR (ср. § 2, 3, 5) остается неясным[81]. Эблаитское чтение логограммы неизвестно[82].

В издании этот параграф состоит из слов DU$_{11}$.GA GAEŠ$_8^{ga}$ ‘E disse il commerciante fluviale’, в то время как *šu*-BAD IR$_{11}$ LUGAL начинает следующий раздел: ‘Presso D̲ū-Ba‘al, il funzionario del re (di Mari), Yiširum, il mercante, ha comprato...’[83]. Такое понимание не кажется вероятным: с одной стороны, DU$_{11}$.GA GAEŠ$_8^{ga}$ не имеет ни прямого, ни косвенного дополнения[84]; с другой стороны, синтаксическая роль последовательности *šu*-BAD IR$_{11}$ LUGAL как предполагаемого обозначения продавца никак не оформлена[85]. В рамках нашей интерпретации предполагается, что один из купцов,

---

[78] Sallaberger 2008, 98.

[79] Attinger 2021, 240–241; CAD Š$_1$ 412. В отличие, например, от еврейского, где для значения ‘влить, перелить’ (*to pour into*) употребляется только *yṣḳ* (BDB 427), а не *špk* ‘выливать, проливать’ (ibid. 1049).

[80] Sallaberger 2008, 98.

[81] Об этих терминах в Эбле см. Waetzoldt 1984, 410–411, 414–416; Archi 1993, 53; Milano 2003, 412–413. Вопреки распространенному мнению, отраженному также в издании Фрондзароли, особой связи GAEŠ$_8$ с речной торговлей (в противоположность сухопутной) не прослеживается (Waetzoldt 1984, 415).

[82] Аккадский термин *kaʾeššu* (CAD K 35) представляет собой заимствование из шумерского. О возможном происхождении шумерского слова от (прото)аккадского **qāʾišum* см. Krebernik 2016, 120–121.

[83] Это деление на параграфы принимается в Sallaberger 2008, 99.

[84] Фрондзароли считает, что речью купца является весь следующий раздел, что совершенно невероятно. Заллабергер интерпретирует эти слова как “eine kleine Anmerkung, wie die Information den Hof von Ebla erreichte” (Sallaberger 2008, 100), что также не выглядит правдоподобным: нигде больше в этом тексте мы не находим описания того, каким образом тот или иной рассказ стал известен правителям Эблы.

[85] Переводы Фрондзароли (“**Presso** D̲ū-Ba‘al, il funzionario del re (di Mari), Yiširum, il mercante, ha comprato...”) и Заллабергера (“Su-Ba‘(l), ein Diener des Königs (von Mari), verkaufte

коллега Пильса-Иля, рассказал ему, что либо сам вор, либо пришедший ему на помощь мариот был слугой царя Мари (что, по всей видимости, исключало возможность наказать его справедливым образом).

Монархические правители в эблаитских текстах, как правило, обозначаются логограммами EN и LUGAL. Так, титул правителя Эблы всегда пишется как EN, царя Мари – как LUGAL, в случае с рядом других государств написания колеблются. Вероятно, за этими логограммами стоят различные исторически сложившиеся обозначения правителей. В случае с царем Эблы логограмма EN, без сомнения, читалась как /maLkum/[86]. Логограмме LUGAL в разных контекстах соответствуют семитские слова /baˤlum/ ‘господин, хозяин’ и, возможно, *ba-da-lu-um*[87]. Не исключено также чтение LUGAL как *šarrum* (обычное аккадское обозначение царя в месопотамских текстах), однако прямых подтверждений этому не имеется[88].

Раздел C

§ 14

Имя *I-si-lum* (/yīširum/) хорошо представлено в эблаитском корпусе, в его основе лежит претерит от корня **yšr* ‘быть прямым, ровным’[89].

Идеограмма NÍG.SA$_{10}$ встречается в тексте трижды. Ее эблаитское чтение в VE 67a, *gàr-a-tum*, убедительно интерпретируется как /karyatum/ ‘цена’[90], что согласуется с семантикой шумерского níg-sa$_{10}$ и его аккадского соответствия *šīmu* (CAD Š$_3$ 20). В § 22 NÍG.SA$_{10}$ также передает существительное со значением ‘стоимость, плата’, однако в § 24 очевидно глагольное употребление со значением ‘покупать’. Оба употребления хорошо засвидетельствованы в Эбле[91]. Тем не менее, для данного параграфа мы следуем предложенной Заллабергером интерпретации NÍG.SA$_{10}$ как глагола со значением ‘продавать’[92]. Такой перевод наилучшим образом соответствует контексту, хотя и не имеет бесспорных параллелей в эблаитском корпусе. Употребление одного и того же глагола в значениях «покупать» и «продавать» нехарактерно для аккадского, однако известно в шумерском[93], арабском[94] и, возможно, было присуще прасемитскому состоянию[95].

---

dem Händler Yīširum...”) добавляют соответствующие маркеры, в тексте отсутствующие, и уже поэтому едва ли могут быть корректными.

[86] Об истории этой эблаитской лексемы и ее вероятном произношении см. Kogan, Krebernik 2021b, 704 (со ссылками на более ранние работы).

[87] Слово с неясной фонетической и этимологической интерпретацией, см. подробно в EDA I 501–502.

[88] Подробное исследование этого вопроса см. в Archi 1987b.

[89] Krebernik 1988, 63.

[90] Krebernik 2006, 88–89. Ср. корень **kry* ‘покупать, нанимать’ в центральносемитских языках (HALOT 497).

[91] Об именном употреблении NÍG.SA$_{10}$ (*passim*) см. Archi 1993, 51–52. Глагольное употребление отмечено в ARET 2, 33 r. IV 7, 10; ARET 8, 542 v. III 21; ARET 13, 7 r. I 3; 8 r. I 4, III 4, 9; 14 r. VI 8’, ARET 16, 1 v. VII 2; ARET 18, 3 v. IV 9; 16 r. 1, 6; MEE 7, 10 r. IV 5 (ср. комментарии и указатели в соответствующих изданиях).

[92] Sallaberger 2008, 101, без комментария.

[93] Wilcke 2003, 77. Впрочем, в случае с эргативным шумерским языком перевод конверсивных глаголов носит в значительной степени условный характер. При глаголе sa$_{10}$ эргативным падежом в разных контекстах могут маркироваться либо продавец, либо покупатель. В первом случае глагол условно переводится как ‘продавать’, во втором – как ‘покупать’.

[94] Так, глагол *ʾištarā* синхронно засвидетельствован в обоих значениях в рамках коранического корпуса (Ambros 2004, 148).

[95] Ср. *šaʾāmu* ‘покупать’ в аккадском (CAD Š$_1$ 350) vs. **šʾm* ‘продавать’ в современных южноаравийских языках (LS 492, с дискуссией).

§ 15

Как справедливо отмечает Заллабергер[96], здесь и в § 31 форма *en-àr* должна пониматься в смысле ‘он напал’. В позднейшем месопотамском аккадском глагол *nêru* обычно значит ‘убивать’, лишь изредка встречается значение ‘ударять’ (CAD N_2 181). В то же время в саргоновском корпусе надежно засвидетельствованы два других значения, а именно ‘завоевывать’ и ‘клеймить’[97]. Таким образом, существование еще одного отличного от стандартного значения в эблаитском не кажется удивительным.

Имя *áš-ba-ì* /yašbaˤ-ʔi(l)/ ‘бог насытился’[98] является полным аналогом месопотамских имен на основе глагола *šebûm* ‘быть сытым, удовлетворенным’, таких как *Išbi-Erra* ‘Бог Эрра насытился’. Точная аккадская параллель к нашему имени засвидетельствована в текстах из Фары: *Iš-bì-lum* (WF 3, 61 iii 10). Мнение Фрондзароли, согласно которому префиксальный гласный *a* “potrebbe indicare una variante protoamorrea”[99], трудно воспринимать всерьез[100].

О рынках (LAM$_7$:KI) в текстах из Эблы см. специальную работу М. Дж. Биги[101].

§ 17

В издании остатки знаков в последней строке VIII колонки лицевой стороны прочитаны как 1 ⌜*gú*⌝. Это чтение отвергается как крайне ненадежное Заллабергером[102], но собственного чтения он не предлагает. Имя начальника рынка хорошо подходит по контексту; в какой мере оно соответствует остаткам знаков на табличке, судить трудно: на фотографии нижний правый угол лицевой стороны виден очень плохо, прорисовка тоже неясна. О возможности употребления Ì.NA.SUM ‘давать’ без предлога *si-in* см. комментарий к § 3–4.

Большое значение для понимания данного раздела имеет интерпретация последовательности AL.BU$_{15}$, осложненная поврежденным контекстом. Шумерский глагол bu ‘вырывать, отрывать, срывать’, редко ‘отбирать’[103] имеет несколько видов записи, из которых в Эбле обычен bu$_{15}$ (PAD)[104]. Перевод Заллабергера (“riss heraus die Wolle”)[105], соответствующий шумерскому узусу, вероятно, предполагает, что глагол относится к начальнику рынка, который «вырвал» шерсть из рук эблаитского торговца. Неясно, однако, идет ли речь о первом эпизоде конфискации шерсти[106] или же имеется в виду, что Йашба-иль в конечном счете присвоил шерсть, несмотря на то что Йиширум отдал за нее выкуп[107]. В то же время нельзя исключать, что идеограмма

---

[96] Sallaberger 2008, 101.
[97] Kogan, Krebernik 2021a, 406.
[98] Krebernik 1988, 61.
[99] Fronzaroli 2003, 175.
[100] См. Kogan, Krebernik 2021b, 776–778.
[101] Biga 2002.
[102] Sallaberger 2008, 101
[103] PSD B 162; Attinger 2021, 2012.
[104] В эблаитских исследованиях знак PAD в значении «вырывать» часто транскрибируется как KUR$_6$. Эта практика вытекает из последовательности KUR.PAD NA.RÚ в VE 166, где KUR понимается как префигированный фонетический комплемент (^{kur}KUR$_6$), см. Conti 1990, 91. За пределами этой глоссы чтение KUR$_6$ у знака PAD в III тыс. до н.э. не встречается.
[105] С ошибкой в транслитерации (AL$_6$ вместо AL).
[106] В таком случае восстановление начала столбца могло бы иметь следующий вид: $_1$ [*en-ma*] $_2$ [LÚ] $_3$ AL.BU$_{15}$ $_4$ SIKI ‘Сказал тот, кто забрал шерсть’. В издании практически полностью разрушенный левый угол оборотной стороны реконструируется как одна ячейка, однако восстановление двух ячеек не кажется невозможным. Несколько искусственным выглядит перифрастическое обозначение человека, который ранее упоминается по имени, но ср. раздел G, где один и тот же человек сначала называется по имени, а затем фигурирует как «владелец аморейского кинжала».
[107] Например, $_1$ [*ap*] $_2$ AL.BU$_{15}$ $_4$ SIKI ‘Но тот отобрал шерсть (со словами)’. Отсутствие в пассаже каких-либо маркеров прямой речи (DU$_{11}$.GA, *en-ma*, *-mi*) не может быть существенным возражением против такой трактовки, ср. § 24, 25, 39.

AL.BU$_{15}$ в Эбле могла употребляться и в более нейтральном значении «забрать». В этом случае субъектом глагола может быть эблаитский торговец («и забрал он шерсть»)[108]. На сегодняшний день этот вопрос, довольно подробно рассмотренный М. Бонеки[109], не поддается однозначному решению.

§ 18

За исключением этого текста, выражение «царская гиря» (будь то NA$_4$ LUGAL или NA$_4$ EN) в Эбле не встречается. В аккадском корпусе в целом понятие «царская гиря» известно только в старовавилонских текстах из Мари и царства Ларса (CAD A$_1$ 59)[110]. Примечательно, что, согласно рассматриваемому тексту, при помощи «царских гирь» в Мари взвешивали на рынке, тогда как в старовавилонском Мари такие гири используются в дворцовом хозяйстве, при этом также засвидетельствованы «гири (с) рынка» (*aban maḫīrim*)[111].

Чтение *daš-gul*, предложенное В. Заллабергером[112], было впоследствии принято П. Фрондзароли[113].

Элемент A в последовательности *mi-ne-iš* A не получил интерпретации в издании[114]. Гипотеза Заллабергера[115], согласно которой речь идет о местоименном суффиксе 1 л. ед.ч. ('für was von mir?'), не выдерживает критики. Столь же неубедительна точка зрения Катаньоти[116], согласно которой речь идет об адвербиальном употреблении аккузатива *-am*.

«Тексты канцелярии» содержат три примера, в которых вопросительное местоимение *mīnu* 'что' имеет расширение, записанное знаком A:

mi-na-a / É / É MAḪ / DINGIR / [MU].⌜DU⌝
Зачем вы пришли в (этот) дом, в великий дом бога? (ARET 13, 1 v. X 5–9).

me-na-a / an-da / ba / šu-du-mu / ib-al$_6$ / an-da
Почему ты? Или ты начальник NG? (ARET 13, 11 v. VI 3–8)[117].

Вполне вероятно, что речь идет об энклитической частице вида /-ау/ или /-уа/[118], которую следует постулировать и для нашей формы (тем более что во всех случаях местоимение употреблено в значении 'почему?')[119].

Как отмечает Заллабергер[120], эблаитский купец, используя собственные гири, вольно или невольно обвешивал покупателей, так как вес сирийского сикля,

---

[108] Например, $_1$ [*wa*] $_2$ AL.BU$_{15}$ $_4$ SIKI 'И он забрал шерсть'. Серьезным недостатком этой интерпретации является отсутствие упоминания о говорящем в непосредственном предтексте, в отличие от всех остальных случаев употребления прямой речи в этом документе.

[109] Bonechi 1999, 29–31.

[110] В Ларсе – NA$_4$ LUGAL (*aban šarrim*), в Мари – как правило, в форме NA$_4$ NÌ.ŠU LUGAL (*abnum ša qāt(ī) šarrim*), однако засвидетельствовано и NA$_4$ LUGAL (*aban šarrim*). В шумероязычных текстах III–II тыс. это понятие, насколько нам известно, не встречается.

[111] Подробнее см. Chambon 2006.

[112] Sallaberger 2008, 101.

[113] Fronzaroli 2014, 434.

[114] Ср. Fronzaroli 2003, 176, 283.

[115] Sallaberger 2008, 101.

[116] Catagnoti 2012, 91, 102.

[117] Так же ARET 13, 11 v. VII 5, в не вполне ясном контексте.

[118] Ср. постпозитивную частицу *-у* в угаритском (DUL 931) и ее возможные семитские параллели, обсуждаемые в Tropper 2012, 833–835.

[119] Совершенно невозможна интерпретация форм *mi/me-na-a* как дуальных, предложенная Катаньоти (Catagnoti 2012, 212), см. Kogan, Krebernik 2021b, 769. Трудно сказать, связано ли это написание с формой *mi-na-a* в месопотамском аккадском II тыс. до н.э. (CAD M$_2$ 89). Последнюю легко объяснить интонационным удлинением гласной в вопросительном предложении, тогда как в орфографиях III тыс. такое явление не засвидетельствовано.

[120] Sallaberger 2008, 105.

использовавшегося как единица веса в Эбле, был меньше веса месопотамского сикля, использовавшегося в Мари[121].

Раздел D

§ 19

Имя *mi-na-ì* /mina-ʔi(l)/ с предположительным значением ‘О бог, почему (так случилось)?’[122] может также записываться со знаком IL в конце: *mi-na-il* (ARET 4, 15 v. VIII 6; ARET 7, 121 r. III 4; MEE 12, 19 v. VI 2). О записи с -NI см. комментарий к § 9.

§ 21

О логограмме EN как обозначении правителя Эблы см. комментарий к § 13.

Эблаитскую фразу, стоящую за последовательностью SÁ.DU$_{11}$.GA-*na-mi* EN *ib-la*^{ki} *lu*-SÁ.DU$_{11}$.GA, мы восстанавливаем как /sikna-mi maLki ibla luskin/ ‘Пусть Господин Эблы (сам) позаботится о (своих) заботах!’

Эквивалентность между идеограммой SÁ.DU$_{11}$.GA и семитским корнем **skn* ‘заботиться, ухаживать’ вытекает прежде всего из лексического вхождения SÁ.DU$_{11}$.GA = *zi-gi-nu* /siknu/ (VE 233)[123]. Как справедливо отмечал М. Креберник[124], это вхождение предполагает, что SÁ.DU$_{11}$.GA в Эбле не имело значения ‘достигать’ (= акк. *kašādu*)[125], но обозначало регулярные поставки (= акк. *sattukku*). В то время как известные из Эблы примеры употребления SÁ.DU$_{11}$.GA действительно связаны с поставками[126], широкая панорама северозападносемитских данных о корне **skn* указывает на то, что этой идеограмме могла быть присуща и более общая семантика – ‘ухаживать, следить, заботиться’ (DUL 746).

Наиболее ярким свидетельством такого рода является употребление *skn* в качестве ханаанейского заимствования в амарнских письмах из Иерусалима, например *u li-is-kín šarri ana* ÉRIN.MEŠ *pi-ṭa-ti u lumaššera* ÉRIN.MEŠ *pi-ṭa-ti ana* LÚ.MEŠ *ša eppušū arna ana šarri bēlīya* ‘Пусть царь позаботится о лучниках, пусть он пришлет лучников против людей, которые согрешили против царя, моего господина’ (EA 287:17–19). В каузативной породе (*š-skn*) то же значение мы находим в угаритском: *šskn mˁ mgn ʔaṯrt ym* ‖ *mġṯ ḳnyt ʔilm* ‘Позаботься же о подарке для Ашеры Морской, о приношении для Праматери Богов’ (KTU 1.4 I 20–22). Активное причастие **sākinu* ‘помощник, администратор’ представлено едва ли не во всех крупных корпусах западнопериферийной клинописи (CAD S 76, 354), а также в угаритском (DUL 746, Huehnergard 2008, 157) и еврейском (BDB 698).

Последовательность *lu*-SÁ.DU$_{11}$.GA мы интерпретируем как /luskin/, 3 л. ед.ч. прекатива основной породы: ‘пусть он позаботится’[127]. Последовательность SÁ.DU$_{11}$.GA-*na-mi* EN *ib-la*^{ki} понята как сопряженное сочетание (‘забота Господина Эблы’), при этом силлабограмма -*na* читается как фонетический комплемент к SÁ.DU$_{11}$.GA /siknu/ ‘забота’ в аккузативе[128]. Важнейший аргумент для такого чтения проистекает из эблаитского заклинания, изданного М. Креберником как Beschwörung 21, IV 3 (ex. c) ‖ IV 1 (ex. i)[129].

---

[121] Подробнее см. Archi 1987d; Ascalone, Peyronel 2000.
[122] Pagan 1998, 77.
[123] См. Milano 1990, 402; Conti 1990, 103; Fronzaroli 1993, 176.
[124] Krebernik 1984, 110.
[125] Проигнорировано в Fronzaroli 2003, 168 (‘Il raggiungimento del mio piacere il re di Ebla deve raggiunger(lo)!’), 176, 292.
[126] См. Milano 1990, 402; Catagnoti 2014, 228–229.
[127] О форме *lu-* для префикса прекатива в 3 л. ед.ч. основной породы в эблаитском см. Catagnoti 2012, 46, 133–134.
[128] О сохранении падежных окончаний в сопряженном состоянии в эблаитском см. Kogan, Krebernik 2021b, 844–848.
[129] Krebernik 1984, 106.

В этом фрагменте за последовательностью SÁ.DU$_{11}$.GA следует силлабограмма *-ne* – по всей видимости, такого же рода фонетический комплемент, но уже для родительного падежа. Наконец, элемент *-mi* мы, вслед за Креберником[130], склонны понимать как показатель пересказываемой речи, соответствующий месопотамскому аккадскому *-mi*[131].

В сирийских корпусах III тыс. до н.э. логограмма IGI.NITA обозначает обычного домашнего осла (*Equus asinus*), а логограмма BAR.AN – «мула»[132]. Семитских соответствий для обеих логограмм в этих корпусах не засвидетельствовано. «Мулы» сирийских текстов разными исследователями понимаются как гибриды либо осла и лошади (*Equus caballus*), либо осла и онагра (т.е. дикого переднеазиатского осла *Equus hemionus*)[133]. Согласно ARET 16, 30 r. 3–12, 16–18, мулы могли стоить вдвое дороже обычных ослов[134].

В рамках предложенного нами понимания фразы прямая речь царя Мари продолжается до конца параграфа (и всего раздела): вероятно, он имеет в виду, что пропали только дешевые ослы, а дорогие мулы не пропали – то есть «невелика беда!». Очевидно, такой пренебрежительный и даже циничный ответ не мог удовлетворить эблаитов.

Раздел F

§ 22

По форме и контексту *wa-zi-in* может быть только стативом со значением активного залога и прошедшего времени. Такое употребление статива в эблаитском корпусе более не засвидетельствовано[135]. В месопотамском аккадском активный статив со значением прошедшего времени систематически встречается только у глаголов со значением «брать» или «получать»; прочие случаи активного статива крайне редки, и их употребление вместо близких по значению форм перфекта и претерита не получило убедительного объяснения[136].

§ 23

Реконструкция имени персонажа, стоящего за смешанным написанием PÉŠ-*lum*, вытекает из лексического вхождения EV 300[137]: NIN.PÉŠ$^{ḫa\text{-}lum}$ = *ḫa-ma-zi-lum* /ḫamaṣṣīRum/ ‘мышь’, ср. акк. *ḫamaṣṣīru* (CAD Ḫ 236), которое, как отмечается Фрондзароли[138], также используется в качестве собственного имени[139].

Начальник рынка UGULA LAM$_7$:KI упоминается также в MEE 7, 2 v. VII 6 и ARET 18, 21 v. IV 1. Аналогичная должность *rabi maḫīrem* засвидетельствована в староассирийских текстах (CAD M$_1$ 99).

---

[130] *Apud* Sallaberger 2008, 102.

[131] Wasserman 2012, 179–205. Употребление *mem encliticum* при первом члене сопряженного состояния неудивительно, см. многочисленные примеры такого рода в угаритском (DUL 505, Tropper 2012, 827–828) и амарнском ханаанейском (Rainey 1996, III, 236). В любом случае, выведение *-na-mi* из працентральносемитского корня **nʿm* ‘быть приятным’, предложенное в издании, абсолютно невероятно (Sallaberger 2008, 109).

[132] Ismail *et al.* 1996, 113–114 (Набада); Archi 1998, 11–12 (Эбла, Мари).

[133] См. обзор доводов в пользу обеих точек зрения в Zarins 2014, 87–91, 170–176, 218. Дикий осел водился в Передней Азии еще в XIX в. нашей эры. По археологическим данным, лошадь присутствовала в Передней Азии в III тыс. до н.э. (ibid., 83–87), однако трудности с интерпретацией номенклатуры эквидов в клинописных текстах не позволяют оценить степень ее распространения и способы ее использования (ibid., 161–176, 188–220).

[134] В Месопотамии мулы стоили в среднем в четыре раза дороже ослов, см. Zarins 2014, таблицы 18 и 21 (данные о ценах на ослов и мулов появляются только начиная с Саргоновского периода).

[135] Ср. Kogan, Krebernik 2021b, 784–788.

[136] Arkhipov *et al.* 2021, 280–283.

[137] Krebernik 1983, 46.

[138] Fronzaroli 2003, 176.

[139] Использование названий грызунов в качестве собственных имен не было редкостью в Месопотамии, ср. *pērūrūtu* (CAD P 420), *arrabû* (CAD A$_2$ 303), *asḳudu* (CAD A$_2$ 340).

В нашем переводе последовательность DUMU.NITA UGULA LAM$_7$:KI понимается буквально, однако нельзя исключать, что в действительности под «сыном начальника рынка» имеется в виду его помощник или какой-то другой представитель младшего административного персонала (ср. il «figlio» в кавычках у издателя).

В EV 419 логограмма TAR.TAR соответствует эблаитскому *ga-da-tum* /gadādum/[140], чьи семитские параллели (как в месопотамском аккадском, так и в западносемитских языках) связаны с базовой семантикой «(от)резать», «рвать»[141]. В отличие от EV и настоящего текста, в прочих документах из Эблы TAR.TAR обозначает именную форму, характеризующую так или иначе измельченные или поврежденные драгоценные камни, металлические предметы и ткани[142], из чего можно заключить, что корень *gdd* имел в эблаитском достаточно широкую деструктивную семантику, от «дробить» и «ломать» до «рвать». Перевод ‘разламывать’ принят нами ввиду того, что речь предположительно идет о деревянном предмете (см. ниже).

Чтение знака «KIN» условно: он не полностью соответствует начертанию месопотамского знака KIN, и связь между ними нельзя считать доказанной[143]. Следовательно, значения логограммы KIN не могут быть использованы для прояснения значения эблаитского «KIN». Употребление знака «KIN» в Эбле ограничивается обозначением меры веса для шерсти[144]. Именно так понимается этот термин в издании (‘il «figlio» del sovrintendente del mercato separava le sue *misure*’) и у Заллабергера[145] (‘[er] *entfernte* seine Wollgewichte’). При этом следует отметить, что TAR.TAR едва ли может пониматься в смысле ‘отделять, удалять’ (см. выше). Большой интерес для интерпретации «KIN» представляет его написание с детерминативом GIŠ[146]. Это может указывать на то, что обозначение меры веса для шерсти происходит от названия деревянного предмета – например, короба для шерсти стандартного размера[147]. Тот факт, что шерсть в этом параграфе не фигурирует, по-видимому, не является решающим препятствием для данного направления мысли: речь может идти, например, о емкости, в которой хранились купленные ткани.

§ 24

Употребленный здесь и далее в этом разделе термин *ìr-ra-tum*[148] является одним из наиболее дискуссионных в настоящем тексте. Поскольку в § 25 он употреблен в полном параллелизме с NA$_4$ ‘гиря’ (*al$_6$ / ìr-ra-ti-ga / du-za-an* ‖ *al$_6$* / NA$_4$ / LUGAL / *zi-in*), вполне вероятно, что речь идет о синонимах[149]. В то же время контексты ARET 13, 15 допускают, что *ìr-ra-tum* обозначало ‘весы’ как целостную структуру

[140] Pomponio, Xella 1984, 30–31.

[141] См. комментарий в издании и Kogan 2015, 33.

[142] В Archi, Biga 1982, 289 был предложен перевод ‘in pezzi’, в дальнейшем широко принятый в изданиях (ср. Catagnoti, Fronzaroli 2020, 75, с уточнениями).

[143] Zaccagnini 1984, 190, с историей вопроса.

[144] Zaccagnini 1984.

[145] Sallaberger 2008, 103.

[146] См. указатели к ARET 1, 3, 4, 12, MEE 10.

[147] Pasquali 1997, 223 n. 32. В текстах III тыс. до н.э. из Месопотамии засвидетельствованы корзины для шерсти, плетенные из тростника, ср. ^{gi}gurdub siki (ITT 2, 915 r. 3 и 11).

[148] Полуидеографические написания типа *ìr-ra-tum-sù*, в которых существительное пишется в именительном падеже с мимацией вне зависимости от реального синтаксического окружения, обычны для эблаитской орфографической практики (Kogan, Krebernik 2021b, 832).

[149] Так как для NA$_4$/*abnu* ‘камень’ значение ‘гиря’ является далеко не основным, нужда в конкретном термине с точным значением представлялась бы естественной. В этой связи заслуживает внимания очевидно связанное с *ìr-ra-tum* вхождение *du-bí i-ra-tim* в VE 1166, имеющее в качестве шумерского соответствия DUB.NI. Согласно остроумному предположению М. Креберника (устное сообщение), NI здесь использовано в качестве неполного написания для NA$_4$ (NI-UD). В этом случае значение ‘гиря’ для *ìr-ra-tum* становится очевидным, а все сочетание (буквально ‘табличка гирь’) могло обозначать нечто вроде тарифа, где описывались соответствия между мерами веса разных регионов.

в противоположность ‘гире’ как ее ключевому элементу[150]. Принятый нами перевод опирается на это предположение.

Уже в первоначальном издании Фрондзароли склонялся к тому, чтобы приписывать *ìr-ra-tum* имманентно пейоративное значение ‘(peso) forte’, т.е. «большая (с завышенной массой) гиря»[151]. Это понимание, в значительной степени основанное на сближении с аккадским прилагательным (*w*)*erru*(*m*) ‘etwa Starker?’ (AHw. 1495), было справедливо отвергнуто Заллабергером[152]: помимо того, что знак ÌR едва ли может передавать /wir/ в эблаитской орфографии, само существование аккадской лексемы не выглядит сегодня очевидным (см. критический анализ релевантных пассажей в CAD U–W 408), не говоря уже о том, что предложенная Фрондзароли этимология противоречит самому смыслу параграфа (эблаитские гири были легче, а не тяжелее мариотских)[153].

В работе 2014 г. Фрондзароли вновь обратился к своей первоначальной идее, но уже с другим этимологическим обоснованием: последовательность *ìr-ra-tum* он нормализует как /ġirratum/ на основании сближения с арабским глаголом *ġrr* ‘обманывать’: ‘inganno’, ‘peso ingannevole’[154]. С орфографической точки зрения такое понимание еще менее вероятно, чем первое, поскольку знак ÌR никак не может использоваться для передачи последовательности /ġir/ (кроме того, не выглядит осмысленной идея «инспектировать» заведомо ложные гири).

По мнению Заллабергера[155], эблаитская лексема может быть отождествлена с аккадским словом *erru* ‘кольцо’ (AHw. 244)[156], однако в действительности статья в AHw. объединяет несколько не связанных между собой лексем, ни одна из которых, по всей видимости, не имеет значения «кольцо» (ср. CAD E 320 s.v. *eru* ‘headband’, CAD I–J 180 s.v. *irritu* ‘pigsty; dam (of reeds)’, *irru* A ‘peg, stake’).

На сегодняшний день вопрос об этимологии термина приходится считать открытым. Согласно нормативной практике эблаитской орфографии, знак ÌR может передавать последовательности /yir/, /hir/ и /ḥir/. Поиск семантически удовлетворительных параллелей такого вида в других семитских языках результата не дал.

Мы понимаем стк. IV 1–12 как продолжение прямой речи сына начальника рынка – риторический вопрос или восклицание. П. Фрондзароли и В. Заллабергер считают эти слова частью повествования. Смысл перевода П. Фрондзароли в этом контексте остался для нас неясным[157]. В. Заллабергер полагает, что текст содержит повтор сказанного выше[158]. Функция такого повтора не объясняется.

---

[150] Против такого понимания может свидетельствовать ARET 18, 21 v. III 5–11: KASKAL[-X] / LAM$_7$:KI LAM$_7$:KI / *ba-ru*$_{12}$*-ad* / GIŠ.ÉRIN.(NÍG$^?$).⌜Á⌝[.(LÁ)] / [LAM$_7$:KI] LAM$_7$:KI / *ba-ru*$_{12}$*-ad* / *ìr-ra-tum* ‘Во время обхода (судьями) рынков проверяется *плечо весов* рынков (и) проверяется *гиря*’. По мнению Фрондзароли и Катаньоти (Catagnoti, Fronzaroli 2020, 113), последовательность, читаемая ими как GIŠ.ÉRIN-(NIG$^?$)-⌜Á⌝[-(LÁ)], может быть отождествлена с обозначением плеча весов в месопотамской лексической традиции (GIŠ.NÍG.Á.LÁ). Если это отождествление верно (что, к сожалению, трудно установить ввиду сильного повреждения текста и отсутствия прорисовки), то *ìr-ra-tum* также должно обозначать часть весов (гирю или, теоретически, чашу), а не всю структуру.

[151] Fronzaroli 2003, 177.

[152] Sallaberger 2008, 104.

[153] Корректно отмечено в Catagnoti, Fronzaroli 2020, 113.

[154] Fronzaroli 2014, 435; Catagnoti, Fronzaroli 2020, 113.

[155] Sallaberger 2008, 104–105.

[156] Одновременно Заллабергер предполагает, что *ìr-ra-tum* и «KIN» могут быть соответственно силлабическим и логографическим написаниями одного и того же слова. Такое отождествление возможно только в том случае, если в строках v. III 7–9 и 10–12 дважды сообщается разными словами об одном и том же событии. Учитывая лаконичный и конспективный характер документа, подобная интерпретация представляется крайне маловероятной, ср. также ниже комментарий к IV 1–2.

[157] “(...) in modo da non diminuire il guadagno del mercante di Ebla (pesando) secondo il peso del re, per i tessuti comprati da Mari. E pesa l’argento di Ebla con il suo (peso) forte... ” (Fronzaroli 2003, 168).

[158] “(...) wird hier derselbe Sachverhalt noch einmal mit zusätzlichen Informationen wiedergegeben” (Sallaberger 2008, 104).

§ 25

Последовательность *la in-ne* употреблена также в § 37. По всей видимости, *in-ne* служит для усиления отрицания («никак нет!»). Вопреки Фрондзароли и Катаньоти[159], реконструкция /hinni/ едва ли может быть корректной, поскольку для последовательности /hin/ эблаитский силлабарий использует знак EN[160]. Как Фрондзароли, так и Катаньоти считают *in-ne* вариантом частицы *in-na*, засвидетельствованной в ARET 13, 11 v. II 4'; ARET 16, 2 r. III 7; 5 v. III 9; 23 r. III 5; ARET 18, 3 v. IV 4 (в трех из пяти случаев открывает прямую речь).

§ 26

В издании последовательность A-BAN-MA понимается как *a-tar*$_x$*-ma* /watar-ma/, статив адъективного глагола *wtr* 'изобиловать, превосходить', отсюда перевод 'sarà di più l'argento (che riceveremo) da Ebla'. Заллабергер, следуя предложению Креберника, интерпретирует A-BAN-MA как *a-tir*$_5$*-ma* /wattir-ma/, императив D-породы от того же корня ('erhöhe das Silber beim Eblaiter').

Две очевидно схожие глагольные формы встречаются в ARET 16, 27 r. III 9 (*wa-a-ad*-BAN-*su-nu*) и V 9 (*a*-BAN). Издатели также возводят эти формы к корню *wtr*[161], однако, помимо очевидных трудностей с пониманием соответствующих контекстов[162], такая интерпретация сталкивается с труднопреодолимым препятствием орфографического характера: знак A в Эбле не используется для записи /*wa*/. Мы предполагаем, что все три вхождения представляют собой формы хорошо засвидетельствованного в аккадском глагола **ʿṭr* (вав. *eṭērum*, асс. *eṭārum* i/i) 'забирать, отнимать'[163]. В настоящем тексте форма реконструируется как /yaˁṭir-ma/ 'он забрал', при этом предложение, к которому оно относится, не входит в прямую речь начальника рынка, но продолжает повествование. В двух других случаях отождествление с **ʿṭr* также позволяет добиться хорошего понимания контекста:

NA.SE$_{11}$ / SA.ZA^{ki} / *ù* / *ib-la*^{ki} / NU AL$_6$.DIB / *wa a ad-tir*$_5$*-su-nu* /wa-L-yaˁaṭṭir-šunu/ 'Люди Дворца и (всей) Эблы не отнимут и не заберут их' (ARET 16, 27 r. III 4–9);

áš-da-ma / *ša* / AB.BA / IN.NA.SUM / *a-tir*$_5$ /ʾaˁṭir/ / *an-na* / *áš-da-ma* / *a* / *an-na* / Ì.NA.SUM 'Клянусь: я не забрал то, что дает отец (наследникам). Клянусь: я дал (им это)!' (ARET 16, 27 r. V 5–14).

В издании форма *u*$_9$*-ga-bad* отождествляется с малораспространенным семитским корнем **kpt* 'соединять, связывать': 'e raccoglie l'argento'[164]. Не приходится сомневаться, однако, что в действительности речь идет о корне **kbd* (в месопотамском аккадском – *kbt*) 'быть тяжелым', который превосходно согласуется с контекстом[165].

Остается неясным, почему в параграфе использованы формы презенса *u*$_9$*-za-an* и *u*$_9$*-ga-bad*. Поскольку все события, описываемые в тексте, происходят в прошлом, мы переводим их прошедшим временем[166]. В месопотамском аккадском пре-

---

[159] Fronzaroli 2003, 177; Catagnoti 2012, 198.

[160] Kogan, Krebernik 2021b, 722. Ср. скорее арабскую утвердительную частицу *ʾinna* с гортанным взрывом.

[161] Catagnoti, Fronzaroli 2010, 170–171.

[162] Так, перевод Заллабергера 'und erhöhe das Silber beim Eblaiter!' (Sallaberger 2008, 104) приходится понимать как прямую речь начальника рынка с неясным адресатом: в то время как упоминание эблаита в 3-м лице с очевидностью исключает эблаитского торговца из числа возможных адресатов, продавец-мариот не может быть таковым, поскольку в том же сегменте адресата обвиняют в том, что он взвешивает серебро 'на своих (т.е. неверных, эблаитских) весах'.

[163] AHw. 264, CAD E 401. Этимология глагола неизвестна, *e*-окрашивание в вавилонском предполагает **ʿṭr* или **ḥṭr* (эблаитские формы в данном случае не имеют диагностической силы).

[164] Fronzaroli 2003, 169, 177. Некритически воспринято также в Catagnoti 2012, 203.

[165] Sallaberger 2008, 105.

[166] В немецком переводе В. Заллабергера без комментария использовано настоящее время ('wiegt ... macht ... schwerer'), однако общая интерпретация пассажа, насколько можно судить, не отличается от нашей.

зенс в плане прошедшего скорее всего выражал бы хабитуалис[167], но такое значение очевидно не соответствует контексту. Правила употребления глагольных времен в эблаитском систематически не исследовались.

§ 27

В издании форма ŠU.BA$_4$.TI понимается как пассивная, а предлог *áš-ti* вводит агенс (‘серебро было получено хозяином тканей’). Действительно, в эблаитском корпусе можно отметить довольно большое количество примеров, где *áš-ti* (*áš-da*, *áš-du*) почти наверняка вводит деятеля в пассивной конструкции[168]. В этом отношении эблаитский, вероятно, отличался от месопотамского аккадского, для которого такой узус нехарактерен[169]. В нашем переводе принята более обычная для аккадского активная конструкция, где в роли подлежащего оказывается упоминавшийся выше начальник рынка. Таким образом, начальник рынка получил вознаграждение от мариотского торговца за свое вмешательство, действуя не по закону или справедливости, а из корыстного интереса. Это хорошо соответствует общей структуре текста, где в конце почти каждого параграфа именно власти Мари обвиняются либо в самом правонарушении, либо в преступном бездействии.

§ 28

Имя *ma-an-’à-ù* интерпретируется в издании[170] как /man-ḥayyu/ с не вполне ясным для нас переводом ‘Chi è, o Ḥayyu?’ Отождествление второго элемента с общесемитской лексемой **ḥayy-* кажется довольно вероятным, хотя запись полугласного *y* знаком Ù (вместо U$_9$) не является нормальной для эблаитской орфографии[171]. Трудно сказать, следует ли при такой интерпретации видеть в этом элементе эблаитскую форму теонима Эа[172] (так, по всей видимости, считает Фрондзароли). Нельзя исключать, что речь идет о сокращенной форме трехчастного имени типа «Кто жив, кроме как бог?»

SA.ZA$_x$(LAK 384)^{ki} (семитское чтение неизвестно) традиционно понимается как обозначение верхнего города Эблы, где располагались главный царский дворец, другие общественные здания и важнейшие храмы[173]. Таким образом, Ман-Хаййу оказывается не рядовым эблаитом, а служащим центральной администрации.

Туттуль (совр. городище Телль-Би‘а) на среднем Евфрате был важнейшим культовым центром бога Дагана. В эпоху архивов Эблы город находился под властью Мари[174].

§ 29

О термине NÍG.SIKIL ‘предметы для очистительного ритуала’ в эблаитских текстах см. у А. Арки[175].

В эблаитском корпусе последовательность GÁ^{ki} встречается преимущественно в сочетании с именами божеств и интерпретируется как обозначение культового помещения. В шумерских литературных текстах второго тысячелетия ĝá ‘огороженное, обособленное место’ (без детерминатива) обычно сопровождается уточняющим определением, которое указывает на его назначение[176]: ĝá udu ‘овечий загон’, ĝá ù-šub-ba

---

[167] Arkhipov *et al.* 2021, 235–236, 262–264.

[168] См. подробно в Kogan, Krebernik 2021b, 870–873.

[169] В вавилонском в этой функции в единичных случаях используется функционально тождественный предлог *itti* (Kouwenberg 2010, 259–260). В староассирийском известны всего два вхождения (с предлогами *ina* и *iqqāti*), см. Kouwenberg 2017, 672. В саргоновском корпусе такие примеры до настоящего времени не выявлены.

[170] Fronzaroli 2003, 177.

[171] Kogan, Krebernik 2021b, 724–725.

[172] Ср. прежде всего VE 803: ^{d}EN.KI = *’à-u$_9$*, с ожидаемым U$_9$ (Kogan, Krebernik 2021b, 948).

[173] Archi 2009.

[174] О Туттуле в целом см. Pappi 2014, о Туттуле в эпоху архивов Эблы – Archi 1990.

[175] Archi 2000, 75.

[176] Attinger 2021, 459.

‘мастерская по изготовлению кирпичей’ и др. Структура рассматриваемого отрывка заставляет считать, что GÁ^{ki} DINGIR представляло собой особое помещение в храме (нечто вроде прихожей), где паломники должны были ожидать своей очереди для совершения ритуалов.

В издании последний знак в строке отражен в копии и интерпретирован как LA. Перевод GÁL.LA как ‘fu aperta’ в издании основан, судя по всему, исключительно на контексте, так как логограмма GÁL.LA более нигде не встречается, а в значении ‘открывать(ся)’ в Эбле используется логограмма GÁL.TAKA$_4$. Как отмечает Заллабергер[177], чтение GÁL.LA также сомнительно с точки зрения палеографии (начертание этого знака несколько отлично от обычного начертания LA в данном тексте). В качестве альтернативы Заллабергер предлагает интерпретировать знак как TAKA$_x$ – гипотетически, вариант знака TAKA$_4$, несмотря на весьма отдаленное сходство. Ритуал открывания храмовых дверей неоднократно засвидетельствован в эблаитских текстах[178].

§ 30

Дословно: ‘и ушел один теленок из его рук’. В месопотамском аккадском *ina qāti- waṣûm* означает ‘ускользать из рук, пропадать’ (CAD A$_2$ 370), однако такое значение не подходит здесь по контексту. Речь, возможно, идет о некоем ритуале, однако выражение не находит параллелей в культово-религиозной идиоматике ни в Эбле, ни за ее пределами. Выражение «уходить из рук» появляется также в ARET 16, 25 I 7–9, II 5–7, III 1–4 (с *minu* вместо *in*). К сожалению, общий смысл последнего текста неясен, в частности, не идентифицируются подлежащие соответствующих глагольных групп. Во всех случаях нельзя исключить, что логограмма È соответствует не основной («выходить»), а каузативной («выводить») породе стоящего за ней семитского глагола.

§ 32

Интерпретации GA как местоименной энклитики 2 л. ед.ч. м.р. препятствует присутствие местоименной энклитики 3 л. ед.ч. м.р. при BABBAR:KÙ. По всей видимости, GA в данном случае следует понимать как сокращенную запись термина GÍR MAR.TU *ga-me*(*-ù*), обозначающего особый тип кинжала[179]. Как отмечает Майокки, «аморейские кинжалы» GÍR MAR.TU были церемониальным оружием и изготавливались с применением золота и серебра. Написание притяжательного суффикса после обозначения материала, из которого изготовлен предмет, встречается и в месопотамской клинописи[180].

§ 33

Как отмечается в издании[181], человек по имени ŠA-LUM упоминается среди высокопоставленных представителей Мари в одном неопубликованном документе из Эблы[182]. Ввиду многозначности знака LUM чтение «Шалум» условно. Вероятно, Шалум сопровождал царевича из Мари в поездке в Туттуль.

---

[177] Sallaberger 2008, 107.

[178] Archi 2012, 17–18.

[179] Maiocchi 2010, 4. Как предполагает Паскуали на основе сближения с акк. *kamʾatu* «гриб» (CAD K 120), речь идет о кинжалах с грибовидной рукояткой: ‘pugniali con (pomello in forma di) fungo’ (Pasquali 2005, 129–132). Изображение GÍR MAR.TU *ga-me*(*-ù*), возможно, сохранилось на фрагменте мраморной инкрустации со сценой убийства пленника (Aruz 2003, 177, No. 115 и далее).

[180] ḪAR KÙ.BABBAR-*ia* ‘мое серебряное кольцо’ (ARM 10, 114: 9), ḪAR KÙ.BABBAR-*ša* ‘ее серебряные кольца’ (BBVOT 1, 111: 11; BDHP 28: 13; BE 6/1, 105: 21; VS 22, 8: 9), ^{giš}ŠÙKUR ZABAR-*šu* ‘его бронзовое копье’ (ARM 26, 169: 12).

[181] Fronzaroli 2003, 178.

[182] TM.75.G.2268 r. V 1 (выдержка из документа приводится в Archi 1985a, 76). В этом тексте упоминаются также «сыновья царя Мари» (DUMU.NITA LUGAL *ma-ri*^{ki}), однако Шалум называется в числе прочих мариотов (*ma-ri*^{ki}). Следовательно, упомянутый в § 28 без указания имени сын царя Мари и мариот Шалум не могут быть одним и тем же человеком.

По предположению Заллабергера, знак в стк. r. VII 18, возможно, следует читать как NUNDUM (KA×NUN) ‘губа’. Несмотря на то что интересующий нас знак выписан недостаточно четко, он скорее всего имеет более сложную конфигурацию (KA со вписанным в него сложным знаком, возможно, GÁ×NUN). Кроме того, в Эбле идеограмма NUNDUM записывалась как KA+NU (NUNDUM$_x$), а не KA×NUN, как в Месопотамии[183]. Тем не менее, гипотеза о том, что здесь употреблено обозначение той или иной части лица с использованием знака на основе KA, представляется весьма правдоподобной.

§ 35

В лексических текстах – как эблаитских, так и месопотамских – термин MÁ.ḪU не встречается, однако, как показал П. Штайнкеллер, он представляет собой вариант логограммы ḪU.SI(U$_5$), которая соответствует аккадскому глаголу *rakābu* ‘ехать’ и его производным[184]. Таким образом, обозначение должности или профессии MÁ.ḪU трудно отделить от шумерского lú-u$_5$ и аккадского *rakbu* (*rākibu*, *rakbû*), дословно ‘наездник, всадник’[185]. Точное содержание этих обозначений не установлено[186]. В эблаитских документах MÁ.ḪU упоминаются среди высокопоставленных представителей ряда городов, доставляющих в Эблу или получающих из нее разные виды материальных ценностей[187]. В случае с Туттулем MÁ.ḪU по имени Ишма-иль являлся ключевым представителем города в его отношениях с Эблой[188]. Это позволяет предположить, что MÁ.ḪU выполнял в Туттуле функции высшего администратора (возможно, в качестве наместника царя Мари). Такая интерпретация хорошо согласуется с ситуацией, когда избитый и ограбленный в Туттуле эблаит обращается с жалобой именно к MÁ.ḪU Туттуля (ср. обращение к царю Мари в похожей ситуации в разделе D).

§ 36

Для топонима É.DU^{ki} мы следуем принятой в издании транскрипции (Haddu), несмотря на то что она основана лишь на недоказуемой гипотезе о связи между этим топонимом и именем бога грозы Хадду[189]. Знаки É и DU имеют по несколько словесных и слоговых значений[190], сделать выбор между которыми в данном случае не представляется возможным. É.DU^{ki} был столицей царства, за сюзеренитет над которым соперничали Эбла, Мари, Абарсаль (в западной части Верхней Месопотамии) и Нагар (Телль-Брак)[191]. Таким образом, город мог находиться только в области излучины Евфрата или к востоку от нее на Балихе[192]. Во время войны между Мари и Эблой при

---

[183] См. многочисленные примеры в Bonechi, Catagnoti 2020, 173–174. Написание KA+NUN встречается, по-видимому, лишь один раз (MEE 15, 35 r. III 14′, без фотографии).

[184] Steinkeller 1984, 34 прим. 8. На возможную синонимичность логограмм ḪU.SI и MÁ.ḪU ранее указывал Д.О. Эдцард (Edzard 1968, 160). Дополнительным подтверждением чтения /u/ для составной логограммы MÁ.ḪU служит написание lá-MÁ.ḪU вместо lá-u$_2$/$_3$/$_{24}$ ‘задолженность’ в CUSAS 11, 183 v. i 5′.

[185] Как правило, для записи аккадского существительного служит логограмма RÁ.GABA, однако логограмма U$_5$ используется с той же целью в гадательных текстах I тыс. до н.э. (CAD R 86).

[186] О шумерском слове см. Waetzoldt 1984, 422, об аккадском – AHw. 947 и CAD R 105 (принятые в словарях переводы ‘Meldereiter, Gesandter’ и ‘messenger, envoy’ условны, ср. Harris 1975, 54–55).

[187] Waetzoldt 1984, 419–420.

[188] Archi 1990, 200.

[189] Fronzaroli 1984–1986, 139–140.

[190] Catagnoti 2013, 44, 52; Kogan, Krebernik 2021b, 680.

[191] Ср. ARET 13, 5 r. V 7–10 (по «Договору между Эблой и Абарсалем» É.DU^{ki} отходит к Эбле); ARET 13, 19 (ср. Milano 1999; текст рассказывает о попытках Мари переманить царя (EN) и жителей É.DU^{ki}, вассала Эблы, на свою сторону); Archi 2019, 166 (о победе Нагара над É.DU^{ki}).

[192] Общий список вхождений топонима и обзор предположений о его локализации см. в Bonechi 1993, 23–34. А. Арки и М.-Дж. Бига предложили отождествить É.DU^{ki} с теллем Мальхат-ад-Дару (в 70 км к северу от современного Дейр-эз-Зора), не приводя, однако, никаких аргументов в пользу столь точной локализации (Archi, Biga 2003, 14). Заметим, что этот телль расположен далеко к востоку от реконструируемой максимальной сферы влияния Эблы.

Йибби-зикире É.DU^{ki} выступал союзником Эблы[193]. Возможно, попытка переложить вину за происшествие в Туттуле с мариота на жителя É.DU^{ki} связана с напряженными отношениями между Мари и É.DU^{ki}.

§ 38

Интерпретация последовательности DU.DU-*ga* остается затруднительной. Издатели трактуют ее как глагольное имя (вероятно, инфинитив) с притяжательным местоименным суффиксом /-ka/, при этом всему комплексу придается целевое адвербиальное значение (‘per il tuo viaggio’). Такое понимание не кажется привлекательным ни с грамматической, ни с содержательной точки зрения. В рамках принятого нами общего понимания сегмента наиболее предпочтительным было бы чтение /ʔallakam/ ‘я пойду (и донесу Йибби-зикиру)’, однако нам не известно ни одного примера, когда показатель вентива писался бы без сонанта в конце (кроме того, само употребление вентива в данном случае нуждается в обосновании). Множественное число императива на -*ā*[194], с оговорками принятое в нашем переводе, также требует объяснения, поскольку текст не содержит очевидного множественного референта.

§ 39

Последовательность Ù.SAR была интерпретирована в издании как ‘(doppio) taglio’[195]. В основе этой трактовки лежит лексическое вхождение *za-la-sa* /ṣaRšay/ = Ù.SAR в VE 1134, эблаитская часть которого несомненно тождественна прасемитской лексеме **ŝirš-* ‘коренной зуб’ (отсюда, предположительно, ‘острие’, ‘лезвие’, ‘клинок’). Ни Фрондзароли, ни Заллабергер не сочли возможным понимать здесь Ù.SAR в его базовом, анатомическом смысле, хотя именно к такому пониманию прямо приглашает как соседство с глаголом ŠU.RA ‘бить’, так и практически тождественная формулировка в § 33 (ŠU.RA NUNDUMʔ-*sù*). Термин Ù.SAR надежно засвидетельствован в лексическом списке Ugu-mu и, судя по его расположению, обозначал часть тела, связанную со ртом,– челюсть или коренной зуб[196].

В издании последовательность *si-in-ga-a* была интерпретирована как *si-in ga-a* ‘al clan (del re)’. Такое понимание (принятое Заллабергером[197]) представляется крайне маловероятным: западносемитская лексема **gaʔy-*[198] ‘род, племя’ в Эбле не засвидетельствована; встречающийся сотни раз предлог *si-in* никогда не пишется в одном сегменте с существительным, которым он управляет[199]; сама идея сообщить дурные новости нигде более не упоминающемуся «клану царя» представляется экстравагантной. Достаточно убедительной альтернативной интерпретации для -*ga-a* мы предложить не можем; скорее всего, речь должна идти о какой-то энклитической частице или даже двух последовательно употребленных частицах (например, /-ka-ay/)[200].

Согласно ARET 2, 15 v. VI 2–4, визирь Йибби-зикир действительно в какой-то момент находился в Туттуле (регистрируется выдача шерсти для нужд *i-bí-zi-kir in*

---

[193] Archi, Biga 2003, 14–19, 22, 25.

[194] Kogan, Krebernik 2021b, 789.

[195] С оговорками принимается в Sallaberger 2008, 106.

[196] Couto Ferreira 2009, 177–178. Термин встречается и в эблаитском лексическом списке частей тела, связанном с Ugu-mu,– MEE 3, 68 // 71 r. ii 2 (см. переиздание в Bonechi, Catagnoti 2020 и комментарий к слову: ibid., 188; анатомическое значение для рассматриваемого здесь пассажа не распознано).

[197] Sallaberger 2008, 107.

[198] В действительности скорее **gāy-* (ср. евр. *gōy*).

[199] Издатели отмечают, что такая практика спорадически отмечается для других частотных предлогов, таких как al_6 и *in* (в отличие от *si-in*, оба пишутся одной силлабограммой), однако и эти случаи исключительно редки.

[200] Ср. прежде всего -*ke* в геэзе, напрямую восходящее к **-kay* и имеющее широкий спектр значений: ‘now, then, so then; thus, therefore; of course, indeed; in fact, and yet; even’ (CDG 271).

du-du-lu[ki]). А. Арки и М.-Дж. Бига относят этот документ ко времени, когда Йиббизикир возвращался из успешного похода на Мари[201], что хорошо согласуется с одной из возможных датировок нашего текста. Если эта реконструкция событий верна и речь идет об одном и том же визите, следует предполагать, что после войны Туттуль остался под властью Мари, так как, согласно общему смыслу документа, именно Мари несет ответственность за обиды, нанесенные эблаиту в этом городе.

Литература / References

Ambros, A. 2004: *A Concise Dictionary of Koranic Arabic*. Wiesbaden.

Arcari, E. 1988: The administrative organization of the city of Ebla. In: H. Waetzoldt, H. Hauptmann (Hrsg.), *Wirtschaft und Gesellschaft von Ebla. Akten der Internationalen Tagung Heidelberg 4.–7. November 1986*. Heidelberg, 125–129.

Archi, A. 1980: Notes on Eblaite geography. *Studi Eblaiti* 2/1, 1–16.

Archi, A. 1985a: Les rapports politiques et économiques entre Ebla et Mari. *Mari: annales de recherches interdisciplinaires* 4, 63–83.

Archi, A. 1985b: Les noms de personnes mariotes à Ebla. *Mari: annales de recherches interdisciplinaires* 4, 53–58.

Archi, A. 1986: Varianti grafiche negli antroponimi di Ebla. *Vicino Oriente* 6, 243–248.

Archi, A. 1987a: Gifts for a princess. *Eblaitica* 1, 115–124.

Archi, A. 1987b: Les titres de EN et LUGAL à Ebla et des cadeaux pour le roi de Kish. *Mari: annales de recherches interdisciplinaires* 5, 37–52.

Archi, A. 1987c: More on Ebla and Kish. *Eblaitica* 1, 125–140.

Archi, A. 1987d: Reflections on the system of weights from Ebla. *Eblaitica* 1, 47–89.

Archi, A. 1990: Tuttul-sur-Baliḫ à l'âge d'Ebla. In: Ö. Tunca (éd.), *De la Babylonie à la Syrie en passant par Mari. Mélanges offerts à Monsieur J.-R. Kupper à l'occasion de son 70e anniversaire*. Liège, 197–207.

Archi, A. 1993: Trade and administrative practice: the case of Ebla. *Altorientalische Forschungen* 20/1, 43–58.

Archi, A. 1998: The regional state of Nagar according to the texts of Ebla. In: M. Lebeau (ed.), *About Subartu. Studies Devoted to Upper Mesopotamia*. Vol. II: *Culture, Society, Image*. (Subartu, 4/2). Turnhout, 1–15.

Archi, A. 2000: Minima eblaitica 15: sikil 'pure; to purify; cleansing'. *Nouvelles assyriologiques brèves et utilitaires* 4, 74–75.

Archi, A. 2009: SA.ZA$_x$[ki]. *Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie*. Bd. 12/1–2. Berlin–New York, 108–110.

Archi, A. 2014: La situation géopolitique de la Syrie avant l'expansion d'Akkad. In: P. Butterlin, J.-C. Margueron, B. Muller, M. Al-Maqdissi, D. Beyer, A. Cavigneaux (éds.), *Mari, ni Est, ni Ouest: actes du colloque « Mari, ni Est ni Ouest » tenu les 20–22 octobre 2010 à Damas, Syrie*. Beyrouth, 161–171.

Archi, A. 2015: The chronology of Ebla and the synchronisms with Abarsal, Tuttul, Nagar and Nabada, Mari, Kish. In: W. Sallaberger, I. Schrakamp (eds.), *Associated Regional Chronologies for the Ancient Near East and the Eastern Mediterranean*. Vol. III: *History and Philology*. Turnhout, 163–179.

Archi, A. 2018: *Administrative Texts: Allotments of Clothing for the Palace Personnel* (*Archive L.2769*). (ARET, 20). Wiesbaden.

Archi, A. 2019: The defeat of Mari and the fall of Ebla (EB IVA). Focusing on the philological data. *Orientalia* 88/2, 141–190.

Archi, A. 2021: Ebla: how many years? *Nouvelles assyriologiques brèves et utilitaires* 1, 1–4.

Archi, A., Biga, M.-G. 1982: *Testi amministrativi di vario contenuto (Archivio L.2769: TM.75.G.3000–4101)*. (ARET, 3). Roma.

Archi, A., Biga, M.-G. 2003: A victory over Mari and the fall of Ebla. *Journal of Cuneiform Studies* 55, 1–44.

Arkhipov, I., Kalinin, M., Loesov, S. 2021: A historical overview of Akkadian morphosyntax. In: J.-P. Vita (ed.), *History of the Akkadian Language*. Vol. I. Leiden–Boston, 228–365.

Aruz, J. (ed.) 2003: *Art of the First Cities: The Third Millennium B.C. From the Mediterranean to the Indus*. New York–New Haven–London.

[201] Archi, Biga 2003, 20.

Ascalone, E., Peyronel, L. 2000: The Eblaite metrology in the Middle Bronze Age: archaeological context and distributive analysis of weights. In: L. Milano, S. de Martino, F.M. Fales, G.B. Lanfranchi (eds.), *Landscapes. Territories, Frontiers and Horizons in the Ancient Near East. Papers presented to the XLIV Rencontre Assyriologique Internationale, Venezia, 7–1 July 1997.* Pt. III. *Landscape in Ideology, Religion, Literature and Art*. Padova, 115–132.

Astour, M.C. 1988: Toponymy of Ebla and ethnohistory of Northern Syria: a preliminary survey. *Journal of the American Oriental Society* 108/4, 545–555.

Attinger, P. 2021: *Glossaire sumérien-français principalement des textes littéraires paléobabyloniens*. Wiesbaden.

Bartash, V. 2020: The Early Dynastic Near East. In: K. Radner, N. Moeller, D.T. Potts (eds.), *The Oxford History of the Ancient Near East*. Vol. I: *From the Beginnings to Old Kingdom Egypt and the Dynasty of Akkad*. Oxford, 531–611.

Biga, M.-G. 2002: Les foires d'après les archives d'Ébla. In: D. Charpin, J.-M. Durand (éds.), *Recueil d'études à la mémoire d'André Parrot*. Paris, 277–288.

Blaschke, T. 2018: *Euphrat und Tigris im Alten Orient*. Wiesbaden.

Bonechi, M. 1993: *I nomi geografici dei testi di Ebla*. Wiesbaden.

Bonechi, M. 1999: Studies on the architectonic and topographic terms in the Ebla texts, I. *Die Welt des Orients* 30, 21–34.

Bonechi, M. 2020: Data and problems concerning the intercalary month in the Ebla Palace G texts (with special focus on MEE 2 39 and 40). In: W. Sommerfeld (ed.), *Dealing with Antiquity: Past, Present, Future. RAI Marburg*. Münster, 101–164.

Bonechi, M., Catagnoti, A. 2020: Structure and vocabulary of the Ebla List with Body Parts (MEE 3, 68, 70, 71). In: I. Arkhipov, L. Kogan, N. Koslova (eds.), *The Third Millennium: Studies in Early Mesopotamia and Syria in Honor of Walter Sommerfeld and Manfred Krebernik*. (Cuneiform Monographs, 50). Leiden, 147–208.

Brunke, H. 2011: *Essen in Sumer*. München.

Catagnoti, A. 2012: *La grammatica della lingua di Ebla*. Firenze.

Catagnoti, A. 2013: *La paleografia dei testi dell'amministrazione e della cancelleria di Ebla*. (Quaderni di Semitistica, 30). Firenze.

Catagnoti, A. 2014: Il lessico dei vegetali ad Ebla: terebinto e ginepro. In: A. Bausi, A. Gori, G. Lusini (eds.), *Linguistic, Oriental and Ethiopian Studies in Memory of Paolo Marrassini*. Wiesbaden, 225–242.

Catagnoti, A., Fronzaroli, P. 2010: *Testi di cancelleria: il re e i funzionari,* I. *(Archivo L.2769)*. (ARET, 16). Roma.

Catagnoti, A., Fronzaroli, P. 2020: *Testi di cancelleria: il re e i funzionari,* II. *(Archivio L.2875)*. (ARET, 18). Roma.

Chambon, G. 2006: Weights in the documentation from Mari: the issue of the norm. In: M.E. Alberti, E. Ascalone, L. Peyronel (eds.), *Weights in Context: Bronze Age Weighing Systems of the Eastern Mediterranean: Chronology, Typology, Material and Archaeological Contexts.* Rome, 185–202.

Charpin, D. 1987: Tablettes présargoniques de Mari. *Mari: annales de recherches interdisciplinaires* 5, 65–127.

Charpin, D. 1992: Les malheurs d'un scribe, ou de l'inutilité du sumérien loin de Nippur. In: M. de J. Ellis (éd.), *Nippur at the Centennial. Papers Read at the 35e Rencontre Assyriologique Internationale, Philadelphia, 1988*. Philadelphia, 7–27.

Civil, M. 2008: *The Early Dynastic Practical Vocabulary A (Archaic ḪAR-ra A)*. Roma.

Conti, G. 1988: Osservazioni sulla sezione KA della lista lessicale bilingue eblaita. In: P. Fronzaroli (ed.), *Miscellanea Eblaitica 1*, Firenze, 35–77.

Conti, G. 1990: *Il sillabario della quarta fonte della lista lessicale bilingue eblaita*. Firenze.

Couto Ferreira, E. 2009: *Etnoanatomía y partonomía del cuerpo humano en sumerio y en acadio. El léxico Ugu-mu*. PhD thesis. Barcelona.

D'Agostino, F. 1996: *Testi amministrativi di Ebla. Archivio L.2769*. (MEE, 7). Roma.

de Maaijer, R. 2001: Late third millennium identifying marks. In: W.H. van Soldt (ed.), *Veenhof Anniversary Volume*. Leiden, 301–324.

Dietrich, M., Loretz, O. 1990: *Mantik in Ugarit*: *Keilalphabetische Texte der Opferschau – Omensammlungen – Nekromantie*. Münster.

Edzard, D.O. 1968: *Sumerische Rechtsurkunden des III. Jahrtausends aus der Zeit vor der III. Dynastie von Ur*. München.
Foxvog, D. 1995: Sumerian brands and branding irons. *Zeitschrift für Assyriologie* 85, 1–7.
Fronzaroli, P. 1984–1986: Semitic place names of Syria in the Ebla texts. *Orientalia Suecana* 33–35, 139–148.
Fronzaroli, P. 1993: *Testi rituali della regalità (Archivo L. 2769)*. (ARET, 11). Roma.
Fronzaroli, P. 2003: *Testi di cancelleria: i rapporti con le città (Archivo L. 2769)*. (ARET, 13). Roma.
Fronzaroli, P. 2014: Thus spake the man of Mari (ARET XIII 15 v. I 4–8, III 13–17). Scribal schools and chancery language in the Ebla texts. In: A. Bausi, A. Gori, G. Lusini (eds.), *Linguistic, Oriental and Ethiopian Studies in Memory of Paolo Marrassini*. Wiesbaden, 417–444.
Gelb, I., Steinkeller, P., Whiting, R.M. 1991: *Earliest Land Tenure Systems in the Near East: Ancient Kudurrus*. Chicago.
Harris, R. 1975: *Ancient Sippar. A Demographic Study of an Old-Babylonian City (1894–1595 B.C.)*. Leiden.
Huehnergard, J. 2008: *Ugaritic Vocabulary in Syllabic Transcription*. 2nd ed. Winona Lake.
Ismail, F., Sallaberger, W., Talon, Ph., van Lerberghe, K. 1996: *Administrative Documents from Tell Beydar (Seasons 1993–1995)*. (Subartu, 2). Turnhout.
Kienast, B. 1984: Nomina mit *t*-Präfix und *t*-Infix in der Sprache von Ebla und ihre semitischen Äquivalente. In: L. Cagni (ed.), *Il bilinguismo a Ebla. Atti del convegno internazionale (Napoli, 19–22 aprile 1982)*. Napoli, 225–255.
Kogan, L. 2015: *Genealogical Classification of Semitic*. Boston–Berlin.
Kogan, L., Krebernik, M. 2021a: A history of the Akkadian lexicon. In: J.-P. Vita (ed.), *History of the Akkadian Language*. Vol. I. Leiden–Boston, 366–476.
Kogan, L., Krebernik, M. 2021b: Eblaite. In: J.-P. Vita (ed.), *History of the Akkadian Language*. Vol. I. Leiden–Boston, 664–989.
Kogan, L., Markina, E. 2012: Marginalia Sargonica (I). *Babel und Bibel* 6, 479–485.
Kouwenberg, N.J.C. 2010: *The Akkadian Verb and Its Semitic Background*. Winona Lake.
Kouwenberg, N.J.C. 2017: *A Grammar of Old Assyrian*. Leiden–Boston.
Krebernik, M. 1983: Zu Syllabar und Orthographie der lexikalischen Texte aus Ebla. Teil 2 (Glossar). *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie* 73/1, 1–47.
Krebernik, M. 1984: *Die Beschwörungen aus Fara und Ebla. Untersuchungen zur ältesten keilschriftlichen Beschwörungsliteratur*. Hildesheim.
Krebernik, M. 1988: *Die Personennamen der Ebla-Texte*. Berlin.
Krebernik, M. 2006: Some questions concerning word formation in Akkadian. In: G. Deutscher, N.J.C. Kouwenberg (eds.), *The Akkadian Language in Its Semitic Context. Studies in the Akkadian of the Third and Second Millennium BC*. Leiden, 84–95.
Krebernik, M. 2016: Etymological and historical problems concerning Akkadian *tamkāru* ‘merchant’. *Babel und Bibel* 9, 119–129.
Krecher, J. 1984: Sumerische und nichtsumerische Schicht in der Schriftkultur von Ebla. In: L. Cagni (ed.), *Il bilinguismo a Ebla. Atti del convegno internazionale (Napoli, 19–22 aprile 1982)*. Napoli, 139–166.
Maiocchi, M. 2010: Decorative parts and precious artifacts at Ebla. *Journal of Cuneiform Studies* 62, 1–24.
Milano, L. 1987: Food rations at Ebla: a preliminary account on the ration lists coming from the Ebla palace archive L.2712. *Mari: annales de recherches interdisciplinaires* 5, 499–550.
Milano, L. 1990: *Testi amministrativi: assegnazioni di prodotti alimentari (Archivio L. 2712 – Parte I)*. (ARET, 9). Roma.
Milano, L. 1999: Le dossier éblaïte sur l’affaire de ’Adu. *Eothen* 10, 133–148.
Milano, L. 2003: Les affaires de Monsieur Gîda-na‘im. In: P. Marassini (ed.), *Semitic and Assyriological Studies Presented to Pelio Fronzaroli by Pupils and Colleagues*. Wiesbaden, 411–429.
Molina, M. 1991: Tablillas sargónicas del Museo de Montserrat, Barcelona. *Aula Orientalis* 9/1–2, 137–153.
Müller, H.-P. 1984: Neue Erwägungen zum eblaitischen Verbalsystem. In: L. Cagni (ed.), *Il bilinguismo a Ebla. Atti del convegno internazionale (Napoli, 19–22 aprile 1982)*. Napoli, 167–204.
Pagan, J. M. 1998. *A Morphological and Lexical Study of Personal Names in the Ebla Texts*. Roma.
Pappi, C. 2014: Tuttul. A. Philologisch. In: *Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie*. Bd. 14/3–4. Berlin–New York, 233–236.

Pardee, D. 2003: Ugaritic birth omens. In: W. Hallo, K. Lawson Younger, Jr. (eds.), *The Context of Scripture*. Vol. I. Leiden–Boston, 287–289.
Pasquali, J. 1997: La terminologia semitica dei tessili nei testi di Ebla. In: P. Fronzaroli (ed.), *Miscellanea Eblaitica*. Vol. 4. Firenze, 217–270.
Pasquali, J. 2005. *Il lessico dell'artigianato nei testi di Ebla*. Firenze.
Pennacchietti, F. 1984: Modi e forme del sintagma genitivale in semitico a partire dai testi di Ebla fino ai giorni nostri. In: L. Cagni (ed.), *Il bilinguismo a Ebla. Atti del convegno internazionale (Napoli, 19–22 aprile 1982)*. Napoli, 267–293.
Pettinato, G., Matthiae, P. 1976: Aspetti amministrativi e topografici di Ebla nel III millennio av. cr. *Rivista degli studi orientali* 50/1–2, 1–30.
Pomponio, F. 1990: Exit Kiš dagli orizzonti di Ebla. *Mesopotamia* 25, 175–184.
Pomponio, F. 2013: Further considerations on KIŠ^{ki} in the Ebla texts. *Revue d'Assyriologie* 107, 71–83.
Pomponio, F., Xella, P. 1984: Ricerche di lessico Eblaita. I. *Archiv für Orientforschung* 31, 25–31.
Rainey, A.F. 1996: *Canaanite in the Amarna Tablets. A Linguistic Analysis of the Mixed Dialect Used by the Scribes from Canaan*. Vol. I–IV. Leiden–New York–Cologne.
Sallaberger, W. 1996: *Der babylonische Töpfer und seine Gefäße*. Ghent.
Sallaberger, W. 2005: The Sumerian verb na de$_5$(-g) 'to clear'. In: Y. Sefati, P. Artzi, C. Cohen, B.L. Eichler, V.A. Hurowitz (eds.), *"An Experienced Scribe Who Neglects Nothing". Ancient Near Eastern Studies in Honor of Jacob Klein*. Bethesda, 229–253.
Sallaberger, W. 2008: Rechtsbrüche in Handel, Diplomatie und Kult. Ein Memorandum aus Ebla über Verfehlungen Maris (ARET 13, 15). *Kaskal: rivista di storia, ambiente e culture del Vicino Oriente Antico* 5, 93–110.
Steinkeller, P. 1984: The Eblaite preposition *qidimay* 'before'. *Oriens Antiquus* 23, 33–37.
Steinkeller, P. 1993: Observations on the Sumerian personal names in Ebla sources and on the onomasticon of Mari and Kish. In: M. Cohen, D. Snell, D. Weisberg (eds.), *The Tablet and the Scroll: Near Eastern Studies in Honor of William W. Hallo*. Bethesda, 236–245.
Steinkeller, P. 2021: International trade in Greater Mesopotamia during late pre-Sargonic times. The case of Ebla as illustrated by her participation in the Euphratean timber trade. In: L. Rahmdorf, G. Barjamovic, N. Ialongo (eds.), *Merchants, Measures and Money. Understanding Technologies of Early Trade in a Comparative Perspective*. Kiel, 173–197.
Stol, M. 2015: King Samsu-iluna's financial problems. A new text. *Anatolica* 41, 23–35.
Szarzyńska, K. 1992: Names of temples in the archaic texts from Uruk. *Acta Sumerologica* 14, 269–287.
Tonietti, M.V. 2013: *Aspetti del sistema preposizionale dell'eblaita*. Venezia.
Tropper, J. 2012: *Ugaritische Grammatik*. 2. Aufl. Münster.
Waetzoldt, H., 1984. 'Diplomaten', Boten, Kaufleute und Verwandtes in Ebla. In: L. Cagni (ed.), *Il bilinguismo a Ebla. Atti del convegno internazionale (Napoli, 19–22 aprile 1982)*. Napoli, 405–437.
Wasserman, N. 2012: *Most Probably. Epistemic Modality in Old Babylonian*. Winona Lake.
Wilcke, C. 2003: *Early Ancient Near Eastern Law. A History of Its Beginnings. The Early Dynastic and Sargonic Periods*. München.
Woods, C. 2007: The paleography and values of the sign KIB. In: M.T. Roth, W. Farber, M.W. Stolper, P von Bechtolsheim (eds.), *Studies Presented to Robert D. Biggs, June 4, 2004*. (Assyriological Studies, 27). Chicago, 325–341.
Zaccagnini, C. 1984: The terminology of weight measures for wool at Ebla. In: P. Fronzaroli (ed.), *Studies on the Language of Ebla*. Firenze, 189–204.
Zarins, J. 2014: *The Domestication of Equidae in Third-Millennium BCE Mesopotamia*. Bethesda.

Сокращения / Abbreviations

AHw.	–	Soden, W. von. *Akkadisches Handwörterbuch*. Wiesbaden, 1965–1981
ARET	–	*Archivi reali di Ebla. Testi*. Roma
ARM	–	*Archives royales de Mari*. Leuven–Paris–Walpole–Bristol
BBVOT	–	*Berliner Beiträge zum Vorderen Orient. Texte*. Berlin

BDHP	–	Waterman, L. *Business Documents of the Hammurapi Period from the British Museum*. London, 1916
BE	–	*The Babylonian Expedition of the University of Pennsylvania. Series A: Cuneiform Texts*. Philadelphia
CDG	–	Leslau, W. *Comparative Dictionary of Geʿez (Classical Ethiopic)*. Wiesbaden, 1987
CUSAS	–	*Cornell University Studies in Assyriology and Sumerology*. Bethesda
DRS	–	Cohen, D. *Dictionnaire des racines sémitiques*. La Haye, 1976
EA	–	Knudtzon, J.A. *Die El-Amarna-Tafeln*. Leipzig, 1907–1915
EDA I	–	Kogan, L., Krebernik, M. *Etymological Dictionary of Akkadian*. Vol. I: *Roots beginning with P and B*. In collaboration with O. Linkohr, R. Nurullin and O.I. Sęk. Boston–Berlin, 2020
EV	–	Estratti di vocabulari [di Ebla]. In: Pettinato, G. *Testi lessicali bilingui della biblioteca L.2769*. (MEE, 4). Napoli, 1982, 346–381
HSS	–	*Harvard Semitic Series*. Cambridge (MA)
ITT	–	Thureau-Dangin, F., de Genouillac, H., Delaporte, L. *Inventaire des tablettes de Tello, conservées au Musée Impérial Ottoman*. Paris, 1910–1921
Lane	–	Lane, E.W. *Arabic-English Lexicon*. London, 1867
LS	–	Leslau, W. *Lexique Soqoṭri (Sudarabique moderne) avec comparaisons et explications étymologiques*. Paris, 1938
MAD	–	*Materials for the Assyrian Dictionary*. Chicago
MEE	–	*Materiali epigrafici di Ebla*. Roma
MSL	–	*Materialien zum sumerischen Lexikon/Materials for the Sumerian Lexicon*. Roma
NG	–	nomen geographicum (географическое название)
NP	–	nomen personae (личное имя)
PSD	–	*The Sumerian Dictionary of the University Museum of the University of Pennsylvania*. Philadelphia
RIME	–	*The Royal Inscriptions of Mesopotamia. Early Periods*. Vol. 1–4. Toronto–Buffalo–London, 1990–2008
TM	–	Tell Mardikh (сигль клинописных табличек из Эблы)
VE	–	Vocabulario di Ebla (Pettinato, G. *Testi lessicali bilingui della biblioteca L.2769*. (MEE, 4). Napoli, 1982, 115–343)
VS	–	*Vorderasiatische Schriftdenkmäler der Staatlichen Museen zu Berlin*. Berlin
WF	–	Deimel, A. *Wirtschaftstexte aus Fara*. Leipzig, 1924

Ilya S. Arkhipov,
E-mail: arkhipoff@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2743-8876

Leonid E. Kogan,
E-mail: lkogan@hse.ru
ORCID: 0000-0002-1195-6636

Ekaterina V. Markina,
E-mail: emarkina@hse.ru
ORCID: 0000-0003-1795-9843

HSE University, Moscow, Russia

Acknowledgements: Russian Foundation for Basic Research, project no. 20-012-00577

И.С. Архипов,
к.и.н., доцент

Л.Е. Коган,
д. филол. н., профессор

Е.В. Маркина,
старший преподаватель

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В «ВЕСТНИКЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ» В 2022 ГОДУ

	№	Стр.
Bowe G.S. (Istanbul, Turkey) – Anaxagoras and Plato: From Natural Science to Socratic Humanism	3	566
Bresson A. (Chicago, USA), *Fagan E.* (Richmond, USA) – The Greek Inscription from Garni (Armenia) and King Tiridates the Great. Part I. *Prolegomena*	3	597
Bresson A. (Chicago, USA), *Fagan E.* (Richmond, USA) – The Greek Inscription from Garni (Armenia) and King Tiridates the Great. Part II	4	899
Juhel P.O. (Bondy, France) – Le moment du doublement de la profondeur de la phalange hoplitique	1	44
Velázquez I. (Madrid, Spain) – Personal Names on Visigothic Slate Tablets	2	392
Witczak K.T. (Łódź, Poland) – Reflections on the Thracian Sea-Nymph Aba	1	32
Абдуллаев К. (Стамбул, Турция) – Об одном спорном сюжете в росписях Фаязтепа в Северной Бактрии: персонаж в «двурогой короне»	1	76
Барышников А.Е. (Нижний Новгород) – Города юго-востока римской Британии: империализм, традиции и особенности урбанизации	1	101
Богданов И.В. (Санкт-Петербург) – Отношения Дельты с Ханааном в конце Древнего царства (по данным эпиграфики архитрава из Ком эль-Ахдар)	4	823
Богданов И.В. (Санкт-Петербург) – Семья египетского сановника из Бусириса конца Древнего царства	3	541
Богданов И.В. (Санкт-Петербург) – Теологическая антитеза «начало богов, возникающий впоследствии» в позднеегипетских текстах (тексты 1–8)	1	5
Войтенко А.А. (Москва) – Культ монаха Пафнутия в позднеантичном Египте	3	658
Воронятов С.В. (Санкт-Петербург) – Сарматская жизнь греческой фиалы с посвящением Аполлону Предводителю	2	369
Гаджиев М.С. (Махачкала) – Религиозная жизнь в Кавказской Албании: христианство vs зороастризм	3	672
Дымская Д.Д. (Санкт-Петербург) – Антоний Гибрида: политическая карьера до заговора Катилины	2	346
Короленков А.В. (Москва) – Об империи Помпея в 77 г. до н.э. и обстоятельствах его получения	1	63
Короленков А.В. (Москва), *Хрусталёв В.К.* (Санкт-Петербург) – Консульские выборы 82 г. до н.э.	2	360
Куртик Г.Е. (Москва) – «Астролябии» – звездные календари в древней Месопотамии	4	793
Малых С.Е. (Москва) – «Тайники бальзамировщиков» в Восточной Гизе: к истории вторичного использования древнеегипетских гробничных комплексов эпохи Древнего царства в I тыс. до н.э.	2	281
Маркина Е.В. (Москва) – Саргоновские письма из Гасура	2	261
Марков К.В., Махлаюк А.В. (Нижний Новгород) – *Studia Dionea novissima*: Historical Narrative, Interpretations of the Past and Political Contexts of Cassius Dio's "Roman History". Part I	3	639
Марков К.В., Махлаюк А.В. (Нижний Новгород) – *Studia Dionea novissima*: Historical Narrative, Interpretations of the Past and Political Contexts of Cassius Dio's "Roman History". Part II	4	869

Мирошниченко Е.И. (Санкт-Петербург) – «Эллины» императора Юлиана: проблема культурной самоидентичности в среде позднеантичных интеллектуалов..... 1 117

Нефёдкин А.К. (Белгород) – Ясон Фессалиец – изобретатель ромбовидного строя конницы?..... 1 54

Никольский Б.М. (Москва) – Амфитей в «Ахарнянах» Аристофана..... 2 319

Никольский Б.М. (Ереван, Лион) – Папирус *P. Oxy.* 2180 и текст «Царя Эдипа» Софокла. Часть 1. Верные чтения..... 4 840

Печатнова Л.Г. (Санкт-Петербург) – Геродот о процедуре погребения спартанских царей..... 3 580

Суриков И.Е. (Москва) – Гелланик и Андокид..... 2 303

Тейтельбаум Е.Г. (Казань) – Взгляды Полибия на тактику: проблема традиций и инноваций..... 2 329

Усов Д.А. (Москва) – Lex и ius в дискурсе Проперция и Овидия: принципат Августа как военизированное царство Миноса..... 3 623

Филянов Н.А. (Москва) – Defectio Fregellana: о реакции сената на «фрегелланский казус» в 125/124 гг. до н.э. 4 856

ПУБЛИКАЦИИ

Абрамзон М.Г. (Москва/Магнитогорск), *Карпов Д.А.* (Саратов), *Колесников А.Б.* (Москва) – Клад бронзовых монет времени Митридата VI с поселения Вышестеблиевская 3 на Таманском полуостров..... 1 150

Абрамзон М.Г. (Москва/Магнитогорск), *Остапенко С.Н.* (Сенной), *Сурков А.В.*(Ростов-на-Дону) – Клад боспорских сестерциев I–II вв. н.э. из Прикубанья (2021 г.)..... 3 700

Балахванцев А.С., Коган Л.Е., Лявданский А.К. (Москва), *Тункина И.В.* (Санкт-Петербург) – An Unpublished North West Semitic Inscription from the Collection of the Russian Archaeological Institute in Constantinople..... 4 911

Завойкина Н.В. (Москва), *Новичихин А.М.* (Анапа) – Надписи из раскопок в пригороде античной Горгиппии..... 1 133

Лурье П.Б. (Санкт-Петербург) – Надпись на фляге из кургана Темир..... 2 440

Сиротин С.В. (Москва) – Кочевническое погребение с вьючной флягой из Южного Приуралья..... 2 411

Трейстер М.Ю. (Бонн, ФРГ) – Керамическая вьючная фляга из раннекочевнического погребения в кургане Темир в Южном Зауралье 2 419

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

*Васильева О.А., Малых С.Е., Томашевич О.*В. (Москва) – Бэс-воин. Египетские терракотовые статуэтки из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина 2 446

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Кириллова М.Н. (Москва) – История самой известной статьи С.А. Жебелёва, рассказанная ее автором. Послесловие к статье «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре»..... 2 473

Клюев А.И., Метель О.В. (Омск) – «В своей научной работе А.В. Мишулин обычно избегает проторенных путей...»: отзыв А.Б. Рановича о докторской диссертации А.В. Мишулина..... 4 941

Ладынин И.А. (Москва) – В.В. Струве и Государственная академия истории материальной культуры в 1932–1933 гг. (по материалам рукописного отдела научного архива ИИМК РАН)..... 3 715

Лебедев М.А. (Москва) – Малоизвестная страница в истории египтологии: русские эмигранты в иностранных экспедициях в Египте (В.В. Стрекаловский, А.В. Флоров и Н. Мельников)..... 1 162

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Александров Б.Е. (Москва) – D. Schwemer, A. Süel. The Akkadian and Sumerian Texts from Ortaköy-Šapinuwa / Ortaköy-Šapinuwa'dan Akadca ve Sümerce Metinler. (Documenta Antiqua Asiae Minoris, 2). Wiesbaden, 2021..... 4 983

Данилочкина К.С. (Москва) – D. J. Breeze, W. S. Hanson (eds.). The Antonine Wall: Papers in Honour of Professor Lawrence Keppie. Oxford, 2020 ..... 1 195

Ковалев А.С. (Москва) – K. Sessa. Daily Life in Late Antiquity. Cambridge, 2018..... 2 491

Короленков А.В. (Москва) – H. Mouritsen. Politics in the Roman Republic. Cambridge–New York, 2017..... 4 977

Кузьмин Ю.Н. (Самара) – M. B. Hatzopoulos. Ancient Macedonia. Berlin–Boston, 2020..... 2 485

Паршуто В.А. (Санкт-Петербург) – Две новые публикации по археологии Афганистана. R. Allchin, W. Ball, N. Hammond (eds.). The Archaeology of Afghanistan. New ed. Edinburgh, 2019; Archaeological Gazetteer of Afghanistan. Revised ed. Oxford, 2019..... 1 184

Синицын А.А. (Санкт-Петербург), *Суриков И.Е.* (Москва) – T. Figueira, C. Soares (eds.). Ethnicity and Identity in Herodotus. London–New York, 2020..... 4 968

Суриков И.Е. (Москва) – M. Gagarin. Democratic Law in Classical Athens. Austin, 2020..... 1 205

Суриков И.Е., Габелко О.Л. (Москва) – T. Russell. Byzantium and the Bosporus: A Historical Study, from the Seventh Century BC until the Foundation of Constantinople. Oxford, 2017..... 3 741

Хрусталев В.К. (Москва, Псков) – Л.Л. Кофанов. Система римского публичного права эпохи Республики и Принципата. Москва, 2020..... 4 958

Ширвиндт А.М. (Москва) – D. Mantovani. *Legum multitudo*. Die Bedeutung der Gesetze im römischen Privatrecht. Berlin, 2018 ..... 3 736

PERSONALIA

Безруков А.В., Попов М.В. (Магнитогорск) – К юбилею Михаила Григорьевича Абрамзона..... 2 496

К юбилею Николая Николаевича Казанского 3 751

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Андреева Е.Н., Елисеева Л.Г., Кириллова М.Н., Ляпустина Е.В., Соломатина Е.И. (Москва) – Международная научная конференция Российской ассоциации антиковедов «Историк и текст» (Москва, 20–21 декабря 2021 г.)..... 4 992

Антонец Е.В. (Москва) – XXI коллоквиум Международного комитета по латинской палеографии (Флоренция, 19–21 февраля 2020 г.) 1 217

Большаков А.О. (Санкт-Петербург) – Египтологии 200 лет..... 4 990

Карпюк С.Г. (Москва) – Круглый стол «“Пускай нам общим памятником будет...”: наследие Александра Васильевича Мишулина (1901–1948)» (Москва, 5 апреля 2021 г.)..... 1 223

Карпюк С.Г. (Москва) – Международный круглый стол «Рецепция античности, но не только» (Москва, 29 июня 2021 г.) 2 502

Карпюк С.Г. (Москва) – Международная научная конференция «Советская древность – VII» (Москва, 25–26 ноября 2021 г.)..... 3 758

Климов О.Ю., Кулишова О.В., Пантелеев А.Д., Жестоканов С.М. (Санкт-Петербург) – XXIII Жебелёвские чтения в Санкт-Петербургском государственном университете (Санкт-Петербург, 27–29 октября 2021 г.) 2 504

Солопов А.И. (Москва) – Международная научная конференция «Классическая филология в контексте мировой культуры – XIII. Научные чтения, посвящённые 265-летию Московского университета» (Москва, 11–12 декабря 2020 г.)..... 1 213

Солопов А.И., Антонец Е.В. (Москва) – Всероссийская научная конференция «Классическая филология в контексте мировой культуры – XIV. Научные чтения, посвященные памяти профессора Дмитрия Евгеньевича Афиногенова (28.08.1965–28.08.2021)» (Москва, 10–11 декабря 2021 г.)..... 3 753

Синицын А.А. (Санкт-Петербург), *Светлов Р.*В. (Калининград) – Антиковедческие концепции и рецепции античности. Научный семинар памяти профессора Е.А. Чиглинцева (Санкт-Петербург, 29 мая 2021 г.) 2 498

Махлаюк А.В. (Нижний Новгород) – Евгений Александрович Молев (1947–2021)..... 1 227

Рауф Магомедович Мунчаев (1928–2021) 1 225

ПРИЛОЖЕНИЕ

ARET 13, 15: уникальный документ о дипломатических практиках в раннединастической Сирии. Перевод с эблаитского и комментарий *И.С. Архипова, Е.В. Маркиной* и *Л.Е. Когана* 4 1005

Гелланик Лесбосский. Фрагменты. Перевод с древнегреческого и комментарий *И.Е. Сурикова* (Москва) (*начало*) 1 231

Гелланик Лесбосский. Фрагменты. Перевод с древнегреческого и комментарий *И.Е. Сурикова* (Москва) (*продолжение*) 2 512

Гелланик Лесбосский. Фрагменты. Перевод с древнегреческого и комментарий *И.Е. Сурикова* (Москва) (*окончание*) 3 761

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АРАН	–	Архив Российской академии наук, Москва, Россия
ВДИ	–	*Вестник древней истории*. Москва
НА ИРИ РАН	–	Научный архив Института российской истории Российской академии наук, Москва, Россия
BDB	–	Brown, F. Driver, S.R., Briggs, Ch.A. *A Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament*. Oxford, 1906
BM	–	сигль клинописных табличек в собрании Британского музея
DNWSI	–	Hoftijzer, J., Jongeling, K. *Dictionary of the North-West Semitic Inscriptions*. Leiden, 1995
CAD	–	*The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute, the University of Chicago*. Chicago, 1956–2010
CDD	–	Johnson, J.H. (ed.), *The Demotic Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*. Chicago, 2001
CG	–	*Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire*. Le Caire
CIL	–	*Corpus inscriptionum latinarum*. Berolini
CT	–	*Cuneiform Texts from Babylonian Tablets in the British Museum*. London
DUL	–	del Olmo Lete, G. Sanmartín, J. *A Dictionary of the Ugaritic Language in the Alphabetic Tradition*. Leiden, 2003. 3rd revised ed. Leiden, 2015
Esna VII	–	Sauneron, S. *Le temple d'Esna*. T. VII. *Texts (nos. 547–646)*. Textes édités par J. Hallof. Réédition. Le Caire, 2009
HALOT	–	Koehler, L., Baumgartner, W., Stamm, J.J. *The Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament*. Leiden, 1994–2000
HS	–	сигль клинописных табличек в Хильпрехтовской коллекции (Йена)
ILS	–	Dessau, H., *Inscriptiones Latinae Selectae*. T. I–V. Berolini, 1892–1916
JWIS II–IV	–	Jansen-Winkeln, K. *Inschriften der Spätzeit*. Teil II. *Die 22.–24. Dynastie*. Wiesbaden, 2007; Teil III. *Die 25. Dynastie*. Wiesbaden, 2009; Teil IV. *Die 26. Dynastie*. Bd. I–II. Wiesbaden, 2014
K.	–	сигль клинописных табличек из Куюнджика (Ниневии) в собрании Британского музея
KAI	–	Donner, H., Röllig, W. *Kanaanäische und aramäische Inschriften*. 3rd ed. 3 vols. Wiesbaden, 1971
KAV	–	Schroeder, O. *Keilschrifttexte aus Assur verschiedenen Inhalts*. Leipzig, 1920
KRI	–	Kitchen, K.A. (ed.), *Ramesside Inscriptions: Historical and Biographical*. Vol. I–VIII. Oxford, 1969–1990
KTU	–	Dietrich, M., Loretz, O., Sanmartín, J. (eds.), *The Cuneiform Alphabetic Texts from Ugarit, Ras Ibn Hani and Other Places* (= *Die keilalphabetischen Texte aus Ugarit, Ras Ibn Hani und anderen Orten*). 3rd ed. Münster, 2013
KUB	–	*Keilschrifturkunden aus Boghazköi*. Berlin, 1921–1990
LBAT	–	Pinches, T.G., Strassmaier, J.N. (ed.), *Late Babylonian Astronomical and Related Texts*. Providence, 1955
LSJ	–	Liddell, H.G., Scott, R.A., Jones, H.S., *Greek-English Lexion With a Revised Supplement*. Oxford, 1996
MCG	–	Horowitz, W., *Mesopotamian Cosmic Geography*. Winona Lake, 1998
PM III.1	–	Porter, B., Moss, R.B., Malek, J. (eds.), *Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs and Paintings*. Vol. III. *Memphis*. Pt. 1. *Abû Rawâsh to Abûṣîr*. 2nd ed. Oxford, 1974

PN	–	Ranke, H. *Die ägyptischen Personennamen*. Bd.I. *Verzeichnis der Namen*. Glückstadt, 1935; Bd. II. *Einleitung; Form und Inhalt der Namen; Geschichte der Namen; Vergleiche mit anderen Namen; Nachträge und Zusätze zu Band I; Umschreibungslisten*. Glückstadt–Hamburg–New York, 1952
PPG	–	Friedrich, J., Röllig, W., Amadasi Guzzo, M.G. *Phönizisch-punische Grammatik*. Rome, 1999
Pyr.	–	Sethe, K. *Die altägyptischen Pyramidentexte*. Bd. I–IV. Leipzig, 1908–1922; Allen, J.P. *A New Concordance of the Pyramid Texts*. Vol. I–VI. Providence, 2013
RITAN I	–	Kitchen, K.A. *Ramesside Inscriptions, Translated and Annotated: Notes and Comments*. Vol. I. *Ramesses I, Sethos I and Contemporaries*. Oxford–Cambridge (Mass.), 1993
Sm.	–	сигль клинописных табличек из Куюнджика (Ниневии) в собрании Британского музея (раскопки Дж. Смита)
TCL	–	*Textes cunéiformes. Musée du Louvre*. Paris
Urk. I	–	Sethe, K. (Hrsg.), *Urkunden des Alten Reiches*. 2. Aufl. (Urkunden des ägyptischen Altertums, 1. Abteilung, 1). Leipzig, 1932–1933
Urk. IV	–	Sethe, K. *Urkunden der 18. Dynastie*. Hefte 1–16. Leipzig, 1906–1909; Helck, W. *Urkunden der 18. Dynastie*. Hefte 17–22. Berlin, 1955–1958
VAT	–	сигль клинописных табличек в собрании Переднеазиатского музея (Берлин)
VS	–	*Vorderasiatische Schriftdenkmäler der Staatlichen Museen zu Berlin*. Berlin
Wb.	–	Erman, A., Grapow, H. (Hrsg.), *Wörterbuch der ägyptischen Sprache*. Bd. I–V. 4. Aufl. Berlin, 1982

СОДЕРЖАНИЕ

Куртик Г.Е. (Москва) – «Астролябии» – звездные календари в древней Месопотамии 793
Богданов И.В. (Санкт-Петербург) – Отношения Дельты с Ханааном в конце Древнего царства (по данным эпиграфики архитрава из Ком эль-Ахдар) 823
Никольский Б.М. (Ереван, Лион) – Папирус *P. Oxy.* 2180 и текст «Царя Эдипа» Софокла. Часть I. Верные чтения 840
Филянов Н.А. (Москва) – Defectio Fregellana: о реакции сената на «фрегелланский казус» в 125/124 гг. до н.э. 856
Марков К.В., Махлаюк А.В. (Нижний Новгород) – *Studia Dionea novissima*: Historical Narrative, Interpretations of the Past and Political Contexts of Cassius Dio's "Roman History". Part II 869
Bresson A. (Chicago, USA), *Fagan E.* (Richmond, USA) – The Greek Inscription from Garni (Armenia) and King Tiridates the Great. Part II 899

ПУБЛИКАЦИИ

Балахванцев А.С., Коган Л.Е., Лявданский А.К. (Москва), *Тункина И.В.* (Санкт-Петербург) – An Unpublished North West Semitic Inscription from the Collection of the Russian Archaeological Institute in Constantinople 911

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Клюев А.И., Метель О.В. (Омск) – «В своей научной работе А.В. Мишулин обычно избегает проторенных путей...»: отзыв А.Б. Рановича о докторской диссертации А.В. Мишулина 941

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Хрусталев В.К. (Москва, Псков) – Л.Л. Кофанов. Система римского публичного права эпохи Республики и Принципата. Москва, 2020 958
Синицын А.А. (Санкт-Петербург), *Суриков И.Е.* (Москва) – T. Figueira, C. Soares (eds.). Ethnicity and Identity in Herodotus. London–New York, 2020 968
Короленков А.В (Москва) – H. Mouritsen. Politics in the Roman Republic. Cambridge–New York, 2017 977
Александров Б.Е. (Москва) – D. Schwemer, A. Süel. The Akkadian and Sumerian Texts from Ortaköy-Šapinuwa / Ortaköy-Šapinuwa'dan Akadca ve Sümerce Metinler. (Documenta Antiqua Asiae Minoris, 2). Wiesbaden, 2021 983

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Большаков А.О. (Санкт-Петербург) – Египтологии 200 лет 990
Андреева Е.Н., Елисеева Л.Г., Кириллова М.Н., Ляпустина Е.В., Соломатина Е.И. (Москва) – Международная научная конференция Российской ассоциации антиковедов «Историк и текст» (Москва, 20–21 декабря 2021 г.) 992

ПРИЛОЖЕНИЕ

ARET 13, 15: уникальный документ о дипломатических практиках в раннединастической Сирии. Перевод и комментарий с эблаитского *И.С. Архипова*, *Л.Е. Когана* и *Е.В. Маркиной* (Москва) 1005

CONTENTS

G.E. Kurtik (Moscow) – Astrolabes, the Star Calendars of Ancient Mesopotamia 793
I.V. Bogdanov (Saint Petersburg) – Relations of the Delta with Canaan at the End of the Old Kingdom (according to the Inscriptions on the Architrave from Kom El-Akhdar) 823
B.M. Nikolsky (Yerevan, Lyon) – *P. Oxy.* 2180 and the Text of Sophocles' *Oedipus Tyrannus*. Part I. Correct Readings 840
N.A. Filyanov (Moscow) – *Defectio Fregellana*: on the Senate's Reaction to the 'Case of Fregellae' in 125/124 BCE 856
K.V. Markov, A.V. Makhlayuk (Nizhny Novgorod) – *Studia Dionea novissima*: Historical Narrative, Interpretations of the Past and Political Contexts of Cassius Dio's "Roman History". Part II 869
A. Bresson (Chicago, USA), *E. Fagan* (Richmond, USA) – The Greek Inscription from Garni (Armenia) and King Tiridates the Great. Part II 899

PUBLICATIONS

A.S. Balakhvantsev, L.E. Kogan, A.K. Lyavdansky (Moscow), *I.V. Tunkina* (Saint Petersburg) – An Unpublished North West Semitic Inscription from the Collection of the Russian Archaeological Institute in Constantinople 911

PAGES OF HISTORIOGRAPHY

A.I. Klyuev, O.V. Metel (Omsk) – "A.V. Mishulin Usually Avoids the Beaten Tracks in His Scientific Work...": A.B. Ranovich's Review of A.V. Mishulin's Doctoral Dissertation 941

CRITICAL AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

V.K. Khrustalev (Moscow, Pskov)– L.L. Kofanov. The System of Roman Public Law during the Republic and Principate. Moscow, 2020..... 958
A.A. Sinitsyn (Saint Petersburg), *I.E. Surikov* (Moscow) – T. Figueira, C. Soares (eds.). Ethnicity and Identity in Herodotus. London – New York, 2020 968
A.V. Korolenkov (Moscow) – H. Mouritsen. Politics in the Roman Republic. Cambridge–New York, 2017 977
B.E. Alexandrov (Moscow) – D. Schwemer, A. Süel. The Akkadian and Sumerian Texts from Ortaköy-Šapinuwa / Ortaköy-Šapinuwa'dan Akadca ve Sümerce Metinler. (Documenta Antiqua Asiae Minoris, 2). Wiesbaden, 2021 983

NEWS AND EVENTS

A.O. Bolshakov (Saint Petersburg) – 200 Years of Egiptology 990
E.N. Andreeva, L.G. Eliseeva, M.N. Kirillova, E.V. Lyapustina, E.I. Solomatina (Moscow) – International Scientific Conference of the Russian Association of Classical Scholars 'Historian and Text' (Moscow, December 20–21, 2021) 992

SUPPLEMENT

ARET 13, 15: A Unique Document about the Diplomatic Practices in Early Dynastic Syria. Translation from Eblaite and Commentary by *I.S. Arkhipov*, *L.E. Kogan* and *E.V. Markina* (Moscow)..... 1005

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- **формирование учебно-методических комплексов**
- **развитие научной периодики**
- **внедрение новых стандартов научной коммуникации**

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- **интеграция науки и образования**
- **модульный характер актуализации гуманитарного знания**
- **сетевое взаимодействие научных и методических центров**

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

БАКАЛАВРИАТ

История

Культурология

Археология

МАГИСТРАТУРА

Модели всемирной истории

Культура массовых коммуникаций

Теория и практика археологических исследований

АСПИРАНТУРА

Исторические науки и археология

Теория и история культуры

Комплексные образовательные программы разработаны специалистами исторического факультета с учетом последних научных достижений и современных общемировых тенденций.

В основе образовательного процесса — передовые технологии обучения, направленные на развитие мышления и творческого потенциала личности, достижение успеха в профессиональной среде. Студенты факультета с первого курса погружаются в мир академической науки, слушают лекции ведущих российских ученых с мировыми именами и сами участвуют в научных мероприятиях. В образовательные программы, помимо обязательных дисциплин, предусмотренных федеральными стандартами, включены уникальные авторские учебные курсы.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Научные сотрудники ведущих институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Преподаватель общается с каждым студентом индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Отдельные лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).